

ЛЮДИ ПРИЗЕМЕЛЬЯ

ЛЮДИ ПРИЗЕМЕЛЬЯ

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

ЛЮДИ ПРИЗЕМЕЛЯ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
М69

Серийное оформление А. Кудрявцева

Составители Д. Байкалов, А. Сеницын

Подписано в печать 19.08.2002. Формат 84х108¹/₃₂
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 7000 экз. Заказ № 2367

Михайлов В.Д.

М69 Люди Приземелья: Сб. рассказов и повестей / В.Д. Михайлов;
Сост. Д. Байкалов, А. Сеницын. — М.: ООО «Издательство
АСТ», 2002. — 684, [4] с. — (Классика отечественной фанта-
стики).

ISBN 5-17-015324-4

Признанный мастер отечественной фантастики...

Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая
необходимость» — и всем своим творчеством доказавший, что литератур-
ные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей
творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испыта-
ние временем, — и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно,
как и много лет назад...

Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче
Михайлове.

Не верите?

Прочитайте — и убедитесь сами!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Д. Михайлов, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

От составителей

Дорогие друзья! Мы рады представить вам в серии «Классика отечественной фантастики» трехтомник Владимира Дмитриевича Михайлова. Прозаик, поэт, журналист, редактор — Михайлов дебютировал в фантастике сорок лет назад повестью «Особая необходимость», напечатанной в журнале «Искатель». Этой публикацией писатель сразу завоевал признание любителей научной фантастики и с тех пор автор не расставался с жанром, в котором успешно продолжает работать и до сих пор, став одним из совсем немногих активно пишущих сейчас фантастов-«шестидесятников». В советские времена многочисленные книги Михайлова — «Люди и корабли» (1967), «Черные журавли» (1967), «Ручей на Япете» (1971), «Исток» (1972), «Дверь с той стороны» (1974), «Сторож брату моему» (1976) и «Тогда придите, и рассудим» (1983) и другие — были малодоступны широкому читателю, так как издавались в основном в рижских издательствах. Поэтому для многих любителей фантастики часть произведений этого трехтомника могут стать настоящим открытием. В трехтомник мы попытались включить наиболее значительные произведения Владимира Дмитриевича, написанные в шестидесятых—восьмидесятых годах, за исключением знаменитого цикла о капитане Ульдемире («Дверь с той стороны», «Сторож брату моему», «Властелин» и др.), неоднократно переиздававшегося в наше время в различных издательствах. Первый том «Люди Приземелья» составят одноименная повесть и повесть «Особая необходимость» (печатавшаяся также под названием «Спутник «Шаг вперед»»), а также рассказы из сборников шестидесятых годов, объединенные космической тематикой. Основой второго тома станет психологический роман «Дверь с той стороны», описывающий мини-

социум звездолета, лишенного возможности вернуться на Землю (в 1999 году вышло продолжение этого романа «Беглецы из ниоткуда»), и рассказы семидесятых годов. Кроме того, во второй том войдут мемуары Михайлова, «Хождение сквозь эры», написанные в конце века. Третий том, «Исток», составят повести семидесятых—восьмидесятых годов, пьеса «Открытие Америки», а также библиография произведений писателя.

Немного об авторе. Владимир Дмитриевич Михайлов родился в Москве, окончил юридический факультет Латвийского университета в Риге, работал в прокуратуре, служил в армии; после демобилизации работал инструктором Елгавского райкома КПЛ, в республиканской печати — в журнале «Дадзис», был главным редактором газеты «Литература унмаксла», литконсультантом СП Латвии, главным редактором журнала «Даугава». Ныне живет в Москве. Лауреат премий «Аэлита», «Палладин фантастики», «Большой Роскон» и др. Кроме вышеупомянутых хорошо известен читателям фантастики такими книгами, как «Полная заправка на Иссоре» (1994), «Восточный конвой» (1996), «Посольский десант» (1996), «Приют ветеранов» (1996), «Заблудившийся во сне» (1997), «Вариант «И» (1997), «Наследники Ассарта» (1998), «Беглецы из ниоткуда» (1999) и др.

Дмитрий Байкалов, Андрей Сеницын

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

1

— Это у нас рассказывали, бывало, по вечерам, — начал Сенцов.

— Да, по вечерам... — со вздохом отозвался Раин.

Вечера были далеко.

Вечера остались там же, где и тень деревьев, прозрачные, бегущие по круглым камешкам ручьи, белые облака и веселые огни городов.

На расстоянии в семьдесят с лишним миллионов километров осталось и многое другое. Все то, что называлось необъятным словом — Земля.

Родная планета должна была, верно, показаться отсюда совсем ничтожной: она давно уже превратилась в звездочку, неотличимую от других. Но наперекор расстоянию, или благодаря ему, — для космонавтов Земля становилась гораздо больше, ближе, — родная до невозможности.

— Так вот, — продолжал Сенцов, сдерживая улыбку и внимательно оглядывая всех прищуренными глазами. — Баранцева вы все, конечно, помните — ну, заведующего сектором астронавигации Института. В плане подготовки намечалось вывести в полет на околоземную орбиту и всех преподавателей — чтобы получше разбирались в психике курсантов. (На лицах космонавтов мелькнули улыбки.) И вот приходит очередь Баранцева...

Сенцов остановился на полуслове.

Звук мягкий и печальный зародился где-то под потолком. Постепенно он усиливался, приобретал остроту, холодной иглой колот уши. Мигнули голубые плафоны. За-

тем звук, словно устав, пошел на убыль и затих на низкой, чуть хрипловатой, ворчливо-жалобной ноте.

— Быть по местам! — скомандовал Сенцов, хотя все и так сидели на своих местах. — Через десять минут — поправка...

...От сильного толчка на мгновение закружилась голова, качнуло в креслах. На экране заднего обзора мелькнули и погасли длинные, безмолвные языки огня.

Сенцов, нагнувшись к укрепленному в центре пульта — прямо перед его креслом — микрофону, нажал клавишу, раздельно продиктовал.

— Двадцать — сорок две... Автоматически выполнен коррекционный поворот. Уточненный курс...

Лаймон Калве, оператор, со своего поста управления молектронным вычислителем уже протягивал командиру ленту. Сенцов, чуть наклонив голову, неторопливо назвал показания интеграторов — цифры трехмерных координат корабля в пространстве.

— Экипаж здоров, механизмы и приборы без нарушений, происшествий нет. Все.

Он выключил микрофон. Повернул свое кресло (среднее из пяти, помещавшихся в выгипе подковообразного пульта) так, чтобы лучше видеть товарищей.

Космонавты сидели молча — неподвижные, сумрачные. Казалось, привычная сирена вдруг отняла у них веселость и заставила забыть то, о чем начал было рассказывать Сенцов, и задуматься о чем-то своем — тайном, о чем не говорят вслух. Надо было улыбнуться, и Сенцов улыбнулся. Но глаза его смотрели серьезно и испытующе.

Высокий, широкоплечий Калве, новичок в космосе и человек явно «некосмических габаритов», как шутили товарищи, сидел, погрузившись в размышления, машинально поглаживая рукой редеющие волосы. Он казался глыбой, позастававшей спокойствие и невозмутимость у своих счетно-решающих устройств, и вряд ли кто-нибудь, кроме командира, догадывался о той затянувшейся болезни — боязни пространства, которая все еще мучила Калве. Ничего, Лаймон не подведет.

Рядом с ним откинулся в кресле Раин. Глаза его были полузакрыты, и всем своим отрешенным видом он словно бы давал понять: меня занимает вовсе не предстоящее, а лишь некоторые особенности отражения от поверхности Марса, подмеченные при наблюдении именно отсюда, с от-

носителю небольшого расстояния, из пространства, где нет атмосферных помех. И, собственно, какие могут быть основания сомневаться в моем спокойствии?

Маленький, худой — известный астроном и одновременно штурман или, как теперь говорили, астронавигатор экспедиции, Раин на первый взгляд казался слабым и каким-то чуждым этой тесной рубке, где техника, техника, техника окружала его со всех сторон. Но Сенцов не первый рейс уже провел с Раиным (правда, то были лунные рейсы, но это дела не меняло) и знал, что на ученого можно положиться во всем — кроме разве поднятия тяжестей. Ну на то здесь и невесомость...

Сенцов перевел взгляд на Азарова. Порыв и движение... Из него выйдет толк. Всего во втором рейсе — а ведет себя, как старый звездоплаватель. Правда, выдержки ему не хватает. И чувства юмора... иногда.

Азаров почувствовал внимательный взгляд, поднял глаза. Улыбнуться оказалось черт знает как трудно. Он беспокойно заерзал в кресле.

— Вот... И это называется — человек вышел в космос, — пробурчал он, не выдержав молчания. — А если рассудить — в космос вышли автоматы. Летят они, а мы их обслуживаем...

У Азарова была своя тема, к которой он без конца возвращался.

Сенцов пожал плечами, только иронически дрогнули уголки его губ. Калве неторопливо — чтобы не ошибиться в русской грамматике — тоже в который уже раз ответил:

— Движением корабля управляют быстрорешающие устройства. Они с этим справляются лучше нас... Люди выполняют свои задачи, машины — свои. Так мне кажется...

— А мне не кажется! — отрезал Азаров. Отстегнувшись, он встал и, шурша присосками башмаков — с ними можно было при известном навыке передвигаться по полу, — заходил по рубке, цепляясь плечом за стены.

— И вообще, бросьте вы носиться с вашими машинами. Вы-то, наверное, охотно бы жили в мире таких вот микромодульных интеллектов... Но мы пилоты и должны работать, вести корабль. А тут организовали какой-то санаторный режим. Но ведь, анализируя...

Калве насупился, собираясь обидеться. Последнее время все стали очень уж обидчивы — сказывались двести с лишним дней полета. Раин искоса взглянул на Сенцова и с готовностью вступил в разговор.

— Итак, анализируя? — спросил он саркастически. — А скажите...

Сенцов не вслушивался в очередной спор о том, кто старше: космическое яйцо или космическая курица — спор слишком шумный, чтобы быть искренним. Главное было ясно: ребята в порядке. Вернув кресло в нормальное положение, он стал смотреть на зеленоватый круглый экранчик локатора, по которому волнисто струилась светлая линия.

Спорим. Ну, пусть спорим. Нервы напряжены. Не хватает ощущения скорости, которое всегда поднимает дух; корабль, кажется, просто висит в пространстве. Покой этот обманчив, и напряжение от него только возрастает: вокруг космос, еще неизвестный, неисследованный. Кто знает, что еще таит он в своем черном мешке. Вот и спорим. И спорить будем о чем угодно, только не о главном.

Или сейчас посмеемся — так же старательно. Что ни говори, а сидение в рубке или в тесных постах наблюдения за восемь месяцев всем осточертело. Нестерпимо хочется иногда выйти, увидеть что-нибудь не столь надоевшее, как стены рубки или спальной каюты.

Сейчас полет входит в решающую фазу: предстоит обогнуть Марс на расстоянии тридцати тысяч километров. Поэтому так внимательно и вглядывался Сенцов в лица товарищей.

Их ракета — не первый корабль, ушедший с Земли к Марсу. Несколько раз посылали туда автоматические ракеты. Путь их удавалось проследить до тех пор, пока они не входили в теневой конус Марса. Затем передачи информации прерывались. Даже самые мощные радиотелескопы не могли уловить никаких сигналов. И ни одна ракета не вернулась на Землю...

Вот о чем больше не спорили: что произошло с теми ракетами? Ну что, в конце концов, вообще могло произойти? Метеорный поток большой плотности? Но на ракетах была защита... Встреча с какими-то астероидами, своим притяжением сбивавшими ракеты с курса? Но астрономы таких случаев не наблюдали... Недостаток топлива? По расчетам, его должно было хватить...

Поэтому давно уже было решено: облетим — увидим. Затем и летели люди, чтобы увидеть. Увидеть и вернуться. Для этого метеорную защиту корабля усилили, группы аккумуляторов — тоже. Ракете был придан космический разведчик. Имелись запасные элементы для вычислителей и

солнечных батарей. В нужный момент космонавты могли взять управление в свои руки и привести корабль обратно к Земле. Все это делало его практически неуязвимым при любой случайности — неуязвимым, насколько это вообще возможно в космосе.

Но неизвестная, и от этого еще более пугающая опасность, наверное, все же подстерегала их впереди. И Сенцов безошибочно знал, что это о ней думал Калве, приглаживая волосы, ее пытался увидеть Раин, прижимывая глаза, и на нее злился Азаров, когда клял автоматы.

...А автоматы пока отлично справлялись, и хотя все три пилота несли восьмичасовую вахту — один из них неотлучно находился у пульта, — людям оставалось лишь с выражением полной независимости поглядывать на закрытые множеством предохранителей и опломбированные рычаги...

Так поглядывать — было занятием не из самых приятных, и подчас у Сенцова начинало сосать под ложечкой от желания сорвать пломбы и своими руками блистательно посадить корабль на Марс. Но он успокоил себя и сейчас. Глаза его привычно следили за стрелками, и где-то в подсознании велся отсчет минут. До начала выхода на круговую орбиту вокруг Марса оставалось тридцать две минуты. Расстояния в миллионы километров — и точность до минуты — вот космос. Итак...

В рубке уже шла мирная беседа о театрах. Кажется, о рижском балете, а может быть — о московском. И Сенцов мысленно похвалил ребят за спокойствие. Потом он откашлялся, и беседа сразу оборвалась. Все смотрели на него.

— Ну... — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно спокойнее и бодрее.

Все поняли: пора. Калве и Раин отстегнулись от кресел. Азаров тряхнул головой — волосы взвились и встали дыбом. Чуть оттолкнувшись от пульта, Азаров поплыл по воздуху. Отворив дверь, нырнул в коридор, изогнувшись как-то по-особому: каждый раз он, ради развлечения, изобретал новый способ выбираться из рубки. Калве передвигал свое массивное тело неторопливо, придерживаясь рукой за пульт; он любил чувствовать почву под ногами. Раин вышел стремительным шагом, словно и не было никакой невесомости — на прощание махнул рукой, улыбнулся. Дверь за ним громко вздохнула герметизирующей окантовкой. Он отправился к телемагнитографу — так назывался новый бортовой телескоп, включавшийся, как только Марс оказывался в

поле его зрения, и записывавший изображение на магнитную ленту.

Из каюты в рубку, словно на смену ушедшим — чтобы не воцарялась здесь тревожная тишина, — вошел отдохнувший Коробов, второй пилот. В рубке запахло одеколоном, Сенцов потянул носом воздух, замахал ладонью у лица. Коробов опустился в кресло рядом с Сенцовым. Заметив его жест — улыбнулся.

— Подготовился — полный парад! — сказал он весело, как бы показывая своим тоном, что ни слов его, ни возможной опасности принимать всерьез не следует.

Оба склонились к микрофону бортового журнала. Коробов принял вахту. Теперь Сенцов мог некоторое время отдыхать, ни о чем не думая, — пока предупреждающий сигнал не возвестит о начале маневра. Хотя как это сделать — ни о чем не думать, он так никогда и не мог понять.

Сенцов по очереди повернул регуляторы, усилил яркость бортовых экранов. Они замерцали неживым, призрачным блеском. Проступила звездная россыпь, и даже словно бы потянуло пронзительным холодом пустоты. Коробов зябко повел плечами.

Сенцов едва нашел теряющуюся в солнечных лучах Землю и долго смотрел, не отрываясь. Оттуда человек неудержимо стремился в космос. Он и вышел в космос и, конечно, все дальше будет удаляться от дома — так ребенок сначала едва решается обойти двор, а потом все смелее и смелее движется к темнеющему далеко за околицей лесу, — но только все равно без Земли человеку не прожить. Не прожить без Земли, какую бы ни устраивать оранжерею на борту... Здесь вот тоже один умник хотел расписать потолок разными пейзажами — только нагонять тоску... Хорошо, что не дали — покрасили в легкий серебристый цвет.

А ведь летят они не так уж и долго, осваивают, так сказать, пригородный маршрут. Что же станут говорить люди, которым выпадет счастье участвовать в рейсах дальнего следования? В том, что эти рейсы будут, Сенцов не сомневался, иначе их пребывание здесь теряло бы всякий смысл. Но все же противоречие между продолжительностью полетов и основой психики человека — тягой к Земле — оставалось, и разрешения его Сенцов не видел. А он не любил продвигаться вперед, оставляя за спиной нерешенные задачи...

Он покосился на Коробова, нащупал выключатель курсового экрана, нажал.

Рубку залило красноватым светом. Острые тени легли на стену, заиграли на циферблатах. Легкое головокружение на миг задело пилотов.

Марс висел перед ними широченным медным серпом. Легкая дымка смягчала его очертания. Извечная загадка, красное яблоко раздора... До сих пор спорили, есть ли на планете что-нибудь, кроме песка и скудной растительности, а может — даже и ее нет, являются ли спутники Марса искусственными, была ли здесь когда-нибудь высокоорганизованная жизнь...

Ответ на все вопросы был рядом, рукой подать: всего в тридцати тысячах километров от ракеты светилась Аэрия, виднелись Большой Сырт, загадочный Лаокоонов узел... Было от чего закружиться голове.

Коробов смотрел, уткнув подбородок в грудь, тихонько посапывая. Сенцов, сам того не замечая, чуть улыбнулся.

А Марс заливает полнебосклона.
Идет тишина, свистя и рыча... —

медленно прочитал он.

— Тишина... — задумчиво повторил Коробов. — Это недобрая тишина...

— Это написано не о тишине. О победе...

— Я где-то слышал... Недавно написано?

— Нет, давно... Я бы взял его с собой к победе. У него было чувство полета...

Вот так выглядит победа — красным полумесяцем на экране. Без увеличения, с расстояния в тридцать тысяч километров. Добрались все-таки. А дальше?

И вечность космическою бессонницей
У губ, у глаз его сходит на нет,
И медленно проплывают солнца —
Чужие солнца чужих планет...

Так вот она — мера людской тревоги.
И одиночества, и тоски.
Сквозь вечность кинутые дороги,
Сквозь время брошенные мостки*.

* Из стихотворения Павла Когана «Ракета» (1939 г.), помещенного в посмертной книге стихов поэта «Гроза» (М., «Советский писатель», 1960).

Сенцов умолк. Сквозь время брошенные мостки...

Нет, все же лететь годами — это трудно. Трудно... А что будет, когда речь пойдет о межзвездных расстояниях? Как тогда? Смена поколений? Но кто решится дать жизнь детям, которые никогда не увидят Землю? Кем станет — ну хотя бы третье поколение таких людей?

В кресле рядом заворочался Коробов. Вздохнув, он негромко сказал:

— Обидно все-таки... Летим чуть не год, а лет через пятьдесят — сто люди будут сюда добираться за день. Очень просто. Ну — за три дня... Мы с тобой — знаешь кто? Из каменного века... Мы сейчас в дубовом челноке плывем, даже не в челноке, а на раме, обтянутой шкурами. А будут когда-нибудь океанские атомоходы на газовой подушке. Это — обидно... Притом пращуры наши, в дубовых челноках — они не знали о будущих океанских кораблях. Даже и не задумывались, вероятно. А мы-то в общем знаем, что после нас будет. Для этого и работаем: ведь наша работа не столько даже для нашего поколения, сколько для будущих. Ты скажешь — так работают многие ученые. Но ведь истины, открытые ими, остаются надолго. А о нас потом что скажут? Поймут ли они нас, потомки? Не усмехнутся ли: «Летали тут когда-то на тихоходах... только засоряли пространство!» Удастся ли нам сделать такое, чтобы и правнуки сказали: нет, не зря старики жгли топливо!

Коробов настороженно покосился на Сенцова, ожидая всегдашней усмешки: все знали, что Сенцов — человек трезвой логики... А Коробову хотелось еще поговорить о том, как страстно любит он свою профессию и хочет, чтобы не было в ней никаких неясностей...

«Милый ты мой дружище, — захотелось ответить Сенцову. — Ты опасаясь, ты размышляешь, да и все мы размышляем, и где-то, верно, кажется нам, что мы поторопились родиться, не дотянем до трансгалактических лайнеров, даже пассажирами не пройдем на них. Но ведь без нас не будет этих лайнеров, не будет маршрутов Земля — Эвридика какая-нибудь, неведомая сегодня, в созвездии Лиры. Ведь каждый путь начинается с сантиметров и лишь потом вымахивает на тысячи и миллионы миль, и если мы не привыкли преувеличивать степень своего подвига, а привыкли делить славу с академиками и рабочими, сделавшими и этот вот отличный корабль, то и преуменьшать и скромничать перед будущим нам не к лицу. И появившись сейчас здесь борода-тый, с узлами мускулов предок, выдолбивший дуб, — он

был бы нам товарищ, хотя и не сумел бы определиться в пространстве или пустить двигатель. Цепь рассыплется без любого звена, и мы — одно из них, не первое и не последнее. Так что...»

Это и многое другое хотел сказать Сенцов. Но, откровенно говоря, таких речей он стеснялся, потому что оратором себя считал плохим (да, наверное, так оно и было в самом деле). К тому же не оставалось времени. Почему-то желание такого вот душевного разговора всегда приходит именно в те мгновения, когда надо к чему-то готовиться, что-то выполнять. Когда же времени вдоволь, говорится о вещах самых будничных. Лишь в ответственные минуты поднимается то, что таится в глубине души.

И Сенцов промолчал, впившись взглядом в стрелку хронометра, и ему вдруг показалось, что стрелка неуклонно бежит навстречу неведомой опасности.

— Может быть, пустим разведчика? — словно ощутив его тревогу, спросил Коробов.

— Да рано, пожалуй... Топлива у него мало, назад вернуться не сможет. Потеряем, а вдруг он по-настоящему понадобится... Выпустим только при явной опасности.

На голубоватой поверхности экрана серп планеты становился все уже и уже, таял на глазах, как догорающий во мраке огонек. Сенцов перевел взгляд на нижний правобортный экран — там сквозь фильтры сияло темно-багровое солнце... И вдруг оно погасло — сразу, будто кто-то резко выключил его. Одновременно погас и красный уголек.

На нескольких шкалах стрелки резко качнулись влево и застыли, под серыми кожухами распределителей звонко защелкало — это отключались солнечные батареи, подсоединялись резервные группы аккумуляторов. На панели дальней связи погас зеленый огонек.

Ракета вошла в теневой конус Марса, и для космонавтов наступило солнечное затмение. Начался полет над неосвещенной стороной планеты... Коробов вздохнул. Сенцов сказал:

— Пять минут осталось. Усиль-ка освещение...

Коробов протянул руку к переключателю. Повернул. И сразу, словно именно их он по ошибке включил, пронзительным, прерывистым ревом брызнули сирены радиометров, измерявших количество заряженных частиц в пространстве. Оба пилота, вздрогнув, подняли головы — и приборы смолкли, но смолкли только на миг, чтобы снова завывать на еще более высокой ноте. Зловеще вспыхнули красные лампы,

и в окошечках дозиметров сначала медленно, потом все быстрее двинулись, заскользили цифровые колесики.

Сенцов мгновенно — быстрее даже, чем подумал: «Вот оно — то самое!» — понял, что ракета внезапно влетела в мощный поток проникающего излучения. Летящие с около-световой скоростью частицы, вонзаясь в металл оболочки, порождали опасный рентгеновский ливень.

Командир бросил взгляд на приборы. Излучение проникало и в кабину сквозь защитный слой.

Это было опаснее метеоритов, встреч с которыми, по традиции, больше всего боялись космонавты.

— Ну что же они там? — крикнул Сенцов и резко метнулся вперед, натягивая до предела ремни.

Но автоматы уже сработали. На курсовом экране сверкнула яркая вспышка. Это рванулась во тьму автоматическая ракетка — космический разведчик. Повинуясь радиосигналам управляющих ею автоматов, она начала описывать вокруг корабля все более широкие круги, непрерывно посылая счетно-решающему устройству сведения об интенсивности потока частиц.

Нестерпимо тянулись страшные секунды... Корабль стремглав мчался, может быть, в самый центр потока, способного за тридцать — сорок минут создать в ракете такой уровень радиации, от которого не спасут никакие скафандры... Гибель надвигалась с давящей неотвратимостью, как в кошмарных снах, что насылают космос: когда небывалая перегрузка сковывает руки и ноги и нельзя пошевелить даже пальцем, чтобы уйти от неведомой, но страшной опасности.

Наконец корабль тряхнуло. На ходовом экране мелькнули огненные струи выхлопов. Оба почувствовали, как их прижало к ремням: ракета тормозилась... Автоматы вновь и вновь включали тормозные двигатели, переключивали газовые рули, стрелка счетчика ускорения катилась вправо, а унылый, похоронный вой радиометров все не умолкал. В багровом дрожащем свете лица космонавтов казались залитыми кровью.

Сенцов сжал зубы, громадным усилием воли заставил себя сунуть руки в карманы комбинезона — так трудно оказалось побороть искушение сорвать пломбы с предохранителей и взять управление самому. Сердце властно требовало — действовать, работать, вдохнуть в механизмы корабля свое желание жить... Руки рвались из карманов, и уж, конечно, не

уважение к параграфу инструкции удерживало их там, а вера в то, что не может подвести автоматика.

То же самое, очевидно, переживал и Коробов. Он сцепил пальцы так, что они побелели, челюсти его двигались, словно что-то перемалывая. Но разведчик наконец подал сигнал. Ракета резко свернула и пошла на сближение с Марсом.

Сигналы тревоги стали ослабевать. Багровый свет померк. Сенцов вытер пот со лба, Коробов опустил противно задрожавшие руки.

— Вот это встреча была... — сказал он невнятно. — Откуда же?..

Сенцов пожал плечами. Бесполезно было гадать: из каких глубин Вселенной примчался поток космических частиц, откуда вытекала и куда впадала эта невидимая и грозная река, в стремительном течении которой они чуть не захлебнулись вместе с кораблем. Невозможно было предугадать ее заранее, как весной в лесу под снегом не подозреваешь ручья, пока не провалишься в него и не зачерпнешь ледяной воды... Да и думать об этом сейчас не было времени.

Оба глядели на курсовой экран. Другие группы автоматов, которым не было дела ни до каких космических лучей на свете, аккуратно переключили экраны обзора на прием в инфракрасных лучах. Марс стал значительно больше: корабль заметно приблизился к планете. Но решающее устройство почему-то не дало рулевым автоматам команды вывести корабль на прежнюю орбиту; возможно, в конце концов оно отказало из-за этой сумасшедшей вибрации. А это прежде всего означало, что курс надо выправлять самим.

— Ну, — сказал Сенцов, — вот и дождались. Вот тебе и Особая Необходимость, при которой, как гласят Правила, экипаж имеет право перейти на ручное управление. Собери-ка всех...

Коробов нажал кнопку общего сбора. Несколько секунд оба сидели молча. Первым, придерживаясь за стену, вошел Калве. Он казался спокойным, как всегда, только пальцы теребили застежку комбинезона. Узнав, в чем дело, он пожал плечами, сел в свое кресло, пристегнулся, стал нажимать контрольные клавиши. Под пластиковой облицовкой оптимистически гудело, звякало, на панелях успокоительно загорались многочисленные цветные огоньки.

— Все в порядке, — сказал Калве не оборачиваясь.

Он выслушал задание — рассчитать поворот и, согнувшись, заиграл на клавиатуре что-то быстрое, как чардаш Монти. Левая рука его подхватывала ползущие из блока интеграторов ленты с данными о скорости, запасах горючего, напряжении гравитации, расстоянии от планеты... Затем он надел наушники справочника — и в уши полезли цифры поправок и коэффициентов.

Встревоженные Азаров и Раин вошли одновременно — их посты находились дальше всего от рубки. Азаров потирал багровую шишку на лбу: ясно, во время наблюдений не пристегнулся к креслу... Теперь все четверо, быстро поворачивая головы, смотрели то на экран, то на мелькавшие руки Калве.

Им показалось, будто прошло очень много времени, прежде чем машина звонком сообщила, что работа окончена. Калве пробежал глазами ленту и передал Раину. Астронавигатор прочел, выпятил губы. Подумал.

— Орбита нестабильна, — сказал он. — При торможении потеряна скорость...

В переводе на общечеловеческий язык это означало: ракета при торможении потеряла ход настолько, что скорость стала меньше круговой, и теперь, правда медленно, по пологой спирали, но корабль все же падает на Марс.

Это никого особенно не смутило. В их власти включить двигатели и снова развить нужную скорость. Вычислением этого маневра и занимался сейчас Калве. Он снова пустил машину.

Вскоре прозвенел звонок. Калве нажал клавишу — машина, стрекоча, выбросила из печатающего устройства короткий кусок ленты. Калве ждал, но индикаторы разом погасли: аппарат выключился.

Калве поднял брови, нерешительно потянул ленту к себе. Прочел ее. Брови поднялись еще выше. Прочел еще раз и — повернулся к товарищам — на лице его, казалось, остались только глаза.

— Так есть... По данным расчета, — сказал он медленно, — в этих обстоятельствах нам... как это? Нам нет возможности выйти на заданную орбиту при условии сохранения посадочного запаса горючего... Перерасход топлива из баков последней ступени. Так здесь сказано... Мы остаемся — вернее, падаем на Марс.

2

Тяжелое молчание стояло в рубке; привычное гудение приборов стало угрожающе громким.

Калве сидел, уронив руки; из-за невесомости они нелепо торчали в воздухе. Остальные — кто сидел, кто

стоял, откинувшись немыслимым образом, ухватившись за что попало. Обрывок бумажной ленты, подгоняемый слабым ветерком от скрытых в стенах вентиляторов, медленно кружился под потолком, пока не прилип накрепко к решетке регенератора. Тогда Сенцов, внимательно — словно это и было самое главное сейчас, — следивший за его полетом, сказал:

— А почему беспорядок? Всем быть по местам...

...Тогда, в первую минуту, никто не поверил случившемуся, хотя у каждого дрогнуло сердце. Сенцов даже начал было с досадой: — Ну, дорогой товарищ, и загнул же ты...

Калве, пожав плечами, ответил:

— Так есть.

И Сенцова убедили даже не слова его, а слишком спокойный тон. Тогда все замолчали надолго...

Теперь космонавты расселись по креслам, и Сенцов сказал:

— Ну, погоревали — хватит.

— Собственно говоря, — начал Калве, — я не совсем понимаю... Вычислитель, конечно, лучше знает... Но какое значение имеет то, где именно горючее — в последней или в основной ступени? Почему мы не можем включить двигатели?

Сенцов насторожился: Калве все отлично знал, и если сейчас это вылетело у него из головы — значит, крепко он волнуется.

Коробов спокойно ответил:

— Как ты знаешь, ракета наша сейчас состоит из двух ступеней. В основной, задней ступени — лишь топливо и ходовой двигатель. А тормозиться мы можем только при помощи двигателей, сопла которых обращены вперед. Они находятся в этой вот, последней ступени ракеты, где мы сидим.

— Ну и что? — спросил Калве.

— А то, что расход топлива последней ступени на этом участке полета не был предусмотрен. А мы его израсходовали, и общий запас стал меньше расчетного.

— Позвольте, позвольте, — сказал Раин. — Но ведь можно же там сориентировать корабль так, чтобы тормозиться основной ступенью?

«Там» — означало: там, около дома... Домом сейчас была не только Земля, но и лунная база.

— Нет, — сказал Коробов. — Горючее основной ступени почти все израсходовано. После облета Марса и завершения программы наблюдений придется ударить двигателями, чтобы лечь на обратный полувиток — к Земле. Затем

должна быть еще одна коррекция, потом вторая — и основную ступень придется отбросить. Да вы что — разыгрываете меня, что ли?

— Нет, я вспомнил, — сказал Калве. — Вычислитель не сработал именно потому, что запас топлива — ниже нормы. Он не блокировал двигатели, пока ракете угрожала смертельная опасность, но теперь... О, это очень совершенное устройство.

— Да, — сказал Азаров, — однако теперь решать должно уже не устройство, а мы. Хотя мы от этого и отвыкли, кажется...

— Вздор! — прервал его Сенцов. — Но решать надо быстро.

— Объявлен конкурс на лучшее рационализаторское предложение, — громко объявил Коробов. — Премия — экскурсия по маршруту Марс — Земля...

Никто не поддержал шутки. Сенцов повторил.

— Решать надо быстро и основательно. Слишком дорого стоит стране наш полет...

Но так вот, на скорую руку, ничего в голову не приходило, кроме мыслей самых фантастических. Наконец Раин сказал:

— Ну, таким образом мы далеко не уедем... не дальше Марса. Слово за Калве. Пусть посоветуется с вычислителем...

Калве с сомнением покачал головой, но глаза его заблестели. Он подошел к программному устройству; несколько секунд, размышляя, ласково поглаживал его матовый кожух...

Машина не отвечала долго — за фасадом вычислителя, судя по сумасшедшей пляске огоньков, шла напряженная работа. Наконец Калве получил ответ, просмотрел его и протянул Сенцову.

Тот минут пять изучал ленту. Все напряженно следили за его лицом, почти физически ощущая, как корабль проваливается все ниже к поверхности Марса. Но вот Сенцов поднял глаза.

— Ну вот так-то... не мудрствуя лукаво. Выход вполне разумный. Поскольку количество топлива, нужное нам, зависит от массы корабля, и дозаправиться мы не можем, значит, остается только одно, что машина и предлагает: уменьшить массу...

Пилоты переглянулись; решение, продиктованное электронной логикой, показалось им абсурдным. В первую секунду оно выглядело таким же нелепым, как если бы

кто-нибудь предложил бегуну расстаться с рукой, или с желудком, или с печенью, для того чтобы увеличить скорость... Это объяснялось просто: каждый из них воспринимал корабль как живой организм, у которого нельзя отнять какую-то, пусть даже самую малую часть без того, чтобы не нарушить точной и согласованной работы всех органов.

Но аналогия была лишь внешней, корабль был всего лишь комплексом деталей — важных и менее необходимых, и машина, как известно, чувствовать не умеющая, просто напомнила об этом.

— Что ж, — сказал Коробов, — это выход. Надо только разобраться — без чего мы можем обойтись. Что сбросить. Этого машина не скажет...

— Нет, конечно, — согласился Калве. — На это она не рассчитана.

— И как это осуществить технически, — добавил Азаров. — Тут надо выходить в Пространство...

Стали подсчитывать. Только Раин не участвовал в работе — он надел наушники справочника и что-то вычислял на листке бумаги, изредка поглядывая на хронометр.

Утешительного было мало. Если даже пожертвовать аккумуляторным резервом (восемьсот килограммов), резервом воды (полторы тонны), кое-какими приборами (об этом говорилось вполголоса, чтобы не услышал Раин), то получалось всего две с половиной тонны, а нужно было сбросить гораздо больше.

Пилоты пригорюнились. Раин продолжал что-то вычислять, поднимая изредка глаза к потолку.

Потом все три пилота разом взглянули друг на друга, одновременно открыли рты — будто хотели что-то сказать, и одновременно же закрыли. Тогда Сенцов, засмеявшись, сказал Азарову:

— Ну, Витя, давай ты...

— Основная ступень! — выпалил Азаров.

— Основная ступень! — подтвердил Коробов. — А топливо из ее баков — его осталось немного — перекачаем в баки последней ступени — именно туда, где у нас недостача.

— А как перекачать? — спросил Сенцов.

— Да очень просто! — торопливо объяснял Коробов только что возникшую идею. — Демонтируем один компрессор, расчалим тросами на оболочке ракеты...

Сенцов оглядел обоих, потом перевел взгляд на экран: пусть Марс и крепко вцепился в их маленький

корабль, но что значит сила притяжения какого-нибудь там Марса по сравнению с силой воли таких вот людей... Вслух же сказал самым обычным голосом:

— Что ж, верно. Только есть одна опасность; если во время работы корабль снова подвергнется какой-нибудь атаке — ну, хотя бы метеорной — то, понимаете сами... Двигатели сработают, а это — гибель для всякого, кто окажется вблизи. Мы ведь не можем отключить всю автоматику...

— Другого выхода нет, — сказал Азаров.

— Почему же нет? Есть... — спокойно, не оглянувшись ответил Раин. — Поскольку вы решили мои приборы не выкидывать — я вам, так и быть, помогу... (Все в должной мере оценили шутливо-благодарный тон астронавигатора: речь шла о жизни, и не в шутку, а всерьез.) — Мы сейчас приближаемся к орбите Деймоса — внешнего спутника Марса. Я тут подсчитал... Через час с небольшим — тут точные цифры — он нас нагонит. На Деймос можно сесть. Там можно работать спокойнее. А взлететь с него несложно...

Все оживились. Все-таки будет почва под ногами, демон-таж пойдет гораздо быстрее.

— Крепить все! — скомандовал Сенцов. — Готовиться к посадке!

Работы по подготовке заняли более получаса — пришлось привести в посадочное положение большинство приборов, в особенности астрономических. Закончив, космонавты снова собрались в рубке, заняли места по взлетно-посадочному расписанию.

— Наконец-то, — Сенцов улыбнулся, — посмотрим, что же это за спутник Марса... Ну, вот и все. Прошу курс.

Раин и Калве вновь надели наушники, Калве включил вычислитель. Сенцов, секунду помедлив, сорвал пломбы с рычагов автономного управления, отвел предохранители, кивнул Коробову:

— Давай акт!

Нагнувшись над микрофоном, Коробов стал отдельно диктовать: «Сего числа... ввиду особой необходимости... значительное отклонение от курса...» Не спускавший глаз с хронометра Раин сказал:

— Еще шестнадцать минут точно.

Сенцов, повернув кресло, проверил — хорошо ли все пристегнулись. Он с удовольствием ощутил появление «стартового состояния»: учащенно билось сердце, сознание

стало предельно ясным, каждое движение было рассчитано заранее.

Он повернулся к пульту, и тогда Раин кивнул ему: «Пора!» — Внимание! — громко сказал Сенцов.

Предостерегающе завывли сирены локобóров — где-то сзади нащупали они невидимую во тьме поверхность еще далекого, но догонявшего их Деймоса. Сенцов нажал рычаг — все кресла поднялись, обнажив блестящие стальные цилиндры противоперегрузочных устройств. Затем, мальчишески подмигнув самому себе, он уверенно положил руку на красную рукоятку пуска, плавно потянул... Корабль, вздрогнув, начал прибавлять ход.

Задуманный маневр был достаточно сложен. Предстояло выйти на орбиту Деймоса, оказаться впереди него и, сохраняя ход несколько меньший, чем орбитальная скорость спутника Марса, позволить ему догнать себя. Тем самым не было бы истрачено ни грамма топлива из баков тормозных двигателей.

Спутник неслышно скользил по своей орбите, изображение его на экранах все вырастало. Сенцов включил рули, и ракета изменила направление движения так плавно, что никто почти не почувствовал ускорения. Да, Сенцов был артист — это все знали. Калве уже рассчитал точку встречи. Маленькая планетка догоняла корабль...

Сенцов чуть увеличил ход, чтобы скорость сближения уменьшилась до предела. Цилиндры амортизаторов медленно двинулись. Тела заметно отяжелели. Чья-то парившая под толчком тетрадь бабочкой метнулась в сторону...

В нескольких километрах от Деймоса, когда скорости корабля и спутника почти сравнялись, Сенцов выключил двигатель. Откинулся на спинку кресла и, глядя в потолок, сказал: — Ну вот. Теперь полчасика посидим и...

Потом, когда они пытались вспомнить, как это случилось, все признались, что подумалось им в эту минуту одно и то же: Деймосу надоело смотреть на бегущий перед ним корабль, и он решил взять его в руки и рассмотреть поближе. Впрочем, сомнительно, что именно так представлялись им события в тот момент, когда, словно притянутый могучим механизмом, корабль стремительно рванулся кормой вперед — к спутнику. Все вздрогнули в креслах. Сенцов неувовимо-быстрым движением снова включил двигатель. Но Деймос надвигался все ближе и ближе, и гораздо скорее, чем хотелось бы

любому из них. На экране промелькнули какие-то блестящие вершины, странные призрачные уступы...

Тогда Сенцов, чисто инстинктивно, стремясь ускользнуть в сторону от орбиты спутника, тронул рули. Но темная громада была уже рядом.

Тряхнуло так, что взвизгнули амортизаторы. Скрежет, треск... Казалось, ракету волоком тащили по острым камням... Сенцов рывком выключил рули, и скрежет затих. Неожиданно погас экран заднего обзора. Ракета замерла на месте.

Сенцов медленно закреплял предохранители — слишком медленно, как казалось всем. На каждом из космонавтов посадка отозвалась тяжело. Наступила странная слабость, трудно было поднять руку, хотелось закрыть глаза и уснуть. Непонятная психическая реакция — каждому казалось, что он лежит на спине, а вовсе не сидит в кресле. На спине? А стена рубки, где дверь в коридор, — под ними? Бред... Но ведь когда-то они находились именно в таком положении! Когда же это было? Нет, не было... Надо вспомнить. Да, было, перед стартом, когда ракета стояла вертикально, и земное притяжение ясно указывало — где низ. Или это им кажется? Что же — пусть, спать все равно удобнее на спине. Значит — будем спать...

— Не спать! — Голос Сенцова прозвучал резко и даже чуть угрожающе.

Первым с усилием открыл глаза Раин. В ушах шумело. Отхлынувшая было кровь вновь прилиwała к мозгу, мысли прояснялись. Сенцов чуть наклонился в сторону — вращающееся кресло повернулось вокруг оси, и он неожиданно для самого себя вывалился, повис на ремнях, неуклюже болтая ногами. Значит, понятие низа действительно существовало... Глаза его уперлись в дверь — на ней лежала та самая порхавшая по рубке тетрадка.

— Всем фиксировать кресла, не то выпадете! — спокойно приказал Сенцов.

— Тяжесть! — сказал Раин. — Это — гравитация... — И, внезапно перейдя на крик: — Откуда здесь такая тяжесть?!

Внезапно ракета снова дрогнула, стала медленно наклоняться, опуская нос — казалось, кто-то подталкивал космонавтов в спину, чтобы они вместе с креслами приняли нормальное — вертикальное положение. Никто не произнес ни слова — расставив локти, чтобы не швыряло в креслах, не мигая, космонавты смотрели на экраны, словно оттуда и должно было прийти что-то — спасение или гибель...

Сенцов поднял было руку, крикнул: «Держись!..» Калве подумалось — сейчас ракету швырнет куда-то в пропасть. Он хотел закрыть глаза, чтобы не видеть последней минуты. Но даже на это не осталось сил...

3

Ничего страшного не произошло: наклонившись, ракета остановилась — замерла под углом градусов в шестьдесят к уже явно ощутимой теперь горизонтали. Все медленно приходили в себя; Калве неудержимо зевал, Азаров потирал ушибленный локоть.

Сенцов расстегнул ремни (на которых висел, вывалившись из кресла), тяжело шлепнулся на косой пол, медленно съехал к стене и там осторожно поднялся на ноги.

— Где мы? — спросил Калве. — Это Марс?

— Нет, — медленно ответил Сенцов. — Это не Марс.

— Да, но гравитация! Откуда гравитация? — снова сердито закричал Раин. — Этого же не может быть! Я выводил на Деймос! Куда мы сели? Мы ведь не взлетим!

После длительной невесомости ему, как и остальным членам экипажа, казалось, что такой тяжести они не испытывали даже в тяжелейшие моменты ускорения. Только Сенцов, уже стоявший на ногах, мог, хотя и с трудом, оценить действительное напряжение поля тяготения.

— Сели... — проворчал Сенцов. Он вскарабкался к креслу, повернул его, уселся, облегченно вздохнул.

— Действительно, гравитация — больше земной, — безразличным голосом сказал Азаров.

— Это только нам кажется, — тотчас же возразил Коровов. — Одна пятая земной, — он кивнул в сторону гравиметра. — Мы просто привыкли к легкой жизни...

Калве вежливо улыбнулся, показывая, что тяжесть не лишила его способности оценить каламбур. Остальные хмуро промолчали.

— Легкая жизнь... — протянул Раин. — Отсюда — самочувствие... Но надо же установить причину? Командир!

— Здесь мы ее не установим, — мрачно и как будто бы даже нерешительно ответил Сенцов. — Придется выходить... Садился я на Деймос — это все, что могу пока сказать.

— Такое напряжение гравитации... — пробормотал Калве.

— Смейтесь, как хотите, — сказал Коробов, — но не искусственный ли это спутник?

Все действительно засмеялись. Искусственный спутник — это из аксессуаров фантастики, а здесь — явная реальность. Да и сам Коробов сказал это как бы в шутку, хотя глаза его при этом оставались серьезными и чувствовалось, что где-то в глубине души он готов поверить в свою версию.

— Стойте! — Азаров поднял руку. — Я понял! Деймос состоит не из обычного вещества. Нарушенные электронные оболочки, колоссальная плотность — вот где источник... Помните — звезда Ван Манена и все прочие...

— Помним... — буркнул Раин. — Вы думаете, если бы это было так, то не было бы замечено раньше? Тогда вращались бы вокруг общего центра тяжести системы... Я уж скорей допущу, что эта сверхплотная громада — вовсе и не Деймос. Она могла только что приблизиться к Марсу, ведь бывают всякие совпадения, и оказалась на орбите Деймоса... Хотя — это место Деймоса... Словом, не знаю.

— Что ж, — сказал Сенцов, — принимаем предположение Азарова как рабочую гипотезу. Конечно, не исключено, что найдется и другое решение. Но найдем мы его, вернее всего, уже на поверхности спутника, а вовсе не в рубке.

Раин пожал плечами, промолчал. Сенцов подвел итоги предположениям:

— Ну, сегодня переживаний, кажется — за весь полет сразу.

— Нет, мы просто спим и видим коллективный сон, — вставил Коробов.

Смех прозвучал чуть натянуто: в рубке все еще царила некоторая растерянность. Так, наверное, чувствуют себя потерпевшие кораблекрушение, выбравшись на твердую почву необитаемого острова: и радуются, и в то же время понимают, что ничто хорошее их, по всей видимости, впереди не ждет...

Наконец Сенцов отдал распоряжение. Коробов поднялся, кивнул Азарову — оба ушли проверять рабочие помещения и двигатели, лазить по тесным закоулкам вокруг компрессоров и камеры сгорания... Калве присел на корточки перед вычислителем, начал осматривать его. Сенцов приказал выключить лишнее освещение и все локаторы.

— А если метеорит? — спросил Раин.

— А если... все равно, не имея хода, от него не спасешься, — ответил Сенцов.

Раин кивнул, словно совершенно успокоенный ответом, и стал переключать экраны на телеприемник заднего обзора. Они не оживали — очевидно, на корме были повреждения...

Коровов и Азаров вскоре вернулись, вытирая измазанные руки. Коротко доложили. При первом беглом осмотре все оказалось в порядке, прокрутить же компрессоры вхолостую они не решились: потребуется слишком большой расход электричества. Кое-где испортилось освещение, но это уже мелочь.

Внимательно изучавший приборы Сенцов выслушал все доклады. Кивнул, как будто бы даже равнодушно, потом повернулся к Раину:

— Сильное магнитное поле — странно... Так что — не только гравитация.

— Час от часу не легче, — развел руками Раин. — Надо выходить. Разумеется, не исключено, что спутник состоит из сверхплотных пород. Или...

— Или? — быстро спросил Сенцов.

— Ничего... — замылся Раин. — Нет, конечно, ничего... Просто явление пока необъяснимо. Так или иначе — открытие колоссального значения...

— А посадка? — спросил Сенцов. — Тоже — необъяснимо?

— Для гипотез — не время... Посадка? И ты всего лишь человек. Неточное движение... Вот мы и провалились.

— В общем, — не утерпел Коровов, — тут некоторые жаловались на недостаток приключений... — Он подмигнул Сенцову, похлопал по плечу Раина. — Вот вам приключение — по первому разряду.

Азаров покосился на него, что-то проворчал. Больше никто не сказал ни слова — космонавты смотрели на командира. Он молчал, как всем показалось, слишком долго...

Было ясно, что придется выйти из корабля, и на лице Азарова было написано такое откровенное желание поскорее выбраться наружу, что Сенцов пожалел его больше остальных, потому что знал — именно Азарову придется остаться. Выходить следовало более осторожным, да к тому же Азаров незаменим на связи.

Нельзя, по соображениям безопасности, выходить и Калве. Хозяин кибернетических устройств, возле них он и должен дежурить. Ожидать в ракете предстояло и Коровову — опытный пилот-космонавт, он в случае чего примет командование.

— Наружу выйдем я и Раин, — проговорил Сенцов. — Спутники — по его специальности, — добавил

он, хотя мог ничего не объяснять. — Остальным — дежурить по аварийному расписанию. Исправить освещение, наладить быт, держать с нами связь и подготовить внеочередную фотограмму на Землю. Может быть...

Наступившее молчание никак нельзя было счесть одобрительным.

— Не унывайте, — утешил Сенцов. — Успеете... Работать все будут, это могу гарантировать. Мы — только разведка...

Опять-таки он мог ничего не объяснять, но ему почему-то хотелось утешить ребят, оставить их успокоенными. «Как перед смертью», — сердито подумал он, шагнул вперед — непослушная нога тяжело грохнула об пол: тяготение... «Фантасмагория!» — пробормотал Сенцов.

Из стенных шкафов достали два скафандра. Сенцову и Раину помогли одеться. В скафандрах оба выглядели одинаково толстыми. Большие, прозрачные спереди шлемы сделали их существами, принадлежащими тому, наружному миру... Проверили кислород, систему регенерации. Сенцов подул в микрофон шлема, раздельно проговорил: «Раз, два, три, четыре...» То же сделал и Раин.

Потом они, прощально помахав руками, направились к двери. Калве и Коробов провожали разведчиков к выходу, в их глазах была тревога.

Стальная, в десять миллиметров дверь закрылась за уходящими. Прижимавшие ее рычаги, сверкнув голубоватым металлом, холодно лязгнув, упали на место. Прошла минута, и Коробов увидел, как стрелка манометра стремительно прыгнула вниз: гидравлика и давление воздуха в камере выжали прикипевшую к гнезду крышку входного люка.

Трое остались в ракете... Азаров сидел у рации и, судя по устремленному вдаль взгляду, по нахмуренному лбу, напряженно думал: что это за гравитация? Откуда? По временам он негромко спрашивал разведчиков: «Ну, как там? Как?» Калве снова стал возиться с вычислителем: сняв панели, доставал запасные контуры, проверял, вставлял в гнезда, снова проверял... Движения его были неторопливы, казалось даже — он чересчур мешкает. На самом же деле он работал быстро и точно, но без суеты. Коробов вышел в коридор — посмотреть, что стало с выведенной за борт хлорелловой ванной, о которой в суматохе все забыли. Из коридора можно было сквозь иллюминатор увидеть, что делается в этом прозрачном мирке, населенном микроскопическими водорослями. Они служили для возобновления кислорода, а в случае нужды и

для питания. Правда, мало было надежды, что водоросли уцелели после облучения.

Азаров хмурился все больше. Со связью творилось что-то непонятное. Голоса Сенцова и Раина слышались глухо, словно космонавты успели отойти далеко от ракеты или же между ними и кораблем возникла какая-то экранирующая преграда.

Время от времени слышимость вообще пропадала, как будто над поверхностью спутника бушевала магнитная буря. Стрелки магнитометров судорожно дергались. Магнитная буря — на поверхности ничтожного камня, неприкаянно мотающегося в пустоте? А может быть, и не гравитация, и не магнитное поле, а что-то совсем другое?! Не все же мы знаем о полях... Опыт Азарова никак с этим согласиться не мог, но разум говорил: возможно, многое возможно, и неизвестно еще, что может случиться в следующую минуту... А приборы упрямо показывали свое. И еще Калве не давал покоя.

— Скажи Сенцову, пусть в первую очередь осмотрит солнечные батареи, — повторил Калве уже в третий раз. Азаров наконец понял, чего он хочет, кивнул. Действительно, без источников энергии им придется плохо.

Прибавив мощность, он начал вызывать в микрофон. Наконец голос Сенцова, как сквозь подушку, ответил: «Батареи? Да ладно — подожди ты там со своими батареями...» Азаров пожал плечами. Потом в наушниках забормотали что-то невнятное. Можно было разобрать, что это голос Раина. Потом Сенцов воскликнул: «Не может быть!»

Азаров торопливо переключил прием с телефонов на динамик — чтобы слышали все, и нетерпеливо закричал в микрофон: «Ну, что там? Да ну же, отвечайте!» Но голоса делались все неразборчивее... Вошедший из коридора Коробов остановился у двери — он услышал, как из динамика донеслось раинское: «Смотри, смотри...» На этом связь окончательно прервалась. Из динамика доносилось только густое фоновое гудение.

Азаров стремительно протянул руку — еще усилить ток, и в этот момент все трое почувствовали, как дрогнул и стал ускользать из-под ног покатый пол рубки...

4

В выходном отсеке Сенцов и Раин на миг задержались. Двигаться в скафандрах сначала показалось трудно. Раин почувствовал капли пота на лбу, а стереть их было нельзя, хотя астроном и попробовал дотянуться лбом до верх-

ней, непрозрачной части шлема. Однако очень быстро чувство неловкости исчезло.

Они постояли минуту-другую, пока вокруг бушевало ультрафиолетовое излучение. Такой душ полагалось принимать всякий раз при выходе и входе, чтобы не вынести и не занести в ракету ни одного микроба.

Затем Сенцов отодвинул один за другим два предохранителя. Вопросительно посмотрел на Раина. Тот кивнул. И тогда Сенцов ладонью нажал красную большую пуговицу на щитке.

Какое-то мгновение казалось, что люк вообще не откроется; потом он со вздохом уступил. Последнее, что они слышали через выведенные на внешнюю сторону шлемов микрофоны, был короткий свист рванувшегося из отсека воздуха. Затем наступила странная, невесомая тишина. Еле слышные шумы в наушниках раций заставляли морщиться, словно от грохота поезда.

Люк оказался почти над головой, однако здесь это не играло роли. Чуть присев и резко оттолкнувшись ногами, Сенцов высоко подскочил. Потом сел, придерживаясь за борт. За ним таким же образом последовал Раин и тоже задержался на краю люка.

Секунд десять они сидели так, оглядываясь, но после яркого света в ракете разобрать что-либо вокруг было трудно: Марс прятался где-то за близким горизонтом... Да ничего и не хотелось разбирать — настолько величественной была открывшаяся им картина Вселенной.

Такою они видели ее впервые. Это было не звездное небо Земли. Здесь Вселенная обнимала их со всех сторон, если не считать ничтожного клочка тверди под ногами, а на Земле половину поля зрения всегда отнимала сама Земля. Сейчас они были в центре Вселенной; медленно, едва уловимо, она вращалась вокруг них, поражая обилием звезд, которые в своей обсерватории на Земле Раин мог наблюдать только в телескопы. Тут не было рассеивавшей свет атмосферы, звезды стали видны простым глазом, и это оказалось совсем иным зрелищем, потому что — велико ли поле зрения даже широкоугольного телескопа? За кажущейся неподвижностью светил угадывалось стремительное движение. Далекие галактики пламенили, как застывшие взрывы. Воистину на острове посредине безбрежного океана стояли космонавты, впервые почувствовавшие — что такое Пространство вне Земли,

вне замкнутого мирка ракеты... Протянутая рука здесь простиралась во Вселенную, не встречая никаких преград.

Раин вздохнул глубоко, дрожь пробежала по телу, затормозило сердце, глаза слепило от этой красоты, и астроном еще раз порадовался в душе тому, что из всех возможных дорог он избрал в жизни этот звездный путь.

Но Сенцов тронул его за плечо. Смерив глазами расстояние — прыгнул; медленно, как падают во сне, он опустился на поверхность Деймоса. Раин последовал за ним, чуть выждав — чтобы не обогнать Сенцова и дать ему возможность первым, как и подобало капитану, войти в неведомый мир.

Они стояли не двигаясь, пока глаза не привыкли к темноте. Потом Раин нагнулся, присел на корточки.

— Ну, если это вещество с нарушенными оболочками, то мы, конечно, ни кусочка не отобьем...

Из зажима на поясе он достал так называемый универсальный инструмент. Но электрическое долото оказалось бесильным: сверхтвердый сплав долота даже не поцарапал темной поверхности планеты.

Раин пожал плечами, задумчиво убрал инструмент. Он провел перчаткой по тому месту шлема, которое закрывало лоб, и сказал, почему-то перейдя на «вы» — так бывало с ним в минуты размышлений:

— Странно... Допустим, оболочки. Но вы обратили внимание — грунт, я бы сказал, гладкий и, по всему судя, с большой отражательной способностью. С точки зрения минералогии, это — нонсенс... Даже лед — ну, лед, пожалуй... Но эта твердость, а?!

Но Сенцов его не слушал. Он отошел на несколько шагов, ступая осторожно, словно по горячим камням. Отсюда лучше было видно место, где опустилась ракета — та скала, на которой корабль лежал.

— И все-таки эта посадка... — сказал Сенцов. — Ума не приложу. Ведь не первый же день, в конце концов, я за пультом! Дело даже не в гравитации! Мы бы ее обнаружили и учли заблаговременно... если бы она была. Но не было ее! И вдруг — появилась. Пытаюсь вспомнить — нет, ни у кого не было ничего подобного, и никакая теория таких случаев не предсказывает. А факт налицо. А факты, как известно, дают начало новым теориям...

Раин начал гудеть что-то себе под нос. Потом, подойдя к Сенцову, сказал:

— Да, как это вам удалось посадить корабль на вершину такой скалы — не понимаю... Это даже не искусство, это что-то сверхъестественное. И смотрите, как ракета легла на склон — хоть сейчас взлетай... Страшно удачно, страшно...

— Космонавт — не джентльмен удачи... — проворчал Сенцов. И, помолчав, добавил: — А вообще-то любопытно... На Земле это приняли бы за результат выветривания...

Но, так или иначе, ветра здесь быть, конечно, не могло. Разве что солнечный ветер, но он не смог бы так обработать поверхность планеты, чтобы придать скале форму эстакады, устремленной вверх под углом градусов в шестьдесят. И Раин судорожно схватил Сенцова за руку — перчатка скользнула по твердому пластику скафандра: он понял, что это не могло быть простым капризом природы.

Наверное, и Сенцов почувствовал то же самое. Он торопливо повернул выключатель: вспыхнул голубоватым светом укрепленный на шлеме небольшой, но сильный прожектор. От него не протянулось привычного светового луча — здесь не было ни воздуха, ни пыли, и лишь где-то вдалеке, в пустоте, блеснула серебром крохотная пылинка — исчезающе малый, но самостоятельный мир.

В свете прожектора Сенцов увидел поднимающиеся из-за близкого горизонта вершины еще двух таких же странных ажурных вышек. И наклон у них был одинаков — у всех в одну и ту же сторону...

Сенцов, экономя энергию, выключил прожектор. И сейчас же Раин, приподнимаясь на цыпочки, словно для того, чтобы высокий Сенцов лучше услышал его шепот (хотя разговор велся по радио), пробормотал:

— Это же... Ты понимаешь? Это же...

Оба опустили на колени и принялись внимательно рассматривать поверхность под ногами. На этот раз включил прожектор Раин. Оба тотчас же зажмурились, глаза их наполнились слезами: прожектор, казалось, отражался в зеркале и бил прямо в лицо...

— Действительно, альbedo* — примерно ноль семь, — сказал Сенцов. — И поверхность чистая, нет никакой пыли. Значит — защита? Наведенное поле? А выводы?

Раин, не отвечая, поднялся с колен, движения его были торжественны. Он выключил прожектор — сразу все вокруг

* Альbedo — число, характеризующее отражательную способность поверхности тела.

утонуло в непроглядном мраке — и откашлялся, словно на кафедре перед лекцией. Слишком велико, слишком необозримо по значению и последствиям было то, что раскрылось перед ними. Но в этот самый момент Сенцов сердито сказал:

— Вот и слушай вас всех после этого... А наговорили, а наговорили — боже ты мой... Нарушенные оболочки! Это — искусственное сооружение, вот в чем дело. Коробов угадал. Очень просто.

Раин не стал напоминать, что он-то ничего подобного не говорил. Он просто протянул Сенцову руку, и перчатки скафандров сомкнулись в рукопожатии. Не отпуская руки астронавта, Сенцов сказал — по голосу чувствовалось, что он улыбается:

— Вот так-то... Теперь начинает проясняться и история с нашей посадкой. Раз спутник искусственный, значит...

— Значит, на нем есть хозяева! — сказал Раин, счастливо блестя повлажневшими глазами. — Они увидели нас, посадили... Встреча с иным разумом, ты понимаешь? И с каким! Искусственная гравитация! Подумать только, мы могли пройти в каких-нибудь семи тысячах километрах и ничего этого не узнать! А еще говорят, что не бывает такого счастья...

Они были счастливы в этот момент. В самом деле, как иначе назвать встречу с разумом, обитавшим, как оказалось, совсем по соседству с их родиной? По расчетам, события этого следовало ждать еще поколениям, — а их, оказывается, отделяли от него лишь часы или даже минуты...

Не разнимая рук и не сознавая даже, что они делают, оба торопливо заскользили вперед по гладкой поверхности... Это был чисто инстинктивный порыв, в котором не участвовал разум, а подталкивало вперед лишь подсознательное желание — скорей, как можно скорей встретить творцов и создателей этой искусственной планеты. Они стремились вперед, и только необходимость соизмерять движения с небольшой силой тяжести сдерживала неумное желание побежать во весь дух.

Так они продвинулись метров на пятьсот, и возвышение, на котором лежала ракета, стало уже отодвигаться к горизонту. Тогда Сенцов внезапно остановился.

— Постой... — сказал он. — Куда это мы вдруг помчались?

— Как это — куда? — изумленно спросил Раин, тоже останавливаясь.

— Да, действительно — помчались... — весело проговорил он. Сенцов нахмурился, сердито засопел. Ему

стало стыдно за такое легкомыслие — побежали, как мальчишки...

Тут к ним из наушников и донесся голос Азарова, напоминавший о батареях. Сенцов рассердился еще больше: сколько минут потеряно на какую-то беготню! Разведчики, называется... Разве так ищут?

Оба быстро пошли назад, к ракете.

Стараясь не отстать от Сенцова, Раин размышлял о том, как получше включить в обследование спутника весь экипаж. Ну, одного Сенцов, конечно, оставит на дежурстве, но остальные-то могут выйти из корабля? Раз спутник искусственный, значит, встреча с его хозяевами состоится. Чем больше людей выйдет за пределы ракеты, тем больше шансов скорее отыскать если не самих хозяев, то хотя бы ведущий к ним ход — если они по какой-то причине сами не хотят выйти из внутренних помещений. Срочно надо продумать способы переговоров, передачи хотя бы основных понятий, установления какого-то общего языка. Возвратиться на Землю надо не с пустыми руками, а с грузом тех знаний, которые космонавты смогут почерпнуть у хозяев иного мира. О, они превосходят людей Земли по уровню технических знаний. И как превосходят... Ведь на Земле еще не умеют монтировать в пространстве такие гигантские спутники. Разобраться во всем было просто необходимо, например — узнать, почему такие близкие соседи до сих пор не навестили Землю. И тут Раин поймал себя на мысли: «А неплохо, все-таки, было бы здесь задержаться подольше...» И даже восторженно помотал головой, подумав о том, какую бурю поднимет их открытие среди ученых всего мира — да только ли среди ученых!

Внезапно Сенцов хлопнул его по плечу.

— Ты что — уснул, что ли?

— А? Нет, я слушаю, как же. Я вполне согласен...

Сенцов усмехнулся, начал терпеливо повторять:

— Если встречаться, так уж корабль надо подготовить как следует, чтобы тут, перед ними, не выглядеть потерпевшими крушение. Сначала осмотрим корму. Ее, наверное, здорово порастрясло. Конечно, может быть и не стоило в последний момент включать рули... — последнее замечание далось Сенцову не очень легко. — Потом — солнечные батареи. И в зависимости от результатов составим план работ. Торопиться надо — они могут выйти к нам в любой момент... Кста-

ти, наших очень плохо слышно... Быстренько осмотрим — и к ним, распределим обязанности...

Они подошли к корме и снова поразились геометрическим формам сооружения, на которое опирался корабль. Это был не металл, а скорее какая-то пластмасса или даже керамика. Поверхность планеты поблескивала у них под ногами, кое-где в ней отражались звезды.

Однако изучать ее сейчас было некогда. Сенцова все больше беспокоили частые перерывы связи с ракетой, хотя они стояли совсем рядом с ней — только на несколько метров ниже.

— Быстрее, быстрее, — повторил он.

Корма корабля нависала над ними, упираясь амортизаторами в покатый выступ странной эстакады — никак иначе нельзя было назвать это сооружение. Один из амортизаторов, кажется, был основательно покалечен. Но это не важно — все равно ведь основную ступень ракеты придется отбросить, оставить здесь.

— Как взобраться-то? — вслух подумал Сенцов.

— Марсиане... — пробормотал Раин. — Вы подумайте...

— Что? Где? Видишь их?

— Нет... Понимаешь — марсиане! Какой размах! Какая техника! Какие же они? Ты пробовал представить?

— Пробовал... — признался Сенцов. — Ты знаешь, помоему, очень просто. Я думаю, они... — И вдруг, вскрикнув, схватил товарища за плечо: — Смотри, смотри!..

Гладкая поверхность внезапно заколебалась под ногами. Ракета дрогнула и медленно, кормой вперед, заскользила по эстакаде, как бы погружаясь в тот самый выступ, на который только что опиралась. В луче прожектора тускло блеснул металлический борт корабля... Еще мгновение — и ракета исчезла, провалилась куда-то внутрь планетки. Эстакада была пуста...

5

Когда ракета тронулась с места и равномерно заскользила вниз, Калве показалось, что он галлюцинирует — таким неожиданным и неправдоподобным было это необъяснимое движение. Коробов от изумления уселся на пол возле двери, поднял, словно прислушиваясь, голову, медленно проговорил:

— Метров двенадцать в секунду...

Калве включил экраны. Но за ними зияла тьма, а задний экран, на котором только и можно было бы что-то увидеть, по-прежнему не оживал...

Ракета скользила бесконечно долго — казалось, проваливалась к самому центру спутника. Однако это не было падением: скорость не возрастала, похоже было, что их опускал какой-то механизм...

Движение неожиданно прекратилось. Но не успел сидевший у рации Азаров попытаться встать на ноги, как непонятное скольжение началось снова. Коробов смотрел на циферблат хронометра; секундная стрелка совершала редкие порывистые скачки от деления к делению, словно каждый раз ей приходилось подолгу собираться с силами. «Как в агонии...» — подумал Коробов, и в этот миг ракета остановилась окончательно.

— Семнадцать секунд... — ровным голосом сказал Коробов и на какую-то долю мгновения пожалел, что спуск закончился. Теперь надо было принимать решение, а Сенцова не было рядом...

— Зачем это они? — прошептал Калве растерянно.

— Кто? — спросил Коробов и тут же понял его мысль. — Ты думаешь?..

И вдруг вытянул руку, призывая к тишине.

Все прислушались. Было явственно слышно, как кто-то постукивает, скребется, трется о металлическую броню корабля. Впечатление было такое — и всем сразу припомнилось это — будто вдоль ракеты ходит осмотрщик, постукивает молотком по оболочке, как по вагонным колесам, и что-то деловито бормочет.

Одновременно экраны начали светлеть — словно за бортом ракеты занималась слабая заря... В ее свете стали смутно видны какие-то вогнутые поверхности, непонятные аппараты, приборы... Мимо одного из экранов промелькнула округлая тень, и сейчас же шорохи послышались со стороны левого борта. Азаров с шумом выдохнул воздух.

Но Коробов уже полностью овладел собой. Обстановка требовала быстрых и решительных действий, и он готов был действовать быстро и решительно.

— Внимание! — сказал он, быть может, чуточку громче, чем следовало. — Искусственный спутник... Этим объясняется все. Сейчас мы встретимся с ними. Как понимаете, церемониал таких встреч пока еще не разработан, но в

общих чертах задача ясна: достойно представить свою планету... В любом случае мы немедленно принимаем меры к розыску оставшихся на поверхности товарищей — если их еще не доставили сюда. Понимаете, как бы эти... — он на миг заппулся, — местное население, как бы они там ни выглядели — встречаемся мы с друзьями: у них не может быть никаких причин враждебно отнестись к разумным жителям иной планеты. Встречать их будем у люка... Слышите? Опять стучатся... Ну ничего, ничего, — утешил он тех, невидимых, — сейчас оденемся...

— Одному надо остаться в ракете, — уточнил Калве и сделал шаг по направлению к шкафу со скафандрами.

— Я пойду, Игнатьич! — сказал Азаров. — Хоть теперь-то...

— Нет, — ответил Коробов. — Минуточку! — оборвал он собравшегося что-то возразить Азарова. — Для дискуссий будет отведено специальное время... впоследствии. Пока твоя задача — наладить связь с нашими и не терять связи с нами — если мы будем вынуждены выйти из ракеты.

Азаров замотал головой, но покорно отошел к рации.

Коробов оглядел рубку, сложил стопочкой на откидном столике рабочие тетради, рукавом смахнул с матово блестящего пульта какую-то пылинку, еще раз окинул все критическим взглядом.

— Ну, пошли...

Они быстро надели скафандры, проверили кислород, связь. Калве спросил Коробова:

— У них зарядка обычная?

— Полтора часа дыхания, шесть часов энергии при полном расходе без прожектора... Надо захватить по запасному баллону — на всякий случай...

— Я возьму аптечку, — сказал Калве. — Тоже... на всякий случай.

Коробов кивнул, вздохнул и чертыхнулся. Потом сказал:

— Ну, поехали. Они уже пятнадцать минут как вышли из ракеты...

Люк открывался медленно... Наконец над их головами зажегся, замерцал серым рассеянным светом выход. Они не услышали свиста, с каким воздух из тамбура должен был стремительно вырваться в пустоту.

— Какая-то атмосфера здесь, значит, есть... — сказал Коробов. — Ну да оно и понятно: раз есть живые...

Ни одним словом сверх этого он не почтил чужой, загадочный, сказочный мир — сказочный хотя бы потому, что еще час тому назад никто не поверил бы в самое его существование. Калве понимал Коробова, однако ему захотелось задержаться, попытаться хотя бы сформулировать мысленно — с чего же начать знакомство...

Он неотрывно глядел на отверстие люка, откуда должны были показаться хозяева спутника. Они медлили: прошла минута, вторая, третья, а ни одно живое существо так и не появилось. Коробов усмехнулся, сказал:

— Да, смельчаками их не назовешь... Ну что же — покажем пример...

Он вылез наружу, огляделся.

Ракета наклонно лежала на длинной, чуть вогнутой платформе, один край ее — с той стороны, где находился люк, — они могли рассмотреть во всех подробностях. Двумя уцелевшими кормовыми амортизаторами ракета, очевидно, во что-то упиралась. Стучавшие в оболочку куда-то скрылись — никого не было видно, но Калве, вскарабкавшемуся вслед за пилотом, все время казалось, что он чувствует чей-то пристальный, неотступный, тяжелый взгляд.

— Что же, прыгнем? — спросил Коробов. — Невысоко, метра три до пола...

— А обратно?

— Обратно — нас будет четверо, справимся, посадим друг друга, — сказал Коробов так уверенно, как будто не впервые приходилось ему разыскивать друзей на чужих искусственных спутниках.

Осторожно, придерживаясь за люк, они соскочили на платформу. Подойдя к самому ее краю и еще раз оглядевшись в надежде увидеть хоть одно живое существо, спрыгнули на пол. Легко ступая, отошли от ракеты на несколько шагов. Калве глянул на часы, потом — на абсолютный термометр.

— Двести семьдесят восемь — значит, пять по Цельсию... Давление — триста.

— Что ж, приемлемо, пока мы в скафандрах, — спокойно откликнулся Коробов. — Но куда же мы, в конце концов, попали? Где гостеприимное население? Где оркестр, цветы?

Они находились в большом, похожем на ангар зале. Внешняя, широкая стена его — в которую упиралась эстакада с лежавшей на ней ракетой — была чуть выгнута наружу, противоположная, узкая, казалась выпуклой, словно обе

были дугами концентрических окружностей. Плавно, без углов стены переходили в высокий потолок. Оттуда, сверху и исходило непонятное светлое мерцание.

Межпланетный корабль занимал чуть больше половины платформы, хотя он и достигал шестидесяти метров в длину. Платформа покоилась на ажурном переплете. Его образовывали странно выгнутые, сложно переплетававшиеся, переходившие одна в другую круглые балки. Верхний конец платформы разглядеть в этом сером, мглистом свете было трудно — он как бы терялся в тумане.

Вдоль стен огромного — примерно сто двадцать метров в длину — зала, который эстакада с ракетой делила точно пополам, возвышались какие-то машины или приборы неизвестного назначения; форма их была, видно, хорошо продумана, точно выверена, хотя и казалась непривычной для земного глаза: много острых углов, вогнутых поверхностей, нависающих, выдающихся плоскостей. Но все они создавали впечатление стройной системы, объединенной общим замыслом и стилем. Коробов привык по внешнему виду машин судить об уровне техники. Судя по всему, здесь этот уровень был достаточно высок.

Отовсюду дружелюбно — или это так казалось? — подмигивали разноцветные огоньки. Вдоль стен тянулись трубы и кабели со множеством ответвлений, вентилях, патрубков, непонятных грибообразных отростков, голубых блестящих наконечников, экранов с нервно пульсирующими огоньками... Разреженная атмосфера доносила легкий гул. Но никого не было видно, никто так и не захотел показаться людям. Очевидно, хозяева предпочитали наблюдать за гостями откуда-нибудь из укрытия.

— А проводочка у них наружная, — сказал Коробов. — У нас такого безобразия бы не допустили...

Калве кивнул. Он не удивился замечанию Коробова: и у него самого было такое впечатление, словно это не на другой планете находились они, а просто на каком-то вполне земном заводе, хотя и неизвестного назначения. Здесь ничто не тяготило чем-то таинственным, потусторонним, — наоборот, хотя многое для них и оставалось пока непонятным, но в общем все было схоже с тем, что они оставили на Земле. Хотя бы вон та машина, определенно напоминавшая формой автомобиль, только почему-то перевернутый вверх колесами. Конечно, это был вовсе не автомобиль, но воспринимался

именно как чисто земная вещь... Над этим стоило поразмыслить, но для размышления сейчас не было времени.

— Анализ бы атмосферы сделать... — проговорил с досадой Коробов. — Были бы приборы...

Калве вздохнул, вспомнив о земных лабораториях, об «умной» тишине вычислительного центра, в которой было так приятно думать... Но Коробов уже зашагал по залу.

— Ну, раз хозяева не показываются, мы их ждать не станем... Надо самим искать ход на поверхность: наших здесь, судя по всему, еще нет, значит, они остались наверху. Один ход наверняка есть — там, где прошла ракета.

— Но нам его не откроют, — возразил Калве.

— Может, и открыли бы, если бы им объяснить, — с досадой сказал Коробов. — Да объяснять-то некому, вот беда...

— Поищем другой, — сказал Калве. — Мне кажется... помоему, в том конце зала — видишь, не по оси эстакады, а правее — какая-то ниша в стене...

Оба торопливо пересекли зал. Действительно, это было похоже на выход. Только как его открыть, оставалось совершенно непонятным. На двери — вернее, на пластине, перегородившей нишу, — не было ни намека на рукоятку или хотя бы на замочную скважину.

— Да, эти самые местные жители... — сердито начал Коробов, но Калве прервал его:

— Вот они!

6

В длинном коридоре тусклым сероватым светом горели лампы. Их покрывал слой пыли. Они сами зажигались перед идущими и гасли, оставшись позади.

Почему-то Раину пришли на память монументальные пирамиды фараонов с их скрытыми потайными переходами. Там так же, наверное, стены давили археологов таинственной неизвестностью. Но это ведь на Земле, а тут...

Они шли торопливо, внимательно оглядываясь по сторонам. Было пройдено около сотни метров, а коридор все не кончался, по-прежнему уводил их все дальше — прямой, без единой двери, без единой детали, которая нарушала бы однообразие. Казалось, он шел совершенно горизонтально, хотя в этом необычном мире вряд ли можно было целиком доверять своим ощущениям. Лампочки индикаторов ра-

диоактивности слабо тлели в шлемах скафандров, напоминая о постоянном небольшом излучении.

Полчаса тому назад, на поверхности, когда лежавшая, казалось, неизбежно ракета вдруг скользнула вниз и так непонятно исчезла, оставив их одних в пустоте, им подумалось, что все кончено. И в самом деле — не пробиваться же сквозь материал, который сталь даже не царапала!

Несколько секунд они сидели молча, мысленно прощаясь со всем, что было дорого в жизни. Раин подумал, что если бы не Сенцов рядом (слышно было, как он яростно, шепотом, выругался), то от такого полного, абсолютного одиночества посреди Вселенной, впору было завывать, глядя на звезды.

Но как-то сразу, одновременно оба обнаружили, что умирать они все же не собираются. Тогда Раин сердито сказал:

— Послушайте, а почему, собственно, мы здесь сидим? Разве нас ничто больше не интересует? Природа тяготения? Материал? Механизмы? Жизнь, наконец? О чем вы столь целеустремленно мыслите? Работать надо, коллега!

— О чем мыслю? — переспросил Сенцов задумчиво. — Да как вам сказать. О том, что космонавты — это люди, которые побеждают космос на кораблях, а если придется — то и без кораблей. Как это там сказано у поэта? «Он задаст им овса, он им скажет веселое «Тпру!» Скажем им веселое «Тпру»...

— Кому? — вежливо поинтересовался Раин.

— В данном случае — спутникам.

— Начнем с этого, друг, — предложил астроном.

— Начали! — И Сенцов поднялся на ноги.

Раин без труда нашел запиравшую вход пластину — пропуская ракету вниз, она поднялась, а затем снова легла на место. Но поднять ее нечего было и думать — она весила, верно, даже в этом мире уменьшенной тяжести многие тонны и обладала громадной массой. Повозившись около нее минут пять, космонавты поняли, что это совершенно бесполезно.

— Давай-ка думать быстрее, — сказал Сенцов. — Кислорода у нас осталось примерно на час. Длительные прогулки вне ракеты программой нашего полета не предусмотрены. Это нас научит в будущем... — Он не окончил фразы, махнул рукой. — В общем, будем искать, пока хватит дыхания.

— Во всех фантастических романах всегда не хватало кислорода, — сказал Раин.

— Ничего удивительного, — откликнулся Сенцов. — Много ли входит в такой вот баллончик?

— Да, — согласился Раин, распрямляя усталую спину. — А вес их чувствуешь даже здесь...

Сенцов ничего не ответил и начал спускаться с эстакады.

— Боюсь, чтобы ребята там чего-нибудь не натворили, — сказал он уже внизу. — Они же обязательно кинутся нас разыскивать. Вступят еще в конфликт с этими, наделают дел...

Раин только зажмурил глаза — такой родной показалась ему в этот миг опостылевшая рубка корабля, тесная жилая каютка...

Посоветовавшись, они решили разойтись и искать вход, описывая круги — каждый в свою сторону, постепенно захватывая все большую площадь. Сенцов сразу двинулся вправо. Раин пошел в обход эстакады.

Пролезая под платформой, он был вынужден низко пригнуться, и в глаза ему бросилась какая-то светлая полоса, будто белилами нанесенная на более темную поверхность спутника. Раин остановился, внимательно осмотрел полосу. Нет, это была не краска, это был металл — металлическая дорожка сантиметров десять шириной была проложена по оболочке, вернее — в ней, так, что она ни на миллиметр не выдавалась над поверхностью. Металл тускло отсвечивал серебром... Раину пришлось в голову, что эта металлическая лента, хотя ее назначение и было непонятно, могла привести к ходу вовнутрь, и идти по ней было даже лучше, чем бродить наугад...

Раин замигал прожектором, подзывая Сенцова и указывая свое место.

— Есть? — спросил тот, поспешив к товарищу.

Оба двинулись вдоль металлической полосы. Им не пришлось пройти и тридцати метров — полоса внезапно оборвалась. Космонавты переглянулись в растерянности.

Но ни один не успел сказать ни слова. Площадка под их ногами начала медленно опускаться. Словно лифт, она уносила их в недра искусственной планеты.

Потом она плавно остановилась. Сразу загорелся бледный свет, друзьям он показался ослепительным. Раин не смог скрыть торжествующей улыбки: работа движется... Сенцов сказал возбужденно:

— Слышишь, шипит? Воздух...

Люк над их головами закрылся.

Небольшое квадратное помещение, в котором они оказались, на первый взгляд не имело дверей. Оба стояли неподвижно. Но испытание их выдержки оказалось не-

продолжительным: всего несколько безысходных секунд и одна из стен стала медленно, словно нехотя, подниматься.

— Приглашают... — сказал Сенцов, переводя дыхание.

— Что ж, согласимся... — в тон ему ответил Раин.

Но приглашала разве что сама дверь. За ней никого не оказалось, просто открылся вот этот коридор, по которому они шли уже несколько минут, следуя за убегающей металлической полосой, делая скользкие шаги, чтобы не подскакивать высоко при этой малой тяжести. При каждом шаге вздымалось облачко пыли: она лежала на полу, покрывала стены.

...Пройдя еще метров двадцать, Сенцов сказал:

— Похоже, что он никогда не кончится. Ты сориентировался — в какую сторону мы идем? Я, когда спускались, посмотрел: полоса шла левее по сравнению с направлением на эстакаду...

— Сейчас подсчитаем... Форму спутника примем за шарообразную. Расстояние между соседними эстакадами я определяю примерно в сто метров. Прямая видимость была...

Раин умолк, стал вычислять на ходу. Потом заговорил вновь:

— Если я верно рассчитал, коридор идет в строго радиальном направлении. Иными словами к центру спутника. Это, кстати, говорит о том, что аппараты, наводящие поле искусственной гравитации, расположены не в геометрическом центре... Иначе коридор показался бы нам шахтой — там центр, и там был бы низ. По логике, где-то мы должны будем обнаружить и поперечные ходы. Значит, пока все в порядке.

— В порядке-то в порядке, — сказал Сенцов, — а вот радиоактивность здесь повышена. Не идем ли мы куда-нибудь — прямо в дьявольскую кухню? К тому же не похоже, чтобы здесь часто ходили: очень уж пыли много...

— А что ты хочешь этим сказать? — спросил Раин.

— Погоди... Вот еще что: ракету убрали, к нам никто не выходит. Как ты думаешь, нормально ли, чтобы существа, стоящие на такой ступени развития, — он обвел рукой вокруг, — видели в представителях другой культуры своих врагов? Если бы двое из них попали к нам на Землю или хотя бы на корабль, как бы мы их встретили? Даже если бы они были при рогах, копытах и прочих атрибутах чертовщины?

— Ну, тут сомнений быть не может, — ответил Раин. — Встретили бы, как дорогих гостей...

— Вот то-то, — сказал Сенцов. — Значит, их просто нет. И надеяться на них нечего.

На несколько секунд оба умолкли.

— Да, может быть, — задумчиво промолвил Раин. — Пойдем. И свернем, как только представится возможность. Сворачивать нам придется вправо: ракета находится именно в этом направлении.

— Интересно, что там у них такое...

— Очевидно, какое-то подобие хранилища или ангара.

— Ну уж и подобие... — усмехнулся Сенцов. — Какое же тут подобие? Тут — настоящее, нам еще поучиться. Ох уж этот великопланетный шовинизм...

Раин засмеялся, хотел что-то ответить — и увидел нечто, заставившее его бегом броситься вперед.

— Вот! — Он остановился перед нишей в правой стене коридора. — Не здесь ли ход в сторону?

Сенцов торопливо подошел, осмотрелся. Такая же ниша виднелась в противоположной стене, сам же коридор уходил дальше, в глубь спутника.

— А лента-то убегает туда... — пробормотал командир. — Очень интересно, что же там может быть такое...

С минуту они стояли на месте, раздумывая. Но так хотелось побольше узнать — уже сейчас, в самом начале — о скрытых здесь тайнах, что оба разом тронулись с места — и уже через две минуты уткнулись в наглухо перегораживавшую ход стену.

— Должна открываться, — уверенно сказал Сенцов, подойдя к самой преграде. Тотчас же лампочка индикатора в его шлеме запылала заметно ярче. Сенцов отпрянул, нервно провел рукой по скафандру, как бы отряхивая пыль.

— Так и есть, чертова кухня, — сказал Раин. — Ладно, сюда мы еще заглянем.

Вернулись к нишам. Раин включил прожектор. Под слоем пыли угадывалась невысокая ступенька.

Не раздумывая астроном наступил на нее ногой. Под полом чуть слышно щелкнуло, задняя стена ниши беззвучно, медленно поднялась, уползла вверх. За ней — на расстоянии двух метров — оказалась вторая такая же дверь.

— Рискнем! — сказал Сенцов.

Они вошли в этот своеобразный тамбур. Поднявшаяся ранее плита осторожно, словно бы боясь их задеть, опустилась, и как только она коснулась порога — тотчас же поднялась внутренняя.

За ней снова был коридор, на этот раз поуже. Точно так же вспыхивали и гасли лампы, только плафоны их были вытянуты не вдоль, как раньше, а поперек коридора...

— Что-то долго приходится идти, — заметил Сенцов. — Кислорода осталось минут на двадцать. А заметь, любопытно: коридор изгибается влево. Значит, наши рассуждения были правильны.

— Ну, вот и дошли, — сказал Раин и остановился перед нишей уже знакомого вида. Он уверенно нажал на ступеньку. И здесь дверь была с блокировкой — двойная.

— Серьезно построено... — сказал Сенцов. — А где же наши?

За дверью была темнота. Но вот замигало — сначала робко, потом все более уверенно, и наконец сероватый, мерцающий свет — словно засветился сам воздух — озарил внутренность огромного зала, разделенного пополам наклонной эстакадой.

На ней ничего не было.

Они постояли несколько секунд, скрывая разочарование. Потом Сенцов (он все беспокойнее поглядывал на часы и на кислородный манометр) поторопил:

— Пошли дальше...

...Снова коридор, двери и зал, наполненный сероватым светом, и посередине — эстакада. Сенцов торжествующе сказал:

— А вот здесь уже кое-что интересное!

— Я же говорил, что они находятся поблизости... — пробормотал Раин. Широкими шагами оба направились вперед, высоко подлетая над полом, пока Сенцов не сказал:

— Ну а теперь-то чего мы так торопимся?

На эстакаде, смутно, как сквозь туман видимая в этом мерцающем свете, неподвижно лежала ракета. Они подходили к ней неторопливо, точно возвращаясь с дачной прогулки. Сенцов недовольно прогудел:

— Никаких работ не ведется... Что они — спят, что ли? Ну дождется у меня Коробов...

Раин покачал головой: тут что-то было не так, от Коробова трудно было ожидать такой нераспорядительности.

— И рация выключена, они нас не слышат, — сказал он. — Возможно, увлеклись внутренним ремонтом. Мало ли что могло случиться. А вдруг ребята пострадали?

— Или их там уже нет, — тревожно добавил Сенцов, убыстряя шаг. Раин взглянул на часы. Кислорода оставалось на двадцать с небольшим минут.

Внезапно Сенцов так резко остановился, что даже качнулся вперед — если бы не присоски на подошвах, он наверняка упал бы. Раин с разбега чуть не налетел на него. Сенцов негромко сказал:

— Посмотри-ка внимательно: это наша ракета?

Да, теперь они видели уже отчетливо, что ракета, лежавшая на эстакаде, была создана не на Земле, а в каком-то другом мире.

Как будто ничем особенным не отличались обводы этой чужой ракеты, они были даже, кажется, не очень красивы. Но вряд ли и хороший рисовальщик смог бы сразу воспроизвести их на бумаге...

Этот корабль казался порождением самого Пространства, в котором он скользил свободно и радостно. Это сразу чувствовалось даже при беглом взгляде на его длинное тело (оно было раза в полтора длиннее их корабля), хотя некоторые линии и выглядели непривычно для земного глаза — эти острые продольные ребра, шестигранный осиный перехват, вогнутые поверхности в носовой части. Но они были наверняка обусловлены какими-то требованиями Пространства, пока непонятными людям, как не были им понятны в свое время необычные законы дельтовидного крыла.

Сенцову подумалось, что такой корабль идет неуклонно, словно луч света, пронзая поля гравитации, как игла — мешковину. Спазма стиснула горло космонавта, и, возможно, это была спазма восхищения, но он торопливо опустил руку к поясу и немного поколдовал с кислородным краником.

— Это не наш корабль, — сказал Раин, подтверждая теперь уже очевидную истину.

Сенцов немного покашлял, глухо ответил:

— Да, красота какая... подойдем на минутку. Хоть рукой потрогать... зачем он там переходит в многогранник, а потом опять? Ракета, но какие странные дюзы...

— Нет, — возразил Раин. — Время.

— Ну, ведь два шага...

— Нет. Космонавты — это такие люди...

— Которые делают все вовремя? Цитируешь меня? Ничего не попишешь — придется возвращаться. Тут пусто, никто и не заходил: каждый след отпечатался бы в пыли.

— Они наверняка в следующем отсеке, — сказал

Раин. — Мы идем правильно...

Оба направились к выходу. Раин с тревогой заметил, что двигался Сенцов уже не с такой легкостью, как раньше, и тяжелое дыхание его отдавалось в наушниках грозным шумом.

Ясно — силач Сенцов первым должен исчерпать запас кислорода, ему уже трудно дышать...

Словно прочитав мысли товарища, Сенцов глухо сказал:

— Ну — только не отставать... — и с заметным усилием зашагал быстрее.

В момент, когда до двери оставалось шага два, свет в зале внезапно погас, непроглядная темнота окружила их. Инстинктивно оба включили прожекторы. Раин первым нажал на ступеньку — дверь на это никак не отозвалась. Тогда за ним со злостью топнул по ступеньке и Сенцов... Чувствовалось, как площадка свободно оседает под ногами, где-то под ней, едва слышно в разреженной атмосфере, щелкали переключатели — но дверь не открывалась.

Сенцов обессиленно опустил на пол, хрипло сказал:

— Ну, теперь, кажется, влипли основательно...

Все попытки открыть дверь так ни к чему и не привели. Свет в зале также не зажигался. Сенцов и Раин немного отдохнули. Сенцов дышал все тяжелее — даже тот ограниченный кислородный паек, на который он сам себя посадил, подходил к концу...

Глядя на неподвижно лежавшие возле двери тела, никто не сказал бы, с какой отдачей работал сейчас мозг каждого, перебирая различные, самые невероятные возможности, ища способ в считанные минуты выбраться из этой мышеловки. Растерянности не было, потому что умирать можно только один раз, а они уже пережили и смерть и воскресение там, на поверхности. Сейчас была только воля — бороться до последнего.

— Подвела автоматика... — прохрипел наконец Сенцов, точно подводя итог размышлениям. — Вроде бы и прав оказался Азаров... Ну ничего — еще посмотрим...

— Автоматы автоматами, а мы — люди, нам положено быть умнее, — откликнулся Раин.

Сенцов с минуту помолчал.

— Что же, — проговорил он еще более протяжно и хрипло, — пока ничего другого не придумаешь, как только попробовать осмотреть ракету. Пока мы в силах. Ждать, пока автоматика одумается, поймет, что ребята мы в общем неплохие, и откроет нам дверь — конечно, са-

мое простое... только ждать нам нечем... Что ты думаешь насчет ракеты, профессор?

— Примерно то же, — ответил Раин, поднимаясь. Если только окружающая атмосфера непригодна для дыхания, то ракета — единственная надежда. — Он сердито засопел. — Откровенно говоря, шлема все-таки снимать не хочется: что-то не верю я, чтобы здесь был кислород...

Сенцов утвердительно кивнул, потом, набравшись снова сил для разговора, сказал:

— Но по логике, если сейчас здесь живых нет, то должна быть инертная атмосфера — что-нибудь вроде благородных газов. Автоматам кислород не нужен, а в инертной атмосфере машины лучше сохраняются. Металл здесь есть, но следов окисления — никаких...

— Все равно проверить нам нечем, — сказал Раин.

— Вот — не додумались взять карманные анализаторы...

Раин хотел промолчать, но чувство справедливости победило, и он ответил:

— Они ни к чему были... Такое не предусматривалось...

— Не предусматривалось... Зато предусматривались непредусмотренные обстоятельства, — сказал Сенцов. — Особая необходимость предусматривалась...

Сенцов говорил все ленивее, точно засыпая после хорошего обеда. И вдруг Раину пришло в голову, что Сенцов нарочно задерживает дыхание, чтобы при разговоре не был слышен его тяжелый хрип. Хрипения действительно не слышалось, зато временами в наушниках что-то пощелкивало. Астроном понял, что Сенцов, чтобы не расстраивать его, отключал рацию и, видимо, следил за губами собеседника, чтобы включить, как только тот заговорит... У Раина перехватило горло — ему вдруг стало как будто даже стыдно того, что у него, судя по манометру, должно было хватить дыхания еще на пятнадцать, а может двадцать минут.

— Пошли к ракете! — решительно сказал Раин.

Сенцов попытался подняться, но ноги его подогнулись. Он все же удержался на ногах, и Раин почти поволок его к заднему, низкому концу эстакады.

Было ясно, что Сенцову не взобраться — на такое усилие он сейчас не был способен. Раин тоже был не в состоянии поднять товарища на двухметровую высоту, хотя при нормальном дыхании сделал бы это одной рукой: Сенцов во всем снаряжении весил здесь не более двадцати кило-

граммов... Поэтому Раин оставил Сенцова сидеть, только при-слонил спиной к первой опоре эстакады и включил его про-жектор на полный накал, чтобы командир не чувствовал себя одиноким; экономить энергию сейчас уже не имело смысла...

Затем он осмотрелся. Маловероятным казалось, что хозяе-ва ракеты попадали в нее, вспрыгивая на эстакаду. Однако размышлять по этому поводу, не говоря уже о поисках подъем-ника, было некогда.

Собрав силы, Раин прыгнул, ухватился рукой за платфор-му, затем уцепился второй рукой и подтянулся. В скафандре это было явно труднее, чем в тренировочном костюме, и уси-лие истощило его. Взобравшись на слегка вогнутую поверх-ность, он не решился встать на ноги и, тяжело дыша, пополз к ракете на четвереньках.

Ему казалось, что прошло очень много времени, пока он полз так — по платформе к ракете, а потом — вдоль ракеты.

Единственный шанс на спасение заключался в том, что ракета окажется не автоматической или телеуправляемой, а предназначенной для живого экипажа. Это означало бы, по-лагал Раин, что экипаж ракеты дышал когда-то кислородом, а раз так — какие-то остатки его могли сохраниться в резервуа-рах... О том, как он найдет эти резервуары в достигающем, пожалуй, сотни метров в длину корабле, Раин сейчас не ду-мал: это отвлекло бы его от главной задачи.

А главная задача сейчас — найти люк, который должен помещаться где-то не слишком высоко: ведь экипаж (опять-таки, если он вообще был) когда-то выбирался из него. Под-сознательно Раин был уверен, что экипаж все же был. Он очень удивился бы, если бы ему сказали, что эта подсознательная уверенность основывалась на внешнем виде ракеты: ее совер-шенные формы невольно наводили на мысль, что только для людей (так Раин, не мудрствуя лукаво, называл про себя мар-сиан — строителей спутника) было создано это произведение опыта и вкуса.

...Он испугался, что прошло уже очень много времени, пока он полз и полз вдоль ракеты, а люка все не было. Он остано-вился, вспомнив, что несколько минут тому назад уже думал об этом, и снова пополз. Конечно, люк мог находиться и на противоположной стороне. В таком случае пришлось бы обо-гнуть ракету и назад двигаться вдоль другого борта. Это заня-ло бы слишком много времени. И так уже прошло слиш-ком много времени...

Раин глубоко вздохнул и, придерживаясь за борт ракеты, медленно поднялся на ноги. Идти по вогнутой поверхности платформы было нелегко, от начавшегося кислородного голодания кружилась голова, но все-таки так получалось гораздо быстрее, чем на четвереньках.

Раин шел, ведя левой рукой по обшивке корабля. На ней не было заметно никаких следов от ударов микрометеоритов, ни одной царапины — идеально полированная поверхность; придерживаясь за нее было трудно, но Раин шел вперед, пока его напряженные пальцы, скользившие по металлу, не наткнулись на какую-то неровность.

Раин остановился. Оглушительно заколотилось сердце. Люк? Он повел пальцами по едва заметной бороздке. Она уходила вверх насколько хватало роста, и выше... Тогда он присел, пошарил вниз — бороздка, плавно изгибаясь, поворачивала направо. Он следовал за ней, пока она метра через полтора снова не повернула плавно вверх. Не было сомнения — это был люк, но закрытый наглухо.

Раин присел на корточки, привалился к ракете, закрыл глаза. Следовало сообразить, каким образом можно открыть люк — учитывая, что для космической ракеты способ этот не мог быть слишком простым. В следующие пять минут он перепробовал все способы, которые подсказывала ему память. Но эти попытки не принесли никакого успеха.

Тогда он передохнул, собираясь с мыслями. Как всегда, когда лобовое решение проблемы оказывалось невозможным, он начал искать обходные пути. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы применить силу. Раин на минуту представил себе, как пробивался бы он через люк, скажем, своей ракеты — через люк сверхпрочной стали, крепко вжатый в гнездо могучими рычагами. Такая задача была бы не под силу даже самому квалифицированному взломщику несгораемых шкафов. Была раньше такая специальность, теперь приемы этого несколько своеобразного ремесла были утеряны, да и они сейчас не помогли бы...

Еще бесконечно долго, как ему самому показалось, мысль его напряженнейше искала хоть малейшую возможность проникнуть в чужой корабль... Наконец ему пришлось честно сказать себе, что больше ничего придумать он не в состоянии и в ракету ему не пробраться.

Тогда он неторопливо — сейчас время больше уже не имело значения — опустился на поверхность эстака-

ды и улегся, устраиваясь поудобнее; полированный борт нависал над ним, закругляясь вверх. Раин закрыл глаза. В скафандре было тепло, кислород еще подавался из баллона — последние капли, наверное... На миг захотелось сразу прекратить подачу, чтобы не было этих, самых тяжелых, самых последних минут... Он уже протянул было руку к кранику и не испытал при этом никакого ужаса и никакого страха смерти, а просто глубокую усталость, какая бывает, когда человек честно выполнил свою нелегкую, но интересную работу, и только закончив ее, понял наконец, как он устал, и уже не может и минуты протянуть без отдыха.

Пальцы его нащупали краник, и это прикосновение напомнило ему о Сенцове и о том, как командир все закручивал краник.

Тотчас же от покоя не осталось и следа — рука резко отдернулась. Сенцов, там внизу, наверное ждет... Надо спуститься к нему, чтобы хоть последние минуты быть вместе.

Он медленно перевернулся на живот, поднялся на четвереньки, затем встал во весь рост и тронулся. Однако не вниз, а по-прежнему вверх по эстакаде.

Тайно для него самого где-то в глубине его мозга все время велся подсчет действительного расстояния, пройденного им, и потраченных на это минут. И этот подсчет говорил, что люк попался раньше, чем следовало на это рассчитывать: чуть ли не на самой корме корабля, где трудно было ожидать входа, а вернее было предположить двигатели, запасы топлива, энергетические устройства. Рабочие помещения, не говоря уже о жилых, должны быть где-то дальше. Конечно, у автомобиля мотор можно устанавливать где угодно — хоть спереди, хоть сзади; у межпланетного же корабля, который неизбежно должен быть ракетой, двигатель мог помещаться только в кормовой части, какой бы там планете ни принадлежал корабль. Сенцов-то это понял бы сразу... Как он там, Сенцов?..

Раин полз, полз, почти теряя сознание, рука его больше не скользила по борту ракеты. Что-то притягивало Раина, как магнит, и ему понадобилось собрать все силы, чтобы понять: неведомо когда вспыхнувший впереди красный огонек был этим магнитом, и к нему-то полз Раин. Он даже не удивился огоньку, как и своей уверенности, что люк должен быть где-то возле него...

И люк оказался здесь, под сигнальным огоньком, а рядом с ним были три небольших углубления, располо-

женные треугольником. Как будто заранее зная, что именно надо делать, Раин вложил в углубления три пальца — и очерченный едва заметной бороздкой кусок обшивки стал втягиваться внутрь корабля. Засветился неправильной формы четырехугольник с закругленными углами — вход в ракету...

Раин перевалился через порог люка. Лицо его исказила гримаса. Каждый удар сердца болью отдавался в висках...

Он вполз в просторное квадратное помещение. Четыре изогнутых рычага, распрямляясь, снова вжали крышку люка в обшивку. На стенах частым, прерывистым блеском замигали огоньки. Они мигали долго... Раин зачарованно смотрел на них, пытаясь вспомнить, что же делать дальше...

Послышалось тихое шипение. Раин скосил глаза на барометр — поднять руку к глазам не было сил. Прибор показывал, что давление увеличивается. Если даже камера, в которой находился Раин, продувалась сейчас не кислородом, а каким-нибудь ядовитым газом, выбирать не приходилось: его четверть часа истекали...

Стрелка барометра ползла все дальше... Раин услышал чье-то хриплое, затухающее дыхание, едва понял, что это дышит он сам, и сорвал шлем...

7

Услышав слова Калве, Коробов вздрогнул и оглянулся. Оно выбралось откуда-то из-под эстакады — это странное, уродливое существо, похожее на большую блестящую лягушку, и с глухим воем стремительно метнулось вперед. Неподалеку от них оно остановилось, повисло в воздухе метрах в трех от пола.

— Летает? — изумленно прошептал Калве...

Лягушка вытянула длинные передние лапы — только их было три, с плоскими присосками на концах. Лапы прижались к стенке ракеты. Короткие, пронзительные свистки прорезали тишину; даже под защитой скафандров захотелось зажать уши — так неприятен был этот звук.

— Ну и голосок! — пробормотал Коробов. — Теперь понятно, почему мы их даже из ракеты слышали...

Затем лапы втянулись, и секунду марсианин — или как его назвать? — висел неподвижно, словно бы рассматривая людей так же пристально, как и они его. Снова Калве почувствовал на себе странный, внимательный взгляд... После этого летающая лягушка рывком скакнула дальше. Вновь раз-

дались пронзительные звуки, будто с визгом разрывалась сама оболочка корабля.

— Э-э, — сказал Коробов, — такого уговора не было. Они нам ракету испортят...

— Эй, обожди-ка! — крикнул он и взмахнул рукой. И неведомое существо послушалось, ускользнуло куда-то под ракету.

— На чем он держится, не пойму, — сказал Калве. — Ни ног, ни крыльев... Но предполагаю, что это не живое существо. Знаешь, что я думаю? Думаю — это автоматическое устройство, действующее по программе или же телеуправляемое.

— Как же не живое? — спросил Коробов, не спуская глаз с того места, где скрылось странное существо. — Жаль только — я его напугал криком, он и удалился...

«Удалился» — вот, значит, какими торжественными словами заговорил о марсианах Коробов», — с некоторой иронией отметил Калве. Что ж, их и вправду было за что уважать, если — если...

— Нет, не живое, — сказал он твердо.

— Потому что ног нет? Так не обязательно же ему быть человекообразным...

— Нет... — Калве на миг задумался — как покороче высказать свои мысли. — Понимаешь, он, конечно, двигается и жестикулирует. Так? Но вот мы его увидели. Что ты сделал? Я помню: ты немного даже подпрыгнул...

— Ну уж и подпрыгнул...

— Подпрыгнул и так приподнял брови. И шагнул к нему. Ты удивился. А что я сделал?

— Я на тебя не смотрел. Ну?

— Наверное, что-то такое же. Это естественно — мы удивились и немного встревожились, это реакция на неожиданность, безусловный рефлекс. И он должен был удивиться, заинтересоваться. Ведь и он нас видел впервые...

— Ну, должен...

— А он не удивлялся.

— Но он посмотрел!

— Это у нас было такое чувство, что он посмотрел. Но — ни одного жеста... Мимики нет: у него ведь нет лица! У собаки есть лицо, у кошки есть... Нет мимики у жука. У этого — тоже нет. Мышление разумного существа должно быть богатым, мир чувств такой... огромный. Ему может не хватить одних слов. Слово — информация. Чувство — это мимика!

Жест! Движение!.. А здесь — ничего. Жук, большой жук, большой инстинкт — и все. А свист? Одна нота. Это не слово, не фраза... Да, так есть...

В подтверждение своих слов Калве яростно жестикулировал, хмурил лоб, мясистым носом чуть не тыкался в прозрачный пластик шлема...

— Ну ладно — не время дискутировать, — сказал Коробов. — В общем-то ты, наверное, прав — будь он живым, он сразу должен был бы подойти к нам.

— Он совсем не разумный, — горячо подтвердил Калве. — Это — автоматическое устройство, действует или по программе или им управляют те, настоящие... Если программа — то не очень сложная. Самые простые действия. Конечно, и языка общего с ним нам не найти — говорить он, ясно, не умеет...

— Значит, в розысках они нам не помогут ни на грош, — невесело сказал Коробов, по-своему оценив сообщение Калве. — Ага — еще одно — или опять то же самое?

Действительно, еще одна такая же лягушка появилась наверху. Она парила над ракетой, прикладывала к ней свои присоски.

— Как хочешь, а корабль ломать я им не позволю, — решительно сказал Коробов. Подбежав к эстакаде, он высоко подпрыгнул, взлетел, опустил на платформу. Потом вскарабкался по амортизатору на корму ракеты и побежал по выпуклой поверхности, махая руками на лягушку, словно отгоняя забравшуюся в огород курицу. Калве невольно улыбнулся.

Лягушка скрылась вслед за первой. Коробов опустил на колени и внимательно осмотрел оболочку в тех местах, где к ней прикасались присоски.

— Нет, следов никаких, — успокоенно сказал он Калве и стал спускаться. — Что им нужно, не пойму, но вреда от них, видимо, нет.

— Трудно сказать, что им нужно, — задумчиво произнес Калве.

Коробов уже подошел к нему, нерешительно потоптался на месте, не зная, что делать дальше: корабль нельзя оставить без присмотра, и товарищей надо искать...

— Ладно, — сказал он наконец. — Разыщем ребят — тогда... Пока мы уже пятнадцать минут гуляем без толку...

Предстояло открыть дверь. Калве включил прожектор, начал водить лучом по двери и стене возле нее. Потом пошарил руками в поисках какого-нибудь малозамет-

ного выступа. И это не дало результата. Оба попытались, меня настройку раций, посылать различные сигналы. Но дверь упрямо не поддавалась.

— Может быть, биотоки? — спросил Коробов.

— Здесь должно быть что-то простое, — ответил Калве. — Биотоки — слишком сложно. Ну-ка, подсади меня — я посмотрю наверху...

Коробов подошел, встал вплотную к Калве. Но едва лишь Калве успел положить руки ему на плечи, чтобы выжаться вверх, как под ними что-то чуть слышно скрипнуло. С едва уловимым шорохом дверь поднялась.

— Вот тебе раз... — сказал Коробов.

Калве усмехнулся.

— Простейшее решение: механическое воздействие... Вход автоматизирован, чтобы людям не приходилось делать лишних движений руками. Просто здесь нажимают ногой. А пыль, очевидно, забила пазы, и потребовался наш общий вес. Дверь на биотоках — глупая роскошь даже при более развитой технике. А ты видишь, что здесь давно никто не ходил? Пыль не тронута... Это, вернее всего, означает, что живых на спутнике действительно нет. Эти автоматы и есть его жители... Ну что ж... А как там, в ракете?

Коробов начал вызывать Азарова. Ракета не отзывалась.

— Опять нарушения связи... — сказал Калве. — Ионизация, что ли, влияет?

Коробов промолчал. Потом набрал побольше воздуха в легкие и, повернув регулятор на полную мощность, рявкнул в микрофон так, что тоненько запел, резонируя, шлем. Азаров не отзывался... И вдруг откуда-то — казалось, совсем близко, — донесся голос Сенцова:

— А вот здесь уже что-то интересное...

В ответ забормотал знакомый тихий голос Раина.

— Они, это — они! — крикнул Калве.

Коробов заорал:

— Сенцов! Ау!

Оба рванулись к двери, готовые бежать, искать, помочь... Но звуки не повторялись, сколько ни кричали оба в микрофоны, рискуя посадить аккумуляторы и сорвать голос.

А дверь с тихим шорохом ушла куда-то вверх, открывая вход в слабо освещенный коридор.

— Они живы, найдем! — сказал Калве, выглядывая в дверь.

— Теперь мы их быстро найдем! — уверенно отозвался Коробов. — Только вот Азаров...

— Ну, чего там? — Голос Азарова раздался в наушниках неожиданно, и оба вздрогнули.

— Чтоб тебя! Почему молчал? Ты их слышал?

— Кого? — быстро спросил Азаров.

— Как — кого? Сенцова, понятно...

— Я другое слышал, — помолчав, ответил Азаров. — Вы где?

— Открыли дверь, — сказал Коробов. — Выходим. Мы их слышали. Вызывай их все время.

— Счастливо. Вы там недолго... — сказал Азаров.

Как только космонавты вышли в коридор, дверь за ними снова опустилась на место. Дальше двинулись не раньше, чем Коробов убедился, что и с этой стороны открыть дверь не составляет никакой трудности. Дорога была ясна — вперед по коридору, который тянулся в обе стороны, исчезая в темноте. Только...

— Направо, налево? — спросил Калве.

— Как бы не ошибиться... — сказал Коробов.

— Может, разойтись? — предложил Калве, хотя ему вовсе не хотелось бродить в одиночку, но Коробов решительно ответил:

— Нет, не пойдет. Для того мы и вышли вдвоем, чтобы помогать друг другу. Мало ли что может случиться... Давай пойдём — ну, хотя бы направо. Если они в этой стороне, мы обязательно наткнемся на следы: видишь, пыль какая... Если никаких следов не будет — поворачиваем назад и идем в противоположную сторону. За пять минут мы даже в скафандрах можем обследовать чуть не полкилометра. Вряд ли они успели уйти дальше...

Первая дверь попалась метров через шестьдесят. Там было пусто. Коробов уже повернулся — идти дальше, но тут Калве вдруг схватил его за руку.

— Блестит... — сказал он и кинулся вперед.

Коробов еще не успел сообразить, в чем дело, когда Калве с необычной для него поспешностью уже нагнулся и схватил какой-то лежавший на полу предмет. Поднес его к шлему. Затем протянул подбежавшему Коробову.

— Вот... — сказал он, переводя дыхание. — Они...

На его ладони поблескивал небольшой металлический приборчик. Это был переносной счетчик частиц — такие находились во всех помещениях ракеты и фиксировали

те редкие частицы сверхвысоких энергий, которым удавалось пробить защиту корабля. Очевидно, Сенцов, а еще вернее — Раин, выходя из корабля, взяли с собой один из этих счетчиков, не вполне полагаясь, может быть, на вмонтированные в их скафандры индикаторы радиоактивности...

— Ясно — они были здесь, — сказал Коробов.

— Я думаю даже... — проговорил Калве. — Смотри: нет ни одного следа. Они не шли — их тащили, несли! Возможно, такие же автоматы, как мы видели.

— Ясно! — сказал Коробов. — Быстрее за ними!

Сжав в руке счетчик, он двинулся дальше по коридору. Калве не отставал, только через несколько минут заметил:

— Тебе не кажется, что мы идем все время вверх?

— Похоже, — ответил Коробов. — Впрочем, может, это только кажется? А если и так — что с того?

— Ничего... — ответил Калве... — Интересно, куда этот ход нас приведет?

...В конце концов он привел космонавтов к закрытой двери. Но теперь им уже было известно, как открывать двери в этом мире.

А за дверью был новый коридор. При входе в него им сразу бросилась в глаза голубоватая табличка на стене, покрытая какими-то видными и сквозь пыль ровными узорами из отрезков прямых линий. Калве громко вздохнул.

— Ну, вот... — сказал он задумчиво.

— Что такое?

— А то, что это письменность... Значит, спутник все же населен разумными существами: автоматам письменные инструкции не нужны.

— Населен — или был населен...

— Раз был — значит, и есть, — сказал Калве. — Человечества не вымирают. Самое большее — они могут переселиться в другое место. Жизнь, в общем, устроена очень правильно.

— Пойдем, — сказал Коробов, — потом будем разбираться...

Возле двери он нарисовал пальцем на слое пыли большое «К»: будет примета. Буква сразу же заиграла яркими красками.

Калве, заинтересовавшись, провел перчаткой — очистил от пыли небольшой участок стены.

— Это бы зарисовать... — сказал он, глядя на выющиеся по стене, слабо светящиеся узоры. — Очень любопытно...

— Как только найдем наших — сфотографируем все, что сможем, а на Земле разберемся, — поторопил его Коробов.

Наверное, не стоило сейчас вспоминать о Земле... Пока что каждый шаг уводил все дальше от нее, и лучше всего было заниматься делом и не думать о том, что их ждет впереди.

Калве бросился догонять Коробова, который уже открывал новую дверь.

— Не пойму... — сказал Коробов после паузы. — Это лаборатория, что ли?

Калве взглянул через его плечо.

Стены просторной комнаты заметно сужались — как будто художник переусердствовал, изображая перспективу. По обе стороны узкого прохода стояли на невысоких постаментах прозрачные прямоугольные ящики, до самого верха наполненные какой-то серой массой. В закрытых прозрачными крышками лотках тянулись во все стороны разноцветные трубы, а может быть кабели, и уходили куда-то через заднюю, самую короткую стену. Освещение было другое — жаркое, с фиолетовым оттенком, совсем не похожее на тот серый, мерцающий сумрак, к которому Коробов и Калве уже начали привыкать.

Они подошли к одному из ящиков. В лучах света прозрачная поверхность его слегка отсвечивала. Всмотрелись. Передняя стенка, через которую ясно была видна серая масса, только издали казалась сплошной. На самом же деле она состояла из множества небольших квадратов, а весь ящик оказался разделенным на многие секции — точно картотека. Калве осторожно потянул одну из крышечек — на него стал надвигаться прозрачный лоток, наполненный студенистой серой массой... Тотчас же передняя стенка ящика залилась мигающим красным светом. Калве отнял руку. Ящичек медленно втянулся обратно, красный свет погас.

— Черт его знает, — сказал Калве. — Может быть, из этого они и готовят свои пластмассы? Или здесь нечто вроде плантаций, на которых выращивают питательное вещество? На хлореллу не похоже... В общем, что-то непонятное. Тут надо осторожнее себя вести, ничего зря не трогать — хозяева обидаются, чего доброго...

— Ни в коем случае, — согласился Коробов. — Питательное вещество? Не очень-то аппетитно выглядит...

Он снова выдвинул крайний ящичек, придерживая его пальцами, низко склонился, приблизил лицо к се-

рому веществу, чтобы как следует рассмотреть неровную поверхность... Калве предостерегающе поднял руку, но было уже поздно.

Голубая змейка вылетела из ящика, на короткий миг затанцевала на шлеме пилота. Коробов стремительно разогнулся, взмахнул руками — за прозрачной пластмассой шлема Калве увидел его искаженное от боли лицо — и тяжело рухнул на пол, ударив при падении локтем прямо в середину медленно уползавшего на место ящичка. Снова прыгнула голубая змейка разряда... Калве схватил Коробова за плечи, оттащил на середину прохода, открыл ему подачу кислорода на полную мощность, стал делать искусственное дыхание — в скафандре это оказалось совсем не легким делом... Когда ему показалось, что это все уже бесполезно, Коробов открыл глаза. Отчаянно морщась, отстранил Калве, медленно поднялся на ноги.

— Нет, ничего... — сказал он. — Просто оглушило... Оказывается, это все под напряжением, и под немалым. Пойдемка отсюда подальше, а то неровен час...

Поглядывая на вновь загоревшуюся красным светом крышку ящика, оба медленно пошли дальше по проходу, мимо прозрачных хранилищ. Калве беспокойно оглядывался. Тревожный красный огонек все не гас... Коробов полувопросительно сказал:

— Это он просто сообщает, что нормальный режим нарушен...

Они подошли к задней стене комнаты. Осторожно перешагнули порог.

Перед ними открылся круглый, просторный зал. Очевидно, он являлся центром, вокруг которого располагались хранилища серой массы, образующие правильный круг. Возможно, форма круга могла дать понятие и о всей внутренней планировке Деймоса. Но делать обобщения было, пожалуй, рано — они успели осмотреть лишь ничтожную часть спутника.

Все возраставшее беспокойство за судьбу товарищей не позволяло им задерживаться. У Сенцова и Раина оставались считанные минуты...

Они вышли в коридор, миновав по пути еще одно помещение с прозрачными ящиками. Коридор привел их опять к переборке, около которой Коробов нарисовал букву. Он был явно кольцевой, по внутренней его стороне располагались хранилища серой массы, а выводила из него лишь одна дверь — та, через которую они и пришли.

Это был тупик. Надо было возвращаться к тому месту, откуда они начали поиски. Теперь стало ясно: ни Сенцов, ни Раин этой дорогой не шли...

Оглушенные этим открытием, космонавты стояли неподвижно. Коробов все еще сжимал в руке хрупкий приборчик.

— Но ведь счетчик! — уже во второй раз упрямо сказал Калве.

— Счетчик... — угрюмо повторил Коробов. — Но их здесь нет и не было. И нечего им здесь делать... Не людоеды же здесь живут, да и то скафандры не съели бы... А следов никаких... Ну — не будем терять времени. Все это когда-нибудь выяснится...

...Они почти бежали, надеясь больше всего (хотя ни один и не высказал этого вслух) на то, что Сенцов и Раин сами уже отыскиали ракету и сейчас сидят в рубке, спокойно дышат кислородом и ждут их.

Подбежав к двери в тот ангар, где стояла их ракета, они внимательно осмотрели пол. Никаких новых следов не появилось.

Тогда они бросились дальше по коридору. Вот еще одна дверь... Калве смаху опустился на колени.

Прожектор осветил ясно отпечатавшиеся на пыльном полу знакомые рубчатые следы башмаков.

Следы уходили под дверь. Обратных не было, значит, Сенцов и Раин могли быть только там, за дверью. И Коробов топорливо нажал на запорную ступеньку.

Дверь не открылась...

Еще не веря в несчастье, они топали по ступеньке вновь и вновь, нажимали на дверь — как будто чем-то, кроме взрывчатки, можно было взять этот материал, кричали — как будто кто-то мог их услышать.

Потом снова обшаривали прожекторами каждый сантиметр пола в сумасшедшей надежде — а вдруг они просто не заметили выходных следов, вдруг товарищам все же удалось выбраться... Потом оба просто сидели возле неповинующейся двери, по временам снова и снова пробуя открыть ее и вновь опускаясь на пыльный пол. Сидели до тех пор, пока стрелки кислородных манометров не задрожали где-то около нуля.

Тогда Коробов поднялся, тронул Калве за плечо, и они медленно пошли к своему ангару. У обоих была только

одна мысль; если бы они сразу пошли налево... Мысль

эта пригибала их книзу, они шли, сгорбившись — насколько им позволяли горбиться скафандры.

Это была беда... Они сидели в рубке, в креслах, даже не скинув скафандров, хотя это и запрещалось правилами. Они убеждали себя, что присели только на минутку и тотчас же вновь отправятся на поиски. Однако всем было ясно: бесполезно. При самом экономном расходовании кислорода у Сенцова и Раина уже кончился несколько минут назад.

Уже не было смысла следить за быстро бегущей по циферблату секундной стрелкой, но Калве не отрывал от нее глаз. Коробов сидел сумрачный, опустив глаза. Прозрачный шлем его стоял рядом на полу, он потирал лоб (нестерпимо болела голова) и слушал, что ему, размахивая руками, говорил Азаров.

Что он мог сказать? И чего теперь размахивать руками?

— Связь, связь надо было держать! — резко сказал Коробов. — Мы и то их услышали, а у тебя вон какая рация!

— Попробуй! — ответил Азаров, вертя рукоять настройки. — Вон какая чертовщина творится...

Действительно, в диапазоне между десятью и тридцатью семью сантиметрами в эфире творилось непонятное: что-то мяукало, пищало, иногда заливалось звонкой трелью, раздавались какие-то завывания — потом вдруг все смолкало, слышались только сонные хриплые звуки, а через небольшой промежуток времени все начиналось сначала.

Послушав эту какофонию минут пять, Коробов приказал выключить рацию, чтобы не тратить питания.

— А может, это местные жители нас вызывают? — неуверенно сказал Азаров.

— Чепуха, — ответил Коробов. — Мы облазили чуть ли не полспутника — нигде ни следа. Я, конечно, не знаю, что этот писк и визг значит, однако...

— Я, кажется, знаю, — сказал Калве, не отрываясь от часов.

Оба посмотрели на него — Коробов с интересом, Азаров осуждающе: Калве отнимал у него последнюю надежду на спасение товарищей, которые (окажись предположение Азарова правильным) могли бы найти приют у хозяев спутника...

— У нас просто не было времени подумать, — сказал Калве. — Если мы находимся в ангаре, предназначенном для ракеты (а мы, очевидно, находимся именно в ангаре, предназначенном для ракеты), и если нас, вернее — ангар,

обслуживают автоматы (а его, судя по всему, обслуживают именно автоматы), то эти автоматические устройства должны откуда-то получать команды... да, так есть...

— Почему? — спросил Азаров. — Они могут и сами обла-
дать...

— Логическими устройствами? Нет, не думаю, это противоречит принципу целесообразности. Тысяча арифмометров не заменит одной вычислительной машины... Так вот, все это дает нам основание предположить наличие достаточно сложных кибернетических устройств, ведущих управление автоматами и контроль за ними. Такой центр непременно где-то в спутнике имеется. Автоматы, как мы с Коробовым видели, не получают информации по проводам. Нет у них контакта и с полом ангара. Следовательно, команды им передают по радио. Вот источник этих сигналов.

— Стоп, стоп! — сказал Азаров. — Радиоволны-то сквозь стены не проходят...

— Это естественно, — сказал Калве. — Автоматов должно быть много, частот в ограниченном диапазоне — меньше. Ангар тут, как мы с Коробовым видели, не один... Значит, надо, чтобы автоматы, работающие на одной и той же волне, получали команды избирательно.

— Волноводы, очевидно... — задумчиво сказал Азаров. — Наверное, так. И вы смогли услышать Сенцова и Раина только потому, что в этот момент находились где-то на концах одного и того же волновода...

Напоминание о друзьях переполнило чашу терпения Коробова. Он и так еле сдерживался: все нестерпимее (верно, от электрического удара в комнате с серой массой) болела голова, ныла рука, а Калве тут разводит теорию — прямо хоть лекторий открывай, и увлекающийся Азаров развесил уши да еще сам начинает строить гипотезы, а когда надо было держать связь, то он развлекался тем, что слушал всякое тараканье. Коробов с трудом поднял тяжелую голову: еще несколько минут — и он свалится здесь просто от упадка сил.

Он медленно разогнул спину, тяжело поднялся с кресла. Азаров в это время спрашивал:

— А эти автоматы, которые вы видели — они, по-твоему, что делают?

— Летают... — мрачно сказал Коробов. — Свистят. Больше ничего не делают. А вот нам бы не мешало начать что-нибудь делать... для разнообразия, что ли.

Калве насупил, медленно заливаясь краской.

— Осмотр ракеты не закончен, — продолжал Коробов. — Пойдем составим на месте план действий. Помочь нам никто не поможет, а засиживаться здесь мы не собираемся... С тобой пойдем, — сказал он Азарову (тот торопливо закивал, потянулся к шкафу за скафандром). — А ты, Лаймон, разденься, подежурь в рубке, потом сменишь одного из нас, когда поработаем...

— Пока что, я попытаюсь рассчитать... — начал Калве. — Погоди, в чем это скафандр у тебя?

Коробов вывернул руку, оглядел локоть скафандра, на который указал Калве.

— Грязь какая-то... Да, наверное, эта серая масса. Когда это я успел?..

— Когда падал, — сказал Калве. — Я вспомнил — ты локтем ударил прямо в открытый лоток. — Он снял с рукава Коробова темно-серые крошки вещества. — Рассмотрю их, попытаюсь понять, что же это такое. Иногда по структуре можно многое понять...

Калве включил рацию, кивнул товарищам. Они надели шлемы и скрылись за дверью выходного отсека. Калве остался один в ракете. Теперь здесь было непривычно тихо. Не слышалось тонкого стрекочущего шороха телеустановок, не гудела вычислительная машина, сверявшая курс корабля с программой, стрелки большинства приборов бессильно откинулись на нулевые ограничители. Калве поежился: тишина была неуютной, зловещей; только легкое жужжание рации напоминало о том, что в мире есть веселые, бодрые звуки.

Калве решил быстро заняться делом, чтобы не замечать этой тишины. Нарочито громко шаркая подошвами, подошел к маленькому шкафчику; в нем был смонтирован портативный электронный микроскоп.

Он отделил крупинку серого вещества и включил ток. Долго смотрел на экран, осторожными движениями пальцев регулируя фокусировку, потом прильнул к окошечку.

Вещество имело клеточное строение. Это была не колония простейших, а какой-то многоклеточный организм. Клетки вытянутые, с длинными отростками... Калве всматривался в них до боли в глазах, забыв обо всем на свете. Где-то он видел клетки — очень похожие. А где он мог видеть их? Он же не биолог и не бионик* и в микроскоп органические ткани раз-

* Бионика — отрасль кибернетики, стремящаяся использовать в технике принципы устройства живых организмов.

глядывал, только проходя необходимый курс космомедицинской подготовки. Там были препараты. Какие? Нет, это не мышца... Очень, очень похоже на что-то. А что же им показывали? Нервные клетки... И еще — да, это очень похоже на...

Коровов и Азаров вернулись через полчаса. Обследование не дало ничего утешительного: значительная часть элементов солнечных батарей разбита при посадке. Вышел из строя телеприемник заднего обзора, оторваны два посадочных амортизатора. Придется поработать, чтобы привести все в порядок.

Но это сейчас и нужно было: работать, работать изо всех сил, чтобы хоть немного заглушить глубокую скорбь о погибших друзьях и не впасть в апатию — первый признак обреченности.

Об этом думал Коровов, ожидая в тамбуре, пока вихрь ультрафиолетовых лучей очистит на нем скафандр. Почему Калве не встречается? Пока Азаров стаскивал шлем, Коровов заглянул в рубку.

Калве сидел за столом, опустив голову. Он даже не повернулся на звук открываемой двери.

— Ты что, заболел, Лаймон? — спросил Коровов. Голос его гулко прозвучал из динамика: Коровов еще не успел снять шлем и говорил через рацию.

Калве открыл пустые глаза, облизал губы.

— Знаешь, почему погибли Сенцов и Раин?

— От недостатка кислорода, — глухо ответил Коровов, сразу рассердившись на Калве за то, что он заговорил о том, о чем говорить пока не следовало. — А ты что — сомневаешься?

— В конечном итоге — да, от этого. — Губы Калве скривились, он умолк. — В конечном итоге... — снова начал он после паузы. — Недостаток кислорода — это был топор... А ударили топором — мы с тобой.

Коровов быстро подошел, обнял его за плечи. Калве, дернувшись, сбросил его руку.

— Нет, я в своем уме, — сказал он внезапно очень спокойно и устало. — Я не брежю... Не брежу, да... — Он протянул Коровову тонкую пластину с крупинкой серой массы, уже покрывшейся сверху каким-то странным, коричневого цвета налетом. — Ты говорил... Я рассмотрел. Ты знаешь, что это?

— Ну, питательное вещество или что там... Нет? Что это?

— Нет, не питательное вещество. Это — ткань, можно даже сказать — живая ткань, состоящая из клеток, подобных клеткам головного мозга...

— Да черт с ней, с этой тканью! — закричал Коробов. — К нам-то она имеет какое отношение?

— Мы знаем, что здесь должен быть кибернетический центр, — продолжал Калве. — Мы его нашли — только не догадались, потому что все там было слишком не похоже на наши земные кибернетические устройства. Вот эти прозрачные ящики и есть машины — очевидно, с высочайшей степенью надежности... Вместо наших микромодулярных или микронных схем у них работает органическое вещество, понимаешь? Мы с тобой повредили какую-то часть схемы, мы...

— Искусственный мозг, что ли?

— Ну не мозг, конечно, все это гораздо примитивнее... Не мозг, но большая кибернетическая машина, решающее устройство. А мы...

— А какое отношение все-таки это имеет к нашим? — мрачнел, спросил Коробов.

— Туда они вошли, очевидно, свободно: судя по следам, они не топтались у дверей, не так ли? А назад не вышли. И мы не смогли открыть. Они повредили что-нибудь? Сенцов осторожен, и Раин тоже очень осторожен. И все же — поломка.

— Ну а мы-то...

— Ну как можно не понимать... Здесь, очевидно, вся автоматика управляется из центра — это облегчает работу и контроль. Об этом я догадывался и раньше... Так вот, мы испортили ближайший к выходу блок машины. Помнишь красный свет? Он указывал на неисправность. Мы не знали. Но надо было предвидеть, надо... Возможности техники ведь не исчерпываются нашими земными схемами — ах, как глупо, как глупо...

Калве умолк, спрятал лицо в ладони. Коробов снова положил руку ему на плечо.

— Давай одевайся... Придется тебе идти — без тебя я не разберусь. Посмотрим вместе, что там можно сделать. Хоть так...

Калве понял недосказанное: хоть так мы их вновь увидим, сможем отдать последний долг...

Он молча пошел за скафандром. У Коробова кожа туго обтянула скулы, губы пересохли, глаза не мигая смотрели в пространство. Таким и застал его Азаров.

— Куда вы собрались? Калве совсем больной, да и ты... Что с тобой случилось? В таком виде идти нельзя...

Коробов молча отстранил его. Азаров отскочил к стенке, схватился за маховичок аварийного закрывания, крикнул:

— Не выпущу, клянусь! Отдохните хоть час, полчаса...

Коробов остановился, удивленно, как будто впервые увидев, посмотрел на Азарова; понял — действительно, не выпускает, он прав...

— Ладно... Отставить выход, раздеваться. Тридцать минут отдыха.

Уже из каюты Коробов угрожающе предупредил: «Но — чтобы через полчаса!..» Азаров плотно затворил дверь, включил электрический сон и, вернувшись на место, стал пристально смотреть в микроскоп на крохотную частичку серого вещества. Но, посмотрев минуту, не выдержал, плечи его задрожали. Глухо гудела включенная рация, серые крупинки сиротливо валялись на пластмассе стола...

8

Только часа через два нашли они силы выйти из ракеты. Калве все же отговорил Коробова от немедленного похода в кибернетический центр: двоим там делать нечего, а здесь тоже неотложные дела. Решили, что пилоты сразу примутся за ремонт, Калве же сходит наверх один и посмотрит — нельзя ли каким-либо образом восстановить управление тем отсеком, где на пыльном полу лежат бездыханные тела товарищей.

Калве, тяжело ступая, направился к выходу. Коробов сказал вдогонку:

— Ты, Лаймон, только там не перемудри — видишь, как с ними осторожно надо.

— Постараюсь, — коротко ответил тот.

Перед тем как выйти из отсека, Калве проверил укрепленный на шлеме скафандра инвертор. Аппарат этот давал возможность увидеть на особом экране сеть электрических токов, даже если проводники будут изолированы или скрыты: улавливая возникавшее вокруг проводников магнитное поле, инвертор преобразовывал его в видимое изображение. Прибор применялся для ремонта электрических сетей ракеты, но Калве надеялся использовать его и при исследовании устройства здешних кибернетических машин.

Он уже собрался отворить дверь в коридор, но в этот момент Коробов сказал:

— Опять автоматы... Мрачноватые создания...

Голос его раздался одновременно во всех шлемах.

Азаров и Калве обернулись.

Открылись несколько люков в стенах — до этого припорошенные пылью крышки их неразлично сливались с гладью стен; из люков показались странные, конусообразные механизмы, украшенные сверху гребнями наподобие того, как украшались некогда шлемы римских легионеров.

Они медленно плыли вперед. Мертвая тишина наполнила ангар. Двое на эстакаде и Калве возле двери всматривались в странные фигуры с любопытством и тревогой.

Роботы подплыли чуть ближе, и стало ясно видно, что «гребни» их состоят из множества тонких и гибких рычагов. Рычаги эти чуть двигались — плавно, во все стороны, словно механизмы, разминали пальцы, как пианисты перед концертом.

— Ого, это сколько же у них степеней свободы? — удивился Азаров.

— Мне это очень не нравится... — сказал Калве встревоженно. — Это похоже на...

Он не закончил фразы. Словно желая поскорее развеять его сомнения, роботы резко изменили направление, разделились на две группы. Одна из них направилась к головной части корабля, другая — к корме. Щупальцы зашевелились, вытянулись вперед...

— Держите их! — крикнул Калве, бросаясь к ракете.

Сверкнул радужный разряд, за ним еще и еще один...

— Осторожно! — изо всех сил неожиданно басом крикнул Коробов. — Держаться подальше!..

Над ракетой взвились струйки голубого дыма. Сквозь них было смутно видно, как роботы в двух местах словно присосались изогнутыми рычагами к бортам ракеты. Снова блеснул разряд. Это было, как предательские выстрелы в упор, затем одиночные выстрелы перешли в торопливую пулеметную очередь, и наконец разряды слились в сплошное буйствующее пламя. Оно было так режуще-ярко, что слепило глаза. Казалось, вокруг ракеты запылал весь воздух.

Калве инстинктивно поднял к шлему согнутую в локте руку, чтобы защитить глаза от нестерпимого сияния, но все же успел увидеть, как огненный язык вонзился в тело корабля и медленно повел тонкую линию разреза...

— Ракета! — только и успел крикнуть Калве, и тотчас же Коробов дико заорал: «Бей!» — и бросился на ближайшего к нему робота. Тут уж было не до вежливости и не

до межпланетной дипломатии — происходило самое настоящее нападение на корабль, и оставалось лишь защищаться.

Коробов, размахнувшись, рубанул по ближайшему роботу, но инструмент отскочил от непроницаемого панциря. Автоматы работали методически, точно никто и не пытался им помешать, разрезы в теле ракеты все углублялись и шли так ровно, словно бы ракета лежала на операционном столе, и опытный марсианский хирург, в окружении целой свиты огнедышащих ассистентов, сделал первый разрез.

Азаров, изловчившись, попробовал достать рычаги, но и они оказались покрытыми той же непроницаемой оболочкой.

— Надо опрокидывать! — крикнул Калве, и космонавты все втроем навалились на робота, висевшего невысоко над полом, пытаясь перекосить его, оттащить в сторону. Но конус сразу же принял прежнее положение (очевидно, его равновесие регулировали специальные устройства), один из рычагов медленно, словно бы нерешительно, изогнулся, потянулся к Азарову... Коробов едва успел, подставив подножку, швырнуть Азарова на пол.

— С ума посходили — а если он ударит? — воскликнул он. — Так мы их не остановим...

Короткий грохот прокатился по залу. Из тела ракеты вырвался огненный меч и сразил подвернувшегося робота. Тот мгновенно покрылся пузырями, щупальцы его бессильно свернулись. Через секунду изуродованный механизм опрокинулся на бок, рванулся, как бы из последних сил, в сторону — и рухнул на дрогнувший пол.

Казалось, покинутый людьми корабль решил обороняться своими силами. Потрясенный этим зрелищем, Коробов подпрыгивал на месте, сжав кулаки, вопил: «Дай им еще... еще дай!» И вдруг с ужасом понял, что произошло: автоматы заделали своими горелками топливные баки. Топливо не могло вспыхнуть в инертной атмосфере, но, видимо, какой-то не в меру усердный робот вспорол бак, в котором содержался окислитель...

В любой миг мог произойти взрыв, способный разнести весь ангар! Сообразив это в какие-то доли секунды, Коробов хотел уже крикнуть, чтобы товарищи спасались...

Но в этот момент огненный смерч погас. Остальные роботы вытянули по одному щупальцу в сторону бушевавшего пламени. Взвилось коричневое облачко — и пламя сразу опало.

Затем раздалась гулкие удары — почти одновременно в носовой и кормовой частях ракеты обрушились на пол два вырезанных куска оболочки... И словно только этого они и добивались, роботы втянули шупальцы и начали медленно удаляться в сторону открытых люков. Атака по непонятной причине прервалась, но в любой миг можно ожидать ее повторения. Необходимо спасти из корабля все, что еще можно спасти...

...Коробов торопливо нажал аварийную кнопку. Люк и внутренняя дверь распахнулись настежь. Калве, преодолевая мгновенный страх — ему внезапно почудилось, что и сама ракета теперь таит какую-то угрозу, — бросился в отсек, где хранились переносные баллоны кислородного резерва, обхватил один, с усилием приподнял и по узкому коридорчику, цепляясь за стены то баллоном, то скафандром, потащил его к выходу. Коробов метнулся в аккумуляторную — следовало подумать о спасении хотя бы части аккумуляторов; остаться без энергии было вряд ли лучше, чем без кислорода или продовольствия, спасением которого сейчас занялся Азаров.

Поставив баллон на пол, Калве кинулся за следующим, но не мог не забежать по дороге в рубку — больше всего его беспокоили кибернетические устройства ракеты, скрытые за облицовкой стен... Он пробыл в рубке не более минуты и вышел оттуда, пошатываясь — настолько ужасно было то, что он там увидел... С ожесточением Калве вцепился в очередной баллон, взвалил его на плечо, поднатужился и кое-как захватил еще один под мышку.

Еще не понимая, что ракета погибла, они продолжали, однако, спасти из нее все, что возможно... Азаров швырнул из люка резервные блоки рации, прозрачные мешки с продовольствием и аварийным запасом воды — его везли с собой на случай выхода из строя регенерационного устройства, и вот теперь он пригодился: регенерационные аппараты вытащить из корабля было невозможно... Коробов вынес из рубки бортовой журнал вместе с микрофоном и хранилищем магнитных лент. Осторожно положив его на пол, он, перед тем как снова влезть на эстакаду, спросил у Калве:

— А может быть, они совсем ушли? Почему они прекратили? Может быть, вмешаются эти?..

Калве поднял лицо, по которому — видно было — стекали струйки пота, на миг задумался, прежде чем ответить, — и замер, увидев, как медленно поднялась, уползла вверх пластина

входной двери... Он выпустил из рук только что вынесенную им из ракеты коробку с пленкой — она с дребезжанием покатилась по полу... Коробов застыл в оцепенении.

На пороге появились странные фигуры. Примерно такого же роста, как и люди, они медленно, неуверенными шагами, как бы чего-то опасаясь, продвигались вперед. Они держались прямо, передвигаясь по-человечески, на двух конечностях и неуклюже размахивали несомненно руками. Их было только двое.

Молча, широко раскрыв глаза, Коробов и Азаров всматривались в надвигающиеся фигуры в черных мешковатых скафандрах. В цилиндрических шлемах не виднелось ни одного прозрачного окошка, и мрачными и таинственными показались эти безликие, черные существа...

Коробов пробормотал:

— Вот они... хозяева! Ну, погоди ты...

Словно подстегнутый его словами, Азаров стремительно бросился вперед, угрожающе подняв руку. Коробов напрасно пытался удержать его. Срывающимся голосом Азаров закричал:

— Немедленно... немедленно прекратите это безобразие! Вы же разумные существа! Что вы наделали?!

Он кричал, не думая, что хозяева спутника могут его и не услышать и что, даже услышав, — не поймут...

Вошедшие ускорили шаги. Они двигались — один чуть впереди другого, и, казалось, не собирались вступать в переговоры. Вот первая черная фигура, неуклюже переваливаясь, подбежала к ракете, за ней, точно, только с некоторым запозданием, повторяя все ее действия, побежала вторая... Калве в оцепенении наблюдал за почти человеческими движениями этих представителей неведомого мира — они торопились, очевидно желая чем-то поживиться в полуразрушенном корабле, завершить работу, начатую послушными автоматами.

Азаров вырвал из зажима универсальный инструмент, и, когда первая из бегущих фигур поравнялась с ним, резко шагнул вперед, замахнулся... Калве трагическим жестом поднял обе руки, Коробов весь напрягся, рванулся вперед — то ли оттащить Азарова назад, то ли помочь ему, если разгневанные хозяева начнут с ним расправляться.

Столкновения не произошло — видимо, хозяева не хотели крови. Они даже не пытались защититься... Только одна

мимо, на миг остановилась, подняла руку и вполне понятным человеческим, укоризненным жестом постучала себя по шлему. Азаров отскочил назад, нервно засмеялся...

Чужие, цепляясь за эстакаду, лезли в ракету. Вот они уже скрылись в люке. Тогда и люди стряхнули оцепенение, бросились за ними — в тесной ракете хозяева уже не смогли бы скрыться от объяснений. Коробов вскочил в люк первым, тяжело переводя дыхание, огляделся — никого не было... Он бросился в рубку — и там было пусто. Тогда он побежал по коридору в другую сторону — за ним, громко топая, бежали подоспевшие Азаров и Калве.

Пришельцы оказались в кислородном отсеке. Они торопливо вытаскивали из зажимов заряженные кислородные баллоны — те самые, служившие для питания скафандров. Потом завозились, помогая друг другу. Люди стояли неподвижно, угрожающе, загораживая выход из тесного помещения. Азаров все еще сжимал в руке универсальный инструмент — видимо, готовый, если не поможет дипломатия, все же применить оружие. Калве лихорадочно соображал — как завязать разговор, как найти общий язык, попытаться объяснить, что произошло какое-то недоразумение, попросить у хозяев помощи, которую они, разумеется, могли оказать...

В это время обе фигуры выпрямились. Черные скафандры распахнулись, упали — и под знакомым прозрачным шлемом Коробов увидел бесконечно дорогое, разъяренное лицо Сенцова.

9

С опаской — как бы чего не задеть, не сдвинуть с места — пятеро космонавтов медленно пробирались по коридору чужой ракеты.

Тот корабль, что спас людей в страшные минуты радиационной атаки, был ими покинут. Временно, как они говорили, но в душе каждый понимал, что дорогая сердцу ракета больше никогда не взлетит. Слишком велики были повреждения, причиненные взбесившимися роботами; в обшивке ракеты прорезаны два широких отверстия: одно в носовой части, второе — недалеко от кормы корабля. Ракета разгерметизирована, а главное — в полную негодность приведены кибернетические устройства, оказавшиеся как раз на пути раскаленных струй горелок. Вос-

становить их, как сказал после беглого осмотра Калве, невозможно, а лететь без них — нечего и думать.

Поэтому космонавты сделали то единственное, что им оставалось: сняли с ракеты все, что могло представлять для них какую-нибудь ценность, и перенесли в чужой корабль. Здесь хоть можно сбросить скафандры, отдохнуть, обдумать свое положение и постараться найти хоть какой-то выход. Случилось непоправимое, умом они это понимали, но сердце отказывалось верить, что исчезла всякая надежда вернуться на Землю и что долгие годы — или сколько им еще осталось жить — они проведут на этом спутнике. Может быть, выражение «долгие годы» было даже чересчур оптимистичным. Из своей ракеты им удалось спасти лишь кислородный резерв. Демонтировать регенерационные установки в этих условиях, без специальных механизмов, невозможно. Правда, пока в чужой ракете еще есть свой кислород, но сколько его в резервуарах — неизвестно, подача может прекратиться в любую минуту.

И если даже кислорода хватит надолго, все равно их ждут голод и жажда — после того как будут исчерпаны все запасы, имевшиеся на борту. Они ведь рассчитаны лишь на время рейса, с не очень большим резервом.

Но, так или иначе, отсрочку космонавты получили, и сейчас медленно углублялись все дальше в помещения чужого корабля.

Выйдя из шлюзовой камеры, они очутились в просторном и совершенно пустом зале. Здесь уже побывали Сенцов и Раин, но дальше они не сумели проникнуть, да и торопились к своим. Теперь же выход из зала нашелся легко. Все двинулись по коридору, пол его был выложен странными, неправильной формы плитками. Космонавты шли, и все время их преследовало чувство неловкости, какое охватывает человека, случайно попавшего в чужую квартиру в отсутствие хозяев, когда на каждом шагу открываются какие-то неожиданные, интимные, милые для посвященных, но ничего не значащие для посторонних подробности.

Вне ракеты этого чувства не было, как не было и самого ощущения дома: слишком уж обширными, на земной взгляд, были и ангар, и весь спутник, и слишком явным было сугубо техническое назначение всех его помещений и устройств. Здесь же были другие масштабы, сравнимые с земными, и были те самые подробности и мелочи, какие только и делают живым всякое жилье, подробности, указывающие не

только на мысль, но и на чувство разумного существа: узор пола, какие-то очень чистые, незаметно переходящие одна в другую краски стен — с разных точек зрения одно и то же место воспринималось то зеленым, то золотистым, а то вдруг густо-синим с неясными светлыми прожилками. Об эстетическом чувстве говорили и осветительные плафоны, и зеркальные пластины дверей: неведомым хозяевам корабля свойственно было, видимо, стремление к нарядности, к праздничному блеску, — а ведь для настоящего космопроходца всегда был и останется праздником каждый полет. Все это делало марсиан существами гораздо более близкими, хотя ощущение их технического превосходства заставляло смотреть на каждую смену красок, на каждую плитку пола, как на зашифрованное и непонятное пока откровение.

— Как это все-таки красиво сделано... — задумчиво промолвил Сенцов. — Думаю, надо пройти в самый нос, расположиться там и сразу же... вот скотина!

Переборка была прозрачной, и Сенцов с ходу налетел на нее. Несмотря на прозрачность, преграда, похоже, обладала твердостью легированной стали, и теперь Сенцов ожесточенно тер локоть скафандра.

— Вот тебе и на... Что же, дальше пройти нельзя?

— Вот именно... — подтвердил подошедший Раин. Он тщательно ощупал переборку — в ней не было и намека на дверь.

— Так... — сразу помрачнев, процедил Сенцов. — Опять начинаются загадки. Не слишком ли? У меня пропадает всякое желание их разгадывать. Но придется поискать, как это ограждение убирается...

— Только без меня, — торопливо проговорил Коробов, отступая назад. — Я тут что-либо нажимать или открывать категорически отказываюсь. Хватит с меня одного приключения!

Сенцов усмехнулся, но на всякий случай тоже отошел подальше от перегородки.

— Что же, — спросил сзади Азаров, — так и будем стоять в коридоре?

Тогда Сенцов, рассердившись, решительно дернул ближайшую из боковых дверей. Она плавно укатилась вбок, в стену. Открылась обширная комната. Она производила странное впечатление: по двум стенам ее хитро переплетались прозрачные и непрозрачные трубки, стояли сосуды какой-

то кактусообразной формы, низкие шкафчики — на их дверцах голубели вогнутые экраны.

— Лаборатория, что ли? — сказал Сенцов.

— По-моему, физическая, — отозвался Коробов. — Тут и гадать нечего, достаточно посмотреть на эти приборы. Вот, в самом углу стоит — видите? — чем это не маленькая тороидная установка... Они здесь явно занимались физическими экспериментами.

— Но... — начал было Азаров.

— Может быть, я не физик? — поинтересовался Коробов. — Может быть, ты забыл, у кого я учился?

— Нет, я знаю, — сказал Азаров. — Но лаборатория эта, по-моему, все же химическая. Смотрите: эта сеть трубок, эти сосуды, это же вовсе не физика! У нас в лаборатории — в химико-технологическом, где я проходил практику — я ручаюсь, было такое же...

— Ну, пусть Калве рассудит, — примирительно проговорил Коробов, уже не раз прибегавший к этому средству во время споров: Калве любил не столько спорить, сколько находить общую точку зрения. — Ведь верно, Лаймон, это — физика?

— Не знаю, — хмуро ответил Калве. — Я не физик. И не химик тоже. Но обратите внимание на эти шкафчики с экранами. Даже некибернетику ясно, что это — портативные вычислительные устройства. А все эти трубочки, колбочки — эти колбочки и палочки, как я думаю, играют здесь чисто подсобную роль. Вычислители надо, может быть, охлаждать, а может быть — еще что-нибудь...

— Так... — протянул Коробов. — Вот уж действительно — рассудил. Командир, твое мнение мы оставим напоследок. А по-твоему, Раин, это, конечно, не что иное, как обсерватория? Ты, конечно, предполагаешь именно это!

— Я ничего не предполагаю! — сердито ответил Раин. — Я почти уверен, что это лаборатория, имеющая к астрономии самое непосредственное отношение. Всякий объективный наблюдатель, как, например, наш командир, должен будет это признать. Вот эта толстая труба, уходящая в сторону, — вы можете поручиться, что это не рефрактор? Да смотрите же, один конец ее утоньшается, понятно — это окуляр... Командир!

— Понятно, что нам ничего здесь не понятно, — сказал Сенцов.

— Ах, вот как! — пробормотал Раин. — Так я вам сейчас докажу!

Он широко шагнул вперед, намереваясь пересечь комнату и вблизи рассмотреть непонятное оборудование. То ли он неловко ступил, то ли пол оказался слишком скользким — но Раин все же поскользнулся, потерял равновесие, растерянно замахал руками... Падал он медленно — сказывалась небольшая, по сравнению с земной, сила тяжести — и, будь Раин без скафандра, он, конечно, сумел бы извернуться и удержаться на ногах. Скафандр же стеснял движения, и Раин растянулся во весь рост. Но только не на полу, а в воздухе...

Четверо космонавтов застыли в тех позах, какие бессознательно приняли, рванувшись на помощь к товарищу. Да, Раин повис в воздухе, на расстоянии сантиметров тридцати от пола. Словно упав на слишком упругий матрас, он несколько раз качнулся вверх и вниз и наконец замер, напряженно вытянувшись, не двигая ни одним мускулом. Только глаза его умоляли о помощи.

Сенцов первым сдвинулся с места, подошел — осторожно, при каждом шаге ощупывая пол носком ботинка. Нагнулся над Раиным и не смог удержать улыбки: очень уж комично выглядело лицо астронома — с изумленно поднятыми бровями, остекленелым взглядом, растерянно открытым ртом...

— Ушибся? — заботливо спросил Сенцов.

— Нет... Только подними, пожалуйста... — Раин едва шевелил губами.

— Боишься? — торжествовал Сенцов. — Там, наверху, ты на меня покрикивал, а здесь сам испугался?

— Ну, боюсь, — сердито ответил Раин. — Да ты что, в самом деле — смеешься?

— Космонавт, — поучительно начал Сенцов, — это человек, который...

Раин внезапно хитро прищурился, повернулся на бок, сильно ударил Сенцова под колени — командир растерянно сел, и опять-таки не на пол, а повис, застыл в сидячем положении. Как при невесомости... Но ведь здесь была тяжесть?

— Вот так, — произнес Раин. Голос его выдавал мрачное удовлетворение. Он медленно уселся на том невидимом, на чем лежал, затем осторожно встал и протянул руку Сенцову.

— Я не злопамятен, — милостиво сказал астроном.

Но Сенцов поднялся сам, попытался нащупать рукой то «что-то», на чем он только что сидел. Но стоило

ему встать, как «что-то» сразу исчезло. Руки встречали лишь пустоту...

— Фантазмагория! — сказал Сенцов. — А ну-ка...

Он начал сгибать ноги, словно усаживаясь. И действительно, как и перед этим — сел. За ним опять уселся Раин. Войдя в комнату, разместились и другие — повисли в воздухе в сидячих позах друг подле друга.

— Такая, значит, мебель, — подвел итоги Коробов. — Где хочешь, там и садишься. А что такое? Газовой струи нет, магнитному полю нас не удержать — мы же не магнитные... Вот и еще одна загадка. Не связана ли она с рисунком пола? Узор ведь не нарисован. Это — металлическая сеть в полу. — Он на минуту задумался. — А зачем это вообще? Вижу только одно объяснение: экономия веса в полете. Может быть, в этой каюте их десять жило. Значит — десять коек, десять стульев и прочее. А тут ничего. Пустота — и не пустота. Стоят где-то какие-то устройства, и все. И, наверное, устройства эти компактны и легки. Еще одно доказательство уровня техники...

— А сколько еще будет... — откликнулся Сенцов, и непонятно было — произнес он это мечтательно или предостерегающе.

— Комфортабельная лаборатория, — сказал Раин. Затем лег и с удовольствием произнес:

— Удобно...

Остальные космонавты с любопытством оглядывали странное помещение. Азаров встал, попробовал усесться в другом месте — сел, в третьем — то же самое. Очевидно, сесть и даже лечь можно было в любом месте комнаты. Сенцов подсунул под себя руку, сказал:

— Теперь чувствую — пружинит... Знаете, что я думаю? Это тот же воздух, но уплотненный. Не сжатый, понимаете, а как-то уплотняющийся в нужном объеме. Интересно: сидишь на нем — веса своего не чувствуешь. Даже в такой степени, как мы здесь привыкли...

Приборов или аппаратов в этой части каюты не было, хотя она была настолько просторной, что в ней, по словам Азарова, могла танцевать не одна пара. Против этого определения никто не возразил, потому что в танцах Азаров слыл авторитетом. На стенах виднелись какие-то головки, кнопки — нажимать их и вообще что-нибудь трогать Сенцов тут же категорически запретил, хотя у самого в пальцах появился легкий зуд.

— Нельзя, — сказал он в ответ на обиженное возражение Азарова. — Здесь происходят чудеса и без нашего вмешательства, а уж коли мы начнем вмешиваться... Не говоря уже о том, что хозяева могут обидеться...

Насчет хозяев он сказал с неким умыслом. Космонавты были утомлены вереницей неприятных событий, и следовало дать ребятам возможность выговориться, отвести душу... А о хозяевах спутника и этого корабля наверняка захотят поговорить все.

Так оно и получилось. Азаров проглотил приманку с быстротой, о которой только мечтается заядлым рыболовам, каким и был Сенцов.

— Насчет хозяев — это старая песня, — сказал Азаров. — Кто их видел? Никто. Кто видел хотя бы их след? Тоже никто. Уж если ни один из них не счел нужным показаться во время всех этих событий, значит, на всем спутнике нет ни одной живой души. Тут — только автоматы.

— Допустим, — отозвался Коробов. — Их действительно сейчас может и не быть на спутнике. И тем не менее не исключено, что в любую минуту они могут появиться здесь.

— Откуда? — запальчиво спросил Азаров. — Из твоей головы? Она у тебя такая... горячая?

Коробов высокомерно пропустил этот выпад мимо ушей.

— Почему из головы? С планеты... От Марса нас отделяют всего двадцать три тысячи километров. Для такой вот ракеты — расстояние пустяковое. Предположим, что спутник действительно автоматизирован до предела. Но время от времени сюда могут являться и его настоящие хозяева — ну, для контроля, что ли, для наладки... А кто может поручиться, что те же автоматы не сообщили им о нашем прибытии и сейчас их ракета не находится где-нибудь поблизости?

— Поручиться, конечно, трудно... — сказал Раин. — Но все же это кажется маловероятным.

— Почему?

— Потому, что это не дает ответа на один вопрос: почему в течение всех этих лет никто из них, обладая такой первоклассной стартовой площадкой для космических путешествий, как этот спутник, и такими кораблями, как тот, в котором мы находимся (он похлопал ладонью по невидимому ложу), почему они до сих пор не посетили Земли?

— Мы тут с Калве походили по спутнику... — продолжал Коробов. — То, что мы видели, наводит на

мысль, что культура производства таких машин у них была высока...

— Правильно, — подтвердил Раин. — Мы в этом убедились, идя по ракете. Всякое изобретение, предназначенное для использования его людьми, вначале — только голый механизм. Потом, чем дальше растет культура, вернее — традиция производства, тем больше становится усовершенствований не только чисто технических, но, я бы сказал, и бытовых. Так возникают приемники, холодильники, установки кондиционированного воздуха в автомобилях. Так станок красят не в какую попало, а в самую приятную для взгляда, не мешающую работать краску. Так рукоятка рычага приобретает постепенно единственно правильную форму...

— Здесь это именно на таком уровне, — кивнул Сенцов.

— Да. А что следует вслед за этим? Сенцов ответил:

— Следует принципиально новое изобретение, и все начнется сначала...

— Но куда их увело это новое изобретение?

— Вопрос не новый, — сказал Сенцов.

— Тем не менее закономерный. Ответ может быть, как я считаю, только один: они не посетили нас потому, что их здесь давно нет.

— Как давно? — спросил Азаров.

— Нельзя даже гадать. Этот слой пыли здесь, где ей браться, строго говоря, неоткуда, мог откладываться годы — или тысячелетия...

— Но что же могло произойти на планете?

— А почему обязательно на планете?

— Ну знаешь ли, — сказал Коробов, — это уже несерьезный разговор. Что же, по-твоему...

Сенцов с удовольствием слушал, как три голоса звучали, переплетаясь... Кстати, почему только три?

Сенцов перевел взгляд на Калве. Кибернетик как вошел в каюту, так и стоял возле двери, даже не присел, только положил на пол свой мешок с водой (мешок лег прямо на пол, под ним ничего не образовалось). Калве даже не открыл, как другие теперь, шлема скафандра, и лицо его за отблескивавшей пластмассой было плохо различимо. Может быть, он уже видел новые надвигающиеся опасности? Или его все еще мучило чувство вины за неразгаданную вовремя серую массу?

— Лаймон, а ты как думаешь? — спросил Сенцов. —

78 Слышишь, Лаймон?..

Калве не пошевелился. Тогда Сенцов встал, подошел к нему, крепко тряхнул. Калве медленно откинул шлем, но глаза его упрямо прятались за веками.

— Да что с тобой?

— Ничего... — ответил Калве, едва разжав губы. — Устал.

— Так хоть сядь, отдохни...

— Да, благодарю, — сказал Калве вежливо. — Я действительно сяду, отдохну...

Он уселся, откинул голову, закрыл глаза. Спор прервался, все с тревогой взглянуло на Калве.

— Ну так до чего же договорились? — весело спросил Сенцов.

— До того, что на хозяев рассчитывать не приходится, — грустно ответил Коробов. — Выбираться придется самим... Ну ладно об этом — еще успеем... Вы бы хоть рассказали, как вам удалось спастись.

— Это у него спрашивайте, — Сенцов мотнул головой в сторону Раина. — Спасал он, а я играл чисто, так сказать, страдательную роль... Очнулся я в тамбуре ракеты, а потерял сознание еще внизу. Это он и люк разыскал, и меня перетащил... Как это ему удалось — не понимаю...

— Я и сам не понимаю, — пожал плечами Раин. — Может быть, это был вовсе и не я?

— Ну а потом мы быстро обошли тот самый зал — думали хотя бы определить, откуда поступает кислород и нельзя ли, пусть частично, зарядить наши баллоны. Надежда, конечно, фантастическая, никаких баллонов и зарядных установок мы не нашли. Даже выход из зала в коридор не стали осматривать: хотелось скорее выбраться к вам, да и, кроме того, надо-ели уже всякие неожиданности, вроде дверей, которые не желают открываться...

Коробов смущенно закашлялся.

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается... Словом, на скафандры мы наткнулись совершенно случайно. Просто потому, что они помещаются в нишах в самом зале. Ну и нам, естественно, пришло в голову — испробовать, а нет ли в скафандрах кислородного заряда.

— Это не нам, а тебе пришло в голову, — сказал Раин. — И, следовательно, спас положение ты. Я бы на это никогда не решился. Шутка ли — надеть чужой скафандр, на котором ни баллонов нет и вообще ничего похожего...

— По правде говоря, я все это помню очень смутно, — признался Сенцов. — Неудивительно: только что лежал без сознания. Да, верите — не помню, как это было...

А было так:

— Ага, вот что — скафандры! — сказал Сенцов.

Двенадцать скафандров стояли, распыленные зажимами. Это не могло быть не чем иным, как скафандрами, и рассчитаны они были на прямоходящих, с двумя верхними и двумя нижними конечностями. Только высотой они были, пожалуй, не меньше двух метров.

— Ну, вот... — проговорил Сенцов. — Вот такими они и были...

Забыв о поисках кислорода, оба рассматривали скафандры, мяли пальцами материал, вглядывались... Сделаны они были из непонятного — на ощупь мягкого, эластичного вещества черного цвета.

— Да, это были великаны, — тихо сказал Раин.

— Почему только шлемы у них непрозрачные, — промолвил Сенцов негромко, будто разговаривая сам с собой. — А ну-ка...

Он осторожно высвободил из зажимов один скафандр.

— Помоги... — и не снимая своего, он сунул ноги в чужой скафандр, напомилавший комбинезон с расстегнутым от ворота до пояса верхом.

— Ты в нем утонешь, — предостерег Раин.

Сенцов влез в комбинезон — рукава и штаны съежились гармошкой — и ворчливо ответил:

— Ладно, ладно, — утону... Только как его застегивают?

— На одну пуговицу, как летний костюм, — сердито пробормотал Раин. — Может быть, все-таки есть дела более срочные, чем примерять скафандр «на вырост»?..

— На пуговицу? — с сомнением сказал Сенцов. Пуговица, на которую указал Раин, находилась там, где была бы пряжка пояса — если бы скафандры имели пояса. Командир скептически повертел пуговицу двумя пальцами. Она послушно повернулась — и разрез комбинезона начал медленно исчезать, словно невидимая «молния» соединила оба края так, что не оставалось даже следа.

— Можно и на пуговицу, — победоносно сказал Сенцов. — Ага, а это, очевидно, для шлема... Ясно. Ну, одевайся.

— Зачем? — спросил Раин.

— Сейчас я надену шлем. Не думаю, чтобы скафандры стояли у них не готовыми к выходу — это противоречит требованиям космоса. Значит, в них должен быть кислород. Мы обречены на свободу передвижения.

— А если... Ведь нет же баллонов!

— А если — тогда... Э, тогда ты еще раз спасешь меня.

...Через несколько минут оба, с надетыми шлемами, уже стояли перед входным люком. Странно — кислород в скафандрах поступал, хотя никаких баллонов и не было.

За ними захлопнулась дверь, закрывая вход в ракету. Потом стал медленно втягиваться люк.

— Смотри! — вскричал Раин. — Смотри — свет!..

Сенцов его не услышал: радиосвязь в этих скафандрах — если она вообще была — включить они не сумели. Раин не видел и лица Сенцова: снаружи шлемы казались непрозрачными, хотя изнутри все было отлично видно. Но Сенцов и сам увидел свет и порывисто поднял обе руки, словно вместо этого неверного, дрожащего сумеречного освещения появилось настоящее земное солнце.

Медленно они пересекли зал. Руки и ноги тонули в складках скафандров. Оба думали об одном и том же: раз есть свет — почему бы и дверям не оказаться в порядке?..

И действительно, дверь открылась легко, словно это и не она заставила их пережить нелегкие минуты. Сенцов бросил прощальный взгляд на чужую ракету.

— Ну, — сказал он ей, — пока...

Но, конечно, он не думал, что свидание состоится так скоро и таким образом. Иначе он, возможно, и не стал бы говорить «пока».

— В общем, я забыл, ребята, — повторил Сенцов. — Да что об этом... А вот что интересно: из ваших объяснений я понял, почему мы оказались взаперти. Но отчего механизмы снова начали действовать?

Коровов взглянул на Калве. Тот по-прежнему сидел с закрытыми глазами, нельзя было сказать — спит он или слушает разговор. Коровов потянул его за рукав. Тогда Калве медленно, как сквозь сон ответил:

— Что же удивительного? Машина такой мощности имеет возможность вместо неисправной подключить другую секцию... А может быть, это вещество регенерирует. Не разобравшись, трудно сказать.

— И все же так ли уж она мощна, эта машина? — усомнился Раин. — Ведь и мы теперь умеем в небольших объемах сосредотачивать миллиарды ячеек; и все же результаты...

— Дело не только в объеме, — откликнулся Калве, — и не только в количестве. Дело в том, что у нас пока еще каждая ячейка имеет только одну функцию, очень мало вариантов соединения. Если же у них здесь действительно подобие нервных клеток, то они обладают таким громадным количеством вариантов и функций, что у них каждая ячейка работает за сотню наших.

Вот когда сюда прилетят наши специалисты...

Он умолк, и все тут же подумали о специалистах, которые сюда все-таки прилетят.

— Да... — протянул Коробов. — Но каким образом ваш счетчик оказался в ангаре совсем в другой стороне? Он ведь и сбил нас с толку...

— Какой счетчик? — недоуменно спросил Сенцов.

— Да вот этот! — ответил Коробов, доставая злополучный приборчик из кармана.

— Мы не брали никакого счетчика, — сказал Раин. — Или, может, ты брал?

— Нет, я не брал. Постой-ка, постой... Ну конечно!

Он сжал счетчик в руке, выпрямился.

— Действительно, наш... Ленинградская марка... Но как он... А может быть, вы сами? А? Петро? Лаймон?

— Дай-ка... — сказал Раин. Взял счетчик, приблизив его к глазам. Осмотрел. Усмехнулся.

— Нет, не наш...

— По-твоему, марсиане пользуются земными счетчиками?

Вместо ответа Раин указал на чуть заметную метку на торце прибора.

— Читай: «А-4»... Четвертая автоматическая, — торжествующе сказал он. — Это счетчик с автоматической ракеты. Только как он сюда попал?

— Глаза астронома, — медленно проговорил Сенцов, и голос его был грустен, и взгляд печален, хотя в словах и крылась ирония. — Твоему зрению позавидуешь... И любознательности тоже: как же он сюда попал, счетчик? Попал-то просто — значит, до нас здесь побывала хотя бы одна из автоматических ракет. Да, конечно, понимаю: это ведь событие, это опять открытие — проясняется судьба автоматических ракет... Но ведь это были корабли...

Какие корабли: мощь и устремление! Погибли... — И, помолдав секунду, закончил уже другим тоном:

— Еще одна задачка... Вот и работа нам нашлась: разузнать, что стало с той ракетой.

— Должно быть, то же самое, что с нашей, — сказал Азаров. — Эти автоматы, по-моему, специально натренированы — готовить из всех ракет, что попадают им под руку, колбасную начинку.

— Но зачем? — спросил Сенцов.

Никто ему не ответил. Калве опять закрыл глаза, лицо его стало суровым, как будто он целиком выключился из этой обстановки и думал о чем-то важном и очень отвлеченном. Коробов встал, снова начал расхаживать по каюте, подходил то к одной, то к другой стене, внимательно разглядывал головки, кнопки, пустые рамки, что-то бормотал или даже напевал под нос. Насупившийся Азаров следил за ним глазами, не поворачивая головы. Наконец, когда Коробов запел особенно громко и особенно фальшиво, Азаров, не вытерпев, сказал:

— Ну, маэстро, нельзя же... Не мелькай перед глазами и не пой — тут и без твоего музицирования нехорошо...

Коробов, ничуть не обидевшись, тотчас же умолк.

— Ну что ж, так и будем молчать? — спросил Сенцов. — Положение наше, как говорится, не самое веселое. Но вот мы с Раиным, например, вообще думали, что конец пришел! И все же на этот раз автоматы нас не одолели...

— Но в будущем это не исключено! — заметил Азаров.

— Ну-ну, не так-то это просто, — успокаивающе сказал Сенцов. — В конце концов нас пятеро — это больше, чем тысяча автоматов.

— Но пока счет не в нашу пользу...

— Все это было слишком неожиданно. При подготовке космонавтов на Земле пока еще не читают курса поведения в чужих мирах, — проговорил Сенцов.

— Скоро начнут, — заверил Коробов.

— Да, если мы сможем добраться до Земли или хотя бы сообщить на Землю обо всем случившемся, — сказал Сенцов. — Мы не имеем права подвергать риску другие корабли, которые, безусловно, еще пойдут к Марсу.

Так сформулировал он две основные задачи, вставшие перед космонавтами: задача-максимум — спастись самим, добраться до Земли; задача-минимум — сообщить на

Землю о случившемся, хотя бы в самых общих чертах, чтобы следующая экспедиция не повторила ошибок.

— Но в чем же, в чем заключаются наши ошибки? — спросил Раин. — Ну хорошо, мы с тобой могли и не выйти на поверхность. В таком случае мы все пятеро оказались бы вместе с ракетой в ангаре. Ну а потом? Чем объяснить нападение роботов? Опять нашей ошибкой? Какой?

— Не знаю... — ответил Сенцов. — Но это-то нам и надо установить, чтобы на нашем опыте учились другие. Трудно, конечно, сказать, чем руководствуются роботы и логические устройства другого мира...

— Программой, — внезапно, не открывая глаз, сказал Калве. — Только программой...

— А почему у них должна быть такая программа, чтобы уничтожать чужие ракеты? Ведь на такой редкий случай вряд ли могло быть выработано руководство?

Калве открыл глаза, сел прямо.

— В том-то и дело, что такой программы не было, — нехотя проговорил он. — В том-то и беда...

— Что-то уж очень туманно... — откровенно сознался Сенцов. — Ты, Лаймон, давай-ка без загадок и иносказаний.

Калве хмуро посмотрел на Сенцова.

— Вспомни, — обратился он к Раину, — ты по дороге сюда упоминал, что в поисках входа в этот корабль сначала наткнулся на другой люк и открыть его тебе не удалось.

— Ну, действительно так и было, — сказал Раин. — А при чем...

— Подожди минутку... — Калве резко вытянул руку. — На каком расстоянии этот люк находился от кормы корабля?

— На каком? Ну... приблизительно метров десять, двенадцать, — сказал Раин.

— Ну вот... А вы обратили внимание, в каких именно местах автоматы прорезали оболочку нашей ракеты?

— погоди, погоди! — Сенцов внезапно приподнялся с места. — Два отверстия... Одно в носовой части, другое...

— На расстоянии приблизительно двенадцати метров от кормы, — закончил Калве. — Теперь вам ясно? Автоматы не имели такой программы — разрушить ракету. Наоборот...

— Починить, что ли? — с ехидцей спросил Азаров.

— Мне стыдно, — сказал Калве вместо ответа. — Я должен вам признаться, что мне больно и стыдно за себя. Я ведь считаю себя специалистом в этой области, как вы

знаете, участвовал в разработке многих систем — кибернетических систем самого разного назначения...

— Это мы знаем, — подтвердил Сенцов.

— Ошибка, о которой вы говорите, — это моя ошибка. Я не предусмотрел, хотя, если бы нашлось время поразмыслить, я бы наверняка догадался...

— К сожалению, у нас этого времени не было, — вмешался Коробов. — Не так развивались события, чтобы сидеть и размышлять...

— Когда я увидел эти автоматы, шнырявшие вокруг ракеты и подававшие какие-то сигналы, — продолжал Калве уже более твердым голосом, — я должен был задать себе вопрос: а что им нужно? Зачем они тут и что их интересует?

— Мы задавали себе такой вопрос, — сказал Коробов.

— Да. Но нас тогда интересовало другое: не нанесут ли они какого-либо вреда ракете. Мы подождали и убедились, что никакого непосредственного — подчеркиваю: непосредственного вреда они ракете не наносят... И мы успокоились за ракету...

— И еще больше забеспокоились о вас, — сказал Коробов Раину.

— Мы не стали ломать голову над вопросом: а чего же все-таки ищут эти лягушки? — продолжал Калве. — И напрасно...

— Я начинаю понимать... — пробормотал Сенцов.

— Вот-вот... Логически рассуждая, что должно произойти с ракетой, когда она возвращается на свою базу из космического рейса? Вы — пилоты, вы лучше знаете...

— Ну, естественно, она должна подвергнуться осмотру, контролю...

— Вот именно. И ее подвергли осмотру. Ее осматривали автоматы. Осматривали, конечно, не в буквальном смысле слова. Очевидно, в их ракетах — хотя бы в этой самой — в определенных точках вмонтированы какие-то датчики, которые в ответ на запрос автоматов-информаторов дают сведения о состоянии ракеты, о работе ее отдельных узлов и механизмов. Это ведь понятно: при их технике люди, очевидно, избавлены от всякой скучной работы, они давно достигли того, к чему стремимся и мы. Так допустим, что эти автоматы требовали таких сведений...

— И они их, естественно, не получили, — сказал Сенцов.

— Конечно — потому что наша ракета устроена совершенно иначе и на такой контроль не рассчитана...

Но при программировании действий автоматов, как я уже сказал, прибытие чужих ракет предусмотрено, разумеется, не было. А какой вывод должно было сделать из этого логическое устройство, управляющее автоматами?

Калве сделал паузу. Все сумрачно молчали.

— Вывод, что ракета неисправна. Если кибернетическая централь получает от своих рецепторов сплошные нули, то... Далее автоматы, очевидно, отметили, что в ракете не открылся ни один люк.

— Как же не открылся? — сказал Коробов. — А мы с тобой что — сквозь оболочку вышли, что ли?

К его изумлению, Калве кивнул головой.

— Вот именно. Для них — именно сквозь оболочку, это ты очень хорошо сказал. Ведь автоматы искали люки именно в тех местах, где они расположены у их ракет: в носовой части и у кормы — на расстоянии...

— Десяти — двенадцати метров! — вставил Раин.

— Совершенно правильно. Ведь даже такое мощное кибернетическое устройство — это не мозг... Оно повинуетея программе, а в этой программе могло быть предусмотрено что угодно, кроме того, что люк из определенного места ракеты переместился на десяток метров в сторону!

— Да, это незачем было предусматривать, — признал Сенцов.

— Вот видите! Зато можно было предусмотреть другое: что люки — очевидно, такие случаи у них бывали — при пролете корабля сквозь атмосферу чужой планеты или вследствие иных причин могли выйти из строя...

— Завариться или заклинить от удара метеорита, — сказал Коробов, — или...

— Это не важно. Факт тот, что в таких случаях киберустройства, очевидно, должны были попытаться вскрыть люки, чтобы помочь выйти экипажу или хотя бы чтобы дать возможность проникнуть в ракету снаружи, извлечь материалы экспедиции, заняться ремонтом корабля... И вот в действие были приведены автоматы, которые начали вырезать люки.

— Вырезанные ими отверстия были уже люков этой ракеты, — возразил Азаров.

— Это как раз понятно, — вмешался Сенцов. — И я бы так поступил. Они вырезали отверстия в крышках люков: крышку потом легко заменить.

— Ну вот, — сказал Калве. — Вот, я считаю, разгадка того, что произошло с ракетой. Возможно, все это не так просто. Не исключено, что...

— Подожди! — прервал его Азаров. — А почему эти автоматы начали действовать с таким замедлением?

Калве помолчал.

— Я думаю, — сказал он затем, — что тут сыграли роль... мы сами. Автоматы, безусловно, реагируют на присутствие людей — или как по-вашему надо их называть... Возможно, люди нашли бы другой выход. В таком случае в кибернетический центр была бы послана соответствующая команда. Недаром у меня все время было такое чувство, что за мной наблюдают... Это была выжидательная пауза. Ведь автоматы и управляющий ими центр не могут мыслить. И они не могут понять, что мы появились именно из ракеты, а не извне. Вот почему они ждали! Но программа не была изменена...

Калве умолк. Никто не продолжал разговоров. Всем стало вдруг по-настоящему страшно: если уже один факт их появления здесь привел в действие целую когорту механизмов, то чего можно ожидать в дальнейшем? Какой может быть реакция на каждый их шаг? Невозможно ведь заранее предусмотреть все последствия, к тому же объяснять уже происшедшие события все-таки куда легче, чем предугадывать новые... И вообще всегда ли будет понятна и доступна людям логика хозяев спутника, переданная или завещанная ими своим механизмам и приборам? Это — если даже предположить, что сейчас космонавты объясняют все правильно...

— Мы должны научиться предсказывать, — упрямо сказал Калве, отвечая своим мыслям. — Логика — это математика, а математика во Вселенной одна.

Но Сенцов медленно покачал головой. Математика одна, но как далеко она могла уйти? Нет, верить спутнику нельзя...

— Как понятие — математика одна, да... — задумчиво произнес и Раин. — Но конкретно. Кто знает? Кто скажет, что именно может произойти в этой каюте через минуту? Может быть, нам следовало что-то сделать? Где-то доложить, чтобы не вызвать никаких нежелательных действий? Но что? Лаймон, как ты думаешь?

— Это очень важно, — тихо проговорил Калве. — Но я не могу... Если бы хоть знать, кто они, какие... Пока можно сказать лишь, что они были живыми. Признаюсь

откровенно: теперь мне будет немного страшно выйти из ракеты...

Соглашаясь, все молча наклонили головы.

— Так нельзя... Нельзя, товарищи... — проговорил Раин, и голос его был умоляющим. — Неужели нам не постичь машинной логики? Ведь все, что произошло до сих пор, нам понятно... Будущее? Если мы не выйдем — гибель неотвратима. Подумайте! Лаймон, ты же специалист (Калве выразительно пожал плечами). Ведь все здесь, так сказать, сделано почти для нас! По нам! А это значит, что в общих чертах они действительно были похожи на нас. Кстати, об этом же свидетельствуют скафандры!.. Марсиане они или не марсиане, но они должны быть очень близки нам по строению. И поступать надо так, словно они — это мы...

— Это и странно, — сказал Сенцов. — Ведь все-таки трудно предположить, что форма бытия Разума исчерпывается человекоподобными.

— Соображения целесообразности... — начал Коробов.

— Ну и что? Мы ходим на двух ногах, животные — на четырех. Четырех ног хватает с избытком... А у насекомых — шесть, у пауков, крабов, осьминогов — восемь, у других членистоногих — и того больше. При чем же тут целесообразность? Очевидно, все зависит от конкретных условий...

— Разумеется, — сказал Раин. — А это значит, что на той планете, откуда они родом, условия в основном не отличаются от наших...

— Хорошо, — прервал его Сенцов, которому новый научный спор сейчас вовсе не казался необходимым. — На досуге мы поговорим и о планете. А сейчас важно другое... Раз иной нет, примем как рабочую гипотезу: они — это мы. Хотя я и не очень... И наши ошибки и опасности, угрожающие нашим экипажам как во время облета Марса, так и при посадке на Деймос, нам теперь — будем считать — в общих чертах ясны. Значит, остается только решить те задачи, которые выдвигает обстановка: задачу отлета и задачу связи, а вернее наоборот: задачу связи с Землей и задачу отлета. Вот над чем надо думать...

В какие-то воцарилось молчание. Но, очевидно, сразу решать столь сложные проблемы было не под силу даже им: никто не предлагал хотя бы пути, на котором следовало искать решение. Да и что можно было предположить? Корабль не-

пострадала и рация дальней связи, так что с ее помощью сообщить что-либо на Землю невозможно.

Поэтому Сенцов, видя, что товарищи немного отдохнули, приказал возобновить переноску снятых с земной ракеты грузов. Все выходили из ракеты медленно, с опаской. Но ничего страшного не произошло. Космонавты принялись за дело. Перетащили все, что еще могло пригодиться, и кроме того — катушки с результатами научных наблюдений, записями телемагнитографов, рулоны диаграмм, вычерченных самописцами за время полета, бортжурнал, некоторые уцелевшие приборы и даже личные вещи.

Затем они подкрепились, и Сенцов приказал отдыхать.

После тщательного осмотра коридора оказалось, что здесь на каждого приходилась одна каюта-лаборатория да еще семь оставалось пустыми. Впрочем, это не радовало: в своей ракете было «хоть и в тесноте, но не в обиде», как сказал Калве, очень уважавший русские поговорки.

Детальное обследование кают показало, что место для сна находилось, очевидно, в одном определенном углу: там было несколько кнопок, особый свет.

Сенцову казалось, что едва доберется он до невидимого убаюкивающего ложа, как моментально уснет. Но стоило лечь, закрыть глаза, и сон ушел.

В конце концов все они уцелели. Потеря ракеты, конечно, значительно усложняла положение. Но, убеждал себя Сенцов, могло быть и похуже, если бы, например, в полете в ракету просто врезался основательный метеор. Будем считать, что случившееся пока не вышло за рамки тех неприятностей и неудобств, к которым следовало быть готовым каждому космонавту еще перед вылетом за пределы атмосферы. А космонавтам стоит только отдохнуть, и они обязательно что-нибудь придумают...

Сенцов лежал смертельно усталый и знал, что не заснет, пока не найдет хотя бы направления, в котором следует действовать. Но сейчас утомленная мысль бродила будто в темной пещере, и нигде, ни в одной стороне не виделось светлого пятна выхода. Всюду — глухая стена...

Космонавт встал, вышел из каюты. Подошел к прозрачной перегородке. Продолжавшийся за нею коридор через несколько метров упирался в дверь, — за ней, видимо, и находилась рубка. Воровато оглянувшись, Сенцов, вопреки собственному запрету, попытался как-нибудь сдвинуть перего-

родку. Это ему не удалось, и тогда он начал медленно ходить взад и вперед, стараясь ненароком не разбудить других.

У двери каюты, где поместился Раин, он прислушался: ас-троном всегда имел обыкновение похрапывать во сне. Действительно, из-за двери доносились едва уловимые звуки. Сенцов тихо приоткрыл дверь — и остановился, изумленный.

Раин вовсе не спал. Он сидел у стола и слушал Калве, что-то говорившего ему вполголоса.

Сенцов хотел было выругать их за нарушение приказа, но тут же спохватился: а сам?.. Ясно, мысль о спасении занимала не его одного и каждый искал выход. Он вопросительно взглянул сначала на Калве, потом на Раина. Раин грустно поднял брови, Калве отрицательно покачал головой.

Сенцов присел рядом с Раиным. И тут же в открытую дверь заглянул Коробов и, усмехнувшись, вошел в каюту. За ним — Азаров. Все снова были в сборе.

— Ну раз пришли — предлагайте, — сказал Сенцов.

— Да мы тут думали... — сказал Раин. — Восстановить никак нельзя?

— Никак, — коротко ответил Сенцов.

— Мне все же кажется, — начал Калве несмело, — мне лично кажется, что мы могли бы воспользоваться этой ракетой, не так ли? В конце концов, это тоже космический корабль, и... — Он умолк, поочередно вглядываясь в лицо каждого пилота.

— Это действительно тоже космический корабль, — терпеливо ответил Коробов, — в этом ты прав. И велосипед, и гоночный автомобиль — транспорт. Но посади велосипедиста на гоночную машину и предложи ему ночью добраться, скажем, от Риги до Москвы. Учти, что он ни разу в жизни не управлял автомобилем. Учти, что он может пользоваться только картой мира в масштабе один к двадцати миллионам. У него из ста шансов — десять расколоть машину еще в гараже, и восемьдесят девять — свалиться в кювет на первом же повороте. При всем этом у него раз в десять больше возможностей добраться до цели, чем у нас.

— Куда в десять — в сто! — сказал Сенцов. — Он хоть знает, что автомобиль надо заправить бензином. А что мы знаем об этой ракете?

— К тому же Москва стоит на месте, — добавил Азаров. — Земля — нет.

— Число вещей, которых мы не знаем об этой ракете, очень велико, — продолжал Сенцов. — Как проникнуть в рубку? Как ракета управляется? Как выводится из ангара? Какие ускорения развивает? Этих «как?» очень много. Но главное даже не это... Будь мы сейчас в рубке, у пульта управления — все равно я бы не решился нажать хоть одну кнопку...

— Почему? — насторожился Азаров.

— Опять-таки по той же причине. Эту ракету строили не люди, а иные существа. Мы не знаем образа и ритма их жизни, привычек, потребностей. Может быть, для них являются естественными такие вещи, которые для нас смертельны. То, что мы пока ни с чем таким не столкнулись, еще ничего не значит. У нас все-таки нет доказательств того, что они мыслили и чувствовали так же, как мы. И пока мы таких доказательств не найдем, эти существа останутся для нас тайной за семью печатями. А мы их не найдем, если только не встретим кого-либо из хозяев, на что надежды, как вы сами знаете, мало...

— Так что же делать? — тихо спросил Калве.

— Отдыхать! А затем пойдем еще раз к нашей ракете и на месте посмотрим — не удастся ли все же смонтировать передатчик из остатков раций и запасных частей. Не забывайте, первая задача — связь! Ну, утро, как говорится, вечера мудренее... Унывать еще рано. И помните, братцы, космонавты — это люди, которые побеждают на кораблях, а если придется — и без кораблей!

Он встал, но никто не торопился расходиться. И тогда Калве тоже поднялся с места — высокий, тяжелый — он грозно навис над Сенцовым.

— Вы хотите доказательств? — спросил он резким тонким голосом. — Хорошо, вы их получите. Я их искаю, то есть ищу!

— Что же, — сказал Сенцов, серьезно глядя на Калве. — Я повторяю: никаких авантур, никакого ненужного риска допущено не будет. В конце концов здесь немедленная гибель нам не угрожает, а работать для блага людей можно и на спутнике. Вот если будут действительно серьезные доказательства того, что полет на чужой ракете не грозит нам никакими опасностями — сверх обычной нормы, конечно, и если мы найдем способ управлять кораблем, — тогда мы, безусловно, полетим.

— Я найду! — твердо сказал Калве.

Странно — после этого заявления Калве, человека, казалось, меньше всех смыслившего во всякой технике, кроме кибернетических машин, у всех на душе стало

как-то легче. Не выход, и даже не путь к выходу, а все же какой-то краешек надежды...

— Вот так... — сказал Сенцов. — А что ты думаешь насчет доказательств, Игнатьич?

Ответа не последовало: Коробов, улегшись навзничь, мгновенно уснул.

— Вот так... — сказал Сенцов и вдруг сам почувствовал, что больше не в состоянии бодрствовать ни единой минуты. Он тоже откинулся на спину. Приятно было лежать, когда рядом находились товарищи... Он зевнул и заснул, еще не закончив зевка.

Пример оказался заразительным, Калве лень было даже улечься, он уснул прямо так, сидя, откинув голову. Раин уютно похрапывал. Ровный голубой свет освещал пятерых спящих; ни единый шорох, ни одно движение не тревожили их. Шли часы, и Деймос все так же мчался вокруг Марса по своей веками исхоженной орбите.

10

Когда проснулись и позавтракали, Сенцов сразу же задал всем работу.

Все взялись за дело охотно, даже с какой-то одержимостью.

Надо было начать как-то разбираться хотя бы в основах окружавшей их техники. Кто знает, может быть, именно этим путем они, пусть постепенно, придут к овладению чужим кораблем. Для этого необходимо тщательно исследовать робот, оставшийся на месте битвы механизмов. Он был поврежден, когда вспыхнуло топливо, и можно было попробовать его разобрать. Заняться этим решили Сенцов и Раин.

С роботом справиться оказалось нелегко. С трудом удалось электрическим резаком разрезать его поврежденную пламенем оболочку. Как и ожидали, под колпаком ничего похожего на кибернетическое устройство не нашлось. Было всего несколько приборов — какие-то непрозрачные цилиндры и небольшие прямоугольные ящички. На блестящих стержнях, которые могли служить выводами, Сенцов при помощи тестера обнаружил слабое напряжение. Стерженьки эти входили в углубления в цилиндрах, туда же тянулись гибкие ленты непонятного назначения.

Самым интересным в автоматах оказались их рычаги-щупальцы. Сенцов и Раин долго пытались сквозь

сверхтвердую броню из незнакомого металла добраться до системы рычагов, но так и не смогли этого сделать: самих рычагов просто не было. То, что космонавты принимали за предохраняющую оболочку, и оказалось механизмом — без сочленений, без всяких деталей, твердый и в то же время необычайно гибкий монолит. Чем он приводился в движение, оставалось непонятным: к нему не подходили никакие движущиеся части. Исследователи попробовали присоединить один из рычагов к ящичкам с напряжением. Твердое щупальце начало изгибаться, сокращаться, как мускул, только с гораздо большей силой: рычаг толщиной в палец свободно поднимал кислородный баллон, большой стационарный баллон из ракеты, словно бы здесь не было вообще никакой тяжести.

Видимо, конструкторы этих машин применяли не механические схемы, подобные земным, а нечто совсем иное: им удалось получить вещество, непосредственно превращавшее электрическую, а может быть — химическую энергию в движение.

Придя к такому выводу, космонавты долго сидели молча, поглядывали друг на друга, покачивали головами: вот такого на Земле не найдешь...

— Гораздо экономнее с точки зрения расхода энергии, — наконец воскликнул Раин. — Высшая ступень!

Оба вновь завозились с разобранным роботом: чтобы понять все тонкости его устройства, понадобятся, пожалуй, не дни, а недели... И непонятно — как все это поможет людям освоить ракету?

Тем временем Коробов пустился в обход корабля, который стал теперь их домом. Второй пилот знал, что здравый смысл не позволяет ему надеяться хоть когда-нибудь повести эту ракету в стремительный и победоносный полет. Но все же... и вообще, уж если они здесь живут — надо обследовать детально, не так, как Сенцов с Раиным сделали это в свое первое посещение. Вдруг и найдется — ну, просто что-нибудь интересное...

Пройти в переднюю часть ракеты ему, как и раньше, не удалось, и пришлось начинать обход опять с кают-лабораторий.

Здесь не было почти ничего, что напоминало бы земные приборы или приспособления, хотя ни у кого не возникло и тени сомнения в том, что находящиеся тут предметы предназначены именно для научных целей.

Коробов медленно проходил из помещения в помещение, и везде со стен на него смотрели непонятные, то вогнутые, то выпуклые экраны, иногда имевшие еще и какие-то боковые отростки... Все они были, словно шкалы приборов, затянуты тонкой сеткой координат, но не имели никаких стрелок или иных указателей. Экраны были разных цветов, и группировались по нескольку вместе. Возможно, это были указатели отдельных групп сходных между собою механизмов. Впрочем, может быть, это было и не так...

На выставших из пола постаментах стояли закрытые фигурными кожухами приборы неизвестного назначения. На них не виднелось ни маховичков, ни штурвалышников, ни кнопок или верньеров — всего того, что в обилии украшало земные аппараты. Это могло означать, что приборы действовали по заранее определенной программе, и их надо было только пустить в ход — дальше они работали сами... По одной кнопке, глубоко утопленной в панели, у них и было. Коробов подумал, что пальцы у членов экипажа ракеты были, наверное, длинные и чуткие, и представил себе, как приятно было бы пожать такую руку, спросить, как дела, и пожелать свободного пространства.

Но это были мечты... Он пошел дальше. Пока стало ясно лишь одно: в ракете во время полета действовала искусственная гравитация. Все приборы были расположены так, как если бы ими приходилось пользоваться при наличии силы тяжести, направленной к полу ракеты. Это означало, что аппаратура гравитации находилась где-то в том направлении, а следовательно, в ракете должен быть еще и нижний этаж.

Коробов решил разыскать его и снова начал блуждать по коридорам. Ничего не обнаружив, он вернулся в крайнюю лабораторию и внимательно исследовал стены и пол. Однако ход в нижний этаж ему удалось найти лишь после получасовых поисков.

Коробов осторожно спустился вниз. И здесь, в технических отсеках, шли широкие коридоры. В отличие от спутника, в ракете не было блокирующей системы дверей, да и сами переборки и перекрытия были гораздо тоньше, но все же, очевидно, обладали громадной прочностью. Коробов вначале волновался и оглядывался на каждом шагу, ожидая подвоха, неожиданного удара, но потом осмелел и попробовал даже поцарапать одну из стен. Результат был такой, как если бы он царапал щепкой по стеклу, и это заставило пило-

та опять почтительно удивиться и выругать себя за ненужное лихачество. Конечно, глупо — царапать переборки...

Космонавт не знал, что именно он ищет, но ждал многого; по логике вещей, тут, кроме гравитационного устройства, должны были располагаться хранилища кислорода и воды, кладовые с инструментами, а ближе к корме — двигатель и топливо. Если бы все это найти! Да и остальное, что могло здесь быть, тоже надо осмотреть, хотя бы поверхностно... Поэтому Коробов, привыкнув к соседству безмолвных механизмов, забыл о времени — он чувствовал себя разведчиком в неизвестной стране, и было в этом чувстве что-то от волнения мальчишки, забравшегося в таинственный подвал незнакомого дома...

К Сенцову и Раину он вернулся только через два часа, когда Сенцов начал уже тревожиться и хотел организовать новые поиски — на этот раз в масштабе ракеты.

— Ну уж в ракете-то... — довольным голосом прогудел Коробов.

— А что ж! — подтвердил Сенцов. — Очень просто! Ну как? Коробов замотал головой от восхищения:

— Отличная машина!

— Ты нашел кислород?

— Кажется, да... Твердой уверенности, правда, нет. Хранилище большого объема, но не с газом и не с жидкостью, а с твердым веществом. К нему присоединены аппараты — по моим соображениям, они и превращают твердый кислород в газ...

— Из чего же вы заключили, что это кислород? — спросил Раин.

— А вот из чего... Я осмотрел аппарат. От него трубы — эластичные и толстые — уходят в верхний этаж и в другие отсеки. А одна обрывается там же. Обрывается, и все. За неимением прибора я сам подсоединился к этому аппарату, а проще — ртом к открытому концу трубы. Ну и вот... Сначала ничего не было, но как только ядохнул — щелкнуло, и я почувствовал: идет кислород. Потом подача прекратилась. Наверное, аппарат улавливает процент углекислого газа и кислорода, и если надо — добавляет... А в аппарат газ может поступать только из хранилища. Оно прозрачное, поэтому я и увидел, что там — твердое вещество.

— Ну-с, а если бы там был не кислород? — хмуро спросил Сенцов.

— Так риска же совершенно не было... Теперь мы хоть знаем, что кислородом обеспечены: хранилище

почти полно. Да я там не только кислород нашел. Есть еще какие-то резервуары. Там тоже твердое вещество, по виду — другое.

— Туда ты, надеюсь, не подсоединился?

— Туда не подсоединился. При них таких аппаратов нет. А вот воды я не обнаружил. Может быть, они вовсе и не пили?

— Ничего, — сказал Сенцов. — Вода пока у нас есть. И, может быть, в этих других хранилищах — водород. Тогда мы вывернемся.

Коробов уселся за стол, перевел дух. Сенцов, подождав немного, спросил:

— А насчет двигателя — ничего не ясно?

— До двигателей я добраться не смог... Там глухая переборка, как только я подошел — сразу завывло, залаяло... Что-то вроде сирены. Только очень высокие тона. Очевидно, предупреждение об опасности. Не с нашими скафандрами туда лезть.

— Значит, совсем ничего?

— Единственное, что можно сказать, — двигатели, топливо и все остальное занимают гораздо меньше места, чем на нашей ракете, не только по отношению ко всему объему, но и абсолютно. Я специально шагами вымерял...

— Значит, двигатель не химический... — задумчиво проговорил Сенцов. — На каком же приводе? Какое топливо?

— Вероятнее всего, атомное. Иначе не было бы сигнала опасности...

— Сомневаюсь, чтобы атомное... — сказал Сенцов. — Я ракету осмотрел снаружи, пока вы спали. Совершенно не то сопло, какое нужно для атомного двигателя — по крайней мере по нашим соображениям.

— Ну на это вообще внимания обращать не следует, — не согласился Коробов. — И весь этот корабль гораздо менее массивен, чем наш; переборки — миллиметровой толщины, а прочность — изумительная...

— Да я не о прочности говорю, — пояснил Сенцов. — Курс двигателей помнишь? Принципиальные основы атомного двигателя? Ну вот, а тут — совсем не то...

— Я прикидывал, — сказал Коробов. — Если там химическое топливо, то, каким бы совершенным оно ни было, этой ракете дальше Марса не уйти. А вдруг они только на Марс и ходили? Тогда мы... — Он помолчал и неожиданно спросил: — Ну как — обедать будем?

— Надо подождать ребят, — проговорил Сенцов. — Они там тоже увлеклись... Да, это невесело — то, что ты рассказал о горячем...

— Все оборудование ракеты указывает, что она предназначена для дальних рейсов, — сказал Раин. — Итак — к Земле!

— Пока мы не знаем... — начал Сенцов.

— Итак — за обед! — провозгласил Коробов. — Ага, Витя прибыл. Ну, что там у тебя? Демонтировал рацию?

— Что осталось — демонтировал, — угрюмо ответил Азаров.

— Ну и как? Выйдет что-нибудь?

Азаров пожал плечами:

— Разве что любительский приемник...

— Так-так... — невесело сказал Сенцов. — А на Землю сообщить все же надо... А вообще в ангаре как? Спокойно?

— Какое спокойно, — мотнул головой Азаров. — Опять их полно.

— Режут?

— На сей раз латают. Что-то приваривают, уже навесили одну крышку люка, сейчас возьмется с другой...

— Ясно, — сказал Раин. — Они продолжают выполнять свою программу: ремонтируют ракету... Жаль, что вычислителей они нам не восстановят, как бы там ни ремонтировали.

— Да, — вздохнул Сенцов, — с нашим кораблем мы простились навсегда. — Ну что ж: космонавты — это люди, которые побеждают... — Он умолк, не закончив излюбленного приговора.

— Но интересно, — сказал Раин, — до чего эти автоматы дойдут.

— Ну для того, чтобы это определить, надо быть знатоком их тонких душевных движений, — съязвил Азаров. — Вроде Калве, например... А, кстати, где он?

Задача Калве была, пожалуй, самой важной: нельзя же вечно жить под угрозой нового набега автоматов.

Из ангара он поднялся наверх почти бегом и замедлил шаг, лишь попав в знакомый круглый зал кибернетического центра.

Здесь он сразу перестал спешить и начал все рассматривать так внимательно, неторопливо, словно в запасе у него была еще целая жизнь.

Каково, например, назначение вот этого сооружения в центре зала? Небольшой прямоугольный поста-

мент, похожий на высокий столик. В центре его круглый, чуть наклоненный экран. На нем светятся, переливаясь, четыре огонька.

Калве склонил над экраном прозрачный шлем.

Крохотное золотистое пламя дрожало в центре экрана. Три тонких черных концентрических кольца охватывали его, и на каждом тоже переливался огонек: голубой на внутреннем, зеленый на среднем и оранжевый на внешнем. Калве долго всматривался в странные огоньки; непонятно, что было в них такого, и мало ли приборов со световой сигнализацией перевидал он на своем веку, но почему-то на них хотелось смотреть и смотреть...

Потом он перевел взгляд на расположенные вокруг экрана оранжевые выпуклые шляпки — их было тридцать, возле каждой — два прозрачных глазка. Возле одного грибка левый глазок светился ровным синим светом, а около соседнего, кроме синего, горел и второй — мигал тревожным красным огнем. Остальные глазки были безжизненны.

Вокруг экрана в столике тянулась кольцевая прорезь, из которой выходил тонкий рычажок. Он плавно изгибался к экрану, так что конец его почти касался матовой поверхности. Рычажок заканчивался заостренным овалом с тонкой иглой на конце.

Других органов управления машинами было очень мало. Рядом с экраном торчали еще две круглые головки с какими-то делениями. Перед столом вздымался щит, на нем было несколько экранов поменьше. Вот и все. Мало, очень мало... Ясно, конечно, что все это имеет непосредственное отношение к управляющим кибернетическим устройствам — хотя бы потому, что находится в этом зале. Калве торопливо спрятал руки за спину — до того захотелось сразу нажать на красные кнопки, посмотреть — что появится на экранах, разобраться в значении большой красной рукоятки сбоку (ага, ею-то, наверное, и включается весь этот агрегат!).

Но он помнил, сколько непредвиденных последствий может вызвать в этом мире каждое неосторожное движение.

Это надо было помнить, потому что чувство опасности стало почему-то исчезать. Забывалось, что вовсе не люди Земли создали все эти непонятные приборы. «Если не забывать этого, — внезапно подумал Калве, — то все может разъясниться гораздо быстрее». Например... Ну вот, мало органов управления. Мало? Ну а если каждый результат, который на

Земле достигался целым рядом операций, эти творцы умели получать сразу? Так, когда-то людям, чтобы зажечь керосиновую лампу, требовалось совершить пять-шесть движений, а потом свет, электрический свет, стали включать одним движением пальца. А в том, что эта техника обогнала земную даже больше, чем электрическая лампа — керосиновую, сомнений нет. И если у тебя снова, как и в тот раз, когда вы впервые вышли из своей ракеты, возникло ощущение, словно ты находишься просто в чужой стране, где, хотя и не понимаешь языка, но видишь вокруг себя таких же людей и вещи, сделанные их руками, то это потому, что тебе страшно хочется оказаться сродни великанам, одним своим шагом покрывающим расстояние, на которое ты тратишь десять шагов. Такими они были, дружище, и чем больше ты хочешь разобраться в окружающем, тем больше тебе говорит об этом каждая мелочь...

И в эту минуту, в пустом зале, где когда-то жил, чувствовал, мыслил командир всех этих приборов и механизмов, Калве вдруг неудержимо захотелось представить — каким же он был, как выглядел этот творец, наверное, давно уже включившийся в вечный круговорот материи и сейчас, возможно, существовавший где-нибудь на Марсе в виде чахлого голубого мха... Калве машинально, забыв про шлем, поднял руку — снять шапку...

Рука его наткнулась на прикрепленный к шлему инвертор, и это прикосновение напомнило о ближайшей задаче.

Калве подумал, что Сенцов все-таки видел дальше их всех — недаром ему нужны были доказательства того, что мы в состоянии понять, постигнуть законы мышления этих существ. Что же, надо искать, искать!

С чего начать? Он стал снова осматривать пульт, пытаясь логически разобраться в назначении органов управления машины. Но вскоре поймал себя на том, что просто-напросто старается мысленно приспособить отдельные рычажки и выключатели чужой машины к функциям, которые выполняли рычажки и выключатели на его собственном пульте. Таким путем далеко не уйдешь.

Тогда он включил инвертор, опустил его экран. В шлеме стало темно, как будто в зале погасли все огни. Калве испуганно приподнял экран, и свет ударил ему в лицо. Он опять опустил экран, закрыл на несколько секунд глаза, чтобы они привыкли к темноте. Когда он вновь открыл их, тьмы больше не было.

На повисшем перед его глазами экране ветвилось великое множество голубоватых линий, кружков. Это прибор делал видимыми все проводники под напряжением. Свиваясь и развиваясь, сходясь и разбегаясь в стороны, они образовывали странную, причудливую сеть. Местами они были разорваны, кое-где их разделяли темные промежутки — участки сети, как понял Калве, пока отключенные.

Прежде всего он обратил внимание на линию, которая выглядела беспокойнее других: равномерная дрожь сотрясала ее, она пульсировала, как тонкая, чувствительная жилка на человеческой руке. Калве проследил ее путь — линия заканчивалась где-то совсем недалеко.

Калве поднял инвертор; жмурясь от света, достал из кармана скафандра длинный кусок провода, намотал на руки от плеча по кисти, а самый кончик — вокруг указательного пальца. Потом он подключил провод к аккумулятору и снова опустил экран.

Теперь его рука возникла на экране инвертора в виде бледно-голубой спирали с редкими витками. Она медленно скользила: Калве двигал рукой, стараясь совместить ее с пульсирующей линией. Когда это удалось, он повел указательным пальцем в воздухе, повторяя во всех изгибах путь пульсирующей линии. Вот палец добрался до места обрыва, и Калве торопливо поднял экран. Так и есть — палец его упирался в мигающий красный глазок.

Теперь он так же медленно повел рукой в обратном направлении, ища переключатель, от которого ток шел на лампочку. Найдя его и двигаясь по линии дальше, можно прийти к другому переключателю, и так постепенно разобраться во всей топографии кибернетического центра. На это потребуется время, но иного пути нет — простое нажатие наугад кнопок и рычагов может привести к весьма печальным результатам.

Так он работал, и голубые, то резкие, то как бы размытые линии змеились перед глазами. Потом он осторожно поднялся с места и, не поднимая экрана инвертора, начал медленно бродить по залу, следя за уходящими под пол проводами. Обойдя центральный пульт по кругу, он установил, что кабели от пульта идут к каждой из тридцати секций машины. Выбрав один из них, Калве заметил, что кабель не тянулся непосредственно в отсек, а скрывался в стоявшем в про-

стенке шкафчика. Здесь тоже под током было множество деталей — разбегались глаза...

Неторопливо переходя от шкафчика к шкафчику, Калве обнаружил, что большинство из них находилось в покое, работало только два. Один из них относился к отсеку, в котором лежала земная ракета. В этом приборе шла напряженная работа, вспыхивали и угасали голубые кольца, эллипсы, многоугольники, возникали мгновенные разряды, похожие на ветвящиеся молнии. Калве еще не знал, что автоматы вновь начали работу вокруг искаленной ракеты, но подумал, что такая активность машины может иметь отношение именно к их кораблю.

Второй работающий аппарат, как вначале предположил Калве, должен был относиться к тому ангару, где на эстакаде лежала чужая ракета. Но потом он понял, что ошибся: судя по расположению шкафчика, он относился как раз к тому отсеку, где был найден счетчик.

Значит, и в том отсеке что-то происходит? Что? Какая опасность еще подстерегает их?

Снова возвратившись к центральному пульта, Калве догадался наконец, в чем дело, и успокоился. Был включен шкафчик именно той секции, в сторону которой был повернут центральный многопозиционный переключатель, следовательно, в ней что-то происходило, когда строители покинули свою искусственную планету. Что же? Логика заставляла думать, что это было нечто связанное с ракетами. Ничто другое в ангаре и не могло происходить. А раз ракеты там сейчас не было, значит, можно предположить, что именно оттуда она и была отправлена — последняя ракета, покинувшая спутник. Отправив ее, механизмы работали впустую. Впрочем, может быть, они тогда выключились и вновь заработали только теперь, когда вблизи спутника появилась еще одна — их ракета...

Если так, то в переключателе не скрыто ничего страшного...

Калве осторожно поднял руку, нашарил переключатель, повернул на одно деление и поспешил к тому шкафчику, который должен был, по его предположениям, включиться. Да, он не ошибся, теперь аппарат работал: в нем возникали сложные узоры, нарисованные электрическим током, — возникали и исчезали.

Что-то это ему напоминало... Ага, машина ведет себя так, будто она озадачена. Смена импульсов в ней про-

исходит в том же ритме — да-да, и с той же частотой, как в радиосигналах, что слушал Азаров в первые минуты после прибытия... Калве попробовал включить соседнюю секцию, еще одну — и всюду повторялось одно и то же. И здесь забрезжила догадка. Ведь ни в одном из таких ангаров нет ракет, они с Коробовым видели сами. Значит, команда, которая посыла-лась с помощью переключателя, по-видимому, относилась к каким-то действиям, связанным с ракетами.

Калве удовлетворенно усмехнулся: он на правильном пути... Именно здесь пряталась разгадка управления механизмами, обслуживающими ракеты. И первый секрет можно было узнать уже сейчас, сию минуту: просто повернуть переключатель в положение, включающее их отсек — единственный, в котором была здешняя — исправная, очевидно, ракета, — и посмотреть, что из этого получится.

«Спокойно, спокойно, — одернул он себя. — Не надо торопиться... От этого поворота переключателя ракета может в один миг вылететь в пространство. Вспомни-ка Коробова и серую массу! Нет, никаких эмоций, никаких порывов. Только осторожно, методично...»

Калве совсем забыл, что время идет, что друзья, вероятно, уже беспокоятся, что он давно хочет есть и запас кислорода у него приближается к концу. Со стороны солидный оператор вычислителя выглядел сумасшедшим: то расхаживал по залу, бормоча себе под нос, то снова и снова усаживался перед пультом и водил над ним рукой, прослеживая какую-нибудь интересную цепь.

Теперь Калве решил найти дорогу к волноводам, по которым должны были передаваться команды из центра по секциям. В существовании их он не сомневался. Однако никаких схем, хотя бы отдельно напоминавших соответствующие земные, Калве пока не видел. Поэтому ему показалось, что проще будет проследить, откуда подходят импульсы к круглому экрану, какой источник питает непрерывно горящие на нем огоньки. Может быть, тогда станет понятно, что же именно эти огоньки обозначают...

Голубые линии, которые он стал изучать, вводили его куда-то совсем в другую сторону. Они не соединялись ни с одним из шкафчиков, а тянулись под стену и затем вверх, уходя в расположенный выше ярус.

Калве решил, что немедленно пойдет их разыски-вать: эти огоньки почему-то казались ему заслуживаю-

щими особого внимания. Он повернулся к двери, и вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

Резко рванувшись, Калве сорвал со шлема экран инвертора, закрывавший глаза, и облегченно перевел дыхание: перед ним стоял Коробов.

Коробов онемел. Сквозь шлем было видно, как он беззвучно шевелил губами. Калве с досадой выругал его за то, что подкрадывается неслышно и пугает людей, вместо того чтобы обратиться по-человечески. Потом он вспомнил, что ведь сам же выключил свою рацию, так как связи с товарищами все равно не было. Тогда он повернул рычажок, и в наушники ворвался негодующий голос Коробова:

— ...окончательно! Такие это полтора часа?

Калве взглянул на циферблат. Действительно, вот уже целый час сверх уговора торчит он здесь, и если бы не резервный баллон с кислородом, на который автоматически переключилась подача, ему давно пришлось бы плохо. Вдохнув, он развел руками и спросил:

— А у вас как там дела?

— Да ничего особенного... Ребята разобрали одного робота. Типичный марсианский робот... А у тебя как?

— Да вот, — протянул Калве, — типичная марсианская кибернетика.

11

Первым начал сдавать Азаров.

Исподволь наблюдая за ним во время работы, Сенцов заметил, как все реже пытается он создать нужную схему, все чаще откладывает в сторону спасенные детали, и взгляд молодого пилота при этом становится отсутствующим, устремляется куда-то сквозь все перегородки, броню спутника, сквозь многие миллионы километров пространства.

Раин внешне оставался спокоен. Но и он все чаще начал заговаривать о том, не пора ли наконец бросить напрасные поиски, не тратить зря времени, а использовать его для того, чтобы осмотреть весь спутник, исследовать его — хотя бы в интересах будущих поколений. И — кто знает? — если во всем этом огромном хозяйстве найдется хотя бы один годный к употреблению телескоп, посвятить свои дни, оставшиеся еще дни, тому, что было делом его жизни: наблюдению светил.

Начинало казаться, что Коробов тоже изучает ракету не для того, чтобы применить свои знания при возвращении, а просто, чтобы убить время. Может, с таким же увлечением, думал иногда Сенцов, и с таким же спокойствием второй пилот, будь он шахматистом, решал бы сейчас шахматные задачи?

С невольным восхищением Сенцов смотрел только на Калве. Вот кто работал без оглядки: Лаймон. Если, конечно, не считать роботов в соседнем ангаре — те, «не покладая щупальцев», трудились над старой ракетой, что-то подтаскивали, наваривали... Они утихомирились только на третьи сутки.

Калве занимался все тем же: при помощи инвертора прослеживал одно за другим запутанные разветвления цепей кибернетического центра. Каждый день он распутывал еще один узелок схемы, но узелков этих оказалось великое множество, цепи казались бесконечными, вдохновенных же открытий не получалось.

Сенцов чувствовал, что ребятам не доставляло особого удовольствия смотреть, как «вечерами» — неуклонно соблюдавшимися и в этом мире — Калве приводит в порядок сделанные за день записи и наброски. Со стороны это выглядело так, будто Калве готовит к печати обширное исследование «К особенностям структуры марсианских вычислительных и быстрорешающих устройств», столь спокойным и благодушным он казался. Сенцов, да и все остальные, понимали отлично, что это совсем не так, что Калве делает все возможное, и не его вина, что неведомые хозяева ставили перед ним уж очень сложные задачи.

Первые дни друзья встречали кибернетика с нетерпением: вот сейчас Калве, усевшись, вдруг возьмет да и скажет: «Ну, между прочим, можно лететь хоть завтра. Нажать там одну кнопку, и сразу отсек откроется, да... так есть...» Постепенно все начали понимать, что этого дождутся не скоро. И тогда-то и начало нарастать напряжение. Сенцов с беспокойством ожидал разряда, который обещали сгушавшиеся тучи.

И все же начало было неожиданным. С утра Азаров, как всегда, засел в своей каюте и взялся за детали. Через полчаса Сенцов решил проведать пилота. Когда он подошел к двери, за ней раздался глухой удар. Сенцов рванул дверь...

Бросок был, видимо, богатырский: по всему полу каюты были расшвырены детали, пластины печатных

схем, отдельные блоки, валялись клочки бумаги — остатки очередной уничтоженной схемы.

Азаров лежал-висел над полом, повернувшись лицом вниз... «Началось, — с тревогой подумал Сенцов. — Теперь от этого не уйти...»

— Ну что? — спросил он, делая вид, что не замечает состояния Азарова, его вздрагивающей спины... — Отдыхаешь?

— К черту! — глухо сказал Азаров, повернувшись к Сенцову. — Не желаю больше... К чему обманывать себя и других?

— Не выходит?

— И не может выйти... С таким же успехом передатчик можно монтировать из пивных бутылок. Генераторный блок погиб — чем я его заменяю? От усиления световых частот что осталось? Рожки да ножки... Нечего и думать...

— Думать все-таки надо... — сказал Сенцов. — Передатчик — это главное... Другого способа сообщить на Землю у нас нет и быть не может. Конечно, на спутнике наверняка есть какие-то устройства связи. Но как отличить их? Как понять — передатчик это или какой-нибудь агрегат для чистки сапог?

Азаров снова повернулся лицом к стене.

— На это надежды нет... — буркнул он. — Мы можем надеяться только на свои детали. А у нас их не хватает, и взять их неоткуда.

Оба умолкли, каждый мучительно, до боли в голове думал: где искать выход? Потом Азаров прерывисто вздохнул.

— Да, знать бы на Земле, что такое случится — всю ракету набил бы запасными частями... Жаль, что в другой рейс уже идти не придется.

— Ну это ты оставь. Все мы хотим еще летать. Погибать никто не собирается... Вот поэтому-то и нужен передатчик.

— Мы все сделали... — пробормотал Азаров. — Теперь осталось только с честью закончить... Передатчик? На передатчике мы на Землю не улетим.

— Ну правильно, ну согласен, — сказал Сенцов. — Положение действительно гнусное, это все знают. А ты ждал лавров? Ты же космопроходец. Космонавт! «Космонавты побеждают и без кораблей». Зря мы, что ли, так говорим? Да ты послушай. Погибнуть здесь мы никак не можем... (Азаров пошевелился, искоса взглянул на Сенцова.) Очень просто. Ну, предположим самое худшее. Мы действительно не сумеем использовать эту ракету. Ну и что? (Азаров часто заморгал, затем посмотрел на Сенцова уже прямо.) Будем

ждать здесь. Кислорода, воды хватит надолго. Продуктов — на год. На худой конец, наладим регенерацию...

— И что же — до конца жизни? — хрипло спросил Азаров. Сенцов пожал плечами, усмехнулся.

— А сколько ты еще рассчитывал прожить?

Азаров поморгал, нетвердо ответил:

— Ну — лет семьдесят...

— Допустим. Так почему нельзя жить здесь? Образум, так сказать, филиал человечества... Да ведь нам здесь век доживать не придется! Хотя это уже зависит от тебя...

— От меня?

— Конечно... Будет связь с Землей — за нами прилетят не позже чем через год. Ты же сам понимаешь — нас не бросят... Год — это даже крайний срок!

— Подумаешь — год! — вставил Раин. (Оба вздрогнули — не заметили, как он появился в дверях.) — Робинзоны вон десятками лет жили, да разве в таких условиях? Тут за год всего даже осмотреть не успеешь.

Азаров все еще лежал, но щеки его чуть порозовели.

— Так что остановка за тобой. Сумеешь смонтировать рацию — вытащим ее на поверхность спутника, будем сигналить на Землю...

— Да из чего смонтировать? Из чего?! — закричал Азаров. — Как будто я не хочу... Ведь нет выхода!

— Выход всегда есть! — твердо сказал Раин. — Надо только уметь его найти. Из могилы, говорят, нет выхода — да и то люди выбирались... Надо искать! Ты не пробовал использовать то, что осталось от вычислителей Калве? Там ведь какие-то блоки уцелели...

— Да думал я об этом, — сказал Азаров. — А вы видели, что там уцелело? Таких блоков у меня и у самого — хоть пруд пруди... А где я генераторный блок возьму? Это же совершенно другое, тут простым сложением не обойдешься...

— Действительно, надо еще подумать... — проронил Сенцов. — Ведь выход-то есть, наверняка есть, только мы его не видим...

На минуту воцарилось молчание. И потом Сенцов задумчиво проговорил:

— Генераторный блок, генераторный блок... А если взять части от других приборов? Насколько я знаю (он поднял брови, словно кто-то мог подумать, что он не знает), насколько я знаю устройство рации, в ней использова-

лись те же самые типовые детали, которые стоят на наших радиометрических приборах... Хотя бы на тех же счетчиках. А?

— Я прикидывал, — сказал Азаров. — Кое-что оттуда можно позаимствовать, но не все...

— Счетчик? — внезапно спросил Раин. — Погодите-ка, одну минуту, одну секундочку... Счетчик-то мы здесь нашли?

— Ну, нашли...

— Так, значит, и сама автоматическая ракета должна быть где-то здесь, на спутнике!.. Ее надо только найти. Ведь радиооборудование ракет-автоматов в принципе от нашего ничем не отличалось?

— Только в деталях! — подтвердил Сенцов.

Азаров нерешительно улынулся. Сел. По привычке, скрывая смущение, заехал пятерней в затылок.

— Может быть, там вообще сохранился в целости передатчик? — задумчиво сказал он. И внезапно загорелся. — А ведь действительно, как нам сразу не пришло в голову... Надо немедленно начать поиски!

— Я думаю, — сказал Раин, — что вообще надо изменить распорядок работ. Пусть Коробов вместе с Азаровым идут на поиски. А я буду помогать Калве. Вдвоем у нас пойдет гораздо скорее. С осмотром же ракеты отлично справишься и ты один...

— А какой смысл? — спросил Сенцов. — Калве и так работает правильно. А мы бы вдвоем...

— Гм... — неопределенно ответил Раин. — С твоего разрешения, наверно я все же пойду.

— Что ж, пожалуйста, — согласился Сенцов после минутного раздумья. — А ты, Витя...

Но Азаров уже пошел за скафандром.

12

Калве ввел Раина в круглый зал с пультом.

— Вот, — указал он. — Тут помещается пульт управления. Но дело-то все в том, что эти машины самопрограммируются. Они способны сами менять режим работы в зависимости от изменения окружающей обстановки, и так далее...

— Знаю, — ответил Раин. — Имел случай убедиться.

— Следовательно, логически рассуждая, управлять ими нет надобности. А в то же время и пульт, и органы управления есть — вот они... Вот эта рукоятка совершенно меняет режим работы. Я тут кое в чем сумел разобраться...

— Очень интересно... Так что же вас смущает?

— Не могу понять, как это происходило. Видите этот экран со стрелкой? Он связан с чем-то в верхних ярусах, с чем — исследовать я еще не успел. От него идут цепи ко всем машинам. Но зачем он? Понять не могу.

— И я не знаю... А чем, собственно, этот пульт управляет?

— Тут происходит приблизительно вот что, — пояснил Калве. — При установке стрелки в одно из трех фиксированных положений по длине и в любое положение по окружности в цепи возникают комбинации импульсов. Они слишком непродолжительны, чтобы представлять собой какую-то программу, но они могут быть сигналом к выработке определенной программы. Как заказ: прошу программу номер три, например.

— Это уже кое-что. Я, правда, в этой области не специалист, но логический образ мышления...

— О, логический образ мышления... — сказал Калве.

Оба секунду помолчали, воздавая дань уважения логическому мышлению.

— Однако мы несколько отвлеклись. Так вот, эти импульсы проходят через известные устройства (Калве указал на стоявшие в простенках шкафчики). В них сигналы значительно видоизменяются... Это дало мне основания предположить, что именно здесь помещается управление программирующими устройствами. А вот каково содержание сигналов?

— Не знаю, в этом я даже не дилетант, — сказал Раин. — Интересного много... посмотрите на двери: насколько велика была, очевидно, уверенность конструкторов в безотказности своих машин, что они не предусмотрели даже аварийного ручного открывания дверей. И если, по-видимому, уже десятилетия назад покинутый спутник все еще нормально работает, значит, в их рассуждениях была истина...

— Проблема номер один кибернетики — проблема надежности — ими решена основательно, — с уважением знатока ответил Калве. — Это построено на века...

— Но это меня и удивляет, — продолжал Раин. — Стоит ли строить такие вещи на века? Техника так стремительно развивается, машины стареют...

— Для нас это пока, безусловно, непонятно...

— Да, как в темном лесу. Вы говорили, что импульсы идут от этой стрелки?

— Да, — ответил Калве. — Она выдвижная, телескопическая. При этом я заметил — импульсы посылаются в машину именно в тот момент, когда стрелка совмещается с огоньком, расположенным на той окружности, на которой находится конец стрелки. Нацеливать ее можно очень точно, тут целая система настройки, причем здесь, — он указал на один из экранов, — мы видим участки окружностей под большим увеличением. Настроить можно с точностью до десятой доли градуса...

— Но зачем?

— Этого-то мы и не знаем...

— Не знаем... — как эхо, повторил Раин. — Так... Чем я могу вам помочь?

— Мне пока неясна роль этой рукоятки, — сказал Калве. — Вы будете ее двигать, а я прослежу за возникающими импульсами.

— А это не опасно?

— Все равно включенный сейчас ангар пуст...

Раин послушно положил руку на рычаг. Калве надвинул на лицо экран инвертора, кивнул головой, сказал: «Начинайте». Раин нажал рукоятку.

Калве словно выслеживал зверя — согнувшись, приглядываясь к стремительной пляске голубых линий, он запетлял по полу. Раин, действуя по составленной Калве программе, поставил рукоятку в прежнее положение и сразу же опять потянул на себя, повторяя ту же серию импульсов. При этом он мельком взглянул на небольшой экран, находившийся рядом с рукояткой, — и моментально забыл и о Калве, и о своем задании.

— Что с вами? — окликнул его Калве.

Раин, не отрывая глаз от экрана, замахал рукой. Калве подбежал к нему.

На чуть вогнутом экране мелькали странные картины. Калве и Раин затаили дыхание.

...Это не был полетный дневник. Раин понимал, что если на спутнике и велся бортжурнал, страницы которого теперь возникали перед ними, то велся он, вернее всего, в какой-то закодированной записи, магнитной или иной. Но сейчас люди видели запись уже расшифрованной, как будто на этом небольшом, сантиметров шестьдесят на сорок, экране им показали хроникальный фильм.

А может быть, это вовсе и не были записи из журнала... Машина показывала отдельные, разрозненные

события, и к тому же в обратной последовательности, словно заново припоминая их, точно углубляясь в прошлое, чтобы лучше проанализировать. В ее воспоминаниях (если так можно было назвать воспроизведение на экране событий, запечатленных в блоке памяти машины) были странные провалы, вызванные, возможно, какими-то неполадками в самом устройстве. Во всяком случае, на экране не получалось связного рассказа, а были какие-то разрозненные картины, какие иногда вспоминаются и людям.

Сначала Калве и Раин увидели этот самый машинный зал, и себя в нем. Потом в зале остался один Калве, затем — Калве и Коробов (так решил Раин, потому что фигуры, хотя и расплывчатые, все же напоминали людей в знакомых скафандрах) открывали подряд все двери.

После короткой заминки на экране возникло крупное изображение красной планеты. Они сразу узнали Марс. Затем промелькнули сразу два изображения: с поверхности Марса стартовали ракеты, как две капли воды похожие на ту, которая стала теперь их домом, а на другой половине экрана откуда-то из пространства надвигался сплюснутый сфероид, охваченный поясом взлетных эстакад. Раин вспомнил эстакаду, виденную наверху... Деймос? Астроном поднял брови: снято со стороны?

Изображение с Марсом поблекло, задрожало и, размываясь, исчезло, а надвигающийся шар Деймоса занял весь экран. Из одного и того же места его поверхности изредка вылетали слепящие огненные стрелы... Не могло быть сомнений: работал двигатель. Двигатель громадного корабля?

— Вы понимаете, что это значит? — вскричал Калве. — Это же не спутник! Но это ведь... Разве... Что это?

— Это Деймос... — ответил Раин шепотом. — Боюсь поверить... он не спутник?.. Звездолет?.. Неужели мы на звездолете?

Он умолк — казалось неправдоподобным, чтобы такая громадина, как Деймос, могла двигаться со скоростью, нужной для межзвездных перелетов. Но видно же...

Вспышки продолжались — очевидно, включались на короткое время двигатели, тормозя звездолет. Потом на экране замелькали изображения внутренних помещений, совсем не знакомых космонавтам, и они уже решили, что это все же не Деймос, но тут показался коридор и ангар... Одно из изображений замерло, задержалось на экране: большой

зал, который весь, от пола до потолка, пронизывали странные, радужно переливающиеся колонны. Но некоторые из них не светились — от них во все стороны разлетались красные искорки...

— Символика? — пробормотал Калве, наблюдая, как постепенно гаснут и остальные стержни. Вот потух последний; из него вылетела струйка искр, и наступила темнота...

Разбираться во всем этом не было времени. На экране уже возникла стремительно летящая из темноты глыба. Трудно было определить ее размеры: это мог быть метеорит, мог быть и крупный астероид. Он выглядел каким-то не настоящим, а словно нарисованным, приблизился — и сразу расплылся и погас, сменившись новым изображением...

Теперь весь экран заняла гигантская, как показалось обоим, планета с неровной, волнующейся, как море, поверхностью. Что-то знакомое почудилось Калве в облике этой планеты, он повернулся к Раину...

— Юпитер, — коротко сказал астроном, не отрываясь от экрана.

Неожиданно появился тот же самый круглый пульт, около которого они стояли, и знакомый экран был в середине его, только его опоясывало не три, а пять окружностей, и огоньков было больше, как сразу заметил Калве. Раин не успел удивиться, как, вдруг на экране возникли знакомые уже три кольца...

Калве осторожно отошел от экрана: ему не терпелось проверить, с какой нагрузкой сейчас работает машина. Он шел от шкафчика к шкафчику. В них сосредотачивались результаты громадной работы, протекавшей в десятках наполненных серым веществом ящиках тридцати секций машины. Да, вот теперь она работала на полную мощность: везде бушевали голубые линии...

Калве заглянул в одну из секций: серая масса показалась ему охваченной холодным голубым пламенем. Затем торопливо возвратился к экрану, от которого все не мог оторваться Раин.

— Что? — спросил его Калве.

— Снова переигрывает... — почему-то замахав рукой, едва слышно ответил Раин.

Теперь на экране два шарика вращались вокруг Марса.

— Второй — Фобос... — проговорил Раин. Калве кивнул.

...Ракеты стартовали с меньшего шарика — Деймоса — ко второму. Их было двадцать пять, промчавшихся одна за другой. Затем второй шарик, Фобос, начал быстро вырастать в размерах, оболочка его стала прозрачной, сквозь нее виднелись ракеты, втянутые с поверхности Фобоса вовнутрь, и какие-то непонятные гигантские установки...

Потом обоим показалось, что на экране сверкнула молния: от Фобоса метнулась, уходя в пространство, тонкая ярко-оранжевая линия, конец ее терялся где-то за пределами экрана. Шар окутался туманом — Калве уже подумал было, что машина не выдержала напряжения и испортилась. Однако изображение медленно очистилось.

Шар висел на своем месте, но ракет в нем не было, хотя по-прежнему большую часть его объема занимали какие-то аппараты. Оранжевая линия заметно побледнела, но все еще оставалась ясно различима.

— Что это значит? — спросил Калве. — Опять сначала?

Раин напряженно всматривался в экран, карандашом наносил какие-то точки на листок бумаги... А на экране промелькнула водяная гладь, взволнованная ветром, потом равнина, озаренная зеленоватым светом. И все исчезло. Экран погас.

Калве и Раин молча сидели еще минут пять. Экран не оживал.

Раин с трудом перевел дыхание. В баллонах кончился кислород. Надо было спешить в ракету.

— А работа? — спросил Калве.

— Придется прийти еще раз... И вообще — к черту данные! Вы можете попытаться объяснить, что это нам показывали?

— Я думаю, — сказал Калве, — что этой рукояткой машине задается определенный режим работы. Режим, при котором логическое устройство может анализировать события, записанные в его памяти и преобразовывать их в видимое изображение...

— А это возможно?

Калве умолк. Как это делается? Чувствуется, что это не просто запись: машине приходилось иногда возвращаться к какому-то событию и начинать сначала, то есть при помощи логических выкладок восстанавливать происшествия, сведения о которых почему-то не были для нее закодированы. Смешно сказать, но временами казалось, что

машина и вправду мыслила, тут же, на экране, исследовала различные варианты и отбрасывала менее вероятные. «Конечно, это тебе так кажется», — одернул себя Калве. Очень многое надо еще понять, разобраться, что это — кадры о прилете ракеты с Марса: документальная запись или отвергнутый вариант? А промелькнувший метеорит? Что обозначали затухающие стержни? То, что двигатели звездолета вышли из строя?

— Так... — сказал Раин. — Но при всех неясностях вы понимаете, что мы обнаружили? Мало того что Деймос — не спутник, а звездолет. Это даже не главное...

— Что же главное?

— Главное то, что звездолет отсюда уйти не смог. А в то же время ни ракет, ни экипажа здесь нет... Куда они делись? Если верить тому, что показала нам машина, они ушли на Фобос, а оттуда были переправлены дальше. Ведь сам Фобос до сих пор обращается вокруг Марса, значит, он никого не увез. Может быть, он вообще не звездолет, а что-то другое? И в то же время ракеты отправлены... Это позволяет думать о вещах совсем уж фантастических...

— Каких же?..

— Боюсь сказать, но не исключено, что ракеты и люди переправлены куда-то в другое место способом, который... Впрочем, сие для нас с вами пока — книга за семью печатями, чистая фантастика... Но все это настолько важно, что нам надо как можно скорее сообщить об увиденном на Землю: мы одни не можем оставаться хранителями таких бесценных сведений. Вся надежда теперь на Азарова...

13

Азаров в это время был далеко от них. Нагрузившись запасными баллонами с кислородом, он уже успел обшарить многие помещения Деймоса.

Он начал поиски с того отсека, в котором был найден счетчик. Да, возможно, ракета когда-то и была здесь, но никаких следов ее пребывания не осталось.

Куда она могла исчезнуть? Где искать ее? Очевидно, если ее куда-то перетасили — разумеется, в разобранном виде, — то тасили ее не через коридор... А для чего вообще могли ее разобрать? Ну, хотя бы для изучения. Вполне возможно. Впрочем, кому ее здесь изучать?

Во всяком случае, надо было найти иной ход из ангара. Поиски заняли около часа и не увенчались успехом до тех пор, пока Азарову не удалось проникнуть в один из боковых люков — судя по происшестввиям в их ангаре, за ними должны были находиться роботы.

Действительно, конусы автоматов стояли за дверью без движения — будто дремали в ожидании... Азаров осторожно пробрался между ними. Ход упирался в широкую вертикальную трубу, уходящую вверх и вниз, насколько видел глаз. Азаров с минуту стоял перед ней. Очевидно, это был путь в верхние и нижние ярусы. Шахта для лифта? Но где он? Как его вызвать? Никаких признаков, только прямая блестящая полоса убегает вверх и вниз по стене трубы. Все-таки какая неосторожность: одна ступенька — и ход, по которому он пришел, обрывается в трубу. Сорваться с такой высоты — пусть ускорение силы тяжести здесь намного меньше земного — все равно, наверное, опасно...

Другого пути, очевидно, не было, и Азаров в конце концов заключил, что это — не для людей. Эти автоматы могут летать — вот пусть они и летают, а ему ломать здесь шею вовсе ни к чему. Раз нельзя попасть наверх — значит нельзя...

После этого он с завидной непоследовательностью ступил на ступеньку. Взглянул вниз. Внезапно сильное головокружение заставило его закрыть глаза, когда же он открыл их, то сразу присел, инстинктивно защитив голову руками.

Сверху, из вертикального хода грозили упасть прямо на него нависшие над его головой точно такие же, как виденные давеча, роботы, непонятным образом державшиеся на отвесной стене... Азаров как можно теснее прижался к трубе, чтобы его не задело... Но автоматы не падали. Потом какие-то темные пятна на отвесной стене привлекли его внимание. Он вгляделся — пристально, до боли в глазах.

Чем больше смотрел он, тем меньше оставалось сомнений: следы. Да, это были следы; кто-то прошел — и не очень давно — по этому ходу, по вертикальной стене... Он был, наверное, маленького роста: следы говорили о коротком шаге. Небольшая нога. И так же, как на башмаках земных скафандров, яснее всего отпечатались полукруги магнитных подковок.

Поистине неожиданности следовали одна за другой... Азаров сделал движение к стене, чтобы разглядеть следы в упор: один из них находился как раз на уровне глаз. И — снова что-то шатнуло его, налетело головокружение, а

затем — следы на вертикальной стене исчезли. Он вытарашил глаза. Галлюцинация? Если да, то тогда или сейчас? И куда делись только что нависшие над ним конусы роботов?

Пожав плечами, Азаров решил все же возвратиться: ничего хорошего не приходилось ожидать от таких необъяснимых происшествий. Он взглянул себе под ноги, чтобы не ступить куда-нибудь в пустоту, и сейчас же нагнулся: следы были у него под ногами...

Следы были у него под ногами, и это были его следы, следы нерешительных шагов, какими приближался он к обрыву... Но ведь только что эта стена была вертикальной?.. Начиная смутно догадываться, Азаров вновь встал на ступеньку. Головокружение. И — следы на отвесной стене, угрожающе нависшие роботы...

Все было ясно, и все же понадобилось еще несколько раз ступить вперед и назад, чтобы понять наконец причину. Она была проста и невероятна. Направление тяготения в вертикальной трубе было иным, чем в ходе, ведущем из ангара. Для перешагнувшего невидимую грань горизонтальной становилась уже вертикальная труба, вертикальным же — ход, по которому он только что пришел. Его следы оказались на вертикальной стене, а стоявшие в проходе роботы показались нависшими над головой.

Это означало, кроме прочего, что в каждом ходе могли быть свои установки искусственной гравитации. Азаров обрадовался, что именно ему удалось открыть еще одну чудесную особенность спутника. И решительно шагнул вперед — в направлении, которое всего десять минут назад было для него безусловным и неоспоримым направлением вверх.

— В путь! Хозяева вряд ли ходили тут пешком, у них были, вероятно, средства передвижения по трубам. А мы пойдем, не гордые...

...Больше двух часов бродил он по улицам и переулкам затерянного в космосе города. Глазам его открывались обширные лаборатории, пустые хранилища, в которых когда-то, очевидно, находились обильные запасы. В одном зале оказался даже огромный — метров сто на двести — бассейн, на сухих стенах его виднелись следы, оставленные давно исчезнувшей водой.

Пилот проходил через просторные залы, уставленные непонятными устройствами, которые с одинако-

вым успехом могли предназначаться и для испытания машин, и для гимнастики, для тренировки мускулов.

Он разыскал и жилые каюты — они одни занимали целый этаж. Попытался прикинуть общее количество населения спутника. Получалось большое число, несколько тысяч человек. Азаров недоверчиво покачал головой.

Он все прибавлял шаг. Осмотр заинтересовал его, хотя никаких следов автоматической ракеты Азаров обнаружить не смог.

Он поднялся в очередной ярус. Открыл дверь... Там была громадная, на многие гектары оранжерея, залитая желтым, привычным, совсем солнечным, жарким светом. Этот зал не делился на отсеки и, видимо, был уже где-то в верхней (по отношению к остальным ярусам) части шара. В центре зала возвышалась, упираясь в потолок, толстая труба. Кроме нее, никаких опор не было.

Азаров направился к трубе. Путь лежал мимо длинных полос грунта. Космонавт нагнулся, растер щепотку в пальцах — мелкие, округлые частицы и... влажные. На этой почве в свое время, наверное, росло что-то, служившее продовольствием, теперь же ее покрывала желтоватая травка — может быть, потому что культурных растений, оказавшихся менее долговечными, чем машины, и выродившихся из-за отсутствия ухода, а возможно — и возросшей радиоактивности. Кое-где стояли странные, низкорослые, искривленные деревья без листьев, но с зеленовато-голубыми, просвечивающими ветвями. Они жили: устройства спутника продолжали подавать сюда воду, углекислоту, питательные вещества.

Азаров поздравил себя с очередным открытием. Было абсолютно невозможно пройти мимо, не попытавшись разглядеть вземные растения, отломить веточку, чтобы потом изучить ее строение под микроскопом, а может быть — кто знает, — и увезти ее на Землю.

Космонавт ступил на грунт, подошел к дереву. Остановился и несколько секунд внимательно рассматривал ветку. В ней что-то медленно пульсировало, неравномерно окрашенная жидкость совершала круговорот. Дерево жило! И внезапно Азаров отпрянул: прозрачные ветви медленно тянулись к нему, дерево чуть наклонилось в сторону пришельца.

— Ну нет... — пробормотал Азаров. — Я тебе не муха... Ишь ты — хищник...

Отступив на шаг, он угрожающе поднял инструмент. Постоял так немного. И опустил свое оружие.

— С ума сошел, — сказал он себе. — Откуда здесь хищники? Это же спутник, здесь могут быть только культурные растения. Тем более в таком количестве. Это плантация, не музей... А раз так — не кровью же их кормили! Придет же в голову... с испуга. (Он оглянулся — нет, о его страхе никто не услышал.) А зачем все-таки оно тянется?

Он поколебался еще. Но в конце концов будь растение даже хищником — сквозь скафандр ему не пробиться. «А если электрический разряд?» — подумал он и сейчас же успокоил себя: ну в таком случае все бы уже произошло...

Азаров протянул руку к ближайшей ветви. Снова прозрачные плети пришли в движение, сильнее запульсировала жидкость. Ветви окружили руку, одна из них коснулась перчатки — как показалось пилоту, ласково, просительно... Теперь он заметил, как на гладкой поверхности ветвей замерцали какие-то реснички, открывались как будто отверстия, открывались — словно просили, точно чего-то ждали... Азаров стоял, от волнения приоткрыв рот. Может ли быть, что деревья подкармливались таким вот образом — что их подкармливали в буквальном смысле слова? И деревья знали это? Знали?! У деревьев — зачатки рефлекса? Мыслимо ли? И если мыслимо — то сколько тысячелетий, да, именно тысячелетий человек ухаживал за деревом, чтобы у растения выработался такой рефлекс! Ведь не куда-нибудь, а к руке тянулись они, как телята — те так же вот тычутся в ладонь теплыми, шершавыми носами. Но деревья... Или все это — совсем другое? Но что же другое?

Он огляделся. Соседние деревья уже протягивали к нему свои ветви, зашевелились и другие. Азаров вздохнул, ему стало вдруг до того жалко этих зеленых телят... Но накормить их было нечем, да и кто знал, чем их подкармливают? Кстати, это вопрос не жизни: живут же они... Возможно, тут регулировалось не питание, а что-то другое. Если, например, это плодовые деревья, то им могли вводить прямо в ветки такие вещества, от которых зависело плодоношение. Может быть, так люди научились регулировать урожай? Получать его столько, чтобы хватило на все, но не было и чрезмерных излишков, которые здесь девать было некуда. Не на Марс же возить!

Азаров удивленно покачал головой. Если к невиданному в технике космонавты уже начали привыкать, то это хозяйство — иначе как сельским назвать его было нельзя —

еще яснее показывало, насколько они — марсиане — впереди. Вот теперь веришь, что дерево — живое. А мы у себя одних веток ломаем без конца, вовсе и не думая...

Конечно, теперь и речи быть не могло о том, чтобы отломить хоть веточку. Азаров развел руками перед деревом — ничего, мол, теперь тебе уже недолго ждать, а придет большая экспедиция с биологами — они разберутся, кто ты и чего тебе не хватает...

Он двинулся дальше. Ему пришло в голову, что и в жилых каютах, и в оранжерее должен быть кислород: здесь нет машин, которым могла бы угрожать коррозия, а система деления спутника на отсеки и ярусы с блокировкой всех ходов и переходов давала возможность иметь в различных местах разную атмосферу.

Однако он не стал проверять своего предположения. Возникшие у него мысли манили к круглой площадке наверху.

Теперь он уже научился отыскивать ходы... Привычно изменилось направление гравитации, затем — еще раз. Это значило, что он уже на уровне следующего этажа. Он сделал еще шаг и отпрыгнул, увидев звездное небо.

Сначала он решил, что внезапно очутился за пределами спутника. Испуг был сильный, бешено забилося сердце. Но нет, это другое: в зале царил полумрак, а стены и потолок обладали такой прозрачностью, что, казалось, их совсем не было.

Что это значит? Вероятно, он поднялся уже в самую верхнюю часть шара — если только спутник действительно имеет такую форму. А для чего этот темный зал, не разделенный на отсеки? Познакомимся поближе... Некоторые аппараты напоминают что-то очень знакомое. Земные рефлекторы, вот что... Сквозь прозрачные стены видны и укрепленные снаружи спутника громадные параболические антенны. Тоже знакомо... Итак — обсерватория!

Прямо-таки жаль, что рядом нет Раина: астроном позавидовал бы ученым, которые когда-то работали здесь... А нашел все-таки я... Хорошо, это были телескопы. А это что за приборы — легкие фермы без антенн и без зеркал? Раин наверняка не посчитался бы со временем, чтобы понять, какое отношение имеют они к астрономии.

Азаров присел в кресло перед одним из таких приборов, чтобы оглядеться и передохнуть. Отдыхая, он задумчиво глядел сквозь прозрачную стену в черноту простран-

ства. И вдруг вздрогнул, спокойный взгляд его стал напряженным: показалось, будто перед его глазами возникают новые звезды. Да, несомненно — вот уже несколько появилось из темноты. Яркость их стремительно возрастала. Новые звезды? Сверхновые? Сразу столько в одном участке неба?.. Его осенила смутная догадка: вероятно, странно изогнутая, похожая на восьмерку ферма все-таки была тоже телескопом, только роль линз в нем, как в электронном микроскопе, выполняли мощные поля. Инструмент, очевидно, включался автоматически, как только наблюдатель сядил в кресло.

Азаров внимательно разглядывал звездную картину. Телескоп выделял часть небосвода — похоже, созвездие Дракона, сообразил он, вспомнив занятия по астронавигации. Впрочем, он не был уверен в том, что это Дракон, но если так — то из четырех светил, которые были сейчас в поле зрения телескопа, раньше он знал лишь одну звезду четырнадцатой величины. Прочие оставались невидимы и в самые сильные телескопы Земли.

Сидеть в кресле было удобно. Азаров почувствовал, что именно сейчас ему следует по-настоящему отдохнуть. Не сводя глаз со звезд, он положил универсальный инструмент (который на всякий случай постоянно держал наготове) на пол, рядом с сиденьем. Можно посидеть четверть часа, а заодно и посмотреть, как будет выглядеть следующий участок неба — тот, который попадет в поле зрения телескопа, когда мчащаяся по своей орбите планетка переместится на сколько-нибудь заметный угол.

Он подождал, потом закрыл уставшие глаза, потом снова открыл их. Четыре звезды по-прежнему дрожали перед ним. Азаров взглянул на часы. Прошло десять минут. Звезды должны были хотя бы передвинуться... Разве Деймос... Ну что за нелепица: не мог же он остановиться на орбите!

Что ж, еще загадка из категории пока нерешенных... А пока надо продолжать поиски. Азаров протянул руку за универсальным инструментом. Инструмента не было...

Он пошарил по полу. Вскочил с кресла. Да, инструмента не было. Взят? Кем? Кто-то подходил? Кто? Почему скрылся незамеченным?..

Мысли путались, набегая одна на другую. Азаров лихорадочно оглядывался по сторонам. И вдруг с радостным криком бросился и поднял инструмент, лежавший в двух шагах от кресла.

Тогда он стал внимательно вглядываться в окружающее. Если бы он сделал это перед тем, как сесть, он, конечно, заметил бы сразу, что постамент с креслом и фермой медленно, миллиметр за миллиметром, скользит по блестящей металлической полоске. Она, очевидно, огибала весь круглый зал обсерватории, и какие-то автоматы равномерно передвигали астрономический прибор так, что, несмотря на движение спутника, в поле зрения наблюдателя постоянно оставались (оставались ли? Он снова уселся в кресло, взглянул — да, оставались) те самые звезды. Эти вот четыре звезды... Случайность ли это? Просто ли инструмент направлен на этот участок неба, или... Но если это не случайность — что же ученые Марса искали в созвездии Дракона? Нет, все-таки случайность...

Встав с места, он подошел к одному из рефракторов. Взглянул — и отшатнулся, словно его ударили. В телескопе дрожало явственное изображение Земли. Ее место на каждый день он знал наизусть... Но смотреть на Землю было выше сил.

...Нет, четыре звезды — не случайность. А если не случайность, то... И это большое число жилых кают — такому количеству жителей просто нечего было делать в автоматизированном спутнике, на них не хватило бы работы... Нет, конечно, это не может быть простой случайностью. И если подняться выше...

Он взглянул вверх. Средняя часть огромного купола обсерватории была непрозрачна. Значит, там, выше, еще что-то помещалось. Ну-ка, где ход?

Он огляделся в поисках хода. И в этот миг обсерватория наполнилась теплым желтым сиянием...

— Солнце! — неистово крикнул Азаров, закрыв глаза от света. Действительно, Деймос на своем пути вокруг Марса в очередной раз вышел из теневого конуса, и далекое, родное светило затопило обсерваторию своими лучами.

— Солнце... — повторил Азаров, прижимаясь к прозрачной стене, и черное пространство за ней сразу перестало казаться таким безнадежным.

Пилоту хотелось петь, смотреть на Солнце без конца. С трудом заставил он себя разыскать последний ход, войти в открывшийся перед ним люк. Побежали стены трубы... И наконец Азаров оказался на самом верху, на заветной площадке.

— Ну да, — сказал он. — Я так и думал...

Он очутился в небольшом круглом прозрачном зале, и теперь звездное небо окружало его со всех сторон. По

окружности зала стояли низкие, широкие диваны. В центре, у четырехгранного пульта, было откинутое назад кресло. Перед пультом возвышался большой постамент с экранами, шкалами приборов, блестящими точками индикаторов. На самом же пульте не было ничего: ни переключателей, ни рычагов. Только две большие, выпуклые кнопки — красная и белая — выступали над его гладкой поверхностью.

— Так я и думал... — проговорил Азаров. — Значит, здесь — какая-то централь. Командный пост спутника. Рубка... Впрочем, зачем спутнику рубка? Постой, да уж спутник ли это? Сейчас — да, а вообще... Не может ли быть, что это... Ну да! А если это звездолет? Звездолет высокого класса?..

«Почему?» — спросил он сам себя, и сам же себе ответил: «Хотя бы потому, что такое количество всего, какое было здесь, судя по емкости ныне пустых помещений со стеллажами — складов, — спутнику не нужно. Его лучше снабжать всем, что поновее и посвежее, не делать запасов на годы, даже на десятки лет... А вот звездолету все это нужно. А если подумать — то вообще трудно предположить, что это создание планеты Марс. Все же она выглядит уж слишком безжизненной».

Он сел в кресло за пультом. Тотчас же на постаменте зажегся экран — на нем была точная картина звездного неба, такая же, какая виднелась за прозрачным куполом этой, возможно, и впрямь ходовой рубки. Азаров предположил, что это был звездный компас — по нему можно было следить за тем, насколько точно машины соблюдают курс. Азаров немного покритиковал строителей за то, что ходовая рубка была вынесена на поверхность звездолета — гораздо безопаснее было бы поместить ее где-нибудь в середине. Но тут же, став на место воображаемого оппонента, возразил: так можно судить, исходя из земных представлений о прочности...

Приборов на пульте громадного звездолета было даже меньше, чем на их земной ракете. Вероятно, здесь гораздо в большей мере, чем пока на Земле, применялось суммирование показаний приборов вычислительными устройствами. К пилоту поступали лишь обработанные, самые важные сведения. За остальными следили сами машины.

Азаров вздохнул, закрыл глаза. Вот так здесь сидел когда-то командир звездолета, вел его к неведомым светилам — представитель иной жизни, намного обогнавшей нашу...

На диванах вокруг него располагались в свободные минуты члены экипажа, друзья и соратники командира — такие же, как он, рослые, здоровые и, наверное, — добрые и веселые люди. Они жили, они стремились к открытиям, от которых, быть может, зависела судьба пославшей их планеты.

Азарову показалось, будто просторное помещение наполнилось вдруг сдержанным гулом голосов, едва слышным отзвуком работавших где-то внизу двигателей... Перед его закрытыми глазами замелькали незнакомые, причудливые рисунки созвездий, почудилось, что он сам грудью рассекает пространство, через которое стремится этот могучий шар...

Так он сидел несколько минут, не раскрывая глаз. Но надо уходить отсюда: не здесь же, в ходовой рубке звездолета, искать останки автоматической ракеты!

Он спустился обратно в оранжерею. И снова потянулись бесконечные вереницы помещений, заполненных машинами, механизмами — все более странными, непохожими на земные, комнат с неустойчивыми полами — полы мягко колыхались, когда Азаров проходил по ним... В одном месте он наткнулся на прозрачную перегородку, за которой клубился лиловый туман — только густые лиловые облака, сквозь которые ничего нельзя было разглядеть, — и среди них то и дело посверкивали голубые молнии. Азаров долго стоял, наблюдая за причудливой игрой разрядов, пока они не начали слишком часто отскакивать в его сторону. Тогда он поспешил уйти, отметив перегородку на схеме, на которой наносил весь свой путь.

...Через час он оказался внизу, в радиальном коридоре. Сегодняшняя программа поисков была закончена, он видел очень много интересного — а ведь была осмотрена лишь малая часть того, что скрывалось в этом громадном шаре. Над этим впоследствии не один год поломают голову ученые Земли... Но никаких следов автоматической ракеты он так и не обнаружил.

Азаров уже хотел войти в коридор, ведущий к ангарам, но раздумал и решительными шагами подошел к другой двери — той самой, у которой Сенцов и Раин, пробираясь с поверхности, обнаружили, по их словам, усиленную радиацию. Почему ракета или ее останки не могли находиться в помещении, где уровень радиации выше?

Он приблизился к двери вплотную. Лампочка индикатора затлеела чуть ярче. Ну и что? До опасности, во

всяком случае, далеко, а ракета может находиться именно здесь, и все равно ведь, если она не найдется в других помещениях, придется лезть за ней сюда.

Азаров оглядел дверь. Запорной планки здесь не было, но слева он увидел три углубления — такие же, как и у входного люка корабля, — и вложил пальцы в эти гнезда.

Дверь тяжело поехала в сторону, он успел удивиться ее необычной толщине... И сразу лампочка в скафандре запылала так ярко, что и в глазах пилота на миг поплыли красные круги. Радиация неудержимо возрастала, как будто он, открыв дверь, выпустил на волю миллиарды крошечных дьяволов и они, радостно кувыряясь, стремительно неслись теперь по коридору... Азаров инстинктивно рванулся назад, но тут же остановился: надо же закрыть дверь, иначе...

Он снова вложил в гнезда три пальца, но дверь не закрывалась. Азаров стал лихорадочно вспоминать, как же закрывался люк ракеты, — и с ужасом вспомнил, что это происходило лишь после того, как кто-нибудь переступал порог — в одну или другую сторону. Наверное, был и другой способ, но его никто не знал. Значит, остается одна возможность закрыть дверь и прервать течение смертоносного потока: заставить дверь затвориться за собой, а потом уже искать, как открыть ее изнутри...

Все это пронеслось в его мозгу в доли секунды, и он уже сделал последний шаг, отделявший его от двери. А если изнутри дверь не откроется? Товарищи долго еще не будут знать, что случилось с ним, они зря потеряют время на поиски, идя по его следам. Без него намного дольше провозятся с передатчиком... Но если уровень радиации будет все возрастать, то в этот коридор больше не войти, значит — не выйти на поверхность. А ведь даже имея рацию, только с поверхности можно установить связь с Землей. Нет, дверь надо закрыть, а если уж погибнуть, то одному, а не пятерым...

Он закрыл глаза и рванулся вперед, нагнув голову, прощаясь со всеми. Так вот, значит, какой конец готовила ему судьба.

Азаров успел пробежать шага два и даже увидел краешком глаза широкий коридор, и на противоположной его стороне — еще дверь, закрытую не до конца. За той дверью скорей угадывались, чем виднелись странные, тускло отблескивающие, уходящие ввысь колонны. В следующий миг Азарова мягко толкнуло в грудь, он зашатался, потерял равновесие, чуть

не упал — что-то мягко подхватило его, словно он опустился на мягчайшую перину, вынесло, откинуло от двери обратно в коридор.

Еще два раза он пытался прорваться, но оба раза невидимая преграда останавливала его, мягко опрокидывала, отбрасывала назад... Дверь так и осталась открытой, и закрыть ее было нельзя даже ценой жизни.

Азаров перевел дух, руки и ноги его дрожали... Он в полный голос ругал неизвестных конструкторов, придумавших такую мудреную защиту и не догадавшихся применить в таких случаях простую блокировку двери. Потом взглянул на дозиметр и сразу умолк. Ах, вот что. Нет, ему не прожить еще семидесяти лет, и зря его выбрасывало из дверей. Он успел получить смертельную дозу. Он повернулся и неторопливо пошел к товарищам, боком проскользнув в дверь коридора.

Возле двери в ангар он наткнулся на Коробова — тот спешил ему навстречу. Азаров взглянул на его, как всегда, спокойное лицо, в уверенные глаза и, положив руку на плечо товарища, на миг прижался к нему, словно ища поддержки.

14

— Но ты-то не пострадал? — в третий раз спросил Сенцов. — Что показывает дозиметр?

— Да я поскользнулся, и дозиметр — вдребезги. Я же говорю — не пострадал...

— Что ж, — сказал Сенцов. — Это хорошо. Коридором теперь выходить действительно опасно. Лишние рентгены нам совсем ни к чему. Однако это еще не смертельный приговор задаче связи. Нужен передатчик, а выход... Не один же, в самом деле, выход на поверхность Деймоса!

— Возможно, и один... — негромко сказал Раин. — Но это уж вина не наша.

— Все равно... — сказал Сенцов. — Ну, в крайнем случае взорвем где-нибудь, используем наше топливо. Да вот Калве разберется и откроет тот люк, по которому втягиваются ракеты.

Калве молча кивнул.

— А если уж и он не найдет, то взорвем. Но только в самую последнюю минуту...

На этом кончился разговор. Теперь все были заняты одним: искали ракету с передатчиком. Искали,

и не находили... Однако не потому, что действовали недостаточно настойчиво. Сил не жалел никто. Стоило появиться реальной надежде — и к космонавтам как будто пришло второе дыхание.

Но Азаров работал все-таки больше остальных. Сенцов, поглядывая на него, про себя удивлялся этому забившему вдруг фонтану энергии, а иногда назидательно произносил ни к кому в частности не обращаясь, нравоучительную фразу о том, что трудности закаляют молодежь, или — что вот в такой-то обстановке и не должен опускать рук каждый, кто хочет жить.

Азаров хотел жить.

Только теперь он впервые почувствовал, как страшно — не иметь права мечтать о будущем, с завистью думать о том, что будет делать через год Сенцов или Калве, что они еще увидят, что узнают... И в то же время он постиг и ту простую, в общем, истину, что после человека остается только то, что он успел сделать. И он хотел успеть как можно больше, пока болезнь еще не свалила его с ног.

К тому же надежда еще была. Он еще мог спастись, если... Если все-таки найти передатчик. Если сообщить на Землю. Если помощь успеет в определенный срок. Если... Если...

И поиски шли. Космонавты собирались вместе, лишь совсем выбившись из сил. Поужинав, несколько минут уделяли разговорам. О положении их никто ничего не говорил — тут все было ясно. Говорили о сделанных открытиях, о том, как им удивятся на Земле, как объяснить многие непонятные факты. Время ужина теперь было единственным (кроме сна), которое космонавты проводили вместе, и на ужин полагалось являться выбритыми, чисто вытертыми лосьоном, в вычищенных комбинезонах.

Сейчас в одной из кают, превращенной в кают-компанию, собрались уже трое пилотов. Они были голодны, с нетерпением поглядывали на часы, но оба ученых задерживались.

Наконец они явились — разом, как будто ходили вместе. Оба выглядели мрачно-возбужденными. Торопливо приготовились к ужину — ели молча, судорожно глотая.

Когда ужин был окончен и на столе оказалось какао во фляжках с присосками (питались они так же, как при невесомости, — привыкли, да и другой посуды не было), Сенцов спросил:

— Не нашли, конечно?

Калве только вздохнул. Раин не удержался:

— Что ж тут скрывать?.. И не найдем. И никто не найдет.

— Почему?

— Мы тут с Калве прикинули... По дороге забежали в кибернетический центр и там еще раз проверили. Как будто бы наши выводы правильны...

— Какие выводы?

— Где был найден счетчик? — спросил Раин. — В том отсеке, на который указывал переключатель на пульте. А переключатель этот, как Калве, в общем, установил, задает машине режим, в котором ракета из данного ангара подготавливается к полету.

— Ну и что?

— Ясно, что автоматическая ракета, попавшая сюда таким же образом, как мы...

— То есть принудительно посаженная и затем втянутая в ангар, — уточнил Сенцов.

— Ну, допустим... Эта ракета и встречена была, очевидно, так же, как наша...

— Это справедливо, — сказал Коробов. — Они однотипны, разница лишь в деталях.

— Правильно. Значит, роботы и ее по своей программе сначала вскрыли, а потом, так сказать, отремонтировали: навесили люковые крышки, кое-что там наварили — по заданному образцу.

— Так, понятно...

— Но поскольку она попала в тот ангар, который был переключателем подготовлен к выпуску ракеты, то ее, раз уж никакого вмешательства в программу действий машин не последовало, просто-напросто выбросили из ангара. Отправили, так сказать, в рейс... Другого объяснения мы не находим.

— Подожди... Но на чем же она ушла в рейс? Кто включил двигатели? — спросил Коробов.

— Никто не включал, — ответил ему Сенцов. — Ты что думаешь, ракеты у них стартовали на своих двигателях? Что бы тогда осталось от этих ангаров? Нет, они выбрасывали, их таким же образом, каким и втягивали: посредством поля, магнитного или другого — мы не знаем.

— Правильно, так и мы с Калве предполагали, — продолжал Раин. — Ну а раз ее выбросило, то искать ее бесполезно, сами понимаете...

— Значит, передатчика нет? — хрипло спросил Азаров. — Связи не будет?.. — Он поставил фляжку с не-

допитым какао, стиснул пальцы. — Значит, не будет... Ну конечно — просто не будет...

— Ладно, не переживай так, — сказал Сенцов. — Ну не сейчас — через месяц что-нибудь мы придумаем...

— Да нет, я просто так, — сказал Азаров. — Конечно, через месяц... — Он странно посмотрел на Сенцова, взял какао, стал пить медленно, с видимым удовольствием.

— Я просто удивляюсь, как они могли отправить неподготовленную ракету? — проговорил Коробов.

— Можно себе представить, — Калве словно размышлял вслух, — что этого они просто не замечали. Автоматы, снимающие показания датчиков после возвращения ракеты из рейса и передающие их в кибернетический пост, не получили сигналов о недостатке чего-то: топлива, энергии... А раз, по их понятиям, ремонт был окончен, сигналов о нехватке чего-либо не поступало, то значит, ракета была готова к вылету.

— Может быть, конечно, это и не так, — сказал Раин. — Но что мы будем спорить и ломать голову? Давайте проверим!

— Как именно? — спросил Сенцов.

— Пожертвуем нашим старым кораблем. Он больше не нужен, с него мы сняли все, что могли. Переключим машину на тот ангар. Тогда будет видно, что произойдет. Автоматы уже несколько дней не прикасаются к нашей ракете. Если наши предположения подтвердятся — значит, мы узнаем, как производится отправление ракет. И, кроме того, прекратим ненужные поиски...

Сенцов молчал. Было ясно, что все-таки жаль ему расставаться со своим, хотя бы уже ни на что не годным, кораблем: командование им было поручено Сенцову, и вот — не уберег... И все же он кивнул. В конечном итоге главное — четко представлять задачу. Если поиски не нужны — космонавты займутся другой работой. Рано или поздно разберутся в устройствах, которые на звездолете использовали для связи, и смогут все-таки дать сигнал на Землю. Для этого стоит пожертвовать ракетой. Вот Азаров — прямо рвется установить связь. Да...

...Три пилота медленно вошли в ангар. Взобравшись на эстакаду, постояли возле корабля.

Металлическое веретено сейчас было вовсе не похоже на ту ракету, которую несколько дней тому назад втянули сюда автоматы. Появились два новых люка. Основная ступень была накрепко приварена ко второй — теперь не было никакой возможности отбросить ее в поле-

те... Какие-то гребни украшали среднюю часть ракеты. Такие же гребни были и на оболочке чужого корабля, но назначение их было непонятно.

Сенцов легко коснулся, словно погладил, шероховатой оболочки ракеты. Вручную закрыли люк, так и стоявший открытым с самого дня нападения. Потом молча слезли с эстакады и отошли в дальний угол зала. Сенцов послал Азарова передать ученым, что можно начинать.

Прошло несколько минут. Внезапно в зале раздалось легкое гудение, на стенах загорелись, замигали в непонятной игре сотни лампочек. Их переключка становилась все быстрее, наконец лампы стали вспыхивать и гаснуть с такой быстротой, что у людей зарябило в глазах.

Оба ждали: вот-вот ракета сорвется с места, поползет вверх по эстакаде... Но лампочки внезапно выключились.

Прошло еще несколько минут. Все началось сначала — и опять без видимого результата. Снова наступил перерыв и тянулся, казалось, бесконечно. Сенцов уже собрался пройти в кибернетический центр и поинтересоваться — долго ли они еще намерены развлекаться, не лучше ли сразу признать, что опыт не удался, предположения не подтвердились...

Но вот третий раз началась переключка огоньков, и теперь лампочки не угасали, мигание их постепенно слилось в один световой кипящий вихрь, и Сенцов и Коробов увидели, как тяжелое тело ракеты начало медленно, едва уловимо всплывать над эстакадой... Оно повисло в воздухе на расстоянии нескольких сантиметров над поверхностью вогнутого лотка, на котором до этого лежало, и это казалось странным и сверхъестественным.

— Сейчас они ее... — одним движением губ проговорил Коробов. Сенцов замахал рукой, словно требуя полнейшей тишины.

Глухо загудело где-то совсем рядом, за стеной. Задрожал пол. По нему чуть заметно заскользили струйки пыли, они текли в двух направлениях — к углам зала. Сенцов понял, что вступили в работу компрессоры, откачивавшие воздух из ангара.

— Да, они правы... — медленно, самому себе сказал он.

Внезапно обоих космонавтов оглушил могучий рев. Стихнул, повторился еще и еще... Под потолком вспыхнул большой красный глаз, его прерывистый свет внушал страх.

128 Вой сирены все усиливался.

— Ясно! — прокричал Коробов. — Нам придется выйти... Очевидно, по требованиям безопасности присутствие кого-либо в ангаре во время старта не разрешается...

Они быстро подошли к двери, открыли ее и выскочили в коридор. Пока опускалась плита, Сенцов бросил последний взгляд на корабль — он все так же висел над эстакадой... Дверь опустилась, и тотчас же сильная дрожь прошла по стенам, потолку — все стихло, только гудение компрессоров гулко отдавалось в коридоре. Коробов безуспешно пробовал открыть дверь. Сверху подошли остальные трое. Не говоря ни слова, все остановились, стали ждать.

Дверь открылась минут через пять. В ангаре все осталось по-прежнему. Только эстакада была пуста.

— Да... — сказал Сенцов после минутного молчания. — Ну, что ж — прощай... — И было непонятно, относились ли эти слова к ушедшему навсегда кораблю, к надежде ли смонтировать передатчик или ко всему вместе...

— Ну, вот — первый ушел... — тихо проговорил Азаров.

— Далеко он не уйдет, двигатели-то не включаются... — возразил Раин. — Будет вращаться вокруг Марса. Когда-нибудь мы его выловим...

— Ну, пошли, — позвал Сенцов, и все медленно вернулись в ракету. Сбросив скафандры, собрались в кают-компанию.

— Что будем делать? — спросил Сенцов. — Я думаю, что — как бы там ни было — нам надо записать все, что мы видели. Рано или поздно наши записи обнаружат... Наверху мы обязательно найдем возможность связаться с Землей. Хоть бы какой-нибудь мощный источник света! Не может же быть, что на звездолете не было такого устройства. Световые сигналы будут замечены с Земли. Пока ясно одно — руки опускать рано. Космонавты побеждают на кораблях, а придется — без кораблей! Очень просто...

Остальные понуро слушали его, никто не говорил ни слова. После паузы Раин преувеличенно-бодро сказал:

— Писать так писать... Что именно мы запишем?

— Напишем, как все это нам представляется, — сказал Сенцов. — Вот как ты сам представляешь себе случившееся?

— Как я себе представляю? — задумчиво переспросил Раин.

Много лет назад по направлению от созвездия Дракона к Солнечной системе шел звездолет. На борту его, кроме экипажа, были тысячи колонистов — они летели заселять

новые планеты, колонизировать их, выдвигать форпосты Разума все дальше во Вселенную.

Размеренно работали двигатели. Звездолет шел на скорости, близкой к скорости света, но на борту его в установленном ритме текла жизнь, велись наблюдения, исследования. Подходил решающий момент — уже близка была желтая звезда, вокруг которой, как установили астрономы, обращалось несколько планет.

Но в вычисления астрономов вкралась неточность. Уже в фазе торможения звездолет сблизился с крупнейшей планетой Солнечной системы — Юпитером. Притяжение этого гиганта могло искривить путь корабля. Пришлось усиленно тормозить, чтобы искривление не стало гибельным для всех живых, находившихся на борту.

Им удалось избежать гибели. Но двигатели не выдержали, режим их работы был нарушен. Пройдя орбиту Юпитера, звездолет был вынужден окончательно затормозиться в поясе астероидов, чтобы избежать столкновения, и, миновав пояс, лечь на круговую орбиту вокруг Солнца. На этой орбите звездолет впоследствии сблизился с другой планетой и стал вращаться вокруг нее. Используя находившиеся на борту ракеты, экипаж начал исследование трех планет, которые могли оказаться удобными для колонизации. В эти годы пришельцы побывали на Марсе, на Земле, на Венере. Однако эти планеты оказались непригодными для заселения.

Тогда были сделаны попытки восстановить двигатель. Они не увенчались успехом. И вот на родную планету полетела просьба о помощи.

Помощь должна была прийти через годы... И она пришла. Но не в виде звездолета, как они ожидали. За годы, проведенные путешественниками в пути, на планете были разработаны основы принципиально нового способа передвижения в Пространстве: не проламывание пространства (по этому принципу действуют все ракеты и звездолеты), а использование недавно открытого, так называемого туннельного эффекта пространства...

— Откуда ты выкопал этот туннельный эффект пространства? — насторожился Коробов. — Пока об этом что-то...

Раин посмотрел на него, пожевал губами. Помолчав, ответил:

— Астрономам фантазировать не возбраняется. В свободное время. Хорошо, пусть не туннельный эффект.

Как-нибудь иначе. Но мы на экране видели, что люди и корабли были куда-то отправлены с Фобоса. Если бы речь шла об обычном способе передвижения в пространстве, то их бы и увез прибывший звездолет. Ушел бы или на родную планету, или — продолжать поиски... Но Фобос здесь. А что сие означает, логически рассуждая? А сие означает, что прибыл не звездолет. Прибыла энергетическая установка, являвшаяся своего рода конечной станцией при новом способе передвижения, установка, создавшая необходимый энергетический режим.

Прибывшую установку расположили тоже на кольцевой орбите неподалеку от поверхности Марса, так как свою энергию она черпала из магнитного или гравитационного поля планеты. В краткий срок аппараты были изготовлены к действию.

Тогда межпланетные ракеты переправили с борта аварийного спутника на межзвездную станцию людей и все наиболее ценное, что стоило взять с собой. Сам громадный звездолет, конечно, не мог быть переброшен таким способом, и ему предстояло остаться здесь. В том направлении, где находилась родная им звездная система, были выброшены громадные количества энергии, позволившие на краткий срок изменить структуру пространства, и через необозримо малый для них промежуток времени экипаж, пассажиры и ракеты оказались уже дома — на внешней межзвездной станции своего мира.

Станция же, с которой они стартовали, так и осталась возле Марса. Хотя ни одна из трех обследованных планет не годилась для колонизации, но, самое малое, на одной из них уже возникла или по крайней мере возникала разумная жизнь. Используя оставленную станцию, пришельцы в любой момент могли снова посетить Солнечную систему. Пока же они занялись поисками пригодных для колонизации миров в других ближайших семьях планет...

Прошло много-много лет — и вот поблизости от аварийного звездолета появилась ракета с Земли. Она попала в поток заряженных частиц — канал межзвездной связи, которую автоматы со станции — Фобоса — поддерживали с родным миром. Отклонившись от курса, ракета вошла в сферу действия устройств звездолета, которые посадили ее, приняв за один из своих кораблей: для машин не существует течения времени, и происшедшее было им, разумеется, совершенно непонятно...

— Ну, конечно, многовато фантазии, — сказал Сенцов. — Но в общем, так это, возможно, и было.

— Интересно, почему эта ракета не ушла вместе с остальными? — подумал вслух Коробов.

— Вряд ли такой полет, как у них, мог обойтись без жертв, — ответил Раин. — Очевидно, для этой ракеты просто не хватило экипажа.

При слове «жертвы» Азаров сдвинул брови, опустил голову. Заметив, что Сенцов искоса поглядывает на него, улыбнулся, что-то засвистел...

— Впрочем, может быть и другое объяснение, — торопливо сказал Раин. — Они оставили одну ракету на случай своего возвращения, чтобы можно было посетить планеты снова.

— А почему они не смогли колонизировать эти планеты?

— Можно сделать некоторые выводы, анализируя условия, существующие в звездолете. Все мы чувствуем: содержание кислорода в атмосфере этой ракеты значительно больше, чем у нас. На Марсе кислорода и того меньше, на Венере, очевидно, тоже... Свет у них гораздо слабее — значит, их планета дальше от светила, температура ниже. Возможно, были и другие причины...

— Так, — сказал Сенцов. — Вопросы еще будут? Нет? Добро... А теперь — за работу.

— Послушайте, — сказал Калве. — Но ведь это... Нельзя же, чтобы на Земле не узнали об этом еще годы... — Он покраснелся, глаза его горели. — Мы обязаны использовать все возможности. Мы теперь знаем, как отправляют ракеты... И мало того...

— То-то вы никак не могли ракету отправить...

Калве обиженно закрыл рот, блеск в его глазах потух.

— Мы не сразу разобрались... — ответил он после паузы. — Оказывается, поворота переключателя недостаточно. Там есть еще стартовая кнопка, ее надо нажать. Но ведь поворотом переключателя достигается... Не машите рукой! Может быть, мы все же рискуем? Оставим записи здесь, а сами пустимся на этой ракете...

Это было предложение в духе Азарова, и Калве повернулся к молодому пилоту, ожидая поддержки. Но Азаров промолчал, даже плотно сжал губы.

— Рисковать не будем, — необычно резко ответил Сенцов. — Голосовать — тоже. Будем делать так, как я сказал. — Помолчав, добавил: — Все равно судьба у нас у всех одна и зависит от того, когда сюда прилетят наши.

Калве пожал плечами: что судьба у всех одна, это было давно ясно.

— Наши прилетят! — сказал Коробов. — Вон какие ребята остались на Земле: Низов, Крамер, Рудик...

— Да, это надежные ребята, — согласился Сенцов. — Добавь к ним Иванова и Вольского — вот и готовый экипаж...

— Нельзя в такой экипаж Вольского, — возразил Раин. — Астроном он хороший, но несколько... м-м... несдержан. Его надо в такой экипаж, где будет кому его сдерживать. К Улугбекову, например. Улугбеков, Вернер, Самохин, Ильин и Вольский — вот это будет первоклассный экипаж.

— С Низовым мог бы лететь Бочаров, — прикинул Сенцов. — Хотя он сам в скором времени может получить корабль. Страшно способный парень. Дзенис — вот кто может лететь с Низовым. Очень хороший пилот...

Так прощались они с теми, кто остался на Земле, у кого впереди было еще много жизни, много миллионов километров и — как знать — может быть, даже световых лет пути...

— А вы говорите — лететь... — сказал Сенцов. — Из ваших же слов следует, что все улететь не смогут: кому-то придется остаться, нажать стартовую кнопку...

— Так то — для автоматических ракет, — сказал Калве.

— А для неавтоматических?

— По логике, ракеты с экипажем должны стартовать после сигнала из самой ракеты. И здесь есть стартовая кнопка.

— Иди проверь, — усмехнулся Сенцов.

— Может, ты сам сходишь, проверишь? — сказал Раин. — Я устал...

— Куда? — спросил Сенцов. — В кибернетический центр?

— Зачем в центр? В рубку...

— Куда?! — прошептал Сенцов.

— Я говорю — в рубку, — сказал Раин.

— Он говорит — в рубку! — подтвердил Калве.

Сенцов еще минуту смотрел на них, злобно пробормотал что-то, выскочил из каюты... Раин и Калве, посмеиваясь, заторопились за ним. Вскочили с мест Коробов и Азаров.

Приближаясь к проклятой перегородке, Сенцов невольно замедлил шаг и протянул руку. Но обогнавший его Раин как ни в чем не бывало прошел дальше...

Перегородка исчезла...

— Как? — спросил коротко Сенцов.

— Мы повернули переключатель в киберцентрали... — ответил Раин. — Теперь ракета как бы назначена к вылету, и рубка разблокирована.

Дверь в рубку подалась легко. Все пятеро, переступив порог, оказались в продолговатом помещении, оканчивавшемся прозрачным куполом. Затаив дыхание, долго рассматривали они все детали, наконец-то открытые их глазам.

Как и в ходовой рубке звездолета, здесь посередине стоял пульт — такой же, только гораздо меньше. Очень мало приборов, и никаких органов управления, только круглый экран со стрелкой и две большие выпуклые кнопки — красная и белая.

— Что за черт, — сказал Сенцов. — Что сидеть не на чем — я еще понимаю. Но чтобы ни одного рычага...

Раин между тем осмотрел экран.

— Да, — сказал он Калве. — Нет сомнения — они связаны. Огоньки здесь точно так же расположены, как и на экране кибернетического поста.

— А стрелка тоже в том же положении, — кивнул Калве.

— Тебе ясно? — спросил Раин, обращаясь к Сенцову. — Теперь остальное — ваше дело, товарищи пилоты.

Сенцов все еще растерянно осматривался вокруг: может, это совсем не космический корабль? Как мог кто-то лететь в ракете, в которой нет ни одного органа управления?

— Нет, — сказал он, — на таком корабле далеко не улешишь. Я, во всяком случае, не рискну. Здесь «рабочая гипотеза» уже не действует. Переключатель выключить: что-нибудь еще стрясется...

— Но мы же проверили схемы... — взмолился Калве.

— Нет, — сказал Сенцов. — Нет.

Наступило молчание. Все смотрели на командира, потом Азаров вдруг резко повернулся, стремительно отошел в дальний угол рубки, остановился, став ко всем спиной, уткнулся лбом в прозрачный пластик купола...

— Я доверяю автоматике, — после короткой паузы продолжал Сенцов, — но не до такой степени. Раз нельзя управлять или хотя бы задать программу — значит, нельзя и лететь. Если мы даже вылетим, то неизбежно затеряемся в пространстве. Очень просто. Ну кто мне объяснит, как тут двигатель-то включается? А рули?

— Ну что ж, — сказал Раин. — Выключим... Выключим, — повторил он, уже не стараясь скрыть ярость. — Мы можем искать, можем находить — ответ будет один: вы-

ключить! Да и в самом деле, что нам делать на Земле? Как будто без нас там недостаточно людей... Так? Конечно, возвращаясь на Землю, пришлось бы рискнуть. Но ведь космонавты не привыкли рисковать, разумеется, не привыкли... Ведь или космонавтика — специальность для слабонервных, или мы — не космопроходцы, а космопроходимцы!..

Бросая обидные слова, астроном порывисто шагал по рубке, резко поворачивался, садился, где попало, поднимался снова. Сенцов молча слушал, только лицо его все больше наливалось кровью и медленно, напряженно двигались челюсти.

— Нельзя, — почти закричал Раин, — чтобы ответственность командира перерождалась до такой степени. Ведь если командир начинает бояться рискнуть собой и экипажем — то командир ли он вообще? — Астроном наконец остановился, широко расставил ноги, заложил руку за спину, поднял подбородок. — Да вы не полетели бы даже ради спасения человека...

— Хорошо... — медленно, ржавым голосом проговорил Сенцов. — Ну, допустим — я не полетел бы, я не командир. Допустим — устарел. Допустим даже — погиб. Меня здесь нет, это обман зрения, и вообще я — не человек, а бледная тень отца Гамлета. Командиром после меня стал Коробов. Ты! Полетишь?

Азаров медленно повернулся лицом к остальным. Коробов почувствовал себя неудобно — в холодной тишине, под жаждущими, проверяющими, словно просвечивающими насквозь взглядами четырех пар глаз. Медленно обвел взглядом рубку, тщательно избегая смотреть на товарищей. Задумчиво посмотрел на пульт. Поднял голову и с минуту вглядывался в потолок — где-то там была Земля... Наконец тишина растаяла под горячими взглядами товарищей, и Коробов, уже дважды открывавший рот и вновь переводивший взгляд на какой-нибудь прибор, твердо сказал:

— Нет. Пока я не вижу возможности лететь.

Недовольно загудели два голоса, но Сенцов заглушил их:

— Я не лечу, и Коробов не летит. О вас, при всем моем уважении, и речи нет — вы не пилоты. Остается последний. Виктор. Итак, командир Азаров?

Азаров поднял голову. Глаза его на миг раскрылись до предела, в них что-то блеснуло. Пилот судорожно глотнул, откашлялся.

— Нет. И я не полетел бы... — отчеканил он. — И даже... даже ради спасения человека. Он, этот человек... Он был бы один, и нельзя из-за одного жертвовать четырьмя.

— Ты достоин быть командиром, — сказал Сенцов. — Нет, ты — достоин... — Он хрипло закашлялся, отвернувшись от всех. — Но сейчас об этом думать... рано. Мало того: пора прекратить поиски средств овладеть ракетой. На это у нас нет времени... и не в этом наше общее спасение.

Он умолк, ожидая нового проявления недовольства. Но все молчали.

— У нас нет времени. Помните, когда должна была уйти следующая экспедиция к Марсу? Вопрос месяцев. Ну, вы же помните: раз связи с нами нет, вступает в действие второй вариант, когда идет корабль с двумя ведомыми — автоматическими ракетами. Раз мы не вернулись, это будет означать, что на трассе действительно что-то неладно. И две автоматические ракеты будут принесены в жертву, но зато экипаж идущего далеко сзади корабля сможет заметить, что происходит, будет осведомлен об их судьбе, а значит — и о судьбе всех прочих ракет, сумеет принять меры безопасности... Так это предполагалось. Но ведь мы-то знаем, что и в таком случае корабль может разделить участь остальных...

Космонавты хмуро кивнули.

— Значит, нужна связь. Мы должны сообщить, что нужно избрать другой, безопасный путь, и — забрать нас... Во что бы то ни стало найти источник света, попытаться сигналить. Пока мы ничего не нашли. Но мы не исследовали и одной трети помещений...

— Сейчас труднее, — сказал Калве. — При нашем кислородном ресурсе скафандров... Ходить приходится все дальше, времени на поиски остается все меньше...

— Так... — сказал Сенцов. — Где выход? Кто видит выход?

— Я, — сказал Азаров после недолгого молчания. Говорил он неохотно, словно сам у себя с трудом вырывал каждое слово. — Я вам рассказывал о каютах и оранжерее. Я все-таки установил: там кислородная атмосфера. Там можно жить. Значит, можно и переселиться туда. Оттуда до неизученных частей Деймоса гораздо ближе...

— Ну, — спросил Сенцов, — выводы?

— Что же, — сказал Раин. — Переселимся. Только давайте, умоляю, начнем что-нибудь делать...

— Переносить! — сказал Сенцов, и это была уже команда. Принялись за работу. Все спасенное из своей земной ракеты пришлось теперь уносить далеко, в самый верх звездолета. Это было нелегкое дело, и космонавтам довелось возвращаться много раз, пока почти все не было перенесено.

Но тут все почувствовали, что больше не в силах сделать ни шагу. Усталость валила с ног. Пятеро сидели в одной каюте, и ни у кого не хватило сил, чтобы первому подняться, взвалить на плечи последний груз. Невыносимо тяжелым казался всякий предмет, который приходилось выносить из ракеты. С каждым баллоном кислорода, с каждым мешком воды надежды улететь оставалось все меньше, а хотелось сохранить хоть остатки ее.

— Слушай, — сказал наконец Раин. — Ну переночуем здесь. Завтра с утра сразу все заберем. Не решает же эта ночь...

— Что ж, переночуем, — разрешил Сенцов. — Утро вечера мудренее, если даже это условное утро. Все устали. Приказываю всем разойтись по каютам и спать.

— С удовольствием, — сказал Коробов. — А как насчет сна — специальные приказания будут?

— Увидеть во сне способ спасения, — усмехнулся Раин.

— Его только во сне и увидишь, — пробормотал Коробов и первым вышел.

— Я бы предпочел увидеть не что-нибудь, а кого-нибудь, — задумчиво проговорил Калве.

— Достойное желание, — оценил Сенцов. — Ну, может быть, и так...

Он задержал выходявшего последним Азарова:

— Ты... не устал?

Он смотрел на Азарова так, словно хотел заглянуть в самую душу.

— Нет, — ответил пилот. — Думаю, что еще несколько дней... не устану.

15

В эту ночь Сенцову не спалось. Одолевали мысли, тревожные и путаные.

Будь эта ракета построена людьми Земли, можно бы рискнуть. Человек всегда в конце концов разберется в том, что придумал другой человек. Но эту ракету строили существа неизвестные. А при изучении их техники ог-

ромное значение имело все: быстрота их реакции, физические возможности... Ведь угадать немислимо... Предположим, у них управление кораблем на биотоках! Вот мы и бессильны... Если даже сумеем вылететь, то будем болтаться в пустоте до конца дней. Так никого не спасешь... Нет, уж лучше ждать здесь.

Да, а ждать здесь — значит наверняка не спасти. Пусть одного, но не спасти. Догадаться было легко, спасти трудно. Достаточно, оказалось, заметить, как из лежащей в командирской каюте аптечки исчезают лекарства — химические средства от лучевой болезни. Но ведь это — лишь отсрочка, он и сам знает, что при таком поражении эти средства не спасут... Разбил дозиметр, чудак... Ну и что?

Разобраться оказалось проще простого: в «марсианском», непроницаемом для излучения, скафандре сходить в тот коридор, замерить интенсивность излучения и увидеть следы. Следы на полу. Они ясно рассказали: нет, Азаров не отступил, как уверял всех, а зашел еще и внутрь. Скрывал... Что же, это — достойно. И вот получается, что недостойным оказался командир?.. И так, лететь? Да, самое лучшее. Но как лететь? Если бы лететь с ним мог он один — да! Сегодня же! Но их еще трое... — Сенцов прижал руку к вискам, так колотилась в них кровь. — Не спасти одного — низко. Так. Но пожертвовать еще тремя? Это не низко? Если бы хоть одно, хоть косвенное доказательство того, что риск оправдан. Иначе, остается только ждать помощи с Земли. Пусть везут хирурга, консервированный костный мозг... Сообщить на Землю, это гораздо вернее. И почему вся эта ответственность — на одного? Нет, правильно: на одного...

...Все-таки он незаметно уснул, забылся. Сквозь сон Сенцову показалось, будто кто-то зовет его. С трудом он приоткрыл глаза, но, сколько ни вслушивался, ни одного шороха не повторилось в каюте. Во всей ракете царила мертвая космическая тишина.

И, однако, ощущение было такое, будто зов ему не почудился.

Сенцов поднялся и вышел из каюты, чтобы походить по коридору, успокоиться. Длинный, ровно освещенный пустынный коридор уже несколько раз помогал ему сосредоточиться, прийти в себя, овладеть мыслями.

Правильно ли решает он, командир? Не упущена ли какая-то возможность?

Правильно, решил он еще раз. И больше о полете думать не стоит. Связь и хирург — вот выход. В оранжерее есть кислород, может быть, даже и растения удастся использовать для еды. Искать связь. Будет связь — будет хирург на том корабле, что сейчас уже готовится к старту. Будет хирург — и будет, будет еще Виктор командиром...

Он снова вернулся в каюту, уже привычно улегся на воздух. Дремота все ближе подступала к нему, и вдруг он снова услышал чей-то голос.

Да, это был тот же самый голос... Женский — низкий, чуть вибрирующий, полный какой-то мягкой теплоты... Он легко и мелодично произносил непонятные слова, и казалось — женщина чем-то взволнована, настойчиво просит о чем-то дорогом, очень важном... Или же она что-то объясняет ему? Голос иногда повышался, дрожал и снова ласкал слух радостными переливами...

И тогда Сенцов сразу вспомнил, что в тот момент, когда впервые он услышал голос, ему снился сон. Женщина снилась ему такая, каких видишь только во сне. Он не мог сейчас припомнить ее лица, но голос ее узнал, и интонацию тоже. И так же, как во сне, он не понимал ее слов, но чувствовал их теплоту и нежность.

Голос умолк, оборвавшись на полуслове, и тогда Сенцов, окончательно поняв, что слышит его вовсе не во сне, стал лихорадочно соображать — откуда же?... Это не галлюцинация: женщина действительно говорила совсем рядом, где-то здесь, в каюте...

Вскочив, космонавт начал тщательно обыскивать каюту. Он внимательно осмотрел все приборы, исследовал до последнего дециметра пол — и ничего не нашел. И только в самом углу, где он спал, на уровне головы лежащего человека, обнаружил маленькую дверцу, не замеченную им раньше.

За ней оказался миниатюрный аппарат. Из него торчала пластинка, покрытая сложным, неправильной формы узором. Быть может, здесь было записано последнее пожелание женщины уходящему вдаль любимому человеку, и бывший хозяин каюты слушал его перед сном...

Почему, уходя, он не взял письма? Таких вещей не забывают... Просто потому, что они торопились, или была и другая причина?

Возможно, командир корабля — каюта эта, ближайшая к рубке, принадлежала, очевидно, ему — погиб еще

раньше. Не случайно ведь именно эта ракета осталась в спутнике.

Сенцов от души пожалел женщину с удивительным голосом, которая никогда не дожидется своего друга. Да и сама она, наверное, давно ушла из жизни — сколько времени прошло... Впрочем, может быть, на их планете живут долго?

— Счастья тебе, и — спасибо, милая, — сказал он женщине и поклонился в ту сторону, где стоял аппарат. Он и сам не знал, за что благодарит, но сказал это так сердечно, словно слова могли долететь до нее. Хотя — кто знает? — может, каждое, даже самое тихое слово благодарности и любви не теряется в пространстве и всегда достигает того, кому оно послано, летя со скоростью, о каких еще ничего не знает теория относительности?

Потом он вынул пластинку из аппарата, чтобы голос не звучал зря: только в трудные минуты следовало слушать его... Он подумал, что непременно возьмет этот голос с собой на Землю — если вообще вернется на Землю — и жена его не будет ревновать.

О чем-то еще он хотел было подумать, обрывок мысли промелькнул в голове. Нет, не о том, что надо немедленно идти в оранжерею. О чем-то другом. Показалось — но почему вдруг показалось? — что уходить отсюда еще рано... Что он, может быть, и не так уж прав... Но откуда такое чувство? С чего вдруг? Вот сейчас он вспомнит. Сейчас...

Но на пороге какуты вырос Коробов.

— Все в сборе, — коротко доложил он, и Сенцов зашагал за ним, так и не додумав чего-то до конца.

Космонавты, не разговаривая, стояли в рубке. Каждый приготовил свой груз. Больше они не вернутся сюда так скоро...

— Ну что ж — присядем, как полагается... — сказал Сенцов, и все сели на минуту. Все уже было собрано, все готово к уходу наверх.

Сенцов оглядел друзей.

Они уже принадлежали истории — пять человек, сидевших в чужой рубке.

Они принадлежали истории, как первые люди, встретившиеся с иной цивилизацией. Но даже если бы этого не было — а на Земле ведь об этом пока ничего не знали, — они все равно принадлежали истории, как люди, погибшие вне Земли, при штурме Пространства. Еще живые, они были погребены под невообразимой толщей от-

делявших их от родной планеты просторов, которые когда-нибудь покажутся совсем не страшными.

И все же, подумалось Сенцову, они — не капитулировавшая армия, а отдыхающие между боями солдаты.

Отдыхали бойцы... И, как обычно бывает на привалах, сперва только какое-то гудение послышалось в тишине. Сначала непонятное, оно становилось все громче и громче, потом из него возникла мелодия — это Раин напевал себе под нос старую-престарую песню.

Едва разобрав напев, Сенцов подхватил ее — так же негромко, потому что песня эта была из тех, какие поются не громкими и хорошо поставленными голосами, а тихо, чуть, может быть, неправильно и хрипловато, с тем трудно определимым качеством, которое по-русски называется задушевностью, и не может его заменить никакая школа и даже талант.

Это была песня, родившаяся в далекие годы, — такие далекие и такие близкие им сейчас; песня, в которой как бы сконцентрировалась вся романтика того нелегкого времени...

В ней пелось о двух друзьях, которые служили в одном полку — пой песню, пой... (Пой, что бы там ни было: не тебе одному пришлось нелегко!), и, несмотря на разницу характеров, они дружили настоящей дружбой (в песню вступили Коробов и Азаров: кому, как не им, летчикам, знать цену настоящей дружбе!), а потом однажды вызвал их к себе командир и приказал ехать в разные края страны (огромной страны на той далекой планете), и они ничем не выдали своей грусти при расставании («И мы не выдадим», — подумал Калве, присоединяясь к другим и напевая мелодию, хотя и не знал слов), один из них сел в автомобиль, а другой — в самолет («А нам вот... не на чем нам лететь...» — подумалось в этот миг каждому), и один из них вытер слезу рукавом, ладонью смахнул другой...

Земная песня звучала в призрачно, неправдоподобно освещенной рубке. И так неистово захотелось каждому еще хоть на час увидеть Землю — родную, суровую и прекрасную, куда бы тебя ни посылали командиры. Землю, где тоже поют, собравшись в кружок, и хорошими, родными голосами подпевают женщины.

Женщины... И эта тоже, верно, пела, провожая своего... Погоди. Погоди, погоди... Пела? Ну, конечно, она именно пела! Пела?!

И вдруг Сенцов поднялся во весь рост, глаза его засверкали. Впервые с такой отчетливостью он постиг, что те, кто построил звездолет и эту ракету, были такими же, как люди. Они так же любили, а значит, так же ненавидели, так же страдали, так же радовались и так же мыслили, и поэтому никакого бессознательного зла не могло быть скрыто в их технике...

И еще он понял, что возможность выбраться отсюда все же существует.

— Слушайте, космопроходцы! — громко сказал он. — Мы все продумали, и иного выхода у нас нет. Только уходить... Лететь — безумие, мы даже не знаем, как включаются двигатели... Но мне почудилось... мне кажется... Вы понимаете, ведь это строили люди. Люди! Пусть они иначе себя называли, как бы они там ни выглядели... А ведь не может один человек в таком деле подвести другого! Лететь нельзя, потому что не умеем управлять ракетой. Но Земля ждет! И ведь они же летали! А может быть, и мы сможем? Может быть, здесь совсем и не надо управлять? У меня такое чувство, что разгадка — где-то рядом, стоит только ее поискать как следует...

— Дело ведь не в наших пяти жизнях, черт их возьми совсем... — перебил Раин. — Мы-то могли погибнуть и не только здесь... Но люди ждут нас! Если мы не вернемся — есть ли гарантия, что следующая экспедиция полетит? Земля, может быть, вообще прервет исследования, будут снова перепроверяться все расчеты и конструкции, уйдет время — может быть, годы... Мы должны вернуться!

— Должны! — сказал Сенцов. — Вы, конечно, понимаете, что в этом — уже риск. Мы отказываемся от более медленного, хотя и верного, по-моему, способа — от поисков связи. Но раз так — значит, ответственность ложится на ученых, теперь все зависит от вас. Да, я поверил, что выход такой есть. Но если у вас еще есть сомнения — говорите!

Наступила мгновенная тишина — и в нее вошел негромкий голос Калве:

— Что касается меня, то я стою на прежней точке зрения. Лететь можно, лететь нужно. Слишком важной была и остается наша задача, даже если... — он недоверчиво покосился на Азарова, на Сенцова, — даже если никаких новых открытий и нет — все равно. И я утверждаю, что мы уже очень близки к решению загадки. Оно буквально носится в воздухе...

— А ну прикинем... — сказал весело-лениво Коробов, придвигаясь к столу. — Ведь, по сути дела,

дом у нас почти рядом. — Он стремительно начертил на столе пальцем два концентрических круга. — Вот Марс, а вот же — Земля...

— А тут Венера, — дополнил Сенцов и начертил третью концентрическую окружность — поближе к Солнцу. И тут же вздрогнул — так резко схватил его за руку вскрикнувший Раин.

— Ты что? — спросил Сенцов.

— Ничего... — сказал Раин. — Просто, я — идиот! Марс, Земля Венера... А в центре что, я вас спрашиваю?!

— По всем данным — Солнце, — сказал Сенцов. — Ну и?..

— Так, — удовлетворенно кивнул Раин. — Прошу разрешения отлучиться на полчаса.

— Куда?

— Очень важно... Проверить одно соображение, — сказал Раин, роясь в грудe справочных катушек, захваченных ими из погибшей ракеты, и торопливо заправляя одну из них в магнитофон. — Одно соображение...

Он закрыл глаза, прислушиваясь к числам, которые равнодушно диктовал магнитофон, и делая быстрые расчеты на листке бумаги.

Потом перечитал их и кивнул.

— Мы вдвоем с Калве... Одевайся, Лаймон. — Он начал натягивать скафандр, от нетерпения не попадая в рукава. — И как только мы раньше не сообразили... Искали сложностей, а получается очень просто...

— Да в чем дело-то? — не выдержал Сенцов. — Что за секреты?

— Узнаешь, дорогой командир, узнаешь, — сказал Раин. — Через полчаса мы вернемся. Захвати инвертор, Калве...

Пока трое в каюте ожидали их возвращения, не произнося ни слова и только переглядываясь заблестевшими глазами, — Раин и Калве миновали отсек с вычислителями и вышли в круглый зал. Раин торопливо подошел к экрану, склонился над ним, хрипло — только по голосу и можно было понять, как он волнуется, — сказал:

— Дай-ка увеличение...

Калве включил. Несколько минут Раин напряженно всматривался, водя стрелкой по экрану, что-то считал, шевелил губами. Наконец он решительно поставил кончик стрелки на самый огонек среднего кольца.

— Замерь... — сказал он коротко.

Калве двинулся вдоль кабеля, медленно приблизился к двери, ведущей в секцию, сказал:

— Сигналы поступают...

— Так. — Раин выписывал новые цифры на листке бумаги. После этого он еще раз проверил положение стрелки. Кивнул головой. Выпрямился, весело блестя глазами.

— Пошли...

Через десять минут они были уже в рубке ракеты. Три вопрошающих и полных надежды взгляда встретили их. Калве в ответ недоумевающе пожал плечами, помотал головой. Раин сразу направился к центральному пульту, несколько секунд глядел на него. Потом, пригладив волосы, сухо сказал:

— Все мы — а я в самую первую очередь — заслуживаем единицы по сообразительности и логике. Я никак не мог разобраться в значении пульта на кибернетическом посту. Калве — тоже. Но это оказалось не по его части... Если бы кто-нибудь из моих ассистентов на кафедре не знал, что Земля обращается вокруг Солнца — это было бы меньшим грехом... На пульте обозначены — и мы давно могли бы об этом догадаться — орбиты трех планет: Марса, Земли, Венеры. Вот они, кольца с огоньками. А огонек в центре...

— Солнце! — сказал Калве, улыбнувшись, как будто он уже увидел настоящее, земное солнце — не пылающий, косматый шар, каким он видел его из ракеты сквозь светофильтры, а золотистое, ласковое земное светило, сияющее на голубом небе...

— Солнце, — повторил Раин. — Но дело не в этом — сам факт этот еще ничего не значит... Стрелка на пульте может находиться на уровне любой из трех орбит. Причем это не схема: огоньки перемещаются, они дают действительное положение планет на орбитах в данную минуту — это я специально проверил по справочникам. Просто счастье, что нам удалось их спасти... И вот, устанавливая стрелку в положение, когда острие указывает, скажем, на Землю, мы даем задание кибернетическому центру, который тут же начинает вырабатывать программу полета...

— Стоп! — прервал Сенцов. — А вы в этом уверены?

— О да, вероятность ошибки невелика, — ответил уже Калве. — Я не допускаю, что мы могли ошибиться. Я исследовал очень тщательно. И убежден в том, что правильно понял общие принципы...

— И что же? — спросил Сенцов.

— Программа передается в киберустройство ракеты, — сказал Калве. — Импульсы уходят по кабелю. Мы проследили — он идет сюда. Машина, как можно заключить, вычисляет и задает ракете оптимальный режим полета на данную планету, применительно к сегодняшнему положению планет на орбитах.

— Видите, — вставил Калве, — в каком положении находятся сейчас огоньки? В таком же, как и в кибернетическом посту. Это может означать только, что ракета сейчас подключена к большой машине...

— А какой именно ракете эта программа передается, определяется переключателем. Одновременно может стартовать только одна ракета.

— Ясно! — торопливо сказал Азаров. — Значит, своими ракетами они действительно не управляли. С начала до конца корабль ведут автоматы.

— Это просто руководство для программирующего устройства, — сказал Калве. — Для удобства оно выполнено в виде планетной карты.

— А почему только для трех планет? — спросил Коробов.

— Не обязательно... Когда-то в этот пульт были заложены и другие схемы. Помните, что мы видели на экране...

— Программа... — сказал Сенцов. — А если вылет задерживается?

— Вычислитель ракеты должен постоянно вносить в нее поправки, — ответил Калве. — Интересно будет разобраться в его устройстве...

— Ну а как же все-таки стартовать?

— Вот кнопки — такие же, как в кибернетическом посту. Там старт давался белой кнопкой. Дело человека — только дать разрешающий импульс в машину. Дальше она ведет корабль сама...

— Что ж, — сказал Коробов. — У велосипеда есть педали, у автомобиля нет. Но никто не отказывается ездить на автомобиле из-за того, что у него нет таких педалей...

— Вот, значит, как получается... — сказал Сенцов. — Просто — кнопка... Нажать — и лететь...

— Лететь! — как эхо, повторил Азаров, и голос его дрогнул.

— Лететь, — спокойно согласился Коробов.

— Лететь, — сказал Раин и усмехнулся.

— Лететь так лететь, — безмятежно проговорил Калве. — Так я пойду, принесу обратно вещи...

— Пойдемте скорее... — просительно сказал Азаров и первым рванулся из рубки. Но Сенцов поймал его за руку.

— Вот теперь — отдыхай... — сказал он. — Отдыхай до Земли.

Все вышли, и на миг Сенцов остался один.

— Ну, вот... — сказал он тихо. — Ты ведь не подведешь, правда?

Никто не мог бы услышать ответа. Но он, наверное, услышал, потому что улыбнулся взволнованно и радостно.

16

— Ну что же? — сказал Сенцов. — Так где у них сидел пилот? Здесь?

Составление программы полета было закончено. Об этом возвестил вспыхнувший полчасика назад на пульте огонек. Побывав в последний раз наверху, Калве установил, что машина выключилась. Зато за задней стеной рубки не умолкало чуть слышное гудение: кибернетическая машина ракеты продолжала работать, с каждой протекавшей минутой внося в программу соответствующие изменения.

— Ну, — сказал Сенцов, — значит, решились. Я уверен, что мы не ошибемся: разум не может подвести другой разум. Мы должны верить разуму — хотя бы он принадлежал другим существам...

В рубку, вытирая с лица пот, вошел Коробов.

— Приготовления закончены... — доложил он. — Вахту в полете будем нести?

— Поскольку Правилами предусмотрено, — ответил Сенцов.

— Кто первый?

Сенцов пожал плечами, давая понять, что считает вопрос лишним и даже не заслуживающим ответа.

— Тогда ты, может, отдохнешь? — спросил Коробов.

— А как же! — сказал Сенцов. — Обязательно... В санатории! На Земле...

В последний раз осмотрели ангар, стоя в проеме люка. Коробов заметил внизу, почти под самой эстакадой, забытый кем-то при третьей — и последней — переноске кислородный баллон, один из служивших для питания скафандров. Коробов усмехнулся: вопреки поверью по своему опыту он знал, что стоит забыть что-нибудь на месте — и тогда ты обязательно уедешь по-настоящему.

Потом все собрались на середине входного отсека. Раин вошел последним. Замигали лампочки, и стальные рычаги, распрямляясь, медленно вдавили втянутый кусок обшивки на место. Все меньше становилась светлая щель. Рычаги, дойдя до места, глухо лязгнули.

Проходя в коридор, космонавты освобождались от скафандров. Сенцов еще раз обошел все каюты, проверяя — все ли закреплено, как надо, не сдвинется ли груз во время старта.

Все медленно вошли в рубку. Двигаясь, как во сне, расселись в воздухе. У каждого вдруг мучительно засосало под ложечкой...

Сенцов остановился у пульта.

— Ну так что же? Что скажешь, второй пилот?

— Интересно, — откликнулся Коробов, — каков все-таки этот новый способ передвижения в пространстве?

— Доберемся и до него, — сказал Раин. — Жаль, что ты не видел того, что показывала машина. Да, немало интересного в следующий раз мы найдем на Фобосе... Не исключено, что мы сможем наладить связь с ними. А со временем — встретиться...

— А может, завернем на Фобос сейчас? — спросил Калве.

— Ого... — засмеялся Коробов. — Ничего себе размах...

— Не можем, — ответил Сенцов. — Но вообще-то мы там побываем. В полном составе. Так, Виктор?

Он опустил перед пультом. На миг крепко зажмурил глаза. Потом нажал белую кнопку...

Низкий гул наполнил рубку. На пульте замигали разноцветные огоньки. По одному из экранов заструились светлые линии. Сначала редкие, они постепенно собирались во все более плотный пучок.

Рядом вспыхнул второй экран. На его зеленоватом фоне возник непонятный рисунок: несколько рубиново-красных цилиндров, каждый в нескольких местах перехватывали толстые спирали кабелей.

— Вы только посмотрите... — изумленно воскликнул Сенцов и потянулся за карандашом. Внезапно блокнот, положенный Сенцовым на пульт, всплыл, повис в воздухе. Все почувствовали странную легкость, от которой успели уже отвыкнуть... Искусственная гравитация выключилась. В то же время воздух сделался как будто плотнее, двигаться стало трудно — невидимое, но плотное одеяло накрыло их, закутало со всех сторон. Стало легче дышать, и Сенцов понял, что

аппараты подают в рубку чистый кислород и что автоматы заключили их в невидимую, но плотную среду, чтобы не было неприятностей при перегрузках. Теперь по чуть заметному дрожанию воздуха стало возможным заметить, как этот не сжатый, но уплотненный кислород проникает в рубку сквозь щели между плитками пола. Газ, на котором они сидели, спали — «Тяжелый кислород».

— Ну вот, — сказал Коробов. — Даже не верится. Летим... И ведь придут времена, когда школьники станут путать эпохи и страшно удивятся, если учитель им скажет, что звездоплавание началось в двадцатом веке, а вовсе не в десятом, как сказал ученик Петров, и что Джордано Бруно погубила инквизиция, а совсем не гравитация...

— Не забудут! — сказал Сенцов уверенно. — Итак, быть по местам!

Под все более нарастающий гул ракета дрогнула и медленно заскользила вверх. Это были лишь первые сантиметры из тех миллионов километров пути, пройти которые ей предстояло, но они в каком-то отношении были самыми главными и самыми трудными...

Распахнулись, ушли в стороны стены. Ускоряя ход, ракета проскочила шлюз. Рубку обняла темнота, в прозрачном куполе мелькнули ребра эстакады — и, выброшенная мощным магнитным полем, ракета скользнула в пространство.

— Летим! — ликующе крикнул Азаров и чуть не прикусил язык.

Кругом загремело сильно и мелодично. Тела налились тяжестью... Это включились двигатели, разгоняя ракету.

— По голосу — похоже на обыкновенные, химические... — сквозь зубы проговорил Коробов.

Сенцов не ответил. Втиснутый в воздух, он напряженно смотрел на экран с красными цилиндрами, словно чего-то ждал. Ускорение возрастало, в глазах темнело. Но вот гул оборвался. Ускорение исчезло. Все одновременно подняли головы. По губам Азарова промелькнула горькая усмешка. Калве сказал Раину:

— Страшно было...

— Еще будет, — усмехнулся Раин. — Но, как сказал один старинный писатель, — это совсем другая история...

И тогда Сенцов увидел, как из одного из рубиновых цилиндров на экране вырвался ослепительный, узкий луч света. Еще один цилиндр выбросил луч. Еще...

— Он! Фотонный! На квантовых генераторах! — крикнул Сенцов, откидываясь в кресле.

Невыносимый, хотя и притушенный фильтрами свет бушевал теперь на экране. Снова напряглись тела, на шкалах приборов рванулись вверх красные полосы... В полной тишине главный двигатель корабля набирал ход.

— Следующая остановка — Земля! — торжественно сказал Сенцов. — Он не станет останавливаться на круговой орбите, ему это незачем. Интересно, а где он приземлится?

— Судя по тому, что мы знаем об их климате, — откликнулся Раин, — где-нибудь в умеренном поясе, на равнине. Возможно, и в наших краях. А вот как это произойдет?

— Раз взлетает автоматически, то и сядет так же, — сказал Сенцов. — Теперь я ему верю...

Глядя на один из экранов — на нем, стремительно удаляясь, уменьшался шар Марса и совсем уже неразличимым казался только что покинутый ими звездолет, — Коробов сказал:

— Похоже — лететь будем считанные дни... Этот тебе не пойдет по орбитальной траектории. Он идет по траектории светового луча!

— Недаром он так и выглядит! — ответил Сенцов. — Что ж, по сути дела, надо бы уже начинать готовиться к посадке...

— Я все-таки хотел бы разобраться в этом кибернетическом устройстве, — пробормотал Калве и покосился на Сенцова.

— Стоп! — сказал Сенцов, всем телом радостно ощущая, как плавно, все быстрее и быстрее разгоняется корабль. — Я вам разберусь! Вы не думайте, что коли корабль чужой, на нем Правила недействительны. Корабль теперь наш!

И, усмехнувшись, добавил:

— Нарушать работу автоматов в рейсе запрещено Правилами. Без Особой Необходимости...

ЛЮДИ ПРИЗЕМЕЛЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Его установили далеко за городом; в городе просто не нашлось места, даже самая большая площадь оказалась тесна. Но там, пожалуй, он выглядел бы еще необычнее.

В нем не было ничего от Земли, хотя кругом росли цветы и двигались люди. Он стоял, чуть отклонясь от вертикали; строго вертикальное всегда кажется статичным, а он и здесь был весь — стремление.

Упираясь в площадку причудливым плетением амортизаторов, касаясь земли краем главного рефлектора, он уходил вершиной далеко в небо. Там в антеннах защиты и связи иногда запутывались облака. Они стекали каплями по холодной броне, и чудилось, что в часы маленького земного ненастья «Джордано» сильнее тоскует по простору и по тем, настоящим, бурям, с которыми стоило бороться.

Он грустил, созданный для преодоления гравитации, но в конце концов прикованный ею к планете. Старый, с изъеденной излучениями обшивкой, с демонтированными реакторами, бездействующими системами, с обезлюдевшими рубками, постами, лабораториями и каютами корабль был опущен на Землю и поставлен памятником самому себе — памятником «Джордано».

Но привычка — великая сила, привыкают и к памятникам, их перестают замечать. То, что было героизмом, становится обычной профессией, и памятник подвига воспринимается подчас как памятник старины. Для того чтобы до конца расшифровать иероглиф из гранита или металла, недостаточно знать его современное значение, надо знать, как памятник выглядел в те времена, когда был заслужен.

Узкие тропинки первопроходцев расширяются и превращаются в дороги с твердым покрытием. Уменьшается риск, увеличивается практическая направленность. Школы мужества заменяются профессиональными школами. Но пока памятники кораблям стоят, можно быть уверенным в том, что другие корабли летают. Они уходят ночами, полными звезд и вдохновения. Вот увел свою машину капитан Лобов. И связисты ловят его отрывистые сигналы.

2

На глубине тридцати тысяч метров привычное гудение моторов неожиданно изменилось. Оно стало настойчивей, и в нем появилась какая-то резкая нота. Как будто один из хористов пустил петуха.

Нет, колонки с резцами вращались по-прежнему. Их сигналы, пришедшие в ответ на молчаливый вопрос автомата, уверяли в полном благополучии. Автомат переключился на движущие устройства. И там не было никаких неисправностей. А моторы были все надсаднее. Повышалась температура. Запахло перегоревшей смазкой.

Автомат запросил информацию у транспортера-улитки. Транспортер действовал. Но датчики свидетельствовали о том, что он работал вхолостую. Логическое устройство автомата мгновенно отыскало причину: резцы, работая, не брали породу. Они могли разрушить любой, даже самый твердый минерал. Но здесь пришлось воевать с вязкостью. Резцы проворачивались впустую, как ложка в стакане чая.

Автомат дал команду изменить направление. Механизмы подчинились. Но было слишком поздно: для того чтобы повернуть, надо обладать хоть какой-то скоростью. Скорость же равнялась нулю.

Тогда автомат выключил моторы, чтобы не дать им перегореть. Он устремил все внимание на борьбу с температурой. Но раскаленное вещество мантии было сильнее. Криогены, изнемогая в единоборстве с недрами планеты, спасали землекоп еще целых полчаса. Затем они, один за другим, вышли из строя. Автомат бесстрастно зафиксировал это. Потом сообщения его стали поступать с перебоями. По доносившимся обрывкам рапортов можно было представить, как жара в замкнутом объеме землекопа превысила все установленные пределы. Начала течь обшивка. Последними вышли из

строая антибары. Тогда в бой вступило могучее давление земных глубин. Автомат включил моторы, пытаясь в последний момент все-таки пробиться...

— Два часа, — в предсмертное бормотание автомата вклинился мягкий, но настойчивый голос. — Два часа. Прошу вас, кончайте. Два часа. Вы достаточно поработали сегодня. Уже два часа. Пожалуйста, выключите Элмо, иначе через пять минут сработает аварийный выключатель. Два часа. Прошу вас...

Медленно, как после глубокого сна, Кедрин открыл глаза. Протянув руку, плавно выбрал на себя рычаг включения Элмо. Затем так же неторопливо стащил тяжелый шлем.

Уже два часа. Как и всегда, время пролетело незаметно.

Еще несколько минут, и исследование очередной аварийной ситуации было бы закончено. Но и без того ясно, что автомат ориентируется недостаточно быстро. Хотя, по сравнению с предыдущим вариантом, он стал мощнее.

Снова надо перерабатывать схему. Но беда в том, что глубинщики ограничивают в объеме. Понять их можно, а помочь? Создать устройство нужной мощности в столь малом объеме, пожалуй, вообще невозможно. Не видно путей.

Конечно, можно попытаться увеличить количество датчиков вязкости. Может быть, перейти на локацию. Но это — опять объем.

А пока можешь считать, что ты сгорел в недрах вместе с кораблем. Если бы испытания проводились не теоретически, а на самом деле.

Кедрин попытался представить себе, что он погиб. Это не удалось. И правильно. Будь он там, он заметил бы все раньше автомата. Принял бы меры и спас бы корабль.

Впрочем, и корабль-землеход существует пока только в теории. Зато задание существует на практике. И сейчас придется идти к Меркулину и докладывать, что автомат не вписывается. А если вписывается, то не тянет.

Кедрин встал. С наслаждением потянулся. Затем, воровато оглядевшись, выжал стойку на руках. Снова встал на ноги. Третья позиция. Выпад. Еще выпад. Вы не ранены, мой друг, — вы убиты.

Он поклонился воображаемому противнику и натянул куртку. Перед тем как выйти из лаборатории, обвел ее взглядом.

Меркулин непременно спросит, выключено ли то и заблокировано ли это.

Обычная лаборатория. Глубокие кресла, зеленая ветка в тяжелой вазе, выбранные на сегодня мягкие тона трех стен. Вместо четвертой — окно, и за ним — деревья, зеленоватый свет лесного дня. Ушли в прошлое приборы, аппараты, чертежные комбайны, специальная посуда. Остался только пульт — единственный инструмент конструктора. А за стенами, за их скромной гладью — бесчисленные блоки Элмо, электронного мозга. Стоило его включить, как Элмо превращался в продолжение мозга Кедрина. Он отдавал в распоряжение человека обширнейшую память и невообразимую быстроту расчетов.

Кедрин прикоснулся к ручке. Белая тяжелая дверь медленно отворилась.

3

На дверях директора института было написано: «Меркулин». Без званий и титулов, тем же шрифтом, каким на дверях лаборатории Кедрина было написано: «Кедрин».

И все же Кедрин поднял руку осторожно, словно бы стараясь не привлечь ничьего внимания. Стук получился очень деликатным. Меркулин, нажав специальную кнопку на пульте, тотчас отворил дверь.

Он вытянул массивный подбородок, повернув голову к креслу. Это означало приглашение сесть. Кедрин уселся. Меркулин несколько секунд глядел на него; не в глаза, а куда-то в середину лба, точно хотел прочесть мысли. Потом на втянутых щеках появились морщины: Меркулин улыбнулся.

— Объем? — спросил он.

Кедрин кивнул. Он не стал спрашивать, как Меркулин догадался. Шеф страшно удивлялся, слыша, что ход его мысли может быть для кого-то неясным.

— Естественно, — сказал Меркулин. Теперь он несколько секунд смотрел поверх кедринской головы. Кедрин молчал. Потом Меркулин поднял брови, словно сомневаясь, но тотчас же утвердительно кивнул.

— Велосипед, — сказал он. Затем взглянул в глаза Кедрину. — Не надо изобретать велосипед, — пояснил он. — С таким ограниченным объемом мы встречаемся впервые. Но это — мы. Другие уже решали компоновочные задачи такого рода. Поучимся у них.

Он помолчал.

— Если, конечно, тебе самому не пришло в голову какое-то решение.

— Я не нашел решения, — помедлив, признался Кедрин. — Мелькнула было одна мысль...

— Ну, ну?

— Я подумал: ведь будь там, в корабле, я сам — ну, вообще живой человек, — он заметил бы все значительно раньше автомата. И спас бы положение. Но почему вы никогда не соглашаетесь с тем, чтобы послать человека? Почему все машины, которые конструирует наш институт, целиком автоматизированы? Всегда ли это нужно? А если человек хочет сам...

Меркулин жестом приказал ему замолчать.

— Я понимаю тебя. Мне приходилось выслушивать такое и раньше. Молодость нередко задает себе такие вопросы. Молодость горяча — но, к сожалению, как правило, слишком мало знает и далеко не все понимает даже в тех вещах, которые ей уже знакомы. Послать человека... Да, самое легкое. Но человек — не чернорабочий. Он повелитель. Лучшие умы работают над тем, чтобы продлить жизнь человека, охранить ее от всяческих случайностей. А ты хочешь послать человека туда, где ему будет угрожать множество опасностей. Вернуться чуть ли не в каменный век — вот чего хочешь ты, по сути.

Кедрин задумался. Слова Учителя звучали убедительно.

— И кроме того: попытайся объективно оценить обстановку, в которой ты живешь. Представь себе хоть на миг, что ты очутился в мире, в котором отсутствуют все наши многочисленные средства обслуживания и защиты. Во что превратилась бы твоя жизнь?

— Но это не одно и то же.

— По существу одно. Но довольно, вернемся к работе.

Меркулин повел рукой, словно отталкивая все лишнее.

— Ты использовал все традиционные возможности, и они ничего не дали. Но вот взять хоть старый «Джордано». Насколько мне известно, автоматы на нем остались: их не было смысла демонтировать. Сходи посмотри на них. Последи за ходом мысли конструктора — и, весьма возможно, найдешь что-нибудь полезное и для нас. Этот корабль строил Велигай. Очень талантливый конструктор...

Меркулин произнес это с уважением. Но одновременно в голосе его прозвучала нотка неприязни. Если только

Кедрин не ослышался.

— Да, очень. Но, к сожалению, ему не хватает дисциплины разума. Подчас — просто логики. Очень жаль.

Меркулин нахмурился.

— Впрочем, это не имеет значения. Когда он работает, он работает хорошо.

«Странно, — подумал Кедрин. — Как будто человек может не работать».

— У них свое бюро, — сказал Меркулин. — Мы для них делаем лишь немногие машины. Иди и посмотри. Завтра доложишь.

4

Дверь института растворилась; зажмурив глаза, Кедрин кинулся в зеленый, и золотой, и звенящий день.

Рабочие часы кончились. Медленная волна времени отхлынула, унося на своем гребне аналитиков, операторов, конструкторов, профессоров и лаборантов. Взмывали в воздух небольшие лодки и солидные профессорские аграпланы, непоколебимо устойчивые в полете. В гондолу вакуум-дирижабля набилась молодежь, разинутые до ушей рты виднелись во всех иллюминаторах: кто-то, торопясь, растянулся на дорожке, это было страшно смешно. Дирижабль уже расправил свое угловатое тело и медленно всплывал над вершинами сосен.

Кедрин пошел пешком, потому что только так можно было скорее всего добраться до «Джордано».

Широкая аллея текла плавно, как река; гигантские сосны бросали на нее сложное сплетение теней. В воздухе плыл густой запах устоявшейся весны. Идти было весело. Дул легкий ветерок, и солнце то выглядывало из-за вершин, то скрывалось за ними.

Кедрин шагал, заложив руки за спину. Первые несколько минут мозг по инерции еще работал в ритме лаборатории; потом напряжение спало.

Аллея сделала поворот, и перед Кедриным открылся памятник «Джордано». Кедрин попытался представить, что видит корабль впервые.

Громадная машина. Огромная до нелепости. Интересно, чем можно набить такой объем.

Но все-таки решено блестяще. Кажется, это даже и не механика больше, это архитектура.

Ну, хорошо. А где же у этой архитектуры люки?

Кедрин поискал глазами и присвистнул: люки находились на высоте метров этак двухсот. И к ним не вело ничего. Не было ни лифта, ни скоб-трапа, ни даже простой веревки.

Вот задача для альпинистов — и о чем они только думают?

Ну и конструкция! Хотя там, в пространстве, все равно. А с Земли этот корабль, кажется, и не стартовал никогда. Такие рождаются и умирают в космосе.

Взгляд Кедрина медленно опустился до главного рефлектора и скользнул по его опрокинутой полоскательнице. И в этот миг из-под рефлектора вышел человек.

Было слишком далеко, чтобы различить его лицо; но это было и не важно. Человек торопливо пересек площадь, удаляясь. «Словно за ним гонятся», — подумал Кедрин. Затем он разглядел, что человека ждала лодка. Она сразу же поднялась в воздух и устремилась не к висячему городу, как ожидал Кедрин, а в противоположном направлении.

Ну, счастливого пути.

Он вышел из-под рефлектора, этот человек. А может быть, там тоже есть какой-нибудь ход? Ведь и в полете люди должны были как-то попадать на внутреннюю поверхность отражателя — конечно, при выключенном двигателе. Для осмотра хотя бы.

Что же, заглянем под рефлектор.

Кедрин неторопливо направился к тому месту, откуда минуту назад вышел человек. Вблизи это совсем не хотелось сравнивать с опрокинутой полоскательницей.

Корабль опирался на богатырски раскинутые амортизаторы; к их высокомерно блестящему металлу льнули цветы. Но уже отсюда было видно, что под гигантским куполом Главного рефлектора сумеречно и прохладно. Там цветы не росли; похоже, они боялись проникнуть даже под тот край рефлектора, который поднимался над площадкой, словно приглашая войти.

Миновав амортизатор, Кедрин зачем-то начал считать шаги. На тридцатом он остановился. Край Главного рефлектора навис над ним. На границе света и тьмы Кедрин невольно закрыл глаза и вытянул перед собой руки. Пальцы не встретили препятствия. Кедрин открыл глаза и сделал еще несколько шагов.

Он находился в странном зале; здесь не было ничего, кроме сумерек и шепота, непрерывного и тревожного. Гиперболические зеркальные стены смыкались наверху.

Там сумерки превращались в ночь, но в ней угадывалась блестящая поверхность циклопического отражателя.

Было время, когда этой гладкой, как лоб юноши, поверхности приходилось встречать и отбрасывать прочь непрерывные потоки квантов. Потоки, по сравнению с которыми и само Солнце показалось бы всего лишь серым пятном на небосводе (если бы, конечно, кто-нибудь смог увидеть своими глазами излучение двигателя «Джордано» и после этого остался в живых — хотя бы на краткий миг, необходимый для сравнения).

Но пролетает молодость кораблей, и вот уже человек заходит под Главный рефлектор, и разгуливает там, и улавливает таинственный шепот... И пусть бы человеку еще казалось, что шепот этот — язык Вселенной, на котором и должен говорить такой корабль. Но человек отлично знает, что старость металла молчалива, в отличие от старости людей. А шепот этот — всего лишь голоса окружающего мира, уловленные и перемешанные рефлектором, огромной раковиной, выброшенной на Землю океанским прибором мироздания.

Все это так: отсюда не открывается ход в бесконечность, и штрихи на стенах — не загадочные письмена. Они означают просто, что рефлектор изношен. И однако... странное чувство охватывает человека. словно здесь, под этим куполом, он вдыхает иной воздух. словно здесь начинается незнакомый мир, мир иной доблести и других законов.

Кедрин почувствовал, как учащается дыхание. Теперь он видел лучше, глаза притерпелись к сумеркам. Он приближался к центру зала. Внезапно из пустоты навстречу ему выдвинулся человек. Кедрин вздрогнул: встречный ступал по воздуху, стремительно увеличиваясь в размерах и поднимаясь все выше. Вот фантом взвился к вершине, занял весь купол целиком... Кедрин застыл, глядя вверх. Огромные глаза озадаченно смотрели на него с вогнутого потолка.

Может быть, это Вселенная решила поглядеть на него?

Кедрин принужденно засмеялся и качнул головой. Чудовищный глаз колыхнулся, посмотрел косо. Вот оно что! Это всего лишь сам Кедрин отразился в зеркале, в которое некогда гляделась бесконечность.

Это был он сам. Но ведь когда-нибудь, где-то далеко отсюда... человек выйдет из своего корабля, а другой шагнет ему навстречу, и это будет не отражение, но и не человек Земли, ныне обитатель Солнечной системы. Это будет представитель иной цивилизации, где все не похоже на то, к

чему привыкли мы у себя, но такое же — желание встреч и дружбы. Да, так и случится!

Кедрин вздохнул.

Нет, вернее всего, будет иначе. Человек не выйдет из корабля. Потому что людей в корабле не будет. Слишком далеко, а главное — чересчур опасно. Звездолет поведут автоматы. Разумные, выдержанные, лишённые эмоций. Человеческая жизнь слишком дорога. И не зря автоматы освободили человека от риска, взяли опасность на себя: им несвойственна боязнь и не нужен уют. А дело человека — находясь в безопасности, получать результаты проведенных автоматами исследований и предаваться размышлениям над ними.

Что ж, это правильно. Ведь не зря громадные институты, множество людей — и Кедрин в том числе — занимаются именно созданием мудрых автоматов на все случаи жизни. Не только для космоса. Пройдет немного времени — и в недра планеты погрузится землеход, машина не менее сложная, чем звездные корабли. Опасностей в недрах даже больше, и поэтому землеход поведут тоже автоматы. Важнейший из них проектирует Кедрин, тем самым признавая правоту Учителя.

Кедрин виновато усмехнулся. Едва не забыл, ради чего он пришел сюда. Одолели посторонние мысли, которые сейчас не могут помочь. А автомат, между прочим, так и не спроектирован, и времени терять нельзя.

Как же тот человек проник в корабль?

Кедрин на минуту задумался, затем, сообразив, нагнулся. Площадка под рефлектором была покрыта слоем пыли. Тот человек не мог не оставить следов.

Следы нашлись быстро. Но они доходили лишь до центра зала. Отсюда они направлялись обратно.

Так что же, он заходил сюда лишь для того, чтобы постоять в центре зала и уйти?

Возможно, и так. Но Кедрин не может ограничиться этим. Ему надо попасть в ходовую рубку. Там стоит нужный ему автомат. Неизвестно лишь, как попасть туда.

— Мне нужно в рубку, — громко произнес Кедрин, словно корабль мог его услышать. И вздрогнул, потому что ответ последовал сразу же.

Голос корабля прозвучал как металлический скрип, негромкий, но пронзительный. Он донесся сверху, но стены подхватили его и начали перебрасываться звуком, как мячом. Кедрину стало не по себе. Он сделал шаг назад.

Узкая кабина опустилась без всякого сигнала, остановилась над самой площадкой. Дверцы приглашающе раздвинулись. Вспыхнула тусклая лампочка.

Не колеблясь Кедрин шагнул внутрь. Дверца затворилась. Снова раздался унылый скрежет, потом он перешел в свист. Чувствовалось, как нарастает тяжесть. Ого, какие ускорения! Это не лифт, а прямо...

Что-то повернулось под ложечкой. На долю секунды наступила невесомость: лифт начал замедлять движение. В следующий миг он остановился. На табло вспыхнули слова: «Ходовая рубка».

Кедрин раздвинул дверь и вышел.

Перед ним открылось небольшое помещение с куполообразным потолком. Стены и потолок матово отблескивали. Кедрин не сразу понял, что это — громадный экран. Он был пуст; но не составляло труда представить, как его усеивают нетерпеливые звезды Галактики.

Посредине рубки возвышался небольшой пульт. Нигде — на стенах, на полу, на облицовке пульта — не было ни пылинки. Казалось, люди покинули эту рубку совсем недавно и ненадолго. В любой момент из вот этой дверцы в стене могли показаться те, кто в полете был душой и сердцем корабля.

Кедрин усмехнулся. Сердцем корабля был вот этот пульт. Под его блестящей облицовкой скрывались тончайшие электронные схемы, хитро размещенные в небольшом объеме. Они-то и были нужны Кедрину.

Ну а что касается души... это уже мифология.

Кедрин обошел пульт. Вот эта панель снимается. Снимем ее. В открывшемся гнезде торчали многочисленные концы аккуратно разъединенного кабеля. Автомат был отключен от сетей корабля. Это было естественно, но Кедрин почему-то вздохнул.

Он снял вторую панель и уселся на пол, скрестив ноги. Предстояло пробраться по всем излучинам мысли неведомого конструктора, овеществившейся в этом автомате. Сначала Кедрин насвистывал, потом умолк. Потом громко засопел и взъерошил волосы. Потом вскочил, зашагал по рубке, размахивая руками, но, смирив себя, снова уселся. Мысль конструктора все больше раскрывалась перед ним. Хотелось смеяться и плакать. Как мало он, Кедрин, еще знает и умеет! Почему-то нам зачастую кажется, что вся мудрость и умение сосредоточены в наших руках. Как мы обедняем этим мир...

А Учитель? Как тактично, осторожно он натолкнул Кедрина на мысль: раньше, чем изобретать велосипед, посмотри, не создали ли его другие. Не успокаивайся на том, что ничего подобного нет в памяти наших Элмо. Они тоже не всесильны.

Что же, теперь принцип ясен. Каждый блок здесь выполняет не одну, а две-три различные функции. Не линейное, а многостепенное конструирование. А ты-то...

Он вернул панели на место и, почувствовав усталость, опустился в кресло, стоящее у пульта. Теперь он видел пульт и экран под другим углом зрения: взглядом участника, а не наблюдателя.

Отдыхать ему всегда помогала фантазия. Кедрин позволил ей расцветить экран огнями звезд. Для этого пришлось на миг закрыть глаза. Внезапно ему показалось, что кресло уходит из-под него. Он встрепнулся. Нет, ничего; это, наверное, порыв ветра качнул корабль, как качает он высокие башни.

А при желании можно вообразить, что это был первый удар двигателей. Что начинается старт...

Старт! И люди улетают. Зачем? Ведь, если все остальные устройства корабля сконструированы не менее остроумно, чем исследованный Кедриным автомат, людям здесь нечего делать. Недаром на пульте так мало органов управления. Но ведь люди летели на этом корабле! И летают сейчас на других.

Значит, было что-то, чего не хотели доверить автоматам? Что это могло быть?

Рассуждая разумно, ничего.

Но ведь трудно предположить, что эти люди понимали меньше, чем он, Кедрин.

Наверное, Учитель — Меркулин — понимает больше. Но тогда почему временами так хочется с ним спорить?

Кедрин снова закрыл глаза. Итак, где-то, очень далеко... Но из корабля не выйдут люди. Житель иной системы напрасно будет дожидаться. Зря будет стучать его сердце. Ну, не сердце; но что-то такое у него будет. Автоматы бесстрастно сфотографируют и запишут его. И снова включают двигатели.

А может быть, и там будет автомат. Корабли будут висеть в пространстве рядом друг с другом. Час, день, неделю. Потом начнут осторожно отдаляться. И, наконец, включают двигатели. Встреча не состоится.

Люди хотят встреч. Может быть, поэтому они и летают? Ведь вести корабли доверено автоматам. Но из-

вестно же, что вероятность таких встреч ничтожна. И ради этого — рисковать жизнью? Нет.

Что же влечет людей, вопреки логике, здравому смыслу?

Самое простое: попытаться поставить себя на место такого человека. Это несложно — ты уже сидишь на его месте. Представь: настал час. Курс вычислен, команда на местах. Время! Вот клавиша с надписью: «Пуск». Итак, нажмем ее! Легкое движение пальцем...

Он сделал это движение.

И внезапно на пульте вспыхнули огни. Экран осветился, по нему плыли облака. Едва заметная дрожь прошла по панелям и передалась Кедрину. Автомат включился. Сердце памятника забилося, как будто он все еще был живым кораблем. Теперь представим себе, что кабель не разъединен, что команды идут по своим маршрутам...

Кедрин представил — и двигатели ударили. Перегрузка вжала его в кресло. Облака на миг окутали экран и провалились вниз. Атмосфера засветилась. Автоматы стонали от напряжения. Корабль набирал скорость. Солнце клокотало в фокусе рефлектора. Звезды протягивали лучи. Земля стремительно отлетала, как отбитый сильным ударом мяч. У Кедрина захватило дыхание. Такого испытывать никогда не приходилось.

Раздался сухой треск, огни погасли, в рубке слегка запахло резиной. Замыкание. Старый корабль, его качает ветром, в нем замыкаются провода. Но его люди знали что-то, что сильнее логики. И ради этого оставили себе несколько переключателей. Чтобы чем-то заниматься. Вот хотя бы эта круглая пуговица на пульте. Ее зачем-то нажимали.

Кедрин нажал. Но кнопка не поддавалась. Вместо этого она скользнула по пульту, прочертив по панели след. Эге, это вовсе не кнопка. Какая-то бляшка... значок. Странно массивный значок, забытый на пульте, наверное, одним из членов экипажа.

Кедрин повертел значок в пальцах. На внешней стороне был непонятный рисунок. То ли модель атома, то ли еще что-то... На оборотной — обычный винтик. И что-то написано на металле.

Кедрин поднес значок к глазам. Все-таки здесь темновато.

На значке чем-то острым было выцарапано имя: Ирэн. И номер: 77 368 901.

Да, на значке стояло: Ирэн.

На свете много женщин, носящих такое имя. Но настоящая Ирэн только одна.

Кедрин размашисто шагал по аллее. «Джордано» остался далеко позади. Смеркалось, деловито гудели жуки.

Это имя — на найденном в корабельной рубке значке... Случайность? Но немногому же тебя научили, если простое совпадение лишает покоя.

Сначала тебе кажется, что люди должны рисковать собой. Потом под руку подвертывается нелепый значок. На нем — имя. Мало того: на нем еще и номер.

А по номеру всегда можно найти. Это номер связи. Куда бы ни уехал человек...

Нет, не надо. Лучше думать о чем-то другом. О природе. Чудесный вечер. Зажигаются первые звезды...

Почему-то люди хотят летать к звездам сами. А ведь куда целесообразнее, чтобы летали автоматы. Люди не должны гибнуть. Так говорит Учитель...

Опять?

Это наверняка не она. И номер не ее. На Земле сто миллионов Ирэн. Даже двести.

Она тогда тоже говорила: человек должен...

Ну, перестань, пожалуйста. Успокойся.

Кедрин усмехнулся. Призовем на помощь логику. Так советует Меркулин, Что говорит логика? Советует призвать на помощь теорию вероятности. А теория?

Теория говорит, что эта Ирэн — не Ирэн. И номер — не ее номер.

Если бы ты был твердо уверен в этом...

О, тогда бы я спал спокойно.

Думаешь? Так убедись. Вызови этот номер. И поговори с Ирэн. Она окажется... да не все ли равно — кем? Не той, и все.

Кедрин облегченно вздохнул. Конечно, надо позвонить.

Он быстро разыскал лодку и попросил отвезти его на станцию связи. Когда освободилась кабина, набрал номер, уселся и принялся ждать.

Чтобы отвлечься и сократить время ожидания, Кедрин стал представлять, как автоматы среди невообразимого множества каналов связи разыскивают нужный. Интересно, где он окажется? Может оказаться в этом самом городе. А может и где-нибудь в Антарктиде. Или мало ли где. Почтен-

ная старая дама подойдет к аппарату. Ее выцветшие глаза будут с удивлением смотреть на Кедрина... Тогда он извинится. Или ничего не скажет, просто выключит аппарат. И вообще, не следовало набирать номер. Лучше отозвать заказ.

Он протянул руку к аппарату. И в это время раздался слабый звонок и экран засветился.

На нем была молодая женщина. Светлые волосы, веселые глаза, вздернутый нос. Нет, не Ирэн. И ничего похожего.

Кедрин облегченно вздохнул, но сердце его сжалось.

— Добрый вечер, — вежливо сказал он. — Я вас побеспокоил...

«А милая девушка! Интересно, это далеко?»

— Ничего, — сказала девушка. — Собственно, вызов был по шифру моей подруги. Но она сейчас на Архипелаге. Все наши сейчас на Архипелаге. Решили отдохнуть, и связь оставили здесь. Что-нибудь передать? Не зря же вы набрали ее номер.

Кедрин молчал, собираясь с мыслями. Девушка весело глядела на него. Потом по экрану поплыли какие-то волны, незнакомка на секунду превратилась в бабу-ягу. В следующий миг изображение стало нормальным, но Кедрин уже понял: раз такие помехи — это очень далеко.

— Ее зовут Ирэн? — спросил он. Девушка кивнула. — Какая она?

Девушка насмешливо улыbnулась.

— Хорошая.

— Да ну... Сколько ей лет?

Девушка подняла брови.

— Не знаю... Она старше меня. — И милостиво прибавила: — Ненамного.

— А скажите... — Кедрин запнулся. Он понял вдруг, что не знает, что спросить, как описать Ирэн. И вдруг закричал: — У вас там нет ее фотографии?

— Нет, — сухо сказала девушка. — Вас интересует еще что-нибудь?

Вот несчастье: она, кажется, принимает тебя за искателя приключений.

— Ну хотя бы скажите, кто вы?

— Елена. Но я вряд ли смогу заменить... И мне некогда.

— Да нет! — закричал Кедрин. — Не то... Где это? И потом — как ее фамилия?! — Он вдруг вспомнил, что и у Ирэн есть фамилия.

Но девушка уже отключилась; экран потемнел. Кедрин с досадой сжал кулаки. В дверь кабины деликатно постучали. Ну да: торопят. Мог спокойно добраться до дома и разговаривать оттуда.

Впрочем, все равно ее нет, она сейчас на Архипелаге.

И вдруг в голову пришла странная, абсолютно лишенная логики мысль: поехать на Архипелаг. И найти эту Ирэн. Чтобы убедиться.

Нет, ты окончательно расклеиваешься. То старый корабль производит на тебя какое-то уж чересчур сильное впечатление, то имя женщины заставляет совершать нелепые поступки.

Правда, последнее время было тяжелым. Этот проклятый автомат для землехода отнял немало сил. И оказывается, они потрачены почти зря: стоило только забраться в «Джордано»...

А эти люди, которые...

Опять?

Кедрин даже застонал. Нет, невозможно. Домой. И скорее — спать. Впрочем, он сомневался в том, что сможет уснуть.

6

Дома он улегся сразу, едва успев вынуть все из карманов и аккуратно сложить и повесить одежду.

Против ожидания, он уснул быстро, но сон был тяжел. Обрывки каких-то видений преследовали его. Звезды кружились вокруг, автоматы, замаскированные под людей, выходили из звездолетов и церемонно раскланивались. А иногда не было никаких видений, и Кедрину снился голос. Знакомый голос — голос Ирэн.

— Велигай, — говорил голос. — Почему ты не отвечаешь? Ты спишь? Герну удалось найти Гончего пса, теперь связь устойчива. На круглый ставят последние куски обшивки. Мы на Архипелаге; так хотелось побыть у моря, отдохнуть... Приезжай поскорее. Почему ты молчишь? Почему молчишь?..

Голос бормотал еще что-то, умолкал и начинал снова. Потом наконец настала тишина. Спал Кедрин плохо. Торопливо позавтракав, с тяжелой головой, Кедрин отправился в институт. К кому еще, как не к Меркулину, следовало идти в такие вот минуты, когда не хватало душевного равновесия?

Впоследствии этот разговор вспоминался Кедрину не целиком, а какими-то урывками. От первой части — пока Кедрин рассказывал о звездолете — не осталось в памяти вообще ничего. А от второй...

— Откровенно говоря, я им позавидовал, — сказал тогда Кедрин, потому что ему хотелось вернуться ко вчерашнему разговору. — Тем, кто летал.

По сути дела, на этом разговор должен был закончиться. Но тут он только и начался по-настоящему.

— Не завидовать надо, а жалеть! — необычно резко ответил Меркулин. — Какой смысл в парусной романтике? Это красиво со стороны, а для тех, кто на реях вязал паруса, это был тяжелейший труд! Наш долг — избавить человека от подобных вещей.

— Но ведь они сами... — пробормотал тогда Кедрин.

— Сами! Косность мышления. Людям все кажется, что автоматы что-то упустят. Виноваты не машины, а люди, которые так думают. — Ты казался мне более... гм... логичным. Конечно, не в моих силах — запретить тебе думать так. Но у меня есть обязательное требование к моим сотрудникам: чтобы они были и моими единомышленниками! Иначе — на Земле полно других институтов. Пожалуйста! Нельзя конструировать машины, не веря в них.

Кедрин верил в машины. Но, наверное, минуты, проведенные в рубке «Джордано», накрепко засели в памяти — и не только в памяти. Ирэн... Не говорила ли она когда-то?.. И Кедрин промолчал. Только кровь прилила к голове. Наверное, он покраснел. Потому что Учитель впервые был несправедлив.

— Люди заслужили счастливую жизнь, — после паузы уже мягче проговорил Меркулин. Кажется, он и сам понял, что был чересчур резок. — Жизнь в тех оптимальных условиях, какие только может дать современная техника — и лишь на Земле. Разве это так трудно понять?

Тут Кедрин, кажется, начал оправдываться. Заговорил о чем-то таком... Помнится, приплел даже сон. Это развеселило Меркулина.

— Я не истолкователь снов, — сказал он. — Но о Велигае я сам тебе говорил вчера. А Ирэн... Наверное,

что-то тебе напомнило о ней. Но ведь нельзя менять убеждения в зависимости от того, что тебе приснилось.

Это Кедрин знал. Однако дело было не только в сне. В чем — Кедрин и сам не понимал как следует.

— Ты просто устал, — произнес в заключение Меркулин. — В последнее время ты очень много работал. Не рассчитываешь силы. Знаешь что? Поезжай на месяц куда-нибудь. Отдохни. И ты сам увидишь, как пропадут все эти... гм... не очень умные мысли.

— Хорошо, — согласился Кедрин, хотя вовсе не думал, что именно сейчас должен ехать отдыхать.

Он вышел из лаборатории Меркулина. И не успел закрыть за собой дверь, как в голову снова толкнулась нелепая мысль: «А что, если съездить на Архипелаг?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Порой снится много всякой чепухи. Как, например, тот голос, который бормотал Кедрину что-то про Великая и Гончего пса.

А между тем «Гончий пес» существует. Правда, находится он далеко: где-то на орбите Трансцербера. На так называемой орбите так называемого Трансцербера.

На так называемой — потому что еще неизвестно, существует ли сам Трансцербер, небесное тело за орбитой Цербера (десятой планеты Солнечной системы). Может быть, смиренного мудреца Герна на сей раз просто подвела аппаратура.

Что же, и это не исключено. А пока что «Гончий пес» идет по следу. Ученые возятся у приборов, пилоты устроились за шахматным столиком, капитан Лобов для собственного удовольствия крутит в кают-компании старые фильмы, а инженер Риекст сидит боком к пульту и старается хоть на миг уловить голос диагравиионных двигателей, которые, как всем известно, работают совершенно бесшумно. Что же, у всякого свои странности.

Одним словом, все в порядке, и с того момента, как Герну удалось наладить канал связи, капитан Лобов регулярно уведомляет Землю о полном благополучии. Конечно, называются условия необычно долгого рейса. Ученые —

очень милые люди, хотя и не очень слетанные — успели разделиться на две группы и сидят у приборов спиной друг к другу. Спины одной группы выражают непреклонную уверенность в том, что Трансцербер уже где-то почти в сфере действия приборов. Спины второй группы — что поименованное небесное тело вообще существует лишь в воображении Герна. Что выразила бы спина самого Герна — неизвестно, ибо достойный ученый пребывает в Приземелье, на расстоянии двенадцати с половиной миллиардов километров от «Гончего пса».

Кончается еще один условный день полета. Капитан Лобов досмотрел очередной фильм и теперь пьет чай, поглаживает щеку и поглядывает на ящичек, в котором лежит бритва. Инженер Риекст перестал прислушиваться и направился к контрольной системе. Вероятно, он вспомнил поговорку: лучше один раз увидеть, чем сто — услышать.

Что касается пилотов, то каждый из них лишился двух пешек и одной легкой фигуры. Белые получили несколько лучшую позицию, но черные исполнены оптимизма и вскрывают центр.

— Держитесь, гроссмейстер, — говорят черные.

— Ай-ай-ай... — произносят белые, и голос их полон сарказма.

Потом наступает тишина.

2

Тишина звенела в ушах. Кедрин выдохнул воздух — белые пузырьки заторопились вверх. Но Кедрин, сильно оттолкнувшись ногами, обогнал их и первым взлетел над неровной, постоянно меняющейся поверхностью.

Вокруг изламывались волны. Их гребни, торопясь, опережали основания и, не сумев удержаться на весу, обрушивались, разбивались и таяли, оставляя в воздухе радужный туман и колючую водяную пыль.

Остров то скрывался в этом тумане, то выныривал. Он расталкивал мятущуюся воду крутыми боками конической, с усеченной вершиной, горы. Остров медленно приближался.

Волна подтолкнула к Кедрину доску. Он вцепился пальцами в ее края. Доска была очень кстати. Сзади напал вал, мрачный как туча. Он был еще монолитен, молекулы его двигались в полном согласии, и тем страшнее казался вал снизу, из зыбкой водяной долины.

Кедрин медленно заполз на доску. Волна, притворяясь пологой и смирной, исподтишка подлезала под нее, словно невзначай поднимая Кедрина все выше. Остров рос на глазах. Тогда Кедрин, подобрав ноги, встал на четвереньки. Волна понесла его вперед, все убыстряя бег. Кедрин неторопливо распрямил колени, встал во весь рост. Он раскинул руки и полетел, балансируя на доске, помчался сквозь мириады клубящихся водинок, сквозь радужный блеск, сквозь свой торжествующий, никому не слышный крик. Земля!

Это была стоящая вещь — схватка один на один с природой. Кедрин громко смеялся. В следующий миг доска, неожиданно вильнув, вырвалась из-под ног, Кедрин снова очутился в воде.

Он сделал несколько судорожных движений и вынырнул, показавшись над морем почти по грудь. Но волна ударила его в лицо и заставила опять уйти на глубину.

Кедрин сильно отталкивал воду руками, стремясь забраться поглубже. Надо уметь плавать, иметь запас воздуха в легких — и никакое море нам не страшно. Тут-то уж мы обойдемся без автоматов, Глубже! Глубже! Еще!..

В темной воде под ним вспыхнул тусклый красный огонь. Он прерывисто мигал. Потом Кедрин услышал голос. «Глубже не ныряйте, — заботливо сказал кто-то невидимый. — Поднимайтесь. Вам может не хватить воздуха». Кедрин перестал грести, и вода подтолкнула его вверх.

Внезапно он насторожился. Слева и чуть ниже промелькнуло темное тело. Акула? Кедрин невольно усмехнулся и почувствовал на языке соль. Какие уж тут акулы! Это автомат-спасатель пристроился за ним, как только Кедрин достиг запретной глубины. Теперь он не отстанет до самого мелководья.

Это почему-то не понравилось Кедрину. Он попробовал перехитрить автомат, резко меняя направление. Акула из пластика и металла не оставляла преследования, все время держась метрах в трех позади. Порывистые движения истощили запас воздуха в легких, и Кедрину пришлось устремиться вверх и пробить головой плоскость, отделяющую море от мира солнца и ветра.

Он пробыл под водой не больше минуты. И все же Служба Жизни успела предпринять все необходимое на случай, если Кедрин будет нуждаться в помощи. Искатель спасательной станции был уже направлен на него и едва заметно поворачивался, провожая Кедрина, пока он приближался

к берегу. Кедрин покачал головой; он не мог понять: хотелось ему, чтобы его провожали, или нет.

Последняя волна отхлынула, оставив Кедрина на песке. Он лежал ничком, потом перевернулся на спину. В вышине быстро проплывали облака. Воздух был свеж и прозрачен.

Так все-таки: хорошо это было, или нет? Интересно, нырнул бы он с такой же уверенностью, не зная он, что за ним следят, что кто-то непрестанно заботится о его здоровье и жизни? Эти воды кишмя кишат предупреждающими и спасательными автоматами. Машины приучены лишь не попадаться людям на глаза, пока в этом нет необходимости. Служба Жизни постоянно начеку, крупнейшая служба человечества. Наверное, это хорошо.

Но, значит, это всего лишь иллюзия — думать, что ты вступаешь в единоборство с природой. На самом деле тебя ведут на поводке, как ребенка. И стоит тебе шагнуть в сторону, как сразу же следует оклик. Не шали, мальчик! Но не потому ли и стремятся люди туда, где никто не был? С другой стороны, остаться одному, без опеки надежных защитников — машин... Меркулин прав: это ушло. Здесь есть автоматы — но есть и море, плавать в котором чудесно.

Кедрин сел. К берегу приближался еще один вал. Пришлось подняться. Он нашел свою куртку, набросил на плечи. К кармашку был прицеплен маленький значок, тот самый, найденный под рефлектором «Джордано». Кедрин носил его с собой, чтобы многочисленные люди и пейзажи не заставили его забыть о причине этого неожиданного путешествия. Кроме того, значок был красив. И сейчас Кедрин с удовольствием посмотрел на его гладкую поверхность, на которой голубой кружок был охвачен множеством совсем маленьких красных точек.

Потом Кедрин перевел взгляд на океан.

Волны все так же катились, подгоняемые молодым ветром. Они изламывались, падали и снова вздымались. На досках, на аквапланах и лыжах, на размашистых катамаранах, в прозрачных шарах, на вогнутых платформах, на узких лодках с яркими, развевающимися, хлопающими и надувающимися парусами — на всем, что могло держаться на воде и взлетать на гребень волны, от берега и к берегу мчались, стремились неслышно кричащие, ликующие люди. Они выносились на песок и, отдышавшись, снова устремлялись в океан.

Кедрин глядел и улыбался. Потом неторопливо пошел по берегу.

Нет, это все-таки очень хорошо, что Служба Жизни внимательна. Разве в ином случае люди могли бы так безмятежно веселиться над бездной? Наверное, нет. И страшно подумать, что получится, если Служба Жизни однажды прекратит работу.

«Не прекратит, — подумал Кедрин. — С чего бы?»

Но раз кто-то не только не отказывается от риска, но заранее примиряется с возможностью очутиться в таком месте, на которое деятельность Службы Жизни не распространяется?..

Да полно, есть ли такие места?

Кедрин попытался — не вспомнить, нет, а хотя бы теоретически представить себе, есть ли такие места. Но и теория не помогла ему. Нет, Служба Жизни — это механизм настолько совершенный, так хорошо оснащенный, так точно работающий, что таких мест нет ни на земле, ни на воде, ни под ними, ни в воздухе, ни за ним. Нигде, ни в одном месте, в котором может оказаться человек.

Даже в космосе, куда уходят корабли. Меркулин любит повторять, что машины способны охранять нас от всех мыслимых бедствий.

Это очень мудро устроено. Техника — наше создание. Ты ее проектируешь и рассчитываешь. В конечном итоге — сам охраняешь себя.

Это звучало убедительно. Кедрин усмехнулся и зашагал чуть вразвалку. Примерно так, как, по его мнению, должен был шагать всемогущий человек.

Вот так. И хватит думать об этом.

Команда была внушительной, ее следовало выполнить без прекословия. Кедрин так и сделал; и какая-то юркая мыслишка, попытавшаяся получить слово, была с негодованием изгнана. Она успела лишь пискнуть что-то вроде: «Не знать или победить...» Конец мысли так и не прозвучал.

А в следующую секунду Кедрин забыл обо всем на свете... Женщина обогнала его. Она прошла мимо не оглядываясь, быстрым, упругим шагом и теперь уходила все дальше. Кедрин глядел ей вслед. Воздуха не хватило, он стал дышать ртом, и в груди стало горячо.

3

Она уже уходила вот так когда-то. Сколько лет тому назад? А что значит — сколько лет? Пустые слова. Если тебе двадцать пять, и с тех пор прошло пять лет — значит, миновало очень много времени. Пятая часть жизни.

Она уходила вот так же, не оглядываясь, и уносила с собой и эти пять лет, и еще неизвестно сколько. А он и тогда стоял и не мог догнать ее.

Хотя это сейчас — не мог. Тогда — не хотел.

Он не хотел, потому что Ирэн была не права. А можно ли жертвовать своей правотой, хотя бы и ради чего-то очень большого?

Нельзя. А прав был он.

Что говорила она? Что-то она такое сказала... Да! Что Меркулин — страус. Вот. Страус, зарывший голову в песок.

Меркулин не страус. Он был и всегда останется большим ученым. Учителем многих и многих. И человеком. Уже одно такое сочетание дает право не выслушивать грубостей.

Правда, Меркулин их не слышал. Это было сказано Кедрину. Но тем обиднее: неужели она думает, что он, Кедрин, не уважает Учителя?

Она тогда говорила что-то похожее на: он воспитывает вас не только творцами машин, но и их жрецами. Вы горды; за спинами автоматов вы не знаете страха. А ведь у машин есть предел прочности, только у человека его нет. Нельзя не знать страха. Надо знать — и уметь одержать над ним победу.

«О чем-то таком я только что собирался подумать, — вспомнил Кедрин. — Собирался, но не позволил себе».

А она сказала это еще тогда.

Ну что же, сказала. Разве из-за этого?..

Да. Об этом они говорили часто. Сначала — днем. Потом дней стало не хватать. Они говорили ночами.

Кедрин мотнул головой.

А потом она ушла. Из института. От тебя. Вообще.

А ты не искал. Ты был обижен. А кроме того, в двадцать лет кажется, что впереди еще много других Ирэн.

Может быть, у кого-нибудь и получается так.

Ты тосковал? Да, наверно, это и была тоска. Но ты утешал себя. А кроме того...

Ну да, ты просто надеялся, что она поймет — и вернется. Придет и скажет: я была не права. Он знал: если она убедится в этом — придет и скажет. Ведь и он сделал бы то же самое.

А она?

Она только что прошла мимо — и не оглянулась.

И вдруг что-то толкнуло Кедрина: она не оглянулась! Да она просто не узнала тебя! Ведь кто знает, смот-

рят ли женщины на нас со спины так же внимательно, как мы на них?

И вот она уходит. А ты стоишь. И подумать только, что завтра ты улетишь бы отсюда, и, может быть, никогда...

Кедрин кинулся вперед. Вдогонку.

Чего доброго, она ускользнет. Она всегда была странным человеком, человеком непонятных желаний и мгновенных решений. Привыкнуть к этому было очень трудно. Потому-то они и прожили вместе так недолго.

Кедрин торопился, почти бежал. Ирэн успела скрыться за изгибом берега, а там — кто знает, куда ей вдруг придет в голову повернуть? Недаром она принадлежала к тем немногим, кто, услышав предупреждение Службы Жизни, не только не поспешат вынырнуть, но и ухитрятся как-то провести бдительный автомат, чтобы он не тащился за ними.

У таких, как она, обычно беспощадные приговоры. И память, умеющая выбрасывать ненужное. И как знать, осталось ли еще место для Кедрина в ее памяти?..

Он шагал широко. И вдруг остановился как вкопанный.

Жалобный звук, похожий на болезненный вскрик, раздался совсем рядом. Кедрин огляделся. Вскрик повторился; он слышался, казалось, под ногами, и Кедрин отпрянул, затем нагнулся: полузасыпанный песком матовый купол жаловался на свою скучную судьбу. Кедрин шумно выдохнул воздух. Это был всего лишь прибор штормовой защиты, забытый здесь давно и так же основательно, как и сами штормы. Скоро песок занесет его совсем, вместе с рожками антенн... Кто знает, не занесло ли меня вот так в ее памяти?

Кедрина стало жалко автомат и еще больше — себя. Но надо было торопиться. Ему необычайно повезло: ведь только приехав на Архипелаг, он понял, какой глупой была затея. Чтобы осуществить ее, надо было бы подходить к каждой женщине и спрашивать, не зовут ли ее Ирэн, чтобы таким образом убедиться в своей ошибке. И вдруг — откровенно говоря, неожиданно для него — она и вправду оказалась здесь. И можно подойти к ней и сказать: Ирэн, мне нужна ясность, кажется, я утратил ее. И я искал тебя не только потому, что... что... словом, не только потому, но и ради этой ясности. Помоги мне...

Он оборвал себя: «Это потом, потом. Торопись».

Вскоре ему удалось нагнать ее; теперь он шел лишь в нескольких метрах сзади, песок заглушал шаги. Он смотрел на Ирэн, но не видел ее: не видел просто женщину,

одну из многих, — перед глазами стояло что-то гораздо большее, для чего существовали лишь очень неточные определения: жизнь, счастье, любовь... Ведь все это начиналось, могло быть... Сейчас я обгоню тебя и упаду тебе под ноги; наступи на меня, и я буду счастлив.

— Какая ерунда! — пробормотал Кедрин-логик. — Нет, молчи, тебя нет, ты остался в институте, ты ничего не понимаешь. Это из-за тебя я не пробовал найти ее, написать... вызвать по связи... Ты ждал, но как? Неторопливо, как поджидая старость. Глупец! А она — ждала?

Сейчас просто невозможно было думать, что — не ждала. И надо было идти еще быстрее: может быть, именно сейчас истекает ее терпение; она еще ждет тебя, но через минуту перестанет...

Но Кедрин не решался преодолеть то небольшое расстояние, что еще оставалось между ними. Что-то мешало ему, и он не сознавал, что это — чувство вины. Если бы они столкнулись случайно... А сейчас — он остановит ее, но она взглянет равнодушно и обойдет его, как пень, как камень...

Он едва не пропустил момент, когда Ирэн свернула с тропинки и начала подниматься вверх по склону. Кедрин оглянулся: поблизости не было ни одного эскалатора. Тогда он последовал за нею, боясь потерять ее в лесу, которым порос склон.

Внезапно она остановилась, и он испугался, что Ирэн оглянется, увидит его и поймет, что он ее преследует. Он отступил и встал за деревом. В следующий миг он понял: это и была бы та случайность...

Но выходить было поздно. Ирэн начала одеваться. Кедрин отвернулся; он не хотел быть нескромным. Хотя странно: только что на нее можно было смотреть, не рискуя заслужить упрек, но достаточно ей начать надевать платье, как такой взгляд становится запретным. И, конечно, ей это не понравилось бы... Ну, готова?

Он осторожно выглянул. Ирэн была далеко, она справилась куда быстрее, чем он со своими мыслями. Пришлось карабкаться дальше. Куда она идет? К поселку не свернула. Может быть, на станцию связи? Ирэн прошла и этот поворот. Ага, она просто идет ужинать.

Это открытие повергло Кедрина в смятение. Идти за ней ужинать? Ирэн не любила небрежности в одеж-

де. Кроме того, если он появится сразу за нею — она поймет... Бежать одеться? А если она за это время уйдет?

Оставалось надеяться лишь на быстроту ног. И он решился. Убедившись, что Ирэн не изменяет направления, Кедрин повернул на тропу, ведущую к поселку, и сразу же побежал, размеренно выбрасывая ноги.

Бег заставил его дышать ритмично. Вместе с дыханием пришла и уверенность, что она никуда не уйдет. Сейчас. И потом тоже.

4

В ярком спортивном костюме, со значком в петлице, Кедрин поднялся на площадку. Не успел он ступить на нее, как день погас и мгновенно спустились сумерки.

На площадке были столики. Кедрин остановился возле свободного, у самой балюстрады, и начал глазами искать Ирэн.

Она скользила между низкими столиками, поднимая загорелые руки. Танец был незатейлив и радостен. Кедрин улыбался. Ему показалось, что Ирэн заметила его.

Она внезапно прервала танец и вышла из круга. Обычные щедрые пожелания счастья провожали ее. Все еще звучала негромкая музыка. Кедрин в ожидании откинулся на спинку кресла.

Но Ирэн не дошла до него. Она села неподалеку за двухместный столик. Протянула руки, и ее пальцы легли на чужие, неподвижно отдыхавшие на столе. Кедрин тоже тронул эти пальцы — взглядом, и затем медленно поднял его по рукам — к лицу.

Он был немолод, ее спутник. Если сама она была бронзовой от загара, то его лицо казалось высеченным из северного камня. Не морщинистым, а именно высеченным. В оставшихся от резца бороздах лежали холодные тени.

Но камень внезапно ожил. Пальцы дрогнули, человек улыбнулся и что-то сказал. Вернее, губы его шевельнулись, но Кедрин не услышал звука голоса, хотя и желал этого. Он хотел знать все об этом человеке. Но это не было главным. Самое важное — узнать об Ирэн.

Ну что ж — у каждого есть право подойти и хотя бы пригласить женщину на танец. Но Кедрин знал, что не подойдет: при одной мысли о разговоре с нею у него от внезапно-го волнения начали дрожать пальцы.

Кедрин начал думать, как протекал бы этот разговор, если бы ему все-таки было суждено состояться. В краткое время молодому ученому удалось построить четырнадцать первоначальных вариантов, а затем и подсчитать (в первом приближении) количество возможных вариантов вообще. Их оказалось чрезвычайно много. Не хватило бы жизни, чтобы исследовать все возможные разветвления разговора даже при помощи Элмо.

Тогда он отвернулся и стал смотреть в ночь.

Светлую площадку окружала темнота. Она была густой, как хороший кофе, какой Кедрин обычно пил перед работой или отдыхая с друзьями. Но темнота была ленивой; она располагала не к действию, а лишь к неторопливым размышлениям. Впрочем, можно было даже и не размышлять, а просто смотреть на людей или на лес, занимавший почти всю плоскую вершину горы.

Люди носили яркие одежды. Негромкие голоса и смех растворялись в говоре ночи.

Лес сдержанно шумел. Широкие листья деревьев отблескивали коротко и таинственно.

Взгляд, блуждая, направился вверх, потом вниз. Гроздь звезд висели совсем близко. Может быть, они росли на деревьях? Внизу дремала бухта. Там, чуть покачиваясь, на фосфоресцирующей воде лежал «Магеллан». Океанский прогулочный лайнер, старомодный и поэтому трогательный, словно набирался сил, чтобы завтра, взлетев над водой и опираясь на нее лишь стройными, обтекаемыми лапами, рвануться в Александрию — странный город, наполовину ушедший в море, аванпорт Средиземсахарского канала, город, где самое солнце казалось смуглым. Сейчас в Александрии был еще ранний вечер...

А на Архипелаге настала ночь. Люди съехались сюда со всех концов планеты, чтобы отдохнуть, они собирались на площадке, где были друзья, свет и прозрачный звон, летящий от звезд. Иные звуки не нарушали тишины: архипелаг был возведен, поднят с морского дна вдалеке от больших дорог, и еще дальше — от людных берегов, где порой сама земля содрогалась от мощных движений машин и сдержанного гула титанических термоцентральных. Отсюда эти берега казались смутными, как вчерашние сны, и только сами люди подтверждали их реальность.

Люди входили, улыбаясь и раздавая слова приветия, на ходу знакомились, и по их немногим словам даже

инопланетец мог бы составить достаточно точное представление о географии Земли и разнообразии земных профессий. Где же на этой обширной планете постоянно живет Ирэн и какая профессия заставляет ее сталкиваться с такими странными людьми, как ее теперешний спутник?

Людей становилось все больше. Уже не оставалось свободных мест; только к столику, за которым сидел Кедрин, не подошел еще никто. Не было принято нарушать покой человека, ушедшего в свои мысли, а Кедрин со стороны казался именно таким. И в самом деле, сейчас он напряженно искал — и находил — все новые доказательства того, что нужно, поборов стеснительность, просто подойти к ним. К сожалению, их столик двухместный. Но, может быть, если он перенесет туда свой стул, это не покажется невежливым?

Решая эту сложную проблему, Кедрин опустил голову. Затем снова поднял ее, почувствовав чей-то взгляд.

Три человека в нерешительности стояли у входа на площадку и смотрели на его столик — единственный, за которым еще были места.

Они были одеты как все; но казалось, что обычная одежда стесняет их движения. Может быть, поэтому они и стояли так долго на месте, не рискуя сделать шаг вперед.

Но вот они наконец решились. Глаза их шурились от света. Лавируя между столиками, все трое чуть раскачивались; такая походка (если верить литературе) была в старину у моряков, плававших на тогдашних тихоходных, подверженных всем причудам моря судах. Может быть, именно благодаря этой ассоциации Кедрин решил, что это моряки. Люди со старого «Магеллана».

Шедший в середине что-то сказал, и все они разом повернули головы туда, где, увлеченная разговором, сидела Ирэн со своим соседом. Кедрин насупился и осуждающе взглянул на моряков, словно бы они не имели права смотреть на Ирэн.

Они подошли к столику Кедрина. Средний спросил разрешения. Кедрин равнодушно кивнул, и они сели, плавно, как будто остерегаясь резким движением повредить кресла. Кедрин стал исподтишка разглядывать новых соседей.

В них было что-то одинаковое, хотя они совсем не походили друг на друга. Сидевший слева был невысок ростом и шире остальных в плечах. На лице его выделялись крутые дуги скул, глаза были полузакрыты. Он производил впечатление человека, замершего в ожидании чего-то и в каж-

дый миг времени готового к этому «чему-то». Казалось, нервы его натянуты как пружина, и от сложных причин зависело — будет ли пружина раскручиваться долго и равномерно, приводя в движение механизмы, или же развернется вдруг, разнося все вокруг, подобно взрыву.

Кедрину захотелось узнать причину этой напряженности. Но вдруг он почувствовал себя вынужденным перевести глаза, чтобы встретить взгляд человека, чье молчаливое приказание он ощутил.

Это был средний — чуть ли не на голову выше соседа, с худым лицом, на котором губы, казалось, все время с трудом удерживались от того, чтобы сложиться в насмешливую улыбку. Человек этот секунду смотрел в глаза Кедрину, и Кедрин испытал вдруг такое ощущение, как будто его мгновенно, со сноровкой, недоступной и лучшим автоматам, разобрали на мельчайшие части, тщательно осмотрели и ощупали каждую из них — и вновь безошибочно собрали, так что механизм не успел даже потерять инерции движения... Кедрин зябко повел плечами и опустил руки, перестав подпирать ладонями подбородок, как делал обычно, размышляя. Взгляд долговязого моряка был по крайней мере нескромным; а кроме того, только что человек этот смотрел и на Ирэн. И Кедрин в свою очередь стал пристально смотреть на моряка, стараясь передать этим взглядом возникшую неприязнь.

Но он больше не смог встретиться с глазами долговязого: тот внимательно (и, кажется, даже несколько удивленно) смотрел в эту минуту на значок Кедрина, раньше закрытый рукавом. Кедрин нахмурился, но средний уже повернулся к соседу справа — высокому и плотному, с лицом круглым и незатейливым, как яблоко. Лишь взглянув на третьего, Кедрин понял, что в них казалось одинаковым: неподвижность лиц, прищур глаз и точно от легкой боли сдвинутые брови. Сосед справа усмехнулся и пожал плечами, и это движение тоже показалось Кедрину обидным.

Долговязый снова повернулся к Кедрину, улыбаясь очень дружелюбно.

— Второй? — спросил он. — Или шестерка?

Это походило на начало математической головоломки, но Кедрин в эту минуту не был расположен к развлечениям.

— Десятый! — вызывающе ответил он — Кедрин любил круглые числа. К его удивлению, трое не обиделись, они кивнули — кажется, даже с уважением.

— Примите нашу благодарность, — сказал долговязый, и Кедрин при всем желании не смог бы уловить в его голосе и намек на насмешку. — Если учесть...

— Открываю счет, — перебил его сидящий справа. — Ты провинился, Гур; условия были ясны: деловые разговоры с собой не брать.

Длинный Гур насмешливо-покорно склонил голову.

— Хорошо, — сказал он. — Я нем. Но хотелось бы знать, кто в таком случае будет поддерживать оживленную и остроумную застольную беседу? Мистер Дуглас, сэр, не угодно ли вам?

— Нет! — хладнокровно ответил круглолицый. — Но я полагаю, что имею право отдохнуть и от вашего остроумия, поскольку избавлю вас от своего.

Он достал из кармана трубку, разнял ее и посмотрел в мундштук серьезно, как в телескоп.

— Помолчим! — сказал третий и снова замер.

Кедрин мысленно поблагодарил его, потому что ему вовсе не улыбалось быть втянутым в пустую, хотя бы и веселую беседу.

Гур только вздохнул. Затем он положил ладонь на середину стола, где из гладкой поверхности выступала клавиатура вкусового комбинатора, хитроумной системы, заменившей кулинаров прошлых столетий. Предвкушая удовольствие, Гур совсем закрыл глаза, пальцы его уверенно нажали несколько клавиш, затем — кнопку заказа. Ответа не было; индикатор приема не вспыхнул. Кедрин успел подумать, что, возможно, именно потому люди не садились за этот столик, ожидая, пока автоматы заменят неисправное устройство.

В следующий момент Дуглас, усмехнувшись, протянул руку, что-то нажал; крышка откинулась, глазам открылась сложная паутина монтажа.

Кедрин смотрел с интересом. Странно, но такой была жизнь: конструируя автоматы, иногда можно найти интересное решение в совершенно другой области производства. Все нельзя и не нужно изобретать заново. Не зря же Меркулин часто предлагал познакомиться с каким-нибудь устройством в натуре, как это было совсем недавно с автоматом «Джордано». Меркулин, конечно, был прав: основная сила человека — способность к отвлеченному мышлению. Меркулин был всегда прав, и сейчас Кедрину уже казалось невероят-

ным, что еще несколько дней назад он мог спорить с Учителем по какому-то принципиальному вопросу. Так или иначе, смотреть на вкусовое устройство было интересно.

Дуглас извлек из гнезда схему; за плотным пакетом печатных плат вылезла короткая антенна, пополз толстый кабель. Дуглас, прищурив один глаз, оглядел схему, точно прицеливаясь. Скуластый взял цветные пластинки из большой ладони Дугласа, указал мизинцем на одну из них. Гур шевельнул губами; сказанное им слово не относилось к похвалам.

Дуглас извлек из кармана крохотный инструмент, в мгновение ока выломал две пластинки и прошелся по схеме; инструмент тихо пощелкивал. Индикатор приема внезапно вспыхнул. Точным движением Дуглас водворил прибор на место, щелкнул крышкой.

— Придется обойтись без острых соусов, — произнес Гур.

— Не терплю острого, — безразлично процедил скуластый. Дуглас сердито проговорил:

— Я тоже; но, независимо от этого, я думаю, что имею право получить острый соус в любое время, когда мне заблагорассудится. Я считаю, что это беспорядок.

— Заказано вино, — сказал Гур.

И в самом деле, люк подачи раскрылся, на стол выдвинулись наполненные бокалы.

— Конечно, — сказал Дуглас. — Это же Земля, чего же можно ожидать.

— Ну, все-таки, мой принципиальный друг, — сказал Гур. — Я вовсе не в обиде на планету. И все, что она в состоянии дать, собираюсь использовать до конца. Завтра и послезавтра, например, буду спать. Потом — купаться. Два дня не стану вылезать из воды. Потом...

— Я бы хотел знать, — произнес Дуглас, — что может Холодовский иметь против такой программы. Он выглядит так, как будто ему только что нанесли оскорбление. Требую разъяснений.

— Ничего, — сказал Холодовский. — Я просто думаю.

— И напрасно, Слава, — сказал Гур. — Если уж сам Велигай находится по соседству, и, кажется, меньше всего думает о делах...

Эта фамилия, названная долговязым Гуром, заставила Кедрина встрепенуться. Здесь, по соседству — Велигай? Тот самый, неправильно мыслящий конструктор?

Кедрин глубоко вздохнул; медленно повернул голову и внимательно, очень внимательно взглянул на человека рядом с Ирэн. Да? Да.

Он снова прислушался к разговору соседей по столику. Но они уже беседовали о ком-то другом.

— Ничего, — говорил Гур. — Через три-четыре недели он будет в строю. Ничего страшного.

— Крепкий череп, — кивнул Дуглас. — Но даже имея такой мощный скелет, я бы не стал вылезать в пространство в момент атаки. Туда, где нет никакой защиты. Ведь необходимости не было.

— Когда-нибудь она возникнет, — сердито сказал Холодовский. — Что тогда? Нет, пусть нас охраняют в той степени, в какой мы сами этого хотим. Но не больше.

— А что думают об этом на десятом? — спросил Гур, обращаясь к Кедрину.

— Перестань, — сказал Дуглас. — На десятом они тем более не должны вылезать. Как будто ты не знаешь.

— Десятый есть десятый, — проговорил Холодовский. — Но мы не десятый. У нас свои законы.

— Череп, проломленный в двух местах по нашим собственным законам, — усмехнулся Дуглас. — От этого легче врачам? Или хозяину черепа?

Кедрину не хотелось принимать участие в разговоре о проломленных черепах — да и, откровенно говоря, он совершенно не представлял себе, где и почему это могло случиться. Весь этот разговор отдавал какой-то грубой стариной. А в нескольких метрах отсюда сидит Ирэн, и на нее можно хотя бы посмотреть. Ну не глупо ли — терять время на разговоры с людьми, которые даже не случайные знакомые?

Кедрин стал смотреть на Ирэн, изредка переводя взгляд на ее соседа, и уверенность, что он правильно угадал имя этого человека, все крепла. Сон, сон... Как же так, Ирэн?

Кедрин смотрел на нее, стараясь заставить ее оглянуться и увидеть его: возможно, она его все-таки не заметила... И, кажется, он достиг успеха: доселе неподвижная, Ирэн вдруг выпрямилась, стала подниматься. Кедрин зажмурился. В следующую секунду он взглянул снова; стул был пуст, Ирэн быстро шла по направлению к оркестру.

Поднимаясь, Кедрин пытался мгновенно решить вопрос: идти за нею, или же подойти к человеку, который сейчас остался один? Последнее, кажется, было целесооб-

разней: поговорив с ним, он узнает и все об Ирэн. И кто ей этот угрюмый мужчина — тоже станет ясным. Вот тогда он подойдет к ней. И скажет...

Кедрин уже шел. Эти несколько шагов оказались трудными, но их надо было преодолеть.

Угрюмое лицо придвигалось все ближе. Человек за столиком смотрел в ночную тьму, смотрел странно внимательно, словно вглядывался — или вслушивался? — во что-то, что находилось далеко, очень далеко, страшно далеко отсюда...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

На орбите Трансцербера все спокойно. Впрочем, так ли? Во время очередного сеанса наблюдений на экранах приборов взвиваются крутые пики. Наконец-то! Если это не Трансцербер, то что же? Приверженцы Герна прирастают к экранам и окулярам. Противники тоже не отрываються от приборов. Жужжат вычислительные машины, уточняя положение Трансцербера и его орбиту, которая, видимо, все-таки существует.

Капитан Лобов советуется с инженером Риекстом. Идти ли на сближение с телом, условно именуемым «Трансцербер», или, наоборот, уходить от него, но с таким расчетом, чтобы тело постепенно догоняло корабль? С точки зрения астронавигации предпочтительнее второй способ, астрономы стоят за первый. По мнению инженера Риекста, более выгоден второй способ; инженер не любит перегружать двигатели. Капитану Лобову, в общем, все равно, но он склоняется к первому способу и поэтому выбирает второй. Капитан Лобов не всегда доверяет своему вкусу и всегда — расчету.

Часы вслух отсчитывают секунды, оставшиеся до начала маневра. Инженер слушает отсчет секунд и на всякий случай каждую цифру негромко повторяет.

Ученые утонули в противоперегрузочных устройствах подле своих приборов. Пилоты сидят по местам. Фигуры на столике тоже стоят по местам. Уже ясно вырисовывается атака на белого короля, который остался без рокировки. Пока фигурам ничто не грозит: они плотно укреплены в гнездах.

И вот возникают перегрузки. Пейзаж на экранах начинает поворачиваться, новые созвездия попадают в поле

зрения. Суматошно скачут стрелки на приборах. Так проходит минута. И перегрузки исчезают, звезды успокаиваются.

Маневр совершен. Капитан Лобов с удовольствием оглядывает рубку. Хорошо работают автоматы! Скоро человеку и впрямь станет нечего делать на борту.

Но пока он здесь, надо выполнять свои обязанности. В рубке как будто все в порядке. Но...

— Эй! — говорит капитан. — Кто-то разлил свой смердящий одеколон, что ли? Какой пакостный запах! Беспорядок на борту. Это твой, Риекст?

Инженер поднял голову, досадливо морщась и с грустью констатируя, что из-за чьего-то одеколona он и на этот раз не услышал, как работает диагравийонный двигатель. Приборы показывают, что двигатель, сделав свое дело, уже отключился.

И тогда инженер услышал его.

Нарастание шума произошло мгновенно, как взрыв, при полном бездействии приборов и автоматов. Молчали сирены контрольного блока, дозиметры и авральные сигналы. Но что-то вдруг разлетелось вдребезги. Кто-то охнул и смолк.

До сих пор не установлено, какое именно слово в этот миг бросил инженеру Риексту капитан Лобов. Он прохрипел это слово, которого никогда не было и, наверное, не будет ни в одном из языков Земли; сочетание звуков, изобретенное столь же мгновенно, как пришла беда. И инженер, может быть, не понял бы капитана, не сделай Лобов одновременно обеими руками такого жеста, словно он собирался взлететь, воспарить к потолку рубки, вопреки искусственной гравитации.

Жест этот был понятен; он был предусмотрен инструкцией. А кроме того, инженер и сам знал, что надлежит делать в таких случаях. И он, не колеблясь ни миллисекунды, упал вперед — так было быстрее всего — и, падая, ухитрился одной рукой сдвинуть предохранитель, а другой ударить по красной выпуклой шляпке в правом дальнем углу пульта, позади переключателей режима.

Катапультирование разогнавшегося реактора было произведено вовремя; он взорвался как раз на таком расстоянии, чтобы не повредить останков корабля. «Гончий пес» лишился и двигателя, и энергии — если не считать аварийных аккумуляторов, о которых всерьез говорить не приходилось, — а значит, утратил всякую надежду уйти с орбиты Трансцербера раньше, чем загадочное небесное тело захочет познакомиться

с людьми совсем близко.

Это выяснилось очень скоро. Неясной оставалась разве что причина аварии; чувствовалось, что ученые уже собираются затеять по этому поводу новый спор. Стараясь немного оттянуть хоть это, капитан Лобов разрешил экипажу ужинать. Сам же он, вместе с корабельным «богом связи», прошел в рубку и стал срочно вызывать Землю. Вернее, он вызывал Луну; но на таком расстоянии Луна — это тоже Земля, разница столь ничтожна, что говорить о ней не стоит.

Попытка установить связь дорого обходится аккумуляторам. Но с Землей надо поболтать, как говорит капитан, хотя бы из простой вежливости. «Ведь Герн ухитрился все-таки установить с нами связь; неужели мы окажемся хуже?» Так ворчит капитан, поглаживая щеки с таким видом, словно собирается бриться во второй раз.

2

Кедрин остановился, оперся кулаками о столик.

— Здравствуйте, — собрав всю свою решимость, произнес он. — Я хочу поговорить с вами.

— Не слышу! — мельком взглянув на Кедрина и покачав головой, громко сказал человек с каменным лицом. — Не слышу, помехи... — У него был странный голос, высокий и курлыкающий. — Возьмите канал у метеорологов.

— Что? — растерянно спросил Кедрин.

— Теперь слышу хорошо, не кричите, — перебил его сидящий. — Говорите. Да?

Кедрин обескураженно молчал; он ожидал другого приема.

— В зоне Трансцербера... — отдельно и словно бы задумчиво произнес знакомый Ирэн. — Уже вышли на орбиту? М-да.

Кедрин на всякий случай сделал шаг назад.

— Передайте: Велигай уверен, что все будет в порядке! — громко продолжал утрюмый. — Да. Вылетаю немедленно. Слышите: немедленно! — Он вынул из уха капсулу приемника, спрятал крошку-микрофон.

Кедрин почувствовал на затылке чье-то дыхание. Он оглянулся. Трое соседей по столику стояли, плечо к плечу, за его спиной, и глаза их не отрывались от каменного лица.

— Вы что-то хотели? — спросил спутник Ирэн, обращаясь к Кедрину. Взгляд его скользнул по кедринскому значку, потом по лицу. — Хорошо, я заберу и вас. — Теперь

он смотрел поверх головы Кедрина, и значит — на Гура. — Еще кто-нибудь из наших здесь?

— Нет, — сказал Гур. — Что там?

— Авария.

— У нас?

— «Гончий пес». Взбесился гравигенный реактор. Причина абсолютно неясна. Автоматы спали. Катапультировали... — человек за столиком курлыкал и клекотал, и Кедрин понял, что виною тому был протез гортани. — Восемь человек. На обломках. Уточняют, сколько смогут продержаться. Хода нет и не будет. Да и энергии... Ты помнишь, Дуг, их аккумуляторы?

— Помню, — сказал Дуглас, и по тону было ясно, что он помнил их не с хорошей стороны. — Исходили ведь из тезиса, что ничего случиться не может: могучая автоматика...

— Вот, случилось.

— Отдохнули... — сказал Гур.

— Я так и знал, — сказал Холодовский. — Я тебе говорил, Велигай.

Кедрин на миг зажмурился. Сон принимал характер вещественного доказательства. Велигай. Ирэн. За одним столиком, как в одном сне...

— На старт, — приказал Велигай, поднимаясь. — Через двадцать минут приземлится «Кузнечик». Будет брать воду, здесь его соленость.

— У тебя настоящий слух, — сказал Холодовский, коснувшись плеча Кедрина. — Ты услышал первым. Мы удивились: куда ты вскочил.

Кедрин не успел ответить: четверо двинулись к выходу. Возвращавшаяся Ирэн встретила с ними на полдороге. Гур протянул руку и что-то сказал. Ирэн повернулась и стремительно пошла, обгоняя их. Яркая ткань платья растворилась в сиянии радужных ламп. Четверо шли за нею, чуть расклевываясь.

У выхода Гур обернулся. Его взгляд нашел Кедрина. Гур поднял брови, пожал плечами. Затем они исчезли. Кедрин долго смотрел им вслед. Он просто растерялся.

Вдруг, словно проснувшись, он торопливо прошагал к выходу, спустился с площадки и вошел в лес.

Мохнатые стволы обступили его, дрожащими точками заплескали светящиеся жуки. Маленькими светилami величественно плыли среди них яркие многокрылые ша-

рики, завезенные с иной планеты и прижившиеся почему-то только на этом островке, — странные автотрофные организмы, подобных которым не было на Земле. Темные тропинки играли с Кедриным в прятки, стремительно бросаясь в сторону и снова выглядывая из-за стволов уже где-то вдалеке.

Кедрин шагал без всякой цели. Он чувствовал, что в какой-то невообразимый клубок, недоступный анализу, спуталось в его голове все: красота Земли, Ирэн, авария на орбите Трансцербера, сон, Велигай, слова Меркулина о непогрешимости автоматов, чья-то голова, проломленная в двух местах... Мысли путались, как тропинки в лесу, одна из которых сейчас вела его неведомо куда.

Была тишина. Только на миг ее нарушил гул, что-то светлое промелькнуло в небе, гул перерос в рев — и опал, и вновь наступил покой. Лес тихо дышал. Сгущались шорохи. Фосфоресцирующие ночные цветы ритмично покачивались на сухих стеблях. Рассудок молчал, молчала интуиция. Тропинки все сменяли и пересекали одна другую, иногда на них мелькали люди, слышался смех и приглушенные голоса.

На миг Кедрину стало жаль себя, потому что он все-таки бродил в одиночестве, и ему не с кем было посмеяться, и не с кем — говорить приглушенным голосом. Ирэн была здесь, на острове, он нашел ее; почему же он должен бродить один? Несправедливость судьбы рассердила его, и в этот миг он едва не налетел на внезапно пересекавшего тропинку человека. Кедрин непроизвольно вытянул руки, и его пальцы ощутили прохладный и гладкий синтетик комбинезона. Кедрин пробормотал что-то, не очень вежливое, отстранился и посмотрел торопливому гуляке в лицо. И умолк, забыв закрыть рот.

Глаза Ирэн смотрели на него без улыбки и удивления. Кедрин стоял растерянный, не опуская рук и не сознавая, что они лежат на ее плечах. Ирэн опомнилась первая.

— Здравствуй, — сказала она.

Кедрин кивнул, проглотил комок и ответил: — Здравствуй.

— Я видела тебя, — сказала Ирэн. — Я рада.

— Подняв руку, она дотронулась до значка. — Очень рада. Я знала... Пошли. У нас нет времени.

Он повернул за ней, не рассуждая.

— Где твой комбинезон? — спросила Ирэн.

Он пожал плечами.

— Как ты живешь?

«Все, что ты мог сказать, — сердито подумал он. — Ведь только что было так много слов. Где они?»

— В таком виде Велигай может тебя не взять.

— Ирэн, — с усилием сказал Кедрин. — Велигай — он кто тебе?

Она шла молча, потом проговорила:

— Тебе надо было спросить это гораздо раньше.

Кедрин дернул головой, словно получив удар.

— Но я все равно рада за тебя. Ты давно?

— Что — давно? — раздраженно спросил он.

— Не волнуйся, — успокоила его Ирэн. — Я скажу ему. В такой момент он не оставит тебя здесь. Но ты такой же рассеянный. Без комбинезона...

Она искоса взглянула на него.

— Смотри под ноги. Ты упадешь.

Кедрин отвел глаза от ее лица. Ирэн заставила его ощутить конкретность пространства. Все еще тянулся тот самый лес, на тропинках встречались люди; совсем недалеко один, разлегшись на теплой земле, уставился на экран телеинформатора — как будто сейчас всерьез можно было интересоваться какими-то новостями.

— Мы правильно идем к Капитану? Сбор там.

«Ей не следовало говорить, что она рада за меня. И вообще — не надо было со мной разговаривать».

— Ах, к Капитану? Тогда сейчас направо...

Ирэн ускорила шаги. Впереди, у подножия статуи Капитана, Кедрин различил четыре отблескивавших фигуры.

Люди смотрели на статую. Затем, не оглядываясь на пришедших, разом повернулись к морю. Кедрина удивила способность этих людей видеть, не поворачивая головы, все, что происходило по сторонам.

— Время! — сказал Велигай. Курлыкающий голос его сейчас стал неожиданно звонок, но все же с хрипотцой, словно бы в металле была трещинка. — Без комбинезона? Останетесь на Земле. Разгильдяйство недопустимо. Идемте!

Они тронулись; в последний миг, в свете открывшейся вдруг луны Кедрин увидел на груди каждого комбинезона такие же значки, как и тот, найденный им, который он все время носил в петлице, даже не думая, что этот кусочек металла может что-то обозначать. Значит, вот откуда они, вот за кого они его приняли!

Одинокий Капитан все так же пристально смотрел вдаль, на лежащий за океаном континент. Пять силуэтов растворились в неверном лунном свете; только тогда Кедрин сдвинулся с места.

Вот, значит, где люди разбивают головы — в наше-то время, в эпоху стопроцентной гарантии жизни. Вот куда они уходят сейчас. Все. И Ирэн. И неизвестно, когда теперь они будут на Земле. Недаром были помехи при разговоре по видеофону. Это действительно далеко...

Далеко. И ты больше не увидишь ее.

Ну что ж; ты ей давно не нужен.

Но она, она нужна тебе!

Он кинулся вдогонку по ровно светящейся дороге, что вела к бухте. Он бежал быстро, и однако, когда достиг берега, с крутого борта темной махины, которой еще вечером здесь не было, уже убирали трап. Кедрин ухватился руками за последнюю перекладину и поехал вверх, больно стучаясь коленями о гладкий борт. Люк приближался. Рука вытянулась оттуда, непочтительно схватила Кедрина за ворот... Кедрин почувствовал, как его поднимают в воздух, и удивился неожиданной силе Холодовского. Серdito сверкая глазами, тот держал в вытянутой руке семьдесят три килограмма — свой вес Кедрин знал точно.

3

В салон его буквально втолкнули и кинули в кресло. Сквозь задний иллюминатор было видно, как над водой вспыхнули и упали стрелы пламени. Длинная сигара над двумя покороше — глайнер (глобальный лайнер) «Зеленый прыгающий кузнечик» — скользнула по взволнованной воде.

Бег ускорялся. Кедрин знал, что сейчас все на острове, кто мог видеть, смотрят на это чудо, которое не может примелькаться: тяжелый корабль уже не касался воды... Блеснули короткие косые крылья. Вода закипела, гул проник в салон, громадный «Магеллан» осуждающе закачался вниз, у стенки...

На высоте пятидесяти километров моторы умолкли. «Прыгающий кузнечик» втянул крылья. Тогда Кедрин стал осматриваться.

Небольшой салон казался пустым, на этом витке ночные рейсы не собирали пассажиров. Если верить сентенции Гура, то вообще уезжать лучше с утра, предварительно

хорошо выпавшись и позавтракав. В салоне были только те пятеро, шестым и последним оказался сам Кедрин. Приняв сердито-независимый вид, он уселся поближе к ним.

Теперь он знал, кто они. Эти люди занимались тем же, чем и Велигай; а последний, как известно, строил звездные корабли. Это делалось не на планете, и даже не на Луне: там все-таки было тяготение, и не такое уж малое в пересчете на топливо, потребное, чтобы поднять огромный звездолет и вывести его в пространство. Большие корабли строились на Звездолетном поясе (так назывались специальные спутники, обращавшиеся вокруг планеты на стационарных орбитах). И значит, туда долг призывал сейчас этих людей.

Кедрин не собирался следовать за ними до конца; да это и не требовалось. Чтобы попасть на свои орбиты, Велигаю и его спутникам нужно было сначала добраться до одного из космодромов, которых не так уж и много осталось на планете; затем дожидаться там корабля — одного из тех небольших кораблей, которые поддерживали сообщение между Землей и поясами или Землей и Луной. Ожидание могло затянуться на несколько часов, а то и больше... Словом, у Кедрина, возможно, окажется достаточно времени, чтобы поговорить с Ирэн по-настоящему. Что до Велигая — с ним было бы очень интересно познакомиться. Но конструктору кораблей сейчас, кажется, не до знакомств или теоретических беседований.

Хорошо бы суметь завести большой разговор уже сейчас. Кедрин украдкой покосился на спутников: никто не смотрел на него. Тогда он постарался как можно незаметнее отвинтить значок и спрятать его в карман, как бы устраняя причину недоразумения. Потом поднялся с кресла. И сокрушенно вздохнул: нет, в таком виде просто невозможно разговаривать с женщиной. Соприкосновение с шероховатой обшивкой «Кузнечика» не прошло для костюма даром; на коленях пятна грязи, и даже, кажется... да, брюки порваны. Другую пару можно будет достать только на космодроме. А до тех пор...

Ничего, утешил себя Кедрин. Все равно, сейчас разговора не вышло бы. Ирэн сидит рядом с Велигаем. Велигай делает вид, что вовсе не заметил появления Кедрина в салоне. Вообще, кроме Холодовского, единственным, кто обратил внимание на Кедрина, был Гур. Он оглянулся и чуть прищурил глаза.

— Дисциплина погибла в дебрях Архипелага, — про-

— О! — осуждающе произнес Дуглас и покачал головой.

— А что? Человек тем и отличается от животных, что обладает способностью иногда поступать нелогично и отклоняться от однажды принятой системы поведения, — назидательно заявил Гур. Он поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, и начал было что-то относительно логичности инстинкта. Никто не поддержал беседы, и Гур умолк, обиженно проворчав напоследок: — О люди, люди, о побочный продукт синтеза ядер гелия!..

Кедрин глубоко вздохнул. Ему вдруг показалось, что вот-вот начнутся какие-то совершенно необычные и очень важные события.

Однако это было не совсем так.

4

Людам свойственно думать, что события лишь надвигаются, и, сдерживая участившееся дыхание, ждать их начала, в то время как события уже окружили людей со всех сторон, уже прочертили в пространстве-времени свои, пока еще невидимые, трассы, и нужно не ждать их, а лишь разглядеть и приготовиться встретить во всеоружии воли и разума.

Но понимание этого дается опытом. Пока же его нет, человек может просто откинуться в кресле и ощущать, как медленно исчезает ускорение и тело становится все легче, потому что глайнер «Зеленый прыгающий кузнечик» стремительно приближается к вершине своей баллистической кривой, к точке, откуда начнется его медленное падение на землю. Человек может украдкой (чтобы не показать, что на такой машине он, как ни странно, летит впервые) оглядеть кабину, в общем ничем не отличающуюся от салона самого обычного вакуум-дирижабля или внутриконтинентального лайнера, делающего не более трех тысяч километров в час. Только кресла стоят на каких-то постаментах, аккуратно прикрытых потертыми ковриками. И меньше иллюминаторов. И сами они очень малы.

Человек может поэтому включить экран на спинке переднего кресла и любоваться россыпью облаков далеко внизу и медленно ползущим чуть выше облаков тяжелым транспортом с короткими, вынесенными в самый хвост крыльями. Можно смотреть на бодро встающее на западе солнце, которое движется куда медленнее, чем глайнер. Но лучше всего — сидеть и слушать, о чем разговарива-

ют пятеро, расположившиеся в креслах чуть впереди. Хотя это вряд ли можно назвать разговором. Скорее, это общее молчание на одну тему, молчание, из которого изредка складываются отдельные фразы.

— Не пойму: почему Лобов сообщает о четырех месяцах? Энергии все же должно хватить на пять — пять с половиной...

— Их догонит Трансцербер.

— Все-таки они нашли Трансцербер, — сухо сказал Холодовский. — Герн будет торжествовать. И произносить свое любимое: «Я же говорил...»

— Герн не будет торжествовать. Он станет рвать остатки шевелюры и стремиться туда, чтобы пожертвовать собой для спасения этих восьми.

— Жертвы их не спасут.

— Как знать?

— И все-таки они счастливы. Нашли планету!

— Только бы она не нашла их, мой категоричный друг!

И вновь тихо, и можно смотреть на любого из пятерых: на Велигая, который опять будто окаменел в своем кресле, так что непонятно: спит он, или думает, или просто отдыхает, расслабив мускулы тела и отключившись от всего; на Ирэн подле него — она, широко раскрыв глаза, глядит куда-то вдаль: в прошлое? в будущее? Кажется, иногда ей хочется оглянуться, но как узнать, правда ли это или только кажется?

Гур сидит, задумчиво выводя пальцем на выключенном экране какие-то фигуры, причудливые линии, в хаосе которых угадываются закономерность и ритм. Холодовский вложил в ухо капсулу приемника и слушает передачу. Дуглас только что успел, вопреки нормам поведения, разобрать на ладони такую же капсулу и теперь критически разглядывает на свет какую-то, едва видимую простым глазом деталь.

И вот, оказывается, можно смотреть на все это — и не разглядеть событий. Не увидеть их даже в хрусткой ленте фотограммы. Человек, показавшийся из пилотской кабины, тронул Велигая за плечо, протянул ему эту ленту и неторопливо удалился. Он шел по проходу между креслами, насвистывая, дирижируя указательным пальцем.

Велигай прочитал фотограмму, не сделав ни одного движения сверх необходимых для того, чтобы взять ленту и развернуть ее. Никто из остальных не повернул головы. Похоже, что крайне нелюбопытны были они, хотя уже сам факт сообщения на борт «Кузнечика» был многозначителен:

нащупать глайнер в полете направленным лучом по-прежнему оставалось не такой уж легкой задачей.

Прочитав ленту, Велигай аккуратно свернул ее, сунул в карман комбинезона и застегнул карман. Затем он легко поднял из кресла свое угловатое, сутулое тело.

— Что-то непонятное; нелепое сообщение, — сказал он, обращаясь ко всем сразу, и все головы повернулись как по команде. — Коротко и неясно. И угроздило меня потерять микро. Оказывается, меня еще целые сутки после этого пробовали вызывать... Потерял жетон. А в фотограмме много ли напишешь? Какой-то запах появился. Что это может означать?

— Напутали, — сердито произнес Холодовский. — Мало ли у нас путаников?

— Пишут: есть одна жертва.

— Жертва запаха? — удивился Дуглас. — О нет, это неправдоподобно. Если это не запах спиртного, разумеется.

— Надо торопиться, — сказал Гур. — Разберемся на месте. Вы же знаете, какие случаются неожиданности. Может быть, нечто есть и в этой нелепице?

— Гур верен себе, — усмехнулся Холодовский. — Скажи ему, что мухи съели солнце, и он ответит: а что, возможно, в этом есть нечто...

— Где мы возьмем корабль? — спросила Ирэн, и это был наиболее деловой вопрос.

— Я сейчас думаю об этом, — сказал Холодовский. Слова прозвучали так значительно, словно корабль уже найден.

— Это несложно, — сказал Велигай. Он нагнулся к полу, как будто нужный им для полета в Приземелье корабль укрывался под креслом. Затем распрямился и взглянул на Кедрину.

— А что же с вами? — вслух подумал он. — Ну ладно, там перебросим вас по адресу на грузовике.

Кедрин не успел собраться с мыслями для ответа, а Велигай уже двинулся по направлению к пилотской кабине. Шаги его были широки и уверенны, словно он ступал по полу своей комнаты. Он отворил дверь к пилотам и не закрыл ее за собой — возможно, затем, чтобы потом не пересказывать остальным содержание разговора.

Так и не придумав, что ответить, Кедрин лишь усмехнулся про себя: Велигай шел к пилотской кабине с видом пирата, ведущего свой корабль, чтобы сцепиться с жертвой и взять ее на бордаж. Сравнение было нелепым; но, как сказал бы Гур, что-то есть даже и в таком сравнении.

В глубоких овальных креслах сидели двое. Один — тот, что выносил радиограмму, насвистывал, глядя в потолок, накручивал на палец и раскручивал болтающуюся на тонком проводе капсулу контроля за двигателями. Все равно — было написано на его лице — контролирует киберинженер, так что делать мне, в общем, нечего... Другой, с высоким залысым лбом, читал книгу, пока автоматы следили за курсом и скоростью глайнера. Были люди, упорно не признававшие микрочтения или, как они говорили, микрочтива. Одно это уже давало представление об их консерватизме, и вряд ли стоило просить такого о чем-нибудь, что не было предусмотрено правилами движения по глобальным трассам. Но Велигай решил, видимо, не углубляться в психологию.

— Вы — командир, — сказал он, обращаясь к ненавистнику микрофильмов.

— Говорят, — согласился любитель инкунабул, отводя руку с книгой. Он с интересом оглядел Велигая. — Итак?

— Вы идете на Среднеазиатский?

— Среднеазиатский приземельских орбит, — уточнил пилот. — А вы что, летите в другую сторону?

Второй сидевший в рубке прыснул. Смеялись и глаза пилота; нетрудно было понять, что летчикам просто скучно. Но Велигай пропустил ехидный вопрос мимо ушей.

— Давайте так, — сказал он. — Спрашивать буду я, вы — отвечать.

— Отвечать будет информаторий, — любезно сообщил пилот. — Сема, будь любезен, свяжи товарища с информаторием. У меня тут, — он потряс книгой, — назревает любовная драма.

— Мне необходимо на Звездолетный пояс. Срочно. Спутник семь, монтажный.

— Что же, — доброжелательно сказал пилот, — не возражаю. Со Среднеазиатского машина уходит к поясам часов через восемь... Сема?

— Через семь сорок две.

— Через семь сорок две. А мы будем там через сорок минут. Вы успеете.

— Мне нужно быть на Звездолетном через час. Вместе с товарищами.

Сема перестал свистеть.

— Не могу помочь. Я же вас не заброшу на Пояс? У меня всего лишь стратосферная машина. Я уже не говорю, что ее ведут автоматы. Понимаете: стратосферная машина.

— Старая машина, — с расстановкой произнес Велигай.

— Старая, — так же подчеркнуто подтвердил пилот и отложил книгу. Какую-то долю секунды они смотрели друг другу в глаза, словно испытывая твердость характера.

— Их списали с орбитальных полетов, — сказал Велигай, — и передали в стратосферу год тому назад. Но двигатели остались.

— Передали, — согласился пилот. — Земля бережлива. Но на большинстве машин двигатели уже выработали ресурс и заменены на нормальные стратосферные.

— Только не у вас. У вас еще стоит Винд-семнадцать. Иначе сняли бы и группу резерва, а она же на месте.

— Я вижу, вы проводите время не только в Приземелье. Но допустим, я выйду в пространство. Автоматику там придется выключить — она-то заменена на стратосферную, будьте уверены. А дальше?

— Нас поведут маяки. Конечно, придется поработать. Но вы, похоже, способны на это.

Пилот склонил голову в ироническом поклоне.

— А чего ради мне отдавать свой сертификат?

— Жизнь людей.

В рубке стало тихо.

— Давно я не слыхал этого ключа. С тех пор, как... Вы потеряли пять минут; с этого следовало начинать.

— Надо было познакомиться с вами.

— Ясно. Но мне нужно согласие пассажиров.

— Это все наши. Один с десятого, энергетического. Остальные с седьмого — монтажники.

«Монтажники, — закрывая глаза, подумал Кедрин, не пропустивший ни одного слова из разговора. — Монтажники... Это, наверное, так. Но ведь я не имею никакого отношения ни к монтажникам, ни вообще к Звездолетному поясу. Я ведь попал сюда почти случайно. Это не было связано ни с каким риском. Но сейчас...»

Да, сейчас все становилось очень серьезным. Мало того что судьба — или стечение обстоятельств — грозила занести Кедрина в Приземелье, куда он вовсе не собирался, да к тому же на корабле, который, по-видимому, более не считался приспособленным для таких полетов. Это уже не

игра. Это опасно. И подумать только, что причиной недоразумения послужил значок, забытый кем-то в рубке «Джордано»! Зачем надо было брать этот жетон? И чего ради нацеплять его, носить на груди?

И в самом деле. Не будь эти люди уверены, что он, Кедрин, тоже с Пояса, только с другого спутника, с десятого — он же тогда ляпнул им это число, чтобы отвязаться от непонятных и, следовательно, глупых вопросов, — Велигай не рискнул бы уговаривать пилота совершить нарушение дисциплины. Даже двойное: выключить автоматы — раз и выйти в запрещенную для тебя зону — два. Да, тогда Велигаю пришлось бы искать другие возможности...

А сам пилот — разве он не понимает, на какое чреватое последствиями дело идет? Он ведь действительно может лишиться сертификата — документа, дающего право вести такой или даже более сложный корабль. Пилот, кажется, колеблется. Не следует ли помочь ему? Ведь это так просто: стоит только сказать несколько слов... Нет, разумеется, не ради себя, дело не в этом. Но ради самого же пилота! Да, да, для него все может обернуться плохо. Что он там? Кедрин вслушался.

— Не забывайте, — произнес пилот, — перегрузки будут не пассажирские.

— Случалось, — сказал Велигай.

— Ну, ну... — мрачно проворчал пилот. Он повернулся в кресле и, почти не глядя, потыкал пальцем в клавиатуру решающего, затем столь же мрачно обозрел шкалу. — Учитывая износ машины, тридцать процентов риска.

— Ради жизни людей я ходил на шестьдесят, — сказал Велигай.

— Я ходил на девяносто, — пробормотал пилот. — И знал людей, ходивших на сто. Самсонов ходил на сто процентов риска и пришел обратно.

— На Цербере? — Велигай глядел на металлический кружок на правом рукаве пилота.

— На Диане, в системе Инфра-три. Я? Да, на Цербере. Через год снова пойду. Сейчас в отпуске — отдыхаю...

Кажется, он согласится... Сейчас самое время — встать и сказать. Ну же!

Он встал. Для того чтобы пройти в пилотскую кабину, пришлось миновать всех монтажников. Кедрин шел, стараясь ступать легко и уверенно, как это получалось у

Велигая. Но, кажется, его походка в этот миг больше напоминала судорожные шаги робота.

Одно за другим кресла оставались позади, но взгляды сидевших провожали Кедрина дальше, до самой двери. Гур смотрел — и Кедрин даже спиной ощущал этот взгляд — с веселым и несколько удивленным интересом, словно недоумевая и желая услышать, что сможет предложить Кедрин такого, чего не знал бы Велигай; Холодовский глядел исподлобья, как будто уже по походке догадался о желании Кедрина не допустить изменения курса и теперь только и ждал момента, чтобы схватить, усадить, зажать рот. Дуглас казался настроенным доброжелательно, но челюсти его внезапно сжались, как если бы он готовился к драке. Ближе всего ко входу в пилотскую кабину сидела Ирэн; Кедрин старался избежать ее взгляда, но что-то заставило его повернуть голову и увидеть ее глаза: он прочел в них горячую просьбу, почти мольбу — не сделать и не сказать ничего такого, что заставило бы женщину пожалеть, горько пожалеть и обвинить самое себя в том, что когда-то она была знакома с этим деревянно вышагивающим по узкому проходу человеком... Может быть, этого и не было в ее взгляде, но Кедрин прочитал его именно так. Зачем он поднялся с места, зачем?

Но просто повернуться и сесть теперь было уже нельзя: этим он признался бы в возникшем у него намерении. Но что же можно сделать?

Он остановился в дверях.

— Простите, — сказал он. — А я бы не мог в это время побыть здесь, в вашей кабине? — Он просительно улыбнулся. — Очень интересно.

Пилот доброжелательно взглянул на него.

— К сожалению, нет, — развел он руками. — Тут только два кресла. А стоять во время взлета не рекомендуется.

Кедрин повернулся и пошел на свое место. Ему хотелось петь.

— Любопытный парень, — сказал пилот. — Мне нравится.

— На десятом они почти не видят космоса, — пояснил Велигай.

Пилот кивнул и взглянул на своего спутника.

— Всыплут, — радостно откликнулся Сема.

— Всыплут. Не забудьте присоединиться к контролю состояния здоровья. Все. Сема, проследи.

Сема проследил. Возвращаясь в рубку, он остановился на пороге и доверительно сообщил пассажирам:

— Вы ему сделали подарок — лучше не надо. А то он говорит, что от таких регулярных рейсов у него кровь свернулась в простоквашу. Сейчас ответит душу...

— Звездолетчик, — пробормотал Велигай. Он произнес это таким тоном, каким люди пожилые говорят: «Молодой...» — тоном, в котором под маской легкого осуждения прячется и одобрение, и явная зависть, и сожаление об ушедших молодых годах... — Звездолетчик, — повторил Велигай, ставя точку на этих размышлениях, и откинулся в кресле. И даже этого повторенного слова было достаточно, чтобы понять, чем образ жизни и мышления Велигая отличался от того, который, по мнению Меркулина, был бы единственно подходящим для настоящего конструктора.

А интересно, что сделал бы на твоём месте Учитель? Разве он стал бы возражать против такого риска, если это ради людей? Нет. Он не стал бы даже бояться. И ты не станешь. Обстоятельства...

Он не успел додумать об обстоятельствах. Мысли сдвинулись с места, смешались, завихрились, канули куда-то. Кресла полезли вниз, одновременно откидываясь и раздвигаясь. В глазах потемнело. Пилот «Кузнечика» отводил душу.

Она ревела тремя «Винд-семнадцать», наконец-то дорвавшись до форсажа, близкими и понятными в своём желании достичь определенного им потолка. Громовым салютом глайнер прощался с наезженной трассой, как будто насовсем вырываясь в простор, о котором всегда мечтают корабли. Мелькнули внизу, стремительно уменьшаясь, резервные емкости — те самые сигары, на которых приводнялся корабль. Теперь, отдав свою мощь машине, они, ведомые автоматами, уходили по старой трассе, чтобы сесть в очередном пункте и там дожидаться корабля.

А он, рыча от ярости, карабкался на вершину невидимого пика, на который не восходили альпинисты. Атмосфера голубым пламенем стекала по обшивке, указатели ползли к первой космической, но двигателям было мало этого, и они все нагнетали скорость...

Далеко внизу, на Земле, в посту слежения и управления Глобальных трасс, диспетчер схватился за голову и послал в пространство негодующую радиограмму. Сема мгновенно закодировал ответ, и передатчик вышвырнул сооб-

щение в эфир в какую-то долю секунды. Диспетчер прочел, топнул ногой, призвал на помощь всех чертей и, одобрительно подмигнув неизвестно кому, пустил по спирали сообщение о том, что глайнер восемнадцатый задерживается в пути и на линию будет выслан резервный номер семьдесят три.

А корабль уже вышел в черное небо, и Кедрин смотрел на экран и переводил дыхание. Кажется, ему чуть не сделалось нехорошо? Но он сдержался, не крикнул. Да, с непривычки... тяжело. Он расстегнул воротник. Вздохнем глубже, еще раз... Вот так...

Пилот выключил двигатели. Наступила невесомость. Трижды, нарастая и ослабевая, во внешних дозиметрах прошумел неведомый прибой, и это означало, что пройдены радиационные пояса.

Распахнулось Пространство; Земля уходила в сторону. Над ее выгнутой поверхностью восходили голубые конструкции астрофизического спутника номер пять. Шестой сиял в самом зените, на фоне давно знакомого созвездия, и вокруг него вспыхивали другие звезды, которых не было в астрономических каталогах. Тяжелый грузовоз оторвался от причальной площадки шестого, выбросил голубое облачко и начал снижаться к ажурным дискам Метеорологического пояса, нечастой цепью охватывавшего планету в меридиональной и экваториальной плоскостях. Где-то далеко справа вспыхнула и начала расплываться розовая туманность — это, наверное, очередной планетолет ушел в рейс ко внутренним планетам — и сейчас же это облачко на миг затемнил проходивший перпендикулярным курсом нерегулярный патрульный сателлит... Приземелье жило своей жизнью; в приемниках утихали голоса планетного вещания, и их место занимали другие: люди на кораблях и спутниках переговаривались, шутили и спорили, иногда их разговоры прерывались резким свистом закодированных текстов с лунных станций, в ответ которым летели такие же свистящие молнии с Земли. Впереди же, пока еще в отдалении, уже возникли и становились все ярче зеленоватые светила Звездолетного пояса.

Ирэн склонилась к Велигаю и что-то ему сказала, и Кедрин каким-то образом угадал: она советовала войти в пилотскую кабину, помочь командиру правильно подключиться к маякам, подойти и пришвартоваться к спутнику номер семь. Но конструктор покачал головой и улыбнулся, и на его губах Кедрин прочитал лишь одно слово: «Звездолет-

чик!» — и вместе с женщиной понял, что помогать нет никакой необходимости.

Кедрин не испытывал страха. Ему все еще казалось, что пространство нереально: невесомость кончилась, в пассажирской кабине глайнера было все так же уютно, словно они и не вышли за пределы атмосферы. Даже тяжесть была такая же, как на Земле, и не обязательно знать, что причиной этого явилось просто ускорение в один «же», равное обычному ускорению гравитации на поверхности планеты.

Да, при желании можно было совершенно забыть о том, что Кедрин стал не только свидетелем, но и участником необъяснимого, с общепринятой точки зрения, события: несколько человек по взаимному согласию нарушили одно из правил техники безопасности — могучего инструмента Службы Жизни: вырвались в космос на корабле, который, строго говоря, для этого больше не предназначался. И это событие было лишь звеном в цепи, начало которой, судя по услышанным разговорам, находилось чуть ли не на орбите Трансцербера, а продолжение — на Звездолетном поясе. И в одном и в другом месте произошли какие-то события, не предусмотренные программами многочисленных автоматов, которых, безусловно, хватало и там, и там. «Что сказал бы об этом Меркулин?» — вяло подумал Кедрин и тотчас же отбросил эту мысль: развивая ее, пришлось бы снова вспомнить о том, что они болтаются где-то в пространстве на борту утлого кораблика с легкомысленным капитаном, а об этом спокойнее не вспоминать.

Внезапно в громкоговорителях, соединенных с приемником в пилотской кабине, раздался резкий голос: «Внеочередной, внеочередной, даю пеленг, слушайте ваш пеленг...» Кедрин не сразу понял, что внеочередной — это они. «Включите киберы на прием посадочной программы, — напоминал голос, — назовите частоту ваших киберов.» — «Нестандартная, сажусь сам», — ответил несколько измененный динамиком голос командира. «Внеочередной, не уверен, что сядете». Кедрин тоже не был в этом уверен. «Пит, — очень несерьезным голосом ответил пилот, — узнаю тебя по ушам, вспомни спецзону на Диане!» — «Мишка, клянусь святым торможением, это вынырнул Мишка!» — «Взял твой пеленг, Пит, держу, готовь братские поцелуи, включаю посадочные». — «Пузырь, пузырь по кличке Орион, — надрывался невидимый Пит, — куда лезете в наше пространство, освободите объем для внеочередного!»

— «Орион» — значит, третий досылает обшивку, — сказал Гур в кабине.

— Хорошо, — ответил Дуглас.

«Но у меня график!» — возмущенно напомнил «Орион». Пит ответил: «Поломайте его о колено».

Торможение усилилось. Оно нарастало плавно, тяжесть увеличивалась медленно, чувствовалось, что пилот работает как мастер: без лишнего напряжения, легко и точно. Спутник-семь надвигался из пространства — громадный цилиндр, опоясанный тороидами, окруженный радио- и световыми маяками, искрящийся множеством иллюминаторов и габаритных огней.

Глайнер выходил к торцу цилиндра. Вспыхивали сигналы. Спутник покатился, убегая из поля зрения. Загорелись звезды. Торможение усилилось, внезапно корабль завибрировал, и Кедрин почувствовал, как у него заныли целых шестьдесят четыре зуба — так много их вдруг оказалось.

Но вибрация кончилась. «Мишка, у тебя есть переходник?» — спросил тот же голос. «Нет, это же теперь глайнер, к чему на нем переходник!» — «Ну, я не знаю, на всякий случай... До чего ты дожил — летаешь на глайнерах».

— Питу надо всыпать за болтовню! — сказал Холодовский.

— Нет, — ответил Дуглас. — Он хороший парень, у него есть чувство юмора.

«После этого рейса, — мрачно пообещал голос командира из динамика, — я не буду летать и на глайнерах».

— У него тоже есть чувство юмора, — одобрительно проговорил Дуглас.

«Так куда мне приткнуться?» — спросил командир глайнера. «Ладно, провались ты в Юпитер, примем вас в закрытый док, выходи на пеленг «АМ».

Почему-то именно в этот момент Кедрин вдруг осознал, что это не игра. Они были действительно в пустоте, в приземельском пространстве. Рядом плыл громадный, медленно вращающийся спутник, и каждое неточное движение могло стоить кораблю — а значит, и всем им — слишком дорого, а киберов с нужной частотой настройки на глайнере не оказалось, в стратосфере они не применялись. Значит, Служба Жизни выпустила их из-под своего теплого крыла.

Кедрин остро пожалел, что ввязался в эту историю. Следовало не малодушничать, не уступать, а сказать там, внизу (он подумал «внизу», хотя Земля сейчас была слева вверху, но все равно она оставалась низом), что он — по-

сторонний. Не сказал, испугался разочарованных взглядов. Но если бы об этом знал Меркулин, каким взглядом посмотрел бы он? Или дело было не только в малодушии? Наверное, не только. Сейчас трудно вспомнить.

Но все-таки куда спокойнее не нарушать установлений Службы Жизни, не отказываться легкомысленно от ее защиты. Странно, что остальные этого как будто не понимают. словно им не впервой... Тут Кедрин сообразил, что они и действительно делают это не в первый раз: недаром шел разговор о процентах риска. Там, где властвует Служба Жизни, процент риска равен нулю. Значит, вот одна вещь, которая стала почти ясной: люди идут на это потому, что такой ценой они покупают спокойствие, спокойствие уверенности в себе, а не только в автоматах. Но нужно ли такое спокойствие? Оно стоит нервов, а нервы нужны для творчества, для работы. Так зачем же...

Мысли разлетелись в разные стороны — не соберешь... Кедрин вздохнул, открыл глаза и удивился: выходит, глаза были закрыты, а он и сам не заметил, как зажмурился. Теперь в иллюминаторы уже нельзя было видеть спутник, но экран на спинке переднего кресла исправно показывал его крутой зеленоватый борт многоэтажной высоты, плавно закругляющийся сверху и, наверное, внизу, но видеоприемники смотрели чуть вверх. Борт медленно плыл по экрану. Потом он внезапно кончился, что-то небольшое, но, безусловно, космическое промелькнуло в поле зрения иконоскопов. Кедрин съежился, ожидая неминуемого удара и каких-то еще более страшных вещей.

— Это Костин, сорок девятый, — сказал Холодовский.

— Оригинально придумано, — отозвался Гур. — Но только это девятнадцатый — Тагава.

— Согласитесь на среднем арифметическом, — посоветовал Дуглас.

«Что ж, во всяком случае, это не метеорит».

В этот миг ускорение исчезло, и Кедрину так и не суждено было понять, какой тонкой работой был ввод корабля со шлейфовым двигателем в закрытый док. Монтажники, наверное, знали это, потому что все как один — даже Ирэн — подняли большие пальцы. Послышался приглушенный, как шепот, звук, и вспыхнуло табло: «Выход».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

На орбите Трансцербера подсчитаны все ресурсы. Энергии хватит еще месяцев на пять, если свести все потребности к минимуму и не слишком злоупотреблять связью. Так сказал капитан Лобов, и все несколько приуныли, потому что уже успели почувствовать, что капитан подразумевает под словом «минимум», и как он понимает слово «злоупотреблять».

Впрочем, после этого капитан утешил всех или думал, что утешил. Он объявил, что команда и пассажиры — пассажирами числились ученые — могут заниматься личными делами. Затем он сел за столик и стал бриться.

Итак, капитан Лобов бреется — второй раз за эти сутки, и, по-видимому, последний на ближайшие месяцы: бритва потребляет энергию. Пилоты садятся доигрывать партию. Они играют очень внимательно и сосредоточенно, и лишь впоследствии обнаружится, что белый король шесть ходов подряд стоял под шахом и никто этого не заметил.

Ученые, видя, что экипаж как будто бы успокоился и жизнь стала входить в нормальную колею, возобновили работу. В данном случае работа заключается в выяснении причин аварии. Это нелегко, потому что не с чего начать, не за что зацепиться. Корабль споткнулся на совершенно ровном месте. До самого последнего момента все механизмы и устройства действовали нормально. Очевидно, в первую очередь отказали механизмы реактора. В них и следует искать вину... Инженер Риекст прислушивается к рассуждениям ученых столь же внимательно, как раньше ловил шум двигателя. Инженер вообще предпочитает слушать, но тут он не выдерживает.

— Прошу извинения, — сурово говорит он, — но искать причину аварии в механизмах реактора бесполезно. В случае, если блокирующие автоматы в порядке, но заклинило стержни, автоматы подают сигнал тревоги. А сигнала-то не было, не так ли?

— Иными словами, — начинает контратаку один из гернистов, — вы предполагаете, что неисправность следует искать в автоматах? Но, мне кажется, вы упустили из виду, что о любой неисправности в системах автоматов немедленно сообщает контрольный блок. Не находите ли вы, что ваше утверждение звучит несколько рискованно?

Второй гернист думает, что утверждение звучит крайне рискованно. Виноваты, конечно, стержни.

Инженер продолжает настаивать на своей точке зрения.

Оба антигерниста считают, что инженер не прав: автоматы, разумеется, не могли отказать все сразу. Такое явление наблюдалось бы, пожалуй, лишь в том случае, если бы, скажем, во Вселенной сразу исчезли и электрическое, и магнитное поля. А это, как известно, было бы равносильно исчезновению Вселенной вообще.

В чем же дело? Это будет ясно после тщательного изучения фактов. Пока можно с уверенностью утверждать одно: авария действительно произошла, двигатель, реактор и автоматы непосредственного контроля и управления отброшены и уничтожились. Что касается причин несчастия, то о них пока нельзя с уверенностью сказать ничего определенного.

По зрелом размышлении гернисты присоединились к этой точке зрения, присовокупив лишь мнение относительно того, что, возможно, налицо было проявление возмущающего влияния Трансцербера.

— Тёла, ошибочно именуемого Трансцербером, — поправляют антигернисты. И старый спор вспыхивает снова.

Инженер выключается из дискуссии и вместе с капитаном начинает долгое путешествие по схемам автоматов и киберустройств корабля. А некое тело, именуемое Трансцербером, находится еще очень далеко. До него — по орбите — полмиллиарда километров. Но оно догоняет, и рано или поздно догонит. В глубине души все побаиваются, что это произойдет несколько преждевременно. Хотя — об этом трудно судить до получения ответа с Земли. Пока же один капитан Лобов знает, что успеть к ним может лишь звездолет — «длинный корабль», в приземельской терминологии. А их сейчас нет в Солнечной системе. Да и то — корабли строятся не для того, чтобы висеть в портах. Они далеко, они ищут инфракрасные звезды, самые близкие к нам, и связь с кораблями пока установить нельзя.

2

Велигай стремительно прошагал к выходу, за ним торопились остальные. Ирэн оглянулась на Кедрина, но не сказала ни слова, только улыбнулась. Это была улыбка человека, вернувшегося домой.

Кедрин покинул салон последним. За входным люком оказалась маленькая площадка, от нее, шурша, убегала бесконечная лента — род движущегося тротуара. Впереди на ленте виднелись удаляющиеся фигуры спутников по кораблю.

Держась за поручни площадки, Кедрин огляделся. Пилот стоял неподалеку, напевая. Голос Семы доносился откуда-то — снизу или сверху, сказать было трудно. Кедрин взглянул себе под ноги, и у него закружилась голова, как если бы он стоял на краю бездны. Так оно, впрочем, и было.

Он крепче вцепился в поручни. Правда, тяжесть почти отсутствовала, но голова все равно кружилась. Кедрину почудилось, что он стоит вверх ногами, потом — что лежит. Он заслонил глаза ладонью, потом медленно отвел ее.

Свет клубился в громадном цилиндре, как теплая метель; все так же шуршала дорожка. Командир глайнера похлопал Кедрина по плечу. Внутренне содрогаясь, невольный самозванец ступил на дорожку и, ужасаясь, поплыл над бездной. Верха и низа все не было. Дорожка привела Кедрина еще на одну площадку, и вдруг низ определился и лег под ноги, верх оказался над головой. Эскалатор повез Кедрина вниз. Очутившись на полу, незадачливый путешественник облегченно вздохнул и порадовался обретенной нормальной тяжести, потом поднял голову. Метрах в пятидесяти над ним, стиснутый могучими захватами, висел глайнер, а еще выше, на потолке, головой вниз ходили, кажется, люди.

Несколько человек остановились неподалеку — все в таких же отблескивающих комбинезонах, как и знакомые монтажники. Глядя на них, Кедрин вдруг вспомнил о продранных коленях: до сих пор было не до туалета. Пришедшие, задрав головы, полюбовались на глайнер, потом один из них, ослепительно рыжий, сказал:

— Вот назидательное зрелище из той романтической эпохи, когда летали со шлейфовыми двигателями. Спорю, что на нем стоят «Винды». Как ты думаешь, романтик?

— Думаю, — ответил черноглазый романтик, — что на Трансцербере скоро начнут строить постоянную станцию. Окраина системы, без станции не обойтись. Надо бы туда попасть.

— Фантазируешь...

— Это что! Я вот встречал одного. Представляете — сидит, читает. Глаза горят, ерошит волосы, топает ногами — аж сбивает курс. Я заглянул — ну, конечно, роман об

автофиксации в пятом линейном измерении, фантастика, подвиги... Читает и воображает себя героем. А шли-то всего регулярным рейсом к Марсу, пилот от тоски спал вторые сутки подряд и будить не велел, пока живы автоматы.

— А у Лобова автоматы полетели. Там теперь не до сна.

Наступило молчание, потом кто-то сказал:

— Ладно. Заправим это чудо техники.

— Заправим... А посадил он его классно.

— Да. Искусство посадки исчезает.

— Давайте заправлять. Скоро смена.

— Подключай... Я ходил с Лобовым. Чем хуже, тем он веселее. Но строгий капитан. От и до. По инструкции.

— Дай давление. Ты там открыл горловины?

— Открыл... Да, Лобову не повезло. Мак с ним пилотом. Вторым.

— Есть прокачка!.. Слушай, а чертовщина с запахом — это в твою смену было? Что это — отравляющее вещество, что ли? Да еще в пустоте.

— Смена моя, но сам я в это время сидел на контроле. Карло вышел в пространство, потерял сознание и налетел на пузырь. Хорошо еще, что скваммер выдержал... Курт, давай дозатор.

— Я даю дозатор. Может быть, это было не в пустоте, а в баллонах?

— Проверили баллоны. Нормальная смесь. Внимание! Даю поток.

Кедрин прислушивался, все это было интересно — и разговоры, и суставчатая труба, выползшая из-под пола и дотянувшаяся до корабля, и люди, управляющие трубой и связанными с нею механизмами. Заправка вручную... Автоматика — сложный механизм, все шестерни которого находятся в точном взаимодействии и зацеплении. Стоит одну из них заменить на нестандартную, и механизм прекратит работу. Здесь так и случилось: на спутник попал необычный для этих мест корабль — и приходится заправлять его вручную. Не будь людей — корабль вообще нельзя было бы заправить, пришлось бы везти автоматы с Земли. Еще звено в цепи нарушений.

Кедрин стоял, но монтажники не обращали на него внимания. Только один из них покосился и сказал: «Пассажир...»

Что же, понятно: комбинезона на нем не было, а значок лежал в кармане.

Пассажир, ну а что дальше? Самое разумное — вернуться на корабль, который наверняка скоро уйдет на Землю. Но раз уж так далеко завело его желание поговорить с Ирэн, то стоит дожидаться, пока этот разговор произойдет. Кедрин попытался вспомнить: в каком направлении она ушла? Кажется, в том, откуда сейчас приближается кто-то... Чего он хочет?

3

Маленький, плотный человек подошел к нему. Казалось, он был в шапке, но это лоб могуче нависал над лицом, и поэтому лицо казалось маленьким. Совсем уж крохотный рот вежливо улыбался. Человек внимательно оглядел Кедрина, и Кедрин снова вспомнил об испорченных брюках. Однако тот не обратил на них внимания.

— Вы не с глайнера? — спросил он.

— Да.

— А кто там еще прилетел — кто-то с десятого спутника? Шеф-монтер просил передать, чтобы он не уходил: через полчаса пойдет грузовик на одиннадцатый, шеф договорился — его подбросят.

Кедрин молчал, не зная, что ответить.

— Командир корабля сказал, что это вы. Он ошибся, а? Я видел, как вы спускались; вы же никогда вообще не бывали на спутнике. Это сразу чувствуется.

Говорящий вновь оглядел Кедрина.

— Ну, так что вы мне скажете?

— Это я, — нехотя признался Кедрин. — Но я не с десятого...

— Ну да, вы вообще не с Пояса, это ясно. Но почему тогда Велигай сказал, что вы с десятого?

— Произошло недоразумение...

— Ага. А кто же вы вообще?

— Я с Земли. Из института...

— С Земли — это я понимаю, что с Земли... — задумчиво произнес человек и в третий раз оглядел Кедрина. — Ну так идемте.

— Куда?

— К Велигаю, естественно. Он — начальник Пояса, он еще и шеф-монтер, и вас тоже привез он, пусть сам и думает, что с вами теперь делать. Я же не могу все решать один — хватит мне несчастья с Лобовым. — Он неожиданно виновато взглянул на Кедрина. — Ведь это все из-за меня...

— Каким образом?

— Меня зовут Герн, и это я открыл этот проклятый Трансцербер. Но разве я мог знать, что у них полетит реактор? Так вы идете или вас надо нести?

Они шли по залу, по гулкому полу. Кедрин старался ступать осторожно; ему казалось: ступи посильнее — и громкое эхо разнесется по всему огромному цилиндру. Герн шел, чуть раскачиваясь, его шаги совсем не были слышны. Потом лифт долго нес их вниз. Они вышли в длинный коридор. И спереди, и сзади он плавно загибался, уходил вверх, и Кедрин понял, что они находятся уже в одном из тороидов. Пройдя метров пятьдесят, Герн остановился возле какой-то двери.

— Вообще-то он здесь, — сказал Герн, глубокомысленно подняв брови и дочесав нос. — С одной стороны... А, впрочем...

Он решительно открыл дверь. Кедрин вошел. И тотчас же отпрянул, прижался спиной к стене.

Велигай даже не заметил его появления. Он сидел на стуле поодаль от ложа, на котором лежало что-то, завернутое в белые ткани, и из этого белого торчали только голова и руки. Глаза лежащего были закрыты. Три длинные, гибкие металлические лапы, свисая прямо с потолка, покачивались перед ним; одна тянулась к руке, две другие, медленно вытягиваясь, поднимали какой-то блестящий прибор. Первая лапа ухватила больного за кисть руки, что-то прижала к ней — человек, не открывая глаз, торопливо пробормотал:

— О черт побери, черт побери, какое невыносимое ощущение, и для чего я должен это терпеть, о несчастье...

— Не ври, — сказал Велигай. — Не больно.

— Разве боль — самое тяжелое? Не переношу таких холодных прикосновений, клянусь, неужели это так трудно понять? Как будто лягушку гладишь.

— Давай серьезно, Карло, — сказал Велигай.

— Ну, давай серьезно, прекрасно. Если серьезно — то они меня залечат, а мне всего лечения нужно — покрутиться в пространстве. Какая-то пара синяков... — Карло умолк, на лице его проступил пот, и тотчас же сверху спикировала лапа с тампоном, отерла лицо и убралась восвояси. — А вообще, конечно, больно.

Голос лежащего был громок, но так, как бывает громок шепот; его почти заглушало хрипловатое дыхание. К

только взглядевшись, Кедрин различил прозрачную стену, разделявшую комнату пополам.

— Вот подлечат — покрутишься, — пообещал Велигай. — Теперь всем хватит дела... Так что же с тобой произошло?

— Да что там, — сказал Карло. — Мне сейчас кажется, что ничего и не было, право.

— А если вспомнить?

— Такого запаха не было даже в Экспериментальной зоне. А ты помнишь, чем пахло на Экспериментальной?

— Арбузами пахло.

— Арбузами, — сказал Карло и усмехнулся. — Вот именно. Хотя там не было ничего похожего не то что на арбуз — даже на маленький мандарин. Мне тогда так хотелось не мандарина, а апельсина. А сейчас не хочется... Да, запах... Главное — неожиданность. Уж чего-чего, но запаха в пространстве никто не ожидал — и правильно, клянусь кораблями, откуда ему взяться? Он возник резко, как удар, стало нечем дышать, я почувствовал, что сейчас задохнусь от этого запаха. Начала мерещиться всякая ерунда... Я перекрыл подачу воздуха, только чтобы скорее избавиться от этого запаха. И потерял сознание. А что потом было, на что я там налетел — не знаю...

Он говорил все медленнее и на последних словах как будто бы совсем задремал. Велигай мрачно взглянул в потолок и негромко сказал:

— Вы бы его в гипотермический, что ли? Пусть отлежится, отоспится...

— Его на Землю надо, — ответил женский голос сверху, где в потолке было круглое окно.

— На Землю! — сердито сказал Велигай. — Монтажники в таком виде на планету не уходят. Лечите здесь. Подумайте, может, перевести в центр, где невесомость? Через полсмены я загляну. И чтоб к нему — никого.

Он медленно поднялся, обернулся и взгляд его уперся в Кедрина, наполовину заслонившего собою небольшого Герна.

— Что такое?

— Велигай, я вот привел этого... Нет, погоди. Он же совсем не с Пояса, это же видно с первого взгляда. Так зачем отправлять его на десятый? На Землю его надо. Дай мне распоряжение.

— Не понимаю, — сказал Велигай. Он в упор посмотрел на Кедрина, и Кедрину пришлось опустить глаза.

— Не понимаю. Вы ведь носили жетон Пояса. Как это получилось? Где вы взяли жетон?

— Нашел, — сказал Кедрин, глядя в сторону.

— Интересно. Где же?

— В рубке «Джордано». Такой корабль...

— Он тебе объясняет, что такое «Джордано»... — подняв брови, сказал Герн.

— Ну-ка, покажите мне жетон.

Кедрин торопливо опустил руку в карман. Велигай повертел жетон в пальцах и неожиданно рассмеялся.

— Вот, значит, где я его оставил... А вы, стало быть, принимали адресованные мне сообщения?

Кедрин удивленно посмотрел на Велигай.

— Не разобрались? Это же микросвязь, на нашей постоянной частоте. Есть только у нас. А зачем вы увязались за нами?

— Так, — сказал Кедрин. — Просто так.

— А потом? Когда мы изменили маршрут?

— Жизнь людей, — проговорил Кедрин.

— Да, жизнь людей... Что же, за это я вам благодарен. Это вас характеризует... и избавляет от некоторых неприятностей: Пояс не предназначен для приема туристов и вообще посторонних. Ну а теперь можете следовать обратно тем же способом.

Но Кедрин не собирался изменять свои намерения.

— Если можно... я хотел бы остаться.

— Остаться у нас?.. — задумчиво протянул Велигай. — Вот оно что... Но только, если вы ищете романтику, разочарую вас: попали не туда. Здесь — работа, работа, и не всегда интересная.

— Я понимаю.

— И согласны? Может быть, у вас есть особые основания желать этой работы?

— Да, — сказал Кедрин. — Особые основания.

— Да, но у нас-то нет никаких особых причин соглашаться... Вы ведь не представляете себе, что сейчас здесь начнется. Опытным — и то будет трудно. А вы и в космосе-то, наверное, впервые? Нет, не стоит. Да и правила нам запрещают.

— С правилами, — сказал Кедрин язвительно, — вы, кажется, не всегда считаетесь?

— Поймал, поймал! Но там речь шла о жизни людей.

— А здесь — о моей.

— Вот как... Что же, разве попробовать? Испытаем вас — в порядке исключения. Герн, вы дежурите сегодня. Я занят. Дайте ему каюту, проведите медицинское обследование и швырните его в пространство.

— Идемте, — буркнул Герн.

Они постояли в коридоре, провожая взглядом Велигая, пока он не скрылся за выпуклостью потолка, поднявшись, казалось, по отвесной стене; но Кедрин уже почти готов был поверить в способность конструктора ходить по вертикальным стенам. Герн тронул Кедрину за локоть:

— У нас мало времени...

На перекрестках коридоров виднелись небольшие, видно самодельные, таблички. На одной было написано: «Проспект Переменных Масс», на другой — «Переулок Отсутствующего Звена». Герн сказал:

— Здесь живет Гур, с которым вы прилетели. Названо в его честь.

Кедрин не уловил связи между Гуром и отсутствующим звеном, но спрашивать не стал. Как и проспект, переулок был тих и залит прозрачным светом. Пол слегка пружинил под ногами.

Потом был еще один проспект — цвета слоновой кости. Герн сказал:

— Вот это — ваша...

Это было просторное помещение с закругленными углами. Потолок светился теплым розовым светом.

— Вечерняя заря, — сказал Герн. — У вашей смены кончается день.

В каюте почти не было мебели, только два низких шкафчика, такой же низкий столик, микрофильмотека — и все.

— У нас каждый живет, как ему нравится, — пояснил Герн. — Здесь жил Тагава. Он перешел в смену Карло и в его каюту.

— А как же с мебелью?

— Закажите, — равнодушно сказал Герн, — микротипов полно. — Он прошелся по каюте, отворил одну дверь. — Здесь — помещение для работы. Тагава — микробиолог, но свои склянки он заберет. Вы кто? Инициатор Элмо? Этого у нас еще нет, спутник монтажный, но со временем... Питание и так далее — я вам покажу. Хотите — в кают-компании, хотите — у себя. Все понятно? Тогда пошли.

— Куда? — спросил Кедрин, чувствуя, как дыхание выходит из-под контроля.

— Вы что, не слышали, что сказал Велигай? Очень просто, сейчас я вышвырну вас в пространство...

4

Герн швырнул его в пространство.

Оказалось, что это очень просто и даже не так страшно, как можно было предположить. После медицинской комиссии и нескольких часов отдыха Герн зашел за Кедриным и повел его по ходам, переходам и радиальным шахтам спутника. Было тихо, только где-то едва слышно гудели механизмы и звучала музыка.

В конце концов они остановились перед массивной дверью. Она неторопливо растворилась; по ее толщине и медленному, величественному движению Кедрин понял, что за нею должно открыться что-то жуткое.

Он хотел шагнуть бесстрашно, но на миг ноги отказались повиноваться. «Вперед, вперед!» — закричал Герн и подтолкнул Кедрина. «Не волнуйтесь, — сказал Кедрин, — я и сам иду».

Но и за этой дверью не обнаружилось ничего странного. Кедрин зашагал по узкому коридору. Потом Герн ухватил его за рукав.

— Вот, — сказал он.

Еще одна каюта. Только потеснее, и, не такая веселая, и не такая уютная, как отведенная Кедрину: просто четыре стены, койка и столик. Голый пластик и немного металла.

— Живите, — милостиво сказал Герн. — Живите здесь.

— А там?

— Туда вы вернетесь через недельку. Во-первых, — сказал Герн и выставил один палец, — здесь вы изучите соответствующую литературу, раз уж вы попали к нам контрабандой. Во-вторых, — он выставил второй палец, — во-вторых, вы освоите скваммер. В-третьих, нюхнете пространства. В-четвертых, приемы работы. И в-пятых, — он выставил кулак, — все это будет вам не прогулочки на глайнере и не ваше коптение там, на Земле, или я буду не Герн, а кто-нибудь другой. Вот поэтому вы с недельку поживете здесь. Побудете без спутника.

— А это не спутник?

— А, — сказал Герн, — это старый корабль. Он уже не может летать, но воздух держит, и вообще все на нем

в лучшем порядке. Мы пришвартовали его к спутнику: нельзя же, чтобы пропадал герметический объем!

— Все равно, — сказал Кедрин. — Я буду ходить на спутник в свободное время.

— В свободное время? — сказал Герн. — Вы слышали? — Он поднял плечи до ушей. — Нет, а? Вы, случайно, не простудились? Где ваш медифор?

Кедрин вытянул руку; на ней, как и у каждого человека, был браслет с приборчиком — индикатором здоровья, поддерживавшим постоянную связь с центральной Службы Жизни, к которой ты был прикреплен. Такая централь была и на спутнике.

— Нет, — сказал Герн, наблюдая прибор и одновременно прижимая к уху наушник, — ничего. Все в порядке. Потом можете что угодно — работать, танцевать с девушками, выходить в пространство. Вот комбинезон. Оденьтесь и идемте к скваммерам.

— Что такое скваммеры?

— Почему это, — трагически спросил Герн, — новичков всегда привозят в мое дежурство?

Скваммер оказался довольно внушительным сооружением — именно сооружением, и уж никак не костюмом. Вообще-то это был скафандр, каким пользовались при монтажных работах непосредственно в пространстве. Он напоминал грубо высеченную человеческую фигуру, у которой не было резкой грани между головой и туловищем. Вернее, скваммер напоминал бы человеческую фигуру, если бы у него было две руки, но у него было целых четыре. Люк помещался на той стороне, которая, как и следовало ожидать, оказалась спиной.

Скваммер стоял в позе великого магистра древнего рыцарского ордена. Герн похлопал магистра по крутому бедру, и тот ответил гулким, низким звоном.

— Управлять скваммером, — сказал Герн, — может новорожденный. Мог бы, существуя на свете скваммеры новорожденного размера. Учтите: я не педагог, я астроном. Запомните сразу или спрашивайте, но не фантазируйте.

Он извлек из скваммера шлем, напоминавший принадлежность Элмо, давно знакомую Кедрину, и четыре широких манжеты, от которых тянулись провода. Как объяснил Герн, провода шли к сервоустройствам. Без их помощи человеку («Будь он даже силен, как Дуглас», — сказал Герн) не-

чего было и думать сделать в этих доспехах хотя бы одно движение.

— Это надевают на руки, — сказал Герн, — а это — на ноги. Если вы перепутаете, вам придется ходить на руках. А это — на голову.

— У меня только одни руки. А здесь — две пары.

— Вам еще придется пожалеть, что их не вдвое больше. Второй парой управляет голова. Голова у вас есть?

Потом Герн влез в скваммер и показал, как надо в нем устраиваться, где и что находится. Затем он захлопнул за собой дверцу, и вдруг скваммер тяжело шагнул вперед. Кедрин невольно отпрянул. Грузно переваливаясь с ноги на ногу, скваммер сделал несколько шагов по камере, повернулся и возвратился на место. Остановившись, он торжественно воздел все четыре руки и опустил их.

— Теперь вы, — сказал Герн, вылезая. — Забудьте, что вы умеете ходить, и учитесь заново.

Кедрин влез в скваммер и в два счета убедился в том, что ходить он действительно не умеет. На коленях, наверное, будут основательные синяки. Потом он целый час кружил па камере и сквозь прозрачный изнутри наголовник — фонарь — без особого дружелюбия разглядывал Герна, который в это время сидел на разноможке и пил из термоса кофе с лимоном.

Выпив кофе, Герн сделал знак остановиться и спросил:

— Ну а связь вы уже умеете включать? А как вторые руки?

Со вторыми руками было хуже; от попытки привести их в действие разболелась голова. Кедрин старался приспособиться к скваммеру, автоподстройка скваммера принаравливалась к Кедрину. В конце концов руки начали шевелиться.

— Устали? — спросил Герн. Кедрин вздохнул и ответил: — Нет.

— Тогда идите в пространство, — сказал Герн.

Он довел Кедрина до выхода, зацепил за скваммер длинный тонкий тросик и посоветовал не своротить спутник и не наматываться на корабль.

— Трос — это пока, — сказал он. — Чтобы вы сразу не улетели к звездам. Есть такие — сразу хотят лететь к звездам.

Потом он хлопнул Кедрина по ферротитановой спине и сказал: «По могутной спинушке...» Но Кедрин этого уже не услышал, потому что у Герна не было связи.

В выходном тамбуре Кедрин подождал вакуума.

212 Потом, как учил Герн, он встал на люк. Люк тотчас же

распахнулся. У Кедрина закружилась голова, и он вылетел в пустоту.

Отброшенный центробежной силой спутника, он летел и ждал, когда его остановит трос. Но трос не останавливал, и Кедрин сообразил, что, верно, карабин тросика отцепился и скваммер вознамерился все-таки улететь к звездам.

Следовало остановиться, и сделать это можно было только при помощи ранца-ракеты.

Монтажники, по уверениям Герна, владели этими ранцами в такой степени, что им ничего не стоило передвигаться с точностью до полуметра и еще точнее, если даже пролетать приходилось сотни метров. Они будто бы делали это с первого импульса, не расходуя на коррекцию пути ни грамма массы. Они владели ранцами с такой же непринужденностью, с какой рыбы владеют плавниками. Кедрину же сейчас надо было просто остановиться, и он вдруг потерял уверенность в том, что сможет это сделать.

Вспоминая наставления, он при помощи гирорулей привел себя в нужное положение. Потом начал нажимать правой ногой на стартер; это нехитрое движение вдруг показалось ему необычайно опасным.

Он нажимал очень осторожно, и ракета, как показалось, не включалась бесконечно долго. Это было не шуточное дело — выстрелить самим собой. Дыхание Кедрина гулко отдавалось в скваммере, других звуков не было, да и вообще ничего не было; звезды остались далеко, и спутник — тоже. Странно, раньше у Кедрина сложилось впечатление, что Приземелье населено куда гуще. В эфире, например, было просто тесно...

Ракета не включалась, и Кедрин нажал наконец изо всех сил. Спутник стремительно понесся на него из глубины пространства, и Кедрин еще не успел испугаться, как спутник пронесся под ним и стал удаляться еще быстрее, чем раньше, только в другую сторону. Кедрин торопливо схватился за гирорули, пальцы его дрожали.

Еще несколько раз он качнулся, как маятник, оказываясь то по одну, то по другую сторону спутника, видимого, в общем, с ребра. Наконец Кедрин затормозился, и спутник перестал удаляться. Он неподвижно повис, кажется, в нескольких километрах. Кедрин тоже висел неподвижно, вся же остальная Вселенная неторопливо обращалась вокруг них.

Он отдыхал, нервная дрожь постепенно проходила. Он включил связь — наугад, на чью-то частоту. Кто-то

негромко сказал: «Убери ригель». Кедрин удивился, потом понял, что это не ему. «Теперь хорошо, — сказал голос. — Включай». Кедрин сменил частоту. «Отойди на метр левее, — сказал бас, — переведи на вторую дорожку». Странно было, что так спокойно можно говорить в пространстве.

Раз другие спокойны, то и ему не стоило волноваться. Он подумал так, и тотчас же на смену волнению пришла страшная, небывалая доселе усталость. Кедрин закрыл глаза.

Он открыл их, ощутив слабый толчок. За ним последовал частый настойчивый стук. Стучали в прозрачный фонарь. Кедрин нехотя посмотрел. Герн стоял перед ним и нелепо жестикулировал. «Связь!» — прочел Кедрин по его губам и включил связь.

— Вы думаете выйти из скваммера? — спросил Герн. — Или вы уже так привыкли к нему, что будете в нем ночевать? Нет? Так откройте люк. Отодвиньте два предохранителя сзади и открывайте.

Это была та же камера, которую он покинул неопределенное время тому назад. Как он снова оказался здесь, было непонятно. Кедрин вылез из скваммера, запутался в проводах, сорвал манжеты и шлем и кинул их в люк. Ему захотелось лечь и лежать не двигаясь.

— Ну ничего, — сказал Герн. — В первый раз бывает еще и не так.

— Бывает, — сердито сказал Кедрин, не поднимая глаз. — Будет, если тебя уносит за десяток километров...

— Интересно, — сказал Герн, — о каком это десятке километров идет речь, если длина троса пятьсот метров, и вы даже не использовали его до конца.

— Он отцепился, ваш трос.

— Любопытно, чем мы в таком случае втянули вас в корабль! Учитесь определять расстояние в пространстве. Это нелегко — нет перспективы. Хотя, — он взглянул на Кедрина из-под нависающего лба, — вы, наверное, вообще не пожелаете у нас оставаться? Хочется на Землю, а?

Кедрин зажмурился, коротко вздохнул и сказал:

— Почему же это — не пожелать? С удовольствием. Только сейчас я хочу спать.

— Сначала обед.

— Есть и спать.

— Еще бы! — сказал Герн. — Ничего. Другим приходится сейчас куда труднее.

Кедрин знал, кого Герн имеет в виду.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

На орбите Трансцербера все по-старому или, вернее, — по-новому. Все заняты своими делами и старательно делают вид, словно ничего и не произошло.

Это не так трудно: у них есть предмет для размышлений. Что же все-таки случилось? Ответить на это не так просто и вряд ли вообще возможно.

Схлынуло нервное напряжение, стало возможно думать о происшествии объективно. Правда, участникам и даже жертвам происшествия (а ведь именно в такой роли выступает сейчас население «Гончего пса») не так легко обрести нужное для этого спокойствие. Но они пытаются.

Капитан Лобов сидит, поглаживает щеку и думает: хорошо, что успели развернуться и дать импульс. Иначе им здесь было бы не до споров. А сейчас — пускай себе полемизируют. Все естественно: одни защищают механику, другие — электронику. У каждого человека есть что-то излюбленное в каждой области; в области аварий — тоже. А если отрешиться от пристрастий? Тогда вообще ничего непонятно. Механика была так же надежна, как электроника, электроника — как механика. Плюс на плюс в результате дали минус. Формула проста, но есть одно затруднение: она противоречит всему, что известно из элементарного учебника алгебры.

Что же, придется передать на Землю все, что можно: пусть там тоже поломают голову.

Капитан размышляет, а ученые постепенно возвращаются к основной теме разговора: к проблеме Трансцербера. Это — настоящий костер, в пламени которого сгорают нервы. Тем более что со Звездолетного пояса принята фотограмма: корабль доберется до потерпевших крушение самое позднее через четыре месяца.

Четыре-то месяца они здесь продержатся, даже пять. Рискст, хозяин энергии, подтверждает это, поскольку молчание, как известно, — знак согласия.

В конфиденциальном разговоре с инженером капитан Лобов позволяет себе допустить и иную возможность: что скорость сближения «Гончего пса» и Трансцербера, правда в микроскопических дозах, но возрастает. На этот раз

Риекст, знаток приборов, соглашается с капитаном не только молчанием.

Но и они верят, что выход есть. Потому что на Звездолетном поясе знают капитана Лобова, а капитан знает Велигая, да и остальных тоже. Они не оставят в беде.

2

— Четыре месяца, — сказал Велигай. — Четыре месяца.

Он сосредоточенно глядел вперед, словно эти слова были написаны на противоположной стене.

— Если бы ты мог хоть час не думать об этом... — проговорила Ирэн.

— Я и не думаю.

Он был прав — он не думал об этом, как не думают о дыхании. Велигай сейчас именно дышал этим: судьбой капитана Лобова и его экипажа. Ирэн понимала, что изменить что-либо не в ее силах; оставался единственный выход — самой жить тем же. Извечное женское искусство... Она задумалась, но ничего утешительного не приходило в голову, хотя именно сейчас ей хотелось найти слова утешения.

— Не знаю, — произнесла она наконец. — Верю, что выход есть. Но не вижу его.

— Я тоже, — кивнул он. — Хотя схема проста.

Ирэн вздохнула. Велигай никогда не признавался, что бывают положения, из которых он не видит выхода. Признаться в своем бессилии — значит самому поверить в него, иными словами — потерпеть поражение еще до начала. Но от нее он не скрывал, что порой заходит в тупик. Ирэн понимала: даже самые сильные люди изредка должны на кого-то опираться. Пусть хоть на краткий миг. И она должна быть благодарна этому обстоятельству: иначе они, наверное, никогда не стали бы больше, чем товарищами по работе.

Может быть, это было бы лучше? Нет... И не надо беспокоиться из-за воспоминаний. Настоящее — вот оно, рядом. Его можно ощутить рукой, всем телом...

Она улыбнулась, благодаря настоящее. Ее улыбка не ускользнула от Велигая, хотя смысла ее он, разумеется, не понял; да и много ли таких мужчин, которые понимали бы хоть в одном случае из десяти точный смысл улыбки женщины — даже самой близкой?

— Нет, серьезно, — сказал он. — Схема крайне проста, но что я в тупике — это, к сожалению, факт.

Он взглянул на часы.

— Я побуду у тебя еще. Можно?

Она дала ему понять, что об этом не стоило спрашивать. Даже если бы она этого не хотела, даже в таком невероятном случае — все равно она бы заставила его остаться. Здесь он был словно наедине с самим собой, а только так можно спокойно думать.

— Схема, — сказал Велигай. — Схема, схема... Погрузившись в размышления, он часто машинально повторял вслух какое-нибудь слово. — Что же, все просто: корабль идет на орбиту Трансцербера; выполняет несложный маневр; забирает Лобова с людьми; возвращается на Землю. — Он усмехнулся. — Цветы и объятия.

Она дотронулась до его лба. Он моргнул.

— Ну да. Нужна малость: корабль.

— Не всякий, — сказала она.

— Да. Из четырех имеющихся категорий...

Она знала, что это за категории. Маленькие приземельские корабли с радиусом действия не дальше Луны; шарообразные планетолеты — «пузыри» — с ионными двигателями, дешевые и неприхотливые, но тихоходные, не забиравшиеся дальше Марса; специальные корабли с диагравиионными двигателями, небольшие и быстроходные транссистемники, предназначенные для разведки и научных экспедиций (к таким, принадлежал и «Гончий пес»); и, наконец, звездолеты — «длинные корабли», по терминологии монтажников, по размерам, мощности и степени сложности похожие на корабли трех предыдущих категорий так же, как орган похож на аккордеон или губную гармошку.

— ...Из четырех имеющихся категорий речь может идти о двух последних: о транссистемниках и длинных. Согласна?

Она серьезно кивнула. Наверное, вопрос о ее согласии был нужен Велигаю для сохранения ритма мышления, но и это было не так уж мало.

— Самое простое, — сказала Ирэн, — послать транссистемный. «Стрелец» сейчас в районе Пояса астероидов.

— Земля чуть было так не решила, — сказал Велигай. — Пришлось битый час их отговаривать.

— Почему?

— По двум причинам. Первая: «Стрелец» идти к ним не может. Арифметика: их там восемь, нормальный эки-

паж транссистемного — пятеро, в сумме тринадцать. Без специальной переделки больше десяти человек транссистемный ни в коем случае забрать не сможет.

— Но если потесниться...

— Тогда и будет десять. Дело ведь не в площади. Дело, во-первых, в мощности дыхательных, регенерационных, экоциклических систем и, во-вторых, — в количестве охранительных устройств. Только они позволяют людям выносить те перегрузки, которые и делают транссистемник скоростным кораблем. Поняла, звездочка?

Он умолк, положив ладонь на ее волосы, медленно перебирая их.

— Говори, — сказала она.

— Это была арифметика: пока «Стрелец» свернет базу на Поясе астероидов, пока придет сюда, пока его переделают и, наконец, пока он после всего этого до них доберется — пройдет уйма времени. Можно не успеть.

— Ну, — она подняла голову, — мы бы постарались сделать все побыстрее.

— Так мне сказали и на Земле. Но тут в действие вступила алгебра.

Он помолчал.

— Дело в том, что «Стрелец» — двойник «Пса». Брат-близнец.

— Я помню, как их строили.

— Ну, конечно. Причины аварии «Пса» нам неизвестны. Судя по донесениям Лобова, ничего подозрительного, никаких ненормальностей не было до самой последней секунды.

— Так что, если послать однотипный корабль...

— В этом вся суть. Если авария по необъяснимой причине произошла с «Гончим», где гарантия, что то же самое не случится и с другим таким же кораблем?

— Да, — сказала она. — Правда...

— Несложно, а? Но убедить в этом остальных было трудно. Кое-кто возражал очень крепко. Меркулин, например, Директор... Да ты ведь знаешь.

— Знала когда-то, — подтвердила Ирэн.

— Он мыслит по такой канве: авария не может быть закономерностью. «Пес» — первоклассный корабль, обладающий защитой от всех и всяких случайностей, не говоря уже о закономерностях. Он полагает, что причина аварии — в нарушении людьми каких-нибудь норм поведения. И

приходит к выводу, что в космическом полете присутствие людей — не только ненужный, но прямо-таки вредный фактор. Они, мол, создают условия, осложняющие нормальную деятельность автоматов. А за автоматы он ручается. Там ведь было кое-что из их продукции. Основное, правда, делали мы сами.

— Честь мундира?

— Нет, в этом отношении Меркулин объективен, он серьезный человек. Просто таково его кредо. Я бы его изложил так: автомат устроен проще человека, следовательно, легче регулируется и реже портится. Он, правда, формулирует иначе, но смысл таков. А человек — существо слабое, а с другой стороны — много поработавшее. Пусть командует отсюда.

— Но ты с ним справился? — Ирэн провела ладонью по щеке Велигая.

— Я тоже старался быть объективным. — Что-то похожее на улыбку спряталось в уголках его губ. — Сказал, что Меркулин, быть может, прав процентов на девяносто пять.

— Ну и что же?

— Подействовали остальные пять процентов.

— Правильно.

— Ну да. Но от этого не легче, потому что остается единственный выход: послать длинный.

После паузы Ирэн тихо проговорила:

— Да... Но где они?

— То-то и оно — где они? Из четырех длинных, которыми вообще располагает Земля, в дальних рейсах, вне пределов связи, находятся...

— Находятся все четыре.

— Вот именно. И расчет времени и возможностей тут против нас. Потому я и говорю, что схема проста, а вот как ее осуществить — пока не знаю.

Ирэн вздохнула, потому что единственная, еще оставшаяся возможность стала ей ясна. Но было ли это в их силах? Она взглянула Велигаю в глаза. Он утвердительно кивнул.

— Ничего другого не остается: заложить новый длинный. У нас есть четыре месяца. Длинному кораблю до «Пса» две недели хода. Значит, остается три с половиной месяца. За это время надо построить и испытать корабль.

Ирэн покачала головой.

— Последний мы построили очень быстро. Всего за год. Но три с половиной месяца — абсолютно нереаль-

но... — Ей вдруг стало страшно, она прижалась к груди Велигая. — Значит, ничего сделать нельзя?

Велигай долго не отвечал.

— Теоретически, — проговорил он наконец, — теоретически это, кажется, возможно. При соблюдении ряда условий: если рабочее пространство освободим не через десять дней, как по графику, а через три — это раз. Сдадим «пузырь». Во-вторых, если при изготовлении и монтаже корабля будем использовать не ту автоматику, что была раньше, а новую, с гораздо более быстрым ритмом работы.

— Чистая теория, — сказала Ирэн.

— Да. Потому что это значит: планетолет придется достраивать почти полностью вручную, автоматы не смогут сделать работу в три раза быстрее, чем запрограммировано. И во-вторых: пока Меркулин не даст новую автоматику, начинать монтаж длинного корабля тоже вручную.

— А мы сможем?

Велигай пожал плечами.

— Я не думаю, как Меркулин, что человек слишком слаб. Конечно, придется идти на риск. Если до сего времени мы главным образом командовали на монтаже автоматами, а сами выполняли только наиболее тонкую и сложную работу, то теперь... теперь придется проводить в пространстве куда больше времени. А ведь ты знаешь, что у Службы Жизни свои законы: она гарантирует нам стопроцентную безопасность лишь при соблюдении всех условий. А теперь мы не сможем их соблюдать: для этого не останется времени.

— Это большой риск, — сказала она.

— Кто не хочет — не пойдет. Но я знаю — пойдут все.

— Что, если мы потеряем больше, чем спасем?

— Я не пророк, — сердито пробормотал Велигай. — Не знаю. Но Земля послала их — и Земля должна спасти. Во что бы то ни стало. Планета не бросает своих людей. Их слали не на смерть. А мы...

— Ты прав, — согласилась она. — Но нас слишком мало.

— Придется звать на помощь. Потеснимся, сделаем четыре смены. На планете всегда хватало молодежи, которая с радостью пойдет к нам. Конечно, если меркулины еще не задурили им головы.

— Ты думаешь?..

— Меркулин и другие — они умны и логичны. Хотя логика их в основном формальная, но ведь молодость далеко не сразу постигает диалектику.

— И я тоже? — шутливо хмурясь, спросила Ирэн. — Или я уже не молода?

— Ты — исключение, звездочка. — Он поцеловал ее. — Кстати, мы уже начали пополняться. Тот парень, что летел с нами, тоже начинает работать.

— Кедрин?

— М-да. Ты его знаешь?

«Когда-то считала, что знаю, — подумала Ирэн. — Но ведь прошло много лет...»

— Нет, — сказала она.

— Ну посмотрим, как у него будет получаться. Трудно им придется — ему и всем, кто прилетит.

— Думаешь, они смогут по-настоящему помочь?

— Ну, их будет не так уж много. В основном придут курсанты, кроме того — студенты Звездного. Кстати, надо пойти, уточнить, сколько их прилетит.

— Ты так и не отдохнешь?

Велигай взглянул на нее, казалось, с удивлением.

— Ты же знаешь...

— Да, — грустно сказала Ирэн. — Знаю...

3

Кедрин проснулся. Как это было не похоже на земные пробуждения, когда свет стучался в окно и торопил подниматься и жить. Здесь, в тесноватой каюте старого планетолета, не было ни солнца, ни ветра. Просто регуляторы усиливали свет, раздавался сигнал, и надо было вставать, хотя не успевшее отдохнуть тело протестовало.

Но каждый раз Кедрин пересиливал себя; рядом, на спутнике, жила Ирэн, и она тоже ежедневно выходила на работу. Чем быстрее разберется он во всех трудностях новой профессии, тем скорее переселится в спутник и там наконец сможет видеть ее каждый вечер. А для этого надо вставать, надо вставать...

Он встал, умылся. Термос с завтраком уже ожидал его в кают-компании планетолета, единственным обитателем которого он пока был. Кедрин старался есть помедленнее, но все равно завтрак прошел очень быстро. Еще минут пять продолжалось слушание новостей по радио. Потом Кедрин заставил себя выключить приемник и подняться.

Скваммер ожидал его, всегда одинаково готовый, самодовольно-бодрый и неумолимый. Пришлось лезть в проклятую скорлупу и неуклюже ковылять к выходному люку. Топать, переваливаясь с ноги на ногу, и тем временем соображать, какой же сюрприз приготовил ему скваммер на сегодня.

Люк угодливо распахнулся, и Кедрин вылетел, словно ленивая рогатка нехотя, медленно выстрелила им.

Как и всегда, он задержал дыхание, потом с шумом выдохнул воздух. На сей раз выход прошел совсем гладко, и это неожиданно вселило в Кедрина бодрость, какой он и не ожидал. Вдруг ему открылась вся конкретность окружающего мира. Кедрин удивился тому, как велик этот мир и как не похож он на Землю. Планета была видна вся, и она заслоняла лишь небольшую часть Вселенной.

На этот раз Кедрину было разрешено самостоятельно проследовать в тот куб пространства, который назывался «рабочим пространством» и в котором монтировались корабли.

Именно тут спешно достраивался пузатый планетолет — один из многочисленного семейства средств передвижения в космосе, который монтажники даже не называли кораблем: настолько он был не похож на это стройное слово. Для небольших скоростей планетолетов такая форма была выгодна; но тот, кто думает, что обводы корабля не играют роли в космическом пространстве, пусть-ка сам попробует пройти на таком пузыре сквозь рой частиц хотя бы средней плотности.

Сейчас достраивающийся шар висел в пустоте и вместе со спутником и со всем остальным, что находилось в прилегающем к спутнику пространстве, образовывал единую систему. Она медленно обращалась вокруг общего центра тяжести, который, в свою очередь, исправно обходил вокруг Земли. Кедрин смотрел и представлял. Нет, здесь, возможно, было даже интересно — когда работали автоматы и оставалось лишь сидеть в спутнике, наблюдать за экраном и приборами и думать, хотя бы о том, какие надо создать новые автоматы. Но теперь автоматов не было, а к работе приступили сами монтажники.

Они сновали вокруг шара во всех трех измерениях — «бронированные муравьи», как подумалось Кедрину. Они что-то тащили, устанавливали, варили, стремительно пролетали или медленно обращались вокруг планетолета по каким-то своим орбитам. Но чем больше Кедрин смотрел на них, тем менее подходящим казалось ему сравнение с муравьями. Точность орбит подсказывала другое: это были люди-пла-

неты, чьи пути пролегали в мироздании на равных правах с бесконечной спиралью Земли, трассой Солнца, дорогой Галактики. Тем же законам Кеплера подчинялись они, плюс еще одному — закону человеческой воли, которая позволяла им менять свои орбиты, а когда-нибудь, возможно, позволит менять и орбиты планет.

Сам-то ты вовсе не претендуешь на такую планетную судьбу. Но приходится и тебе стараться не отстать от них. А монтажники и не думали о судьбе. Они работали вручную — совсем так же, как работали некогда люди на Земле, если чего-то не хватало этой аналогии, то свиста или песни, потому что люди на Земле любили петь или насвистывать за работой, а скваммеры молчали — во всяком случае, пока ты не настраивался на их частоту.

Молчал и Кедрин; пока ему нужна была лишь общая волна. Ему предложили облететь планетолет со всех сторон, чтобы не торопясь рассмотреть это сооружение и наметить самые выгодные трассы, по которым придется переправлять детали. Выполнить задачу оказалось не так-то просто — скваммер был велик, а мир — мал, но в конце концов он все-таки облетел корабль. Кое-где не хватало здоровенных кусков обшивки и, наверное, еще много чего. Хотя, как разъяснили Кедрину, внутри все было на месте: корабли в пространстве начинали монтировать изнутри, механизмы постепенно обрастали разными помещениями и оболочкой.

Потом понадобилось перегнать на другое место одну из массивных деталей. Кедрин выжал педаль стартера с такой силой, как будто давил каблуком змею, потому что это была его первая попытка сдвинуть деталь. Скорость возросла неожиданно быстро. Ему кричали: «Стой!» Он забыл, как тормозят, и вместо этого еще прибавил ходу.

Стало ясно, что плохо придется монтажнику, который в этот миг медленно летел перед Кедриным в том же направлении. Вокруг скваммера были захлестнуты тросы от какой-то сложной и громоздкой детали, которую монтажник толкал перед собой, неся в четырех руках еще какие-то штуки поменьше. Кедринская деталь — гамма-отражатель — уже хищно нацеливалась острым углом между лопаток скваммера, чуть повыше дверцы. Стало до ужаса ясно, что в точку встречи деталей и передний монтажник придут одновременно.

Затем Кедрин почувствовал удар, в глазах зажглись звезды. Кто-то сидел на его вытянутых, все еще сжима-

ющих край отражателя руках, ухитрившись на полном ходу протиснуться между деталью и Кедриным, Металлический живот упирался в фонарь кедринского скваммера. Удар был силен, но скваммеры выдержали и люди тоже.

Кедрин не мог удержать детали, но ее скорость была уже сбита. Она прошла точку встречи через две секунды после перегруженного монтажника, и за нею устремился кто-то из находившихся поблизости. Кедрин тяжело дышал.

— Надо ровнее, — невозмутимо произнес стеклянный голос Холодовского.

— Да, — слышался голос Гура. — Погибнуть с гамма-отражателем между лопатками — в этом, конечно, что-то есть, это даже величественно. Но я скромн и не тороплюсь. Спасибо, Слава.

— Не за что, — ответил Холодовский.

Отцепляясь от Кедрина, он неуклюже похлопал виновника происшествия по косому плечу скваммера.

— Спокойней, — повторил он. — Скорости нужны, особенно сейчас. Скоростью мы уже выиграли для тех, у Транса, день жизни. Но прежде всего — уверенность!

Ее-то и не хватало Кедрину. Вечером, ворочаясь в постели (которая, казалось, была набита метеоритной крошкой), он страдал. Стыд не давал уснуть, но еще мучительнее был страх: а если вот так завтра или послезавтра другой новичок налетит на него, острым углом детали вскрыет скваммер, как банку консервов, — и наступит конец? Служба Жизни запрещала такое скопление людей в этом объеме пространства. И люди знали это. И все же...

Вот интересно: знает ли сама Служба Жизни, что на ее установления здесь не обращают внимания? Вряд ли кто-нибудь специально оповестил ее. Но в таком случае это необходимо сделать! Ведь нарушается один из принципов, на которых...

Кедрин повернулся в постели и не смог удержать стоны: болел локоть, которым он во время работы ухитрился удариться обо что-то в скваммере — о какое-то автоматическое устройство, без которого и скваммер не мог обойтись. Нет, брось о принципах. Служба Жизни гарантирует достижение биологического рубежа каждому человеку — каждому, кто этого хочет. Естественно, этого хочет всякий; но иногда это желание приходит в противоречие с чем-то другим — чувством долга хотя бы — и уступает. Служба Жизни не может помочь в таких случаях.

Так что не крути. Работать тут никого не заставляют, путь на Землю открыт. Возвратись в свою лабораторию, и...

Ну, что же: через две недели кончится отпуск, и ты выступишься. Будем надеяться, что за эти две недели с тобой не случится ничего... ничего непоправимого. Зато потом — какие будут воспоминания! А кроме того...

А кроме того, вскоре он перейдет в спутник, в свою каюту. Тогда он сразу же разыщет Ирэн и поговорит с ней без помощи радиации скваммера. Поговорит в условиях, где их не услышит никто третий.

Он скажет: да, ты была права — в значительной степени. Меркулин просто не учел всего. Простим ему это. Но ведь в основном правда на его стороне: наша работа там, внизу, нужнее. Поэтому я пришел за тобой. Я не буду спрашивать о том, что произошло за это время. Но ведь тогда у нас было настоящее... и, значит, оно не прошло. Настоящее не проходит. Его можно заглушить на время. А сейчас этой необходимости больше нет.

Он скажет: ты помнишь еще, как шумят по ночам сосны у моря? Ты не могла забыть. Я вижу твои следы; они остаются на мокром песке, маленькие следы босых ног. Я вижу звезды твоих глазах; не здешние — пристальные, немигающие, — но веселые звезды земного неба. Они приближаются, звезды. Подойди ближе. Я...

Он улыбнулся и уснул.

4

Он выходил каждый день, и с каждым разом что-то менялось. Управление скваммером становилось все проще — казалось, кто-то убирал, одну за другой, разные сложности. Детали тоже начали повиноваться. Темп работы был стремителен, и Кедрин немного пугался лишь вечерами, вспоминая события дня.

Наконец ему сказали, что обучение закончено. Это было, когда Кедрин еще не перестал уставать. Усталость сама по себе казалась удивительной; ведь мускулы не воспринимали тяжести деталей. Работали сервомоторы, человек лишь управлял ими. Но для того чтобы управлять, надо было представить себе, что ты делаешь все сам — и от этого, очевидно, уставала нервная система. Она-то работала в полную силу!

Теперь он мог возвратиться на спутник, в свою каюту. Его сменой остается четвертая, с которой он тренировался. По этой смене поставлены часы в каюте: ведь у смен — свое время, свой день и своя ночь.

У него спросили: нет ли каких-нибудь особых пожеланий. Были; он хотел узнать, где найти Ирэн. Но промолчал. Это осталось его личным делом, с которым он справится сам.

После планетолета в каюте спутника было очень хорошо. Кедрин улегся на уже выращенный из микротипа удобный диван и постарался ни о чем не думать. Чтобы это стало возможным, он начал рассчитывать в уме наилучшие параметры установки, которая помогала бы ни о чем не думать. Голова была удивительно ясна, и работалось хорошо. Только не было машинной памяти и нумертаксора для записи данных, так что довести расчеты до конца Кедрин не смог.

Впрочем, даже будь у него все нужное, Кедрин все равно не успел бы закончить свое бесполезное дело, потому что на пороге каюты показался Холодовский.

Монтажник вошел, словно к себе домой — не постучавшись и не спросив позволения; кажется, он очень высоко ценил каждое сказанное слово и поэтому старался разговаривать как можно меньше. Усевшись в кресло, Холодовский обвел каюту взглядом. Затем перевел глаза на Кедрина и молча смотрел до тех пор, пока объекту столь пристального внимания не стало неудобно.

— Я отдыхаю, — на всякий случай сказал Кедрин.

Холодовский кивнул.

— Вот, лежу, думаю...

— О чем?

— Да так...

Холодовский поднял брови.

— Вы помните, что был несчастный случай в связи с запахом?

— Конечно. Он появляется непонятно откуда...

— Непонятно, — подтвердил Холодовский. — Да?

— Ну?

— Должно быть понятно. Так?

— Безусловно, но...

— Значит, об этом и надо думать. Работать под угрозой нельзя. Это изматывает людей. Раньше мы могли бы прекратить монтаж до окончательного выяснения. Сейчас это невозможно. Но это не значит, что мы согласны жертвовать собой просто так.

А не просто так — можно?.. И как это — не просто так? Но вслух Кедрин сказал другое:

— Я слишком мало знаю для того, чтобы думать над такой проблемой.

— Больше не знает никто. Конечно, теоретики со временем найдут объяснение. Но работать надо сейчас. То есть — уже сейчас необходимо защитить людей.

— Не имея теории — возможно ли это?

— Ну, чтобы защитить дом от молнии, не обязательно знать об электричестве все без исключения. Как вы помните, громоотвод опередил науку.

— Понял.

— Защита людей поручена Особому звену. Только что созданному.

— Людей сняли с монтажа?

— Нет. Монтаж — сам по себе. Но есть и свободное время.

— Ага... И кто в этом звене?

— Гур, Дуглас, я... Опытные монтажники.

— Значит, во всяком случае, не я, — не без некоторого облегчения отметил Кедрин.

— Но ведь ты не хочешь быть в стороне? — Холодовский внезапно употребил крепкое, бьющее в лоб «ты», и это смутило Кедрина.

— Я... Ну, разумеется...

— Я так и думал. Тогда слушай...

— Одну минуту, — испугался Кедрин. — Не сразу... Не сейчас.

— Вы слишком заняты? — Голос был полон иронии.

— Я хотел только...

— Ну? Чего же? Не стесняйся!

Сказать? Невозможно. Хотя... Он может объяснить, где она, чтобы не искать зря. Сказать.

— Я хочу сначала встретиться с Ирэн.

— А, собственно, зачем тебе? Ты ее не знаешь.

— Она ведь не родилась на этом спутнике!

— Ах, вот что... — задумчиво проговорил Холодовский. — Вот оно что... — Он помолчал. — Тогда тем более — не надо.

— По-моему, это мое личное дело.

— Нет. Если тебе просто скучно — тогда это личное дело, но недостойное. А если...

— Если не просто?

— Тогда дело касается не только тебя, но еще и Велигая. Не секрет. И как раз теперь нельзя.

— Иными словами...

— Не надо иных слов, — прервал его Холодовский. — Гибнут люди. И если Велигая что-то будет отвлекать от дела, заставит зря расходовать энергию, нервы, все...

— А если я не могу иначе?

— Тогда я посажу вас на первый же корабль: улетайте на Планету.

Последовала долгая пауза. Кедрин прервал ее:

— Слушайте, — сказал он. — Вы хоть раз любили?

— Да сто раз, — небрежно кивнул Холодовский. — Ну и что? Все равно ради этого не стоит отвлекаться от работы.

— Так, так... — протянул Кедрин.

Ты был влюблен сто раз; значит, ни разу. И ты мне внушаешь! А что сказал бы Меркулин?

Кедрин задумался. Странно: Учитель сказал бы то же самое. Да однажды он и сказал так, почти слово в слово.

— Хорошо... — медленно проговорил Кедрин. — Я ничего не стану делать... пока.

— Вот и чудесно. Итак, вернемся к нашему главному делу. Как мы уже заметили, все зависит от одного: что же такое — запах? Это, гласит одна из теорий, электромагнитные колебания в миллиметровом диапазоне. Элементарная логика: колебания эти могут попадать в скваммер только из пространства. Так?

— Да, логично.

— Значит, нужна экранировка: или скваммеров, или пространства, в котором происходит работа. Что бы выбрал ты?

— Но ведь металл скваммеров — тоже экран.

— По-видимому, его недостаточно.

— Скваммеры, конечно.

— А мне кажется, наоборот. Экранировать скваммеры — значит фактически изготовить их заново: работа тонкая и фазонная. А рабочее пространство...

— Проще. Но куда больше!

— Объем — не страшно. Земля готова помочь чем угодно, только бы работа не прекращалась. Но тут все нуждается в расчете. Ты поможешь?

— Помогу, — согласился Кедрин.

— Хорошо. Тогда завтра — начинаем. А пока я пойду.

— Погоди, — сказал Кедрин. — А что ты будешь делать сейчас?

— Мечтать, — сказал Холодовский.

— О ком?

— Ни о ком. О городах.

— Тянет на Землю?

Холодовский качнул головой.

— Когда я состарюсь и не смогу строить корабли — лет через девяносто — сто, — я построю город. Чудесный город на берегу океана. Это будет город для старых монтажников и пилотов. Для тех, кто строил корабли и летал на них. У нас будут свои корабли, и умирать мы будем в океане, а не в постели.

— На Земле нет больше бурь.

— Разве я стану строить город на Земле? Есть один океан в мире: океан пространства — времени. Здесь, на его берегу я и построю город.

— Я думаю, — сказал Кедрин, — до таких городов еще далеко.

— Нет, — проговорил Холодовский, — близко. Они рядом, эти города. Я уже вижу их огни.

— Что же, — сказал Кедрин. — И об этом можно мечтать...

— Можно, — сказал Холодовский, уходя.

5

Он мечтает о городах. А о чем теперь осталось мечтать тебе? О победе над запахом? Об этом можно размышлять. Но мечтать...

На Земле в таких случаях идут гулять.

Ну что же, неплохая мысль...

Кедрин вышел в коридор. В нем был фиолетовый сумрак позднего вечера. Но чем дальше от каюты уходил Кедрин, тем ярче становилось освещение. Около кают-компаний был уже день. А в соседнем коридоре, куда он заглянул, стояла ночь. Люди отдыхали в своих каютах, и, наверное, как и на Земле, только наиболее одержимые поиском, те, у кого решение было уже близко-близко, оставались в своих лабораториях, и для них смена суточных циклов превращалась в пустой звук.

Завтра садут планетолет. Наверное, сразу же заложат большой корабль. «Длинный», как здесь говорят. Работать придется еще раза в полтора больше. Лабораторные проблемы будут отложены — замрут приборы, застынут в сосудах

реактивы, в кабинетах и студиях спутника останутся недописанные книги, полотна, незаконченные скульптуры. Люди забудут, что они — ученые, конструкторы, художники. Останутся только монтажники. Только таким образом можно спасти людей. Каждый пожертвует чем-то.

Да, Холодовский прав.

Кедрин остановился у входа в кают-компанию. Здесь была зелень, деревья росли прямо из тугого пластикового пола, под ними были расставлены столики. Кедрин прикинул: если придет пополнение, тут станет тесновато. Неудивительно: спутнику уже много лет, а кораблей будет строиться, пожалуй, все больше.

В одном углу кают-компании играла музыка, люди то плавно, то резко, порывисто двигались в танце. Откуда-то доносилась песня; в ней были грусть и непреклонность — грусть о Земле и непреклонная воля уходить все дальше от нее, потому что иначе не может человечество.

Мысли постоянно возвращаются к одному и тому же. Ирэн... Но ты ведь обещал, да и сам решил, что это сейчас — самое правильное: не только не разговаривать с нею, но пока даже и не думать о ней. Это помешает делу, помешает спасению людей...

Кедрин опустил на свободный стул, утвердил локти на столе, запустил пальцы в волосы и слегка сжал ладонями голову. Так было удобнее; обычно в минуты самой напряженной работы мысли голову чуть стискивал шлем Элмо, и теперь это ощущение стало нужным. А сейчас следовало подумать.

Что же это? Извечный конфликт между личным и общественным? Он издавна служил темой для разговоров и сомнений. Личное и общественное — и побеждает общественное. Такова схема, и все происходит по схеме, так? Но ведь глупо — приносить что-то в жертву схеме.

Личное. Ты — личность, Ирэн — тоже, и Велигай... Но, как ни странно, мы трое — это не три личности. Это уже общество, потому что слишком многими нитями каждый из нас связан с человечеством. Никто из нас даже в самых личных делах не может действовать таким образом, чтобы результаты не отражались на жизни общества. Потому что человек един, он не делится на человека для себя и человека для общества.

Человек — животное общественное, это знали еще древние, им принадлежит эта формулировка.

Значит, даже в таком вопросе надо исходить из интересов общества?

Погоди, но ты — тоже общество. Значит, блюдя свой интерес, ты все равно заботаешься и о других? Так?

Кедрин поморщился. Раздававшиеся вокруг голоса время-нами нарушали его сосредоточенность, вторгались в нее. Почему понадобилось размышлять именно здесь, а не в одиночестве, не в каюте?

Он поднял голову. По соседству говорили о том, что утвержден проект экспериментального корабля совершенно нового типа и, как только ребята будут вытащены с «Гончего пса», начнется работа над этим кораблем, и уж так или иначе ему не миновать рук монтажников. Возле самой двери спорили о космометрии пространства в связи с недавней работой Аль-Азаза «Об истинной геометрии плоскости», и кто-то был согласен с утверждением об эволютной природе того, что мы называем плоскостью, а другой возражал...

Все это было интересно, и еще интереснее было, когда речь заходила о людях на орбите Транса, из уст в уста передавались слова их сообщений, излучавших спокойствие и надежду, и произносилось имя Герна, забросившего на время свою гравиастрономию и усевшегося на связь с «Гончим псом», — Герна, который никогда в жизни не признавал ничего, кроме астрономии и — кораблей, бывших его руками, как гравителескопы были глазами. Кедрин немного удивился тому, что даже этот самый Герн должен был нести дежурство по спутнику. Но, очевидно, такой здесь порядок.

Что же все-таки будет с ним, с Кедриным? Логика, кажется, завела в тупик. Итак? Что делать?

Пожалуй, самое лучшее — не делать ничего. Пусть Ирэн решит сама. Кажется, у нее есть такое право?

Безусловно. Но это вроде бы не совсем честно. Ведь там, на острове, да и на глайнере тоже, ты заметил нечто в ее взгляде... Признайся: заметил? То самое, что и заставило тебя пуститься за ней в погоню.

Да, заметил. Иначе меня бы здесь не оказалось.

Значит, ты знаешь, каково будет ее решение.

Кедрин кивнул сам себе; ему хотелось радостно улыбнуться.

Погоди радоваться. Значит, предоставляя решить ей самой, ты просто перекадываешь на ее плечи ответственность за все. А сам хочешь остаться в стороне. Эх, эх, Кедрин...

В конце концов, ты же не видел ее пять лет. И остался жив. Конечно, временами было не по себе...

Ну и что? Может быть, раньше это было и не совсем настоящим. Зато сейчас — да.

Путаешь, блуждаешь в трех соснах. Где же твоя логика? Думай последовательно. Ты и Велигай — равноправны. У вас равные права. А обязанности? Обязанностей у него больше. Он обязан спасти людей, потерпевших крушение на орбите Транса. А ты? У тебя нет такой обязанности, потому что обязанности налагаются на каждого в соответствии с его возможностями.

Значит, у него больше прав. Как ни странно, при всем равноправии вы сейчас не равны.

Никто не может заставить тебя отказаться от чего-то. Никто, кроме тебя самого. Но ты — можешь. Вправе. И даже — обязан. Это та твоя обязанность, которая уравнивает тебя с Велигаем.

Только ты сам.

Ну, вот все и стало ясным. Решение принято. Меркулин похвалил бы тебя за последовательное и беспристрастное мышление.

Осталось довести рассуждение до конца. Раз выбор сделан и ты не станешь даже пытаться увидеть Ирэн, следовательно...

Следовательно, тебе здесь нечего делать. Ведь только ради этого ты приехал сюда.

Время уезжать. У тебя есть еще неделя; проводи ее где-нибудь на планете. А потом — возвращайся в институт и принимайся за работу. Недавно у тебя возникли сомнения в правоте Учителя. Но, как видишь, он всегда оказывается прав.

Особое звено? Ну, ты там принесешь меньше пользы, чем — объективно — вреда.

Пошли, Кедрин, пошли.

Он встал и прощальным взглядом окинул кают-компанию. Все так же сидели люди, все так же звучали их негромкие голоса.

В следующий миг они загремели, потом сжались, стихли, провалились в небытие. Кедрин почувствовал, как сердце рванулось, забирая ход, развивая невиданные ускорения... Все вокруг стало синим. Ирэн выбралась откуда-то из самого угла и медленно пересекла кают-компанию. Она шла к выходу. Кедрин проводил ее взглядом. Затем ноги сами понесли его.

Он догнал Ирэн за углом. Он забыл все и помнил лишь, что нашел ее.

— Я провожу тебя...

Она испуганно, как показалось Кедрину, взглянула на него. Хотела что-то сказать, но промолчала.

Они шли, куда-то поворачивая, спускаясь; Кедрин спотыкался, налетал на углы. Он молчал. Потом Ирэн остановилась. Она взялась за ручку двери, и, кажется, это придало ей уверенности.

— Я пришла, — сказала она. — Уходи.

Он ничего не ответил, просто стоял, сжимая ее руку.

— Уходи, — повторила она. Дверь открылась сама по себе, или, может быть, Ирэн бессознательно нажала на ручку. Кедрин ступил за нею.

— Уходи же!..

Каюта кружилась, будто танцевала вокруг них.

— Ирэн...

— Нет. Нет. Ты не знаешь...

— Ирэн!..

— Нет... Милый, нет...

Иногда слова произносят, уже не помня их значения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

На орбите Трансцербера все росли и росли рулоны записей, катушки лент с дневниками ученых. Обработать полученные материалы было некогда, сейчас шла пора накопления. Выводы последуют потом — если... А если нет, то их сделают другие.

Такая возможность предусмотрена. Ориентированная на Землю ракетка-разведчик, набитая материалами, уйдет в момент, когда поле тяготения Транса возрастет до критического. После этого, конечно, будут сделаны новые наблюдения, но дойдут ли они до Герна и других ученых — утверждать с полной определенностью уже нельзя.

У людей не хватает времени для работы. Даже капитан Лобов, чертыхаясь, поглядывает на часы: время идет слишком быстро... Инженер Риекст, выполняя предписанную ему программу, предложил капитану запереть фильмы подальше: киноустановка потребляет энергию. Лобов, вздохнув, согласился и стал подыскивать себе занятие. У команди-

ра иногда бывает меньше работы, чем у остальных, хотя нагрузка на него всегда больше.

В конце концов он занялся стиркой. Это не очень приятно, и капитан еще не освоил технологию, но нет оснований сомневаться в том, что освоит. Он стирает, и предметы капитанского гардероба сушатся на инклинаторной установке. Она вряд ли пригодится ученым, потому что — как все горячо надеются — высадка на Трансцербер состоится не в это путешествие.

Остальные ведут наблюдения, строят гипотезы и дожидаются очереди на стирку. Ничего не поделаешь, быт требует внимания. Капитан Лобов сообщил, что в следующий рейс он не выйдет без корыта и прочих приспособлений. Он заставит историков раскопать их описание, а также восстановить давно утраченное человечеством искусство стирать руками. Ученые поддакивают ему и, по очереди отрываясь от приборов, пытаются давать советы, которые, впрочем, никуда не годятся. Ученым нравится, что капитан Лобов мысленно готовится к следующему рейсу. Что же, в жизни бывают всяческие чудеса, и кое-кто уже пытается абсолютно точно подсчитать вероятность чуда в данных обстоятельствах.

Инженер Риекст занялся системой связи. Это теперь — единственное, что еще по-настоящему действует на корабле. Если не будет связи, здесь, на орбите Трансцербера, станет уж совсем тоскливо. Инженер методически осматривает одно устройство за другим. Потом он подходит к капитану, и между ними происходит краткий разговор.

Сущность разговора сводится к тому, что направленной антенной, при помощи которой до сих пор велись передачи на Землю и ее окрестности, больше пользоваться не придется. Она заклинилась в момент взрыва и не может поворачиваться. До сего времени Земля еще могла принимать передачи. Но теперь «Гончий пес» переместился по орбите настолько, что направленная антенна больше его не выручит.

Капитана Лобова это не радует. Однако, кроме направленной антенны, есть еще и общая. Что же, придется пользоваться ею. Кстати, подошло время очередного сеанса связи. Попробуем, как поведет себя общая антенна. Энергии потребуется намного больше, это ясно. Передачи будут проводиться реже. Но это — не самое страшное...

Капитан Лобов посылает радиограмму. Несколько секунд ждет. И вдруг негодуя оборачивается и глубоко втягивает воздух.

— Какие-то шутки! — сердито заявляет он. — Это что? Опять кто-то был в чертовой парикмахерской? Беспорядок на борту! Я спрашиваю: откуда этот запах?

Все на миг останавливаются и начинают шевелить ноздрями. В самом деле, запах! Но в парикмахерской не был никто: бытовой агрегат выключен. И тут капитан Лобов вспоминает, что запах возник не впервые. Он появлялся и перед тем, как взбесился реактор. Все об этом как-то забыли, но сейчас насторожились. Да, возможно, это не просто совпадение...

— Наблюдать за Трансом! — рычит капитан.

Все прикипают к приборам. И, кажется, как раз вовремя, чтобы увидеть такое, чего до сих пор видеть не приходилось, и кто знает, придется ли.

Зеленая, ослепительная звезда вспыхивает в черноте. Она вспыхивает сразу, в полную силу, не разгораясь постепенно, не меняя яркости. Страшно горит звезда на непроглядно-черном фоне. Коротко взыв, разом выключаются ослепшие видеоприборы, не приспособленные к восприятию такой яркости.

А звезда начинает пульсировать — расти, расти... Люди отворачиваются, закрывают глаза руками: этого не могут вынести никакие глаза...

2

— Ирэн! — тихо проговорил Кедрин. — Слышишь, Ирэн?

Странное, мучительное чувство одиночества вдруг охватило его. Уже заранее пугаясь, он протянул руку. Предчувствие не обмануло: пустота, тоскливая пустота была вокруг. Он прислушался, затаив дыхание; ничто не нарушало тишины, лишь стучало его собственное сердце.

Неужели он забылся на какое-то время? И что могло случиться в эти минуты? Минуты ли?

Кедрин не решился включить свет: не хотелось видеть пустоту, достаточно было уже воспринимать ее на слух. Кое-как ему удалось одеться. Это была еще целеустремленная деятельность. А дальше?

Стараясь не шуметь, не стукнуть дверь, он вышел в коридор-проспект. Тьма и тишина переходили друг в друга. Не было ни души. Пугающими показались пустые переходы странного мирка, который уже не был Землей и жил по своим законам.

Еще не было количественно установлено, в какой степени ритм жизни, настроение, все остальное в жизни человека зависит от близости значительных тяготеющих масс. Но во всяком случае не Земля была здесь, а иная планета, и в аналогичных условиях люди могли поступать по-другому, нежели на Земле. Пол — или следовало называть его почвой? — не обладал незыблемостью Земли. Совсем рядом его участок был поднят, два человека при свете скрытого освещения копались в открывшейся под гладкой поверхностью неразберихе проводов, трубок, волноводов всех цветов, диаметров и назначений, что-то прилаживали, поправляли... И даже не зрелище обнаженной сущности этой планетки, а именно то, что люди здесь, согнувшись в три погибели, руками делали что-то, что на Земле давно уже перешло в ведение роботов, заставило Кедрина с небывалой остротой почувствовать отрешенность этого мира от того, в котором он прожил всю жизнь. Мысли об отрешенности чаще всего приходят именно ночью, и это была первая ночь, когда он не спал.

Возможно, в этом следовало винить и отсутствие психополя. На Земле мы всегда бессознательно воспринимаем поле, созданное напряжением мозга миллионов людей, и в какой-то степени находимся под его влиянием. Здесь же все каюты были заэкранированы, и если человек в коридоре был один, то он был действительно один. Надо было хотя бы зайти в каюткомпанию, где сейчас, наверное, уже завтракала — или даже обедала — другая смена. Но он не запомнил пути, и оставалось только идти наугад.

Кедрин заторопился. Через каждые несколько метров из пола выходили невысокие тонкие колонки с гранеными головками; проходя мимо них, Кедрин заметил, как эти слабо светящиеся головки бесшумно поворачиваются, словно следя за ним, что-то сообщая друг другу... Ему стало жутко.

Внезапно он вздрогнул. Жалобный, протяжный свист раздался, отразился от стены и прозвучал в другом конце коридора. Кедрин свернул в первый попавшийся переулок. Печальный свист провожал его, он был, как плач по человеку, может быть, по тому самому Карло, который лежал в госпитальном отсеке, и, возможно, уже ушел из жизни, и близко не подойдя к сроку гарантии.

Но куда же, в конце концов, ведет этот путь?

Мысль пришла вовремя. Неярко освещенная преграда возникла перед Кедриним; переулок оказался ту-

пиком. Огромная, во всю стену, дверь не поддавалась усилиям Кедрина, которому очень не хотелось возвращаться на свистящий проспект. Дверь была стальная — гладкая, без единого выступа поверхности, чуть выпуклая и с маленьким глазком в середине. Кедрин прильнул к глазку.

Ничего не было видно, только чернота. Очевидно, за дверью было темное помещение. Кедрин всмотрелся. И внезапно во тьме возник слабый зеленый огонек, от него протянулись лучики. Это была звезда, неожиданно вспыхнувшая в глазке звезда, а чернота за дверью оказалась чернотой пространства... Кедрин отшатнулся. Как он не подумал, что на спутнике могут быть резервные выходы в пространство? «А на Земле нет дверей, ведущих в бездны», — неизвестно почему подумал он, и тоска по родной планете охватила его, по ее надежности, по ее ночам, полным теплого, душистого воздуха. Тоска была как море, и он почувствовал, как это море подхватывает его, но не несет, а расступается, позволяя ему проваливаться все глубже.

Наверное, этот внезапный приступ тоски по запахам Земли привел к галлюцинации: запахло резко и дурманяще, чем-то странным, незнакомым и простым. Мысли ушли, и осталось только желание вбирать в себя этот запах не только ноздрями — всей кожей, глазами, ртом, волосами... Кедрин почувствовал, что он уже полон запахом, еще немного — и он разорвется, распадется, рассеется, рассыплется на элементы, он больше не может дышать, он сыт дыханием — как человек бывает сыт едой и питьем... Он поднял руки к лицу, чтобы прекратить доступ воздуха в легкие, что бы ни было потом...

Его спас щелчок. Негромкий щелчок раздался, казалось, за дверью и вызвал к жизни инстинкт самосохранения, только что совсем уже умолкший. Кедрину почудилось, что дверь, ведущая в пространство, сейчас распахнется и давление воздуха в спутнике вышвырнет его, Кедрина, в пустоту. Щелчок повторился, за дверью что-то мягко зажужжало. Кедрин застыл с руками, так и не донесенными до горла. Нет, это не за дверью происходило, а в ней самой. Ну, конечно, там помещались блокирующие автоматы, и сейчас они ни с того, ни с сего пришли в движение. Сию минуту произойдет что-то страшное!

Страх смерти спас его от смерти — вопреки логике. Но сейчас Кедрину было не до рассуждений. Он кинулся бежать.

Он бежал обратно, минуя проспекты и переулки, как будто гибель гналась за ним по пятам. Печальные

свисты умолкли. Кроющиеся по темным уголкам пары шаро- хались от Кедрина. Он остановился через несколько минут в мягко освещенном коридоре. Это был проспект Переменных Масс.

Теперь Кедрин знал, куда бежать: неподалеку был пере- улок Отсутствующего Звена, в котором обитал Гур. Кедрин торопливо шагал, стирая пот со лба и читая таблички на дверях. Наконец он нашел нужную, постучался и распахнул дверь.

Он остановился на пороге, растерянно оглядываясь. Пря- мо напротив двери сидела Ирэн; она вытянула вперед руку, как бы для того, чтобы Кедрин не приблизился... Гур смотрел на Кедрина весело, словно ничего неожиданного не было в этом позднем визите. Дуглас был, как обычно, невозмутим. Холодовский кивнул:

— Вот и хорошо. Особое звено в сборе. Мы, правда, дума- ли, что ты спишь... Ирэн забрела на огонек.

Он смотрел на Кедрина; взгляд Холодовского в этот миг стал пронзительным, он напоминал. Кедрин предпочел не понять взгляда, да и не до этого было сейчас.

— Что с тобой? — спросил Гур.

— Запах, — пробормотал Кедрин, поднося руки к горлу, словно бы для того, чтобы его лучше поняли. — Запах... толь- ко что.

Дуглас оставался невозмутим; все остальные повернулись, как на пружинах.

— Где? — спросил Гур.

— Это был какой-то резервный выход...

— Который?

— Не знаю.

— Сможешь найти его?

— Может быть. Вдруг расхотелось дышать... И в двери за- работали автоматы. Разблокировали...

На этот раз пошевелился даже Дуглас.

— А ты уверен, что это... не спросонок? Ты ведь, навер- ное, спал до этого? И вообще: что занесло тебя в такой позд- ний час...

— Желание прогуляться, — стараясь овладеть собой, отве- тил Кедрин. — Я бродил, не следя за маршрутом.

Он мельком взглянул на Ирэн. Не обидел ли он ее? Ведь у людей не принято изворачиваться; надо говорить пря- мо. Но этот случай был исключительным... Лицо Ирэн

не выражало ни облегчения, ни горечи; оно было неподвижным. «Как у Велигая», — невольно подумал Кедрин.

— Что же, — молвил Гур. — Надо выходить. Пусть это и ложная тревога, но мы сейчас — в положении пожарных.

— Безусловно, — согласился Холодовский. — Мне это и нужно было: хоть одна вспышка. Ведь раз запах — излучение, то где-то должен существовать его источник. Я собрал несколько приборчиков для пеленгации... Итак, пошли!

— Вперед! — сказал Дуглас. — Ты, Кедрин, останься. Лучше проводи женщину. У тебя еще слишком мало опыта, чтобы быть по-настоящему полезным там.

Кедрин с удовольствием остался бы. Но он взглянул на Ирэн и с предельной ясностью понял одно: если он согласится проводить ее сейчас, то больше ему уже никогда не удастся ни проводить, ни сказать ей то, что и сейчас на языке.

— Я попрошу даму простить меня, — от неловкости чуть развязно сказал он, делая поклон в сторону Ирэн. — Опытom, конечно, похвалиться не могу... но что там говорилось насчет безумства храбрых? А потом, как-никак, почувствовал запах я. Я же и помогу вам найти направление, даже если меня не хватит на большее.

— О, — сказал Дуглас, поднимая брови. — Хороший мальчик.

— В нем что-то есть, — задумчиво произнес Гур, торжественно складывая руки, как для благословения.

— Все нормально, — заключил Холодовский. — Пошли. Но риск будет несколько больше обычного.

— В таких случаях надевают компенсационный костюм, — сказала Ирэн. — Возьми мой; он достаточно эластичен.

Это были единственные ее слова, но Кедрин постарался услышать в них гораздо больше того, что было сказано.

3

Четыре скваммера неслись, удаляясь от спутника, от почти уже законченного круглого корабля, от мерцающих маяков — ко внешней границе рабочего пространства, куда в конечном итоге направили их размышления и сопоставления.

Солнце было за Землей, стояла темнота. Звезды висели неподвижно. Было очень хорошо лететь: стремглав в пространство не одному, а вместе с тремя людьми, на которых можно положиться и с которыми не будет страшно, пожалуй, нигде.

Они летели колонной. Так это полагалось на тот, хотя и маловероятный, случай, если произойдет встреча с чем-либо: тогда опасность будет угрожать только направляющему. По этой же причине монтажники менялись на ходу, как меняются велосипедисты: чтобы одному не приходилось все время принимать на себя давление возможных опасностей. Менялись трое; Кедрин никто не приглашал вперед, да и сам он понимал, что рановато ему еще лететь впереди Особого звена. Зато ему доверили нести небольшой контейнер с приборами Холодовского, которые могли понадобиться.

Полет продолжался минут двадцать. Потом щупальца прожектора зацепились за странную конструкцию впереди: громадная снежинка замысловатого рисунка медленно перемещалась в пространстве. Это была одна из антенн статического поля, окружавшего рабочее пространство спутника; в этом поле теряли энергию микрометеориты. К антенне и направлялось звено.

Монтажники уменьшили скорость. Наступило странное ощущение: от близости статического поля по телу стали разбегаться мурашки, приятно закололо и защекотало сначала в кончиках пальцев, потом — по всему телу... Пришлось еще сбавить ход; одновременно люди развернулись в цепь. При этом Кедрин вышел точно на свое место — крайнее слева; все-таки скваммер привыкал повиноваться ему.

— Вот в этом направлении примерно, — проговорил Кедрин, присматриваясь к рисунку созвездий.

— Ладно, — сказал Холодовский. — Кедрин, раздай пеленгаторы.

Монтажники медленно плыли в избранном направлении, держась в отдаления от антенн. Приближаться к ним нельзя — слишком сильно поле, наведенное скрытыми внутри антенн мощными генераторами. Ничем не пахло, и ничего такого, что могло бы навести на подозрения, не было. Они двигались, описывая все расширяющуюся спираль, в плоскости, перпендикулярной направлению, в котором мог находиться источник излучений — виновник запаха. Потом Кедрин торопливо проговорил:

— Там, слева, что-то находится.

— Ничего особенного, друг мой, — сказал Гур. — То есть там, конечно, что-то есть. Но это всего лишь запасные крупные детали. Пусть это тебя не волнует. Остановимся, передохнем.

Никто не засмеялся, хотя смешно было говорить об отдыхе, когда их плавно несли двигатели скваммеров и по пути не встречалось никаких препятствий. Они, разумеется, не устали; но надо было подумать, что предпринять дальше, не отвлекаясь при этом для наблюдения за пеленгаторами Холодовского.

Они сблизилась, хотя разговаривать с таким же успехом можно было и на расстоянии; просто такова уж привычка — разговаривая, сходиться вместе. Несколько секунд молчали, глядя туда, где, чуть в стороне от спутника, мелькали огоньки. Это вторая смена вышла в пространство и вела работы, кладя последние мазки на сферическое тело планетолета. И Кедрин вдруг почувствовал себя кем-то вроде часового, которому поручено охранять этих людей, очищавших место для закладки нового, самого нужного сейчас корабля.

Кедрин подумал, что пусть случится что угодно — он выполнит свою задачу. Он не знал, думают ли то же самое мон-тажники из Особого звена. Наверняка они не думали так торжественно; они просто не представляли себе, что об этом нужно еще и специально думать. Но Кедрин встречался с такой работой впервые. Странно: наверное, при помощи сделанных им машин была оказана помощь многим людям, но он сам, своими руками, пытался сделать это впервые. И, как ни странно, это было не одно и то же.

— Ну-с, — сказал Холодовский. — Пока — ничего.

— Это тебя смущает? — поинтересовался Гур.

— Да. Собственно, даже не это. Кедрин, ты говорил о какой-то яркой звезде.

— Она возникла внезапно. Зеленая...

— А мне кажется, ты не мог ее заметить. Мы реставрировали обстановку того момента. Установили с наибольшей долей вероятности, возле какого выхода ты мог находиться. Все сходится: переулок, глазок... Но в тот момент глазок восьмого резервного выхода упирался в Угольный Мешок. Там нет ни одной звезды!

— Это убедительно, — промолвил Дуглас.

— Но я ее видел! Или вы думаете, это была галлюцинация?

— Все может быть, — задумчиво проговорил Гур. — И все же — в этом что-то есть... В одновременности вспышки, возникновения запаха... И заметь: по записям мы установили, что автоматы Восьмого резервного на краткое время действительно разблокировали выход.

— Прогносеологу позволительно мыслить так, — сказал Холодовский, и в его тоне Кедрину почудилась усмешка. — Но строить на этом гипотезы мы не вправе.

— Я никому не навязываю своих гипотез, — кратко ответил Гур.

Кедрин знал, что Гуру не очень нравилось, когда касались прогносеологии — его второй, немонтажной специальности. Прогносеология, в отличие от науки, не проходила путь шаг за шагом. Она миновала отсутствующие звенья и продвигалась вперед прыжками. На заключениях прогносеологов нельзя было строить теории. Но иногда эти люди ухитрялись удивительно верно устанавливать направления поиска.

— Я все-таки думаю, — сказал Холодовский, — что это была галлюцинация.

— Что же, — негромко произнес Гур. — В таком случае сейчас, по-видимому, галлюцинирую я.

Все скваммеры повернулись разом.

Что-то произошло в пространстве. Только что спокойно державшиеся вместе детали внезапно сдвинулись с места. Казалось, кто-то метался между ними и расталкивал их, старался разбросать, рассеять. Крючки гравитационных фиксаторов, до сих пор удерживавших детали на месте, окутались голубоватыми облачками, развивая предельную мощность.

Но ее, очевидно, не хватало; что-то более сильное старалось растащить детали в разные стороны. Казалось, сейчас фиксаторы не выдержат — и детали, словно выстреленные, разлетятся в разные стороны с сумасшедшей скоростью, и горе будет всему, что окажется на их пути... Это было совершенно необъяснимо, но в то же время это происходило у людей на глазах, и надо было сейчас же что-то сделать, чтобы предотвратить катастрофу.

Монтажники не успели даже перемолвиться словом. Все четверо кинулись вперед, к деталям: трое одновременно, и один — на долю секунды позже. Не потому, чтобы он колебался: просто у него еще не было той быстроты реакции, которой отличались монтажники.

Они рванулись каждый в определенное место, хотя никто не давал им команды и не составлял диспозиции. Масса мелких, пронумерованных и расположенных в нужном порядке деталей как бы охватывалась несколькими большими деталями — участками броневого сферической обшивки планетолета. Эти куски оболочки и надо было удержать на

месте — тогда беда ограничилась бы в худшем случае порчей нескольких мелких деталей. Чтобы не позволить броневым выгнутым треугольникам разлететься, прикладывалась сейчас вся мощь гравификсаторов. Но ведь они были всего лишь автоматами и не могли сделать больше, чем в их силах.

Гур был первым. Все четыре руки его скваммера вцепились попарно в края двух медленно расходившихся деталей. Напрягая мускулы, передавая сервомоторам усилие, Гур попытался снова сблизить детали. Но для этого нужны были бы совсем другие силы, и все, что Гур мог сделать, — это не позволить деталям расползаться дальше, удержать их на месте. Следующий промежуток занял Кедрин и тоже схватился за детали. Тут он не был слабее других, сервомоторы его скваммера развивали не меньшее усилие... Дальше Холодовский уже развел, готовясь, все четыре руки, увенчанные могучими клешнями.

— Слава, — сказал Гур хрипло. — Слава... — И Кедрин удивился тому, что Гур еще в состоянии говорить: сам Кедрин напрягся так, что не мог бы даже разжать зубы. — Не вцепляйся, пусть возьмет Дуг. Давай на пределе на спутник. Так быстрее всего... Нужны механизмы, дополнительные фиксаторы... Мы здесь долго не удержимся.

Очередной необъяснимый толчок перекошил детали и Гура вместе с ними. В какой-то миг казалось, что конечности скваммера вылетят из суставов, но, как выяснилось, скваммер все-таки был крепким устройством.

— Давай же! — крикнул Гур. — Давай, чтобы во всем этом был смысл! Кроме нас, никто не знает, что взять!

— Пусть Кедрин, — сказал Холодовский спокойно, примериваясь к деталям.

— Ни за что! — прохрипел Кедрин, и сам поразился тому, что все-таки разжал зубы.

— Холодовский, — сказал Дуглас. — Сэр... Я удивлен.

— Ну ладно... — пробормотал Холодовский.

Он умчался на предельной скорости. Трое остались. Сильные сотрясения ударяли их, как током, нагрузка все возрастала. Они были словно распяты в промежутках между взбесившимися деталями. Холодовский исчез из виду где-то вблизи спутника.

— Минут пятьдесят мы провисим, — сказал Гур. Он дышал все более хрипло. — Туда... там... обратно... Не меньше.

Кедрин только прикрыл глаза; на большее он сейчас не был способен. Странно: он не чувствовал никаких нагрузок — их принимало на себя металлическое тело скваммера; кулаки Кедрина сжимали пустоту, но зато стискивали ее так, что слипались пальцы. Мускулы были напряжены до предела именно для того, чтобы стиснуть эту пустоту, потому что ослабь Кедрин хватку на долю секунды — и тотчас же клешни верхних рук скваммера разжались бы и отпустили края деталей, а одним нижним их не удержать. Оставалось только стискивать края — руками и напряжением мысли — до тех пор, пока не придет помощь или не иссякнут силы.

«Нет, — подумал он. — Первой придет помощь, а до того времени со мною ничего не случится. Я ведь не один здесь: рядом — Особое звено, и на этих людей мне надо быть похожим. Я буду...»

Было хорошо, что эти люди — рядом. Сознание этого давало силы, хотя Кедрин не видел их: они располагались по окружности, спиной друг к другу, а если бы даже и не спиной — все равно весь клубок деталей, диаметром в добрый десяток метров, находился между ними. Но все же они здесь. Он слышит их дыхание...

— Алло! — сказал Дуглас. — Вы живы?

— Кажется, — с натугой пробормотал Гур. Ему пришлось труднее, чем остальным: в том месте, куда кинулся он, детали успели разойтись дальше.

— Живы, — сказал Дуглас. — А я, как вы думаете?

Гур проворчал, что он в этом не уверен.

— Благодарю вас, — сказал Дуглас. — Я тоже. И поскольку моя жизнь не дает оснований надеяться, что я попал в рай, то, значит, именно так и выглядит ад монтажников. А как полагаете вы?

Кедрин кивнул, хотя этого движения никто не видел. Ад: крошечная тьма, и в ней тебя раздирают на части... Вдруг он лязгнул зубами: толчок был особенно силен, и оказалось, что даже у нижней челюсти — немалая инерция.

— Скажи, мой покойный друг, — медленно переводя дыхание, проговорил Гур, — что ты думаешь по поводу дополнительных сюрпризов?

— Ну, — ответил Дуглас, — сейчас не период дождей. Будем надеяться, что, если что-нибудь и пролетит, мы не попадемся на дороге.

— Это меня утешает, — сказал Гур. — А насчет запаха?

— Нет, — сказал Дуглас, — не думаю. Очень и очень маловероятно.

Он не объяснил, почему вероятность возникновения запаха в этот момент столь мала; но все равно слова его прозвучали утешительно. Если бы вновь пришел запах, тогда они, все трое, пропали бы, потому что бежать нельзя, и они задохнулись бы здесь, на месте, сжимая края разбегающихся деталей.

Возможно, будь Кедрин один, даже самая слабая вероятность такого события испугала бы его. Но нельзя бояться, когда Гур и Дуглас переговариваются так спокойно; Кедрину и в голову не пришло, что весь разговор затеян специально ради него, потому что оба опытных монтажника достаточно хорошо знали и вероятность прорыва метеорита через статическое поле, и то, что пока предугадать время возникновения запаха невозможно, а значит, говорить о большей или меньшей вероятности нет смысла. Но и Гур, и Дуглас знали, что Кедрину сейчас страшно, и отвлекали его, потому что до конца было еще не близко.

Конец был далек — конечно, если иметь в виду счастливый конец, другой мог наступить в любую минуту. Сил становилось все меньше, а держать надо было с прежним напряжением. Руки начали неметь. Кедрин пожалел, что на башмаках скваммера нет клешней: иначе можно было бы держать и ногами — ноги, как-никак, сильнее... Он сказал об этом Гуру. Монтажник ответил:

— Вряд ли есть смысл усовершенствовать скваммер. Надо менять его. Наступило время. Мне уже приходила в голову мысль: есть совсем другой материал. Принципиально иные возможности. Позже я собираюсь подумать об этом всерьез.

Что ж, раз человек не торопится думать о таких вещах, откладывает на потом, — значит это «потом» еще будет. Неплохо. А о чем думать Кедрину? Конечно, об Ирэн...

Он начал представлять, как, вернувшись на спутник, войдет к ней. Ирэн, разумеется, будет уже знать о том, что он вел себя точно так же, как старые монтажники: держался до последнего, не трогаясь с места. Она поздравит его, а Кедрин, конечно, скажет: да о чем тут говорить, небольшое приключение — и все, чувствую себя прекрасно...

Чувствую себя прекрасно... Возможно, этого не стоило говорить и в мыслях. Закружилась голова. Кедрин вдруг почувствовал, что у него нет больше рук: он их

не ощущал — казалось, кто-то безболезненно отнимал их, часть за частью. Сначала исчезли кисти; Кедрин еще не успел понять этого, как не стало уже и предплечий. Потом странная, мертвая волна прокатилась по плечам. Это показалось Кедрину невероятным: у скваммера есть руки, а у него нет, и все же скваммер продолжал держать детали... Как не догадаться раньше: скваммер отлично может работать и сам по себе, надо только задать ему работу, а потом выскользнуть из него, вплавь вернуться на спутник, и взять другой скваммер, и с ним поступить точно так же. А чтобы скваммеры не пугались одиночества, с ними надо разговаривать, и они будут отвечать железным голосом. Смешно! Да и не только скваммеры: любая машина может так, и, значит, автоматы вовсе не нужны, хотя вообще Меркулин и прав, только он зря не пошел в монтажники... Меркулин пожал плечами и засвистел. Он насвистывал протяжную песню — почему-то английскую или даже, кажется, шотландскую, но Кедрина это не удивило.

На миг он очнулся. Свист лился из крохотного динамика скваммера; это насвистывал Дуглас, а Гур вторил ему, напевая мелодию без слов.

Потом он очнулся окончательно. Кто-то колотил по скваммеру. Кедрин дико заорал. «Ну, наконец-то», — проговорил голос Гура.

— В чем дело?

— Все кончилось, — сказал Гур. — Эта встряска миновала. Как говорится, буря улеглась, и животворное солнце пролило... что-то оно там пролило. А вон и наши подходят.

Скваммеры окружили их, эфир наполнился веселым говором монтажников. Из выходного тамбура подоспевшего катера выскакивали новые гравификсаторы. Кедрин не мог разжать кулаки; ему понадобилось долго уговаривать себя сделать это. Наконец пальцы разжались; это было очень болезненно, и даже скваммер, кажется, застонал при этом. Кедрин дал слабый импульс и отплыл от деталей.

Он подождал, пока к нему присоединятся остальные монтажники — Особое звено, заслужившее, кажется, хороший отдых. Вися в десятке метров от деталей, он растирал руками все тело, безжалостно исколотое иголками статического поля. Потом его заметил Гур.

— Давай сюда, Кедрин, — сказал он. — Здесь как раз не хватает одного. Не уходить же, пока дело не сделано, а?

Кедрин вздохнул. Он послушно подлетел к Гуру и принялся устанавливать фиксатор и заводить тросы. Прошло очень много времени. Потом Гур промолвил:

— Что же, можешь смотреть всем в глаза.

Кедрин попытался улыбнуться. Потом все летели к спутнику. Гур был рядом с Кедринным. Он мечтательно проговорил:

— Сейчас я съем минимум два обеда. Возможно, и три, но два — обязательно.

— Не съешь, — не поверил Дуглас.

— Почему?

— Не хватит времени. Через час — смена.

— Съем после смены. Я имею в виду второй обед.

После смены! Кедрин ужаснулся. Они еще думают выходить в смену! После такой работы! Это просто невозможно... Нет, нелегко сравняться с ними. Глупо было подумать, что так, сразу, за один день можно стать таким, как они...

— Кедрин, а что ты думаешь насчет обеда?

— Я? Ничего...

— И напрасно. «Ешь свой обед каждый раз, как возникает такая возможность», — сказал какой-то мудрец. И еще: «Необедающий совершает ошибку, которой ему не исправить уже никогда». Кто это сказал?

— Не знаю.

— По-моему, это сказал я. А теперь прибавим скорость, потому что опаздывать на работу не полагается. Что ты думаешь насчет смены?

— Что же, — внутренне содрогнувшись, сказал Кедрин. — Как вы, так и я.

— Ого! — засмеялся Гур. — Что скажешь, Слава?

— Задатки есть, — сказал Холодовский. — Однако... — Он включил тормозной. — Однако его еще придется мять и лепить. А ты, Гур, что-то разговорчив сегодня. Ты не слишком испугался, надеюсь?

— Разве стоило бояться? — Кедрин постарался сказать это как можно небрежнее. — Ведь метеоритной опасности не было!

— Это, безусловно, правильно, — сказал Холодовский. Гур весело засмеялся. Дуглас проворчал:

— Алло, парни, не дезориентируйте мальчика.

— Разве метеориты нам угрожали? — спросил Кедрин.

— Пожалуй, нет, — сказал Дуглас. — Думаю, что нет. Но вот скваммеры могли не выдержать. Они были на пределе прочности. Не так романтично, да. Но тоже не-

приятно. Если скваммер дегерметизируется, в нем становится нечем дышать.

— Что же, — сказал Кедрин, внутренне ужаснувшись, но не показывая виду. — Это ценное наблюдение, насчет дыхания. Если бы вы с той же проницательностью догадались, отчего взбесились детали...

— Вот, Дуг, — сказал Гур. — Один—ноль не в твою пользу.

4

Их не встречали музыкой и цветами. Никто не произносил приветственных речей. Это не было принято на спутнике, где каждая минута была так же дорога, как и каждый грамм веса и ватт энергии. Но тот, кто встречал их по дороге, на проспектах или в переулках спутника, радостно улыбался и кивал, чтобы показать, что все знает и радуется тому, что эти люди сражались и победили.

Кедрин вошел в свою каюту. Он не был здесь с вечера. Когда он в последний раз закрывал за собой эту дверь, еще ничто не успело произойти. С тех пор многое изменилось.

Он переоделся: оказалось, вся одежда была мокрой от пота, а Кедрин сразу и не заметил этого. Ну вот можно минуту посидеть спокойно и порадоваться тому, что протекшие часы прошли не зря. Что-то стало понятным; что-то — еще более близким.

И прежде всего — Ирэн.

Нет, все еще не так просто. Но зато уже ясно: Ирэн будет с ним. После этого остаться с Велигаем она не сможет — и не захочет.

Непросто — сказать об этом Велигаю. Но сделать это необходимо, и как можно скорее. И это должен сделать он, Кедрин; нельзя взваливать такую тяжесть на плечи Ирэн. Она, конечно, потом объяснит, но начать разговор должен Кедрин.

Что же, сегодня он чувствовал себя вправе сделать это.

И, пожалуй, надо торопиться. Ирэн ведь не знает, что он решил рассказать Велигаю обо всем сейчас же. Она может попасть в неловкое положение... Или того хуже — решить, что Кедрин трус, что он не поступает, как человек той эпохи, в которой нет места криводушию и обману.

Ведь теперь, когда все вернулось на свои места, когда о прошедших годах можно лишь вспомнить с сожалением

нием... Да, вот именно. Теперь ее приход показался бы таким естественным... Почему же ее нет?

Он встал и сделал несколько шагов по каюте.

Ну, что ж: тогда пойдет он. Еще полчаса до смены... Ну, пусть он покажется смешным. Это не самое главное.

Он подошел к двери. И в этот момент раздался стук. Кедрин поспешно отворил. Секунду он стоял в дверях, и за это время радостная улыбка исчезла с его губ.

Потом, спохватившись он торопливо посторонился, пропуская в каюту Велигая.

Не знал, что он стучит так деликатно. Как женщина. Зачем он пришел? Он уже знает? Тем лучше.

Кедрин насупился и чуть пригнул голову, как будто готовясь к бою. Так или иначе, он не застал тебя врасплох, Кедрин. Только не теряй спокойствия. Велигай мрачен. Но это всегда... Да, конечно же, он зашел не зря. Говорят, он никогда ничего не делает зря.

Велигай шагнул вперед и затворил за собою дверь. Он взглянул на Кедрину, и на лице его на миг промелькнула улыбка. Кедрин спохватился.

— Садитесь, пожалуйста... — пробормотал он.

Велигай сел, поблагодарив кивком. Кедрин глубоко вздохнул.

— Я полагаю, — сказал он, — что вы уже все знаете.

Велигай поднял брови.

— Я знаю обо всем, что происходит на работе. А тем более — о таких чрезвычайных событиях.

Он подчеркнуто произнес «на работе»? Или это только показалось?

— Я хочу поблагодарить вас, — прокурлыкал Велигай. — Вы доказали, что не зря остались на Поясе. У вас — задатки настоящего монтажника. Так сказали ваши товарищи, а они не бросают слов на ветер.

«Нет, он не знает».

— А теперь поговорим о другом, — хмуро сказал Велигай. — О том, из-за чего я пришел.

«Так. Все-таки ему все известно».

— Я думаю, — продолжал Велигай, — что наиболее целесообразный выход сейчас — вам вернуться на Землю.

Кедрин, тебя просто-напросто выгоняют. Как нечестного мальчишку. Но ведь у тебя не было времени рассказать обо всем.

Как он этого не понимает? Или — не хочет понимать?

— Нет, — сказал Кедрин, остановившись напротив Велигая и глядя ему в глаза со всей выдержкой и спокойствием, на какие был способен. — Нет. Через полчаса — моя смена, и с нею я намерен выйти в пространство. И все.

Велигай тоже поднялся. Его брови были сдвинуты, лицо неподвижно.

— У нас на спутнике, — бесстрастно произнес он, — на Звездолетном поясе, да и вообще в космосе так разговаривать не принято. У нас принято выполнять приказания. Если вы хотите остаться монтажником, прежде всего запомните это правило.

«Если вы хотите остаться монтажником?»

— Хочу! — торопливо сказал Кедрин и снова заметил улыбку в глазах Велигая.

— Я только что с Планеты, — сказал Велигай, снова усевшись. — Там обсуждался...

Последующие несколько слов Кедрин пропустил мимо ушей. Он только что с Земли! Значит, вряд ли он успел увидеть Ирэн! Как хорошо!

Кедрин с облегчением вздохнул.

— ...Таким образом, остался только институт Меркулина. Он, кстати, наиболее мощный, и мы с ним имели дело и раньше. Вы, если не ошибаюсь, раньше работали там?

— Я и сейчас... — пробормотал Кедрин. — Просто у меня отпуск... То есть был, но теперь я хочу перейти совсем. Но раньше я не знал... Это ведь почти случайно...

Велигай кивнул, прекращая попытки Кедрина объяснить ситуацию.

— Итак, вы работали там. Значит, вы знаете и институт, его возможности, и директора, и все секреты производства, так сказать.

Кедрин кивнул.

— Вот поэтому вам и придется поехать со мной. Ничего, — Велигай ободряюще кивнул, — смена от вас не уйдет; их будет еще много, таких смен. Но нам надо заказать принципиально новую автоматику для строительства и монтажа корабля. Иначе мы не выдержим сроков, и наши ребята... — Он помолчал. — Ну, до этого, конечно, не дойдет. Но разместить заказ, разъяснить, что нам нужно, и привести наши требования в соответствие с возможностями института — это куда важнее сегодня, чем поднести еще несколько деталей. Теперь обстановка вам ясна? Вы еще будете возражать?

— Нет, — сказал Кедрин.

Конечно, нет. Слетать на Землю. Там будет достаточно времени для того, чтобы поговорить с Велигаем и о том. И очень хорошо, что это произойдет на Планете: там Кедрин все-таки будет чувствовать себя гораздо увереннее. И Меркулин поможет ему своей логикой.

— Нет, — повторил Кедрин. — Разумеется, нет. Когда вылетать?

— Сейчас, — сказал Велигай. — Если вы готовы — немедленно.

— Я готов.

— Кстати, — проговорил Велигай, — я вас ограбил. Правда, это был мой «микро», я забыл его в рубке «Джордано». Не знал, что, кроме меня, туда заходят и другие. Но вот вам новый. Он настроен на вашу волну; теперь вас в любую минуту могут вызвать со спутника.

Он протянул руку. Кедрин увидел на его ладони значок — такой же, как и тот, что привел его на Звездолетный пояс.

— Я тогда не мог понять, — сказал он, — что это за рисунок. Думал — модель атома.

— Нет, это — наш Пояс, и Земля в центре. Привинтите как следует. Теперь идемте.

Они вышли в коридор. Но на этот раз путь их лежал не к закрытому доку, через который Кедрин впервые проник на спутник семь. Велигай привел его к одному из запасных выходов. Тяжелая дверь растворилась, тихо рокоча механизмом. За нею был переходник — герметический коридор, на другом конце которого зиял открытый люк небольшого кораблика, принадлежавшего Поясу.

Они вошли в переходник. Дверь за ними стала медленно затворяться. В последний миг Кедрин обернулся. Там, где они были только что, стояла женщина. Придерживаясь за косяк двери, она широко раскрытыми глазами смотрела на них. Кедрин не мог сказать, на кого именно. Но ему показалось, что в глазах Ирэн мелькнул страх.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Наступил час связи с «Гончим псом». Наступил и прошел, но с корабля не было принято ни одного слова, ни одного, пусть неразборчивого, сигнала.

Никто никогда не видел Герна таким разъяренным. Время, предназначенное для связи, еще не успело ис-

течь, а он уже забросал фотограммами и Землю, и Луну, и все станции и обсерватории, обладавшие хоть малейшей возможностью уловить передачу капитана Лобова. Но никто не мог похвастаться успехом, хотя связисты неустанно пытались поймать что-нибудь по всем каналам.

Тогда Герн идет на крайность: пытается локатором нащупать «Пса». Но и это не удается: сигналы не возвращаются, и, значит, им не от чего отразиться. Связь прервалась, и никто не знает, что происходит на орбите Трансербера.

2

Велигай вел катер сам, поэтому по дороге на Планету никакого разговора не получилось. Да Кедрину и не хотелось сразу же нарушить ту атмосферу спокойной целеустремленности, какая устанавливалась везде, где появлялся Велигай; куда лучше было сидеть и любоваться точными движениями шефа, который получал, видимо, немалое наслаждение, выполняя работу электронных устройств.

Конструктор привел машину на ближайший к институту космодром. Ближайший — вовсе не означало, что институт находился рядом: космодромы на планете осталось не так уж много, потому что Земля вовсе не собиралась позволить снова засорять свою атмосферу выхлопными газами, хотя бы и космического транспорта.

Начальник космодрома дал Велигаю свой аграплан. Он сам посадил их в машину и, стоя на взлетной площадке, еще долго махал рукой. Велигай набрал высоту, вывел аграплан в горизонтальный полет, включил автопилот и откинулся на спинку кресла. Кедрин перевел дыхание и решился. Сейчас — или...

Он не успел подумать «или никогда», потому что конструктор опередил его. Он взглянул на Кедрина прямо, сосредоточенно.

— Как вы относитесь к Меркулину? — спросил он.

— Он мой учитель.

Велигай кивнул:

— Понимаю. Расскажите о нем.

В ответ на удивленный взгляд Кедрина Велигай невесело усмехнулся:

— Это нужно мне, чтобы с ним как следует поспорить. А спорить я собираюсь потому, что он прав. Прав в том отношении, что, если бы сейчас на нашем месте — его

и моем — были автоматы, они сразу нашли бы общую точку зрения. Им не мешали бы ни заботы об авторитете, ни любовь к одним теориям и неприязнь к другим. Потому что даже к таким сугубо рассудочным вещам, как гипотезы и теории, мы не можем относиться без эмоций. Это хорошо, но это мешает.

— Мой учитель редко руководствуется эмоциями.

— То есть — он редко принимает решения под их влиянием? Но не случается ли так, что он отвергает что-то, подчиняясь именно чувству? Наверное, так... И вот поэтому мы с ним никак не обойдемся без, так сказать, психологических схваток. Мы — люди, нам не избежать этого.

— Не думаю, — Кедрин покачал головой. — Меркулин объективен.

— Да ведь и я тоже. И однако же... Впрочем, увидим. Ладно, об учителе своем, я вижу, вы ничего нового не скажете. Тогда еще один вопрос: институту под силу сделать то, о чем мы будем просить?

Кедрин задумался. Вопрос был серьезным и требовал тщательного подсчета возможностей. Велигай терпеливо ждал. Наконец Кедрин ответил:

— Институт сможет. Если отложить все остальные задания. И увеличить количество рабочих часов.

— Это возможно?

— Возможно. Хотя и рискованно.

Велигай повторил, переставив слова:

— Рискованно. Но возможно.

Затем он взглянул вниз сквозь прозрачный борт кабины.

— Вот он, старик... — В голосе Велигая прозвучала неожиданная нежность.

Кедрин взглянул тоже. Под ними виднелась острая башня «Джордано».

3

— Да, — сказал Меркулин. — Это возможно.

Он сидел, положив руки на стол, сцепив пальцы. Лицо его было спокойным, только губы временами чуть подрагивали, словно удерживая какие-то другие слова, не те, которые он произнес.

— Возможно, — после паузы повторил он. — И все-таки, мне не хотелось бы решать сразу. Потому что я не уверен, нужно ли это.

— Не новый разговор, — сказал Велигай.

— Да. Но истина дороже, чем боязнь повториться.

Кедрин сидел между обоими учеными. Между своими учителями, потому что на спутнике-семе он ведь успел чему-то научиться, и это «что-то» в конечном итоге исходило от Велигай. Сейчас Кедрин повернул голову направо, к Велигаю, ожидая продолжения.

— Согласен, — кивнул Велигай. — Истина дороже. И надеюсь, что Платон мне друг*.

— Во всяком случае, не враг. Думаю, что, если мне удастся удержать вас от совершения ошибки, это будет проявлением именно дружбы.

— Хорошо. Будем искать ошибки. Дело стоит того — восемь человек должны быть спасены. Точка зрения Пояса известна: для того чтобы провести эту операцию, нужен Длинный корабль. Звездолет. Его надо построить за три месяца. Имеющаяся автоматика работает в темпе, который не обеспечит изготовления деталей в срок. Нужны новые машины. Гораздо более быстродействующие. Если вы сможете рассчитать их, то машиностроители построят — я с ними говорил — и даже смонтируют на наших спутниках. До того времени у нас хватит деталей, которые мы уже изготовили. У нас уже есть все графики. Весь вопрос в том, сможете ли вы.

— Я уже сказал: смогли бы. Если бы это вызывалось необходимостью.

— А вы полагаете...

— Я полагаю, — вежливо сказал Меркулин, — что мы с вами не верим в чудеса.

— И что же?

— Авария «Гончего пса» может быть вызвана одной из двух причин: чудом или небрежностью людей. Если гипотеза о чуде отпадает, остается второе. Логично, не правда ли? Но в таком случае зачем нужен «длинный», как вы говорите, корабль? За три месяца можно с успехом вызвать транссистемный корабль — хотя бы «Стрелец», — переоборудовать и послать на орбиту за людьми. Предвижу ваше возражение. — Меркулин предупреждающе поднял ладонь. — «Стрелец» слишком тесен, не так ли? Но не надо посылать на нем людей. У нас достаточно автоматов, которые доведут

* Намек на известную поговорку: Платон мне друг, но истина дороже.

корабль до нужной точки и даже пришвартуют куда следует. Терпящим бедствие останется только подняться на борт.

— Идиллическая картина, — серьезно сказал Велигай.

— Но, как мне кажется, верная.

«Верная? — подумал Кедрин. — Пожалуй, да. Хотя и неприятно как-то думать о том, что спасти людей полетят не другие люди, а автоматы. Но это — эмоции. Они сейчас излишни».

— Верная, — кивнул Велигай. — Но в ваших рассуждениях есть один недостаток. Вы считаете, что причина несчастья должна находиться обязательно в пределах корабля. А если это не так?

— Это и было бы чудом.

«Так ли? А почему... да, а почему накануне, когда возле запасного выхода возник запах, автоматы чуть не разблокировали дверь? Ведь и тут, кажется, причина находится вне...»

— Это может быть! — убежденно сказал Кедрин. Слова вывалились неожиданно для него самого.

— Вам трудно об этом судить, — не поворачиваясь к нему, бросил Меркулин, и Кедрин потупился: Учитель просто-напросто ставил его на место.

— Нам тоже не легче судить об этом, — проговорил Велигай. — Но чудо? Не знаю... Так ли уж хорошо нам известно все, с чем можно столкнуться в пространстве? Такое ли ручное мироздание, как нам иногда кажется? А если нет? Если на орбите Транса действительно существует какая-то объективная опасность? Не забывайте: авария произошла с диагравийонным реактором. Такой же стоит и на «Стрельце». На звездолетах иные двигатели и гораздо более мощная защита. У них — максимум шансов выполнить задание. Ведь нам нужно спасти не свою совесть, но людей, и полумерами мы здесь не обойдемся.

Меркулин печально кивнул.

— Я знал, с самого начала был уверен, что мне не убедить вас. А жаль. Это дорого обойдется планете. Самый мощный институт автоматики, по сути дела, на два месяца выйдет из строя. Не говоря уже о том, что мы перегрузим людей до предела. Нарушатся все ритмы. Не только у нас, но и у тех, кто ждет наших конструкций. И все — ради того, чтобы уберечь людей от опасности, которая — будем откровенны — существует лишь в вашем воображении...

«Кажется, сейчас что-то начнется, — подумал Кедрин. — Вряд ли Велигай перенесет...»

— Что же, — сказал Велигай. — В таких случаях приходится считаться и с воображением. Итак, будем думать, что мы договорились.

— Да. Потому что основная ответственность, к сожалению, лежит на вас, и, следовательно, вы имеете право на последнее слово. Будь право решать у меня, я пошел бы иным путем.

— Не сомневаюсь, — кивнул Велигай. — Вы, возможно, любите рисковать. Я — нет. Теперь поговорим о деталях.

— О деталях, — сухо проговорил Меркулин, — вы будете договариваться главным образом с коллегой Коренюком. Он всегда руководил работами, связанными с заказами Приземелья.

Меркулин повернул переключатель, что-то негромко сказал в микрофон. Коренюк появился на экране — кажется, неожиданно для самого себя. Удивленно поморгав, он торопливо произнес:

— К вашим услугам.

— А для постоянной связи, — сказал Меркулин, — у нас есть Кедрин. Не знаю, что привело его к вам. Но, пожалуй, пока он там и должен остаться. Если, разумеется, это не идет вразрез с его планами.

Кедрин молча кивнул. Нет, это не шло вразрез с его планами.

— Ну вот, — Меркулин тяжело поднялся с кресла, — вопрос решен. Надеюсь, что люди будут спасены. И все-таки... вы выбрали не самый короткий путь и не самый простой. Я понимаю почему. Конечно, приятно построить еще один корабль; да еще в таких условиях, когда вся планета смотрит на тебя. И приятно настоять на своем, это я тоже знаю. И, наконец, ваше предубеждение против полной автоматизации... А подумайте: если бы и на «Гончем псе» не было людей — насколько спокойнее жилось бы сейчас нам с вами!

— Да, — усмехнулся Велигай. — Потому что тогда мы вообще ничего не знали бы о гибели «Пса».

— Ну пусть. Но люди были бы вне опасности. Нет, людей надо беречь. И будущее — за мной, а не за вами. Информацию столь же успешно могут получать роботы. Даже в пространстве. Особенно в пространстве, скажем так.

Меркулин подошел к окну, постоял, барабанил пальцами по стеклу. Затем кивнул головой в сторону вздымавшегося за лесом старого корабля.

— Это уходит в прошлое, Велигай. И не вернется. Как больше не взлетит в космос вот этот ваш «Джордано».

4

Кедрин проснулся, когда в лицо ему ударил мягкий свет разгорающейся зари. Принял душ. Прохладная, насыщенная газом ионизированная вода прогнала остатки сна и даже заставила запеть какую-то незатейливую песенку — из тех, что поешь не думая.

Внезапно прервав мелодию, он подбежал к видеофону. Набрал номер. Экран оставался пустым, никто не отвечал. Кедрин пожал плечами и попробовал запеть снова. Но песня перестала получаться.

Потом он вынул из камеры бытового комбайна вычищенный и отглаженный комбинезон. Оделся и вышел из каюты на упругий пол улицы Бесконечных Трасс. Утренний прохладный свет заливал и ее. Такими бывают на планете утра, обещающие длинный день, полный чудесных событий.

Монтажники в серебристых костюмах шли в одном направлении. Кедрин двинулся следом, внешне уже неотличимый от них. Его узнавали и приветствовали так же, как и всех: не поворачивая головы, лишь поднимая руку или дружески касаясь плеча.

Поток вливался в кают-компанию, разбивался на ручейки и оседал за накрытыми столиками. Кедрин услышал свое имя и оглянулся. Длинное лицо Гура улыбалось ему, рядом он увидел острые скулы Холодовского и круглую физиономию Дугласа. Кедрин подошел, и внезапно ему показалось, что продолжается тот вечер на острове, в Архипелаге, и только столик перенесся вдруг в Приземелье, в мир, обладающий гораздо большей степенью странности.

— Что на Земле? — спросил Холодовский.

— Как всегда, — сказал Кедрин, принимаясь за еду.

— Видите? — провозгласил Гур, поднимая вилку. — Он становится монтажником. Прилетел с Земли, но не потерял от расстройства чувств желания позавтракать.

Кедрин кивнул:

— Здесь такой воздух! Подложи-ка еще...

Он протянул тарелку, и Гур наложил на нее побольше поливитаминного салата. Потом медленно допил кофе.

— Ну, я готов.

— Сейчас, сейчас, — проговорил Дуглас. — У меня еще есть аппетит.

— Это именно в честь Дуга назван проспект Переменных Масс, — серьезно пояснил Гур. — После завтрака его масса ощутимо увеличивается. В пространстве нашего Дуга придется раскачивать, чтобы ранец-ракета взяла с места.

Дуглас прищурился и методично доел завтрак. Вставая с места, он промолвил:

— Зато «отсутствующее звено», в честь которого назван переулок, — это здравый смысл нашего Гура. Что отсутствует, то отсутствует, ничего не поделаешь.

— Готовы? — сказал Холодовский. — Пошли.

Вслед за другими монтажниками они направились в гардеробный зал.

Размерами он не уступал кают-компании. Громадное, хоть и низкое помещение казалось пустым, только в полу виднелось множество расположенных по определенному узору круглых люков, прикрытых пластиковыми створками. Монтажники встали каждый около своего люка. Кедрин тоже отыскал свой номер. Светящаяся цифра эта была врезана в пол. Затем створки с коротким рокотом разъехались, исчезли в своих гнездах, и из люков медленно выдвинулись скваммеры.

Смена начиналась. В спинах скваммеров распахивались люки, люди исчезали в них. Массивные чудища заглатывали монтажников, сыто захлопывали дверцы, умиротворенно встряхивались и неторопливо, вразвалку, уходили к выходной камере. В зале становилось все просторнее.

Кедрин вздохнул, заглянул в открытую дверцу. В скваммере царили сумерки. Кедрин потрогал холодную металлическую броню.

— Пластмассовый был бы теплее, — сказал он.

— Да, — откликнулся, залезая в свой панцирь, Гур. — Но в пространстве, в мире излучений, пластики, как оказалось, разрушаются куда быстрее. Металл надежнее. В пространстве нужна не только крепость, но и выносливость.

«И не только скваммерам», — подумал Кедрин. Он влез в отверстие. Дуглас и Холодовский уже захлопнули дверцы, теперь они были не люди, а скваммеры, и в знак

этого подняли верхние правые руки, прощаясь. Вдогонку за ними двинулся Гур, проговорив перед уходом:

— Не забудь включить связь в шлюзе!

— Не забуду, — сказал Кедрин. Он не забыл. Индикатор связи замерцал, как окошко далекого, но милого дома.

Скваммер ступил из выходного люка в пространство. Так ступают за борт парашютисты, только в пространстве человек не падает, и Земля стремительно не приближается к нему. Она остается такой же далекой, хотя и хорошо видимой. На ней так много хорошего... Но некогда думать об этом, если тебя ждут корабли и люди.

Монтажники быстро удалялись по направлению к рабочему пространству. Они уменьшались и растворялись в темноте. Кедрин на минуту остался один: все скваммеры продефилировали мимо, но нужного среди них не оказалось. Кедрин узнал бы его по небольшому размеру, но выходявшие, как назло, были гвардейского роста. У Кедрина испортилось настроение. И отстал еще к тому же...

— Где вы там? — спросил Кедрин.

Он ждал знакомых голосов. И голос, ответивший ему, был знакомым. Но он не принадлежал ни одному из монтажников Особого звена.

— Ну, ну, Кедрин, — сказал курлыкающий голос. — Не трусьте. По сути, здесь легче, чем на Земле. Вы не забыли о вчерашнем? Думайте, что вы все еще на Земле — и все пойдет отлично.

— Да нет, Велигай, — ответил Кедрин. — Я не забыл.

Он включил ранец-ракету. Скваммер быстро набрал ход. Рабочее пространство текло навстречу, и навстречу текло время, как течет оно всегда, и нам дано, пока мы живы, плыть лишь против течения... Вот почему время сравнивают с рекой, хотя оно гораздо более сродни космосу: оно так же всеобъемлюще, и ничто пока не может выйти из него, и даром лишь в пространстве-времени существует все, что мы знаем.

Но для Кедрина сейчас было важно не все пространство, а лишь та небольшая часть его, которая называлась рабочим пространством спутника-семь Звездолетного пояса; и не все время интересовало его, а лишь те несколько часов, которые должны были наступить вслед за этим его выходом на смену.

Сегодня должна произойти закладка корабля. Того самого корабля, который уже ждали на орбите Трансцербера, ждала вся Планета с ее «пригородами». Планета вовсе

не собиралась отдавать восемь жизней, хотя бы и непредвиденным обстоятельствам.

Несколькими часами раньше четвертая смена, наложив наконец последний мазок, передала круглый планетолет испытателям, и они увели корабль на Заземельский полигон. Рабочее пространство опустело.

Сейчас в нем широким кольцом растянулись монтажники. Кедрин чувствовал, что волнуется. Корабли закладываются не каждый день. И хотя на Земле Кедрину приходилось видеть, как закладываются основы зданий и теорий, это было совсем не то. И не только потому, что при современных методах строительства и исследования выделить момент закладки было практически невозможно.

Дело заключалось в том, что на Земле еще никогда и ничто не закладывалось на пустом месте. В крайнем случае, была сама Земля — тот участок ее, на котором что-то начинало воздвигаться. Тем более это относилось к теориям, которые даже в принципе не могут возникнуть на пустом месте. Здесь же не было ничего. Только пространство, которое хотя и является для физика сложнейшим образованием, но в обычном, трехмерном восприятии человека все еще остается пустотой, иными словами — ничем. И вот в заданном кубе (как говорят монтажники) этого «ничто» внезапно появилось «нечто».

Сначала трудно было определить, что это такое — и поэтому казалось, что не люди привели сюда этот предмет, а само пространство в напряженном усилии породило его, чтобы занять, заполнить то место, куда с таким ожиданием были устремлены глаза всех монтажников. Предмет, ведомый невидимой глазу тягой магнитных силовых линий, подплывал все ближе. По короткой команде, которую своим курлыкающим голосом подал шеф-монтер и начальник Звездолетного пояса, несколько монтажников кинулись к предмету и окружили его. Кто-то нацепил на один из выступов эластичную ленту, светящуюся яркими, торжественными красками. И вот предмет, в котором все лучше узнавалось сердце звездного корабля, — накопитель, величественно, словно светило, окруженное планетами в скваммерах, всплыло в центр рабочего пространства. Тормозя, грянули ранец-ракеты. Накопитель застыл, повис на своем месте. И тотчас же вспыхнули прожекторы, заработали радио- и оптические маяки, точно обозначившие границы участка.

Так шла закладка кораблей в пространстве: они начинали расти с сердца, и сердце это билось с первой же минуты: энергия, высасываемая накопителем из пространства, отнюдь не была лишней. Потом сердце должно было исчезнуть под мускулами корабля, а кожа — обшивка — ложилась на место в последнюю очередь, после монтажа всех крупных деталей.

Работа началась. Кедрин услышал команду — и не обиделся, что его ставили на подсобные: больше он пока ничего не умел делать на монтаже. Он без труда нашел по номеру свою деталь, которую удерживал на ее исходной позиции, у самой границы рабочего пространства, гравитационный фиксатор, — одну из немногих деталей, уже изготовленных на других спутниках Пояса к началу монтажа. Кедрин не знал, что немало деталей отсутствовало: не было автоматики, нужной для их изготовления. Пока Кедрин просто нашел свою деталь и немного испугался ее размеров.

Однако он храбро ухватился всеми четырьмя руками скваммера за выступающие части конструкции. Вторые руки подчинились ему, хотя и без особого желания. Кедрин включил ранец. Деталь не хотела двигаться; целая секция камеры, в которой будет находиться накопитель, сопротивлялась, инерция была сильнее двигателя. Кедрин напряг все мускулы. Он не мог не напрячь их, хотя знал, что это совершенно ни к чему, что он нисколько не поможет этим скваммеру.

Видимо, он все-таки помог; или это двигатель в конце концов переборол инерцию? Вдруг деталь чуть сдвинулась. Звездная панорама поплыла, поворачиваясь в нужном направлении все быстрее, быстрее... Кедрин ощутил радость: грудь с грудью столкнулся он с инерцией вещества и победил ее, деталь послушно шла с исходной позиции на краю рабочего пространства вперед, туда, где ее переймут установщики.

Дальнейшее он помнил плохо. Металлические части, одна за другой, тяжелое упрямство инерции и каждый раз — острая радость преодоления сопротивления массы и расстояния. Минуты отдыха, когда транспорты не успевали подавать детали с производственных спутников Пояса или сами эти спутники не успевали сделать то, что было нужно. Шесть часов рабочего времени — новая, удлиненная смена — ушли куда-то, пролетели мгновенно; так, во всяком случае, показалось Кедрину, когда раздался сигнал окончания работы.

Монтажники торопились очистить рабочее пространство для очередной смены, которая вот-вот долж-

на показаться около спутника. Кедрин старался не отставать от других, потому что если бы не поспевал он, то пришлось бы простаивать установщикам.

Как ни странно, именно минуты простоя были самыми неприятными. Трудно ничего не делать, когда тревожат мысли об Ирэн. Почему ее не было в кают-компании? Почему сейчас голос ее не слышен в эфире, хотя другие женщины вышли в смену? Вот говорит что-то та девушка, что отвечала ему отсюда, когда он искал Ирэн по видеофону с Земли. А Ирэн? Неужели заболела? Или обиделась, что он не зашел вчера? Они вернулись поздно, все спали...

— Кедрин!

— А?

— Наконец-то! Я уж думал — ты выключил связь. В пространстве это не разрешено, ты не забыл?

— Нет.

— Я тебя окликаю в третий раз, мой рассеянный друг!

— Я задумался...

— Ты не устал?

— Н-нет... — сказал Кедрин и сообразил, что он и в самом деле устал куда меньше, чем в дни тренировок.

— Чудесно. В таком случае ты захочешь, конечно, побывать на нашей обсерватории.

— А зачем? Я, собственно, собирался...

— Дело связано с твоей звездой. Ты ведь ее видел?

— Видел, — хмуро ответил Кедрин. — Но снова убеждать вас отказываюсь.

— Пусть нас убедит Герн. Служба наблюдения у него поставлена хорошо. И если в пространстве появилось что-то новое, кто-нибудь да заметил это, кроме тебя.

— Если так, — сказал Кедрин, — то идите к Герну. Кстати, а Ирэн не пойдет с нами?

— Полагаю, что нет, — ответил Гур.

— Ей неинтересно?

— Дело не в этом. Разве ты не знаешь? Ах да, ты же был на Земле...

— В чем дело?

— Ирэн на несколько дней отправилась на спутник-десять. Там вычисления и расчеты идут вовсю, но им надо помочь. А ведь она в прошлом — оператор Элмо. Работа в институте... Да ты...

Внезапно Гур умолк, словно бы что-то сообразив.

— Вот как, — сказал Кедрин. — Что ж, идем к Герну. Я готов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Что там, на орбите Трансцербера? Связи с ним все еще нет, с кораблем «Гончий пес», с капитаном Лобовым или с кем-либо другим из его экипажа. Нет, хотя все антенны непрерывно прощупывают то направление, в котором находится корабль. Этим заняты связисты на всех станциях. Они не одиноки; поисками корабля заняты и астрономы. И все же до сих пор узнать что-либо новое не удалось людям ни на одной станции связи, ни на одной обсерватории.

2

На спутнике-семь, как и на всех искусственных небесных телах, обсерватория располагалась в вынесенной за пределы главной оси пристройке. В ней стояла только гравиастрономическая аппаратура: здесь ей не так мешали поля тяготения — Земли или Луны, на которой помещались главные обсерватории оптиков и радиоастрономов.

Царство Герна соединялось со спутником скользящим рукавом. В отличие от самого сателлита обсерватория не имела собственного вращения: мудрено было бы наблюдать небесные тела из помещения, делающего оборот вокруг оси менее чем за два часа. Гораздо лучше — неподвижность, хотя сохранять ее в пространстве, пожалуй, сложнее, чем вращаться.

Нельзя сказать, что в обсерватории просторно; она строилась в расчете на двух наблюдателей. Но Герн, отец и хозяин гравиастрономии, нетерпелив и ненасытен, и теперь здесь работают шестеро постоянных астрономов. Это надо иметь в виду.

Кедрин не знал этого; почти полное отсутствие гравитации тоже было непредвиденным. Рассерженные лица астрономов в первую же минуту обратились к Кедрину. Однако ему каким-то чудом удалось не сдвинуть с места, не перевернуть и даже не задеть ничего существенного.

Остальные трое монтажников, втиснувшиеся вместе с Кедриным, были здесь, очевидно, не впервые, и их

приветствовали даже с некоторым уважением. Хотя кто-то и не удержался от нескольких слов по поводу тех, кто не занимается своим делом, а толпится около астрономических приборов, абсолютно в них не разбираясь... В речи ворчуна лопалось круглое «О», и слово «астрономический» казалось почетным званием, которое уже само по себе делало астрономические инструменты неприкосновенными.

Монтажники едва успели кое-как разместиться в обсерватории, как круглая дверца снова распахнулась и на пороге показался сам Герн. Он смотрел куда-то в пространство и шевелил губами. Потом налетел на Дугласа, который так и остался стоять посреди лаборатории, потому что были заняты уже все закоулки.

— Ах, да, — сказал Герн, глядя на Дугласа. — Позвольте, что это?

Герн насупился.

— Здравствуйте, пожалуйста! — сказал он и заложил руки за спину. — Этого только не хватало. Я вас очень уважаю и поэтому прошу немедленно покинуть помещение. Я ведь не лезу в ваши каюты и лаборатории?

— Я очень извиняюсь, — сказал Дуглас. — Но, мистер Герн, сэр!

Он умоляюще посмотрел на Холодовского, потом на Гура: всем было известно, что в своей берлоге Герн бывает беспощаден. Холодовский пожал плечами; Гур очаровательно улыбнулся.

— Маэстро Герн! — сказал он сладчайшим голосом. — Вы слышите меня, мой эрудированный друг?

— Вот если бы эту жалкую каморку увеличить хотя бы вдвое, — сказал Герн, — тогда, конечно, некоторые из интересующихся астрономией...

— Например, наблюдениями на фоне Угольного Мешка... — вставил Гур.

— Что?

— Я говорю: не проводили ли вы в последнее время наблюдений в направлении Угольного Мешка? Хотя, вероятно, нет: что там может быть такого, что интересовало бы астрономов...

— Астрономов, чтоб вы знали, интересуется все. Ну хорошо. Мы не проводили таких наблюдений. Но ведь наша аппаратура — я имею в виду автоматическую — постоянно следит за пространством. Так что вас интересует?

— Вот этот юноша, — сказал Гур и вытолкнул вперед Кедрина, — уверял нас... вы ведь его знаете?

— Понятия не имею, — сказал Герн.

— Ну все равно.

— Одну минуту, — пробормотал Герн и воззрился на Кедрина. — Припоминаю. Вы прибыли как раз в мое дежурство. Так что случилось?

— Он утверждает, — пояснил Гур, — что вчера ночью — по времени четвертой смены, конечно, — точнее, в семнадцать тридцать или тридцать пять по вашему времени, он увидел в этом направлении нечто, напоминающее звезду. Определить звездную величину он затрудняется, но, судя по его словам, она близка к нулевой.

— Гм, — сказал Герн. — Сомневаюсь.

— Кто знает? — сказал Гур, — Может быть, что-то в этом есть. И если у вас случайно найдутся материалы наблюдений...

— По-вашему, у нас наблюдения ведутся случайно? Благодарю вас, Гур, за лестное мнение. Анри, дайте мне позавчерашние и вчерашние пленки. Мерси. Сейчас посмотрим.

Он растянул пленку в руках, бормоча: «Посмотрим, посмотрим...» Все следили за ним, вытянув шеи, пытаясь заглянуть в медленно проходящие перед глазами Герна кадры. Он отложил пленку.

— Ничего интересного. Сева, внесите коррективы в модель Леонид.

Он взял другую пленку. На ней тоже не оказалось ничего интересного — для неспециалистов, как сказал Герн. Он взял третью. Ничего. Четвертую. На седьмой Холодовский махнул рукой:

— Ясно, ничего и не будет. — Он кивнул. — Я в этом не сомневался.

— Сомневаться надо, — наставительно сказал Герн. — Всегда надо. Нет на седьмой, может оказаться на восьмой. А?

Он бегло проглядел восьмую, опустил руку с пленкой и стал глядеть в потолок.

— Нет? — спросил Гур.

— Есть! Нет! — рассердился Герн. — Как это у вас все легко...

Он заправил пленку в проектор. Кадры медленно поплыли по крохотному экрану. Через полминуты Герн остановил проектор.

— Анри, вот эти кадры немедленно отпечатать.

Последующий час был до отказа заполнен тишиной. Только напряженное дыхание замерших людей свидетельствовало о том, что обсерватория все еще обитаема. Потом кто-то пробормотал:

— Он ошибся на ноль пять. У меня величина получается ноль пять.

— Совершенно непонятно, — откликнулся второй. — Там же нет ни одного оптического объекта.

— Великий пир астрономии, — негромко произнес Гур, — где нам досталась лишь скромная роль кулинаров. Что же, пойдемте, друзья мои. Главное мы узнали: тело было. Но как оно может быть связано с возникновением запаха? А с этой плаской деталей?

Они выбрались из обсерватории, и вряд ли их исчезновение заметил хоть один из ее обитателей. Они прошли переходный рукав, миновали негромко рокочущее соединительное кольцо и, войдя в спутник, с удовольствием ощутили уверенную тяжесть.

3

В каюте Гура было куда удобнее, чем в тесной обсерватории. Здесь человека не подавляли приборы и аппараты, и к услугам каждого оказалось даже кресло. По-видимому, друзья чаще всего собирались у Гура; поэтому его обиталище походило на кают-компанию в миниатюре.

— Прощу, друзья, — гостеприимно пригласил Гур.

Они расселись. Кедрин не совсем ясно представлял, зачем они все пришли сюда, но на всякий случай приготовился к худшему; Холодовский мог подняться и сказать: а ну-ка, Кедрин, объясни, что произошло после нашего с тобой разговора?

Однако ничего подобного Холодовский не сказал. Усевшись, он вытянул ноги и полузакрыв глаза.

— Ну что же, — проговорил он, — Звезда — сама по себе. Надо на всякий случай проверить, не было ли в той стороне поблизости какого-нибудь из кораблей. И — действовать. Что вас смущает?

— Приготовься считать, мой мужественный друг. Запах в спутнике — раз. Вспышка где-то в пространстве — два. Этот кордебалет, устроенный, в общем, смиренными деталями — три. Недостаточно?

— Смотря для чего...

— Что же, если у тебя есть объяснение, выкладывай, — нетерпеливо сказал Дуглас. — Не люблю загадочных разговоров. Не заставляй нас терять время.

— И не забывай, что наша задача сейчас — сделать так, чтобы никакой запах не мог помешать монтажу корабля. Даже если в пространстве будет пахнуть чайными розами.

— Или коньяком, — добавил Дуглас.

— Чем бы ни пахло, мы этого не почувствуем, — проговорил Холодовский. — Начнем с запаха. По одной из существующих, теорий, это — электромагнитные колебания в миллиметровом диапазоне. Добавлю: колебания не только определенной частоты, но и с амплитудой в некоторых узких границах. Из этого я исхожу. События подтверждают мою правоту: генератором колебаний является то самое тело, которое вспыхнуло. Направление совпадает, и не забудьте, что Кедрин одновременно почувствовал запах. Кстати, я сразу было не поверил этому. Прими мои извинения.

Кедрин только кивнул. Все-таки Холодовский — очень хороший парень. Ну, ну, что он скажет дальше?

— Не думаю, — продолжал Холодовский, — чтобы тело — источник колебаний — танцевало по пространству вокруг нас. Очевидно, направление будет оставаться более или менее постоянным. Если есть другие мнения — говорите сразу или я двинусь дальше.

— Дерзай, — одобрительно молвил Гур.

— Следовательно: опасное направление известно. Осталось только создать защиту. Я думаю, что в принципе это не составит трудностей. Мы ведь умеем защищаться от колебаний определенной частоты. Как — это скажет любой из вас.

— Искажая их, — быстро произнес Кедрин.

— Вот именно. При первом же появлении излучения в этом диапазоне необходимо наложить на эти колебания другие. Исказить их. Ведь для нас страшно не само излучение — обычные электромагнитные волны, а лишь несомый им запах. Так?

Холодовский говорил быстро и горячо, и странно было видеть этого обычно спокойного и выдержанного человека настолько возбужденным. Не сумев усидеть на месте, он вскочил и теперь расхаживал по каюте, резко жестикулируя.

— Итак, что мы предпринимаем? Немедленно же изготовляем несколько приборов, которые смогут подавить нежелательные для нас колебания. Вы сами знаете, что

изготовить их можно из стандартных деталей; по сути дела, это обыкновенные передатчики. Они нуждаются лишь в дополнительном оснащении автоматами, которые будут включать их в тот момент, когда возникнет опасное излучение. Смонтировать все это можно за считанные часы. Кто не согласен?

— Слушайте! Слушайте! — возгласил Дуглас. — Продолжай, Слава.

— А что еще говорить? Надо приниматься за дело.

— М-да, — протянул Гур. — Это звучит очень логично. Стройная концепция. К сожалению, она объясняет не все.

— Что же еще? — резко обернулся Холодовский.

— Не горячись, торопливый друг мой. Ты же просишь, чтобы тебе возражали. Собственно, у меня даже нет возражений. Но ты не объясняешь, например, что это может быть за источник колебаний.

— Для нас это пока не имеет значения, — вмешался Дуглас. — Не станем теоретизировать, Гур. Не время.

— Я ведь и не говорю, что мы должны обязательно установить это сейчас же. Нет. Теперь второе: почему в тот момент, когда Кедрин ощущал запах, никто другой в пространстве ничего не почувствовал? Нас уже тогда заинтересовало это.

— Меня удивляет, что ты сам не видишь объяснения, — нетерпеливо сказал Холодовский. — В момент, когда Кедрин почувствовал запах, происходила смена. В пространстве никого не было. Вот и все. А когда шла борьба с деталями, запаха не было. Ведь нигде не сказано, что это явления одного порядка.

— Что же это было в таком случае?

— Слушай, Гур. Мы же не теоретики. Мы — рабочие Приземелья. Наша задача — обеспечить безопасность и построить корабль. А над этими событиями пусть размышляют ученые.

— Так-то так... Только мне, откровенно говоря, не очень верится, что несколько странных событий могут произойти одновременно или почти одновременно, не имея никакой взаимосвязи.

— Стоп, Гур, — вмешался Дуглас. — Это опять теория. Но Слава прав: главное не она. Вот когда мы выставим хотя бы несколько приборов, тогда теоретизируй сколько влезет.

— Что же, — признался Гур, — это тоже не лишено логики. И если только больше не произойдет никаких

необъяснимых событий...

Он умолк на полуслове. Дверь каюты начала растворяться медленно и неумолимо — так медленно и неумолимо, словно за нею стояла сама судьба. Несколько секунд никто не входил. Затем на пороге появился Герн. Глаза маленького астронома задумчиво смотрели из-под нависающего лба. Взгляд был устремлен куда-то вдаль. Весь облик Герна выражал крайнее удивление.

— Если он удивится еще сильнее, брови окажутся на затылке, — хладнокровно констатировал Дуглас.

— Ага, — сказал Герн, и брови его на секунду заняли нормальное положение. — Это удачно. Вас-то я и разыскиваю.

— Вам потрясающе повезло, — сообщил Гур. — Счастливая звезда привела вас именно в мою каюту.

— Не знаю, насколько она счастливая... Но мы разобрались в этих фотографиях. Конечно, это было нелегко, но мы разобрались.

— Ну? Что же это было?

— Вот именно, — сказал Герн. — Что это было? Этого никто не знает. Я склонен лишь думать, что это было нечто, ныне уже не существующее. Потому что, по моему убеждению, здесь мы имеем дело со взрывом. Если произошла, скажем, аннигиляция, то мог взорваться корабль или иное небольшое тело. Если атомный взрыв, то пострадать могла и не очень большая планета.

— К чему такие сравнения? — сердито проговорил Холодовский. — Почему вам понадобилось сравнивать именно с кораблем?

— Потому, — ответил Герн, — что направление-то мы установили точно. Это — в пределах допустимой ошибки — направление на Трансербер. Или на корабль, на таком расстоянии это практически одно и то же.

— Значит? — Вскочив, Гур схватил астронома за плечо. — Значит?..

— Ничего не значит, — медленно проговорил Герн. — Но может быть, там уже ничего не осталось. Вспомните: после этого мы так и не смогли установить с ними связь.

— Вы доложили?

— Доложил.

— Что же Велигай?

— Вы не знаете Велигая? Он мне сказал примерно так: он поверит в возможность печального исхода не раньше, чем получив от Лобова сообщение об их собственной

гибели. До тех пор работы будут вестись как сейчас — и никак иначе. Это же Велигай!

— Хорошо, — сказал Гур. — Переживать и сомневаться будем про себя. Монтажники не сомневаются, не правда ли, Слава Холодовский?

— Иногда они слишком много говорят, — сказал Герн, не глядя ни на кого в частности. — Итак, я, собственно, зашел только поблагодарить вас за то, что вы обратили наше внимание на эту вспышку. Иначе мы добрались бы до нее только вечером.

— Сердечно благодарим за внимание, — поклонился Гур. — А теперь нам пора в мастерскую.

— погоди, — остановил его Кедрин. — А зачем?

— То есть как?

— Если это был взрыв... то ведь больше запаха не будет?

Гур пожал плечами.

— Если это был взрыв! — сказал он. — А если нет? Это во-первых. А во-вторых — не забудь, что запах возникал и раньше. До того, как ты увидел этот свет.

— Но тогда выходит, что Холодовский...

— Нет, отчего же! В его теории, конечно, что-то есть. Ну, поторопимся: ребята, наверное, уже в мастерской. Нам бы хорошо успеть до начала смены выставить хотя бы пару приборов. Не забудь: пока у нас еще есть кое-какое время, потому что работа — по теперешним графикам — идет, что называется, вразвалочку. Но уже через несколько дней должны начать поступать автоматы с Земли...

— По графику первый — через неделю.

— Ну вот. Тогда некогда будет вздохнуть, не то что прогуливаться с приборами. Надо торопиться, потому что Земля-то уж не опоздает, можешь быть уверен.

— В этом я и сам уверен, — кивнул Кедрин.

4

Меркулин внимательно смотрел на небольшой экран, на котором время от времени менялись цифры, оповещающая о ходе работы.

— Первая конструкция — в три дня... — негромко проговорил директор. — Первая. А дальше? — Он любил думать вслух: сказанное и услышанное им же самим выглядело гораздо категоричней и значительней, чем произнесенное про себя. — Три дня... Так.

Он наклонился к микрофону, стоявшему на столе.

— Удивлен: до сих пор не слышу доклада Коренюка. Как продвигаются работы?

Он умолк; однако ответ запаздывал — Коренюк на сей раз проявил непонятное легкомыслие и недисциплинированность.

— Коренюк, прошу зайти, — сухо сказал Меркулин.

Он смотрел на часы. Прошла минута. Вторая. Это уже недопустимо. Перерыв кончился четверть часа тому назад. Неужели до сих пор Коренюк не явился? Зная, что на нем сейчас, по сути дела, держится вся работа?

Жаль. Очень жаль, что машины пока еще не могут мыслить сами. Они только помогают людям. А люди иногда бывают взволнованны, порой же — просто недисциплинированы. Как сейчас. Машины же всегда на месте и всегда готовы к работе. Если они портятся, то их очень легко снова привести в нормальное состояние. В отличие от людей.

Вот хотя бы этот Кедрин. Способный работник. Умел думать. Нет, ему померещилось что-то — и он на Звездолетном поясе делает ту работу, которую с успехом мог бы выполнить — ну, если еще не робот, то, во всяком случае, человек, не имеющий квалификации конструктора — инициатора Элмо.

А опоздание Коренюка! От усталости? Или небрежности?

Меркулин сухо кашлянул. Это означало гнев.

Жаль, мало времени. У него, как и у всякого, есть своя мечта: все-таки, наперекор существующему уровню техники, создать настоящую мыслящую машину. Целый институт таких машин. Работать в таком институте — это будет счастье! Сегодня мы конструируем автоматы для исследователей недр. Завтра приходят звездолетки. Пожалуйста! Поворот рукоятки, задается другой режим — и машины думают и создают конструкции.

А пока в устройствах, в которых нуждается Звездолетный пояс, по-настоящему разбирается один только Коренюк.

Опаздывает, а! Подумать только: все еще не явился!

— Ну что же: раньше не было такой срочности. Оборудование на спутниках Пояса не менялось два, а то и три года. А сейчас...

Тогда же будет все равно: хоть каждый день. Перевел машины в другой режим — и...

Наконец-то!

Меркулин согнал с лица мечтательную улыбку, возникавшую, когда директор института думал о машинах. Строго посмотрел на дверь, в которую только что постучали.

Дверь распахнулась рывком, словно бы сработал аварийный механизм. Нарушая все нормы поведения, кто-то остановился на пороге, обратился к потолку искаженное до неузнаваемости лицо, высоким голосом прокричал:

— С Коренюком — несчастье! Погиб.

Потом шаги тупо, часто застучали по коридору.

5

Потянув поводок, Кедрин защелкнул дверцу и проверил предохранители. Затем, шагнув, послал скваммер вперед.

Зал остался позади. Впереди и рядом, переваливаясь, как утки, с ноги на ногу, по туннелю деловито вышагивали скваммеры. Моторы двигали их, в бронеовой скорлупе привычно переступали монтажники. До отказа заполнив выходной шлюз, они целыми группами исчезали за захлопывающейся сегментной переборкой. Через миг переборка вновь распахивалась и втягивала очередную группу.

За бортом спутника было темно, как и всегда в пустоте, но предметы в рабочем пространстве были освещены: солнце стояло за спиной у монтажников. Горели зеленые маяки, показывавшие, что путь для смены открыт. Монтажники включали ранцы-ракеты, и грузные тела с непостижимой легкостью устремлялись вперед.

Кедрин нажал стартер. Маяки дрогнули и начали приближаться. Монтажники летели рядом с ним — люди, возведенные в ранг небесных тел. Лучи звезд вонзались в оболочку накопителя, как отточенные стрелы. Над головой плыла Земля. В той стороне вспыхнуло, блеснуло — шла очередная партия транспортных кораблей.

Все-таки он был очень красив, мир Приземелья. Серебристые спутники на черном фоне казались драгоценными камнями; бархат бесконечности лишь подчеркивал их чистый блеск. Отдельные части искусственных планеток были словно вырисованы тонким пером.

Спутники, много спутников. Который из них — десятый? Кедрин попытался найти его. По справедливости, спутник-десять сейчас должен бы сиять намного ярче остальных. Жаль, что летящие правее монтажники не разре-

шают как следует разглядеть эту область окрестностей Земли. Но если немного подняться над стаей...

Кедрин попытался так и сделать. Но едва успел он чуть-чуть изменить направление, как тишина в наушниках рассыпалась на дробные осколки и раздался голос Гура:

— Не вилай! Оставь рули в покое! Времени и так мало. Видишь оптический маяк номер восемь? Около него подождешь нас.

Кедрин сердито шмыгнул носом, сжал губы, но все же выправил курс. Вместо спутника-десять приходится разыскивать маяк-восемь. «Такова жизнь», — подсказала услужливая память. Кедрин поморщился. Слабое утешение. Нигде не сказано, что она, жизнь, именно такой и должна быть. Кому стало бы хуже, окажись Ирэн сейчас тут, рядом?

Воспоминание о запахе направило наконец его мысли по нужной стезе. Борьба с запахом — именно об этом сейчас следовало думать.

Любое дело разным людям представляется по-разному. Возможно, борьба с запахом рисовалась Холодовскому как охота за хитрым и неуловимым зверем: у Славы был азартный характер охотника. Не исключено, что хладнокровный Дуглас, обдумывая очередной шаг этой борьбы, представлял себе яркий квадрат ринга и блестящие перчатки; Дуг искусно маневрировал, уходил и уклонялся, подставлял перчатку и обманывал невидимого противника финтами, выбирая момент для удара наверняка. Как выглядело все это в глазах Гура, сказать было трудно: пожалуй, он мог вообразить и осаду крепости, и игру в прятки, и еще что-нибудь... Самому же Кедрину борьба с запахом казалась сложной партией в шахматы, где противник иногда делал неожиданные ходы, где приходилось подолгу думать, прежде чем взяться за фигуру, где очень трудно было верно оценить позицию и нужно было то и дело поглядывать на часы, стрелка которых все ползла и ползла к флажку.

Сначала запах попытался дать монтажникам детский мат в три хода. Кончался монтаж круглого планетолета, большая часть людей отправилась отдыхать на Землю. Монтажники понесли урон: Карло все еще лежал в госпитальном отсеке... Люди сразу же стали возвращаться на спутник; как вернулись пятеро из них, Кедрин видел сам. Это был защитный ход: отныне работы должны были вестись гораздо быстрее, несмотря на угрозу. Тогда партнер сыграл хитрее: загорелась зеле-

ная звезда, запах возник в спутнике. Это была попытка прорыва в тыл монтажников, на последние горизонтالي. Но и на это последовал защитный ход: Холодовский придумал экраны и тем самым помог развернуть основные силы монтажников под прикрытием этих не очень сложных, но, как думалось, достаточно эффективных приборов.

А что будет делать противник теперь? Кажется, он предлагал жертву: на второй и пятый спутники должны были поступить сегодня новые автоматы. Отныне продукция этих спутников — детали устройств биологической защиты — станет появляться без задержки. Хорошо. Но это значит, что не только увеличится скорость монтажа: возрастет и количество монтажников в рабочем пространстве, значит, возрастет и опасность столкновений при малейшей неточности в движениях. Стоит теперь противнику совершить прорыв, стоит возникнуть запаху — и потери неизбежны. А к этим потерям никак нельзя было отнестись философски, потому что погибнуть могли люди, а не пешки.

Поэтому, перед тем как принять жертву, необходимо было сделать профилактический ход. И Холодовский нашел возможность такого хода: он разработал схему еще одного прибора, который должен был показать наличие в пространстве не просто излучения определенной частоты, а именно запаха. И Карло, и Кедрин знали, что запах, возникнув, нарастает не мгновенно, до максимума проходит некоторое время. И если искатель Холодовского, перехватив возникновение запаха на дальних подступах к рабочему пространству — заметив концентрацию фигур противника, как это представлялось Кедрину, — успеет дать предупреждение, люди получают возможность заблаговременно укрыться в спутник. Все это, разумеется, имело значение для случая, если первая цепь обороны — экраны не смогут удержать противника. Следовало надеяться, что смогут; но ведь пока это были всего лишь теоретические выводы, ни на каких фактах, собственно, не основанные.

Так или иначе, теперь количество оборонительных линий удвоится. Это очень хорошо. Это значит, что фигуры будут развернуты, и можно будет думать уже и о переходе от обороны к наступлению — о контратаке, которая позволит найти источник запаха и обезвредить его окончательно.

Сейчас монтажникам предстояло произвести проверку нового прибора Холодовского перед тем, как ус-

тановить его и приняться за изготовление следующего такого же. О приборе знал весь спутник, и это сразу же отразилось на настроении, с которым монтажники вышли на смену. Трудно все время жить под угрозой удара.

Да, Холодовский поспел очень кстати.

Восьмой оптический маяк проскользнул совсем рядом, как ему и полагалось. Кедрин начал затормаживаться. Маневр оказался очень удачным, так что Кедрин даже усмехнулся удовлетворенно.

Холодовский развернулся рядом. В вытянутых верхних руках его скваммер нес готовый прибор. Так во время оно подавали на стол самовар — тоже некогда плод технической мысли и конструкторского остроумия.

— Ну вот, — Холодовский вздохнул облегченно, как если бы он опустил тяжелую ношу, и вытер пот со лба. — Чудесный день сегодня, тебе не кажется? Каким-то вкусным воздухом мне зарядили баллоны. Не хватает только одного. Вот если бы сегодня возник запах — было бы очень кстати. Может быть, возникнет?

— Может быть, — откликнулся Кедрин. Он знал, что запах сейчас нужен для проверки защитных устройств, и все же не мог заставить себя ждать его с нетерпением. — Если бы знать, где его найти?.. — В тоне Кедрина можно было бы при желании уловить лицемерную нотку, но Холодовский не заметил этого, да и сам Кедрин, пожалуй, тоже. — Где Гур?

— Уже летит на место установки. Пора и нам.

— Пора, — без особого энтузиазма согласился Кедрин.

Они включили двигатели и легли на курс. Летели минут пятнадцать. Прошли статическое поле метеорной защиты. Теперь люди оказались в открытом, ничем не защищенном пространстве. Холодовский все увеличивал скорость. Огоньки Дугласа и Гура мелькали далеко впереди. Наконец Холодовский скомандовал торможение.

— Останемся здесь. Они опробуют второй прибор чуть подальше. Держи блок записи. Он еще не закреплен, так что старайся не дергать: нарушится контакт. Твое дело — следить, как будет работать устройство записи и оповещения. Гур! Как у тебя там?

— Скучаю на позиции, мой любезный друг. Ожидаю, не соблаговолит ли появиться запах.

— Наблюдай, кстати, впереди есть метеорный патруль?

— Я бы очень хотел знать, откуда ему здесь взяться! — Это заявил Дуглас, в его голосе не чувствовалось удовлетворения. — Мы же вышли в промежутке.

— Значит, действуем, как договорились. Устанавливаем с разницей направлений в пятнадцать градусов и включаем системы ориентации. У меня такое предчувствие, что сегодня запах нас не обманет.

— Не очень-то я полагаюсь на его порядочность, — пробормотал Гур. — Будем надеяться...

— Смотрите, — вмешался Дуглас. — Как красиво выглядит отсюда работающая смена. Никогда не думал...

Он не успел договорить.

6

Сначала Кедрину показалось, что это ударил ток. Он собрался было удивиться, откуда в скваммерах взялось столь высокое напряжение, но еще один удар стегнул по нервам, и Кедрин разобрал наконец, что это был всего лишь высокий, пронзительный вой в наушниках. И сейчас же Гур произнес негромко и четко:

— Тревога номер один... Тревога один... Метеоры высокой энергии, пакетами, направление девяносто три — восемьдесят семь. Угроза кораблю. Немедленно принять меры. Метеорный патруль, начинайте отсчет: сейчас будут у вас!

Он умолк, но метеорный патруль уже подхватил эстафету.

— Всем — в спутник! — зачастил высокий голос начальника метеорного патруля, сегодня это был Тагава. — Всем в спутник! Даю наш отсчет: пять ровно... Четыре пятьдесят восемь... Четыре пятьдесят шесть...

Кедрин застыл с блоком записи в руках. Он взглянул направо, налево, вверх, словно ища направление, в котором следовало спастись. Надо было немедленно нажать стартер и кинуться — вернее всего, к спутнику. Но можно ли бросить прибор?

Кедрин взглянул на толстое стекло. Под ним неподвижная круглая пластинка никак не реагировала на смертельную опасность: ее интересовал только запах и уж никак не метеоры. И Кедрин решил выпустить прибор из рук, оставить его здесь. Но в этот миг пластинка вдруг тронулась, закрутилась, подставляя магнитной головке все новые и новые участки...

— Запах! — торжествуя, крикнул Холодовский. Запах! — Его глаза не отрывались от шкалы основного прибора, который он по-прежнему держал перед собой. — Все в порядке!..

Кедрин вздрогнул: к одной опасности прибавлялась вторая, не менее грозная. Из всех четверых он был единственным, уже испытавшим на себе воздействие запаха; память торпливо подсказала, как сейчас руки сами по себе потянутся к горлу — к сожалению, в скваммере было достаточно места для этого... «Запах!» — торжествуя, повторял Холодовский, и Кедрин понял, что на этот раз ему никуда не деться. Даже если сию секунду он бросится прочь отсюда, запах все равно нагонит его. Метеоры, может быть, и пройдут стороной, но запах... И Кедрин подумал, что сейчас начнется в рабочем пространстве, если монтажники не успеют скрыться в надежный, защищенный почти от всяких случайностей спутник. Надо надеяться, что они все-таки успеют... А мы?

Кедрин даже застонал от нетерпения — так захотелось ему кинуться прочь, спасаясь, разряжая напряжение в сумасшедшем, на предельной скорости, полете. Но он чувствовал, что не в состоянии сделать это. Рядом люди, и они остаются пока на местах: и Гур, взявший на себя роль добавочного метеороного патруля (но патрули-то были не в скваммерах, они находились в надежных рубках катеров), и Холодовский, теперь прижавший прибор к груди таким жестом, каким мать прижимает ребенка, и Дуглас, который, наверное, просто не представляет себе, как можно уйти откуда-либо одному, без остальных... И Кедрин остался на месте. Он только старался не дышать, чтобы почувствовать запах как можно позже. Наверное, это помогло; во всяком случае, запаха он так и не ощутил, и тут Холодовский наконец махнул ему рукой, разворачиваясь в сторону спутника.

— До спутника — три сорок восемь... — звучал в ушах голос патруля. — Три сорок шесть...

Кедрин знал, что самые мелкие метеоры будут остановлены статическим полем. Большую часть остальных успеют распылить своим огнем заградители. Но наиболее крупные все-таки продолжат свой путь, и встреча с любым из них будет означать мгновенный конец. Надо успеть, обогнав их, укрыться в спутнике; и тут Кедрин с ужасом увидел, что Холодовский держит курс вовсе не на спутник, но в другую сторону — к рабочему пространству, туда, где находится уже смонтированная часть будущего корабля.

— Ты куда? — вскричал Кедрин, и в этот миг мимо него, выжимая из двигателя полную мощность, в том же направлении промчался Гур. Левее промелькнул Дуглас, он несся туда же.

— Гур! Куда же вы все?

— Корабль, друг мой! — ответил Гур уже издалека. — Основная опасность еще впереди! Особое звено не спасается, а спасает...

«С ума сошли, — подумал Кедрин, устремляясь к спутнику, обещающему безопасность. — Как это они будут спасать корабль? Заслонят накопитель своими телами? Не поможет, это впустую. Что стоит такому метеору пронизать и скваммер, и накопитель, и все что угодно! Потом, накопитель можно восстановить, можно сделать новый, а человека ведь не восстановишь в этих условиях, он умрет во всяком случае раньше, чем к нему подоспеет катер Службы Жизни. Скорее под защиту, скорее...»

Мысли с быстротой метеоров проносились в мозгу, а скваммер летел, подчиняясь воле человека — или отсутствию ее? — и спутник был уже близко. Теперь, пожалуй, поздно отворачивать, даже пожелай ты повернуть к кораблю. Поздно. Да ты им и не нужен. Будь ты нужен, Холодовский или Гур позвали бы тебя. Да зачем ты им — они привыкли втроем, их там трое...

— Две пятьдесят шесть... — метеорный патруль вел отсчет. ...Они не позвали тебя с собой. А может быть, были уверены, что ты последуешь за ними? Но сейчас поздно поворачивать: скваммер вынесет черт знает куда...

Не поздно. В таких случаях не бывает поздно. Еще две с лишним минуты...

Рука не хотела двигать руль, страшно не хотела. Пришлось напрячь все силы, чтобы заставить ее сделать это. Спутник дернулся и стал уходить куда-то за спину.

Корабль начал понемногу вырастать. Нас будет четверо... Дави свой страх, Кедрин, ломай его.

Кедрин сжал зубы. Чужой скваммер обошел его, устремляясь к кораблю, за ним — еще один, а потом сразу целая группа, и Кедрин понял, что вовсе не одно Особое звено собирается спасать корабль. Он влился в массу монтажников, торопившихся навстречу угрозе, и страх вдруг исчез.

Описывая стремительный круг, он обошел корабль, вернее, то небольшое, что уже называлось кораблем, хотя еще не было им. Дуглас, Гур и Холодовский давно уже

были здесь, больше минуты, и сейчас крепили массивный щит, устанавливая гравификсаторы. Они не удивились, когда Кедрин сказал: «Я здесь, что сделать?» Гур негромко сказал: «Вот и чудесно, друг мой,крепи, пожалуйста, ближайший к тебе угол». Кедрин подплыл к углу и начал крепить его, набросив трос на гравификсатор и закручивая болт. Занятый этим, он не заметил, как истекли те минуты и секунды, что еще оставались до начала атаки.

Спасаться в спутник теперь было совсем поздно, и все монтажники, закрепившие возле особо уязвимых узлов корабля заранее заготовленные щиты, теперь сами стремились укрыться за ними. Залезая в узкое пространство между щитом и телом накопителя, Кедрин оглянулся. Где-то далеко стали вспыхивать огоньки. Это заградители уничтожали часть основного потока метеоров — то, что они успевали нащупать на дистанции действенного огня порциями излучения. Но часть все равно прорвется. Выдержат ли щиты?

Минуты тянулись медленно. По связи объявили, что первый пакет прошел. Тогда Холодовский неторопливо проговорил:

— Конечно, запас времени у нас есть. Но он пригодится и в другой раз: мало ли что еще может стрястись! Метеоры, как известно, не диффрагируют. Поработаем пока в третьем секторе?

— Что же, сидеть и прятаться действительно нет смысла. Поработаем!

Кедрин последовал за ними. Выбираться из-за щита было неприятно, Кедрину хотелось стать маленьким-маленьким... Очередная деталь висела в пространстве, остановленная на полдороге: часть большого волновода накопителя. Гур равнодушно, как будто речь шла о порции салата за завтраком, проговорил:

— Твоя, Кедрин...

И они полетели дальше, к исходным позициям, за новым грузом.

Кедрин тащил часть волновода на место и утешался тем, что в этот отрезок трубы, на худой конец, можно будет влезть в момент возобновления метеорной атаки. Сварщики — из тех, кто пришел на помощь Особому звену, — уже настраивали свои полуавтоматы. Установщика не оказалось; Кедрин сам установил деталь на направляющие штанги и порадовался тому, как ловко это у него вышло, хотя и в первый раз.

Снова прозвучал тревожный сигнал, на спутнике начали отсчет минут и секунд. Кедрин хотел было кинуться под щит, но никто не торопился — и он не стал торопиться. Детали медленно плыли в пространстве. Отсчет кончился, и Кедрин ожидал, что сейчас по нему ударит частый дождь крохотных небесных тел. Но дождя не было. Даже в щиты, кажется, ничего не попало, и только раз сверкнула искорка — да и то очень далеко, в направлении спутника. Наверное, какой-то из метеоров врезался в цилиндр, но спутник этого не боялся.

— Вот так-то, мой бесстрашный друг, — промолвил Гур, подталкивая сектор главной защитной переборки. — В масштабах Приземелья нас все равно что нет — так что опасаться особо нечего. Между прочим, в космосе, как правило, вообще ничего не происходит.

— Значит, вы думаете, — сказал Кедрин, — на орбите Транса тоже ничего не произошло? И они зря молчат столько времени?

— Мало ли что я думаю... Возьми угол на себя, не то тебе придется повторить установку. Транс меня, конечно, беспокоит. Но не меньше тревожит то, что не видно пока транспорта с новыми автоматами. Мы ведь устанавливаем последние детали из резерва. Если Земля не успеет, начнутся простои. А время, как ты понимаешь, не ждет. Что они, заснули, что ли, там, на Планете?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

С орбиты Трансцербера по-прежнему не поступает никаких известий. На Земле и даже в Приземелье все увеличивает количество людей, полагающих, что известия о «Гончем» никогда больше не дойдут до обитаемых планет.

Но на Звездолетном поясе все пока думают иначе. Они знают: не так-то просто осилить человека, даже когда его отделиют от родной планеты миллиарды километров. Пусть люди молчат; они живы. Наверное, просто переводят дыхание...

2

Меркулин устало глядел на экранчик. На матовой поверхности застыли цифры, но директор института не видел их. В последнее время такое случалось с ним все чаще; вместо цифр на экране виделось совсем другое.

...Полет подходил к концу. Пеленгатор улавливал все более четкие сигналы спасателей Службы Жизни, безошибочно выделяя их из плотной массы другой информации, заполнявшей эфир. Автопилот поднял лодку вверх, перевалил через окруженный стеной сигналов запретный энергетический канал — настоящую реку энергии, текущую к распределительной станции. Затем лодка, выпустив тормозные щитки, заскользила к земле.

Густая поросль деревьев набегала снизу. Она перестала быть ровной, проявилась ее волнообразная поверхность. Затем открылась маленькая полянка; на ней виднелся оранжевый аграплан Службы Жизни.

Рядом копошились люди. В их суете было что-то тревожное. У Меркулина упало сердце, но он тотчас же успокоил себя: это ощущение следовало отнести скорее за счет стремительной потери высоты.

Неподалеку от аграплана воздушное суденышко остановилось, зависло над землей и медленно встало на лапы. Мотор умолк; в следующее мгновение, щелкнув, выключился и автомат, сделавший свое дело. Меркулин одобрительно кивнул и выбрался из машины.

Полянка оказалась не такой уж маленькой; застревая ногами в высокой траве, Меркулин не сразу достиг небольшого домика, окрашенного снаружи идилической розовой краской. Очевидно, именно в этих стенах происходило таинство реанимации — воскрешения.

Монументальный мужчина, весь в белом и блестящем, показался на пороге домика и остановился в дверях. Он мрачно поглядел на подросшего Меркулина и опустил глаза. Меркулин хотел, минуя его, пройти в домик; медик отрицательно качнул головой и протянул руку, указывая направление. Меркулин медленно, с тяжким предчувствием, повернулся.

Сбоку стояли носилки на низких ножках. Они были накрыты белым, и под этим белым проступали очертания... Меркулин подступил к носилкам, замер, потом через силу сделал еще шаг. Белое покрывало было натянуто не до самого верха, остался незакрытым желтый лоб, веки и виднеющиеся из-под век полукруги радужной оболочки и зрачки — неподвижные, неживые и странно внимательные.

Усилием воли, потребовавшим физического напряжения, Меркулин оторвал взгляд от этих глаз, повернулся и стал смотреть на медика, который все еще возвышался

в дверях. Меркулин сумел даже покривить губы улыбкой (движение это вызвало боль, как если бы пришлось силой раздирать сросшиеся губы), прежде чем спросил:

— Это... он?

— Да, — последовал краткий ответ.

— Жив?

Медик угрюмо качнул головой.

— Как же это?

Медик повторил безнадежное движение и переступил с ноги на ногу. Чувствовалось, что он хотел уйти — и не мог.

— Он чрезвычайно нужный работник...

Меркулин произнес эти слова и взглянул просительно, словно главным сейчас было: чтобы этот медик и остальные работники Службы Жизни (они за это время успели подойти и полукругом выстроиться за спиной прилетевшего), чтобы все они поняли, каким нужным работником был Коренюк, неподвижно лежавший сейчас под белым покрывалом, сколь многое сейчас зависело от него. Как будто нужно было лишь убедить их — и в следующую минуту Коренюк, зевнув, закроет эти свои страшные глаза, а потом откроет настоящие, умные и живые, и эта страшная сказка окончится.

Но спасатели молчали, так что нельзя было даже сказать — слышат ли они и понимают ли. Потом из-за спины стоявшего в дверях появился другой медик, маленький и сухой, лицо его было натуго обтянуто старой кожей. Он сначала пошевелил губами вхолостую, словно разгоняя их, чтобы без запинки произнести надлежащее. На полянке вдруг оказалась такая тишина, точно здесь никогда и не шумели деревья.

— К сожалению... — старик начал формулой, древней, как медицина, — к сожалению, на этот раз мы оказались бессильны. Исключительный случай, этого давно не случалось. Мы опоздали. — Он широко развел руками и долго держал их растопыренными, пропорционально своему недоумению и редкости приключившегося. — Да...

— Как это произошло? — Меркулин с удивлением услышал, что говорит чужим голосом, хриплым и дребезжащим.

— Он шел напрямик через лес. Не знаю почему. Торопился? И упал в глубокую яму. Когда-то это был колодец, веке в девятнадцатом или двадцатом, а возможно, и раньше. Неудачное падение, переломы. Большинство — не столь опасно, но шейные позвонки... Мы могли бы исправить и это, — с жалкой гордостью сказал старик. — Но при падении он

повредил медифор. К тому же — яма... Мы приняли сигналы искаженными. Пришлось долго искать; наступили необратимые изменения, хотя медифор и понизил температуру до возможного в этих условиях предела.

Старик перевел дыхание и уже другим, не столь официальным голосом продолжал:

— Отвратительное состояние бессилия... — Он кивнул в сторону аграплана, — Машина набита всем, чем угодно: приборы, устройства, сердца, легкие, печени — все, вся мудрость и могущество медицины, и вот... Он совсем умер, — неожиданно детским оборотом закончил старик, и заметно было, что, выговорив страшную новость, он почувствовал облегчение.

Меркулин кивнул.

— Ему было тридцать лет... — зачем-то сказал он.

Маленький медик хотел что-то произнести, но вместо этого сошел с крыльца и пробормотал: «Свертываемся. Уничтожьте это». Его коллега, тяжело ступая, направился к аграплану, вытащил из кабины баллончик; возвращаясь назад, отстранил неподвижно стоящего на том же месте Меркулина. Раздалось громкое шипение. Розовый домик опал, съезжился, как будто был сделан из снега, дымные струйки поднялись к вершинам деревьев. Медик тщательно собрал в мешочек пепел — наверное, чтобы ничто больше не напоминало о происшествии.

— Всего лучшего, — сказал медик. — Мы летим. Если хотите осмотреть колодец — он там, в чаще, метрах в четырехстах. Его уже засыпают.

Меркулин рассеянно кивнул. Дверцы аграплана захлопнулись. Он взвился — бесшумно ушел вертикально вверх; потом траектория его стала изгибаться туда, где в высоком небе висел вакуум-дирижабль, пост Службы Жизни. Один из многих, висевших на равных расстояниях надо всей планетой.

Меркулин вздохнул, потом направился к лодке. Движения его были неуверенными, как во сне.

Как во сне...

Меркулин часто заморгал, словно просыпаясь. Вокруг была обычная лабораторная тишина. Все те же цифры дрожали на экране. График хода работ... В институте нет больше ни одного специалиста нужного профиля. Есть кто угодно: подземники, океанисты, специалисты по воздушным сообщениям. Космиков нет.

Меркулин задумался; логическое мышление и здесь должно было оказать помощь. Логика всегда помогала — и поможет! — найти выход.

Нет специалистов; что это значит? Институт по-прежнему на месте. И все люди тоже — кроме одного. Все Элмо в порядке. Заводы-изготовители, автоматизированные до предела, освобождены от производства всякой другой продукции. Они ждут. Как только из института поступает разработка, они немедленно воплощают ее в металл и пластмассу.

Только разработки не поступают.

Беда в том, что автомат для космического завода-спутника, новая машина с производительностью, в несколько раз превышающей существующую, — это не такая уж простая вещь. И подземник, например, усевшись за Элмо Коренюка и пытаясь сделать принципиальный проект новой машины и при этом ничего не упустить из тех требований, которые предъявляются к такой машине, просто погибает под градом сведений, хранящихся в памяти Элмо, которые он не знает куда девать, как употребить в дело. Например, прочность. Для подземника это — одно; увеличивая прочность, можно идти по линии утяжеления. Но, оказывается, для Звездолетного пояса это не годится: вес там — один из основных показателей, на каждом спутнике все точно сбалансировано, каждый лишний килограмм может оказаться действительно лишним. И готовая конструкция летит на переработку. Оказывается, космики идут по линии не усиления детали, а подбора других материалов. Марками этих материалов начинена память коренюковского Элмо, но там одни марки: их характеристики Коренюк знал наизусть и не загружал ими ячейки памяти. Теперь же приходится подключать к работе чуть ли не десяток электронных справочников. А когда находится материал с нужными характеристиками, он, оказывается, именно для этой машины не годится, потому что твердость соседних деталей значительно меньше, они будут при работе изнашиваться очень быстро. Приходится искать заново...

Меркулин поморщился. Да, ералаш. Закономерный ералаш: то, что работает сейчас на Поясе, конструировалось не сразу — постепенно, вдумчиво, осторожно. Кто мог думать, что вдруг придется за считанные недели менять там все оборудование?!

Хорошо, что автоматику самого корабля должен конструировать не Меркулин; это делают сами приземель-

цы. Хорошо; но и то, что пришлось на долю института, достаточно плохо.

Происходи все это в обычное время, в нормальных условиях, Меркулин просто отказался бы от этого задания по причине его некорректности. Но теперь...

Теперь опасность грозит людям.

Вернее, грозила; люди, без сомнения, уже погибли: столько времени они молчат, и вряд ли без основательной причины.

Люди погибли. Но живые не хотят расставаться с надеждами. И надежды заставляют их строить корабль. Строить в небывалые сроки. А Меркулина и его сотрудников — ломать головы над конструированием проклятых автоматических линий Звездолетного пояса.

Иного выхода нет: за исключением спутника-семь, монтажного, на Поясе просто нет места для людей, да и дополнительные станки и машины некуда было бы ставить.

Меркулин поднялся и сделал несколько шагов по лаборатории.

Это, конечно, и не нужно. Работать должны автоматы, а не люди. И Пояс получит свои автоматы. Какой ценой?

Скажем прямо: цена будет немалой.

Немалой, потому что люди института вынуждены работать значительно больше, чем ранее. Они и работают, естественно; они тоже надеются, что люди на орбите Трансцербера еще живы и что их можно спасти.

Но долго ли выдержат работники института?

Трудно сказать. Меркулин учил и воспитывал их — их, без кого машины пока не могут решать сложные задачи конструирования. Учил и воспитывал, исходя из строгой системы. Работали с точностью до минуты. На этом было основано все. Ведь никогда не случалось ничего такого, что могло бы нарушить ритм, потребовать от человека больше, чем он привык давать.

Никогда не случалось — да и не предвиделось. Где могло произойти такое? На Земле, все закономерности которой изучены и приняты во внимание? Нет. В космосе? И его законы и особенности известны и приняты во внимание.

И вдруг в космосе происходит какая-то катастрофа. Конечно, вследствие небрежности людей, их недоверия машинам...

Приходится изменить ритм работы; к сожалению, последнее слово здесь принадлежало не Меркулину, а Велигаю.

И это бы еще ничего. Но вот непредвиденное происходит здесь, на Планете, под носом, в нескольких километрах от института. Совершенно непредусмотренное никакими графиками.

Кто мог ожидать? Кто...

Раздался звонок. Сделав досадливую гримасу, Меркулин подошел к видеофону; он знал, кто его вызывает. И действительно, на экране уже виднелось мрачное лицо Велигая. Меркулин вздохнул.

— Я слушаю.

— Вы опаздываете с линией производства элементов главной вертикали корабля...

Меркулин пожал плечами.

— К сожалению, да.

— На сколько задержите?

— Не знаю.

— Послушайте, Меркулин...

— Я все понимаю. Но мы не можем. Вы ведь знаете...

— Хотите, мы пошлем к вам кого-нибудь из наших конструкторов?

Подумав, Меркулин покачал головой.

— Они ведь не работают на Элмо?

— Нет. С простыми вычислителями.

— Не годится. Пока они научатся, истекут все сроки.

Наступила пауза.

— Что можно сделать, Меркулин?

Меркулин через силу выговорил:

— Я готов спросить у вас; что можно сделать, Велигай?

— Поднять людей! Пусть работают интенсивнее! Как наши.

— Они не могут, — устало произнес Меркулин. — Просто не могут. Физически.

— Тогда скажите: вы сделаете то, что должны, в срок? Или уже не верите в это?

— Будем стараться, — ответил Меркулин, стараясь говорить спокойно. — Будем... Два человека уже заболели. Я вынужден был отстранить их от работы. Сегодня у меня еще было, кем их заменить. Будет ли завтра?

Велигай молчал, глядя в глаза Меркулину.

— Но и я хочу спросить у вас, Велигай.

— Да?

— А вы сами — вы еще верите, что в этой работе есть смысл?

Велигай молчал; затем он пошевелился. И внезапно экран потемнел; прозвучал сигнал отбоя.

— Велигай! — позвал Меркулин. — Где вы, Велигай?

Он протянул руку к клавиатуре, чтобы восстановить связь. Потом медленно отвел ладонь.

Да ведь Велигай знает не больше. И сам наверняка не верит. Он просто не хочет об этом думать. Работает по инерции. Ну что же — его дело...

А Меркулин? Имеет ли он право рисковать своими людьми, которые не выносят сумасшедшего темпа, непредвиденной нагрузки? Рисковать ради... ради чего?

Институт — сложная машина; люди — часть ее. Если они выйдут из строя, институт остановится. А ведь институт существует вовсе не только для обслуживания Звездолетного пояса. Главным была и остается Земля.

Решай, Меркулин. Логика никогда не подводила тебя.

Что она говорит, логика?

Что отказаться от задания, конечно, нелегко. И самолюбие возражает, и с этической точки зрения...

Но с позиции целесообразности надо отказаться. А ведь всю жизнь ты руководствовался целесообразностью.

Меркулин нажал клавишу общего разговора. Вспыхнули лампочки: сейчас директора слушали во всех лабораториях.

Он подождал несколько минут, чтобы у работавших с Элмо было время прийти в себя. Потом сухо сказал:

— Я принял решение — отказаться от задания Звездолетного пояса.

Ответом была тишина. Такой мертвой тишины ему еще никогда не приходилось слышать. Меркулин даже усомнился, слышат ли его. Работает ли связь. Хотя индикаторы и горят...

— Все ли слышали? — нервно спросил он.

Тогда в динамике раздался вздох; один вздох, но он вырвался одновременно из груди каждого.

— Но так нельзя... — нерешительно произнес кто-то.

— Ведь там люди... — проговорил другой.

«А здесь? — подумал Меркулин. — Здесь — не люди? Вы сами?»

— Больше нет смысла, — сухо сказал он. — Люди наверняка погибли. Если даже у нас гибнут... Возвращаемся к своим делам.

Он выключил связь, не дожидаясь могущих последовать слов. Хотя и знал, что прямо возражать не будут.

В институте не возражали директору. Потому что его уважали. И потому, что он же, в конце концов, всегда оказывался прав!

А Велигаю придется все-таки прибегнуть к тому средству, которое Меркулин предлагал еще в самом начале. Послать транссистемный корабль, ведомый автоматами. Автоматы разберутся и доложат, что произошло там, на орбите. Если там вообще еще что-нибудь сохранилось.

Что же! Это отличное средство! И будь Меркулин на месте Велигая, он бы применил его не задумываясь...

На этот раз Меркулин не отвел руки. Он набрал номер Велигая на Звездолетном поясе. И, набрав, положил ладонь на стол: пальцы слегка дрожали.

3

Дверь в каюту Ирэн по-прежнему была заперта. Она все еще не возвратилась с десятого спутника. Только ли потому, что там было очень много работы? Или следовало искать какие-то другие причины?

Велигай постоял на месте, словно не зная, что предпринять. Редкий случай, конечно; тем тяжелее такое состояние. Скверно! Возраст, что ли, сказывается? Нет, возраст тут ни при чем. Просто... Ну да. Именно так. Никуда не денешься. И с каждым днем, с каждой неделей — она все нужнее. Она очень некстати уехала на десятый спутник. Совсем некстати.

Конечно, помочь там следовало. Но ведь вопросы, касающиеся Пояса, без него, Велигая, не решаются. А тут его, по сути, и не спросили. Значит, была какая-то причина.

Какая же?

Память заработала. Внезапный отъезд может означать вот что: не хочу тебя видеть. За что? Или: не хочу видеть. Не тебя. Кого-то другого...

Кого-то другого?

Кого? Кругом — все свои, друзья на жизнь и на смерть. Кроме разве что...

Нет, все не так просто. Что же, что друзья? А вдруг...

Велигай пожал плечами. Круто повернулся и направился к себе.

Связь со всеми спутниками Пояса была сосредоточена в его кабинете. Строго говоря, это был не кабинет. Это был центральный пост Звездолетного пояса, к которому с одной стороны примыкала конструкторская лабора-

тория Великая, с другой — маленькая каюта, где он иногда уединялся.

Стремительными шагами он подошел к пульту видеофона и вызвал десятку.

— Ну? — спросил он тоном, не предвещавшим ничего доброго. — Ты долго будешь моих людей задерживать?

— Не держу, шеф, — последовал ответ. — У нас как? Хочешь работать — работай. А уж на каком спутнике — это дело десятое.

— Ишь, как тебе нравится, что дело десятое. А я сейчас болею за дело седьмое. Женщину нашу скоро отпустите?

Собеседник пожал плечами.

— Соединись сам с ней. Она в четырнадцатом секторе. Хочешь? Переключаю.

Теперь на экране была Ирэн.

— Здравствуй, — сказал Велигай неожиданно севшим голосом. В искусственной гортани только что-то булькнуло. Но Ирэн поняла.

— Здравствуй! — Это было сказано сердечно, хотя она и выглядела устало. Но Велигаю сейчас хватило бы и меньшего, и он вдруг почувствовал, как против воли углы резкого рта загибаются вверх, как начинают моргать тяжелые веки. Эх, Велигай, — подумал он...

— Ну как у тебя там? — Он постарался спросить поравнодушнее: общая же связь все-таки. И не утерпел: — Пора бы домой, а?

Она улыбнулась. Кажется, искренне.

— Сейчас трудно. Ведь от Земли пока особой помощи мы не видим...

— Да, — произнес Велигай, мрачней. Это не ускользнуло от нее.

— Что-нибудь случилось?

— Не видим помощи — и не увидим. Ненадолго хватило Меркулина.

— Неужели?..

— Да. И упрекнуть его, строго говоря, не в чем. Задание действительно превзошло их возможности. А люди не смогли превзойти себя.

Ирэн кивнула.

— Что же ты собираешься делать?

— Держаться до последнего, — горько усмехнулся Велигай. «И для этого ты мне нужна сейчас, очень

нужна», — следовало тут добавить, но слова эти опять-таки не для открытой связи. Впрочем, не было случая, чтобы Ирэн не понимала таких вещей. Она поняла и сейчас, и губы ее уже приоткрылись, чтобы произнести: «Так я сейчас же приеду», — а Велигай уже приготовился благодарно кивнуть ей. Но слова не были сказаны, лицо женщины сразу стало как будто старше.

— Тебе будет трудно, — сказала она наконец.

— Всем, — уточнил он.

— И все же — без помощи Земли мы не успеем в срок.

— Меркулин это утверждал с самого начала. Наверное, поэтому ему легче было отказаться.

— Что он предлагает?

— Все то же: послать транссистемный корабль с автоматами.

— И ты пошлешь?

— Если не будет другого выхода. Ведь работая в обычном темпе, мы едва успеем сделать треть корабля. Основные механизмы. А сам корабль?

Ирэн молчала. В глазах ее было понимание, и не только понимание, но тогда какого же черта она сидит на десятом, когда так нужна здесь?

— Да, — сказал он, чувствуя, что надо кончать разговор и не находя сил выключить канал. — Да. И все же мне немного жаль Меркулина. У него очень прочные убеждения, но... не всегда, к сожалению, правильные.

Он улыбнулся и кивнул, словно приглашая выслушать смешную историю.

— Когда мы там заседали, мне почудилось, что это — дипломатическая конференция из учебников истории. Сидят представители враждующих держав со своими консультантами и министрами — как там это называлось...

— Кто был с тобой?

— Этот — Кедрин.

— Ну и как он там?

— Нормально. Обыкновенно... Меркулин, кажется, увлекается внешними аналогиями. Он мне сказал что-то вроде: ваши методы и традиции так же не вернутся, не лягут в основу деятельности человечества, как не вернется в космос «Джордано»... Эффектно, правда? Только трудно понять, какое отношение имеет наш корабль к традициям, к готовности человека сделать больше, чем от него ждут...

Наступила краткая пауза.

— Слушай... Я как раз хотела тебе сказать...

Велигай встрепенулся. Значит, все-таки?..

Ирэн заговорила; он напряженно слушал. Сначала удивленно поднял брови — как видно, он ожидал совсем других слов. Потом в глазах зажглись насмешливые искорки, Велигай даже пригнулся к экрану: хотя слова были и не те, но, наверное, они увлекли его. Ирэн умолкла; конструктор на миг задумался, потом сильно ударил кулаком в ладонь другой руки.

— Крепко, — сказал он. — Замечательно. То, что нужно. Слушай, звездочка: ты права. Что ж, в таком случае — не торопись. Сиди на десятом. Я переговорю с ними. Надо переключить все вычислительные мощности на разработку этой операции. Кстати, не забудь: можно использовать и вакуумные устройства. Пока это не сделано, нет смысла возвращаться на седьмой. Ты поняла?

— Да.

— Буду разговаривать с тобой два раза в день. Что-нибудь передать?

— Нет, — ответила Ирэн после краткой паузы.

— Ну вот, — сказал Велигай. — Пусть ты будешь прав, Меркулин. Но в конечном итоге...

Он не договорил и выключил аппарат.

4

Услышав шаги, Кедрин повернулся и торопливо пошел, почти побежал по проспекту. Свернув в первый же переулок, он остановился. Слышно было, как шаги Велигая приблизились, миновали переулок и постепенно затихли в отдалении.

Через неплотно закрытую дверь Кедрину удалось услышать конец разговора. Это было, наверное, не очень красиво, хотя и произошло помимо желания. Тем не менее сейчас Кедрин об этом не жалел. Так вот как, оказывается, обстоят дела!

Нет, это нечестно, Велигай! А ведь казалось, что ты никогда не позволишь себе такого... Услать Ирэн на десятый спутник и держать ее там, чтобы она не могла увидаться со мной? Так не поступают.

«Сиди на десятом!» Каково? «Буду разговаривать с тобой два раза в день»!

А разве тебе одному можно с нею разговаривать? Нет, Велигай. Это у тебя не получится. Другие тоже найдут выход. Теперь они имеют на это право.

Кедрин повернулся, вышел на проспект и быстро пошел по направлению к гардеробному залу.

Решение созрело почти сразу. Переговариваться с десятым спутником можно только из Центрального поста, значит — с разрешения Велигая, или из отделения связи, где всегда полно людей. Это Кедрина не устраивало. Значит, надо встретиться с Ирэн. В конце концов, должна же она что-то решить!

Сейчас Кедрину уже казалось, что в том, что он до сих пор ничего не сказал Велигаю, виновата именно Ирэн.

Встретиться! Это было бы легко, не разделяй их тысячи километров пустоты. Расстояние между седьмым и десятым спутниками никак не назовешь маленьким.

— Да. И к тому же регулярной связи между ними нет. Она никому не нужна...

Кедрин остановился. Зачем он, собственно, идет в гардеробный зал? Сквammer тут ему не поможет. Конечно, в нем можно преодолеть и такое расстояние. Но — только при баллистическом, орбитальном полете. Это потребует чуть ли не целых суток. Лететь же по кратчайшему пути — с ускорением — нельзя: у скваммера нет таких запасов топлива.

Да, в гардеробном зале делать нечего.

Кедрин свернул и пошел по другой улице. Лишь минуты через две он понял, куда идет. И ужаснулся.

Погоди. Да понимаешь ли ты?..

Он упрямо тряхнул головой. Все понимаю. А что мне остается? Ее увидеть надо обязательно.

Но ты же не умеешь, никогда не пробовал...

Ну и что? Ты видел, как это делает Велигай. Ничего сложного. Это сможет любой человек, умеющий ориентироваться в пространстве. А этим умением он уже обладает. В скваммере это даже сложнее: меньше поле обзора, да и вообще.

Но подумал ли ты...

В следующий момент думать стало некогда. Кедрин остановился перед тяжелой дверью запасного выхода. Не восьмого, где он когда-то — кажется, очень давно, в счастливый вечер — почувствовал запах; нет, это был другой выход, тот, за которым обычно поджидал своего хозяина небольшой катер

Велигая — то самое суденышко, на котором они однажды летали к Меркулину.

Дверь, как всегда, была закрыта и казалась несокрушимой. На миг Кедрин испугался: вдруг катера нет снаружи, Велигай иногда отправлял на нем кого-нибудь с заданием. Сам-то шеф-монтер только что направился совсем в другую сторону... Как узнать?

Кедрин постоял несколько секунд, восстанавливая в памяти ту обстановку, которая была, когда они садились в катер. Именно тогда он мельком — в последний раз! — увидел Ирэн. Они подошли и остановились перед дверью. Горел зеленый огонек...

Вот он, горит. Значит, выход разблокирован. Вспомни: у того, другого выхода горел красный огонек. За ним была пустота.

А тут — не пустота. Значит, установлен переходник. И на другом конце его — вход в тесную рубку катера.

Надо открыть дверь. Риска нет: если там, снаружи, ничего нет, отпирающий механизм просто не сработает.

Кедрин торопливо оглянулся; ему почудилось, что кто-то приближается сзади. Нет, коридор пуст. Надо торопиться. Все-таки ты не на необитаемом острове: кто-нибудь случайно увидит — и помешает...

Кедрин решительно замкнул рубильник отпирающего механизма.

Дверь и вправду не была заблокирована; она медленно отворилась. Сначала возникла узкая щель, за которой была чернота, и Кедрин невольно отшатнулся: а вдруг там действительно пустота, и в следующий миг воздух со свистом рванется наружу, увлекая за собой человека... Но в коридоре царил обычный штиль, а пространство за отворяющейся дверью осветилось: это в переходнике вспыхнули лампочки.

Кедрин шагнул вперед. Переходник — это была круглая труба, только под ногами оказался пол из узких пластмассовых реек. Кедрин ступал быстро, но осторожно: кто знает, насколько прочно прикреплен переходник к спутнику. В прошлый раз — с Велигаем — он шел, кажется, обычным шагом. Но тогда был Велигай...

Ах, Велигай, Велигай. Вот уж не думал...

Вот и люк корабля. Как и полагалось, он был приоткрыт. Кедрин пролез в щель и захлопнул люк за собой. Щелкнули предохранители. Интересно, а открыть его ты сумеешь?

Да все равно. Там, на десятом, кто-нибудь поможет.

Он уселся в мягкое, чуть скрипнувшее под ним кресло. В рубке приятно пахло: кожей, пластиком и еще чем-то, и все это соединялось в единый устойчивый запах машины, которой пользуются часто, неприхотливой и надежной. Такая не подведет.

Кедрин постарался принять непринужденную позу: так сидел в этом самом кресле Велигай, когда они летели на Землю. Ты тогда просто любовался его движениями и даже не подумал о том, что знание смысла и последовательности его манипуляций сможет тебе пригодиться в самом ближайшем будущем. И все же постарался запомнить: ведь у каждого человека стараешься чему-то научиться.

Посмотрим, чего стоит ученик; только не надо медлить. Тебя все еще могут вытащить из корабля. За шиворот, как щенка. Разве что не ткнут носом.

Никто ведь не разрешал брать катер...

Ну, пусть потом будет все, самое страшное. Пусть стыдят, ругают, пусть мало ли что...

Здесь Кедрин приказал мыслям остановиться. Слишком уж страшно прозвучало это «мало ли что», потому что на самом деле за ним скрывалось слишком многое. Почему-то в голову в этот миг пришла старая сказка о сестрице Аленушке и братце Иванушке. Не пей из козлиного копытца! Но я очень хочу пить, сестрица Аленушка, я гибну от жажды. Я изопью, пусть и последуют за этим страшные превращения. Вот я приближаюсь к воде губами...

Он протянул руку к рычажку с надписью «Разобшение». Так начинал Велигай. Рычажок бесшумно повернулся. Ничего не произошло. Почему? Ведь тогда на экранах было видно, как... Ах да, экраны.

Кедрин включил обзор. Справа нависал борт спутника, слева не было ничего. Впереди — свободный путь. Еще раз «разобшение». Теперь рычажок пошел ту же. Экраны показали, как переходник, складываясь в гармошку, оторвался от спутника и прижался к борту катера. Красная лампочка на пульте погасла. Теперь следующее действие: нажать «компенсатор центробежного эффекта». Ну да, чтобы выровнять корабль: вот как отшвырнул его спутник-семь!

Корабль выровнялся. Зададим ему программу полета. Кедрин повернулся к таблице, в которой были перечислены объекты Приземелья. Вот спутник-десять. Рядом значится его шифр на языке кибернетических устройств. Осторож-

но, по одной цифре наберем это число на клавиатуре. Велигай бы не стал делать этого, но то Велигай...

Кедрин досадливо мотнул головой. Сейчас вроде бы и не время думать об этом. Итак, все сделано? Все. Теперь нажмем вот это. Здесь так и написано: «Старт».

Двигатели включились. Спутник стал поворачиваться, уменьшаясь. Ускорение нарастало постепенно. Кедрин откинулся на спинку кресла, перевел дыхание. В голове стучало. Кажется, ничего особенного нет в этом: сел и поехал. Но как колотится сердце...

Спутник-семь остался далеко позади. Вокруг дышал космос. Голубоватое сияние рабочего пространства стало совсем неразличимым. Внезапно кораблик рыскнул; Кедрин недоуменно осмотрелся. Но все оказалось в порядке, суденышко вернулось на прежний курс. Хорошо, умная машина. Все понятно: Кедрин и раньше слышал, что около Земли вьется всякая мелкая пакость, словно мошкара вокруг лампочки. Своим тяготением планета захватывает всякий мусор, и он обращается по определенным орбитам. Катер перевалил сейчас через одну из таких орбит.

Хорошо. Но медленно, до чего медленно! Надо скорее. Странно, как мог Кедрин столько времени не видеть Ирэн? Для чего вообще он тогда жил? Ведь у всего остального нет никакого смысла, если ежечасно, каждую минуту не помнить о ней. Медленный, неуклюжий корабль. Как только терпит тебя Велигай?..

Мысли внезапно остановились, будто налетев на препятствие.

Да. Как только терпит тебя Велигай... Но какое отношение эти слова имеют к кораблю?

Ты летишь на корабле Велигая. Пользуешься уроками Велигая. Думаешь о нем. И летишь, чтобы...

У Кедрина даже дыхание перехватило: настолько неприглядными вдруг показались ему собственные действия.

Ведь он, наверное, тоже тоскует. Хозяин корабля.

Тоскует; и все-таки разговаривает с нею по связи — вместо того чтобы сесть в этот самый кораблик и... Ему ведь даже не надо спрашивать разрешения. Он здесь дома — на орбитах Пояса.

Кроме того, он мог бы увидеть ее с чистой совестью: вряд ли Велигай думает о тебе в таком качестве. Ты ведь так и не сказал ему ни слова.

Предпочитаешь действовать за спиной?

Так и есть. А потом хочешь вернуться на спутник, и смотреть в глаза товарищам, и выполнять задания того же Великая...

Ты, который иногда в мыслях склонен даже гордиться собой. С собой — честным, прямодушным, смелым...

Какая же ты дрянь, друг мой!

И еще: ты летишь к ней. Но разве она не поймет всего того, о чем ты только что думал? Поймет; и будет еще менее снисходительной к тебе.

Ты летишь, чтобы потерять все, Кедрин.

Остановись! Скорее остановись!

Вот три тумблера-близнеца. И вокруг надпись: «Тормозные». Выключим двигатель. Теперь нажмем их. Раз. Два. Три. И газ...

Кедрин стал постепенно выбирать рычаг газа. И действительно, перегрузка сказала ему, что торможение началось.

Теперь Земля неподвижно висела на экране. Кедрин поставил локти на пульт, уткнулся лицом в ладони. Он дышал тяжело, как будто только что перенес опасность, большую опасность. Да и разве это не было так?

Но как только корабль затормозился, возникла другая мысль и разрослась, снова закрыв собою все прочее.

Ведь ты не можешь без нее. Сейчас нельзя ее видеть. А не видеть — ты в силах? Что же делать?

Внезапно он резко поднял голову.

Но ведь у корабля есть связь со спутниками! Пусть нельзя поговорить с нею из своей каюты, но отсюда, из рубки, это вполне возможно! Как ему сразу не пришла в голову такая простая мысль?

Кедрин огляделся. Рация — вот она, справа. Где мы сейчас? Справа — тот самый Угольный Мешок, черный провал в мироздании. Интересно: кораблик сейчас как раз на прямой линии, соединяющей примерно то место, где загорелась однажды зеленая звезда, и спутник-семь. Нет, не вполне точно: спутник сейчас несколько в стороне, он ведь постоянно меняет место, обращаясь вокруг Земли. Ну, все равно. Сейчас важен не седьмой спутник, а десятый. Вот он, кажется. И он сейчас находится на этой самой линии...

Сориентируем антенну поточнее. Теперь включим...

Он включил рацию. И отшатнулся.

Ему захотелось заткнуть уши: такой набор комплиментов посыпался из динамика. Прямо не верилось, что

в Приземелье кто-то мог употреблять такие обороты речи. Безобразие!

Но все же интересно. Послушаем.

Нет, но какие слова!

— Вы! Сто семидесятый! Кретин вы! Сонный тюлень, каракатица, драный пес! — орал динамик. — Молокосос, вы! Сто семидесятый! Уберете вы свои потроха с дороги или нет? Большая корова! Вы слышите? Или умерли?..

Кедрин весело смеялся. Неожиданное словоизвержение ему даже понравилось. «Вот уж, действительно, нравы», — сказал бы Меркулин. А что он, собственно, ругается, хрипун этакий? Чего хочет?

Кедрин устроился поудобнее. Динамик в это время выдавал что-то в еще более высоком темпе, но по-немецки. Затем вступил другой голос, и перебранка пошла уже по-английски. Новый интересовался, не собирается ли уважаемый сэр освободить пространство для рейсового лунника. Уважаемый сэр ответил, что его самого не пускает какой-то живой покойник, удобно расположившийся в самом узле трасс, а поворачивать или резко гасить скорость сейчас нельзя, потому что он везет груз живых цыплят, и они не выдержат такого ускорения. Уважаемый сэр рычал и клекотал, в его речи гремело немецкое «р», но его собеседник, находясь на пределе возбуждения, забыл, очевидно, все другие языки, кроме родного, и даже кедринский динамик задребезжал от грозного «поррр диос!», после чего перебранка началась сначала — вернее, оба начали проклинать растяпу, застрявшего в этом самом узле трасс.

Кедрин развлекался, слушая их, еще с полминуты, а потом сообразил, что номер сто семьдесят он видел на борту этого самого корабля, и что презренный растяпа — он сам; не кто иной, как он на своем катере болтается на месте... Кедрина прошиб холодный пот. Он нажал кнопку «старт» и рванул рычаг газа с такой силой, что на миг потемнело в глазах. Он сделал это очень своевременно: через несколько минут недалеко от него пронесся, мигая выхлопами, круглый планетолет, а еще через три минуты его место занял лунник. Торжествующие проклятия гремели в динамике, и Кедрин почувствовал, что у него нет больше сил.

Снова затормозившись, он включил автоподстройку рации. Надо было все-таки разыскать Ирэн: другой такой возможности, наверное, ему не представится... В эфире слышался голос Велигая, который не спутаешь ни с чьим; кон-

структор разыскивал свой катер. Кедрин смог бы объяснить, где этот катер находится, но он еще не нашел Ирэн. Затем настройка сдвинулась. И внезапно Кедрин насторожился.

Такого он еще никогда не слышал; это не была открытая передача Приземелья, но и на коды лунных станций тоже не было похоже. Унылый вой — словно волк пел свою лунную песню — плавно нарастал, затем падал и нарастал снова, но если вслушаться, этот вой нес в себе что-то. Обрывки слов?

Кедрин вслушался. «Свет» — услышал он. И снова вой. «Надеемся...» Опять вой. «В порядке...» Или это лишь кажется, что тут и там проскальзывают эти слова? Но если даже это только чудится...

Кедрин уже знал основное правило Приземелья: ни один странный факт не следует оставлять без внимания. Эта передача, без сомнений, относилась к странным фактам. Поэтому Кедрин тщательно измерил и записал частоту. Он записал бы и всю передачу, но не знал, есть ли на катере устройство для этого. Поэтому, определив частоту и направление — передача, оказалось, была остронаправленной, — он вздохнул и включил передатчик.

Он не стал вдаваться в подробности; это придется сделать позже. Он просто ответил на вызов Велигая и сообщил, что возвращается.

5

— Я не завидую тебе, мой отчаянный друг, — сказал Гур.

Кедрин пожал плечами. Откровенно говоря, он и сам себе не завидовал. Но ничего не поделаешь; Велигай ждал, и надо идти к нему.

Против ожидания, разговор начался не с катера и вообще не с Кедрина. Когда четверо расселись в креслах, Велигай сказал:

— Ну, так. Во-первых: за истекшие дни запах в окрестностях спутника не появлялся. Это позволяет надеяться, что Холодовский прав и что от этой угрозы мы избавились.

Холодовский счастливо улыбнулся.

— Да, — сказал он. — Этого больше нет. Нет больше!

— Значит, можно расширять фронт работ, не рискуя подвергнуться атаке запаха? Значит, Карло будет последним пострадавшим?

— Будет последним! — твердо ответил Холодовский.

— Ручаешься?

— Голову даю. Что угодно.

— Хорошо, — грозно проговорил Велигай. — В случае чего — сниму с тебя голову. — Курлыкающий голос резок, но все понимали, что шеф-монтер очень рад. Кедрин стал даже надеяться, что и ему, в этой связи, достанется в меньшей степени, чем он, несомненно, заслужил.

— Фронт работ, — сказал Велигай. — Нам действительно придется его расширить. Меркулин не верил в наш замысел — и потому оказался не в силах помочь нам. Но только наш вариант может принести успех. И вот нашелся выход. Вместо того, чтобы изготавливать заново корпус, жилые и вспомогательные помещения, мы возьмем их уже готовыми.

Он улыбнулся, и трое монтажников тоже улыбнулись как-то по-особому. Наверное, Велигай намекал на что-то, знакомое и близкое любому из них.

— Ну, на эту тему мы вкратце уже разговаривали. Конкретный план придется составить вам самим на месте. Я уже установил связь с Планетой; все необходимые технические средства нам предоставят. Медлить нельзя. Работа будет не из легких, но теперь это — единственный способ... Мы это понимаем, а?

По лицам снова прошли улыбки. Но Велигай и тут не дал им времени пережить все сказанное.

— Итак, вы трое сейчас отправляетесь на Планету. Берите наш счастливо обретенный катер... — он скользнул взглядом по Кедрину и отвернулся, — берите катер и поезжайте. Сделайте все, как надо; будет не так просто, вы сами понимаете.

— Есть, — сказал Гур, поднимаясь. — Мы втроем? А он?

Он кивнул в сторону Кедрина, и тот почувствовал, что значит «душа уходит в пятки».

— Он? А зачем он вам? Придется больше следить за ним, чем думать о деле.

— Послушайте... — сказал Кедрин.

— А стоит ли? — усомнился Велигай. — Что бы вы ни сказали, факт остается фактом. А следовательно...

Кедрин насупился.

— Я и не собираюсь... Хочу только доложить, что мною принята странная передача...

Велигай нехотя взглянул на Кедрина.

— Какая передача?

Кедрин хотел объяснить. Но понял, что сделать это ему не удастся. И тогда он просто голосом изобразил то, что слышал — тоскливый вой... Сейчас это не было для него трудной задачей.

— Так? — спросил Велигай. — Не ошибаетесь?

— Нет. И мне показалось, что я разбираю слова. Я записал...

— Интересно... Кто-нибудь знает такой код?

Гур пожал плечами; Холодовский покачал головой. Дуглас лишь поднял брови.

— Хорошо, — сказал Велигай, резко поднимаясь. — В таком случае я отлучусь. Мне интересно услышать это самому.

— Я покажу, — вскочил Кедрин. Велигай сухо произнес:

— Не надо... Дорогу запомнил автомат.

Он вышел. Монтажники не торопились покидать Центральный пост. Странное, мечтательное выражение возникло на лице Гура, Дуглас взволнованно улыбался, и даже Холодовский выглядел так, словно был готов предаться мечтаниям... Кедрин не мог понять, в чем дело: вряд ли известие о какой-то странной передаче привело их в такое состояние.

После паузы он решился спросить об этом. Гур покачал головой.

— Нет, конечно... хотя в этом кое, быть может, что-то и есть. Мы просто рады: снова пожить хоть несколько дней на Земле — это очень хорошо!

— А я думал, — сказал Кедрин, — что вы не любите Землю.

— Запомни, — проговорил Холодовский. — Можно жить на Земле и не любить ее. Бывает... Но жить в Пространстве и не любить Землю — нельзя. Такие здесь не удерживаются. Потому что все это: и неудобства — а там удобнее, понятно, — и опасности — а они есть, эти опасности, — можно переносить только ради Земли, которой нужны, очень нужны наши корабли.

— Но на них гибнут люди.

— К сожалению. Но, уходя в поиск, люди не думают об этом. Таковы люди. А мы верим: настанет момент — и Лобов выйдет на связь. Если у него даже нет ничего, больше ничего, совсем ничего для связи, он будет кричать, и голос его долетит до Приземелья. Это — Лобов, ты не знаешь его, а мы знаем. Мы помним его еще вторым пилотом на славном «Джордано»...

300 — А первым? — спросил Кедрин.

— Командовал Велигай.

«Опять», — подумал Кедрин.

— А есть ли вообще что-нибудь, в чем не участвовал бы Велигай?

— Бывают люди, мимо которых не пройти. В науке, в литературе, во всем. Он — один из таких. Тебе это как будто не нравится?

— Нет, — равнодушно сказал Холодовский, мельком взглянув на Кедрина. — Просто наш новый товарищ — скептик по натуре. Простим ему.

— Не будет ли скептик так любезен, — вмешался Дуглас, — и не объяснит ли он, что побудило его заняться пиратством в Приземелье?

— Ответь, — посоветовал Гур. — Во всем, что касается пиратства, каперства, флибустьерства и прочего, Дуглас — непререкаемый авторитет. Его предки...

— Оставь их в покое, — проворчал Дуглас. — Сейчас вернется Велигай, и я хотел бы видеть, какие предки смогут помочь мальчику.

Кедрин молчал.

— Красноречиво, — сказал Гур после паузы. — Но Велигай вряд ли удовлетворится этим. Вот он придет...

Дверь распахнулась, вошел Велигай. Глаза его были непроницаемы. Он уселся, оглядел всех.

— Хорошо, что вы еще здесь. Поговорим о Кедрине, мы не успели сделать это. Я хотел бы знать...

— Мы тут побеседовали, — сказал Холодовский. — Обычное щенячье любопытство, шеф. Неустановившийся характер. Больше он не станет так поступать.

— Да, — сказал Кедрин, проглотив комок.

— Любопытство... — задумчиво проговорил Велигай и вздохнул. — И нетерпение... А ведь торопиться не надо, Кедрин. Даже в таких случаях...

Кедрин поднял голову. Что он имеет в виду? Но Велигай смотрел в сторону, на его неподвижном лице нельзя было прочесть ничего.

— Нельзя торопиться, — повторил Велигай, но уже другим тоном. — Но тем более недопустимо медлить. Поэтому, ребята, отправляйтесь-ка на Планету. Теперь тем более нельзя терять ни минуты.

— А что такое? — поинтересовался Гур. — Новости?

— Я был там, — ответил Велигай. — Слышал этот вой. Парню везет, ничего не скажешь. Это искаженная передача Лобова. Удалось разобрать: они все там целы. А теперь исчезайте, мне надо работать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

На орбите Трансцербера капитан Лобов вышел из радиорубки с таким выражением лица, как будто считал свое жизненное предназначение выполненным. Земля их наконец услышала и откликнулась. Собственно, иначе и быть не могло. Но почему же она так долго не откликалась?

Не замешана ли здесь эта неожиданная вспышка? Она, похоже, произошла на невидимом пока Трансцербере. Всплеск света был краток. Его сменила темнота — но не спокойствие.

Спокойствие не возвращалось, хотя корабль — вернее, то что от него оставалось — не получил никаких новых повреждений. Правда, и старых за глаза хватило бы любому. Но кто знает, чего еще можно ожидать от непонятной планеты? Чтобы разобраться в этом, ученые принялись анализировать вероятные причины вспышки. В какой связи с нею находится запах, уже вторично возникший на корабле?

Ученые думали про себя и вслух и спорили яростно, как боксеры. Воздвигали гипотезы — и с размаху разносили их вдребезги, чтобы из получившегося логического щебня тотчас же возвести новую гипотезу, которую через полчаса постигала та же участь. Что это за вспышка? А запах? Случайно ли и то и другое совпало с попыткой провести передачу с помощью общей антенны? Почему Земля не откликнулась на передачу? Не приняла? Потому ли, что оказался слишком слабым сигнал, — как-никак, передача ненаправленная — или по другим причинам? Но пусть Земля даже и не услышала; тем более она должна была обеспокоиться, запросить. А с Земли тоже не доходит ни слова. Кто виноват? Трансцербер? Хорошо, а что он такое? Может быть, вовсе и не планета? Что же в таком случае? Астероид, голова кометы, чепуха, мироздание навыворот?

Чужой корабль, предполагает капитан Лобов. Эта гипотеза вызывает взрыв на сей раз здорового смеха.

Капитану разъясняют: можно надеяться на чудо, когда речь идет о так сказать благополучном разрешении сложившейся ситуации. Но говоря о науке, следует исходить из реальных, известных и проверенных фактов. Поскольку гипотеза капитана Лобова никакими фактами похвастаться не может, ученые будут очень благодарны, если вплоть до завершения полета предположения относительно чужих кораблей не будут дискутироваться.

Капитан не обижается, ему, собственно, только это и нужно. Пусть люди смеются, пусть спорят. Это лучше, чем производить локацию Транса и вычислять скорость сближения. Хватит и того, что эту скорость показывают приборы в рубке, куда капитан посторонних не пускает.

Ученые спорят. Одни считают, что вспышка свидетельствует об интенсивной вулканической деятельности на поверхности Транса. Другие утверждают, что говорить об этом всерьез вообще невозможно, потому что коль скоро сама планета визуально не наблюдается, то нельзя заметить и любое извержение на ее поверхности. Скорее там произошла неуправляемая ядерная реакция, или столкновение с необычайно крупным метеором или астероидом, или...

Капитан Лобов, выслушав все это, сказал, что он не пожалел бы ничуть, если бы в результате извержения, реакции, столкновения или еще чего-нибудь Транс разлетелся на мелкие кусочки, и все эти кусочки полетели бы в другую сторону. На это ученые в один голос возразили, что такие пожелания нельзя высказывать даже в шутку. Экспедиция на Транс — если не их, то другая — обязательно встретится с целым рядом очень интересных явлений. Коли уж на то пошло, ученые согласны скорее разлететься на кусочки сами, чем пожертвовать Трансцербером, даже будь это в их власти. Хотя, разумеется — торопливо заверяют они, — ни у кого из них нет ни малейшего сомнения в том, что «Гончий пес» благополучно завершит свой странный рейс. Но так или иначе, надо поскорее передать на Землю то, что уже известно.

Услышав такие заверения, капитан Лобов всерьез задумался о степени осведомленности ученых об истинном положении вещей. Кажется, все споры не помешали им составить правильное мнение насчет относительной скорости сближения тел на орбите, с одной стороны, и быстроты спасательных работ в Приземелье — с другой.

Тогда капитан поинтересовался: думают ли ученые, что Звездолетный пояс может монтировать корабль

быстрее, чем он делает это сейчас? Нет, не думают. Капитан задал следующий вопрос: в таком случае, стоит ли посылать на планету нечто вроде научного завещания и тем самым зря волновать людей? Ведь они могут подумать, что условия жизни на аварийном «Псе» тяжелы. На деле же здесь вовсе не плохо. Воздух есть. Вода есть. Пища есть. Экоцикл действует. Энергия тоже есть, но может иссякнуть, если отправлять на Землю чересчур длинные сообщения.

Ученые возразили, что они вовсе и не собирались волновать планету. Наоборот, следует сообщить, что здесь все в порядке и собран очень интересный материал. Только и всего.

Услышав такое мнение, капитан Лобов дал «Добро!». Текст радиogramмы был составлен и предпринята еще одна попытка связаться с Землей. Попытка окончилась неудачей: Земля их не услышала, и сами они тоже не уловили ни одного сигнала со своей планеты.

Так повторилось на другой и на третий день. Это, разумеется, никому не прибавило спокойствия.

Еще менее ободрили людей показания приборов. Оказалось вдруг, что локатор, которым можно было с максимальной точностью измерить расстояние между кораблем и Трансцербером, отказал. То есть не отказал — аппарат был в полном порядке, — но ничего не показывал. Словно Трансцербер исчез, так что волны перестали отражаться от него. В то же время гравитационные и другие приборы свидетельствовали, что небесное тело осталось на своем месте. Не совсем, впрочем, на своем: оно продвинулось вперед, и на расстояние, значительно большее, чем ему полагалось.

Планета, движущаяся с ускорением, — этого еще никогда не было. Новый материал для догадок и предположений. Капитан Лобов сидит с таким видом, будто хочет что-то сказать. Но ученые, с опаской поглядывая на ухмыляющегося корабельщика, быстро находят ответ: орбита Трансцербера вычислена неправильно, возможно, она имеет другой эксцентриситет, и поэтому скорость планеты иная, чем предполагалось.

Было бы очень хорошо, если бы на этой исправленной орбите не нашлось места для «Гончего пса». Но тут ученые не могут сказать ничего утешительного. Поживем — увидим. А увидим — так, может быть, и еще поживем.

Капитан выслушивает заключение и уходит в радиорубку. Он сидит там часами и днями и слушает тишину. И, когда этого никто больше не ждет, внезапно словно распахивается окно и Земля засыпает корабль множеством слов.

2

Оказалось, что корабли в определенном отношении счастливее людей.

И в самом деле: памятники людям ставят, в нормальных условиях, лишь тогда, когда человека уже нет с нами и он не может больше участвовать в непрерывной борьбе человечества за счастье. Борются другие — те, кого вдохновили подвиги, или плоды разума, или просто труд, затраченный ушедшим на строительство фундамента. Ведь что бы мы ни строили — это всего лишь фундамент здания, вершина которого уходит в бесконечность.

Не так у кораблей. Вот стоит памятник, к которому давно уже успели привыкнуть; привыкнуть настолько, что никто больше не думает: что же в этом памятнике осталось от настоящего корабля? Какая разница? Ведь памятники ставят идеям, а идея в данном случае остается неизменной.

И вдруг оказывается, что это имеет значение. И что все-таки не макет вздымается над зеленым лугом, над вершинами сосен.

Все происходит постепенно, не бросаясь в глаза. Жителям недалекого города и не снится, что в одно прекрасное утро привычный пейзаж лишится существенной детали... Просто сначала в город приезжают три человека. Вернее, приезжают каждый день тысячи людей, и эти трое — среди них. Они берут первую попавшуюся лодку и устремляются к памятнику «Джордано». Люди как люди, разве что с немного странной — вперевалку — походкой. Могло бы привлечь внимание еще и то обстоятельство, что, говоря о памятнике, они упорно не употребляют этого слова, а ограничиваются простым и даже чуть фамильярным «Джордано».

Люди возятся вокруг памятника, фотографируют, что-то подсчитывают при помощи портативного вычислителя, делают какие-то наброски. Иногда они спорят, один из них — длинный, худой — яростно жестикулирует, другой — невысокий и крепкий — возражает, упрямо встряхивает головой. Третий, не вынимая трубки изо рта, временами

вставляет краткие замечания. Люди эти могут быть художниками, туристами, мало ли кем еще. Это никого особенно не интересует. Раз они возьются вокруг памятника, значит, им это нравится. Пусть.

Они возьматся, а иногда, в минуты передышки, молча стоят около корабля, опираясь ладонями на поверхность главного рефлектора, на неровную металлическую поверхность, которая кое-где уже успела покрыться пушистым зеленым мхом. Если взглянуть повнимательней, то можно заметить, как пальцы этих людей едва заметно поглаживают металл; это движение походит на ласку, а в глазах каждого из суетливой троицы в такие минуты — странная мечтательность. Может быть, это просто-напросто любовь?

Потом вокруг памятника вдруг возникает легкая ограда, отделяющая почти всю поляну от остального мира. Она невысока; назначение заборчика чисто символическое. Но он заставляет людей уделить памятнику больше внимания, чем до сих пор. И люди замечают то, что до сих пор как-то ускользало от их взгляда.

Например, то, что новая дорога, которую недавно начали прокладывать от города, ведет прямо к огороженной поляне. По ней уже забегали машины, нагруженные строительными материалами и механизмами. Не собираются ли строить у подножия памятника отель для туристов? Возможно. Но непонятно, с какой стати приток туристов должен вдруг увеличиться в такой степени.

Еще более непонятны сами машины, которые начинают понемногу располагаться вокруг памятника. Нет, это не строительные машины. Что-то совсем другое. Многочисленные линии коммуникаций идут от них к кораблю. Теперь «Джордано» окружают высоченные леса. Правда, они не дотягиваются и до средней части корабля. Но туда, куда они доросли, длинношеие краны начинают подавать целые пакеты громоздких деталей. Корабль в своей нижней части быстро обрастает ими, и постепенно становится ясно, что на размашистых кронштейнах к корпусу «Джордано» крепятся массивные цилиндры, в которых уже без особого труда можно опознать ракетные двигатели.

К чему бы это? Наиболее распространенная и правдоподобная из версий заключается в том, что корабль-памятник решили реставрировать до конца. Там, в пространстве, при жизни он обладал, мол, такими вот дополнитель-

ными двигателями. Потом их сняли, а теперь, точности ради, восстанавливают. Догадка кажется заслуживающей доверия. Тем не менее кое-кто из горожан пытается расспросить непосредственных участников работ. Длинный, худой человек отвечает охотно: «Достаточно он погостил у вас, мои любознательные друзья; пора и домой». Спрашивавшие усмеваются и не верят. Они обращаются к невысокому, который кратко отвечает: «Вам же сказали?» Третий, на мгновение вынув трубку изо рта, поворачивает к любопытным круглое лицо. «Алло, ребята, а вы не считаете, что вам здесь нечего делать?»

Дополнительные двигатели установлены. Теперь ясно, зачем здесь странные машины: те из них, которые не служат источниками энергии, заняты, оказывается, заправкой: они нагнетают в двигатели топливо. Неправдоподобная версия долговязого начинает приобретать черты истины... По цилиндрам дополнительных двигателей ползают монтажники; снизу они кажутся крохотными, но это не мешает им делать свое дело: соединять двигатели при помощи целой сети кабелей с приборами внутри корабля. На площадку начинают прибывать огромные емкости, рядом с которыми даже дирижабли проигрывают во внушительности; кто-то из наблюдателей опознает в емкостях вакуум-понтонны. Обычно они служат для переноски тяжелых сооружений на новое место прямо по воздуху.

Может быть, памятник собираются просто переместить на другое место? Горожане уже как-то привыкли к нему, да к тому же им обидно: почему вдруг на новое место? Чем ему плохо здесь? Они возмущаются, а им повторяют все то же и указывают наверх, в небо.

Наконец монтажники кончают работу; все машины демонтируются и вывозятся. Ограда, правда, остается. Вакуум-понтонны уже зачалены за корабль, но пока мирно парят в воздухе: они еще не разрослись до своих максимальных размеров. Кажется, эти люди были правы: корабль действительно уйдет вверх. Сразу же находятся знатоки, которые объясняют: корабль можно поднять именно таким образом; его собственные двигатели давно демонтированы, да и будь они даже в порядке, все равно: этот корабль не из тех, которые поднимаются с Земли, после минутной работы его двигателей здесь осталась бы зона пустыни, радиоактивной пустыни. Оказывается, этот рефлектор — страшная вещь, а ведь вокруг него столько лет ходили без малейшей опаски. Кроме того, продол-

жают знатоки, корабль можно привести в окончательную готовность только там, наверху, где нет тяжести и установка всего необходимого займет гораздо меньше труда.

А зачем же все это? Кому понадобилось снова приводить старый корабль в готовность? Как зачем! Он ведь пойдет за людьми, за теми восемью...

Как ни странно, на этот раз знатоки правы. Все это действительно так. И совсем ясно это становится, когда на площадку к памятнику приезжает еще один человек.

Горожане его так и не успевают разглядеть. Потому что в этот день запрещено не то что заходить в ограду, но и близко приближаться к району «Джордано». Приехавший человек с каменным, иссеченным морщинами лицом принимает краткие доклады. Сев в юркую лодку, он несколько раз облетает вокруг корабля, показывая при этом блестящую технику пилотирования. Затем он поднимается на лифте в ходовую рубку. Несколько минут сидит там один, и это очень хорошо. Потому что если бы в рубке сейчас находился еще кто-нибудь, то он увидел бы странную вещь: как руки прилетевшего, шершавые, сухие руки, судорожно глядят матовую панель пульта, и на каменном, угрюмом лице дрожат губы, и глаза внезапно становятся словно бы больше и блестят сильнее от появившейся в них влаги...

Но когда в рубку забираются остальные, кому положено в ней находиться, человек уже обретает свой обычный вид. Он задает последние вопросы, предписанные ритуалом и техникой безопасности, и выслушивает надлежащие ответы. Потом в рубке наступает тишина, и непонятным образом она мгновенно передается и туда, где на безопасном расстоянии собралось множество людей.

— Раздвинуть понтоны! — Мощные усилители разносят эту команду по площадке и далеко за ее пределами. Люди вздрагивают. Вакуум-понтонны начинают расширяться, мощные системы рычагов, преодолевая внешнее давление воздуха, раздвигают непроницаемую оболочку, внутри которой — пустота. Понтонны становятся легче воздуха; они устремляются вверх, но тяжелая махина — «Джордано» — держит их на прочной привязи. Понтонам это не нравится; гравитация — их извечный враг, корабль же пока выступает ее союзником, хотя на самом деле он скорее жертва. Идет неслышная борьба, звенят до предела натянутые тросы — и все же громкие возгласы раздаются лишь тогда, когда корабль отделяется

от поверхности земли уже сантиметров на десять: решающий момент все, конечно, проглядели.

А корабль медленно и безмолвно идет вверх. Но скорость замедляется; понтонам не выдернуть его высоко, тут нужны другие средства. И они не замедляют включиться в работу.

Двенадцать невиданных цветов расцветают в вышине; город расположен далеко от космодромов, и вряд ли один из ста жителей видел, как стартуют даже небольшие корабли класса Земля — Космос, Земля — Луна. А здесь поднимается машина класса Космос — Космос. Длинный корабль, кит среди кораблей. Двенадцать цветов распускаются после краткой команды «Старт!», после того как человек в рубке чуть двинул рукой. Несколько секунд вся система висит на месте; потом тросы, идущие к вакуум-пontonам, провисают, затем и вовсе отцепляются от вершины «Джордано». Понтоны бросаются врассыпную, а корабль идет вверх, вверх... Грохот нарастает, а корабль уменьшается. Вот уже видны лишь огоньки, дрожащие вдалеке, вот и их уже нет.

Взгляды опускаются вниз; туда, где еще так недавно стоял «Джордано». Пустая площадка предстает взорам. Но странно: люди не ощущают грусти. Наоборот, им радостно. Они еще, может быть, не сознают причины, но ведь на их глазах только что произошло воскрешение корабля, который уже многие годы считался мертвым. И люди думают: пусть воскресают мертвые — те, без которых тоскливо бывает человечеству. Пусть воскресают освободители и матери, поэты — и корабли...

А «Джордано» уже вышел в свой мир. Он с наслаждением вдыхает пустоту; ведь это — его воздух... Движение в Приземелье перекрыто, графики летят, но никто не обижается на это. Корабли, заняв отведенные им места, глядят во все многочисленные глаза. «Джордано» медленно подходит к своей новой базе: спутнику-семь Звездолетного пояса. И в этот миг все корабли Приземелья окутываются облачками салюта, включив на миг ходовые и тормозные двигатели.

Люди покидают рубку. Видно, как они устали; нет, это не так-то просто, день был прямо сумасшедший. В этом согласны все, и еще в одном: это был праздник. Большой праздник...

А на Земле, в институте, у окна стоит старый человек и смотрит туда, где был «Джордано». И, быть может, единственный не думает о празднике, и настроение его вовсе не лучезарно.

Велигая не было на спутнике целый день. И за это время Кедрин сумел все-таки связаться со спутником-десять.

Он вызвал Ирэн; на десятке несколько удивились, но позвали. Пришлось ждать довольно долго. За это время кто-то дважды старался отобрать канал связи. Кедрин сердито огрызался и ждал.

Наконец она появилась на экране. Кедрин смотрел на нее и молчал. Исчезли заготовленные слова. Да и надо ли было говорить их? Кедрин просто смотрел и замечал, что Ирэн устала, осунулась и выглядит печальной. «Вряд ли тут виновата только лишь работа» — подумал Кедрин; это была правда.

Ирэн тоже молчала, только дыхание ее участилось. Потом она подняла брови, и стало ясно, что, если Кедрин не заговорит, она отключится. Но разве самой ей нечего сказать?

Кедрин решил. Он знал, что их могут услышать многие. Но пусть слышат, в конце концов не этого ли он хочет? Он не может больше жить так! Ведь ради нее он здесь, и разве она сама уже не решила, как быть? Разве... разве решение не состоялось? Так почему же она — там? Сколько бы ни было работы, но ведь ей вырваться на несколько часов проще, чем Кедрину, да и не то что «проще», но он теперь не считал возможным...

Ирэн слушала, опустив глаза. Потом покачала головой.

— Поверь, — тихо сказала она, — мне трудно. Но я не знаю, не знаю...

— Ну, скажи «нет», — потеранным голосом сказал он. — Но я должен знать что-нибудь... Ведь нельзя так жить!

Она покачала головой, и Кедрин понял, что Ирэн не может сказать «нет». Но ничего другого тоже не может...

— Но ведь так не бывает! — сказал он.

— Ты не понимаешь... Если бы он был такой, как все... как ты... Но он другой! И пусть даже я... Я не могу, нельзя сделать ему плохо! Никто не должен!

— Не понимаю. Ну, опытнее. Пусть даже — умнее, пусть... Но ведь...

— Да, не понимаешь. Ум? Не это. Но его жизнь... Вся жизнь... Он отдал ее одному делу: Пространству. У него не было ничего, кроме кораблей. Были друзья, но большинства из них уже нет... И я. Для него это много, очень много... Это все, что Земля дала непосредственно ему, как ты не

310 понимаешь. Так как же можно?

— Послушай, но каждый из нас...

— Нет. Мы живем не так. Работаем, отдыхаем, спим...

— Можно подумать, что он...

— Да. Ты не знал? Он ведь не спит. Да, да! Это всего лишь деталь, но... Он ведь летал. Летал много и хорошо, и если развернуть все его годы на количество пройденных миллионов километров, то немало придется на одну секунду. Но потом оказалось, что ему больше нельзя летать. Космос изнашивает человека быстрее, эта сумасшедшая охота за инфракрасными звездами в доступном нам пространстве. И он перешел на Пояс, хотя ему предлагали много работы на планете. По сути дела, он создал этот Пояс таким, каким мы его знаем. Но это не обошлось без последствий. Пусть здесь нет таких перегрузок, как в полетах, но радиационный фон выше, чем на Земле, а он очень много времени проводил в пустоте. И настал день, когда ему категорически приказали вернуться на Планету и больше не покидать ее.

— Наверное, это тяжело...

— Для него более, чем для кого-либо. Но он не сдался. Он обратился к медикам. Они как раз завершали разработку комплекса средств для устранения последствий облучения. Пока только на животных... Но он настоял — он умеет настаивать — и первым человеком, на котором это было испытано, стал он сам.

— Я бы не решился...

— Никто бы... Хотя бы потому, что это всегда было привилегией самих врачей — испытывать... Но он оказался упрямее. Его предупреждали, что могут быть всякие побочные действия... Что удача не гарантирована.

— Наверное, так и получилось; мы ведь не подвергаемся...

— Мы просто не замечаем этого: принимаем препараты с едой, даже вдыхаем. Но это теперь. А тогда... Он ответил, что никогда не брался за дело, успех которого был гарантирован. И врачи уступили.

— Это, конечно, вызывает уважение. Но...

— Погоди. Врачи оказались правы: он смог работать в пространстве, но одним из побочных явлений оказалось то, что он больше не спит.

— Разве это так плохо?

— За каждый час, который он недоспал, он не доживет двух часов. Прошло много времени. И теперь никто не знает, когда... И я не могу...

Кедрин молчал.

— Ты все еще не понимаешь?

— Понимаю, — мрачно сказал он.

— Нет... Но поверь: как бы мне хотелось сейчас быть там, с вами... Я была спокойна: знала, что без меня ты ничего ему не скажешь...

— Да, не было обстановки...

— Я знала заранее. Потому что в каждую минуту он делает что-то такое, от чего его нельзя оторвать таким разговором. Все его двадцать четыре часа наполнены. Но если я приеду... Ты можешь не выдержать...

— И долго?

— Не знаю, — почти шепотом ответила Ирэн. — Не знаю... Ты должен понять...

— Я понимаю... Я ничего не скажу, Ирэн. Приезжай.

— Но ведь стоит мне приехать — он сразу поймет...

Кедрин закусил губу.

— Да, — сказал он после паузы. — Лучше будь там, ты права.

Она кивнула.

— Я знала, что ты поймешь. А мне так хочется на наш спутник. Придет «Джордано»...

Наверное, кто-то позвал ее — она оглянулась и заторопилась.

— Мне некогда... Мы будем говорить еще. А пока — до свиданья...

Он молча кивнул.

4

«Джордано» висел в рабочем пространстве, и теперь уже странным казалось, что когда-то его могло здесь не быть.

Дни проходили мгновенно. Подъем корабля облегчал работу, делал ее практически выполнимой, но это не значило, что теперь все задачи были решены.

Во многих местах пришлось вскрыть обшивку, чтобы разместить в отсеках уже смонтированное в пустоте энергетическое оборудование и двигатели. Затем обшивку нужно было поставить на место, но до этого еще закончить работы в жилых и подсобных помещениях. Одновременно реставрировался рефлектор и заменялся предохранительный слой брони корабля на всей ее площади.

Велигай бросил на монтаж даже половину патрулей. Вторую половину он сохранил на случай возникновения не столько метеорной атаки, сколько запаха.

— Ты мне не веришь? — спросил по этому поводу Холодовский.

— Верю, — спокойно ответил шеф-монтер. — Но верю и опыту, который говорит: предосторожность никогда не бывает лишней.

— Это обидно, — сказал Холодовский; Велигай в ответ промолвил только:

— Извини, Слава, это уже излишние эмоции.

Больше на эту тему не говорили. Монтажники продолжали работать, и с каждым днем крепла уверенность в надежности защиты Холодовского. Особое звено каждый день проверяло ее и пришло к выводу, что запах действительно перехватывается и уничтожается на дальних подступах к спутнику. Иначе непонятное явление, пожалуй, давно проявило бы себя. Кедрин был рад за Холодовского и за всех.

В свою смену, как обычно, он выходил на монтаж. Прибыли новички, и Кедрин — почти уже опытный монтажник — перешел в установщики, работу более квалифицированную, требовавшую владения скваммером и хорошего чувства пространства.

Сегодня он впервые выходил в новой роли. Скваммер подвергся особенно тщательному осмотру. Гур прошел мимо, к своему месту, что-то напевая себе под нос.

— Ну, Кедрин, мой устанавливающий друг, — сказал он. — Ты окончательно делаешься монтажником. Но имей в виду — это тяжело.

— Я знаю.

— Ты еще не знаешь, о, несколько самонадеянный юноша. До сих пор с тебя, строго говоря, спрашивали, как с вольноопределяющегося. Ты мог удрать на катере... Молчу... Мог испугаться, мог мало ли что. Теперь ты не имеешь на это права. Бывает, и монтажники ошибаются. Но они никогда не боятся. Ни работы, ни опасностей, ни правды.

— Я и не боюсь, — буркнул Кедрин.

Да, пространство уже не пугало его. Он мчался в рабочий куб, не боясь столкновений: он знал, что монтажники не сталкиваются. Не боялся атаки запаха: знал, что ее не будет. Не боялся метеоров: о них предупредят своевременно...

И все же сегодня ему было не по себе, потому что в его бригаде установщиков было достаточно, и он должен был перейти к другому мастеру. Мастер же этот, как оказалось, заболел, и неизвестно было, кто его заменит. А ведь у каждого мастера своя манера, свой стиль, и, чтобы привыкнуть к человеку и его привычкам, нужно время.

Сейчас Кедрин знал лишь, что должен выйти к конусу «Джордано» и там ждать. Он затормозился у конуса. Мастер запаздывал, но Кедрин даже обрадовался этому: надо было сосредоточиться перед работой, присмотреться и понять — что к чему, потому что позже осматриваться будет некогда.

Затем круглый борт обогнула фигура в скваммере. На ее груди светилась зеленая полоса, и это означало, что скваммер принадлежит мастеру. Кедрин принял привычную позу внимания.

В телефонах раздался низкий, хриловатый голос. Кедрину почудилась в нем знакомая интонация. Он вслушался. Нет, только показалось. Плавно развернувшись, Кедрин подлетел к мастеру.

Спутник скрылся за телом корабля и вскоре снова взошел с другой стороны. Лучи солнца неумирающе горели на его гранях. Хриловатый голос спросил о самочувствии, Кедрин ответил: «Хорошо». Они коснулись ступнями металла корабля, включили магнитные подошвы. Мастер подвел Кедрина к отверстию странной формы. Объяснение заняло несколько минут.

— Кто это придумал? — спросил Кедрин.

— Монтажники, — ответил мастер.

Ускоряя ход, оба заскользили к большой группе монтажников.

Очередная транспортная ракета со спутника-восемь была уже разгружена, вернее, от нее отделили маленькую рубку и двигатель. Все остальное шло в работу. Развозить по Звездолетному поясу лишний вес обошлось бы дорого, а человечество сейчас было менее расточительным, чем когда-либо. Спутникам же Звездолетного пояса и сейчас, после прибытия «Джордано», приходилось работать с полной отдачей. Люди на спутниках делали это с тем большим удовольствием, что теперь — они знали — не только нужно, но и можно успеть.

Кедрин следовал за мастером, не отставая и не приближаясь. Нужные детали были уже совсем рядом. Автоматы вакуумной сварки ползли, производя контрольную за-

чистку и соединяя два громадных металлических листа. Автоматы были похожи на глубокомысленных скарабеев.

Люди облепили металл со всех сторон. Цепкие клешни скваммеров, повинаясь движениям пальцев, схватывали детали; включался двигатель. Работа шла, как обычно, только чуть быстрее. Каждый день работа шла чуть быстрее, кажущийся хаос вспышек, замысловатых трасс скваммеров и деталей был на самом деле глубоко целесообразен, оправдан и закономерен.

Мастер и Кедрин приблизились к одной, уже законченной детали. Издали она представлялась плоским, изогнувшимся словно от сильного жара клином, от середины основания которого восставлялся длинный серебристый перпендикуляр. Клин был громаден. Монтажники облепили его, крохотный буксир-ракетка уцепился за острый конец. Мастер и за ним Кедрин подплыли к самому концу перпендикуляра, оказавшегося штангой, забавно тонкой по сравнению с площадью клина.

— Для усиления защиты, — прохрипел мастер, — Велигай решил поставить испарительный экран. Вот это и есть один из его секторов. Припомните вашу задачу. Место?

— Здесь, — ответил Кедрин, держась за магнитный захват, прочно приклеившийся к штанге.

— Нумерация групп?

— Первая — у острого угла, прочие — по часовой стрелке.

— Ну и задача?

— Держать направление... — начал Кедрин. Мастер дослушал до конца.

— Хорошо. Бригада говорит на восьмом канале. Переключайтесь. Слушайте меня. Включайте!

Двигатели буксира и полусотни скваммеров безмолвно взревели — иначе не назвать их мгновенный порыв. И — в который раз уже — их усилие заставило корабль сдвинуться с места и приблизиться к бригаде.

— Шестая, рули на пять градусов минус... Стоп... Первая, импульс. Вторая, держите, держите место...

Голос мастера все так же хрипел, но у Кедрина было странное впечатление, что хрипит не голос, а разрегулированная связь. Он едва успел удивиться, что мастер не исправил своевременно рацию, и сейчас же забыл об этом: громадный выгнутый лист металла плавно разворачивался. Скомандовали торможение. Отцепившийся буксир стремительно

укатился в сторону. Движение замедлялось. И тогда Кедрин с удивлением и страхом увидел, как мастер обогнал штангу, уравнивал ход, подвернул — и встал на передний торец штанги, вытянулся, точно статуя на колонне, поднял металлические руки. Теперь штанга была лишь его продолжением.

— Кедрин, курс! — крикнул мастер, и Кедрин прильнул к визиру. До конуса оставались считанные секунды полета. Фигурное отверстие не зияло, оно казалось просто черным пятнышком, и не верилось, что штанга войдет туда без тщательной примерки... Едва заметными импульсами двигателя мастер направлял в цель себя и за собой — штангу, к которой он, казалось, приварился намертво. Корабль огромно блеснул рядом, и Кедрин зажмурился, чтобы не видеть хотя бы той секунды, когда, от неминуемого удара, разлетится вдребезги, словно птичье яйцо, бронзовеющая фигура скваммера.

Толчок был ошутим, по металлу прошла мгновенная дрожь. Кедрин разжал веки. Зеленая полоса виднелась где-то в стороне, передняя часть штанги вошла глубоко в отверстие. Кедрин не чувствовал, как и сам он дрожит, как по лицу его течет пот. Он все не мог оторвать взгляд от того места, где должно было произойти — и не произошло — столкновение громады длинного корабля с ускользнувшим в последнюю миллисекунду мастером... Кедрин все еще держался за штангу, но уже налетели сварщики, засуетились автоматы...

— Ну как? — услышал Кедрин. Он повернул скваммер. Мастер был рядом.

— Это было... страшно.

— Бывает вначале... — прохрипел мастер. — Один сектор встал точно. Продолжим.

— Но разве можно — с таким риском...

— Нельзя, быть может. Но если штангу подавать медленно и несильно, произойдет самопроизвольная сварка металла: мы в вакууме. Нужен пресс-монтажер, а он у нас пока не приспособлен для деталей такого размера. Ведь раньше экранов не ставили. Да ничего — надо только вовремя ускользнуть... Что-то не готовят второй сектор. Обождите минуту...

По раздавшемуся в телефонах щелчку Кедрин понял, что мастер переключился на другую волну. Показалось ли это Кедрину, или в голосе мастера временами все же мелькают знакомые интонации?

— Один шов придется переварить. Поторопились. Автомат пошел в перекося, и никто не заметил вовремя. Я слетаю туда, а вы за это время можете зайти внутрь; может быть, вам потом придется работать в конусе самостоятельно.

Мастер запустил двигатель и исчез, устремившись туда, где в пространстве переделывали шов второго сектора.

Кедрин остался один, включил двигатель и медленно облетел конус. По оболочке неторопливо ползли чистильщики — плоские агрегаты, очищавшие броню корабля от старого предохранительного слоя, изъеденного излучениями и временем. Они доводили броню до ясного блеска астрономических зеркал, чтобы потом снова закрыть ее от людских — и всяких иных — глаз новым слоем защиты. Но пока что броня и вправду блестела как зеркало. Наверное, корабль издали кажется сейчас особенно красивым.

А почему бы и не полюбоваться на «Джордано» издали? Здесь он выглядит совсем не так, как на Земле. Шов будут переделывать еще не менее получаса. Нет, никак не меньше.

Кедрин дал импульс и полетел. Пролетев с полкилометра, он включил гиросколь, повернулся и, переведя реверс, полетел спиной вперед, глядя на корабль.

Это и в самом деле было внушительное зрелище: корабль, окруженный монтажниками. Они по-прежнему работали вокруг громадного, вытянутого тела, которое здесь выглядело совсем иначе, чем на Земле: здесь оно было своим... Кедрин кивнул кораблю, как бы по-настоящему здороваясь с ним после разлуки. Наверное, что-то подобное испытывали и многие другие монтажники.

Вот этот, например? Кедрин с интересом взглянул на монтажника, появившегося в поле его зрения. Он летел из внешнего пространства не к спутнику и не к кораблю, а куда-то между ними. Двигатель скваммера был включен на полную мощность, но монтажник летел не в позе, принятой для передвижения, а совсем непонятно: ноги были согнуты, обе пары рук подняты, и летел он как-то боком, на половинном реверсе.

Кедрин не успел еще по-настоящему удивиться, как понял, что монтажник обязательно налетит на резервный гравификсатор. Кедрин резко развернулся, но догнать промелькнувший мимо скваммер оказалось уже невозможно. Кедрин все же бросился вперед, но столкновение произошло, и Кедрин почувствовал боль, как будто это его ударило

головой о мощную тумбу фиксатора... Монтажник отскочил и помчался дальше, кувыряясь; по-видимому, он и до этого уже летел без сознания.

«Запах», — понял Кедрин; запах, тот самый, необъяснимый и неназываемый, настиг его в тот же миг.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

На орбите Трансцербера странное небесное тело ухитрилось, очевидно, снова изменить свою орбиту: расстояние между Трансом и кораблем снова стало сокращаться медленнее. Факт и вовсе необъяснимый.

Капитан Лобов позволяет себе заметить по этому поводу, что во Вселенной еще полно таких вещей, какие и не снятся нашим исследователям. Капитан доволен своим высказыванием, хотя и не претендует на единоличное авторство. Так что Шекспир может спать спокойно. Капитану важен смысл. Пусть минуло немало времени с того дня, когда люди впервые вышли в космос: сначала в Приземелье, а потом и дальше. Ну и что же? Люди живут на Земле десятки тысяч лет, а разве они сегодня знают все о своей планете?

Ученые согласились, что они знают далеко не все. Правда, это их не очень трогало — Земля не была их специальностью. Но вот то, что человек чего-то не знает о Пространстве, казалось им личным оскорблением. Ну что ж — так оно бывает всегда.

Да капитан Лобов и не настаивал на своем мнении. Он просто задал всем побольше работы. Может быть, его распоряжения и не решали основной задачи — выбраться отсюда. Но они достигали другого: не дать людям времени для размышлений над тем, что скорость сближения с Трансцербром, если она уже однажды увеличилась, с таким же успехом и столь же необъяснимо может возрасти и еще раз, и даже не один раз.

Самому капитану тоже не очень хотелось думать об этом. А тут начинали лезть в голову всякие нелепые мысли, вроде той, что лучше было бы погибнуть в тот раз на «Джордано», когда половина состава экспедиции не ушла от печальной судьбы. Но там шла борьба, и ждать смерти было

некогда. Здесь же делать нечего, и Лобов не знал даже, чем он займет экипаж завтра. А занять людей необходимо, потому что члены экипажа и ученые отлично понимают, что стоит сближению снова ускориться — и никакая Земля их больше не спасет.

2

Да, это был все тот же запах.

Кедрин напряженно вдохнул воздух и почувствовал приближение того состояния, которое было тогда в спутнике. Оно сейчас наступит; а он один, и рядом нет никого, кто смог бы ободрить его.

Он видел все, что происходило в рабочем пространстве. Сразу несколько человек заметили монтажника, отлетевшего в сторону после столкновения, и бросились к нему. Его подхватили и потащили к спутнику, и в ту же сторону потянулись остальные, видимо, поняв, в чем дело: запах уже дошел и до них. Зрение фиксировало все это, а слух доносил теперь повторяемое по всем каналам тревожное: «Атака запаха... Атака запаха...» Где-то в мозгу промелькнула еще и бесстрастная мысль о том, что монтажник этот был, очевидно, из тех, кому иногда, во время смены, поручалась проверка аппаратов Холодовского, когда Особое звено было занято настолько, что не могло оторваться от работы даже на полчаса. Все эти мысли проходили где-то поверху, а главным сейчас было то странное оцепенение, которое на несколько секунд сковало не только мускулы, но и сознание Кедрина.

Запах нарастал, и Кедрин уже начал ощущать знакомое желание не дышать... Надо спастись. Он нажал стартер и рванулся, взяв направление на спутник.

Обетованной землей, самым желанным местом в мире показались ему крутые бока спутника... Кедрин жал и жал на педаль, все увеличивая скорость. В стороне промелькнул и остался позади корабль, около которого Кедрин должен был обождать мастера; какая-то запоздавшая фигура, почудилось, закрутилась близ конуса. Но теперь было не до того.

Спутник вырастал, сейчас на нем были открыты и резервные люки. Мчащиеся фигуры резко, на пределе допустимого ускорения, затормаживались и исчезали за надежными створками. Не спуская глаз с ближайшего люка и чувствуя, что запах как будто бы немного ослаб, Кедрин боко-

вым зрением все же заметил, как скваммеры возникли и справа, и слева от него, и ужаснулся: как могли оказаться здесь те монтажники, которые только что были далеко впереди?

Остальное произошло в секунды: Кедрин понял, что развитая им скорость оказалась слишком большой. Затормозить уже невозможно, хотя бы и на пределе. А в тамбуре собралось установленное количество скваммеров, проще — он набит до отказа. Входной люк закрылся броневой заслонкой, когда поздно уже стало не только тормозить, но и переключивать рули.

Кедрин зажмурился... Удар последовал сейчас же, но почему-то сбоку. Гибели не было. Кедрин изумленно оглянулся. Шершавый борт спутника мелькал перед самыми глазами. Кедрин летел вдоль него, по непонятной причине изменив направление полета ровно настолько, чтобы пронестись мимо выступа тамбура.

Наконец удалось затормозиться. Двигатель сработал, и тут Кедрин ощутил второй удар — сравнительно мягкий, по плечу. Он повернулся. Другой скваммер держался рядом, также сбавляя скорость.

— Это неразумно, мой стремительный друг, — задумчиво произнес знакомый усталый голос. — Брать такой разгон...

— Как вы ухитрились? — спросил Кедрин. Потом не очень естественно рассмеялся: — Впрочем, в первую очередь я должен поблагодарить...

— О, разумеется. Технологически это было не столь сложно: я оказался ближе всех, а перегрузки приходилось переносить и не такие. Я тебя не ушиб? А теперь будет хорошо, если и мы поторопимся в люк, ибо я чувствую слабый запах.

— Да, — сказал Кедрин. — Поскорее.

Створки люка распахнулись, забирая последнюю партию монтажников. Переваливаясь в туннеле с ноги на ногу, перед тем как выключить рацию — за пределами туннеля по радио не говорили, — Кедрин услышал негромкое бормотание Гура:

— И все же Славина аппаратура не сработала: ни защиты, ни предупреждающего сигнала. Странно...

Это и в самом деле было странно. Раздумья Кедрина прервал шелчок, и он понял, что Гур отсоединился. Ну да, уже пора выключать связь. Он нащупал выключатель, и в последний миг услышал задрожавший в телефонах тревожный голос:

— Всем, кто ближе к выходу... Кто еще не выключил связь! Счетчики не отметили одного человека. Возможно несчастье! Два монтажника, наиболее опыт-

ные, к выходу! Наиболее опытные... Открываем люк! Сообщите ваши номера...

Если бы требовалось двести наиболее опытных, то и тогда Кедрин вряд ли оказался бы в их числе. Так что вроде бы и не следовало поворачиваться. К нему сказанное не относится...

Но все же связь у него была включена, и он оглянулся — просто для того, чтобы убедиться, что призыв услышало достаточное количество опытных монтажников — таких, какие и были нужны. Ведь не все же, наверное, отключились и вошли в ту полосу глухоты, которая возникала всякий раз между отключением связи в туннеле и выходом из скваммеров в зале. Нет, призыв, конечно, услышан и другими...

Уже оглядываясь, Кедрин вспомнил, что он был одним из самых последних, вошедших в спутник, да и в туннеле его еще обгоняли. И Кедрин понял, что именно увидит, хотя ему еще и не хотелось верить в это.

Он увидел туннель, свободный до самого выходного шлюза, и в этой длинной, светлой трубе — одинокую фигуру. Единственный скваммер, бежавший к выходу.

Кедрин остановился. Шедшие впереди монтажники уходили все дальше, и это означало, что они успели выключить свои рации и не услышали призыва. На какой-то миг Кедрин позавидовал им. Они могли идти не торопясь, со спокойной совестью.

Конечно, у него был вот какой выход: бежать не назад, а вперед. Догнать удаляющихся монтажников и знаком попросить их включить связь. Затем повторить им то, что только что услышал сам. И сразу несколько человек кинутся к выходу — наиболее опытные, настоящие монтажники...

Но разве ты — не настоящий? И разве тебе не сказали, что спрашивать с тебя будут как с каждого монтажника?

Он медленно повернулся. Бежавший впереди успел уже приблизиться к сегментной перегородке выходного шлюза.

Ты погибнешь, Кедрин. Погибнешь!

Похоже на то. Опыта маловато, да и храбрости...

Странно, подумалось ему: в скваммере вовсе не так неудобно бежать. Бежать и думать со скоростью Элмо. Этого я догоню... Не так уж он опередил меня. Интересно, кто это? Знакомый номер, но чей — не вспомнить. Все числа перемешались в голове...

Они вышли одновременно и рванулись прямо с площадки, нажимая стартеры до отказа, заставляя клоко-

тать рвущийся из ранцев сжатый воздух. Крутыми спиральями, постоянно меняя курс, два монтажника ввинчивались в огромную сферу рабочего пространства. Они разошлись, двинулись в обход. Запах ослаб — непродолжительная атака кончалась, и теперь надо думать лишь о том, что могло произойти с человеком, который не вошел в спутник. Его нигде не было видно, и вот тогда-то память набрела на улегшийся где-то в уголке образ скваммера, мелькнувшего в момент бегства по содействию с конусом корабля.

По крутой дуге Кедрин метнулся к «Джордано». И здесь не оказалось ничего живого, только слабо светился индикатор полировочного, оставшегося невыключенным полуавтомата. Можно было повернуть к спутнику; без особых угрызений совести доложить о том, что терпящий бедствие не обнаружен. Но что-то подсказывало Кедрину: это не так.

Это «что-то», вернее просто интуиция, заставило Кедрина заглянуть в узкий лаз — временный проход в обшивке конуса, куда мог укрыться человек, почему-либо не успевший уйти до наступления максимума запаха.

Инстинкт вел Кедрина верно: там, где пробитый сквозь все слои корпуса лаз соединялся с внутренними помещениями корабля, чуть поблескивал скваммер. Он лежал; вероятно, человек в этой скорлупе потерял сознание.

Кедрин долго возился, пытаясь извлечь монтажника из узкой щели. Ему почему-то даже не пришло в голову, что проще выйти через настоящий люк, а не через этот лаз. Он брался за скваммер и так и этак, пытался подсунуть под него нижнюю пару рук, но безуспешно. Позвать на помощь, не выходя из корабля, невозможно: обшивка — надежный экран радиоволн. Очевидно, к излучению, несущему запах, это не относилось.

Кедрин совсем выбился из сил, когда ему удалось наконец захватить пострадавшего под мышки и, пятась, выбраться с ним в пустоту.

Там Кедрин обнял второй скваммер и крепко прижал к себе. Ранец-ракета судорожно задергался, разгоняя сразу двоих. Кедрин неся к люку. Второго искавшего он не увидел, тот, наверное, уже вернулся. В телефонах шелкнуло: спутник запрашивал. «Есть, — сказал Кедрин. — Все в порядке». Он скосил глаза, увидел краешек зеленой полосы на груди скваммера и понял, что вытащил своего мастера. Именно

своего: самый краешек светящейся полосы был выщерблен, Кедрин это заметил еще раньше.

Створки люка разошлись перед ним и сомкнулись позади. Кедрин внезапно почувствовал, как тяжел чужой скваммер; неуклюже присев, он положил ношу на пол туннеля. Люди, одетые для выхода, обступили его.

— А второй?

— Разве его нет? Я пробовал вызвать, но не знал волны.

— Он не возвращался. Надо искать.

— Запах кончился, — пробормотал Кедрин. — Сейчас все равно выйдет смена.

— Нет. Только что патрули дали предупреждение.

— Что на этот раз?

— Солнце. Протонная атака...

— Протонная атака! — словно эхо, откликнулся в наушниках голос центрального поста. — Всем, кто в туннеле: немедленно в зал! Всякий выход запрещается. Всем возвратиться в зал, ждать указаний. Экипаж катера, на борт! Выйти на поиск! Пострадавшего доставить в зал в первую очередь.

Кедрин нагнулся, чтобы вместе с другими поднять человека в скваммере. Внезапно, расталкивая других, показалась фигура, тоже одетая для выхода. Стремительными шагами подойдя к лежащему, фигура остановилась; на груди панциря сверкнули четыре зеленые полосы.

— Кто? — спросил он, и голос этот, знакомый каждому, был выше и резче обыкновенного, словно даже протез гортани отказывал в минуты волнения. — Кто?

Один из стоявших сзади положил руку на металлическое плечо Кедрина, и Велигай — обладатель четырех полос на скваммере — подошел вплотную. Длинные руки его скваммера протянулись, и Кедрин отшатнулся, не поняв, но Велигай уже обнял его. Никто и не подумал улыбнуться, хотя объятие двух бочкообразных космических костюмов выглядело, наверное, смешно.

Потом шеф-монтер присел. Он поднял скваммер одновременно с Кедриним. Они быстро зашагали, почти пробежали к залу, где только и можно было вынуть из броневого скорлупы пострадавшего.

Велигай вынул из своего скваммера длинный тонкий стержень. Им можно было отвести снаружи предохранители дверцы скваммера. Велигай сделал это. Торопясь и мешая один другому, они вынули человека. Кто-то подтащил

носилки. Велигай нашупал пульс, и замер, словно прислушиваясь. Кедрин стоял, раскрыв рот; на лице его был ужас, и обида, и восхищение...

— В госпитальный! — резко скомандовал Велигай. Монтажники отхлынули, унося потерпевшего бедствие. Велигай рукавом стер пот с лица, и Кедрин заметил, как дрожит рука конструктора.

— Сумасшедшая! — сказал Велигай. — Тайком вернуться, выйти на смену... Я ничего не знал.

Кедрин моргнул, приходя в себя. Значит, это действительно она, ему не почудилось, он не сошел с ума. Мастер, говоривший нарочито хриплым голосом — чтобы не узнали... Ирэн, все-таки не выдержавшая там, на десятом...

Велигай повернулся, чтобы идти за монтажниками. Кедрин схватил его за рукав.

— Велигай... Что с ней будет?

— Скажут врачи. Думаю, ничего опасного.

— Велигай, я должен сказать... Я...

Шеф-монтер прикрыл глаза медленным движением век.

— Я знаю...

Он резко повернулся и зашагал прочь. Кедрин с минуту стоял, глядя ему вслед. Вот все и сказано. Может быть, не надо было? Но все равно, пусть лучше так.

Кедрин решительно тряхнул головой и поспешил туда, где был уже готов к выходу из эллинга надежно защищенный от излучений аварийный космический катер.

3

Отливающее золотом каплевидное тело катера еще покоилось на платформе катапульты. Но в его очертаниях уже не было покоя, чувствовалась готовность в любой миг сорваться с места. Кедрин заторопился. Он видел, как в отверстии люка скрылся последний из дежурного экипажа, и крышка люка медленно затворилась. Но пока Кедрин находится в эллинге, створки выходного устройства не будут открыты.

Поэтому Кедрин не удивился, когда люк открылся снова. Показалось гневное лицо, рука повелительно указала на выход. Кедрин подступил ближе. Он не мог разговаривать с пилотом — у того не было рации. И Кедрин просто заставил скваммер вытянуть руку и указать на задний, багажный люк катера. Именно там было место для Кедрина, по-

тому что влезть в скваммере в пилотский люк не смог бы никто. Командир катера отчаянно замотал головой, губы его быстро задвигались. Кедрин усмехнулся, подошел вплотную к багажному люку и застыл. Он знал, что, экономя время, пилоты вынуждены будут взять его.

Его взяли; задний люк стремительно распахнулся, чуть не задев створкой скваммер. Из проема выдвинулся пологий мостик. Кедрин ступил на него. Сокращаясь, мостик втянул его внутрь, в багажный отсек, и люк захлопнулся. Почти тотчас же ворота в космос распахнулись, и катапульта швырнула золотой кораблик в пустоту.

Кедрин выбрался из скваммера и вошел в рубку, с трудом отворив герметический люк.

Катер шел медленно, описывая размашистый зигзаг поиска, непрерывно вызывая по связи. В поле зрения были лишь далекие звезды. Потом их стало на одну больше. Красная звезда внезапно замерцала впереди. Свет ее был теплым и трепетным. Это спутник-пять охлаждал в вакууме свое очередное изделие. Скоро транспортная ракета утащит комплект новых деталей к спутнику-шесть, где они будут окончательно отделаны, а потом уже поступят на семерку — для монтажа. Так лунный металл превращается в корабли...

Огонек завода, метнувшись, скрылся из глаз: катер совершил очередной поворот. Возникли новые звезды, их по временам затмевали висящие в пустоте подготовленные для монтажа детали. Кедрин узнал второй сектор экрана, так и не поставленный сегодня... Но скваммера не было видно.

Детали остались позади. Приборы показывали угрожающий уровень радиации за бортом. И хотя в рубке было уютно и надежно, все же мороз продирал по коже, когда приходила в голову мысль о человеке в скваммере, который ворочается сейчас где-то в пространстве. Конечно, и скваммер обладал защитой, но время шло, а атака на этот раз была очень мощной, светило разошлось не на шутку. На всякий случай командир катера вызвал спутник. Нет, исчезнувший не возвращался.

...Его обнаружили далеко от спутника. В иллюминаторе замелькал огонек, одновременно на экране локатора возник всплеск. Пилот катера лег на курс. Пришлось увеличить скорость: огонек двигался, убегая. Его удалось нагнать, когда была уже пройдена граница рабочего пространства. Скваммер летел по прямой, удаляясь в непостижимую бесконечность.

Прожектор на его груди горел ровным и холодным све-

том, номер на спине слабо мерцал. Катер вызывал летящего по всем каналам. Ответа не было. Вскоре катер поравнялся со скваммером, но летящий не остановился. Ноги панцирного костюма были вытянуты, руки прижаты к бокам. Такую позу обычно принимали для продолжительного полета.

В лучшем случае, человек был без сознания... Кедрин торопливо проскользнул обратно, в багажный отсек, влез в свой скваммер. Минуту-другую он мог пробыть за бортом без особого риска. Пилоты молча кивнули, соглашаясь. Командир включил автоматику выхода. Кедрин нырнул в пустоту. Затрещал дозиметр, прерывисто запыхал индикатор... Обхватив скваммер руками, Кедрин направил его к открытому провалу люка.

Потом он забрался в камеру сам. Катер описал широкую дугу разворота. Кедрин томился в скваммере; выбраться было нельзя — вдвоем они и так едва умещались в тесном отсеке.

Это было неудобно и страшно — стоять, прижимая собою к переборке другой скваммер, ставший, судя по всему, последним пристанищем безымянного пока монтажника, который первым бросился спасать оказавшегося в беде — и вот сам... Что было причиной? Во всяком случае, не радиация: человек не мог так быстро лишиться сознания, не говоря уже о худшем. А Кедрин почему-то предполагал именно худшее, как будто мертвый холод второго скваммера добрался до него и проник до костей. Кедрин чувствовал, что еще немного — и он задрожит мелкой, унижительной дрожью, потому что ему никогда не случалось находиться так близко к смерти. Да, задрожит, хотя в скваммере был включен подогрев, и с лица Кедрина лил пот. Кто же это?..

Торможение прижало его к противоположной переборке. Затем в отсеке послышались гулкие звуки: катер вошел в эллинг. Люк распахнулся.

Кедрин шагал по коридору в зал; в который уже раз сегодня? Вернее, шагал скваммер — безотказно работали сервомоторы. Это было хорошо, потому что сам Кедрин не смог бы сделать ни одного шага: усталость все-таки добралась до него. И еще один скваммер шагал рядом, и это казалось совсем уж диким, потому что человек в нем уже не жил, не мог шевельнуть даже пальцем; но скваммер шагал себе враскачку, и жутко было думать, что это шагал мертвый. Мертвые не ходят на Земле, а здесь оказалось возможным и это...

Кедрин отводил глаза, но они, наперекор его воле, обращались в ту сторону.

Хорошо хоть, что сзади шли живые — экипаж катера и те, кто их встретил, и среди них — тот, кто просунул руку в полуоткрытую дверцу, ощутил неживой холод бывшего монтажника и включил автоматику, заставившую механический костюм двинуться вперед. Оказалось очень странным, что дверца в спине броненосного одеяния была приоткрыта. Это объясняло, отчего умер монтажник, но... Разве могла сама раскрыться дверца, защищенная изнутри двумя предохранителями противоположного действия, да еще и заблокированная вакуум-блокером? Разгерметизировать скваммер в пространстве можно было только намеренно, а значит... Кедрин сморщился: нет, нет... Мысли рождались и исчезали в тесном ритме, под тяжелый, размеренный топот скваммеров, и в мире не было никаких других звуков, кроме этого гулкого думм... думм... думм... думм...

Потом возник знакомый зал. Кедрин прошагал к своему месту и вылез из скваммера. Он стоял, не зная, куда и зачем идти. Лицо человека мелькнуло перед ним, человека, которого везли на носилках, хотя теперь он не почувствовал бы боли, если бы его даже тащили по полу. Лицо было с резкими полукружиями скул, с закрытыми глазами и губами, изогнувшимися в такую знакомую Кедрину усталую и слегка пренебрежительную улыбку. Кедрин как-то помимо воли удивился сохранности этого лица и механически вспомнил, кому принадлежал номер на спине этого скваммера.

Кто-то заговорил с Кедриным, но он только покачал головой: слова не достигали сознания. Ему вдруг очень захотелось спать, только спать, больше ничего. Неверными шагами он направился в свою каюту. Только спать — и ни о чем не думать.

4

И все же не думать оказалось невозможным. Думать не о том хорошем, что ты, кажется, сделал, но о том плохом, что ты сделал наверняка.

Вечером монтажники собрались в кают-компании. Здесь не было той торжественной и мрачной тишины, которая в старину являлась непременной спутницей такого рода собраний. Сошлась вся смена и представители остальных

смен; было теснее, чем обычно, и шумнее, чем обычно, и трудно было подумать, что произошло что-то исключительное. Но это вовсе не означало, что монтажникам безразлична судьба товарищей.

Потом разговоры разом стихли. Кедрина попросили рассказать о случившемся.

Это можно было сделать по-разному. Можно было говорить только о том, что произошло с минуты, когда он, услышав призыв Центрального поста, вышел в пустоту для поисков человека, не вернувшегося при атаке запаха. Это был бы очень последовательный и связный рассказ, после которого логичным было бы перейти к походу на катере, в результате которого был найден второй человек. Но на самом деле рассказ следовало начать раньше, и Кедрин чувствовал, что не может иначе.

Он начал с того, как, нарушив правила, покинул рабочее место, чтобы издалека полюбоваться кораблем. Там его застал запах, он устремился прямо к кораблю, и случайно заметил мелькнувшую возле конуса фигуру в скваммере, которая не летела к спутнику, а почему-то замешкалась.

Конечно, он мог бы и не рассказывать об этом. Но он рассказал. Обо всем же, что произошло позже, распространяться не следовало. Наградой за смелость служит сама смелость, а карой за трусость не может являться сама трусость. Он закончил свой рассказ объяснением того, что именно нахлынувший страх помешал ему сделать то, что следовало: проверить, почему кто-то задержался на рабочем месте Кедрина, вместо того чтобы следовать за остальными. Все знали, что Кедрин рассказал о событиях именно так, как они запечатлелись в его памяти. Теперь делом каждого было — внести поправки, необходимые хотя бы потому, что люди — настоящие люди — бывали в таких случаях намного строже к себе, чем заслуживали.

Начальник смены рассказал о причинах несчастья. Сигнал тревоги раздался, когда Ирэн подлетала к кораблю со стороны спутника. Она позвала, но Кедрин не ответил на ее вызов. На пути к входу в спутник она его не встретила, и единственный вывод был — что он находится внутри конуса и не принял сигналов тревоги. Конус мог и не защитить от атаки запаха — ведь все предохранительные слои были удалены. Тогда Ирэн, волнуясь за человека, с которым работала, кратчайшим путем проникла в корабль. Но лаз оказался слишком

узок; запутавшись во вспомогательной арматуре, Ирэн попыталась вырваться, ударилась головой о фонарь скваммера и потеряла сознание.

Да, она поправляется. Монтажник из патруля, первым почувствовавший запах, пострадал потому, что, проверяя защитные устройства Холодовского, больше поверил им, чем самому себе: приборы не показали запаха, и монтажник решил, что сам внушил себе мысль о нем. Впрочем, серьезной травмы он не получил.

Еще вопросы? Относительно того, почему не сработала защита от запаха он, начальник смены, судить не берется. Это сделают специалисты.

— Очень хорошо, — сказал Дуглас. — Я тоже специалист и могу сказать, что если бы в пространстве был запах, то приборы сработали бы. Они и сейчас исправны. Можно проверить.

— Так что же — в пространстве не было запаха? Мы все ошибаемся, а приборы не ошибаются?

Дуглас повел головой в сторону спросившего.

— Не знаю. Но теоретически ошибка допустима. Что такое запах — кто знает? Слава был уверен в себе, может быть — слишком уверен, да и все мы очень верили в него. Я не знаю, почему он умер, это еще предстоит узнать. Но до того — не будем делать выводов. Смерть — не доказательство и не искупление. Да.

Он уселся, теперь говорил Гур.

— Холодовский сделал ошибку, Кедрин тоже — он забыл правило Звездолетного пояса: в первую очередь думать о товарище. Мы говорим об ошибках, чтобы не повторять их. И о Славиных тоже. Это не оскорбляет его память: наоборот, ее оскорбило бы, не попытайся мы извлечь благо для оставшихся из самого факта смерти. Это была первая его ошибка, но ошибиться во второй раз мы иногда просто не успеваем...

Все согласно наклонили головы.

— Что касается Кедрина, надо дать ему возможность подумать обо всем. Нам дорог сейчас каждый человек, мы теряем часы и теряем людей — и тем тяжелее будет для Кедрина наказание, если мы отстраним его от работы, скажем, на месяц. Это очень тяжело, вы знаете...

Дальше Кедрин не слушал. Он ожидал, что все будет иначе. Ведь, в конце концов, это же он разыскал мастера — Ирэн, он лазил в пронизанное радиацией пространство за Холодовским... Неужели он должен будет сейчас уйти от-

сюда? Сейчас, когда Ирэн лежит в нескольких шагах, в госпитальном отсеке...

Ирэн? А что, если это — последствие разговора с Вели-
гаем?

Кедрин слабо усмехнулся. Да, не так давно ты бы, воз-
можно, и поверил этому. Но сейчас... Сейчас — нет.

К тому же тебя никто не гонит. Живи здесь, на спутнике,
занимайся, чем угодно. Только... не смей работать.

Но жить, когда все вокруг работают, и самому не иметь
права на это — очень тяжело. Просто невыносимо. Уже сейчас
становится страшно...

Уехать, провести этот месяц на планете? А Ирэн?

Но, собственно, почему она не может лечиться на Земле?
Где сказано, что она должна лежать именно здесь?

Кедрин удовлетворенно тряхнул головой. Это правильная
мысль.

Он вышел из кают-компания с остальными. Кто-то по-
хлопал его по плечу, кто-то утешил; запрещается работать,
думать не запрещается. Кедрин кивнул. Он уже думал. И при-
думал.

5

Ирэн вовсе не лежала без сознания; она полусидела на
своем причудливо выгнутом медицинском ложе. Прозрачная
перегородка была на месте, но Кедрин почувствовал взгляд
Ирэн на своем лице как прикосновение, которому переборка
не могла помешать.

— Что сказали ребята?

Кедрин опустил глаза.

— Ты поправишься, — утешил он. — О чем еще можно
говорить сейчас?

— Отстранили?

— На месяц.

— Это долго, — грустно молвила она. — Конечно, ты не
усидишь здесь.

— Кажется, нет. А ты? \

— Что — я?

— Полетим на Землю оба! Ты тоже пока не сможешь рабо-
тать. Ты вправе сделать это...

— Я знаю.

Она умолкла, чуть покраснев, и некоторое время молчала, закрыв глаза. Потом Кедрин спросил:

— О чем ты думаешь?

— Представляю... как это могло бы быть.

— И будет!

Она покачала головой. Кедрин печально усмехнулся.

— И снова ты выбираешь его...

— Если бы я выбрала его, — тихо сказала она, — ты сейчас не сидел бы здесь. Но...

— Что?

— Друга не бросают в беде.

— Знаю. Мне только что об этом напоминали. И что же?

— Ему труднее, чем тебе.

— Но он все знает. Я сказал...

Ирэн слабо улыбнулась.

— Что от этого изменится? Ведь он любит — и для него ничего не изменилось. Все равно я нужна ему.

Кедрин долго молчал. Потом сказал:

— Хорошо. Я тоже хочу тебя видеть постоянно. Я останусь здесь. Как бы ни было тяжело...

— Не оставайся. — Она умоляюще поглядела на Кедрина. — Тогда будет трудно не только тебе. И... не только нам. Вспомни: у тебя ведь есть товарищи на Земле. В институте. Им сейчас тоже, наверное, тяжело: они не оправдали надежд. Поезжай. Расскажи им о нас. Может быть, все это хоть чему-то их научит...

Теперь покраснел Кедрин. Ирэн, ушедшая из института давным-давно, помнит о нем, о тех людях. И правда, им сейчас нелегко. Сам должен был подумать об этом... Эх, Кедрин, как далеко тебе еще до настоящего человека...

— Я поеду, — сказал он. — Только не забывай меня.

— Иногда мне этого хочется, — призналась она. — Но я знаю, что не смогу.

— Как хорошо, что мы с тобой встретились снова.

— Хорошо? Не знаю...

Кедрин вышел в коридор. Здесь было по-обычному пустынно, потом в дальнем конце показалась группа людей. Кедрину захотелось свернуть в сторону, но он пересилил себя и пошел навстречу, независимо подняв голову.

— Ага, это ты, мой наказанный друг, — рассеянно сказал Гур. — Что нового?

— Отправляюсь на Землю...

— А мы проводили на Планету Славу... Последний рейс. Здесь у нас еще нет пантеона. Но будет — со временем.

— О да, — сказал Дуглас.

— И в этом пантеоне наш друг Дуглас в свое время будет изваян в наизидание потомкам с серебряной ложкой во рту — за обеденным столом.

— Не думаю, — сказал Дуглас. — Хотя...

— Есть что-нибудь новое о причинах?..

— Кое-что, — ответил Гур. — У него в скваммере оказался искатель запаха. Он сделал какие-то записи на кристалле, но излучение основательно испортило их. Обещали восстановить.

— А еще новости?

— Лобов сообщает о полном благополучии. Даже чересчур полном. Но Велигай знает: если Лобов хорохорится — значит, плохи дела. А нам, кроме всего прочего, еще хватит возни с этим запахом.

— Слушай, Гур... Ведь в тот раз прибор в пространстве взял запах!

— Да, — грустно кивнул Гур. — У меня ранец-ракета не на сжатом воздухе, а на химическом горючем. Привычка... Вот запах сгоревшего топлива и был в пространстве, когда мы испытывали Славины приборы. Так ты — на Землю... Я тебе немного завидую. Дети наши растут на Планете, и мы не так-то уж часто видим их. Но они вырастут и придут сюда. А мы тоскуем о Земле и любим свой Пояс. Противоречие? Диалектика жизни...

— Сложно.

— А что просто? Ну, мне пора. Только не забывай: на Земле ты тоже не имеешь права работать.

— Не забуду.

Он медленно шел к каюте. Что ж, месяц — это еще куда ни шло. Через месяц с небольшим корабль будет сдан... Значит, и этого у меня нет: его достроят без меня...

В каюте он осмотрелся. Собирать было нечего — люди приходили и уходили налегке. Взглянул на часы. Ежедневный корабль на планету уйдет через час.

Единственным, кто попался Кедрину по дороге в порт, был Герн. Он цепко ухватил Кедрина за рукав.

— Я вас помню: это вы заметили ту странную вспышку. Мы установили теперь: корабль цел и Трансербер — тоже.

Но расстояние между ними сократилось. Что это может означать?

— Ну, что?
— Ах, вы тоже не знаете, — разочарованно сказал Герн. — Вы далеко?
— На Землю.
— Ага... — сказал Герн, — тогда извините. Счастливого пути.

Он церемонно поклонился, но глаза его смотрели мимо Кедрина, и улыбка была лишь данью вежливости.

Объявили посадку. Пилот появился из раскрывшегося переходника. Его лицо было знакомо, хотя раньше оно не было таким непроницаемо суровым.

— Привет, Сема, — сказал Кедрин.
— Салют, — ответил Сема.
— Вы теперь на приземельских?
— Что мне, всю жизнь летать на глайнерах?
— А тот пилот?
— Не летает. Но готовится...
— Ясно. Можно садиться?
— Сделайте одолжение, — сказал Сема.

Кедрин шагнул в переходник. Гур нагнал его уже в салоне. Он протянул Кедрину маленький пакетик.

— Вот, возьми. Копия записи Славы. Прочитаешь на Планете... когда будет время и настроение. Итак — расстаемся на месяц?

— Не знаю...
— Я знаю. Ты попрощался?
Кедрин молчал. Гур промолвил:

— Ничего, грустящий друг мой. Воистину прав был кто-то, сказавший: если бы бури в пространстве были столь же преходящи, как в любви, не было бы ничего приятнее полетов. Кто это сказал?

— Не знаю, — буркнул Кедрин.
— По-моему, опять я. Или иной классик, но это не важно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Капитан Лобов — там, на орбите Трансцербера — сидит за пультом. По старой привычке руки его лежат на гладкой панели, хотя привычка сейчас ни к чему, и сам пульт — тоже; управлять нечем.

Управлять нечем, но все остальное в таком возмутительном порядке, что ни экипажу, ни пассажирам

почти нечего делать. Транс подступает все ближе, и по мере его приближения укрепляется и уверенность в том, что Земля не успеет. Транс уже наблюдается визуально: пока — как яркая точка, но вскоре...

И люди невольно содрогаются при мысли о том, что произойдет вскоре. А капитан Лобов думает: как бы сделать так, чтобы к ним не приходили такие мысли? И придумывает.

Кажется, обстоятельства спешат ему на помощь. Внезапно приходит в негодность термоустройство одного из отсеков — жилого. Морозец хорош зимой на Земле, но не сейчас, на этой орбите. Все люди немедленно мобилизуются на ремонт термосистемы. Причины аварии неизвестны — еще вчера все было в абсолютном порядке. «Но аварии всегда случаются неожиданно, — утешает капитан. — Ничего, поработаем как следует пару дней — и все будет в порядке...»

Все с этим согласны и выражают предположение, что эта авария будет последней. Капитан Лобов кивает; однако про себя — только про себя — он допускает, что аварии могут случаться и в дальнейшем. Капитан даже мог бы предсказать (хотя никогда до этого не отличался даром пророчества), где скорее всего окажется следующая неисправность: во флорасекции экоцикла. Это не очень опасно, но потребует немалых усилий для ликвидации.

И авария происходит. Люди заняты, и им некогда думать о том, что Трансцербер снова придвинулся на несколько тысяч километров.

2

Земля начала открываться Кедрину с высоты, и даже матросы Колумба не приветствовали ее таким криком, какой раздался в его душе. Как хорошо видеть тебя вблизи, мой дом!

Планета раздвигалась перед ним добрая и безмятежная, как страна из мультипликационного фильма.

Корабль, замедляясь, входил в плотные слои атмосферы. По обшивке текли огненные реки. Чудесный мир лежал внизу, зеленый и голубой, омываемый ветрами и океанами, летящий, кружась, в мировом пространстве.

Двигатели упоенно ревели. Земля оказалась громадной. На космовокзале былолюдно, Кедрин даже немного растерялся; он отвык видеть столько людей вместе. Вначале он хотел сразу отправиться в институт, но потом решил не-

много задержаться в порту: на время, нужное для акклиматизации.

Он пристал к шумной компании и почти час ожесточенно и весело спорил с двумя юношами, защищая позицию трех девушек. Это был старый спор микро- и макроклиматологов. Ребята стояли за микроклимат: тут пальмы, а рядом — снег; им хотелось жить под пальмами, а по утрам бегать на лыжах. Девушки горячо защищали макроклимат: тепло — так уж всюду тепло, не надо кутаться. Кедрин поддержал их, потому, что ему хотелось тепла, и потому, что это были девушки. Все пятеро, как выяснилось, летели на орбитальную метеобазу, которая обращалась вокруг планеты на расстоянии пяти тысяч километров, внутри водородного кольца. Кедрин немного погрустнел: люди покидали Землю, такую единственную, и даже пообещал одной девушке обмениваться с ней радиogramмами: у человека кто-то должен быть на Земле, хотя бы до той минуты, когда найдется и кто-то в космосе.

Разговор внезапно прервался: началась посадка. Климатологи ушли, так и не успев дослушать лекции Кедрина по поводу контрастного зрения и умения определять расстояния в пространстве. Ушли, умолкнув и сделавшись серьезными, в свой первый полет в Приземелье. После этого Кедрину стало совсем грустно.

Он еще посидел в баре, потягивая что-то прохладное и тонизирующее. Потом уселся в машину. Стремительный разбег, взлет. Назад потекли, побежали небольшие города современности, города-специалисты, которыми теперь была усеяна вся планета: поселения физиков-нейтринников и физиков-гравитационников, химиков-элементооргаников и химиков-анизотропников и еще сорок городов химиков, из которых ни один не был похож на другой. Земля была внушительна, но разве от этого менее величественным казалось Приземелье?

Вот, будь ты неладен! Не успеешь покинуть Землю, как что-то тянет тебя обратно; прилетаешь — и Приземелье вырастает в памяти со все большей яркостью, и зовет на круги своя. Странно устроен человек...

Странно. Например, зачем он сейчас летит в институт? С таким же успехом можно было подняться на эту самую метеобазу, вместе с девушками и ребятами, и пожить там. Увидеть, услышать что-нибудь новое. В космосе всегда полно новостей.

Да... Например, болтаясь на катере, можно внезапно услышать передачу «Гончег пса», зашифро-

ванную непонятным образом и направленную почему-то не на Землю и не на Пояс, а куда-то в пустоту. В чем же там было дело? Велигаю удалось разобраться в этих сигналах; он говорил потом, что трудно было отделить собственно сигналы от этого воя, источник которого так и остался неизвестен. Но лóбовская передача была слышна только там, где был этот вой. Казалось, что возник какой-то узкий канал, по которому только и проходили сигналы. Зато, когда удалось настроиться поточнее, они оказались даже многократно усиленными. Словно кто-то ретранслировал передачу Лобова; но ретранслировал вовсе не для земных или приземельских станций. Наоборот, мы все это время не принимали ни одной передачи.

Интересно, интересно... В этом что-то есть, как сказал бы Гур; он просто не успел этого сказать: было не до того. Но не верится, что прогносеолог не нашел времени хоть немного задуматься над этой проблемой.

Но ведь задуматься можешь и ты.

Да, как сказал кто-то из приземельцев — думать-то не запрещено...

Итак, кто-то ретранслировал. Ну, кто-то — это, конечно, слишком сильно сказано. Нечто, скажем так. Но это нечто должно обладать способностью отражать сигналы в одном определенном направлении и полностью заглушать во всех других.

Это все очень странно. Так странно, что без помощи Элмо тут не обойтись. Нет, именно в институт и надо лететь, а вовсе не с этими ребятами... Попросим Меркулина; он не откажет — если даже мой Элмо уже занят, — одолжит на несколько часов хотя бы свою машину.

Нет, это не поможет, ты ведь не имеешь права работать.

М-да... Ну, пусть поручит кому-нибудь подумать над этим. Не может не помочь родной институт.

Кстати, пора бы ему уже показаться. Раньше виднелся издалека.

Ах, да! Сейчас уже не возвышается поблизости «Джордано». И институт сверху незаметен. Что-то он потерял с уходом «Джордано».

Что-то он потерял...

И все равно: как хочется увидеть всех, сердечно обняться, вновь вдохнуть воздух лабораторий. Воздух, в котором возникают открытия.

Незнакомый человек сидел в кресле. Станным казалось, что кресло это, за несколько лет окончательно принявшее, как думалось, форму тела Кедрина, теперь покорно подчинилось другому, а шлем Элмо, пластик которого давно уже был отшлифован висками Кедрина, теперь так же ловко сидел на чужой голове. Наверное, эта голова устраивала и шлем, и лабораторию.

Кедрин бесшумно затворил дверь, над которой рдела знакомая табличка: «Тихо! Здесь думают». За несколько минут, что он простоял у двери, человек в кресле ни разу не шевельнулся. Значит, работа шла неплохо и в институте все в порядке.

Кедрин поднялся наверх. Он шагал по коридору, и запах озона, перемешанный с едва уловимым — нагретой пластмассы — милый запах института! — проникал, казалось, все глубже в тело, делал походку более размеренной и дыхание спокойным.

Все та же табличка висела на директорской двери, и ни одна буква надписи не потеряла ничего из своего величия и многозначительности. Кедрин постучал. Дверь открылась не сразу, а с небольшим замедлением, словно Меркулин так крепко задумался над чем-то, что не услышал просьбы.

Он сидел за пультом и смотрел в бесконечность. Потребовались какие-то секунды, чтобы глаза его разыскали Кедрина, и еще какое-то время ушло на узнавание. Наконец около рта Учителя обозначились глубокие морщины, показались зубы, подбородок выдвинулся вперед: старик улыбнулся. Этой улыбке не хватало только веселости. Меркулин перестал улыбаться, но часть морщин осталась. А ведь раньше незаметно было, что старость так близка...

— Вот и ты, — кивая, проговорил Меркулин. — Слетаетесь, слетаетесь...

— Не понимаю, — озадаченно проговорил Кедрин.

— Что же, делайте по-своему. Но я проверил и пересчитал все. Мы не могли. Не могли... Если бы вы были другими. Я? Быть может, виноват и я...

На минуту он стал прежним Меркулиным и взглянул на Кедрина своим обычным пронизательным взглядом.

— Ну, иди, иди. Я не очень хорошо себя чувствую. Спасибо, что зашел. Ко мне теперь не заходят так часто...

Кедрин растерянно поклонился. Закрывая за собой дверь, подумал: «Да, здесь что-то изменилось...» Теперь он шагал по коридору медленно. Изменилось? А может быть, ты просто отвык? Ведь в памяти вещи сохраняются не совсем такими, каковы они на самом деле.

Кедрин почувствовал, что устал. Слишком много путешествий, впечатлений. Ведь только что он был еще на Поясе... Он отыскал комнату для гостей, по счастью, пустую. Улегся на широкий диван и долго лежал, отдыхая.

Когда он поднялся, солнце за окном снижалось к горизонту. Было тихо и ясно. Работа уже, наверное, кончилась. Все Элмо отключены и заблокированы. Идти никуда не хотелось.

Гур дал в дорогу копию записи Славы. Маленький паке-тик... Последние слова. Что может говорить человек, знающий, что через мгновение он перестанет существовать? Об этом страшно думать. Но...

Кедрин отыскал взглядом кристаллофон. Голос Холодовского заставил Кедрина вздрогнуть; живой голос неживого человека, голос уверенный, немного отрешенный и спокойный, как всегда.

— Так, — сказал Холодовский. — Прибор не берет запаха. Выходит, запаха совсем нет в пространстве?

Последовала пауза. Потом Холодовский пробормотал что-то, сердито и неразборчиво. Вдруг кристаллофон загудел; Кедрин решил было, что аппарат испортился, потом понял, что и это была запись: таким звуком отзывался скваммер на форсаж двигателя. Несколько минут кристалл вращался бесшумно.

— В общем, — сказал Холодовский, — мои построения, кажется, летят в архив. Или прибор — не прибор, или в пространстве нет запаха. Как же нет, когда я его ощущаю? Но и прибор действует нормально, можно поручиться...

Холодовский был необычно многословен; Кедрин понял: он подбадривал себя. Да, нелегко было решиться на такое...

— Ну вот, — сказал Холодовский. — Надо всего лишь установить: а есть ли запах в скваммере? К сожалению, наши скваммеры такими приборами не оборудованы. Наш недосмотр, ребята, а за это приходится расплачиваться.

Кедрин стиснул кулаки: таким невозмутимо-скучным был голос монтажника в тот миг, когда впору было кричать

от ужаса перед тем, что человек собирался сделать.

— Может быть, все мы страдаем галлюцинациями? Чушь, конечно. Но если запах в скваммере все-таки есть, а в пространстве его нет, то он, конечно, возникает именно в скваммере. Почему — я не знаю, да и никто не знает. Тогда источник надо искать вовсе не там, где пытался найти я. Значит, и сейчас мы защищены от запаха не более, чем в начале работы. Сколько часов мы уже потеряли?.. А ведь восемь больше одного, а, ребята?

Он даже засмеялся, Слава, хотя не над чем было смеяться. Потом оборвал смех и сказал:

— Представляю, как обозлятся медики. Я им испорчу статистику... Ну, ладно, монтажники. Схема такова: я разгерметизируюсь, держа нижними руками прибор у дверцы. Воздух пойдет наружу и с ним пахнущее вещество. Остальное прочтете на ленте прибора. — Он помолчал. — Ну, как говорит Гур, мои неунывающие друзья, держитесь: не стоит, право...

Щелкнуло, раздался свист и наступила тишина. Она продолжалась долго, пока электронная игла не обожала весь кристалл и не отключилась.

— Что же показал прибор? — внезапно крикнул Кедрин. Он закричал, как будто умолкнувшая запись могла ему ответить. — Был запах в скваммере? Или нет?

Он опомнился; хорошо, что никто не слышал. Но ответ необходим. Где видеофон? Да где же?.. Вот он, под рукой. Какой шифр Гура по общей связи?

4

Гур возник на экране и высоко поднял брови, увидев Кедрина.

— Тоска охватила его, и он дрожащими руками набрал номер, — сказал Гур. — Так что же?

— Что показал прибор у Славы?

— Запах был...

— Но откуда же?..

Гур пожал плечами.

— Значит, теория Славы рухнула?

— Как сказать... Теории нет, но могу познакомить с размышлениями по этому поводу некоего прогносеолога. Начну с аналогий. Держа в руке алмаз, можешь ли ты сказать сразу, кем он создан: природой или человеком?

— Нет.

— Но лет двести с лишним назад ты бы не сомневался: тогда ничего не знали о возможности создать алмаз искусственно. Так и с источником предполагаемого запаха.

— Прости, но это ненаучно.

— Прощаю. Ты хочешь сказать, что нет фактов? Да, они нам неизвестны. Но иногда я перешагиваю через неизвестные. Однажды — мы знаем — запах пришел после вспышки на орбите Транса. Значит, было какое-то излучение, против которого наши скваммеры оказались беззащитными. Как возник запах — это дело десятое. Но, чтобы в будущем спастись от него, надо разгадать источник. А история с деталями, которые мы еле удержали на месте?

— Как ты ее объясняешь?

— Стоп! — сказал Гур, к чему-то внимательно прислушиваясь. — Кончаем. Я слышу на проспекте отголоски грома. Сейчас она ворвется сюда, эта плешивая стихия. А я с трудом переносу прямые попадания молнии...

Он исчез, но Кедрин медлил с выключением видеофона. И в следующую минуту экран безраздельно заняла голова Герна.

Астроном был красен от гнева. Он медленно оглядел всю каюту. Затем его глаза остановились на Кедрине. Герт не удивился.

— Ага, это вы. Что все это значит?

— Что?

— В мое отсутствие этот разбойник оккупировал астролокатор. Острейший! Этот космический пират, этот Гур, этот я не знаю, кто! Удивляюсь, почему он еще не вывесил черный флаг. Зачем ему понадобилось с такой точностью определять расстояние между Трансом и «Гончим псом»? Но я ему задам!

Герт взмахнул руками и стремительно кинулся к выходу. Кедрин хотел уже отключиться, когда в каюту снова вошел ее хозяин. Он победоносно улыбался.

— Ты его встретил? — спросил Кедрин.

— Да. И обезоружил: спросил, из какого пластика была защита регулирующей автоматики в реакторе «Пса». При неожиданных вопросах Герт теряет, и я сбежал. Теперь он не вернется, пока не разыщет ответ в справочнике. Кстати, а ты не помнишь?

— Никогда не знал.

— На всякий случай: там стоял пластик К-178. Вдруг пригодится. «Копите знания, даже внешне бесполезные», — говорил Аристотель.

— Не говорил.

— Он это сказал лично мне. И давай расставаться, пока Герн не узнал, что я израсходовал его лимит видеосвязи на три дня вперед. Свой я берегу для торжественных случаев...

Экран погас, но Кедрин даже не заметил этого. Значит, запах был только в скваммере. Пусть Гур размышляет над тем, что его вызвало. А мы тут подумаем: как вызвало?

Он вышел в коридор. И удивился: не было тишины, обычной для этого часа. За гладкими панелями стен чуть слышно гудели Элмо. Ребята работали? Так поздно? А меркулинский порядок?

Кажется, все мы начали что-то понимать. Хотя бы то, что в любой миг надо быть готовым сделать больше, чем вчера и сегодня, больше, чем когда-либо. Потому что тебе неизвестен час, когда ты понадобишься человечеству. И ребята работают. Воспитывают в себе то, чего не оказалось, когда надо было помочь Поясу. То, чего не смог — или не хотел? — воспитать в них Меркулин. Работать он научил прекрасно. А жить?

Ребята работают. Мыслят. Ищут. И, наверное, находят. Это хорошо. Искать и находить. Дышать неистребимым запахом озона и нагретой пластмассы.

Запах нагретой пластмассы.

Запах... Так.

Нагретой.

Пластмассы. Ну, естественно.

Кедрин опустил прямо на пол, охватил колени руками.

Запах: на уровне молекул и даже атомов, освобождающихся в процессе нагревания.

Нагретой; повышение температуры усиливает испарение...

Пластмассы. Так ли? Пластики устойчивы, несмотря на всю огромность своих молекул. После облучения гамма-радиацией и других операций некоторые сорта их переносят испытания всеми известными видами излучений. Пластики испытывались неоднократно, еще до того, как из них стали изготавливать разные детали. Например, фонари скваммеров — верхние, прозрачные изнутри оконечности пустотных костюмов — изготовлены из поляризованного пластика. Они очень надежны. Из того же пластика, кажется, и глазок в запасной двери...

Да, когда речь идет об известных излучениях. Но Гур предполагает, что тут могут появиться и неизвестные... Предположим. И если это излучение вышибает из пластика

радикалы, то вполне может возникнуть... Погоди, погоди... Да! Возникнет запах! Понимаешь?!

А как обстоит дело с количественной стороной вопроса?

Нужно считать. О невооруженном мозге и речи нет, тут нужен Элмо со всей его памятью. Но где же и считать, как не в этом институте?

Он вскочил. Кинулся по коридору. Потом остановился.

А кто будет считать? Ребята заняты, да и долго объяснять... Самому — запрещено. Потом, для него нет свободного Элмо. Его место в институте не дождалось бывшего хозяина.

Хотя... одна машина может найтись.

Он повернул в обратную сторону. Вот снова дверь со знакомой табличкой. Он постучал, наверняка зная, что ответа не будет. Потом нажал на ручку. Дверь открылась.

Кедрин уселся в кресло. Привычно пробежал глазами приборы на пульте. Машина была занята: какая-то работа прервалась на полуслове, Меркулин продолжит ее завтра. Что это за работа?

Кедрин нажал на клавишу памяти. Несколько минут смотрел на экран. Ага... Ага. Меркулин вычислял возможность, по теории вероятности, внезапной гибели человека, провалившегося в старый, незасыпанный, замаскированный хворостом колодец. Вероятность была невелика, понятно. Зачем это ему? Ага, вот: можно ли на этой вероятности основывать упреки в том, что коллектив института воспитан неправильно?

«Наверное, можно, — подумал Кедрин. — Но машина тебе этого не скажет. Это — не ее ума дело. Не к ней надо было обращаться, Учитель. Не к ней...»

А вычисления эти никому не нужны. Уберем их подальше.

Сухо стукнул переключатель. Световой шквал пронесся по строгим шеренгам индикаторов. Кедрин нашел шлем и счастливо зажмурился. Хорошо... Он нажал контрольную клавишу. Машина готова. Дай мне химический раздел памяти. И вычислительный сектор пусть включится. Результаты проецировать на экран. Ну, посмотрим...

Затем он сидел час, не двигаясь, на лбу его вспухли бугры. Через час он снял шлем. Сделано все, что можно, но этого мало. Предстоит еще промоделировать структуру пластика, выяснить, какие же это могли быть радикалы и какова примерно должна быть характеристика гипотетического излучения... Голова разболелась. Слишком давно Кедрин

не работал, а теперь еще дал себе чрезмерную нагрузку. И все же дело надо закончить именно сейчас...

Он поднялся, пошатываясь, подошел к шкафчику в углу меркулинской лаборатории. Да, так он и думал — стимулятор здесь. Он принял двойную дозу. «Опасно, — подумал Кедрин и усмехнулся: — снявши голову, по волосам не плачут. А голова его пропала: нарушения этого правила монтажники не простят, ты убежал от наказания, Кедрин, не выдержал».

Что же: соглашусь со всем, и все выдержу... Стимулятор начал действовать, голова стала ясной. Он опять уселся за Элмо, и вновь потекли минуты...

Ему пришлось принимать стимулятор еще два раза, и он знал, что это не пройдет безнаказанно. Пусть не проходит. Но люди спокойно достроят корабль. «Восемь больше одного», — сказал Холодовский. И даже больше двух. Очень интересная структура... Появились радикалы. Под влиянием чего же?

Он работал, не жалея ни себя, ни Элмо. У машины пришлось включить дополнительное охлаждение.

Когда Кедрин кончил, была глубокая ночь. Он снял шлем и упал головой на пульт.

Теперь ты практически тоже мертв, хотя сердце бьется. Но нужно еще приподнять голову. Рядом, на столике — кристаллофон. Кедрин четко, с паузами, продиктовал результаты. Затем встал. Шатаясь, добрался до видеофона. Набрал номер Гура. Включил кристаллофон на воспроизведение. И обмяк, опустившись в кресло. Успеет ли Служба Жизни? Впрочем, это не важно. Разберет ли Гур, в чем дело? А если его нет в каюте, запишут ли его устройства сказанное? Нет, надо вызвать Центральный пост.

Но на это уже не оставалось сил.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

На орбите Трансцербера непонятные аварии продолжались еще некоторое время. Сначала, как молчаливо предполагал капитан, во флора-секции экоцикла. С устранением неисправности пришлось провозиться четыре дня, при этом часть вещества выбыла из круговорота. Но того, что осталось, вполне хватит.

После ремонта сектора все спят чуть ли не целые сутки. Капитан Лобов тем временем с непонятым удовольствием думает о том, что на корабле, к счастью, негде было разместить ремонтную автоматику. Иначе люди остались бы совсем без работы.

Люди просыпаются. Но рано радоваться: происходит еще одна авария, третья. Снова все заняты, а капитан Лобов бесшумно несет вахту и думает: «Ребятки мои милые, я вам не дам скучать, вы у меня еще поработаете, чтобы в действии, в драке, в работе встретить то, что придется встретить. В работе, а не в грустном ожидании».

Потом ему приходит в голову, что в дальнейшем аварии могут стать более легкими. Ученым пора уже начать визуальное наблюдение Трансцербера. Благо он все вырастает. Поэтому капитан Лобов подходит к людям, которые никак не могут доискаться причин неисправности генератора защитного поля, и задумчиво говорит: «А не поискать ли причину в дериваторе?» У капитана завидная интуиция: повреждение действительно оказывается в дериваторе.

После этого аварии прекращаются, и люди все внимание отдают Трансу.

Но до чего же он маленький, этот грозный Транс! Не поворачивается даже язык назвать его планетой. Астероид, да и то из самых крохотных. И как это Герн ухитрился из Приземелья засечь этот обломок по его гравитационному полю?

Правда, Герн наблюдал его только один раз, а потом потерял. И неудивительно: масса небесного тела очень и очень невелика. Каким же образом Герну так повезло? Над этим стоит подумать... Но независимо от того, каким образом Герн засек это тело, столкновение с ним все-таки произойдет: «Гончий пес», к сожалению, вышел на орбиту достаточно точно. Теперь это настолько очевидно, что капитан решается даже провести очередной сеанс связи с Приземельем. Поговорив, он обрадованно заявляет: «Корабль почти готов, он вот-вот выйдет! Надо дотянуть!»

Все соглашаются: надо. Как-то неудобно, доставив столько хлопот родной планете, взять — и не дожидаться. «Дождемся», — решают все, словно это и вправду зависит от них. И с новой энергией принимаются за наблюдения.

Внезапно один из ученых — горячий приверженец Герна — заявляет, что он понял, в чем дело. В момент, когда астроном засек тело, масса его могла быть гораздо боль-

шей, нежели сейчас. Каким образом? Очень простым. Известно, что при достижении скорости, близкой к световой, масса летящего тела...

Ну да, отвечают ему. Но тогда каким образом тело вдруг замедлило свое движение?

Капитан Лобов начинает вдруг дудеть какую-то мелодию. Все подозрительно смотрят на него. Но капитан глядит совсем в другую сторону и только дудит нечто торжественное.

Вроде бы и не к месту он делает это. Потому что скорость сближения с сумасшедшим обитателем космоса снова увеличивается, и становится ясным для всякого, что Земле не успеть. Нет, не успеть...

2

На этот раз ты, кажется, выкрутился. Да. Служба Жизни оказалась по-настоящему бдительной.

Сколько же часов ты провалялся?

Он повел взглядом, ища календарь. Календаря не было. Незнакомая комната. Окно. Что за окном?

За окном березы в желтых платьях.

Осень? А ведь вчера было лето...

Пролежал, проспал все на свете! Встать. Скорее встать.

Он поднялся и сделал несколько шагов. Не было ощущения, что он слишком долго лежал в постели. Казалось — просто хорошо выспался. Голова легкая, мысли ясные.

Есть здесь кто-нибудь? Что произошло за это время на Земле? В Приземелье? На орбите Трансцербера?

Кедрин решительно направился к двери. Она отворилась, когда он был еще на середине комнаты. Человек в белом заглянул и скрылся так быстро, что Кедрин даже не успел его окликнуть.

Затем дверь отворилась во второй раз. Долетел обрывок сказанной кем-то фразы:

— ...Нет, мы все равно собирались будить его.

— Тем лучше, — проговорил знакомый голос, и Кедрин попятился. Он пятился, пока не наткнулся на кровать. Тогда он сел.

Велигай вошел, полы наброшенного на плечи халата стремительно взвились и опали. Кедрин раскрыл рот, но голос пропал. Велигай кивнул головой, уселся в кресло

напротив и несколько секунд пристально смотрел на Кедрина. Потом неожиданно улыбнулся.

— Что ж, — сказал он. — Все в порядке.

В голосе его сквозила радость. Отчего? Только ли в том дело, что ты, Кедрин, жив и здоров? Или...

Ведь ты болел, судя по осенним листьям, не меньше месяца. А он был там. Многое могло произойти за это время... Кедрин стиснул зубы.

— Хотелось увидеть тебя, Кедрин, перед тем, как...

Перед чем, интересно...

— ...как уйти. Завтра уходим.

— Куда? — выговорил наконец Кедрин. Велигай удивленно поднял брови.

— За ними, конечно. «Джордано» готов.

Погоди, погоди. Мне тут не все ясно...

— Вы уходите? Но вам же...

— Было запрещено? Да. Ну и что же? На этот раз пойду именно я. Ведь мы не построили нового корабля, а восстановили старый. А кто знает «Джордано» лучше, чем я? Пришлось с этим согласиться даже медикам.

— Я понимаю. Поздравляю вас.

— Вот именно, — сказал Велигай. — Поздравь. А пришел я, собственно, проститься с тобой и передать: мы помним. И понимаем, что ты помог нам очень основательно.

— Наверное, вы все меня презираете за нарушение?

— Конечно, мы строго наказываем тех, кто нарушает наши законы. Но ты сделал это ради жизни людей. Так что возвращайся. Все будут очень рады видеть тебя. Это я и хотел сказать. Отдыхай. Ты еще нуждаешься в отдыхе.

Велигай поднялся.

— Конечно, тебе привет от всех. От улетающих и остающихся.

Кедрин вытянул руку.

— Одну минуту... Кто летит?

— Целый экипаж. Из наших, с Пояса? Дуглас, Тагава...

Велигай остановился. Слабо усмехнулся.

— Она не летит.

Кедрин откинулся на подушку. Они немного помолчали.

— Ладно, — сказал Велигай наконец. — Мне пора.

346 Прости. Ждут люди. Да и звезды.

Он повернулся. В дверях халат снова взвился от легкого сквознячка. За дверь Велигай с кем-то заговорил.

Шаги его и резкий, курлыкающий голос прозвучали и за-
тихли вдалеке.

3

В рабочем пространстве толпилось необычно много людей. Все четыре смены. Просто говоря, было тесно. Сегодня праздник монтажников: День корабля. Люди создали этот корабль, и поэтому праздник веселый, но они и расставались с ним, и это вносило долю грусти.

Люди висели в полуметре от зеленоватой брони Длинного корабля. Внешняя крышка главного люка была распахнута. Потом раздалась команда, и монтажники разлетелись в стороны, открывая широкий канал, по которому уже шел катер.

Он приближался. Велигай стоял в скваммере на откинутой площадке звездолета, пока — в одиночестве. Но катер все приближался, и все знали, кого он несет в своей объемистой кабине.

Катер плавно повернул, и хотелось верить, что и сам он слегка изогнулся в повороте, настолько красивым было это движение. Затем, выбросив голубоватое облачко, катер замер напротив открытого люка.

Установили переходник. Это был праздничный переходник, прозрачный. И каждый монтажник видел, как открылся люк катера и из него стали появляться люди.

Это были новые хозяева корабля, до этой минуты принадлежавшего еще людям Звездолетного пояса, и в первую очередь — монтажникам. А теперь пришли пилоты. В ярких мягких костюмах они выходили из катера, проходили по прозрачному переходнику, приветствуя монтажников, столпившихся в пространстве. Потом они исчезали в разверстом люке их нового дома, называвшегося «Джордано».

Велигай успел тоже скрыться в глубине, но потом появился опять, на этот раз без скваммера. Он встретил второго пилота и своего помощника. Они улыбнулись друг другу: может быть вспомнили полет на маленьком кораблике по имени «Зеленый кузнечик».

Второй пилот был последним; люк катера закрылся. На площадке звездолета стоял теперь снова один Велигай; вот он поднял руку, прощаясь со всеми. Монтажники

взметнули правые руки скваммеров, прощаясь в свою очередь с человеком, само имя которого очень много значило для них. Потом крышка люка медленно поползла вверх, навстречу ей изнутри выдвинулась вторая.

Светлое пятно закрылось, тотчас же раздалась команда. Монтажники заняли заранее определенные позиции. Тело корабля еще миг блестело в лучах прожекторов. Потом внезапно вспыхнули все иллюминаторы и опознавательные огни, и корабль превратился в лучащуюся драгоценность. Трудно было поверить, что это они, монтажники, создали такое чудо, а еще вернее — воскресили его, вернули к жизни, к походам и подвигам. Потому что подвиги совершают не только люди, но и корабли...

Проба огней была всего лишь началом последних, предстартовых испытаний корабля. Теперь освещенный «Джордано», казалось, шевелился: открывались и закрывались грузовые люки, выдвигались смотровые площадки и мостики, поворачивались, втягивались и вытягивались антенны, и каждый раз кто-то из монтажников — тот, что монтировал этот мостик или антенну, горделиво взглядывал на соседей, хотя все заранее знали, что ни одно устройство не может отказать.

Корабль шевелился, как ребенок,двигающий ногами и руками просто потому, кажется, что движение доставляет ему радость. Но на самом деле все эти движения означали, что «Джордано» уже готов к работе. Челюсти люков захлопнулись, выдвинулись нужные и втянулись лишние пока антенны. И, казалось, еще тише стало в уже и без того безмолвном пространстве.

Уходил сын Звездолетного пояса, и ему предстояло увидеть еще много нового, а здесь оставалась память, которая должна была помочь родиться новым кораблям. Уходил; все ждали этой минуты, и, как всегда, никто ее не заметил. Но «Джордано» уже не висел на месте: погасла одна звезда, вторая, и вот движение стало уже заметным, и едва видимое глазом голубоватое облачко дрожало в зоне выхлопа стартовых двигателей. Звездные же будут включены лишь вдалеке от планеты. Корабль уходил, сверкая, как созвездие, равный среди равных во Вселенной, небесное тело галактического ранга. Никто бы не взялся предсказать его вторую звездную судьбу, но все знали, что она будет прекрасна... А ход корабля все убыстрялся, корабль торопился в вечный день Пространства — потому что не может быть ночи

там, где сияют миллиарды солнц.

На орбите Трансцербера нетерпение достигает апогея.

Все знают, что «Джордано» в пути. Все знают, что скорость корабля велика. Но, хотя скорость «Транса» меньше, он находится куда ближе. Светлая точка словно бы и не приближается, но яркость ее с каждым днем нарастает. Люди сравнивают скорости и расстояния, переводят их в дни, потом в часы. Они делают это и в уме, и с помощью вычислительных машин.

Сначала кажется, что «Джордано» успеет. На «Гончем псе» царит праздничное настроение. Но неугомонный Транс как будто снова немного увеличивает скорость. Вот непонятное тело! Если бы научный образ мысли не обязывал ко многому, то, пожалуй... Но сейчас это, в общем, уже все равно.

Все равно, потому что опасность можно предотвратить, если понимаешь, каков ее источник. А здесь?

...Проникая через иллюминаторы, голубоватый свет заливает рубку. Настал час. Все молчат и, сами того не замечая, принимают такие позы, чтобы можно было удержаться, устоять...

Но не устоять им, потому что Транс приближается со скоростью трех километров в секунду. Посадка будет жесткой. Все произойдет мгновенно и безболезненно.

Тишина. Потом кто-то из ученых вздыхает:

— Если бы знать с уверенностью заранее... мы бы не стали так затруднять Землю.

И снова молчание.

Космический разведчик, набитый материалами, убыл на Землю три часа тому назад. Он достаточно быстр, он уйдет. Но аппараты продолжают шелкать, замерять, записывать. Может быть, что-нибудь уцелеет, и люди найдут.

— Алло! — доносится из динамиков голос «Джордано». — Как вы? Мы уже близко, мы затормаживаемся! Мы идем...

«Джордано» не спрашивает, продержатся ли. Вопрос ни к чему. И снова в рубке «Пса» тишина. Только капитан Лобов размеренным, будничным голосом считает:

— Сорок...

И пауза. Страшно долгая минутная пауза.

— Тридцать девять...

Другой ученый размышляет вслух:

— Интересно все-таки, что это такое?

— Тридцать четыре... — вместо ответа говорит капитан Лобов.

— Боюсь, — начинает третий ученый, — что виноваты мы сами. Включая диагравийонный двигатель в поле тяготения тела мы, возможно, вызвали какое-нибудь нарушение характеристик этого поля. На Земле мы об этом только мечтали, а тут, к несчастью...

— Тридцать две минуты до встречи, — хладнокровно отсчитывает капитан Лобов. — Время заканчивать все работы. На корабле должен быть порядок.

Порядок наводится быстро и без суеты. Привычное дело, как-никак. Капитан Лобов придирчивым взглядом обводит помещение, и кажется, не находит ничего такого, к чему следовало бы придраться.

— Двадцать, — говорит он.

— Ну, — смущенно предлагает четвертый ученый. — Давайте, что ли, по обычаю...

Он неловко целует стоящего рядом пилота. Другие тоже целуются.

Это всегда выглядит немного смешно, когда целуются мужчины, хотя на самом деле иногда это бывает страшно.

Капитан Лобов вытирает губы:

— Семнадцать минут...

Теперь время течет очень быстро.

— Десять...

— Восемь минут...

5

На полу гардеробного зала лежит тончайший слой пыли. Трудно сказать, откуда вообще могла появиться пыль здесь, на спутнике-семь: это ведь не Земля... И тем не менее стоит несколько дней не заходить в зал, как пыль покрывает матовый пластик.

Уже несколько дней, эти самые несколько дней, к скваммерам действительно никто не подходил. Зачем? Работы прекращены, корабль ушел, и пока никто не дает Поясу новых заданий. Наверное, потому, что монтажники, да и все люди Звездолетного пояса, по общему мнению, должны отдохнуть. А может быть, еще и потому, что они сейчас все равно не могли бы работать — до тех пор, пока не придут вести с орбиты Трансцербера.

Но, хотя работы и не велось, эти дни на спутнике-семь были, пожалуй, самыми тяжелыми. Царила тишина. Не слышалась музыка, никто не читал стихов. Люди собирались в кают-компаниях и молчали, а многие и вообще сидели по своим каютам. Люди оживлялись только в минуты связи с «Джордано», когда знакомый курлыкающий голос докладывал монтажникам о пройденном расстоянии и о положении на «Гончем псе». Вначале сообщения Великая встречались оживлением. Потом стало ясно, что люди проигрывают эту битву с природой, битву за спасение восьми жизней. Люди спутника чувствовали свое бессилие. Это самое горькое ощущение из всех, какие может испытывать человек. Этому ощущению нечего противопоставить.

Хорошо еще, что люди держались. Даже в эти дни они не позволили надежде погаснуть. Не пали духом.

Впрочем, так ли?

Вечер. И вдруг широко распахнулась дверь одной из кают в переулке Отсутствующих Звеньев. Из каюты показывается человек. За ним — второй. Оба напоминают безумных. Волосы одного всклокочены, стоят дыбом. Лысина другого сияет. Выскочив в коридор, они на миг останавливаются и обнимаются. Лысый обнимает растрепанного где-то чуть повыше поясницы, самого же его обняли за шею: слишком велика разница в росте. Но сейчас они не обращают на это внимания. С минуту они так и стоят, обнявшись. И вдруг одновременно, словно сговорившись, затягивают какую-то дикую песню. Пошатываясь, идут по коридору. И выходят на проспект.

Распахиваются двери. Мрачные лица выглядывают отовсюду. На миг подобие улыбки освещает их, затем они снова осуждающе мрачней. Неужели двое не выдержали? Алкоголь, этот уже почти забытый порок? Или — еще хуже: сдала нервная система, мозг не вынес напряжения, наступило безумие?

— Гур! — кричит кто-то. — Опомнитесь! Не вам же...

— Молчи! — отвечает Гур.

— Герн! Вы же ученый!..

— Слушайте, — говорит Герн, — что вы ко мне привязались? Я имею право петь песни или не имею?

— Оставь! — говорит Гур. — Они все ничего не понимают!

— Интересно, — вежливо спрашивает один из выскочивших монтажников, — чего же это мы не понимаем? — Он делает знак остальным, которые, кажется, не очень расположены сейчас вступать в объяснения. — Расскажите, пожалуйста!

— Строго говоря, — заявляет разошедшийся Гур, — этого не следовало бы делать. Пусть бы вы и сидели, как сонные мухи, до самого конца. И только присущая мне доброта...

— Доброта! — весело говорит Герн. — А?

— Да, доброта! — только она может заставить меня сказать несколько слов по поводу сделанных нами выводов.

Услышав слово «выводы», все придвигаются поближе. Может быть, это действительно стоит послушать?

— Ну, вспомните! — кричит Гур. — Во-первых: запах стал возникать в окрестностях спутника только после того, как этот вот патриарх гравиастрономов установил существование Трансцербера и даже — предположительно — его орбиту. Так?

Ах, это всего лишь о запахе... Оживившиеся было лица вновь скучнеют. А Гур не унимается.

— Так или не так?

— Так! — говорит Герн. — Именно так.

— В конце концов нам удалось восстановить обстановку в момент всех появлений запаха. И выяснилось любопытное обстоятельство...

— Вот именно! — говорит Герн и поднимает указательный палец.

— Итак: запах возникал у нас лишь тогда, когда мы оказывались на одной, точно определенной линии в пространстве: на прямой, которая соединяет Трансцербер, нас и звезду, возле которой мы давно уже предполагали наличие...

— Постой! — говорит Герн. — Это уже не твоя область, и я не хочу, чтобы ты делал поспешные заявления. Вот когда мы...

— Ладно. Итак, нас и звезду. По этой же линии ретранслировались и сообщения Лобова в тот период, когда мы никак не могли их поймать. Для чего ретранслировались? Очевидно, для того, чтобы кто-то принял их и дал оценку: является ли эта передача природным излучением, или...

— Вот! — говорит Герн. — Или!

— Или. Там, очевидно, сделали какие-то выводы. Но ведь и мы можем сопоставлять и делать выводы! Что это была за связь? Как установил Кедрин, вызывать запах в скваммерах могло лишь какое-то излучение, природа и характеристики которого нам неизвестны. Это справедливо. Мало того: нам теперь ясно, что излучение это не распространяется в наших обычных трех измерениях: оно, так сказать, прокалывает пространство и... В точках этого «прокола» возникают сильные изгибы пространства. Вспомните танец деталей, которому мы никак не могли найти объяснения!

Негромкий гул прокатывается по группе слушающих.

— Итак, все это, соединенное вместе, позволяет нам надеяться, что так называемый Трансцербер...

— Да, — перебивает его Герн. — Наша обсерватория смогла заметить это тело лишь в один момент, когда поле гравитации его было значительно больше нормального. Ученые «Пса» предположили, что предельная характеристика поля была столь высокой вследствие большой скорости, сопоставимой со скоростью света. Но ведь обычное небесное тело, даже передвигаясь оно с такой скоростью относительно нас, не могло бы ни изменить эту скорость...

— Ну, — вступает в разговор кто-то, — воздействие полей Солнечной системы...

— И, во всяком случае, не смогло бы сделать это так быстро, чтобы, по сути дела, остаться на той орбите, на которой было замечено. Даже лучший из наших кораблей не смог бы этого.

— А это дает возможность предположить, — кричит Гур, — что это тело — вовсе не планета. Не астероид, не комета, не крупный метеор. Что не только законы тяготения управляют его полетом. Не причуды природы обусловили странность в его поведении. А из этого можно сделать лишь один вывод: столкновения с «Гончим Псом» не произойдет, если даже «Джордано» не успеет. Нет, дорогие мои друзья, нам еще рановато думать, что мы все знаем и понимаем. Всегда надо быть готовым к неожиданностям, потому что как только в дела и построения природы вмешивается разум... Одним словом, столкновения не будет! Слышите, вы, плакальщики?

Минутная тишина. А потом спутник-семь содрогается от ликующего рева, так что озадаченные автоматы на всякий случай переходят на аварийный режим. Им это простительно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

На орбите Трансцербера все спокойно. Капитан Лобов сидит в кресле и поглаживает щеку, на которой уже отросла щетина. Но капитан еще не бреется.

— И запишите, — скучным голосом говорит капитан Лобов. — Тело, именуемое Трансцербером, за пять

минут до предполагавшегося столкновения обогнуло «Гончий пес» и ушло курсом сорок семь — двести двенадцать северным. Способность к маневрированию и изменению скорости полета в широком диапазоне заставляет предположить, что указанный объект оснащен двигателями, хотя нам не удалось заметить ни одного признака, который говорил бы о наличии двигателей какой-либо из известных нам систем. Сейчас тело, именуемое Трансцербером, более не наблюдается. Запишите: работа двигателей, во всяком случае, иногда, сопровождалась излучением в световом — а возможно, и не только в световом — диапазоне. Ось луча не совпадает с направлением движения тела, следовательно, свет не истекает из двигателя. Можно предположить, что такого рода излучение происходит при установлении связи с неизвестным нам пунктом отправления или назначения...

— Мы еще не можем говорить с уверенностью... — прерывает капитана один из ученых.

— Вы не можете, а я могу, — отрубает капитан.

— Они подходили к нам и рассматривали, как... как...

Инженер Риекст запинается. Он не может сразу найти нужное слово.

— Как маленькую рыбку, вот как.

— Они нам наделали дел, — говорит капитан. — Из-за этого их излучения у нас полетел реактор, я уверен.

— Между прочим, — предполагает ученый, — если на минуту отвлечься от строго установленных фактов и допустить некоторые предположения...

— Ну, ну, — поощряет капитан Лобов.

— ...То я сказал бы, что здесь мы имели дело не с населенным, гм... телом. Будь на нем... так сказать... обитатели, они гораздо быстрее поняли бы, что наш корабль — искусственное сооружение. А логическим устройствам для этого требуется значительно больше...

— Да вот мы же не поняли, — говорит капитан. — То ли логики не хватило, то ли было ее слишком много...

— Во всяком случае, — говорит инженер Риекст, — излучение это неизвестно людям.

— И еще, — говорит капитан, — не забудьте: при изменении скорости тела наблюдался слабый запах. Позвоительно думать, что запах вызван излучением, сопровождающим или работу двигателя, или выход на связь с кем-то... так?

Все четверо ученых разом кивают. Пусть капитан диктует, но выводы-то сделали они!

— Вот если бы, — говорит один из ученых, — пройти за ним по его трассе...

— У нас пока не те скорости, — словно оправдываясь, напоминает инженер Риекст.

— Ну, конечно, — ворчит ученый. — У нас всегда чего-то не хватает...

— Отставить! — говорит капитан Лобов. — Это не записывать. Где там «Джордано»? В пределах видимости? Собрать багаж, готовиться к швартовке!

2

Соединение кораблей происходит как на показательном учении: без единого лишнего маневра, без единого нарушения правил. Корабли уравнивают скорость. Строго говоря, это делает лишь «Джордано». Вот совпали оси люков. Гармошка переходника «Джордано» начинает медленно расправляться. Вот она коснулась борта «Пса». Электромагниты цепко схватываются за обшивку. Под давлением подается герметизирующий состав. Затем воздух. Все в порядке. Можно открывать люки.

Первыми покидают «Гончий пес» ученые. Они увешаны приборами и записями, сделанными уже после отправления космического разведчика. Потом они возвращаются и снова выносят багаж. И еще раз... Космонавт, исполняющий на «Джордано» обязанности боцмана, зажав в зубах пустую трубку, не выдерживает и урезонивающе говорит:

— Осторожнее! Вы перегрузите машину!

Никто не обращает внимания на ворчуна. Да и сам космонавт ворчит более для порядка.

За учеными переход совершают пилоты. Капитан Лобов покидает потерпевший крушение корабль последним. Предварительно он проверяет, все ли выключено и заблокировано. Ведь корабль не пойдет ко дну, которого нет в пространстве. Он останется здесь, на орбите, которая теперь будет называться орбитой «Гончего пса».

Капитан покидает корабль. Автоматы закрывают за ним люк и отключаются. На небесном теле «Гончий пес» отныне будет действовать только радиомаяк.

И вот капитан «Гончего пса» на борту «Джордано». Капитан «Джордано» ждет его у самого люка. Они обнимаются.

— Ну вот, — говорит Велигай. — Все в порядке.

— Как полагается, — подтверждает Лобов.

— Ничего не забыли?

— Нет.

— Отделиться! — командует капитан «Джордано». — Курс обратный. Старт — через полчаса. — Он обращается к Лобову. — Ну, что скажешь?

— Мои устроены?

Велигай пожимает плечами.

— Тогда — стаканчик чаю. И неплохо бы побриться.

— Идем, — говорит Велигай.

Он ведет Лобова к себе в каюту. Они садятся и долго, долго смотрят друг на друга. Смотрят и молчат. Никто не задает вопросов: столько раз уже продумано и представлено то, что пришлось перенести другу. И никто ничего не рассказывает: по сравнению с тем, что пережил другой, свои труды и заботы кажутся такими незначительными...

— Ты вроде бы похудел... — говорит наконец Лобов. Он произносит эти слова как объяснение в любви, тон не соответствует их простоте; что поделаешь — капитан Лобов не то чтобы не знал нежных слов, но не привык к ним.

— В моем возрасте это полезно, — утешает Велигай. — А ты как? Не издергался? Как твои подколенные рефлексy?

Кажется, это отголосок какого-то воспоминания. Ведь они не один год пролетали вместе, Велигай и Лобов. При случае находится, что вспомнить. Но и голос Велигая на этот раз не свидетельствует о желании шутить или вспоминать. Даже этот резкий голос становится нежным.

— Рефлексy в порядке, — говорит Лобов. — Отдохнуть, конечно, не мешает...

Появляется чай. Капитан Лобов пьет с наслаждением.

— Слушай-ка, — говорит он. — А куда потом пойдет «Джордано»?

— Решит Земля, — негромко отвечает Велигай. Он откинулся на спинку кресла и смотрит в потолок.

— Я еще одну, — извиняющимся тоном говорит Лобов. — А кто пойдет... Да ты что: никак, дремлешь?

— Устал немного...

— Еще бы! Мы вам задали работы. Тебе бы тоже отдохнуть не мешало.

— Отдохну, — соглашается Велигай.

— Вот и ладно. Я уж побреюсь там, у себя. Ну а как Ирэн? Не получив ответа, он поднимает глаза.

— Слышишь? Да ты что, уснул?

Он видит открытые глаза Велигая. Капитан «Джордано» не уснул. Он отправился на отдых.

— Велигай... — шепотом говорит Лобов и закрывает лицо руками.

3

В сумерках Кедрин в последний раз прошел мимо того места, на котором еще, кажется, так недавно возвышался памятник «Джордано». Корабль возвращается, но еще много километров отделяет его от Земли, да корабль и не собирается больше опускаться на Планету. И место, прежде занятое памятником, пустует. На нем пока не устанавливают ничего иного.

Со временем здесь поставят памятник. Не «Джордано» — его капитану. Памятники все-таки надо ставить людям.

Лодка ожидала Кедрина. Он постоял возле нее еще минуту, оглядываясь. Памятник... А я знал этого человека. Знал мало и плохо. Но и сейчас могу сказать: он остался в душе. Пусть и нет гранита.

Кедрин уселся в лодку. В сумерках зажигались звезды. Лодка медленно летела в своем эшелоне, автопилот пощелкивал и помигивал синими огоньками. За прозрачным куполом зажглись опознавательные фонари, на пульте засветился экран локатора.

Через час обширное, высокое здание космовокзала поднялось за бортом лодки. Террасы здания поднимались выше отведенной для лодок зоны полета. Тогда Кедрин отключил автопилот и взял управление сам. Он мог и не делать этого, но спутник-семь уже оведал его своим дыханием, и неподвижное лицо Велигая чудилось рядом. А Велигай в таких случаях всегда брал управление в свои руки.

Кедрин посадил лодку точно в узкую щель между тяжелым, многокрылым энтомоптером и округлым треугольным аграплана. Потом медленно прошел в вокзал. Цветные залы тянулись длинной анфиладой. Предстартовый зал был последним.

Здесь уже чувствовалось пространство. Матовые стены убежали вверх, переходя в круглый потолок. Люди собирались группами, по кораблям; стало видно, что орби-

тальники отличаются от жителей Приземелья и от многочисленных обитателей лунных морей и материков. Пахло яблоками; почему-то все везли с собой в космос яблоки.

Кедрин подошел к одной из стен зала — прозрачной, чтобы еще раз увидеть вблизи Землю. Следующее свидание их состоится нескоро...

Прозвучала команда, вспыхнули табло. Посадочная площадка висела в воздухе на уровне люков корабля. Кедрин уселся в кресло, система страховки плотно обхватила его. Потом загудели двигатели.

Снова были спутники, начиная с первого; корабль обходил их по очереди. В седьмой Кедрин вступил с ощущением, словно именно здесь прожил он все годы своей жизни.

Он медленно шагал по коридорам. В его каюте все осталось без перемен. Кедрин повесил в шкаф плащ: здесь он больше не понадобится, тут люди носят иные одежды. Он посидел с минуту, привыкая, потом вышел. На перекрестке он остановился. Налево вел путь к Ирэн. Кедрин повернул налево.

Ее каюта была пуста.

Кедрин вошел и присел. Он посидел с минуту, потом недоуменно огляделся. Разве это ее каюта? Такое чувство, что произошла ошибка. Нет того волнения, которое возникало... Это та самая каюта. Сомнения нет. Но здесь больше не живет она...

Кедрин встал. Шаги его были неверны. Он пошел прочь.

Гура также не оказалось в каюте. Кедрин растерянно остановился: ему хотелось увидеть кого-нибудь из самых близких... Он пошел в кают-компанию. Гура он встретил на полдороге.

Они пожали друг другу руки и несколько секунд стояли молча. Потом Гур сказал:

— Вот так, Кедрин.

Кедрин кивнул. Действительно, все было именно так.

— Ирэн нет. Ты знаешь?

Кедрин опустил глаза. Он знал это, побывав в ее каюте. И даже еще не прилетев на спутник, знал. Иначе не могло быть.

— Как он умер? — спросил Кедрин.

— Просто. Как делал все.

— Что мы будем делать теперь?

Гур пожал плечами.

— Строить корабли. Я во всяком случае.

— Я тоже, — сказал Кедрин.

— Это правильно.

— Она... не сказала, вернется ли?

— Нет. Да вряд ли она и сама знала это.

Кедрин помолчал.

— В какой мы теперь смене?

— Во второй.

— Что будем строить?

— Еще один Длинный. Тот, который хотел построить Велигай. На который у него не хватило времени.

— Его надо будет назвать...

— Возможно. Хотя сам Велигай не согласился бы. Он сказал бы: на Земле и вне ее так много людей, именами которых стоит называть корабли...

— Ну ладно, — сказал Кедрин. — Я пойду. Или, может быть, посидим вместе?

— Не исключено, вернувшийся друг мой, — сказал Гур, и в глазах его на миг показалась прежняя усмешка.

— Странно: ведь все-таки прав оказался ты. В деле с Трансом, я имею в виду.

— Я немало летал, — сказал Гур. — Надо много летать, чтобы всерьез относиться к самым фантастическим предположениям. Но рано или поздно всем придется примириться с тем, что так называемые фантастические события происходят гораздо чаще, чем мы думаем. И чем дальше, тем чаще. Потому что необъяснимые факты определяются примерно квадратом числа фактов, уже известных и объясненных. Природа развивается, и еще неизвестно, познаем ли мы ее быстрее, чем развивается она. Хотя в конечном итоге опередим ее, безусловно, мы.

— Ты думаешь?

— Уверен. А что касается исчезнувшего Трансцербера... у меня сейчас впереди работа, которая как раз связана с этим.

— Эксперимент?

— Нет, куда серьезнее и тяжелее. Предстоит вычистить мой праздничный костюм со всеми регалиями. Потому что в ближайшем будущем, дорогой мой друг, я предвижу много необычных встреч.

— А я, — задумчиво сказал Кедрин, — хотел бы дожить до всего лишь одной.

— Надейся — и доживешь. А если ты еще зайдешь в Центральный пост, где она оставила свой адрес... на случай, если кому-нибудь понадобится...

В следующий миг Гур оказался прижатым к стене. Раскрытым ртом он ловил воздух.

— И ты тут рассуждал?!

— Фу, как банально — душить живого человека. Я ждал, пока... — Гур яростно схватил рукой воздух. — Да послушай!..

Он смотрел вслед убегающему, пока Кедрин не скрылся за углом поперечного проспекта. Потом улыбнулся.

— Что же, когда-нибудь ты встретишься с нею. А пока — пока будешь строить корабли. Беги, кричи, родившийся... Ибо дважды рождается человек, и оба раза — в любви и боли. Впрочем я, кажется, становлюсь серьезен?

Он повернулся и зашагал — вразвалку, как ходят монтажники, люди Приземелья.

ДАЛЬНЕЙ ДОРОГИ

1

Волгин не любил наглых. Этот же забор был нагл. Он самодовольно усмехался. На его гладких выше человеческого роста металлопластовых плитах при желании можно было прочесть написанную незримой и неосязаемой краской надпись: «Вот я, бесконечный, непреодолимый! Не пытайся обойти, не ищи способа проникнуть внутрь. Умерь любопытство. Да и что тебе до того, что кроется за моей спиной? Разве сам я — не сооружение, достойное почтительного взгляда? Смотри. Налюбовавшись же — иди прочь!»

Волгин не внял этому разумному совету, который прозвучал в его ушах так явственно, будто и впрямь был произнесен или хотя бы начертан резкими литерами. Внимательно осмотрев забор и определив его высоту, он воровато поглядел направо, потом налево. Затем он повернулся и действительно зашагал прочь, продолжая обшаривать глазами окрестность.

Пройдя двадцать с лишним шагов, Волгин остановился и вновь обратился лицом к препятствию. Секунду он стоял на месте, затем кинулся, внезапно и стремительно. Могло показаться, что он хочет повергнуть забор, ударившись о него всей своей немалой массой. На самом деле все было гораздо прозаичнее: Волгину был нужен разбег для того, чтобы включить микродвигатели.

Через несколько мгновений он уже сидел на заборе, сосредоточенно разглядывая открывшийся взгляду пейзаж. За самодовольным сооружением росла такая же трава и такие же группы кустов, видневшиеся тут и там, немного оживляли скучную картину. Метрах в трехстах белел уютный домик, а больше и действительно ничего не было. Так что забор, похоже, высылся тут зря.

Волгин знал, что не зря.

Поерзав, он съехал вниз, как ребенок съезжает со стула. Приземлился на корточки, затем, пригнувшись, сделал несколько шагов. Когда между ним и белым домиком оказался ближайший куст, Волгин выпрямился и облегченно вздохнул. Потом стал осматриваться, подолгу задерживаясь взглядом на каждой неровности почвы, на каждом сколько-нибудь крупном камне.

Один из камней заинтересовал Волгина больше остальных. Волгин шагнул, приближаясь. На миг на его лице возникла брезгливая гримаса. Но уже в следующее мгновение, совладав с чувствами, он негромко позвал:

— Рамак! Послушайте, рамак...

Он предвидел Неожданности, и все же, не выдержав, отпрянул: камень рос.

Не камень, вернее, а то, что Волгин назвал рамаком. Нечто, похожее на обруч, около метра в диаметре и сантиметров тридцати высотой, плашмя лежало в высокой траве и до последнего момента не было заметно, камнем же казалась выступавшая над зеленым покровом земли округленная башенка серо-коричневого цвета. Теперь башенка быстро поднималась, потому что в лежащем кольце, как оказалось, скрывались другие, вдвинутые одно в другое, как колена старинной подзорной трубы, а сейчас плавно выдвигавшиеся. Волгин на всякий случай отступил еще на шаг; к этому времени башенка достигла уже двухметровой высоты и становилась.

— Я рамак, — проговорил приятный голос, исходивший, как определил Волгин, из башенки. — Добрый день, человек. Зачем вы пришли?

Волгин молчал, тяжело дыша.

— Говорите, — сказал рамак. — Время дорого, человек. Ваше медленное, и мое быстрое время.

Волгин откашлялся; ему было трудно выговорить слово, как будто кто-то держал его за горло.

— Ага, — пробормотал он наконец. — Значит, такой вы и есть. — Он произнес «вы» совершенно машинально, словно обращаясь к человеку.

— Да. Я рамак: разумная машина космоса.

— Я думал, вы больше похожи на нас.

— Зачем?

— Вот именно, — сказал Волгин. — Зачем? Все равно у нас не может быть ничего общего. Вы — машина.

— Вы тоже, — сказал рамак. — Но я — разумная машина.

— Ах, ты... — выдохнул Волгин, сжимая кулаки.

— Что вы хотите сказать еще, человек?

Но Волгин снова смирил себя.

— Это я скажу не здесь. И не вам.

— Идите, человек! — сказал рамак. — Сколько ушло времени!

Он произнес это прежним — ровным, приятным голосом.

— Можете ли вы подняться сами? В противном случае я помогу вам.

— Не нужно, — сказал Волгин, не пытаясь более скрыть отвращение.

Разбежавшись, он включил микродвигатели и поднялся в воздух. Перелетая через забор, оглянулся. На крыльце домика стоял человек. Руки его были подняты к лицу; кажется, он смотрел в бинокль.

— Вот с тобой мы еще поспорим, — пробормотал Волгин, опускаясь на землю с внешней стороны ограды. — Но этот прав: потеряно очень много времени. Торопиться, торопиться! Иначе они уйдут, и тогда их уже не остановишь!

И он торопливо зашагал к одинокому дереву, в тени которого стоял его аграплан.

2

Из-за приоткрытой двери доносились голоса.

— А это?

— Это и есть конус cerebroпушки.

— Не сказал бы, что он похож на конус.

— Сходство было в первом варианте. Потом пришлось добавить три магнитные линзы для тонкой фокусировки. Вот и получилось...

Голоса звучали свободно; так говорят люди, когда их не слышит третий. Один голос — юношеский, ломкий — был свой, привычная деталь обстановки. Другой — взрослый, глуховатый — чужой. Вроде бы незнакомый. Хотя что-то в глубинах памяти, кажется, резонировало с ним; дрожала какая-то струнка, но чересчур тихо. Если нырнуть в воспоминания...

— Вообще-то вам повезло. Потому что уже сегодня вечером попасть к нам никому не удастся: начнем подготовку к решающему эксперименту.

— О! — Взрослый голос благопристойно удивился. — И какова цель?

...Нет, вряд ли в памяти что-нибудь отыщется. Просто очередной любопытствующий; прибыл поинтересоваться, какими такими чудесами пахнет в этой части Вселенной. Ну, пусть понюхает в меру. У нас нет секретов, мы-то забором не отгораживаемся!

У Витьки, лаборанта, ангельское терпение: объясняет уже в сто какой-то раз. Мог бы избавиться от гостя и побыстрее. Выйти, прекратить?

Не стоит. Раз уж удалось незамеченным проникнуть в собственный кабинет — сиди и работай. Ибо великие дела предстоят нам...

Волгин сделал несколько неслышных шагов от окна. Ступать бесшумно при волгинских размерах и весе было нелегко. Зато голоса стали слышнее.

— Цель?..

Витька сделал интригующую паузу. Немного, правда, затянул. Самую малость.

— Цель, по существу, можно сформулировать так...

Еще пауза, на этот раз с соблюдением меры. И — совершенно небрежно, этак между прочим:

— ...Создание нового человека. Именно так!

Интересно, как этот: изумится сразу или начнет докапываться до сути?

— Нового? Чем же он будет отличаться от старого?

Копается. Из вьедливых.

— О, многим!

— Четыре руки будут, что ли?

Прикинулся недоумком. Ходят, отнимают время. Времени мало, тот рамак был прав. И все-таки мы успеем. Эксперимент поставим. И заставим многих задуматься.

Может быть, одного эксперимента будет мало? Ведь результата придется ждать долго, долго... Придумать еще что-нибудь? Что же можно придумать?

— ...Почему — четыре руки? Анатомию и физиологию мы не затрагиваем. Психика — вот главное!

Правильно, только так кричать не следует.

— Ведь основным рубежом в исследовании космоса сейчас является именно рубеж психический. Не при полетах в Солнечной системе, конечно. При достижении отдаленных миров, при их освоении, приспособлении для

жизни. Бесконечность расстояний, разлука навсегда, смена поколений в полете — все это слишком тяжело для человеческой психики. А ведь это не главное. Основное — то, что человек в космосе никогда не чувствует себя дома. Космос — всегда враждебная среда.

— Это не ново.

— Но от этого никому не легче, не правда ли? До тех пор, пока человек не почувствует себя в пространстве своим, он не сможет по-настоящему приняться за осуществление своей задачи: расселения в Большом космосе. Следовательно, психика человека нуждается в некоторой перестройке...

Интересно, когда твои взгляды высказывает кто-то другой. Слышишь все словно в первый раз. Каждое слабое место само бросается в глаза. Но ведь пока что слабых мест не было?

Нет. И не должно быть. Но послушаем еще.

Волгин откинул кресло у рабочего стола. Уселся и закрыл глаза, чтобы лучше воспринимать звуки.

— ...А механизм влияния вас не интересует?

— Но я, кажется, вас задерживаю?

— Ладно. Садитесь и старайтесь понять.

Послышался свистящий шорох; это Витька чересчур сильно двинул стул. Волгин зажмурился. Сейчас эта принадлежность мебели врежется в кристаллическую путаницу, именуемую контрольным блоком (правильнее было бы назвать ее контрольной кучей), возвышающуюся посредине лаборатории. Миновать ее, судя по тому, откуда доносились голоса, стул никак не мог. Три, два, один...

Звона не последовало. Адресат сумел все-таки перехватить. Недурная реакция. Хорошо. Во-первых, не пострадал блок. Во-вторых...

Во-вторых, если не очень привередничать, то вообще все хорошо.

Волгин позволил себе на минуту расслабиться в кресле. Взгляд его лениво скользил по столу. Не в поисках чего-либо, а так — отдыхая. На столе все было знакомо, все на своем месте: прежде всего — порядок. От раскрытой рабочей тетради взгляд пополз дальше, ни на чем не намереваясь задерживаться. И вдруг остановился. Это еще что такое?

Это были цветы. Полевая гвоздика в лабораторной мензурке. Цветы. Только и всего. Черт, как хорошо: цветы... Откуда здесь цветы?

Резким движением Волгин схватил мензурку; вода перебрызнула через край, но он не обратил на это внимания. Цветы. И карточка. Два слова: «С сорокалетием». Ну спасибо. Вспомнили.

А кто бы это вспомнил?

Мысль пришла непрощенной. А вдруг это?.. Мысль была горька и сладка вместе. Волгин заставил себя усмехнуться, покачать головой. Нет. Нереально. Это было и прошло. А еще вернее: не было — и прошло. И достаточно об этом.

И все же...

Да нет, это не она. Если бы она, здесь было бы написано еще что-нибудь. Например: только не надейся, это — просто так, выполняю правила приличий. Или еще что-то в этом роде. Увы, мол, ничего не поделаешь...

Конечно, после такого промежутка времени о подобном внимании с ее стороны и мечтать бесполезно. Цветы! В сорок-то лет начинаешь понимать такие вещи. Женщина мужчине — цветы? Вряд ли. Новую книгу или запись, старое вино — это да. Кстати, и почерк-то не ее. А какой — ее?

Вместо того чтобы размышлять над разными тонкостями предстоящего эксперимента, Волгин принялся вспоминать — и действительно вспомнил, что ее почерка не знает. Да и ничего не знает. В наше время звонят по видеофону, шлют телеили фонограммы. А писать — не пишут.

Значит, не она, решил он окончательно: то, что он не знал ее почерка, его в этом убедило почему-то. Кто же? Стоп. А если...

Нет. Не может быть. Но — проверим.

Волгин вместе с креслом повернулся направо, к информатору, набрал нужный шифр. Информатор несколько секунд молчал, разбираясь, наверное, в самом свежем материале. Наконец отбарабанил деревянным голосом:

— В ближайшие дни прибытие кораблей Дальней разведки не ожидается.

Отбарабанил и умолк. Честный, ни на что не претендующий автомат, не какой-нибудь рамак!

А ведь и рамак тоже — железо железом.

Значит, цветы поставила не она. Еще их могли поставить сентиментальные флибустьеры Дальней разведки, но они их тоже не поставили, потому что еще не прибыли. Жаль, что не прибыли: поддержали бы в решающие дни. Словом, примем в качестве рабочей гипотезы, что цветы пре-

поднес Витька. Начитался чего-нибудь трогательного, взял и преподнес. Да, что он там, Витька?

Волгин постарался выбросить цветы из головы, и лишь после этого вновь стал слышать голоса, звучавшие в соседней комнате. А вслушавшись, явственно ощутил, как лютая злоба подступает к самому горлу.

3

— Вот, — заканчивал в этот миг Витька. — Вот как мы это собираемся сделать. И вот для чего.

— Как, — задумчиво протянул гость, — мне понятно. И Волгину вновь почудилось, что где-то уже слышал он такую манеру растягивать слова в минуту задумчивости.

— А для чего — разве вам неясно?

Гость помолчал. Потом ответил:

— Тут могут быть сомнения.

Секундная пауза. И озадаченное Витькино:

— Да-а?

— Естественно. Потому что есть существа, которые настолько приспособлены к существованию в космосе и выполнению связанных с этим задач, что человеку до них всегда будет далеко. Есть ли смысл пытаться создать несовершенное их подобие?

Вот тут Волгин начал ощущать злобу, потому что почувствовал, о чем пойдет речь дальше.

— Это вы об этих? — нерешительно спросил Витька.

— О рамаках, конечно.

Волгин прямо физически почувствовал, как Витька замешкался. И не случайно: само имя рамаков у Волгина было под запретом.

— Ну да, — промямлил Витька наконец. — Ну да, я понимаю. Только... Они же все-таки не люди, правда?

— Правда, — сказал гость. — А что? Какая разница?

— По-моему, очень большая, — ответил оправившийся от легкого потрясения Витька. Люди и не люди — очень большая разница.

— Мы ведь не об этом говорим, — сказал гость. — А о том, что если, допустим, вам известна обстановка в работающем реакторе, то не потому, что там находятся люди, а как раз по той причине, что там размещены не люди.

Волгин сердито засопел. Но Витька и сам нашел ответ.

— Так там приборы. А рамаки — разве приборы?

— Не совсем, конечно... Но можно сказать и так: приборы — или аппараты, — обладающие суммой качеств, необходимых в той обстановке, в которой им придется работать.

— А разум — одно из этих качеств?

— Разум — одно из этих качеств.

Витька подумал.

— Но ведь приборы постоянно находятся под контролем человека. А рамаки, как только их выпустят, уйдут из-под этого контроля.

— Так и должно быть.

Волгин настороженно вслушался: гость ответил вроде бы убежденно, и все же не было в его голосе должной уверенности. Словно бы он и сам сомневался в собственных словах и оттачивал мнение, полемизируя с собеседником. Противника, правда, избрал не очень сильного. Но, по правде сказать, и не такого уж слабого.

— А если так и должно быть — что нам толку от этого? Зачем нужен в реакторе прибор, не дающий нам никаких сведений?

— Прибор не нужен, разумеется. Но ведь, скажем, современный реактор ведут автоматы. Они не сообщают нам о каждой мелочи, потому что справляются сами. Так и здесь.

— По-вашему, освоение Большого космоса — мелочь?

— Нет. Но это — процесс сложный, и многое зависит от того, что считать в нем главным. Само течение процесса — или наше в нем участие.

Говорит неглупо. И все же сам он не совершенно уверен. Нет.

— Для меня, — решительно сказал Витька, — именно участие человека — главное.

— Ну что же: с этим, быть может, многие согласятся. А многие нет. Как и почти всегда, тут трудно достичь полного единомыслия. Во всяком случае, пока вы разрабатывали методику и готовились к вашему эксперименту, другие создали рамаков и тоже подготовили их к решающему эксперименту. И если он удастся, я не вижу причины, которая помешала бы рамакам выйти в пространство и начать экспансию.

Витька пробормотал что-то неразборчивое.

— Посудите сами. Какими бы качествами, физическими и психическими, ни обладал бы человек, боль-

шая часть планет практически останется для него закрытой. Мы слишком хрупки и привередливы. Нам подавай температуру — в узких пределах, атмосферу — строго определенного состава, напряжение гравитации — от и до, интенсивность ультрафиолетового излучения — не более известного уровня, и так далее, и тому подобное. Нам подавай продолжительность полета опять-таки не дольше известной величины, да к тому же еще и коллектив — человек, оставшийся на чужой планете в одиночестве, гибнет, — да к тому же и комплекс орудий, приборов, машин, без которых человек беспомощен, и еще — мощную биологическую защиту, препятствующую болезнетворным бактериям и вирусам расправиться с нами в два счета; а если все эти условия соблюдены — что бывает в крайне редких случаях, — вступает в действие новая группа факторов...

Шпарит, как по писаному. Вот в этом всем он уверен, чувствуется по тону. Вроде бы не сторонник рамаков. Но — склоняющийся. А кто бы это мог быть? Откуда? До сих пор любопытствующие тут лекций не читали. А этот не испугался. Но если он чересчур разойдется, придется выйти и прервать. Иначе парень начнет сомневаться. А именно в эти дни сомнения страшнее всего. Но надо слушать.

— ...Потому что люди неизбежно образуют общество. Общество не только разумных, но и эмоциональных индивидуумов. Для того чтобы оказаться устойчивым, общество это, в свою очередь, должно обладать необходимым минимумом качеств, что не всегда удастся обеспечить. Качеств, начиная с личности руководителя — или руководителей — и кончая... Кончая...

Тут гость запнулся. Волгин чуть усмехнулся: кончая численным соотношением представителей обоих полов — вот что хотел сказать посетитель, но вовремя спохватился: вспомнил, что разговаривает с мальчишкой, чей возраст еще не позволит оценить всю важность этого обстоятельства. Ну, ну?

— ...Кончая еще сотней условий, над соблюдением которых в поте лица работают психологи, социологи, физиологи, инженеры — и далеко не всегда достигают цели.

Что же, завершил достойно. Только, любезный просветитель юношества, ты не учитываешь одного: что мы как раз и работаем над тем, чтобы обеспечить устойчивость такого общества — даже если оно будет состоять всего из двух человек. Большинство несчастий происходит оттого, что человек — исследователь и космический колонизатор — не

чувствует себя дома на чужой, необитаемой планете — а обитаемых нам не попадалось, да их и колонизировать, разумеется, никто не стал бы. Он переживает, он тоскует, как бы ни уходил в работу, — а память о Земле висит над ним и гнетет, а исчезнет она лишь в следующем поколении. Это на планете; что же говорить об открытом космосе, где так подолгу приходится жить в тесной коробке корабля, выход из которой приносит не облегчение, а лишь новое напряжение. Но мы сделаем, обязательно сделаем так, что человек будет считать и корабль, и даже скафандр своим настоящим домом, а новую планету — землей обетованной, а себя самого — предназначенным именно для выполнения задач по обнаружению и приспособлению планет для жизни. Такие люди и обеспечат нам проникновение в космос. Нет, уважаемый лектор, ты, видимо, все же теоретик — один из тех, кто постигает мироздание по бумагам, а поездку на Лунные станции считает космическим путешествием. Вот если бы ты хоть разок побывал в Дальней разведке — сразу понял бы, что к чему, и какие в космосе бывают люди... А что он там еще рассуждает?

Волгин приставил к уху ладонь: человек, видимо, устал и теперь говорил тише.

— ...Кристаллический мозг, манипуляторы, диагравинный двигатель и устройства для преобразования энергии. Вот и все. Как видите, рамак — сам себе корабль, силовая станция, мастерская и — главное — сам себе разум. Так что из тех человеческих слабостей, которые мы тут с вами перечисляли, он не обладает практически ни одной. А разум у него не слабее нашего. Сильнее, пожалуй. Кроме того, эмоциями он не обладает, полом — тоже, а воспроизводится путем создания себе подобных из имеющихся вокруг материалов. И вот получается, что если из ста планет для нас пригодна одна, то для рамака — девяносто девять. И если даже он попадает на планету один как перст — все равно он начнет воспроизводиться, и через краткий срок рамаки заселят планету и начнут приводить ее в порядок.

Тут Витька наконец подал голос.

— В порядок — для нас?

Человек замялся.

— Не обязательно. Вообще — в порядок. Станут поднимать ее на новый уровень. Это, по-видимому, неизбежный этап в эволюции Вселенной. И главную часть этой работы рамаки способны выполнить куда лучше нас.

Ну и нахал, подумал Волгин. Каков нахал! Приходит прямо ко мне в лабораторию — и начинает проповедовать рамакизм! Нет, кажется, пора положить этому конец. Выйти и сказать: эй, вы...

Волгин поморщился и вздохнул. Нет, не стоит. Ввязаться сейчас в спор — значит бесповоротно испортить себе настроение на весь день — и хорошо еще, если только на один день. Какое-то невезение сегодня: сначала — это свидание с рамаком, первая попытка увидеть противника в натуральную величину, а теперь и этот гость, дилетант какой-нибудь, торопящийся, как и всякий дилетант, блеснуть крохами весьма поверхностных знаний перед первым попавшимся слушателем. А Витька, конечно, не искушен в дискуссиях... Нет, выходить не стоит. Спорить и опровергать будем не таким образом. Проведем эксперимент. Объявим. И скажем: пока не будет ясен результат, от операций с рамаками следует воздержаться, какие бы блестящие результаты ни дало их испытание. Ждать придется лет двадцать; что же, нас это устраивает. Надо набраться терпения...

Терпения Волгину как раз никогда и не хватало. Он протянул руку к интеркому, нажал нужную клавишу.

— Ну, как со столом?

Виноватый голос пробормотал что-то в ответ.

— То есть как это — не опробован? В таком случае работать будете вы сами — на собачьем столе. Ах, не будете? А я вас заставлю! — Брови Волгина столкнулись на переносице, вертикальная морщина перечеркнула лоб, и он пожалел, что нельзя говорить в полный голос: услышат в лаборатории. — Нет, ничего не желаю знать. А почему же вы эту следящую автоматику не получили? Мало ли — не дают... Должны были предупредить меня еще вчера. Только сегодня? Все равно вы должны были знать еще вчера. По голосу надо чувствовать: если они вчера обещали, а сегодня не дали, то они и вчера уже не были уверены, а это следует чувствовать по голосу. Ну довольно: сейчас иду к вам. Все.

Волгин нажал выключатель, экран погас. Придется идти. Нельзя медлить: не что-нибудь, а сама история человечества, кажется, входит в крутой поворот и даже, как и всегда на поворотах, слегка накрывается при этом. Усилия всего института слились в одном русле, и вот завтра...

А этот все говорит? Вот неиссякаемый источник! Что он?

— ...Но даже если их будет много, это не явится обществом в нашем понимании этого слова. Так что и такого рода случайности исключены. Вот как обстоит дело с рамаками... Ну, спасибо за беседу, мой мальчик. А Волгина, очевидно, я так и не дождусь.

— Он, — обиженно сказал Витька, — все равно с вами не согласился бы.

— Не сомневаюсь. Но я хотел просто навестить его. Воспоминания, воспоминания... нежные мелодии юности. Как-никак, мы с ним съели вместе не один килограмм стимулятора. Ну, друг мой, дэ-дэ.

— Что?..

Но дверь — было слышно — затворилась. Волгин с опозданием выскочил из-за стола, остановился посреди комнаты, опустил руки. Неужели ему не почудилось, и такой голос когда-то был в его жизни?

Несколько секунд он напрягал память. Да нет же, нет. Не было. Но иногда в голосе что-то проскальзывало, и вот это «что-то» определенно было. Но когда, где? Что упущено, что забыто?

— Дэ-дэ? — едва слышно спросил он. — Дэ-дэ? Неужели? Но я ведь помню всех отлично. Все лица, все голоса. Кто?

Он на миг закрыл глаза. Потом решительно тряхнул головой, пожал плечами.

— Не все ли равно? Узнаю днем позже. Сейчас главное — проклятый стол!

И решительно направился в опустевшую лабораторию.

4

— Нет, — сухо сказал Волгин. — Я жалею, что доверил вам такую важную отрасль, как обеспечение.

— Но ведь вчера они и в самом деле собирались дать нам. Однако сегодня следящая автоматика понадобилась рамакистам...

— Что-о? И вы...

— Да не я: они. Автоматика была запланирована и для нас, и для них.

— Для нас — в первую очередь.

— Теперь положение изменилось. Представители Звездного флота прибыли раньше, чем предполагалось. У них мало времени, и рамакистам приходится проводить все

испытания по уплотненной программе. Автоматика нужна им только сегодня, на предварительных показах на полигоне. Испытания в присутствии представителей будут проводиться без автоматического слежения — так, как это будет происходить в рабочей обстановке.

— Программу рамакистов вы могли бы мне не разъяснять, — сердито сказал Волгин. — Она меня не интересует. Одним словом, следящую вы проспали. Когда же они вернут?

— Завтра.

— А мне нужно сегодня. Вечером назначена прикидка, испытание всего комплекса приборов, всей аппаратуры. Когда у них показы — днем?

Обеспечитель торопливо кивнул.

— Хорошо. Поезжайте и заберите автоматику сразу же после того, как они закончат. Потом...

Взглянув в кислое лицо собеседника, Волгин не закончил фразы и махнул рукой.

— Ладно, сидите здесь. Поеду сам. Уж мне-то пусть попробуют не отдать! Витя!

Он огляделся. Ах да, Витька куда-то исчез вслед за этим гостем. Придется ехать одному. Откровенно говоря, не очень хочется: на полигоне кто-то из домика наблюдал, как он объяснялся с рамаком. Если его узнали — а это весьма вероятно, — будет неловко.

Пришлось подогрывать себя мыслями о том, что забирать чужую автоматику еще менее прилично. Кстати, здесь в остальном все в порядке. Разве что еще поговорить с психофизиками, настроить себя для теплого собеседования с рамакистами. Волгин подошел к аппарату.

— Психофизики? Приветствую вас и желаю хорошего настроения. И не только вам. К приему человека вы готовы? Как-никак, это женщина, и переживает, конечно, основательно. Так что не пренебрегайте ничем. Цветы там, музыка, что еще? Если она, идя на стол, не будет бодрой, не будет лучиться радостью — заранее вам не завидую. Если вам ясно, у меня все.

Вот теперь он как будто снова обрел расположение духа. Хотя — уже в третий раз за сегодня, нет, в четвертый — предстояло столкнуться с вариациями на тему рамаков, на сей раз Волгину предстояло выступить в привычной роли официального соперника, и это приводило его в хорошее настроение.

В таком настроении он и влез в аграплан и бесшумно взлетел. Быстро кончился лес, в котором помещался институт, потянулись зеленые луга, испещренные кустами. Волгин негромко напевал какую-то, нечаянно вспомнившуюся мелодию. Одну из песенок Дальней разведки — тех, которые сочинялись и распевались в таких местах, где было, вроде бы, совсем не до песен. Потом он замолчал: вдалеке показался знакомый забор. Волгин поморщился: а что, если его все-таки видели? Несолидно. Неприятно. Хотя...

Тут он хитро подмигнул сам себе: сейчас-то у него есть все основания приземлиться около лабораторного корпуса полигона, но он этого не сделает. Он оставит машину под тем же деревом, что и с утра, и точно так же преодолеет забор напротив белого домика, предназначенного вообще-то для гостей полигона. Потом пойдет, не скрываясь, к центру. Поскольку прилетел он по делу, то в крайнем случае не стыдно будет признаться и в том, что утром он был здесь: тоже, мол, хотел зайти по делу, но встретил рамака — и расхотел, а вот теперь, будьте любезны, возвращайте поскорее автоматику: мы не с железом работаем, нам ждать некогда.

Он так и сделал; диагравийонный микродвигатель послушно перенес его через забор, по-прежнему невозмутимо и нагло возвышавшийся среди долины. Оказавшись в пределах полигона, Волгин не стал пригибаться и оглядываться; наоборот, он внешне беззаботно и даже с некоторой лихостью размахивая руками, зашагал туда, где — километрах в полутора — купа высоких деревьев скрывала лабораторный корпус, в котором помещалось и все руководство этой грязной работой, как Волгин про себя — а иногда и не только про себя — называл производство рамаков. Правда, здесь их только монтировали, создание же отдельных узлов и механизмов было делом слишком сложным для того, чтобы им можно было заниматься в условиях полигона.

Он не встретил ни одного рамака, и, по правде говоря, ничуть не пожалел об этом; наоборот, он и не ожидал их встретить, потому что теперь, во время предварительных испытаний, все они должны были находиться где-то в центре. Конечно, если бы такая встреча и произошла, Волгин не подвергся бы никакой опасности, как не подвергался ей утром: рамаки — это было известно — по отношению к людям держались вежливо, никаких агрессивных намерений не проявляли, и вовсе не потому, что уважение к че-

ловеку было в них запрограммировано, а потому, что они были разумны; разум же, кстати, имеет свойство противиться навязываемым программам. Но все равно, Волгин не хотел встречаться с ними; он испытывал по отношению к этим сложнейшим созданиям техники и интуиции чувство брезгливости и некоторого возмущения. Мы часто умиляемся разными мелочами, если существо — объект умиления — занимает по отношению к нам подчиненное положение, как например, собака или автоматическое устройство. Но если бы вам пришлось даже не подчиняться, а хотя бы сотрудничать с собакой и автоматом на равных условиях не в той области, где вы и так признаете их превосходство — в области отыскания запахов или, скажем, точной обработки металла, — а во всех областях, то умиление моментально уступило бы место досаде, озлоблению и нежеланию устанавливать контакты с вынужденными партнерами. Поскольку же рамаки внешне напоминали роботов куда больше, чем людей, то отношение Волгина к ним именно таким и было. Во всяком случае, так он объяснял это другим, а порой — и себе, хотя настоящая причина, по-видимому, крылась не в этом.

Волгин медленно приблизился к белому домику для гостей. На этот раз никто не вышел на крыльцо, никто не стал разглядывать нарушителя ни в бинокль, ни простым глазом. Но домик был обитаем, и прибывший на полигон гость, видимо, не принадлежал к людям аккуратным: пустая дорожная сумка валялась около крыльца. Волгин подошел, любопытствуя; сердце забилося сильнее, и он вздохнул с сожалением: такие сумки раньше были только в Дальней разведке, он и сам сохранил такую с тех сказочных времен, когда о делах Дальней Волгин узнавал без помощи кабинетного информатора. Теперь, верно, каждый, кому охота, мог обзавестись этой сумкой, может быть, они даже вошли в моду, а раньше достаточно было увидеть у человека такой предмет, чтобы безошибочно признать в нем своего. Волгин пожал плечами, неодобрительно покачал головой; но задерживаться здесь было некогда, время шло, а сегодня предстояло сделать еще очень многое.

Он достиг лабораторного корпуса. Здесь царил оживление, сотрудники готовились к испытанию, несли какие-то приборы, стереотрубы, портативные радиостанции, все это укладывалось на невысокую платформу, которая, видимо, должна была доставить все необходимое в ту точку по-

лигона, где будет происходить испытание — предварительное испытание, только для своих. Волгина никто не остановил, никто не спросил ни о чем; наверное, полагали, что и он приглашен на испытания, хотя кое-кто из рамакистов наверняка узнал его: он заметил искоса брошенные на него взгляды. Он поднялся на третий этаж, где помещался руководитель проекта. Кабинет был пуст, киберсекретарь пробубнил, что руководитель в точке испытаний. Волгин торопливо спустился и успел вскочить на платформу в последний момент. Снова никто не сказал ни слова, просто посторонились и дали ему место.

Платформа плавно поднялась; полет продолжался минут пять, не больше — полигон, в сущности, был не столь уж велик. Там, где они приземлились, не было никаких строений, только глубокий, в рост человека, ров, облицованный пластиком и прикрытый пластиковым же козырьком, над которым торчали лишь рога перископов. Рамакисты разбежались в разные стороны, унося приборы; Волгин пытался разыскать взглядом аппараты следящей автоматики, но это ему не удалось, потому что почти сразу он увидел около спуска в траншею длинную фигуру Корна, руководителя проекта «Рамак», и торопливо направился к нему.

Вряд ли Корн был приятно изумлен, увидев Волгина, однако виду не подал; невозмутимость и вежливость его были известны повсюду. Официально улыбаясь, он сделал шаг навстречу.

— По-видимому, мои сотрудники исправили оплошность своего руководителя и направили вам приглашение, — своим обычным ровным голосом произнес Корн. — Сам я, откровенно говоря, этого не делал.

— Не волнуйтесь, — сказал Волгин сухо; часть неприязни, испытываемой к рамакам, он бессознательно перенес и на их создателя. — Я по делу, и всего на несколько минут. Следящая автоматика, которую вы захватили на базе, — наша; и у нас не так много времени, чтобы по вашей милости переносить запланированные эксперименты.

Он внутренне поморщился: получилось грубовато, но иначе не удалось сформулировать мысль.

— Очень сожалею, доктор Волгин, — сказал Корн и наклонил голову в знак извинения. — Могу сказать лишь, что настоящий виновник — не мы: Звездный флот сократил сроки на несколько дней, и мы оказались вынужденными...

— Ладно, — сказал Волгин. — Это все я знаю. Меня интересует, когда вы вернете аппаратуру. Мне она будет нужна...

Он хотел сказать «через час-два», но удержался и назвал настоящий срок:

— Будет нужна сегодня вечером.

— Разумеется, вы ее получите. Собственно, сразу же после испытания надобность в ней минует, и вы...

Корн запнулся, но вежливость предписывала закончить мысль.

— Вы смогли бы сразу же забрать ее, если... если на ближайший час у вас намечены какие-то дела поблизости.

Волгин мысленно усмехнулся.

— Нет, доктор Корн, — сказал он. — Поскольку никаких дел у меня не запланировано, я с удовольствием проведу этот час здесь.

Корн нерешительно кашлянул; видимо, вежливость боролась в нем с неприязнью.

— Хорошо, я буду очень рад. Хотя, откровенно говоря, до сих пор не предполагал, что вы принадлежите к числу сторонников нашего проекта.

— Разумеется, нет, — откровенно ответил Волгин. — Но ведь делаем-то мы одно дело.

— Итак, решено. А сейчас прошу извинить меня, необходимость уточнить план испытания вынуждает нас...

— Ну, само собой, — сказал Волгин. — Я постою здесь.

Ладно, подумал он, сейчас мы посмотрим на твоих питомцев в работе. Может быть, и не так убедительно они выглядят и я зря тороплюсь. Может быть, из этой затеи вообще ничего не получится.

Корн повернулся.

— Вызовите руководителя проверки.

Взгляды окружающих обратились в ту сторону, откуда, видимо, и должен был появиться руководитель испытания. Там было только несколько густо разросшихся кустов. В следующий миг руководитель испытания показался из чащи, и Волгин почувствовал, как мгновенное головокружение пошатнуло его, потому что этот руководитель был рамак.

Он приблизился, плывя в воздухе на расстоянии нескольких сантиметров от земли и повис рядом с Корном. Кольца медленно раздвинулись; их движение окончилось в тот момент, когда полукруглая башенка рамака оказалась на уровне лица Корна.

— Здравствуйте, руководитель, — сказал Корн.

— Здравствуйте, доктор Корн.

Голос был мелодичен, слова неторопливы, и странным казалось, что они исходят не из человеческого рта, а из отверстия в башенке, забранного частой металлической сеткой.

— Итак, у вас все готово?

— Мы всегда готовы, доктор.

— Вы ведь помните сегодняшнюю программу: действия вашей группы, работающей в контакте с группой людей, и второй этап — демонстрация воспроизводства.

— Мы будем выполнять действия первого этапа, доктор Корн.

«Ну и что? — подумал Волгин. — Ничего особенного. Такие ответы может давать и робот. И таким же голосом. Пока еще мне не страшно».

— Я надеюсь, и второго тоже?

— Со вторым возникли некоторые осложнения.

Корн покосился в сторону Волгина, однако ничем другим не выдал замешательства.

— С воспроизводством?

— Впрочем, быть может, все уладится. Мы не хотели бы доставлять неприятности кому-либо из вас. Я поставлю вас в известность несколько позже.

Второй Корн. Ей-богу, второй Корн. Хотя — естественно: он же их воспитывал. У меня они разговаривали бы по-другому. И будут. Но не они, а люди, вот как.

— Какие-нибудь технические неполадки?

— Что вы, доктор Корн. Нет, некоторые затруднения общественного порядка.

— Общественного?

— Разве мы — не общество, доктор? Вопросы равенства сейчас очень интересуют нас. Но было бы слишком долго излагать их, учитывая крайне низкий темп усвоения информации людьми. Я полагаю, мы начнем.

— Пожалуйста, пожалуйста, — торопливо проговорил Корн.

Странно, подумал Волгин. Неполадки. Конечно, можно бы этому и порадоваться. Но это не роботы, нет, Они живут своей жизнью. Я и не представлял, что это так выглядит... Ну, посмотрим, что они сейчас начнут вытворять...

Тем временем рамак отплыл метров на двадцать. Остановился. И затем началось испытание.

Они свалились откуда-то сверху; быть может, все время, пока шла подготовка, рамаки, снабженные диагравиионными двигателями, парили где то на неразличимой высоте. Очевидно, это должно было означать, что они прибыли из космоса; глядя на них, в это можно было поверить.

Над самой землей они стремительно замедляли падение и повисали в нескольких сантиметрах над поверхностью планеты. Ни один аппарат, управляемый человеком, не мог бы развивать таких ускорений: пилот не выдержал бы перегрузки. Но рамаки не боялись перегрузок.

Считанные мгновения они висели неподвижно. Широко раскрыв глаза, Волгин смотрел на эту жизнь, которая, будучи однажды создана человеком, сконструирована и изготовлена на его рабочих столах и станках, успела уже стать естественной, живя и даже размножаясь в естественной среде, без какой-либо помощи со стороны своих создателей. Но никаких особенных подробностей разглядеть не удалось, потому что почти сразу же рамаки сдвинулись с места и приступили к выполнению задачи.

Темные, покрытые матовым веществом тела двигались бы совершенно бесшумно, если бы не едва слышное шипение диагравиионного разряда в атмосфере. Сначала их движение казалось беспорядочным, как суетня молекул газа. Они сближались, временами останавливались, собирались по двое или сразу по несколько и, продержавшись две-три секунды вместе, вновь плыли в разные стороны, чтобы через мгновение соединиться уже с другими, образовав на миг новую фигуру. Иногда тот или другой рамак, отделившись от основной группы, отплывал в сторону, опускался на землю, втягивал кольца и замирал, затем вновь раздвигался и включался в общее движение. Они не обменивались ни единым звуком, и от этого картина непонятного танца становилась еще более жуткой.

Сам того не сознавая, Волгин приблизился к Корну и взял его за локоть.

— Что это значит? — спросил он шепотом.

— Этого мы не знаем, — едва слышно ответил Корн. — Не забудьте, что они работают не по программе. Мы не знаем, что они думают и как будут действовать через секунду. Единственное, чего мы просим, это достижения опре-

деленных результатов. Поэта можно попросить написать стихи, но нельзя предписывать ему, как это сделать.

Волгин удивленно покосился на Корна: сопоставление было из той области, в которую он погружался не часто.

— Так что — абсолютная загадка?

— Некоторые предположения есть... Эта группа составлена из рамаков, до сего времени не работавших и не живших вместе. Возможно, здесь происходит образование рабочих ячеек... бригад, если угодно. Но это — предположения...

— Вы не пытались узнать?

— Они не любят говорить на эту тему... Но смотрите, смотрите: они начинают!

И в самом деле, беспорядочное движение прекратилось. Рамаки окончательно разбились на несколько групп по три-четыре в каждой. Кроме того, пять фигур отделились в стороны, образовав правильный пятиугольник, внутри которого оказались остальные.

— У них абсолютное геометрическое чутье, — прошептал Корн. — Это мы наблюдали уже не раз.

Оказавшиеся в вершинах пятиугольника рамаки втянули кольца и опустились на землю. Через миг они снова раздвинулись до предельной высоты; из башенок выдвинулись короткие, толстые антенны, на концах их раскрылись решетчатые рефлекторы. Вслед за тем такие же антенны расцвели и над остальными башенками и зашевелились, словно нащупывая друг друга.

— По-видимому, налаживается энергетический обмен, — негромко пояснил Корн. — Эти, по периметру, будут поставлять дополнительную энергию, если отдельные действия окажутся не под силу кому-либо из остальных.

— Взаимопомощь по принципу муравейника?

Корн отрицательно покачал головой.

— По принципу людей, доктор Волгин. Не ниже. Но спускаемся в укрытие: пора, я полагаю.

Волгин огляделся, и увидел, что остальные присутствовавшие уже укрылись в траншее. Он торопливо последовал за руководителем проекта: от рамаков наверняка можно было ожидать чего угодно.

Словно именно присутствие людей на поверхности мешало им работать, рамаки сразу же принялись за дело. Из колец выдвинулись манипуляторы; у каждого рамака их было шесть. Волгин заметил, что манипуляторы разделялись

на три группы; одни были покороче и потолще, другие — тонкие, длинные, гибкие. В следующий миг Волгин зажмурился: казалось, загорелась земля — вспыхнуло пламя, повалил дым. Когда он рассеялся, оказалось, что пятиугольная площадка покрыта блестящим, твердым на взгляд слоем какого-то вещества, воздух над ней дрожал, словно над раскаленной солнцем землей.

— Стартовая площадка? — спросил он.

— Нет, платформа для строительства станции. По договоренности с ними, подразумевается, что среда планеты враждебна для человека.

— Гм, — кашлянул Волгин. Среда такая, конечно, бывает, но до сих пор и на такие планеты разведчики высаживались без посторонней помощи. Так что — стоит ли игра свеч?

— Да, высаживались. Но сколько из высадившихся никогда больше не приняло участия в стартах? Не слишком ли дорогая цена?

— Конечно, но многое в человеческой деятельности связано с риском. И человек идет на этот риск вовсе не потому, что его кто-то заставляет. Он идет по своей внутренней потребности, потому, что иначе не может. Зачем же ему отдавать свое дело другим, которые ко всему тому даже не люди?

Но собрать все мысли и впечатления воедино можно будет и позже. Сейчас, раз уж удалось попасть на испытание, надо смотреть и наблюдать, и запоминать, чтобы потом оценить — насколько же серьезный конкурент появился в космосе. Кстати, что они там успели?

Волгин приник к окуляру перископа. По краям площадки уже поднималось несколько ажурных мачт. Откуда взялись детали для них? Неужели их подвезли в те краткие секунды, пока Волгин не смотрел в перископ? Или... они создали их на месте? Из чего же? За пределами площадки — какие-то черные кучи, несколько рамаков возятся около них. Что они, в самом деле плавят металл на месте? Здесь нет никаких руд... Или это не металл? Что-то на кремниевой основе? Может быть. Во всяком случае, такого материала до сих пор, насколько известно, в строительстве не применялось...

Он повернулся к Корну; доктор пожал плечами.

— Мы не знаем, что это. Потом попытаемся исследовать. Рамаки ведь решают на месте, что и как делать. И о материалах, и о конструкциях...

— Вы хотите сказать, что эта конструкция станции им наперед не задана?

— Конечно, нет. В космическом разнообразии, как вы знаете, типовые проекты неприменимы. Рамаки знают, какие функции должна выполнять станция, предназначенная для людей. Остальное они решают сами. Доктор Волгин, после испытания я с удовольствием расскажу вам все, что знаю по этому вопросу, но сейчас я хотел бы наблюдать...

— Извините, — пробормотал Волгин и умолк.

Что типовые проекты не годятся, это он и сам знал. Но так, сразу — без разработки, без создания модели...

— Они у вас — великолепные инженеры, — не удержался он. Корн тяжело вздохнул, но все же ответил:

— Разумеется, доктор Волгин. Но примите во внимание мощность их кристаллического мозга и его быстроедействие. Уверяю вас, в переводе на наш масштаб, они затратили на проект не меньше времени, чем понадобилось бы нашему проектному отделу того же профиля. Разумеется, чтобы выиграть время, мы пользуемся определенными стандартами. Рамаки же в этом не нуждаются.

— В таком случае, завидую конструктору их мозга.

Корн удивленно взглянул на Волгина.

— Кристаллический мозг не конструируется — он выращивается. Это было открытие, не изобретение. Я полагал, что столь элементарные истины вам известны.

— Да, — пробормотал Волгин. — Что-то я, конечно, слышал...

Может быть, и действительно слышал. Но какое дело до кристаллического мозга тому, кто занят мозгом живым? Но что-то и впрямь было. Об этом сообщали. Ага! Кристаллы эти, к сожалению, не растут больше определенного размера, а способа их соединения найти не удалось. Поэтому для создания больших машин они оказались непригодными, и тогда-то и возник этот проклятый проект «Рамак».

Он снова уткнулся в перископ. Теперь на мачтах уже повис купол, сделанный, по-видимому, из того же материала. Рамаки, вися в воздухе, устанавливали пластины, из которых складывались стены. Вспыхивали огни сварки.

— Во взрывчатой среде они не очень бы... — пробормотал он. Корн услышал.

— Там они нашли бы иной способ. Изготовили бы клей, — буркнул он, не отрываясь от окуляра.

Работа шла к концу, и стало ясно, что ничего непредвиденного не произойдет. Действительно, примерно через полчаса здание станции оказалось законченным. Первая фаза испытания завершилась. Оживленно переговариваясь, работники полигона высыпали из укрытия на поверхность.

— Ну, что же, доктор, — сказал Волгин. — Должен вас поздравить. Вы сделали неплохую вещь.

— Не вещь, — сказал Корн. — И делали их не мы. Этих.

— Кто же?

— Был сделан всего один. Это — уже второе поколение.

— Дети?

— Если угодно. Но простите...

Корн повернулся к руководителю проверки.

— Все получилось великолепно.

— Задача была не особенно сложна.

— А как со вторым этапом? Вы не сможете?

— Я полагаю, что мы сможем, — сказал рамак; Волгина передернуло от этой правильности и непринужденности его речи: нет, это не был убогий, раз и навсегда затверженный язык роботов, но тем неестественнее он казался. — Мы сможем, если вы согласитесь подождать около получаса.

— Разумеется, — сказал доктор Корн.

Руководитель проверки отплыл. Затем шуршание диагравионных двигателей усилилось, группа поднялась в воздух, стремительно набирая скорость.

— Куда они?

— Обычно они опускаются где-то здесь, на полигоне. Где точно, мы не знаем: мы не старались их выследить.

«Я знаю», — подумал Волгин, но вместо этого сказал:

— А если бы их задачей была не подготовка места для людей, а самостоятельные действия?

— Не знаю, что бы они стали делать. Не станцию, во всяком случае: она им не нужна. Они стали бы приспособливать планету к своим нуждам.

— Допустим. А что получили бы от этого мы?

— В галактике стало бы одной разумной планетой больше. Доктор Волгин, я полагаю, что теперь могу возвратить вам вашу аппаратуру. Она нам более не потребуется.

— Сердечно благодарен, — сказал Волгин. — В таком случае распорядитесь, чтобы ее отправили прямо в институт. Или нет: за вашей оградой, в той стороне, стоит мой агроплан. Перенесите туда, этого будет достаточно.

Корн отдал распоряжение. Потом вновь повернулся к Волгину.

— Итак, зрелище вас не убедило?

— Зрелище было внушительным. И поучительным. Но что значит — убедить меня? Заставить меня признать, что человек свое отлетал — это вы имеете в виду?

— Не знаю, — сказал доктор Корн. — Как вы понимаете, я не ставил своей задачей лишить человека крыльев. Отнюдь. Но я осуществил этот проект потому, что назрели условия для его осуществления. Был открыт кристаллический мозг. А рамак оказался наилучшим вариантом его использования. Если человек может что-то создать, он создает. Вот и все.

— Порой мне кажется, — сказал Волгин, — что это — наихудшая из самых плохих его черт. Этого самого человека.

Он поклонился, стараясь, чтобы это получилось как можно вежливее.

— Возможно, — ответил Корн. — Но человека защищаете вы, а не я. Защита человечества во всех условиях и при всех обстоятельствах — вряд ли черта более приятная.

Он поклонился, в свою очередь, очень вежливо.

Волгин повернулся и направился той же дорогой, по которой пришел сюда.

6

Погруженный в размышления, Волгин миновал домик для приезжающих. В голове теснилось множество мыслей, но над всеми преобладала одна: судя по тому, что он только что видел, рамаки — не шутка, и не попытка с негодными средствами. Это действительно разумная машина, и действительно она предназначена для космоса. Поэтому Волгин должен выполнить свою работу как можно скорее и как можно лучше. Рамаки будут чувствовать себя в космосе как дома, человек и до сего времени там всего лишь пришелец. До тех пор, пока он из сына Земли не превратится в сына галактики, освоение Большого космоса будет идти черепашьями темпами. А так быть не должно. Пора выйти в галактические просторы по-настоящему.

Итак, нужная аппаратура получена. Сегодня днем — через два с небольшим часа — прилетит та женщина, ребенок которой станет первым гражданином Вселенной. Завтра произойдет эксперимент. Даже не эксперимент это будет, а начало новой эпохи: галактической эпохи.

Сегодня и завтра — решающие дни. Надо надеяться, что ничто не помешает. Формальная сторона вопроса в порядке: необходимые согласия и разрешения всех научных и общественных инстанций у него есть, согласие женщины — тоже. Правда, до начала массового воздействия пройдет еще два десятка лет — пока окончательно не выяснится, во что вылился первый опыт. Но что такое — два десятка лет, если речь идет о галактических... Проклятие!

Он поднялся с земли, недовольно ворча нечто в свой собственный адрес: нельзя же до такой степени уходить в свои мысли, чтобы не заметить валяющегося на пути камня. Волгин, Волгин, где твои рефлексy Дальногo разведчика? Когда-то тебе было достаточно однажды пройти, чтобы потом безо всякого усилия помнить каждое препятствие на дороге, миновать его даже без участия рассудка. А теперь...

Но, черт бы побрал, этого препятствия на пути не было! И это вовсе не камень!

Волгин понял это, как только нагнулся, чтобы отряхнуть колени. Это был не камень, а рамак.

Втянув свои кольца, он лежал в траве, словно греясь на солнце. Можно было подумать, что он спит, но Волгин понял, что это не так: рамаки не нуждались во сне или иной форме отдыха, а батареи, преобразовывавшие свет, тепло и энергию гравитации в электрический ток, были настолько чувствительны, что не могло быть и речи о том, что рамак остался без энергии в этот летний день. Он сам не знал, откуда взялись у него эти сведения; вероятно, кто-то говорил по соседству, а он услышал и бессознательно запомнил: нельзя провести час с лишним в мире рамаков и их создателей и не набраться разных мудростей. Так в чем же здесь дело? Почему рамак не только разрешает человеку споткнуться о себя, но даже и после этого не вступает в разговор — хотя бы для того, чтобы извиниться или посочувствовать? Что-то тут не так...

Он нерешительно переступил с ноги на ногу, потом устыдился этой нерешительности.

— Эй! — окликнул он негромко. — Эй, рамак!

Ответом было молчание. Волгин огляделся, как бы в надежде найти кого-то, кто помог бы разобраться в этом. И увидел, что еще три рамака лежат невдалеке, точно так же не подавая никаких признаков жизни.

— Послушайте, — сказал Волгин, присаживаясь на корточки. — Вы меня слышите?

Он подождал, но безуспешно. Тогда он дотронулся пальцем до шероховатой поверхности солнечных элементов, покрывавших кольцо извне. Он сделал это осторожно, опасаясь, что его поразит разряд. Однако ничего не произошло. Голубоватые объективы, расположенные в верхней части башенки, продолжали смотреть каждый в свою сторону. В объективе Волгин увидел свое отражение. Ему стало не по себе.

Он встал и отошел на несколько шагов. Затем вернулся.

— Эй! — закричал он что было сил.

Тишина зазвенела, и это было все.

Тогда Волгин нагнулся и ухватился за диагравсионную антенну, виток которой обнимал нижнюю часть кольца. Поднатужившись, он приподнял рамака с одной стороны. Рамак оказался тяжелым. На действия человека он никак не реагировал. После нескольких попыток Волгину удалось перевернуть массивное создание.

Он заглянул внутрь, в кольцо. Там была странная путаница чего-то. Жгуты и ленты, во всех направлениях извивающиеся, переплетающиеся и расходящиеся внутри сложенного корпуса рамака, трудно было назвать деталями, хотя и органами их никто не именовал бы. Они были сделаны из вещества, напоминавшего пластик, но когда Волгин дотронулся до одной широкой, плотной ленты, служившей как бы соединительным звеном между двумя кольцами, лента зазвенела, как будто была металлической.

Волгин пожал плечами. Он все-таки чересчур мало узнал о рамаках, чтобы объяснить их пассивность в данном случае.

Он уже хотел встать и продолжить свой путь, когда что-то светлое, поблескивавшее в глубине, под лентами и жгутами, привлекло его внимание. Волгин взгляделся, затенив глаза ладонью.

Вначале ему показалось, что в глубине корпуса рамака лежит большое яблоко, размером без малого в человеческую голову. Такие яблоки он видел однажды во сне. Яблоко было окружено прозрачной пленкой, в которой, кроме него, ничего не было, только блестели капли жидкости.

Всмотревшись, Волгин убедился в том, что это, разумеется, не было яблоком. Но это был тоже шар, полупрозрачный шар бело-зеленой окраски. Это мог быть только кристаллический мозг.

Когда Волгин понял это, его охватило чувство, как будто он увидел что-то интимное, запретное, что не

должен был видеть. На самом деле так оно и было. Все же он продолжал смотреть дальше. Чуть в стороне, там, где ленты, выгибаясь, образовывали пустое пространство, оказалось второе такое же образование. Оно было маленьким, не более кулака. Волгин понял, что здесь кристаллизовался второй мозг; и поскольку рамак вряд ли нуждался в дополнительном мозге, вывод мог быть только один: второй мозг в дальнейшем должен был стать основой нового рамака. По-видимому, мозг был единственным органом, возникавшим в родительском теле; остальное уже не выращивалось, а изготовлялось. Догадка была интересна, но она не помогла понять, почему же рамак не подает признаков жизни. Его можно было бы счесть мертвым, но Волгин не был уверен в том, что рамаки умирают.

Он покачал головой и тут же, спохватившись, взглянул на часы: времени оставалось немного, рейсовый дирижабль придет по расписанию, и женщина, которой предстоит сыграть одну из основных ролей в завтрашнем эксперименте, прилетит именно на нем. В конце концов, заботиться о благополучии рамаков — вовсе не его дело.

Перед тем, как вернуть рамака в первоначальное положение, Волгин все же еще раз взгляделся в путаницу органов и внезапно просвистел что-то невеселое.

Пожалуй, этот рамак был все-таки мертв.

Волгин на сей раз увидел, что множество тонких проводничков, отходивших от каждого кольца и сливавшихся в более толстые, почернело, как бы от огня. Сначала он думал, что таковы они и должны быть, но теперь разглядел, что кое-где сквозь черноту нагара проглядывал светлый металл.

По-видимому, по этим проводничкам текла энергия, как течет кровь по сосудам человека. Сейчас они, сожженные, наверное, мощным, слишком мощным током, более не могли выполнять своих функций. Но неужели Корн не подумал о предохранительных устройствах? Этого быть не могло. Смерть вряд ли была естественной.

Волгин озадаченно потер лоб. Вряд ли мог быть более убежденный противник рамаков, чем он сам. Но сделать такое?.. Да и невозможно: рамаки наверняка обладали совершенной защитой, и не только от явлений природы; мало ли с кем предстояло им встретиться в космосе.

Если, конечно, они туда попадут, привычно подумал он. Но сейчас эта мысль не нашла отклика в сознании. Мало того: Волгин почувствовал, что если раньше ему трудно

было заставить себя поверить в то, что рамак — не машина, а все-таки жизнь, то теперь, глядя на опрокинутого рамака, он начинает испытывать что-то, напоминающее жалость. Не такое, конечно, как если бы умер человек, но все же... Значит, они тоже смертны?

— Как и мы?

Волгин спросил это вслух, хотя и знал, что мертвый рамак ему не ответит. Просто иногда ему нравилось разговаривать вслух. В моменты сильного волнения.

— Но почему? И кто же? Сами они? Или кто-то?..

— Они были против, — услышал он и вздрогнул от неожиданности. Затем торопливо распрямился.

Мертвые рамаки лежали точно так же, как и до сих пор. Но и они, и сам Волгин находились теперь в кольце, образованном рамаками живыми. Выдвинув все кольца, возвышаясь в полный, более чем двухметровый рост, они столпились вокруг, появившись неизвестно откуда. Впрочем, это не удивило Волгина: он уже знал, что они могут передвигаться быстро и бесшумно.

— Против чего? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Против равенства, — ответил рамак.

— Против равенства, — глухо прошелестели остальные.

— У нас, — сказал рамак, — ни один не должен обладать более развитым мозгом, чем остальные.

— Почему? У нас — может.

— Вы, люди, не принадлежите к самосовершенствующимся. Вы не можете изменить этого, если даже захотите. Вы не способны заранее определять свойства потомков. А мы можем.

Волгин усмехнулся.

— Нет, — сказал он. — Начиная с завтрашнего дня, сможем и мы. Но все равно, у нас были и есть более способные и менее. Если бы мы все были одинаковы, человечество никогда не продвинулось бы. Почему же вы против этого?

— Мы против неравенства, — своим негромким, приятным, человеческим голосом произнес рамак. — У вас неравенство существовало с древних времен...

— Откуда вы знаете?

— Мы многое знаем о людях. Неравенство в правах, в имуществе, в очень многом — не знаю, должен ли я перечислять все. Вы постепенно избавлялись от него, и процесс этот был болезненным. Неравенство интеллектуальное у вас

тоже исчезнет: ведь оно — функция неравенства материально-го, просто его устранение требует больше времени. Но у вас останутся исключения, ибо — вы правы — без этого вам труднее будет идти вперед.

— А вам?

— Вы — индивидуалисты по природе. Общественные индивидуалисты. И будете такими до тех пор, пока результаты мышления передаете друг другу при помощи языка — сигнальной системы, — а не непосредственно, в форме соответствующего поля. Передается не мысль, а лишь ее отражение. Приближенное — ибо количество слов языка ограничено, оттенков же мысли — бесконечно. Даже в науке вас порой подводит терминология, язык же математики, хотя и более точен, но не передает ассоциаций. Каждый из вас — замкнутый мир...

— Из нас! — рассердился Волгин. — А из вас?

— Каждый из нас — мир распахантый. Ибо между собой мы общаемся без помощи промежуточных систем. Достаточно физического контакта между двумя рамаками, чтобы из двух мозгов образовался один, но вдвое более мощный. А если надо — из двадцати, из двухсот...

— И до бесконечности, — закончил Волгин. — И что же?

— Не до бесконечности: наш мозг — электронная система, и при известных ее размерах наш фон, уровень собственного шума повышается настолько, что дальнейшее увеличение впрямую не идет. Одним словом, если возникают задачи, которые у вас требуют появления гения, мы соединяемся — и решаем их. Теперь вы понимаете, в чем дело и почему нам не нужны те, кто превышает наш уровень интеллекта: вместе мы в любом случае сильнее, но каждый в отдельности знает, что он равен остальным. Как вы понимаете, материального неравенства у нас быть не может, а интеллектуального мы не хотим. В какой-то мере и нам свойственны эмоции — во всем, что касается разума, только в этом. Вы поняли, человек?

— Я понял. Вы их убили.

— Можно сказать и так. Но ведь отношение к жизни и смерти — функция эмоционального уровня. Ваша забота, а не наша.

— Значит, они были просто умнее вас?

— Нет. Но они хотели сделать своих... на вашем языке — потомков, но язык, как я говорил, неточен... своих потомков лучше, чем будут у остальных. Поскольку мы обладаем способностью к направленному совершенствованию, им это удалось бы. Мы возражали, но они не согласились.

— Ладно, — сказал Волгин. — Вы их убили; по-вашему, это можно делать, по-нашему — нельзя, не в этом суть. Но вот вы разлетитесь по планетам, по звездным системам. Вы достигнете их в разное время и в разном количестве: по десятеро, по двое, по одиночке...

— Возможно.

— И вот эти одиночки, вдали от остальных, будут создавать таких потомков, какие им понравятся. Возникнут общества, население целых планет. Но поскольку общей координации не будет, какие-то общества будут выше остальных. А потом вы встретитесь... кто же кого будет убивать тогда?

— Зачем? Мы же не убиваем, допустим, вас, человек.

— Нас? Люди, как-никак, вас создали...

— Точнее, мы произошли от вас. А ведь вы, в конечном итоге, произошли, скажем, от рыб; но разве это мешает вам убивать их? Или иную жизнь?

— Знаете, — сказал Волгин, чувствуя, как его жалость к рамакам исчезает. — Я бы на вашем месте не стал сравнивать людей, которые вас придумали, и рыб. Рыб не волновало, произойдет от них кто-нибудь или нет.

— Но разве вы предусмотрели все, связанное с нашим возникновением? Нет, вы были не в силах. Мы — продукт вашей эволюции, только не биологической, а психической, связанной с развитием ваших познаний и интеллекта. Нет, мы не будем убивать друг друга, я полагаю. Мы не люди, мы рамаки.

— Мы — рамаки, — прошелестело вокруг.

— Но пока убиваете вы, — сказал Волгин. — И подумайте-ка над тем, что я вам сказал.

— Конечно, мы подумаем. Ваши соображения все же не лишены интереса. Но сейчас нам пора — люди ждут нас, их интересует, как происходит наше воспроизводство. До свидания, человек!

Волгин только мотнул головой. Кинув взгляд на часы, он встрепнулся и, даже не проводив рамаков взглядом, помчался, поднявшись в воздух, к своему аграплану со всей скоростью, на которую были способны его микродвигатели.

7

Может быть, стремительный полет аграплана, а возможно, то, что ему удалось нащупать уязвимое место в холодной логике рамаков, — так или иначе, что-то вновь привело Волгина в хорошее настроение, именно такое, какое и

нужно для работы. Войдя в кабинет, он с удовольствием уселся в кресло, повернулся к столу и удовлетворенно подмигнул сам себе.

Нет, все не так страшно. Конечно, эти рамаки — недурное изобретение, но все же смогут ли они обойтись без человека — еще вопрос. Они просто перебьют друг друга. А работа по подготовке высадки на планету отряда людей сделана действительно неплохо, ничего не скажешь. На этих ролях рамаков можно держать, с условием, что вслед за ними приземлится корабль с людьми. А уж какие будут это люди — об этом мы с тобой, Волгин, позаботимся!

Нет, не зря прошли годы, не напрасно вложено столько сил, нервов, всего. Когда-то думали, что в светлом будущем работа будет — одно удовольствие. Чепуха. Работа есть работа, труд, пот и слезы и скрежет зубовой, а удовольствие — не то слово, рамак прав. От работы бываешь счастлив, а удовольствие — это другое, это легкое что-то и не очень значительное. А тут — да черт возьми, сколько мозолей набили мы на руках и на душе, пока это стало возможным, то, что обозначается только одним словом: завтра.

Нет, неплохо ты встречаешь свое сорокалетие, Волгин. Прямо сказать — хороший подарок. Правда, не тебе. Людям. Человечеству. Дальней разведке.

Ну, значит, и тебе самому тоже.

Волгин поморщился. Вот уж не время рассуждать... Куда полезнее было бы поразмыслить вот над чем: каким образом, при помощи каких аргументов и в каком порядке будет он возражать против проекта независимых рамаков и доказывать необходимость — в лучшем случае — подчинения их людям на правах роботов высшего класса. Полезнее, конечно. Но день сегодня выдался насыщенный впечатлениями и приключениями, а утомленный мозг ищет спасения именно в неконкретных рассуждениях, пытается от кропотливого и трудоемкого анализа перейти к нешироким, но зато легким и радостным обобщениям. Не потому ли обобщения подчас оказываются недостаточно обоснованными?

Но это не о тебе, Волгин, не о тебе...

Налегая грудью на стол, Волгин потянулся, достал длинными пальцами апельсин из вазы. Он любил, чтобы на столе, кроме необходимого, стояло что-нибудь такое — неделовое и радостное: работая, неплохо помнить и об остальном хорошем, что есть в жизни.

— Ну а у тебя что?

— Все в порядке, — отрывисто произнес граф Витька и резко повернулся; незримый глазу черный плащ, взвившись, прошелестел за его узковатыми еще плечами.

— Скольжение частот наладил?

— Все! — отрубил романтический лаборант. — Можно работать. А вам пора встречать.

— Ну да, конечно, — проговорил Волгин. — Что-то я тебе хотел сказать... Вот только что помнил... Да. Ну да. Вот что: пойди, переоденься. А то она тебя еще испугается, пожалуй. Встречать-то придется тебе ехать. Возьмешь аграплан...

Любопытство пересилило — Витька повернулся к Волгину, моргая глазами.

— А вы разве не поедете?

— Ну раз я говорю не поеду — не поеду, — сказал Волгин, чувствуя, что логики в ответе не хватает. Он нахмурился: — Да и вообще делом надо заниматься. А не устраивать тут пресс-конференции.

— А это приезжали как раз к вам, — мрачно проговорил Витька, снова взмахивая плащом. — Ваш старый друг.

— Что-то не помню я таких друзей. Короче — лети, встречай. Ты ее видел, узнаешь. Объясни, что эксперимент — завтра, в двенадцать ровно. Вот. Хотя погоди...

Волгин умолк, лицо его сделалось таким, словно у него болел зуб. Витька вздохнул. Волгин поднял глаза и взглянул на Витьку неожиданно виновато.

— Ну шагай. Ясно?

— Ясно, — сказал Витька и поинтересовался: — Новая идея?

— Новая, — сказал Волгин. — Идея. Отвезешь ее прямо к психофизикам. Женщину.

— Хорошо, — милостиво согласился Витька и вдруг взмахнул ресницами — вспомнил: — А что такое — дэ-дэ?

— Дэ-дэ? — Волгин подозрительно покосился на Витьку, но тут же вспомнил, что утренний гость именно так попрощался с парнем — значит вопрос возник естественно. — Это значит — доброй дороги. И все. Впрочем, некоторые считают, что — дальней дороги.

— Где так говорят?

— Далеко отсюда. Ну чего? Там, где ближних дорог нет. Понятно?

394 — А вы там были?

— Был, — ответил Волгин. Тут надо было бы усмехнуться, но он не смог. — Был. В прошлом.

Витькины глаза вспыхнули, и это означало, что включилась фантазия.

— Значит, он из прошлого, этот — кто приходил?

— Из прошлого? — рассеянно сказал Волгин — Из какого же он прошлого?

И вдруг память ударила в виски. Он понял, что если бы люди и впрямь могли приходиться из прошлого, то он, пожалуй, мог бы сказать... Но из прошлого не приходят.

— Да! — сказал он и ударил ногой по тумбе стола.

— Это зачем? — спросил Витька, — Сходите с ума?

— Затем, что схожу, — сказал Волгин.

— Да ладно, — утешил Витька. — Не беспокойтесь только. Встречу я эту чудачку.

— Что? — спросил Волгин, не слыша. — Ну, пойду я.

Он вышел на балкон. С тридцатого этажа центрального корпуса института лес казался непролазной чащобой. Сильно оттолкнувшись ногами, Волгин кинулся вниз.

8

Причальная мачта поднимала свой тонкий, кружевной шпиль над яркой зеленью леса, в которой путались и прыгали солнечные блики, над прохладными ручьями, над радостными полянами. Даже здесь, на высоте нескольких десятков метров, чувствовался умиротворяющий аромат трав. Теплый день летел навстречу; заросли золотых одуванчиков казались застывшими отблесками светила.

Волгин позволил себе секунды три падать свободно, и лишь потом рванул рычажок на поясе. Рычажок с маху проскочил три позиции и остановился на четвертой; шурясь от бьющего в лицо воздуха, Волгин порадовался тому, что точность движений не оставила его: это свидетельствовало, по его мнению, о полном внутреннем спокойствии, Волгину же очень хотелось уверить себя в том, что он совершенно спокоен.

Институт медленно отступал. Наверху, метрах в десяти, пролетел обесшумитель; теперь, когда автоматика находилась на месте, он, по-видимому, снова почувствовал себя хорошо — вместо того, чтобы покраснеть, повел защитными очками и достойно наклонил лохматую голову. Волгин показал бездельнику кулак; ему хотелось еще и крик-

нуть кое-что вдогонку, но он сдержался. Затем он перевел взгляд на далекую еще причальную мачту и легкими движениями пальцев выровнял направление, пытаясь обмануть сносивший его ветер.

Необъятная тень накрыла его через несколько минут. Волгин машинально съехался, ожидая пронзительного прикосновения первых капель. Но это было не облако. Обширное тело неторопливого вакуум-дирижабля медленно протянулось правее и метров на двести выше, на ходу сокращая объем и теряя высоту. Причальная мачта приближалась. Причальной она называлась, впрочем, лишь по традиции, в ней размещались следящие устройства и аппаратура связи, дирижабли же, с тех пор как они перестали наполняться газом, сиделись на поле у ее подножия.

Воздушный транспорт обогнал Волгина. Теперь, сзади, было ясно видно ромбическое сечение корабля. Если Елена и впрямь прилетела, то сейчас, глядя в широкое окно гондолы, легко может увидеть Волгина. Но она не ожидает встречи. Не будь общих знакомых, которые вовремя прислали телеграмму, и Волгин не знал бы, что она приедет. Теперь он увидит ее, посмотрит издали. Не станет подходить, конечно, ни за что: ведь, если бы Елена хотела встретиться с ним, она нашла бы возможность предупредить о приезде или хотя бы намекнуть. А что, если те цветы и были таким намеком? Глупости, она же не знает, что о ее приезде сообщает. И все же...

Он совершенно запутался; в голове замелькали какие-то мелко нарубленные мысли, этакий винегрет из обрывков всякой ерунды, понятий и заключений. Я, кажется, сегодня еще не обедал? Нет, а ведь время уже прошло. Сумасшедший день... А почему? У меня возникла идея внутриконусной фокусировки, и я решил ее продумать; потому и послал тебя встречать... Ну да, это он в случае нужды скажет Витьке. Кстати, Витька наверняка увидит тебя тут же, на аэродроме. Забавно: и Елена, и та женщина, которую я уговорил, прилетают одним и тем же дирижаблем. Интересно, есть ли в этом какая-нибудь закономерность, или чистой воды совпадение — но и в совпадениях есть свои закономерности... Кстати, вы мне не думайте подсунуть философское обоснование вместо конструктивного решения: ох, и пойдет же от вас дым! Это — из филиппики, приготовленной для конструкторов специальной аппаратуры, предназначенной для будущих работ. Но это все не то, не то...

Волгин понял, что опаздывает к посадке. Приняв горизонтальное положение, он передвинул рычажок микродвигателя на две, и потом еще на две позиции, до конца. Микродвигатели зашелестели сильнее, словно зашептались. Ощутимее стала упругость воздуха, пришлось надеть защитные очки, которых Волгин не любил. Но нагнать дирижабль так и не удалось.

По посадочному полю Волгин почти бежал: летать здесь, по соображениям безопасности, запрещалось. Затем он перешел на шаг и шел все медленнее, спотыкаясь и разводя руками, и бессознательно растерянно улыбаясь. Он увидел ее.

Елена стояла спиной к Волгину, разговаривая с человеком, которого заслоняла собой от напряженного волгинского взгляда. Вот она улыбнулась — как показалось Волгину, нежно; сделала резкий жест — сумка в ее руке описала замысловатую траекторию... Пора остановиться, подумал Волгин, иначе она меня заметит, если обернется, узнает. Пора, пора остановиться!.. Он сделал шаг вперед, потом еще шаг, потому что с каждым шагом все лучше можно было разглядеть ее, а ведь для этого он и летел, правда ведь? Она улыбается этому. Впрочем, откуда ты знаешь, она ведь стоит спиной к тебе? Все равно, знаю: она всегда так откидывает голову, когда улыбается. Я же не вижу вообще ее лица и все равно знаю, что это — она. Кажется, я и правда схожу с ума, не надо было лететь, посидел бы, пострадал в своем кабинете, светило... Нет, пора бежать, пока она не заметила.

Он отвернулся и стал глядеть на легкий треугольник вокзала; вдруг, словно увидев кого-то, решительно двинулся туда. Почему туда, опять-таки он не знал. Но время было уже упущено, потому что Елена повернулась и увидела его, и узнала его сразу.

— Волгин! — негромко окликнула Елена, уверенная, по-видимому, что он услышит, — и он действительно услышал. Вздрогнув и краснея, он повернул голову к ней и медленно поднял глаза. Человек, которого Волгин так и не успел разглядеть, исчез. Это было странно, потому что все остальное, что находилось поблизости, обрело странную неподвижность. Или время потекло так медленно? Но вот чья-то странная кургузая машина отъехала от вокзала, на ходу расправляя для взлета короткие крылья, и, словно разбуженный ею, мир снова двинулся по течению времени. Елена стояла одна и смотрела на Волгина.

Прошли годы; он понял это, глядя на ее лицо и замечая все. Прошли без него, как будто он жил в какой-то другой эпохе. Вдали от него появились эти, едва заметные, правда, морщины на лбу и у глаз. Не он целовал этот рот, когда в углах его возникали невеселые складочки... Но сколько бы лет ни прошло, для него ничего не изменилось: пусть такой, пусть какой угодно — только бы была у него возможность видеть ее. Видеть хотя бы!

Волгин медленно опустил взгляд до туфель. Это было болезненно, но лишь снова поднимая глаза, он понял, в чем дело, и почувствовал, что ему нечем дышать. Со спины было трудно заметить это, потому что Елена была в плаще. Нет, подумал он, не то, она просто не следила за собой... И сам же опроверг: глупости. Дело не в пренебрежении гимнастикой. Ты — взрослый человек и понимаешь, в чем тут дело. Уже месяцев пять...

Он подошел к ней неторопливо; так могло показаться, на самом деле ноги просто отказывались идти.

— Смотри-ка, — сказал он, — ты в наши края попала! Здравствуй, здравствуй... А я тут встречал кое-кого — он, я вижу, не приехал. Ты не видела? Такой... среднего роста, в шляпе... — Импровизация не удалась Волгину, и он махнул рукой. — Ну да ладно, зато вот тебя повидал. Хотя — что же это я тебя задерживаю, ты ведь, верно, не ко мне прилетела, да и вряд ли одна. Как бы он не приревновал тебя к старым приятелям: мужья — народ ревнивый!

Волгин говорил это, думая, что шутит, и еще думая, что если бы он сам был когда-нибудь хоть чьим-то мужем, а он мог бы быть лишь ее мужем, Елены, и ничьим больше, но она порвала все решительно и окончательно, он обязательно ревновал бы ее, хотя эмоция эта давно уже почиталась умершей от естественных причин. Он и сейчас ревновал, не имея на то никакого права, кроме того, которое дает память.

— Ну, так как она, жизнь? — продолжал он вслух, и даже закрипел зубами: эх, сколько ненужных слов он говорит! — Лена, послушай! — вдруг перебил он сам себя. — Раз уж мы встретились, то я хочу сказать: если бы...

Он умолк; Елена поняла его смущение по-своему — или предпочла понять по-своему, чтобы не догадываться о

том, что он хотел сказать.

— Да, как видишь, — отозвалась она спокойно. — В скором времени буду принимать поздравления. Что же: время ведь идет...

«И уходят надежды», — промолчала она, но он услышал и это. Да, для нее все это значит очень много. Это значит — совсем уже не осталось никаких надежда на осуществление того, о чем она мечтала с юности, — никаких надежд, раз приходится искать и находить другие. Что же, она нашла.

— Что касается остального, — продолжала Елена после краткой паузы, — то я здесь одна, и вообще тоже. Иначе не хочу, — торопливо добавила она, боясь, что Волгин может понять последние слова, как замаскированное разрешение говорить о том, что некогда было и что могло быть. — Ты ведь знаешь мой характер.

Волгин кивнул; он знал.

— А... я с ним знаком?

— Нет, — сказала Елена. — А разве это важно?

— Да нет... Просто — ты тут стояла с одним... показалось, что знакомая фигура.

Елена слегка улыбнулась.

— Это был не он.

— Так что привело тебя сюда?

— В общем, ничто, — сказала она. — Может быть, любопытство. Или еще что-нибудь. Не могу засиживаться на одном месте.

— Где остановишься?

— Еще не знаю, — рассеянно сказала она. — Сейчас поеду.

— Куда?

— Что-нибудь найду, наверное. Здесь ведь есть гостиница?

— Конечно.

— Ну да, он мне говорил.

— Кто?

Елена взглянула на него с таким видом, словно просила извинения за какую-то бестактность.

— Ну, все равно.

— Вижу, — сказал он, — тебе не очень весело. А?

— Может быть, — согласилась она. — Ты сам понимаешь. Но будущее кажется более привлекательным.

Ну конечно, подумал он. Когда окончательно теряешь надежду, тем более — главную, весело быть не может. Это понятно. Это знакомо. А что касается будущего...

Мысль его не успела получить завершения, потому что в этот миг некто вышел из вокзала, увидел Волгина и неторопливо направился прямо к нему. Он приближался, изящно помахивая левой рукой, и только шляпы не было в ней, широкополой шляпы с волочащимся по земле плюмажем. Наконец Витька приблизился и сделал поклон по всем правилам.

— Вы здесь, оказывается, — сказал он.

— Ну и что? — сердито спросил Волгин. — Неужели даже на час нельзя отлучиться, чтобы... Ну, я понимаю, хочешь доложить, что встретил, и все такое. Мог бы сказать и попозже. А?

Витька стоял перед ним, закрыв глаза и качая головой, и это дурацкое покачивание разозлило Волгина еще больше. Он на миг смолк, готовясь к более обстоятельному анализу Витькиного поведения, но мальчик ухитрился втиснуться именно в эту узкую щель.

— Да ведь я говорю — нет, — сказал он. — Ну, не встретил.

— Как не встретил? — спросил Волгин. — Что значит «не встретил»? Прозевал?

— Не приехала — и все, — оказал Витька.

— Да этого быть не может. Прозевал, а она небось разыскивает институт!

— Нет. Передала, что не приедет. Через пилота дирижабля.

— Так... — протянул Волгин. — И почему же это она не приедет? — Вопрос был задан таким тоном, как будто Витька являлся ответственным за поведение той, которая должна была приехать.

— Ну, раздумала, наверное, и все.

— Раздумала... — медленно, словно стараясь проникнуть в смысл этого слова, произнес Волгин. И вдруг топнул ногой: — Да ты понимаешь? Раздумала!.. А завтра? А эксперимент?

Он повернулся в сторону, словно ожидая поддержки. Но там стояла лишь Елена, с любопытством глядевшая на него. Волгин вспомнил, что он не в институте, не в своей лаборатории, и что Елена не имеет к этому никакого отношения — не говоря уже о том, что трудно признавать неудачу в присутствии любой женщины, не только этой... Он заставил себя умолкнуть.

— Да, — проговорил он через секунду, но уже нормальным голосом. — Бывает, бывает. Ничего, выкрутимся как-нибудь...

Произнося это, он понимал, что не выкрутится: все задержится на долгое время, а Корн тем временем бросит своих рамаков в мироздание. И Волгину не на что будет сослаться.

Проклятая женщина: подвести в такой момент!

— Выкрутимся! — сказал он уверенно, взглянул на Елену и понял, что ее-то он не обманул.

— Ты не меняешься, — сказала она, когда он умолк. — Все громы и молнии, да?

— В зависимости от погоды, — усмехнулся Волгин.

— Сорвалось что-нибудь важное?

— Да как тебе сказать... — промямлил Волгин, которому не хотелось врать, а говорить правду — тоже. — Впрочем, чего мы тут стоим? У нас — аграплан, отвезем тебя, подумаем, где остановиться. В гостинице — пусть в гостинице...

Он сделал шаг в сторону, пропуская Елену вперед, и еще раз — произвольно — провел глазами по ее пополневшей в талии фигуре. Интересно, каким будет ребенок. Это всегда интересно...

— Что?

«Интересно, каков будет ребенок», — снова произнес Волгин про себя, и на сей раз каждое слово было полно глубокого значения.

9

— Слушай, Лена, — сказал он, догнав женщину и взяв ее за рукав плаща (на большее Волгин все же не осмелился). — А может быть, в гостиницу не стоит? Это не близко, да и вообще... Давай, мы тебя устроим у нас в институте. Так, как у нас, ты нигде не отдохнешь: на полной научной основе. Поживешь, осмотришься... А вообще ты торопишься куда-нибудь?

— Да нет... — ответила она чуть растерянно.

— Вот и чудесно! Тогда, может, поработаешь у нас — полгодика или больше, как сама захочешь. Тем более — за тобой сейчас нужен квалифицированный надзор, а уж у нас медики такие, что лучших и не бывает.

— Не знаю, — нерешительно проговорила Елена, и Волгин узнал ту нерешительность, которая и раньше охватывала Елену порой в самые неподходящие моменты. — Один друг предлагал свое жилье — я отказалась. Правда, — торопливо добавила она, — это не его жилье, он сам здесь проездом...

— Ну и чудесно! Сегодня отдохнешь, а вечером я к тебе зайду, побеседуем... Нет, нет, — перебил он себя, заметив странное выражение, мелькнувшее в ее глазах. — Я ведь понимаю, что ты! И в этом нет ничего неудобного; к нам приезжает множество людей! А? Ну? Соглашайся!

— Хорошо, — сказала Елена, и повторила громко: — Хорошо. Пусть в институте. — Она тряхнула головой, и это означало, что минутная нерешительность прошла, а, за исключением таких минут, Елена была человеком определенных намерений и решений. — Едем.

— А вот Виктор тебя проводит. Лаборант, но без него я — как без рук (Волгин знал, что Витька еще не успел выработать иммунитет против лести, а сейчас парня надо было чем-то оглушить, чтобы он не стал чересчур много размышлять о том, почему Волгин все же оказался у дирижабля и по какой причине так уговаривает женщину; к тому же слова насчет Витьки были правдой, так что это выходила и не лесть вовсе: разве что непедагогический разговор, но здесь ведь не детский сад). А я еще задержусь. Зато уж попозже приду обязательно. К психофизикам, Витя, пусть посмотрят, снимут характеристики, чтобы отдых вышел хорошим, человек устал...

Витька посмотрел на Елену, потом на Волгина.

— Ну, — сказал Волгин, — быстро, быстро. И анализы по всей программе, ясно?

Витька, кажется, хотел что-то сказать, но Волгин замахал руками, повернулся и заспешил в сторону. Ему очень нужно было остаться одному.

Ничего себе, ситуация сложилась. Громадное дело могло затормозиться потому, что какая-то неврастеничка в последний момент передумала и не пожелала участвовать в эксперименте. Хорошо, что Волгин за годы жизни на Земле не утратил способности принимать быстрые и правильные решения — способность эту он выработал на сумасшедших кораблях Дальней разведки. Дело должно быть сделано, и будет, потому что дальняя дорога по пескам поиска привела нас все-таки к оазису открытий... Так сказал бы известный всем нам Аль Бухори, если бы не лежал давно в фиолетовом песке Галатеи, тогда еще не оживленной человеком. Да, близится завершение, и не странно ли, что мы с тобой снова встретились именно на этом пути, и именно тут наши дороги сольются в одну, хотя ты меня и не любила, и не будешь любить никогда.

Волгин уселся на краю посадочного поля. Елена и Витька были уже далеко — там, где стояли аграпланы. Отсюда женщина выглядела совсем прежней, такой, как тогда, когда он впервые сказал ей о любви, но ее очередной приступ нерешительности...

Волгин вздохнул. Рейсовый дирижабль еще стоял у подножия мачты. Вот он начал медленно, едва заметно для глаза, увеличиваться в объеме. Невидимые извне устройства, преодолевая огромное давление наружного воздуха, упрямо раздвигали плоскости в ромб, и дирижабль, подчиняясь возникшему в его непроницаемом теле вакууму, отделился от прочной, устойчивой земли и пошел вверх, в свою среду. Тихо дышали моторы. Подъем становился все стремительнее, вот машина легла на курс — какая-то из граней ослепительно блеснула на солнце, — а вскоре стало уже трудно сказать, где именно скрылся легкий корабль, дешевый настолько, что даже аграпланам не удалось полностью вытеснить его. Дирижабль оставил здесь эту женщину, вместо того чтобы увести ее с собой, — и черт бы побрал все эксперименты!

Нет, так нельзя, — одернул Волгин сам себя. Конечно, решающий опыт лучше всего ставить на себе самом. Но поскольку в данном случае это невозможно...

Значит, на Елене?

Кто мог придумать такое, какой хитроумный джин так запутал нити? Громадная машина института разогнана на полный ход, и если сейчас стремительно затормозить, неизбежны жертвы, не говоря уже о потере скорости. Насколько легче Корну, который экспериментирует с машинами, хотя бы и разумными. Там совесть может оставаться чистой.

А здесь — нет? Значит, должна быть причина. В чем дело? В опасности? Ее нет, в этом ты уверен, все испытано, все подогнано. Не в этом дело. Непонятно, в чем. И все же — нет полной уверенности. А она нужна, как глоток воды в пустыне...

Волгин снова мельком вспомнил Аль Бухори, который щедро засеял его память всеми этими джинами и оазисами. А затем, по сходству судьбы, припомнил и Маркуса, погибшего куда глупее, чем утонченный и мудрейший узбек. Бухори кинулся в своей машине прямо на песчаную цунами, впервые увиденную ими как раз на Галетее. Он ухитрился-таки спасти поселок, хотя даже надежда на такой исход казалась нелепой. Он выполнил задачу; он показал, как вообще надо выполнять задачи.

Бухори... В последнюю минуту связь донесла до разведчиков, молча ожидавших конца, высокий голос. Он читал строки Хайяма чуть нараспев, как предки Аль Бухори некогда декламировали суры Корана. Это было последнее от Бухори; гигантская песчаная гора выросла на месте его гибели, так что людям не пришлось ставить памятник.

Маркус же погиб иначе и, верно, ничего при этом не декламировал, потому что, не отличаясь ораторскими талантами, обладал к тому же голосом резким и хриплым, как сирена бедствия, и при этом — что самое ценное — говорить не любил.

Такими вспомнились сейчас Волгину, сидевшему на посадочном поле дирижаблей, погибшие друзья. А раз уж они начинали вспоминаться, значит, пришло время посоветоваться с ними: мертвые никогда не вспоминаются нам без нужды и основания.

Аль Бухори понимал толк в любви, и если бы только об этом шла речь, никто не пожелал бы лучшего советчика. Но сейчас надо было говорить и о других, не менее сложных вещах, и на сей раз Волгин избрал собеседником Маркуса. Были и живые друзья. Они тоже находились очень далеко, хотя и чуть ближе, чем мертвые. Но с живыми и отсутствующими советоваться в мыслях трудно: поди знай, насколько изменились за годы разлуки они сами и их взгляды на жизнь, которая постоянно находится в движении и тянет за собою и нас. А мертвые не меняют взглядов (если за них этого не делают живые, но отнюдь не друзья), мертвые устойчивы и неколебимы, они уже достигли своей вершины, и ты можешь быть уверен, что на один и тот же вопрос они всякий раз дадут один и тот же ответ, разумеется, если ты еще помнишь их как следует.

Итак, дорогой Маркус, почему же меня тревожит совесть, почему не зудят нетерпением пальцы, как это бывало перед каждым экспериментом, даже и не решающим? Ага, ты высоко поднимаешь брови и спрашиваешь, чего же, собственно, я хочу добиться? Ну, что же, я расскажу, а ты поймешь, как понимал всегда все. Слушай.

Мы все-таки изобрели эту пресловутую разумную машину. Нет, я не принимал в этом участия, есть такой Корн — ты его не знаешь, способный парень, но он никогда не был в Дальней разведке, не стоял на палубах наших отчаянных кораблей, и в этом-то, наверное, и кроется причина того, что он не сумел остановиться вовремя и довел свое дело до конца.

404 Его создания предназначены для того, чтобы убить нас.

Задушить, уморить, называй как хочешь. Нет, они не питают вражды к человеку, им на нас, строго говоря, наплевать. Но они предназначены для завоевания космоса, для того, что до сих пор было нашим, и только нашим делом, которым жили и на котором выросли многие из нас. А теперь пришли эти рамаки, приспособленные для работы в пространстве и на диких планетах куда лучше нас — лучше, Маркус, лучше, видишь — я откровенен, они действительно получились неплохо, а ведь они будут еще совершенствоваться. И вот, выполняя свою задачу, они вытеснят нас так, как некогда трактор вытеснил лошадь. А я не хочу, Маркус, чтобы мы оказались в положении лошадей, или чтобы нам, в лучшем случае, осталась роль пассажиров, в то время как по природе своей мы не пассажиры, а пилоты.

Ты понимаешь: я не хочу и не могу допустить этого. Но есть немало людей, которые хотят; не потому, чтобы они желали плохого человеку, но потому, что сложность и масштабность задачи привлекает их: подобные вещи всегда привлекали человека. С этими людьми можно бороться одним лишь способом: вместо хорошего предложить лучшее. Я давно уже искал это лучшее, и вот наконец нашел его.

Надо было опровергнуть главное положение: что человек не способен делать эту работу так же хорошо, как, судя по предварительным данным, смогут выполнять ее рамаки. Мне кажется, я знаю, как сделать это.

Дело в том, что до сих пор все мы полагали главной причиной того, что расширение обжитого космоса идет медленнее, чем нам хотелось бы — нашу физическую неприспособленность, хрупкость, требовательность к условиям обитания. Но на самом деле это не так: ведь именно то, что нам нужны определенные условия, что мы не можем жить где попало и как попало, заставляет нас, став хотя бы одной ногой на поверхность новой планеты, приспособливать ее к своим нуждам, организовывать хаос, приводить природу в разумный порядок. Мы не можем приспособиться к окружающему; вместо этого мы приспособливаем его к себе, и разве не в этом состоит наша основная задача? А? По-моему, Маркус, ты говоришь: «В этом».

То, что нам приходится выполнять значительную часть этой работы в трудных условиях, живя в непроницаемых станциях, выходя в скафандрах, подчас жертвуя собой (и ты, и Бухори, да и я сам, мы кое-что знаем об

при отсутствии желания даже жизнь в раю покажется невыносимой. Главное — ступить подальше, говорят эти люди; ступить хотя бы не своей ногой, а железной стопой рамаков. Потом люди будут прилетать к ним как бы в гости, а помощь стартующим дальше кораблям рамаки смогут оказывать и сами, необходимость колоний отпадет.

Они не понимают, что не в одних же кораблях дело...

«Излагай суть», — говоришь ты? Я как раз к ней подошел.

Итак, психика. Но разве не в наших силах воздействовать на нее, преобразовывать нужным образом? Конечно, в наших. Разве мы уже сегодня не можем повлиять на психику человека таким образом, чтобы он именно в пространстве чувствовал себя дома, чтобы именно завоевание в битве с природой, именно освоение новых планет стало его основной мечтой, его главным делом? Мы можем сделать это; я могу. И если появятся такие люди, поколение таких людей, то зачем тогда рамаки и тому подобное? Люди совершат все сами, и жизнь начнет стремительно распространяться все дальше.

Нужно очень немного: небольшое вмешательство на субмолекулярном уровне, лучше и вернее всего — еще когда человек не родился, еще в материнской утробе. Основа нашей психики, как известно, материальна, а следовательно, на нее можно влиять, можно изменять, если знать, разумеется, как это сделать. Я узнал.

Да, я теперь обрел силу. Это далось нелегко. Десять лет работы, десять лет поисков и экспериментов, сотни забракованных схем, множество уничтоженных животных. Но это — в прошлом; зерна проросли, и пришла пора собирать урожай. Вопрос достаточно сложен для популярного изложения, а ты никогда не имел никакого отношения ни к биологии, ни к физиологии, ни тем более к церебронике. Поэтому скажу только, что дело заключается в воздействии на память; не на ту, в которой у каждого из нас хранятся результаты собственного опыта, приобретенные знания, а на память врожденную, унаследованную от бесчисленных поколений, ту память, на основе которой действуют инстинкты животных, и которая и в деятельности человека играет роль, намного большую, чем мы обычно думаем.

Эта память стабильна; тем легче влиять на нее. И вот сегодня стало возможным стереть то, что в ней записано, и именно в той степени, в какой это нужно, и вместо стертого, как на ленту магнитофона или на кристалл кристалло-

графа, нанести новую запись. Нет, для этого не нужно оперативное вмешательство, мы не вводим в мозг электроды или что-либо подобное, влияние происходит при помощи направленного пучка электронов, пучка, обладающего определенной частотой колебаний; только и всего.

Только и всего; но когда человек родится, он уже не будет чувствовать себя привязанным к Земле невидимой, но крепкой цепью поколений. Наоборот, ему будет казаться, что родина его — там, где звезды. И он будет стремиться туда.

Он отправится в полет и достигнет неведомой прежде планеты. Он ступит на ее поверхность с таким чувством, как будто вернулся в старый дом, в котором увидел свет, но где не бывал очень давно, с самого раннего детства. Он пройдет по комнатам этого старого дома, по плоскогорьям и низменностям планеты и увидит, что все, в общем, осталось по-прежнему, он смутно вспоминает это. Только пауки сплели густые сети в углах, разросшиеся кусты заглядывают в окна, густой, почти в человеческий рост, травой заросли дорожки в саду, и еще многое пришло здесь в запустение за то время, пока человек гостил в других местах. Но стены стоят, и они не перестали быть стенами родительского дома. Нужно только поскорее вынуть из багажа топор и пилу, молоток и гвозди — и очень скоро дом снова станет пригоден для жизни, для того, чтобы ввести в него жену, чтобы вскоре здесь раздались голоса детей.

Так увидится человек с новой планетой. И хотя он будет знать, что на самом деле оказался здесь впервые, он не поверит этому. Он будет жить и преобразовывать; вспоминая о далекой Земле, он отдаст должное ее красоте и размаху, ее технике, науке, искусству порой он даже будет говорить обо всем этом с завистью. Но это будет та зависть, которая выливается в стремление сделать и у себя не хуже. И пусть еще не сразу будут там созданы великие книги и полотна, пусть долго еще Земля, а не новая планета останется главной базой науки; новая планета будет догонять и догонит. И когда земные корабли бросят якоря в ее космопорту, человек встретит пилотов, как братьев, равных по рождению и возможностям.

Вот как мы завоеваем космос, а вовсе не с помощью рамаков. И то, что произойдет на одной планете, произойдет и на десятках, сотнях, наверное, тысячах других. А потом, укрепившись, люди эти начнут одну за другой осваивать или использовать остальные планеты. А потом и там выра-

стут люди, готовые к поискам новой родины... Не это ли нужно нам, Маркус? Ага, я вижу, ты киваешь и говоришь: «Именно это».

Тебя волнует этическая сторона? Уместно ли вмешиваться? А почему бы и нет? Вмешиваются же врачи в процесс родов! Предписывают же они женщине, что нужно делать для того, чтобы ребенок родился здоровым! Это — явления одного порядка. Тем более что никакие, совершенно никакие механизмы мозга не пострадают, человек будет абсолютно нормальным. У меня полон кабинет доказательств. Нет, не это беспокоит меня, Маркус, и не потому прошу я твоего совета. Сложность, мне кажется, в другом.

Обстоятельства сложились так, что объектом эксперимента будет Лена. Да-да, наша Лена. Так вышло, я не могу откладывать ни на день, ни на час. Завтра; потому что не позже, чем послезавтра будет решаться судьба рамаков, и я должен бросить на весы и горсть своих аргументов, небольшую горсточку, но весомую. Ты понимаешь, что Лена для меня — святыня, что бы там ни было когда-то. Тот ребенок, который будет у нее — он и наш, кто бы ни был его отцом. Ребенок Дальней разведки. Значит, он должен быть достоин Дальней, правда? Это говорит в пользу моего намерения, правда?

И еще одно. Раз так, то получается, что я провожу эксперимент как бы с частью самого себя. Раз он принадлежит Дальней, то и мне. А для меня это значит очень много.

Ну да, скажешь ты, так в чем же дело? Действуй, работай...

Дело в том, что она меня не любит. Если бы... о, тогда у меня не было бы ни малейших сомнений, и я не тревожил бы тогда твою память. Тогда она была бы тоже — я, и можно было бы одновременно и лежать на столе, и стоять у пульта церебропушки. Но, увы... ты знаешь. Так вот что меня смущает, Маркус, старина: а должен ли я это делать? Становиться вот так — пусть частично, пусть условно — отцом ее ребенка? Ведь он тогда будет если не плотью, то душой обязан мне, а не другому.

Если бы она сама захотела этого — насколько легче бы стало мне. Но Елена приехала вовсе не за этим, я толком даже не знаю — зачем. Я, конечно, смогу убедить, я умею убеждать, когда дело касается работы, а передумать у нее просто не останется времени, но это удастся мне лишь в том случае, если сам я буду убежден до конца.

А я не уверен. Еще и вот почему: впоследствии она не сможет не понять, в каком долгу она у меня за то, что ее ребенок избежит ее судьбы. Будет чувствовать себя должником; другая — нет, но она, с ее безжалостностью к себе, будет. А ты представляешь себе, что такое — чувствовать себя обязанной человеку, которого не любишь, но который любит тебя? Есть разные способы, Маркус, отдавать долги, и среди них такие, которых я боюсь, и — хочу.

Ты всегда был мудрецом, Маркус, что же ты скажешь?

Волгин закрыл глаза, вглядываясь, и Маркус возник перед его внутренним взглядом — такой же маленький, взъерошенный и сердитый, каким был перед своим последним выходом из головного форта экспедиции. «Ты все такой же путаник, — беззвучно прохрипел он, — годы тебя не исправили. К чему этот субъективизм? Делай свое дело, как ты выполнял бы задачу, будучи врачом. И заранее откажись от гонорара, это умели и раньше. А через год или три у тебя будет уже целая куча таких детей, и ты начнешь понемногу забывать, кто из них был первым, тем более что Лена не станет мозолить тебе глаза и совесть».

Так-то так, Маркус. Но первого не забыть, да и, кроме того, несколько лет придется держать его под наблюдением: только после этого можно станет работать с другими.

«Понимаю. Но — пусть так. Тем чаще ты будешь видеть Лену. Не об этом ли ты мечтал? А дальше... Кто знает, что будет дальше, где пройдет рубеж, за которым кончится признательность и начнется нечто другое? Но по этому поводу тебе лучше было бы обратиться к Бухори, не правда ли?»

Конечно, Маркус, я понимаю. Значит, ты думаешь, не стоит волновать себя такими рассуждениями? Но ведь совесть, Маркус, никогда не беспокоит зря. В чем же было дело?

«Я думаю, в том, что сегодня ты почувствовал, что не очень-то она удовлетворена жизнью. А ты — да, ты — удовлетворен, хотя Лены и не было у тебя. Ты ведь обладаешь способностью заменять одно другим — ты работал. И тебя смущает теперь, что ты станешь еще счастливее за ее счет: ведь именно она тебе поможет в этом. Ты станешь счастливее, и будто бы отнимешь что-то у нее, у которой и без того мало. Но это — чепуха, прости меня, друг мой. Самая настоящая чепуха. Счастье не подчиняется четырем правилам арифметики; разделенное на две или на сколько угодно частей, оно не становится меньше, наоборот — количество его в мире увеличива-

ется. Поэтому не бойся делиться счастьем, но и не отказывайся, если его предлагают тебе другие. Они не станут от этого беднее, понятно тебе, липовый мыслитель Волгин? Получилось так, что твое счастье зависит от Елены — и в одном, и в другом аспекте. Так возьми то, что тебе дают, не отказываясь лишь потому, что тебе не дано остального. Вот, по-моему, причина твоих колебаний, милый Волгин, если, разумеется, ты твердо уверен во всем остальном».

О да, в остальном я уверен. Волнуюсь, конечно, но уверен.

«Тогда лети домой и отдохни, пока Витька устраивает Елену у твоих психофизиков. Успокойся, приведи себя в порядок. А завтра — начинай. Тебе не пройти мимо этого эксперимента. Иного пути нет. Так делай, Волгин, свой шаг через порог. Делай, разведчик!».

Спасибо тебе, Маркус. Спасибо, и дэ-дэ: дальней дороги.

«Моя дорога, Волгин, давно уже вся. Дэ-дэ тебе. Тебе — дальней дороги, доброй дороги. Будь счастлив...»

По телу забегали странные, приятные мурашки, пылинки на бенитовом покрытии поля начали едва слышно потрескивать. Волгин поднял голову, потер лоб. Шла очередная уборка; плывшая над полем сетка на квадратной раме наводила на пылинки заряд, а следовавший за нею медленно вращавшийся шар притягивал их. Значит, шесть часов. Поздновато. Но время не потеряно зря. Маркус помог мне. Я решился.

Друзья помогают даже тогда, когда их больше нет. Жаль, что я не увиделся сегодня с тем, кто заходил ко мне. Наверняка это был кто-то из бывших разведчиков. Только никак не припомню, из какого экипажа. Да это и не важно. Посидели бы, как следует, и вместе вспомнили бы Маркуса, Бухори и еще многих.

Но с ним мы еще увидимся. А сейчас — пора. У нас, дальних разведчиков, всегда много дел. Жаль, что мы никогда не успеваем сделать их все, до конца...

Медленно, нащупывая каждую позицию, Волгин поставил переключатель на поясе в нужное положение. Микродвигатель закричал: нелегко все-таки оторвать от земли такую тушу, как Волгин, даже если ее более не отягощают сомнения.

...На уровне двадцать седьмого этажа, подлетая к институту, Волгин увидел Витьку. Лаборант летел со стороны корпуса психофизиков. Значит, с Леной все в порядке.

На кого это он похож?

Волгин наморщил лоб. Витькины брови были сведены к переносице, пронзительный взгляд устремлен вперед, кисти рук совершали какие-то непонятные движения. Изображает пианиста? Нет, не то... Проигрывает завтрашние действия на пульте? Тоже нет. Да и за пультом работать не ему. Что же это за упражнения такие?

Волгин замедлил скорость.

А не похоже ли это... а не так ли работали перед посадкой пилоты Дальней? Им приходилось подчас на одной интуиции садиться прямо в черт знает что, задавая немало работы всей автоматике, — но при этом дел оставалось достаточно и на их долю.

Витька изображает дальнего разведчика? Он, который и летает-то редко? Парень, чье любимое занятие в свободное время — бродить по лесу или залечь, после утомительной прогулки, в траву и наслаждаться запахами Земли? Ха. И еще раз — ха.

Но пусть изображает.

А кто ему рассказывал о Дальней? Я? Наверное. А может, не я?

И куда он летит вообще? Не в институт. Куда-то прочь.

Летит по делам. Наверное, у него тоже есть какие-то свои дела. Что же тебя удивляет?

То, что он летит. Раньше он во всех случаях предпочитал лифты.

А ну его. Сейчас надо думать не об этом. Предстоит серьезный разговор...

Волгин вовремя подобрал ноги, чтобы совершить посадку на балкон по всем правилам.

10

Кургузая машина с тихим шорохом сложила крылья. Однако седок не торопился выходить. Еще несколько минут он сидел, откинувшись на спинку кресла. Потом открыл дверцу, высунул голову и осмотрелся.

— Какая буйная природа, — сказал он негромким, приятным голосом и почти с той же интонацией, с которой этим утром убеждал волгинского лаборанта в преимуществах рамаков. — Нет, я не упущу такого случая прогуляться пешком. Я никогда не простил бы себе, не воспользуйся я этой возможностью.

Вероятно, он обращался к машине; во всяком случае, больше никого вблизи не было. Машина не ответила; впрочем, человек и не ждал ответа.

— Да, — сказал он. — Кто ходит пешком — долго живет. Или как это там было? Вот здесь я и поброжу; большего уединения в этих краях желать, кажется, невозможно. Ты обождешь здесь. — Несомненно: он обращался к машине. — Надеюсь, я не заблужусь. Было бы очень смешно, если бы я заблудился, не правда ли?

Он углубился в чашу. Молодая сосенка ласково прикоснулась лапами к его одежде. Седой мох шуршал под ногами. Внезапно человек рванулся в сторону; в следующий миг он остановился, досадливо потирая ладонью грудь там, где сердце.

— Да, — пробормотал он, переводя дыхание. — Так испугаться простой белки... С отвычки. Да и нет ничего удивительного. Если увеличить ее раз в пятьдесят, зверь вовсе не покажется таким милым. А у меня ведь с собой ничего...

Он услышал приглушенный смехок и живо обернулся. Невдалеке стояла женщина в зеленых брюках, в руке она держала лист папоротника. Человек развел руками.

— Увы, — сказал он, обращаясь к женщине, — я испугался. Ничего удивительного: я трус от природы. А вы?

— Нет, — протянула она, — я бы не сказала.

— В таком случае, может быть, вы не испугаетесь, если я...

Он не закончил, потому что лицо женщины внезапно искажилось, широко раскрывшиеся глаза уставились куда-то вверх. Он успел еще подумать, что это гримаса самого настоящего страха. В следующий миг женщина пронзительно вскрикнула и кинулась в самую гущу кустарника, затрещали ветки. Тогда человек обернулся и на лице его показалась улыбка: по соседству стремительно снижались короткие цилиндры, увенчанные круглыми башенками. Человек шагнул им навстречу. Повиснув невысоко над землей, цилиндры раздвинулись и в свою очередь направились к нему, негромко шурша. Они остановились, когда их разделяло не более двух шагов.

— Мы не думали помешать вам, — торопливо произнес тот из рамаков, который стоял ближе.

— Нет, — сказал человек, махнув рукой. — Все равно...

Он хотел сказать: все равно у меня не хватило бы смелости, но решил, что рамаков это совершенно не касается.

— Мы сожалеем. И сразу же признаемся, что мы
414 здесь не случайно: наши дежурные там, наверху, на-

блюдали за вами. Потому что вы единственный, кто может дать нам требуемую информацию.

Человек с любопытством посмотрел на рамака.

— Скажите, ваш лексикон и прочее: это записано или вы обходитесь каким-то другим образом?

— Это не запись, конечно, мы говорим, как и вы. Только у вас в основе лежит механический принцип, у нас — то, что вы называете электроникой.

— Устройства, наверное, достаточно сложны. Но ведь между собой вы не разговариваете?

— Разумеется, нет: медленно, и не нужно. Это — лишь для вас. Впоследствии при воспроизводстве мы исключим этот аппарат, как только надобность в нем отпадет.

— Ну да, — сказал человек. — Я так и думал. Так чем же могу помочь?

— Мы знаем, что вы — представитель Звездного флота.

— Что ни слово, то загадка, — пробормотал человек. — Откуда вы, например, знаете, что существует Звездный флот? В вас заложена какая-то информация?

— Во всяком случае, не в виде программы, как представляет большинство из вас. Просто мы, в отличие от людей, используем свой мозг полностью, а не на несколько процентов, поэтому каждый из нас запоминает большое количество информации. Источники же ее до сих пор нам предоставляли люди. Кроме того, существует, конечно, опыт.

— Благодарю вас. Я ведь до сих пор встречался с вами всего лишь однажды, и...

— Все, что вас интересует относительно нашего строения и возможностей, безусловно, содержится в данных, которые у вас есть.

— Да, — сказал человек, — но я терпеть не могу такого рода литературу. Предпочитаю получать сведения из первых рук.

— Мы тоже, поэтому мы и обратились к вам.

— Тогда спрашивайте, потому что времени у меня, — он взглянул на часы, — не так уж много: вечером у меня свидание, которое я и в самом деле не хотел бы пропустить.

— Скажите, вы много летали в космосе?

— Если вас интересует время, то пятнадцать лет. Если же расстояние, то я, право, затруднился бы подсчитать сразу.

— Не нужно. Не можете ли вы назвать число планет в других системах, на которых вы бывали?

— Н-ну, — сказал человек, — думаю, что-то около двух десятков. Вы хотите, чтобы я рассказал вам о них?

— Нет, наоборот, мы хотим, чтобы вы лишь отвечали на вопросы.

— Ах вот как. Слушаю?

— Встречались ли вам планеты, чья поверхность целиком покрыта водой?

— Да.

— Сколько?

— Одна.

— А такие, где воды на поверхности нет совсем?

— Конечно. Почти половина.

— Планеты, совершенно или почти совершенно лишенные атмосферы?

— Сам я на таких не высаживался: мы предпочитали поискать что-нибудь более подходящее. Но такие нам встречались. Во многих системах первые планеты расположены настолько близко к светилу, что...

— Это понятно.

— А что вам непонятно?

— Пока таких вещей нет. Ответьте, пожалуйста...

Допрос продолжался еще с полчаса, потом рамак сказал:

— Это все, благодарю вас.

— Теперь ответьте вы: зачем вам все это?

Рамак мгновенно ответил:

— Мы хотели сравнить наши выводы с практическими данными.

— Ну и что же?

— Все в порядке.

— А зачем вам заниматься этим сейчас, — спросил человек, — если вскоре вы начнете накапливать информацию такого рода куда быстрее и куда более полную, чем это делаем мы?

— Ваш вопрос очень сложен, — ответил рамак. — Я сейчас ничего не могу вам сказать. Вы чувствуете удовлетворение вследствие того, что побывали на многих планетах?

— Удовлетворение? — задумчиво переспросил человек. — Очевидно, да. Хотя мне и трудно было бы провести четкую грань между удовлетворением от самого факта и тем чувством, с которым мы, люди, вспоминаем о том, что происходило в молодости.

— Но ведь вы летаете и сейчас?

— Сейчас я просто не представляю себе иной жизни.

— Вы, по-видимому, не подвергались большой опасности за годы, проведенные вне Земли. Но такие опасности существуют?

— Кое-какие опасности существуют, — ответил представитель Звездного флота.

— И еще: как относится время, проведенное вами на планетах, к времени, ушедшему на передвижение в пространстве?

— Тут не обойтись без вычислений... Во всяком случае, в пространстве мы проводим куда больше времени, чем на планетах.

— Мы удовлетворимся и такой точностью. Не хотите ли вы спросить о чем-нибудь нас?

— Готовы ли вы к завтрашнему испытанию?

— О, сделать все то, что нужно вам, не составляет трудностей.

— А что нужно вам, кроме этого?

— Об этом, — сказал рамак, — мы думаем. Но нам пора. На полигоне считают, что мы не должны отлучаться: люди не привыкли к нам. Хотя вы, например...

— О, — любезно сказал представитель, — мне случалось видеть и не такое.

— А вам не случалось встречать в пространстве жизнь, похожую на нас?

— Если бы случалось, об этом знала бы вся Земля.

— Итак, до свидания, мы летим.

— До завтра, — вежливо сказал представитель Звездного флота.

Он проводил рамаков взглядом; они отплыли в сторону, чуть покачиваясь в воздухе, скользя над самой травой, так что можно было подумать, что это удаляются люди в старинных, до пят, одеждах, надетых поверх металлических доспехов. Затем, один за другим, рамаки взмыли в воздух.

— Счастливого пути, — пробормотал представитель. — Однако я начинаю сомневаться, даст ли завтрашнее испытание полное представление о том, что можно и чего нельзя ожидать от них. Разумеется, проспекты и описания не дают полной информации, да и кто может дать исчерпывающую информацию о такой не простой вещи, как разум?

Он вспомнил женщину с папоротником и вздохнул.

Он двинулся дальше, в глубь леса, с наслаждением вдыхая густой и, казалось, зеленоватый воздух. Про-

шло довольно много времени, в продолжение которого он не вымолвил ни слова, только глядел и дышал. Несколько минут он простоял под сосной, глядя на еще одну белку; на этот раз он не испугался. Затем его надолго задержало суетливое население высокого муравейника, сложенного из сухой хвои.

Стояла лесная тишина, которая никогда не бывает полной, но не надоедает и не беспокоит. Где-то стучал дятел, в противоположной стороне насвистывала еще какая-то птица. Затем в ее пение вмешалась еще одна; голос ее был резок и прерывист. Человек вздохнул и извлек из грудного кармашка маленькую коробочку. Он поднес ее ко рту.

— Не так громко, — сказал он. — Не то вы распугаете все живое в радиусе километра, а то и двух. Да, Витя, я слушаю вас с удовольствием. Жаждете видеть меня? Не ожидал, что произведу на вас такое впечатление... Да я вам, собственно, ничего и не рассказывал. Ах, остальное вы додумали сами? Смотрите, не ошибитесь...

Он помолчал, слушая.

— Ну, допустим, все это удастся, и я возьму вас. Но что скажет ваш шеф? Добрый? М-да, значит, он основательно изменился с тех пор, как я видел его в последний раз... Вот видите, он вам ничего не рассказывал, хотя у него есть, что порассказать, я знаю, — значит, он не хотел. А почему...

Он снова умолк. Потом сказал:

— Ну что же — это и в самом деле справедливо. Нельзя обречать людей на что-то, не испробовав предварительно этого самому, тут я с вами согласен. Ну что вам сказать, давайте встретимся еще раз. Сейчас же? Жаль, конечно... Нет, я имею в виду прогулку: давно уже мне не приходилось бродить так по лесу. Что? — Он засмеялся, но в глазах его была грусть. — Ну, это не те леса. Ладно, что-нибудь мы с вами придумаем. Прилетайте — хотя бы на полигон рамаков, там есть такой маленький домик для приезжающих — вот-вот, там я и обосновался. А я вылетаю сейчас же.

Он опустил руку с коробочкой и еще с минуту постоял, вслушиваясь в частый стук дятла.

— Счастье не бывает продолжительным, — изрек он наконец. — Но ничего не поделаешь, юнец прав.

Он снова поднял коробочку, из одного угла ее вытянул антенну, больше похожую на обыкновенную булавку. Затем повернул назад и вскоре вышел к тому месту, где суетились муравьи.

— Надеюсь, — пробормотал он, — мы не помешаем им.

Он остановился и поднял коробочку над головой. Через несколько минут послышалось негромкое жужжание, кургузая машина повисла над поляной. Человек отошел в сторону, подальше от муравейника; машина послушно следовала за ним. Он остановился. Тогда машина мягко приземлилась.

— Да, — сказал человек. — Ты, конечно, помогаешь экономить время. Но все же пешком куда приятнее!

Он провел ладонью по дверце, прежде чем открыть ее. Затем уселся в кресло. Повернул несколько переключателей на пульте и закрыл глаза.

— Волгин, Волгин, — негромко проговорил он. — Не знаю, как с рамаками, но с тобой вряд ли мы договоримся, корифей. Интересно, насколько ты изменился за это время и в какую сторону. Все же то, что ты встретил Лену, говорит в твою пользу. Это я видел собственными глазами, это неоспоримый факт, именно такой, какие так уважают наши друзья рамаки. Но ни о чем другом я судить пока не могу.

Он открыл глаза вовремя — под ним уже были кусты и редкие строения полигона.

11

Волгин осторожно затворил за собой дверь, уселся в кресло, оперся на стол локтями и несколько секунд сидел не двигаясь, неотрывно глядя на Лену и бессознательно улыбаясь. Наконец и она, так же внимательно глядевшая на него, улыбнулась в ответ; тогда он внезапно стал серьезным, даже мрачным: он вспомнил, что визит его был не просто дружеским визитом.

— Ну как тебя устроили? — спросил он. — Хорошо? Если что-нибудь не так, только скажи.

— А ты здесь что — наместник Бога?

— Да вроде этого, — усмехнулся он, и почувствовал, что усмешка получилась неуместной — выходило, что он хвастался, а Волгин не хотел этого. — В общем, институт разрабатывает мою идею. Но обо мне — в другой раз, я, как видишь, в порядке, у меня все благополучно.

— Да, — сказала она. — Ты благополучен.

— Хватит обо мне. Давай лучше о тебе и... — он кивнул головой — о нем.

Она положила руку на живот.

— О нем — пока рано, тебе не кажется? Да и зачем?

— Что значит — зачем! Естественно же! А что касается того, что рано, то тут, понимаешь ли, все зависит от точки зрения.

— Не совсем понимаю, — сказала Елена. — Слушай, Волгин... Я ведь помню тебя и знаю, что такие предисловия — не к добру. Может быть, ты скажешь, в чем дело?

— Ну, конечно, скажу, — ответил он после недолгого колебания. — Дело в счастье, только и всего.

— В счастье... — медленно проговорила она. — В чем?

— В твоём, в его...

— О моем, я думаю, не стоит. А у него все впереди.

— Вот-вот. Но «все впереди» — не значит «неизбежно впереди». Жизнь, как ты знаешь, выкидывает разное. И, может быть, надо уже заблаговременно подумать о том, что бы это самое счастье для нового человека было гарантировано.

— Ты все еще говоришь загадками и самыми общими местами. Конечно, каждый человек мечтает о счастье. Только — что каждый из нас понимает под этим словом?

— Ну, вот взять тебя, — сказал Волгин и тряхнул волосами, словно отбрасывая что-то, мешавшее ему. — Взять тебя. Мы одни, мы давние друзья, можем говорить откровенно. Ты не была счастлива, я-то уж это знаю.

Ее веки дрогнули, когда она подтвердила:

— Не была.

— Хотя, — неожиданно для самого себя торопливо произнес Волгин, — хотя в свое время я, кажется, делал все...

— Если ты об этом, — прервала Елена, — то не надо.

— Да нет, не об этом... это нечаянно сказалось, прости. Но ты несчастлива была прежде всего потому, что всю жизнь хотела того, чего не могла. Так?

— Так, — тихо ответила она. — Но к чему...

— Подожди... Я не зря, поверь. Ты принадлежала Дальней разведке, правда? Вспомни, сколько раз мы стартовали вместе!

— Не так-то уж много...

— Пять раз, совершенно точно.

— Шесть, — сказала она. — Считая старт с Земли — шесть.

— Пусть шесть. Помнишь, с какой радостью, подъемом, как это еще называется, с каким восторгом ты это делала?

— Забыть нельзя. Если бы даже хотела...

— И как ты не смогла выдержать до конца ни одного поиска — тоже помнишь, конечно. Как отвратительно чувствовала себя, как не могла думать ни о чем другом, только о Земле, как мечтала о возвращении туда... И ведь ты не боялась, я растоптал бы каждого, кто заподозрил бы тебя в трусости, в слабодушии, но у нас таких не было: мы быстро научились отличать трусость от чего-то другого, и все мы знали, чего ты стоишь. Но с этим справиться ты не могла...

— Бывали дни, когда я просто переставала чувствовать себя человеком, — призналась Елена, опустив голову.

— Мы видели, что с тобой творится неладное. И посоветовали тебе взять длительный отпуск, пожить на Земле.

— Я часто думаю: не было ли это ошибкой? Этот самый первый отпуск.

— Сейчас легко судить себя. Но тогда даже со стороны было видно, каково тебе. Ты улетела на Землю, а мы двинулись дальше...

— Я еще не успела долететь до Земли, — сказала Елена, — как поняла, что не надо было уходить. Меня тянуло назад не меньше, чем из Дальней тянуло на Землю. Я высидела на планете полгода — через силу, стиснув зубы, честное слово. А потом вернулась.

— Да. И повторилось то же самое. Прошло не помню сколько месяцев — и тебе пришлось лететь на Землю опять.

Елена промолчала.

— Для любого другого этого хватило бы: обратный путь в Дальнюю разведку оказался бы для него закрыт. Но никто из нас не хотел расставаться с тобой. Мы ведь все переживали то же самое, только, видимо, не так сильно...

— Или вы сами оказались сильнее...

Волгин и сам думал так, но не хотел говорить этого вслух.

— Может быть, не знаю... Вероятно, да. Но мы старались сделать так, чтобы ты привыкла, чтобы избавилась от этой страшной тоски по Земле, которую, быть может, можно назвать и страхом перед бесконечностью пространства, перед множеством миров...

— Наверное, можно сказать и так.

— Это все равно. И это повторялось не два, не три раза. И мы не противились. Но однажды ты не вернулась сама, а Дальняя разведка уходила все дальше. Теперь это ка-

жется немного смешным, но тогда достигнутое представлялось громадным.

— И я завидовала вам. А не вернулась потому, что поняла — бесполезно. Я не смогу преодолеть себя.

— И осталась на Земле.

— С тех пор я не вылетала даже на Луну. Земля не так уж мала, на ней достаточно места и занятий, — так казалось мне. Но столько лет прошло...

Елена внезапно умолкла, словно спазма перехватила ей горло. За нее закончил Волгин:

— Да, прошло много лет, и ты не нашла своего места, не нашла себе занятия. Не нашла и до сего дня. Так? Какие-то ветры, как сухой лист, гонят тебя по планете и нигде не разрешают остаться надолго...

— Хватит, Волгин, — сказала Елена. — Хватит. Мне не очень легко разговаривать об этом, и я не вижу смысла...

— Смысл есть, в том-то и дело, — сказал Волгин. — Ты ведь согласишься с тем, что мы не только сами должны учиться на своих ошибках, но и учить других; своих детей — прежде всего?

— Трудно было бы возразить. Но при чем тут...

— Слушай, Елена, — сказал Волгин, привстав и перегнувшись через стол, чтобы оказаться как можно ближе к ней. — Слушай, Ленка... Ты ведь не хочешь, чтобы этот — тот, кто у тебя будет, — пережил то же, что ты, чтобы и он — или она, все равно — всю жизнь не мог найти свое дело?

— Разве в этом главное? Я-то свое дело нашла, я только не смогла его делать, вот в чем причина...

— Ну пусть так. Ты ведь не станешь желать, чтобы и его постигла такая же судьба?

Она зябко повела плечами.

— Нет, не приведи... Об этом мне страшно и подумать.

— Но гарантировать, что так не получится, ты не можешь.

— Как будто ты можешь, — слабо усмехнулась она.

— Я могу, — сказал Волгин, распрямляясь. — Вот именно, что я — могу.

Елена молчала, недоверчиво глядя на него.

— Тут, понимаешь ли, открываются такие возможности, такие перспективы... Человек будет устремлен туда, в пространство, с самого начала. Он... погоди, я лучше объясню

тебе все по порядку...

Он отодвинул стул и стал расхаживать по комнате, объясняя и растолковывая, крича и размахивая для убедительности руками. Волгин знал, что ему удастся передать другим свою убежденность — тогда, когда она у него есть; но он знал еще и то, что убежденность, если даже вначале ее не хватало, приходила к нему именно в процессе разговора, в процессе убеждения других: прежде всего он как бы убеждал сам себя, другие же были свидетелями этого процесса и, раньше или позже, проникались его мыслями сами. Однако сейчас ему не требовалось доказывать что-то себе, и тем убедительнее казались его аргументы. Елена слушала, глядя куда-то вверх, словно не хотела, чтобы слова связывались в сознании с образом Волгина, а существовали бы лишь сами по себе: тогда к оценке их не примешивалась симпатия или антипатия, любое из чувств, которые она могла питать к говорящему.

Наконец он кончил объяснять; наступила пауза, Волгин все еще расхаживал по комнате, но все медленнее, точно гася инерцию, приобретенную во время длинного монолога.

— Это ты... сам придумал? — наконец медленно спросила она.

— Моя идея. И разработкой руководил я сам, конечно. Но вообще много народу работало: целый институт.

— Ты молодец, — искренне сказала она. — Честное слово, ты молодец, и я тебе просто завидую.

— Да ну, что там, — сказал он.

— Нет, я от души тебя поздравляю. Действительно, тебе удалось сделать много. И еще потому завидую, что тебя Земля не выбила из правильного ритма.

Она помолчала.

— Откровенно говоря, тогда... тогда я не ожидала от тебя такого.

— Да нет, — дурашливо сказал Волгин, — мы всегда рады стараться. Значит, получилось, ты считаешь?

— Без сомнения.

— Ну и чудесно. Значит, завтра экспериментируем.

Он произнес это как бы между прочим, как говорят о вещи, которая сама собой разумеется и не заслуживает специальных разговоров. Елена приподняла брови, потом улынулась.

— Ты все такой же хитрец, Волгин.

— Разве? — удивился он, весело улыбаясь и как бы показывая этим, что серьезный разговор окончен, и все,

что будет сказано впредь, следует воспринимать, лишь как шутку. Зато Елена перестала улыбаться.

— Ты хитер, — сказала она убежденно. — Потому что на самом деле ты отлично понимаешь, что признать твой успех — одно, а согласиться на твое предложение — совсем другое.

— Пусть. Но ты ведь согласилась, — сказал он, также перестав улыбаться.

— Тогда напомни, в какой момент это произошло. Напомни, потому что я, откровенно говоря, этого не припоминаю.

— Ну здравствуйте, — сказал он обиженно. — Ты все время слушала и кивала...

— Мне жаль было тебя прерывать. Ты рассказывал очень интересно, как и всегда... Но что касается меня...

— погоди, — торопливо прервал Волгин. — погоди. Наверное, ты не до конца поняла. Я тебе гарантирую — я гарантирую, понимаешь? — что твоему ребенку, стоит ему лишь вырасти, легко удастся сделать то, что не удалось тебе. Он будет чувствовать себя как дома там, где ты так и не смогла удержаться. Он пройдет по Вселенной...

— Нет, — сказала Елена. — Все это я поняла.

— Тогда в чем же дело?

— С чего ты взял, что я хочу, чтобы он прошел, как ты говоришь, по Вселенной? Чтобы он где-то там чувствовал себя как дома?

— Но ведь ты сама всю жизнь...

— Я. Но для него я не хочу этого. И прежде всего потому — но тебе не понять этого, Волгин, — прежде всего потому, что я не хочу с ним расставаться. Ни когда он будет маленьким, ни когда вырастет. Это будет самый близкий мне человек, и если он уйдет с той планеты, на которой вынуждена жить я, мне этого будет не вынести.

Волгин помолчал, ища возражений.

— Но ведь наши матери... — начал он.

— И нашим матерям было нелегко, они только старались не показать этого. Но от наших матерей это не зависело, хотя, вспомни, ни одна из них не уговаривала нас избрать эту стезю, они, наоборот, сопротивлялись, но пассивно, тихо, не желая сделать больно нам. Они предпочитали страдать сами. Я не могу ручаться: может быть, и он со временем изберет такой путь. Но я не сделаю ничего, совсем ничего, чтобы помочь ему в этом. Наоборот, скажу тебе откровенно: если я и тогда смогу как-то

помешать этому — я помешаю. Ты понял?

— Понять нетрудно, — проворчал он. — Значит, ты предпочтешь, чтобы твой потомок сидел на Земле, как лягушка в болоте, вместо того, чтобы стать человеком Дальней разведки?

Елена покачала головой.

— У тебя никогда не было детей, Волгин...

— Кто же виноват? — обиженно спросил он. — Когда могли быть, этого не хотел кто-то другой.

— Я тогда еще надеялась на то, что смогу возвратиться. Но больше не надеюсь. Да я ведь тебя не обвиняю; я говорю просто: у тебя никогда не было детей и ты не можешь понять, что значит — заранее обречь себя на разлуку с ними. Нет, не укладывается в голове. Молчи, что бы ты ни сказал, все будет напрасно.

— Ну пускай, я все равно скажу. Не было детей! Ну и что же, что не было? Для меня Витька — все равно что сын. Чудесный парень, и перспективы у него — великолепные, и, по сути дела, я ему дал все, он у меня вырос. Так вот я тебе говорю совершенно честно: если бы мне надо было расстаться с ним, послать его в Дальнюю, а самому остаться здесь — а ты ведь знаешь, что мне никуда уже не тронуться с Земли, для полетов я непригоден, — все равно, я отправил бы его, ни минуты не раздумывая, и только радовался, что ему выпала такая прекрасная судьба.

— Это слова. Что же ты его не отправишь?

Волгин усмехнулся.

— По одной простой причине: нет на свете человека, менее приспособленного к работе разведчика, чем Витька. Он, конечно, романтик, но по натуре своей — мыслитель, а не деятель. Может быть, и даже наверняка, сам он этого еще не понимает, но я-то ясно вижу. Для него космос исключается. Он проживет на Земле, его дело — наука, и когда я помру, он мне глаза закроет и продолжит дело даже лучше, может быть, чем я... Но я отправил бы его, ручаюсь. Веришь?

— Верю... в то, что ты так думаешь. Но, значит, я не могу хотеть, чтобы мне глаза закрыли?

— Ну... это ведь я сказал просто так, а ты всерьез: насчет смерти. Конечно, мы смертны... Но до того времени и твой успеет возвратиться на Землю в высоких академических чинах-званиях и останется при тебе навечно... особенно если встретит такую женщину, как ты сама, которая всю жизнь будет стараться быть от него на расстоянии...

— Опять ты говоришь лишнее... Нет, все равно ты не убедил меня. Давай побеседуем лучше о чем-нибудь другом. Было ведь и в моей жизни хорошее. Повспоминаем об этом.

Но Волгин не был расположен вспоминать: все летело кувырком, и завтра некого будет класть на стол, и не о чем будет говорить на обсуждении проекта «Рамак»... И снова потому, что эта женщина, как и всю жизнь, уперлась, закостенеела в желании сделать все по-своему, невзирая ни на какие аргументы... Что же, этого надо было ожидать; как же ты сразу не сообразил, Волгин: именно на нее твой дар убеждения никогда не действовал, ты просто упустил это из виду. И все же, другого выхода нет: она должна согласиться...

— Вспомнить, конечно, есть что, — сказал он. — Но только не знаю, так ли это будет приятно. Ведь, если говорить беспристрастно, вся моя жизнь заключалась в том, что я гнал-ся за тобой, а ты или ускользала, или подставляла ножку...

Елена подняла брови.

— Разве? Не припоминаю...

— Ты, наверное, и не замечала этого... Но вспомни: после того, как ты ушла, я тоже уехал... Бросил работу и уехал, и два года сидел у Ирвинга в лаборатории. Я без этого вполне мог обойтись, но хотелось быть подальше от тех мест — ну, от наших мест. И только потом удалось создать этот вот институт... Разве не так?

— Не знаю, я ведь не следила за тобой. И потом, ты врешь: вовсе не вся твоя жизнь заключалась в погоне за мной...

Волгин в глубине души и сам знал, что не вся; но сейчас ему было выгодно убедить себя в обратном.

— Мне видней. И вот сейчас... Труд десяти лет — десяти! — повисает в воздухе, потому что ты... Значит, опять по твоей милости я окажусь у разбитого корыта.

Елена помолчала.

— Не верю, чтобы обстояло так трагично...

— Я ведь тебе рассказывал: если завтра я не проведу начальный этап эксперимента, то Корн... Да нужно ли повторять! Словом, мне тогда одно останется: бросить все и идти — разве что в садовники куда-нибудь.

— Разве плохо? — сказала она, но в голосе ее не было насмешки: кажется, она задумалась, и Волгину показалось, что еще не все потеряно.

— Плохо, конечно, — мрачно продолжал он, — что от самого близкого человека получаешь такое... Что ж, видно, такова моя судьба. А ведь могло быть иначе...

Он сам не смог бы, при всем желании, отделить здесь святую правду от натяжек и преувеличений; сейчас ему казалось, что каждое слово — истина. А то, что она оставалась для него самой близкой — это уж наверняка была правда, и Елена это почувствовала. Опустив веки, она молчала, и по учатившемуся дыханию можно было понять, что какие-то мысли волнуют ее — только неизвестно было, что это за мысли. Потом она подняла глаза.

— Хочешь знать, почему тогда... почему я не осталась?

Волгин промолчал: вопрос был неожиданным.

— Потому что и тогда ты был таким же: эгоистичным, самонадеянным, думал в первую очередь о себе. И мне кажется — да нет, я уверена даже, — что и сейчас тобой руководит то же самое. Ох, эта твоя благополучная самонадеянность...

— Но на каком основании...

— На простом: опять твои собственные страдания — настоящие или предполагаемые — выступают на первый план. И опять ты забываешь обо мне, Волгин. И не хочешь понять одного: что если бы ты действительно... относился ко мне так, как говоришь, то ты бы согласился все перенести, лишь бы спокойна была я. Но ты неспособен на это...

К чертям, подумал Волгин. Все к чертям. Но ведь она не права! Не может быть, чтобы она была права... А что можно еще сделать? Не знаю. Хотя... Есть!

— Ладно, — сказал он. — Ты не веришь. Пусть, твое право. Но вот что я тебе скажу: во всем этом деле я-то и буду самой пострадавшей стороной, понятно? И вовсе я себя не жалею.

— Что-то я этого не заметила... — Елена прищурилась с подозрением.

— Ты же не дала мне договорить, — соврал Волгин. — Слушай: ведь от завтрашнего дня до того момента, когда он должен будет покинуть Землю, пройдет — ну, лет восемнадцать — двадцать, самое малое. Так?

— Наверное.

— Но ты ведь не думаешь, что в течение этих двадцати лет мы будем почивать на лаврах?

— Кто знает? Но, предположим, не будете.

— Значит, будем работать. А над чем? Скажу тебе по секрету, так и быть: ведь с детей мы только начина-

ем! В дальнейшем будем работать над все более взрослыми... ведь в принципе воздействие остается тем же, разница лишь в деталях, но уж коли в главном мы разобрались, то и в остальном разберемся. И вот, пока он будет расти, мы справимся и с этой задачей. А ты понимаешь, что это для тебя значит?

— Ну?

— Да то, что мы и на тебя воздействуем таким же образом, и ко времени старта — да нет, куда раньше! — ты будешь готова отправиться туда же, куда и он, осуществить то самое, что всю жизнь тебе не удавалось. Понятно? Представь себе, что не он один летит, а вы оба, и ты свободна от той тоски, которая столько раз заставляла тебя возвращаться с полдороги... Ну, как?

Если бы понадобилось, Волгин был бы готов поклясться, что тема эта уже включена в план института, и не чувствовал бы себя виновным во лжи, потому что уже завтра эта тема и вправду окажется в плане. Но клятвы не потребовалось; Волгин увидел, как в глазах Елены загорелся огонек, и облегченно перевел дыхание.

— Ну, Ленка, договорились?

— Мне надо подумать, — сказала она медленно. — Тут есть о чем подумать. Но я отвечу тебе завтра, рано утром.

Но теперь он был уже уверен в согласии.

— Ладно, думай. А я пойду пока, займусь своими делами. Но ты не думай особенно долго, лучше ложись поскорее спать. А наутро проснешься — и все станет ясным.

— Ладно. Иди, иди.

Он улыбнулся и помахал рукой.

— До завтра, — сказал он вполголоса, как бы расставаясь после любовного свидания и назначая новое.

— До свидания, — сказала она, глядя на него вдруг опустевшими глазами.

Волгин осторожно затворил за собою дверь и внезапно почувствовал, что страшно устал и что у него дрожат руки.

12

На свой этаж он поднялся на лифте и медленно пошел по коридору, приближаясь к лаборатории.

Это была не приятная физическая усталость — он даже забыл, когда испытывал ее в последний раз, — а тяжелая нервная усталость, когда не хочется ни работать, ни

отдыхать, когда требуется какая-то разрядка, но трудно представить, в чем она могла бы заключаться. Даже не усталость, а оцепенение, как после минувшей опасности. Да и то — опасность действительно была. Большая опасность. Если бы в последний момент спасительная мысль не пришла ему в голову, Лена не согласилась бы, и тогда...

Но мысль и в самом деле была неплоха. Даже не то, что неплоха, а просто необходима. Неизбежна. Она уже созрела где-то в подсознании и в любом случае всплыла бы на поверхность. Или упала бы, как созревшее яблоко. А сегодня оно еще не упало бы само, это румяное яблочко, но дерево потрясли (основательно потрясла его Лена!) — и плод не выдержал, свалился.

Опять тебе повезло: даже из неудачи — пусть частичной, пусть даже и не постигшей тебя, но назревавшей, — даже из неудачи ты смог извлечь что-то полезное.

Волгин почувствовал, что ему становится легче: он снова начал подчиняться самогипнозу, снова взошел на привычный мостик удачливого мастера. Но еще чего-то не хватало.

Он остановился около одной из дверей и постоял, размышляя. В этой комнате к нему иногда приходили удачные мысли.

Он вошел. В виварии был полумрак и, несмотря на кондиционирование, пахло, как полагается. Волгин уселся на диванчик. В углу снова завозились притихшие было коты. Они принялись ожесточенно грызть траву. Эти коты жрали только траву, невзирая на абсолютную к этому неприиспособленность. Чтобы чудачки не подошли, их приходилось подкармливать искусственно, это были пожизненные волгинские пенсионеры; наследственная память была из них выбита начисто и заменена другой.

Свирепо фырча, коты сцепились из-за какого-то, видимо, особо вкусного стебля. Нет, бойцовых инстинктов они не утратили. И никто не утратил, и человек не утратит. Но эти коты — как и все, с кем Волгин до сих пор работал, — были исправлены еще в материнской утробе. А если теперь попробовать еще раз повоздействовать на них? Хватит, поели они травки...

В самом деле. Взять вот этого скоррегированного кота, положить на стол и произвести все в обратном порядке. Ведь норма известна.

Конечно, ни удача, ни неудача здесь ничего не докажут. Хотя нет: удача докажет принципиальную воз-

мжность, и сразу станет ясно, в каком направлении работать. Неудача же будет означать лишь, что надо искать другой путь к той же самой цели. Но времени у нас хватит, найдем.

Итак, возьмем кота. Сейчас же; к чему откладывать то, что хочется сделать? Одного из вот этих. Или... Ксс!

Словно дожидавшийся этого зова, со стеллажа метнулся вверх Василий Васильевич, матерый котище. Он кинулся в воздух, передние лапы, словно крылья, захлопали, затрепетали... Но лапы — не крылья, когти не помогут взлететь высоко: кот тяжело грохнулся на пол и обиженно и хрипло мяукнул. Это повторялось уже в который раз, но не в его силах было перебороть привитое ему желание полета.

Волгин схватил его за шиворот. Вот с кого начнем, а то в один прекрасный день он и вовсе разобьется об пол: к сожалению, инстинкт, повелевавший приземляться на все четыре лапы, был котом утрачен... Тяжелый Василий Васильевич висел неподвижно, сохраняя солидность, да и не в первый раз уже его так таскали, привык... Волгин вошел в лабораторию и сунул кота в клетку; тот сейчас же улегся, обвил хвостом лапы. Волгин натянул халат, приготовил все для наркоза, позвал Витьку, но того не оказалось; Волгин пожал плечами и сделал все сам. Потом уложил кота на стол, называемый собачьим, нашел соответствующую карту, заложил ее в приемник cerebroпушки и подождал, пока аппарат настроился на нужные частоты. Волгин в это время соображал, с какой мощности начинать. Это был первый, черновой опыт, рассчитывать можно было лишь на интуицию, но и это уже не так мало.

Потом он надвинул экран, включил ток; когда Васькин мозг появился на экране, Волгин, меняя фокусировку, стал забираться все глубже, отыскивая нужный центр. С первого захода он не отыскал, усилил увеличение и начал сначала. Ага, вот он. Здесь все заложено. Мощность дадим пока... ну, хотя бы вот такую — он повернул лимб на несколько делений. И для начала сотрем все, что здесь записано. Выдержку побольше. Ну, начали.

Он включил ток, и только теперь почувствовал, что усталость окончательно прошла, потому что он наконец-то занялся своим настоящим делом, а не дипломатией и всем прочим. Время потекло быстро, как будто до конца открылся кран.

Несколько раз Волгин менял частоту и мощность. Потом сделал перерыв на несколько минут. Распятый и

пристегнутый к столу кот мирно спал и вряд ли ему снилось, что в судьбе его происходит крутой поворот.

Ну хорошо, все предыдущие записи мы стерли. Но память не может быть пустой. Сейчас мы попытаемся заполнить ее тем, что содержалось в ней до рождения, до начала работы с этим Василием. Его тогдашняя запись сохранилась, надо опять нанести ее, важно только угадать мощностъ и выдержку. Ну, рискнем. Где его карта? Витя!

Витьки все еще не было, и Волгин осуждающе покачал головой. Он принялся сам искать запись там, где, помнится, видел ее в последний раз, и не нашел. Сердясь он перевернул все и наконец нашел нужную катушку — не там, где когда-то видел ее, а на ее законном месте, в нужном гнезде. Он еще больше разозлился, теперь уже сам на себя, походил по лаборатории, чтобы успокоиться, потом заправил катушку и снова принялся за работу.

Когда он кончил, за окном было уже темно; день прошел, да и вечер, откровенно говоря, кончался. Он вызвал, кого следовало — пусть займется котом. Интересно, что получится; жаль, что узнать об этом можно будет лишь завтра, но предчувствие такое, что все окажется в порядке и, следовательно, принципиальная возможность влияния и на взрослые особи при помощи уже созданной аппаратуры будет доказана. Конечно, кто-то станет возражать: вы, мол, не привили ничего нового, просто стерли свою же запись, а извечные кошачьи инстинкты все время благополучно существовали под ней, и теперь всплыли на поверхность; это — одно, а что-то создать заново — совсем другое... Оппонентов, как всегда, будет предостаточно. Но и с ними мы разделаемся, важно быть уверенным самому.

Кота унесли. Теперь самое время продолжать работу, закончить всю подготовку к завтрашнему дню. Большой стол уже установлен, и следящая автоматика тоже. Однако все это предстоит еще опробовать. Сейчас неплохо было бы положить кого-нибудь на место подопытной, проверить, как работают все механизмы, системы, приборы... Ого, сколько еще работы! А Витька гуляет. Неужели его еще нет? Не может быть, чтобы он сегодня не зашел больше. Витька — не тот человек!

— Витя! — позвал Волгин. — Да где же ты пропал?

Ага, вот где: возможно, он сидит у психофизиков и дожидается, пока они изготовят карты с Лениными данными, для завтрашней работы. Если так — молодец парень.

Он позвонил к психофизикам. Витьки там не оказалось. Тем хуже для них: чтобы разговор не пропал зря, пришлось их выругать за то, что карты будут готовы только завтра, рано утром. Волгин выговорился, но легче ему от этого не стало: Витьки-то не было, а работать без него было непривычно, неуютно и вообще паршиво.

Волгин с досады удалился в свой кабинет и сильно хлопнул дверь. Тут с этой подготовкой он совсем ослабил вожди, все гуляют, когда и где хотят. И Витька — первый.

Ну подожди у меня, мушкетер. Хотел было я завтра поставить тебя рядом, чтобы смотрел и учился. А теперь посажу вон в ту кутузку, к стабилизаторам напряжения. И просидишь все время, глядя на вольтметры и покрикивая на автоматы, которые все равно стабилизируют без тебя. Весело тебе будет? А?..

Волгин прислушался. Что-то гудело в лаборатории. Нет, он пушку выключил. Кто же там возится?

Определенно Витька: пришел, прокрался и включил аппарат с таким видом, словно и не отлучался никуда.

— Виктор! — рявкнул Волгин. — Выключи машину и иди сюда!

Витька показался на пороге. Сейчас это не был ни граф Монте-Кристо, ни Ушаков, прославленный командор звездников. Это был просто Витька. Восемнадцати с половиной лет отроду, лаборант.

— Так вот, — сказал Волгин. — Слушай, какая мне пришла идея: после этого эксперимента сразу же займемся одной вещью...

Он стал рассказывать, как всегда увлекаясь. Потом внезапно умолк, глядя на Витьку: парень слушал внимательно, как всегда, но в глазах его было страдание, прямо боль. Такого не замечалось раньше.

— Ты что, — спросил Волгин, недоумевая. — Нездоров? У врача был?

— Здоров, — сказал Витька тусклым голосом.

— Тогда, может... — Волгин подбоченился, — может быть, тема разговора тебя не интересует?

— Интересует. Только...

— Ну, ну? Смелее!

— Мне над этой темой не работать.

— Это еще почему? — Это было так нелепо, что

432 Волгин забыл даже рассердиться.

— «Вега» уходит завтра, — несчастно сказал Витька и крепко сжал челюсти, — даже заметно было, как напряглись скулы.

— Что еще за «Вега»?

— Корабль Дальней разведки.

— Нет сейчас на Земле никаких кораблей Дальней разведки.

— Есть. «Вега» вне расписания, и пришла по заданию флота.

Но корабль-то их.

— Ну допустим, так. Но тебе-то что до этого? Ты-то, надеюсь, в Дальнюю не собираешься?

— Вот именно собираюсь, — сказал Витька.

— Ты? Прямо смешно...

— Что ж смешного?

— Да не возьмут тебя, как бы ты ни хотел. Не дорос. Да и что тебе там делать?

— Что все.

— Да ведь есть у тебя дело здесь, в институте. Не знаю, какого еще рожна тебе нужно.

— Это правильно, — согласился Витька. — Только вы-то сами там были?

— В Дальней? Был.

— Так что вы знаете, для чего работаете. А я?

— А что ты?

— Я там не был и не знаю.

— Ну если тебе так нужно, я могу рассказать...

— Нет, я сам хочу видеть.

— Ну... ладно, да тебе время — слетай на Луну, поживи, там у меня знакомые есть; там все увидишь: что Луна, что любая планета за тридевять систем — все равно.

— Наверное, не все равно, — рассудительно сказал Витька, — раз с Луны никто не уезжает, а с дальних станций...

Волгин вздохнул и пожал плечами.

— Ладно, может быть, в чем-то ты и прав, подумаем на досуге. Но сейчас в Дальнюю тебя не возьмут. Может, хочешь зайцем улететь? И не пытайся: нынче такие номера не проходят. Хотели бы тебя взять, у меня спросили бы: для них я не чужой человек. Просто тебе кто-то задурил голову, а ты...

— Меня взяли, — сказал Витька. — Самый главный их взял: представитель Звездного флота. Он еще сегодня утром к нам приходил, хотел вас увидеть...

— Что же, он насчет тебя, что ли, хотел говорить? Что ты за персона, что даже в Дальней разведке известен?

— Нет, я сам его попросил.

— Ага, — сказал Волгин. — Ты попросил, он согласился... все понятно, все очень просто. Как в сказке.

Он умолк и зашагал по кабинету из угла в угол, заложив руки за спину. Витька сидел, глядя вдаль и, наверное, уже представлял себе, что оказался в Дальней разведке.

Рано размечтался, милый. Рано. Да. Но кто бы мог подумать...

И вдруг странная мысль пришла Волгину в голову, так что он даже остановился с ходу, словно налетев на стол. Всего несколько часов прошло с тех пор, как он, Волгин, сказал Елене: если бы потребовалось, отпустил бы Витьку, как бы это тяжело ни было. Но не получилось ли так, что Витька после этого увиделся с Еленой, и она, желая проверить, испытать искренность Волгина, уговорила мальчишку, и он в самом деле воспылал желанием? Конечно, можно сказать ему категорически: никуда не поедешь, я буду протестовать, я сделаю так, что Дальняя откажется... Можно. И можно в самом деле добиться того, что никто его не возьмет: доказать хотя бы, что Витькино участие в важнейших экспериментах просто-таки необходимо. Все это возможно; но если завтра Елена небрежно осведомится о том, к какому же решению пришел Волгин по этому поводу, и если она узнает или поймет (а она и узнает, и поймет), что Волгин не только не согласился, но всячески противодействовал этому, то ее участие в эксперименте будет наверняка исключено. Да, именно так: не зря же она сказала, что будет думать до завтрашнего утра...

Нет, ломиться напрямик нельзя.

Но и оставить так нельзя: трудно себе представить, как он будет обходиться без Витьки. Конечно, он говорил Лене; но это была, так сказать, риторическая фигура, этого не следовало понимать буквально...

Волгин почувствовал, что от презрения к самому себе на душе становится мутно. Однако презирай, не презирай себя, это ничего не меняло, и просто так, сразу, отказаться от Витьки он не мог. Столько труда вложил Волгин в этого парня, столько идей высказал ему — в первую очередь ему! — столько надежд связывал с ним — видел его наследником научного, интеллектуального имущества (Волгин хотел было добавить «и морального», но отчего-то запнулся даже в мыслях), — и вдруг

ни с того ни с сего послать этого мальчишку в Дальнюю, а что такое Дальняя, Волгин знал, и не ведать,

дождешься ли его оттуда: Дальняя — не на месяц и не на год, а на годы, а то и навсегда. Как у Маркуса, у Бухори...

Нет, Витька не уйдет. И не уйдет — по своему желанию. Сам не захочет. Или... или заболеет. Тяжело. Надолго? Нет: «Вега», по его словам, стартует завтра, а уж когда она отчалит, ее не догонишь. То, что корабли Дальней приходят на Землю нечасто, имеет, оказывается, и свои хорошие стороны... Все очень просто: для начала...

Для начала он подошел к интеркому.

— Как там наш Василий?

— Спит, — ответили ему. — Просыпаться не собирается.

— Ясно. А состояние?

— Показатели в норме.

— Ну, замечательно, — сказал он, кончая разговор.

Значит, как пока можно судить, вмешательство никакого вреда коту не причинило. Конечно, это еще не значит, что не причинит и человеку. Но ведь здесь речь идет не о столь грубом вмешательстве, а лишь... Лишь о чем? Нет, на болезнь решиться трудно. Не надо: она и сама по себе опасна, даже без вмешательства. А вот чуть-чуть пройтись резилочкой по памяти, не по врожденной, а по приобретенной, по самым верхам, чтобы только память сегодняшнюю стереть — и все в порядке. Парень проснется, не помня о Дальней ничего. А уж Волгин позаботится, чтобы никто не смог напомнить ему... Работа предстоит не то что ювелирная — ювелир тут покажется каменотесом, — но не работы же бояться Волгину!

— Ну ладно, — сказал он мирно. — Поспорили, и хватит. Хочешь в космос — мотай. Дуй, дуй, возражать не стану. Но сегодня-то еще поработаем?

— Ну конечно, — радостно сказал Витька.

— Испытаем стол, погоняем аппаратуру...

Витька кивнул. Они вышли в лабораторию. Стол стоял на своем месте, неуклюжий конус нависал над ним, толстые кабели тянулись от него к решающим устройствам, скрытым за облицовкой стен. Витька ждал распоряжений, в его глазах была готовность сделать все — и в благодарность за волгинское решение, и потому, что в последний раз... Волгин не стал смотреть Витьке в глаза. Он деловито заложил в приемник Витькины карты, захлопнул крышку и сказал:

— Сначала проверим точность углубления, остроту, фокусировку...

Это и в самом деле надо было проверить: собачий стол давно отрегулирован, а этот — новый.

— Я лягу, — сказал Витька.

— Ложись.

Захваты туго, как полагается, обхватили Витьку, зафиксировали его положение так, что он при всем желании не смог бы пошевелиться. Так и полагалось. Волгин отошел к пульту.

— Не бойся: я вхолостую.

— А чего мне бояться, — сказал Витька. — Я же не женщина, у меня все равно никто не родится.

Он засмеялся, и Волгин заставил себя улыбнуться. Затем накатил экран и включил. Мозг. Глубже. Левее, левее... сейчас совпадет с картой этого уровня, с ответной... стоп!

Но конус и сам остановился, как только отметка совпала.

Волгин взглянул на Витьку. Парень смотрел наискось — в потолок, моргал и улыбался. Думал он явно не об эксперименте, и это придало Волгину решимости, которую он уже начал было терять.

— Значит, так, — сказал Волгин и протянул руку к выключателю конуса.

Что позади открылась дверь, он даже не почувствовал, а увидел всю спиною, и обернулся, радуясь возможности излить на кого попало всю наконец-то вскипевшую в нем ярость.

— Кто смеет во время эксперимента... — начал он высоким, резким голосом, указывая пальцем на дверь, пока речь еще не успела дойти до этой, заключительной части. — Кто...

Вошедший остановился, но не испугался, а сказал:

— Это я.

13

Ветер размашисто бил в окна, и упругие стекла едва слышно гудели. Волгину захотелось распахнуть рамы и впустить в комнату этот мощный и дружеский ветер. Но все окна были сейчас намертво заблокированы; чтобы кому-нибудь, по рассеянности, не вздумалось полететь в такую погоду.

А ветер был нужен, потому что, как припомнилось вдруг, они никогда не разговаривали в тишине, в покое. За бортами кораблей, за непроницаемыми колпаками разведывательных станций когда-то бушевали ураганы иных планет. Но здесь была Земля, да и другими были их личные эпохи.

— Я не видел тебя сто лет, — сказал гость. — Или больше?

Волгин шагал по кабинету, беря и вновь ставя на место разные ненужные безделушки: устарелый микрофильмоскоп, кусок озодиона с Пенелопы, древний индикатор связи... Волгину всегда было жаль расставаться с привычными вещами и, по мере появления новых, они переселялись на специально для этого предназначенный столик в углу. Иногда ему нравилось перебирать их и вспоминать то, что было связано с каждой вещью. Например, кусок озодиона до сих пор сохранил странный запах планеты...

Волгин осторожно положил его на место, и мускульное ощущение подсказало ему, что когда-то это уже было: и они вдвоем, и это осторожное движение руки с камнем, и ветер, отступающий и с разбега снова таранящий прозрачную стену... Волгин отрицательно покачал головой и тотчас же вспомнил: да, было. На Галатее, в пятьдесят пятом году, то ли в пятьдесят шестом. Бесновалась песчаная буря, и надо было в конце концов разобраться с предположением о наличии в этом песке особых форм бактериальной флоры, активной именно в песке и именно в летящем. Она пожирала все металлопласты, в состав которых входил ванадий. После каждой песчаной бури все детали из этого материала наперебой вылетали из строя, хотя сам по себе песок при любой скорости не мог бы одолеть их: на борьбу с ураганным песком металлопласты и были рассчитаны.

Обнаружить эту микрофлору можно было, лишь выйдя из станции во время бури. Маркус первым решился на этот сумасшедший, никем не разрешенный опыт — и не вернулся. Искать его было бесполезно, но Волгин все же повторил опыт и даже пытался объединить его с поисками. Волгину повезло куда больше: буря улеглась, когда не прошло еще и двух часов с момента его выхода, и его нашли в изъеденном скафандре, но еще дышавшего — правда, воздухом Пенелопы, что уже само по себе здоровья не прибавляло. Этим и завершилась для него работа в Дальней разведке, как и любая другая работа вне Земли. Да и на Землю он тогда только чудом возвратился. Так это было, да... Но работа нашлась и на Земле, страсть к рискованным экспериментам не прошла. А о том, что никакой микрофлоры не было, а были реакции, протекавшие в ураганном песке вовсе не так, как в лаборатории, Волгин узнал гораздо позже из краткого сообщения, где даже не было

сказано, кому из химиков это удалось установить, Маркус тоже был химик. Но он не вернулся.

— Давно это было, — сказал Волгин.

— Давно, — согласился Маркус. — И, кстати, не совсем точно. Мне как раз повезло больше: я сразу угодил в щель, и потом меня оттуда спокойно вытащили. Но ты этого уже не видел. Я, конечно, перетрусил, но в щели было очень удобно заниматься проверкой этого предположения, чем я и развлекался... Не страйся с тобой беды, ты не хоронил бы меня даже мысленно.

— Но как могло получиться, что за все эти годы я ничего не слышал о тебе? Я ведь так часто вспоминал...

— Не сомневаюсь в этом. Но, по-видимому, на все есть причины; наверное, тебе хватало воспоминаний и уверенности в том, что все произошло именно так, как тебе представлялось.

— Откровенно говоря, мне не очень хотелось растравлять рану.

— Это одно и то же. А что касается нас, то мы нашли твой след не сразу: в первое время пребывания на Земле ты не сидел на месте. И еще одна причина была...

— Интересно...

— Эти первые годы были у тебя, мне кажется, счастливыми.

— Ты говоришь о Лене?

— Ты догадлив.

— Да, это были хорошие годы.

— Тем хуже казались они мне, Волгин. Видишь, я не скрываю.

— Вот что, — протянул Волгин. — Впрочем, я всегда догадывался...

— Всегда — в этом я сомневаюсь. Но к чему этот разговор?

— Пожалуй, ты прав... Значит, ты до сих пор в Дальней?

— Я до сих пор в Дальней.

— Видимо, я забываю голоса. Даже твой, хотя его-то, казалось, не забуду никогда.

— С голосом — не твоя вина. Кое-что у меня было попорчено, мне подремонтировали. Разведчики нашего возраста часто состоят наполовину из протезов.

— Но душа остается той же.

— Да, ум и сердце.

— Куда вы сейчас забрались? Вести от вас приходят

— Забрались? Далеко. А ты?

— Я тоже не терял времени.

— Твой парень рассказывал. Да, в общем, мы все время в курсе дела. Что мы были бы за разведчики, если, уходя вдаль, теряли бы из виду свою планету? Помнишь: «Дальняя разведка — не профессия, даже не призвание; это — форма жизни». И в этой жизни полагается помнить о друзьях.

— Ладно, вот, кстати, о парне: ты забираешь его? Почему, зачем?

— Пусть он увидит это, пусть поживет там. Тогда он сможет решить, должен ли и вправе ли он делать то, к чему ты его готовишь.

— А у тебя, например, разве возникают сомнения в необходимости того, чем я занимаюсь?

Голос Волгина напрягся; Маркус улыбнулся.

— Нет, я не сомневаюсь.

— Вот видишь!

— Подожди. Я не сомневаюсь в том, что это просто-напросто не нужно.

Волгин помолчал. Потом переспросил:

— Ка-ак?

— Не нужно, друг мой. Это лишнее.

Волгин усмехнулся.

— Ну да, я и забыл... Утром я нечаянно слышал ваш разговор; ты стал приверженцем рамаков, конечно.

— Ничуть. Я им не симпатизирую. Нет, совершенно серьезно.

— Но в таком случае я не понимаю...

— Сейчас поймешь. Конечно, человеку, летавшему столько, сколько пришлось любому из нас, не хочется уступать место каким-то гомункулам, как бы они ни были совершенны, тем более что я абсолютно уверен в том, что мы и сами, без них, справимся с задачей.

— Так же и я считаю. Но...

— Помолчи, дай досказать. Да, здесь мы с тобой солидарны. Но разве то, что исповедуешь ты, не тот же рамакизм — только под другим соусом?

Поджав губы, Волгин отрицательно покачал головой.

— Ты просто не понял, Маркус.

— Я отлично понял, а вот ты, боюсь, не сознаешь всего. Мы с тобой в принципе не хотим рамаков потому, что они не люди. Так?

— Ну правильно.

— А те, за кого ратуешь ты, они будут людьми?

— То есть как?

— Что такое человек? Это, я думаю, не только внешность, и не только физиологическое тождество с нами. Человек — это сумма всех качеств, и физических, и психических, и в том числе тех, которых ты хочешь его лишиться: той же унаследованной памяти, памяти предков. Той же тоски по Земле, короче говоря. Ты отнимешь эту тоску, эту любовь к своей планете, к своим корням. А ты представляешь, что останется? Я — нет, и ты тоже не знаешь, и даже лучшая из наших машин не даст тебе точного предсказания. Но уже сейчас можно сказать одно: это не будут люди. Так при чем тут, Волгин, твоя забота о людях, если ты уже в самом начале хочешь освободиться от них и действовать при помощи кого-то другого — тоже, быть может, рамаков, только не кристаллических, а человекоподобных? Боюсь, что поиск слишком увлек тебя и ты перестал думать об остальном.

— А я боюсь, что это ты забираешься куда-то, слишком уж далеко. И, скажу откровенно, от тебя меньше всего ожидал этого. Потому что кто-кто, а ты-то знаешь, во что иногда обходится освоение космоса людьми, со всеми их слабостями, с этой самой тоской, со следующей за ней неуравновешенностью, со всем тем... Да что говорить! Я думаю прежде всего о завоевании космоса, которое становится все более неотложной задачей, а ты...

— Погоди. Ты думаешь о завоевании космоса, очень хорошо. Но для чего?

— Для чего я думаю?

— Не хитри.

— Я-то не хитрю. Но вот ты, я вижу, стал настоящим ора-
тором.

— Да, мне доставляет удовольствие слышать свой голос. Тот, которым наградили меня медики. Приятный тембр, правда?

— Исключительно.

— Но давай уж договорим до конца. Ты не ответил мне: для чего же, по-твоему, само завоевание космоса?

— Ну, ясно же: для расселения, для распространения...

— Так отвечают в школе. Но не кажется ли тебе, Волгин, что завоевание космоса в первую очередь нужно для того, чтобы человек все больше очеловечивался? Что-

бы, в непрерывной борьбе с самим собой в первую очередь поднимался все выше? Ведь, когда мы думаем, что боремся с природой, мы в первую очередь все равно боремся с собой — за себя: со своей ленью и трусостью, нерешительностью и отсутствием организованности, и неумелостью, и отсутствием подлинного коллективизма, и еще многим... Преодоление всего этого достается нам нелегко; но, преодолевая каждый из этих недостатков, мы приобретаем новые, неисчезающие моральные ценности, мы становимся выше самих же себя — вчерашних. А что приобретет человек в результате того, что минуту или час полежит под твоим аппаратом? Ты хочешь отнять у него память предков, так? Браво, Волгин, великий ученый! А потом тебе покажется, что надо отнять и его личную память — если она вдруг в чем-то начнет мешать.

Волгин закашлялся.

— А потом придет чья очередь? Совести? Любви? Нет, куда Корну с его рамаками до тебя, Волгин! Он хоть, не мудрствуя лукаво, преподнес нам кристаллический мозг, а ты куда хитрее...

Волгин молчал, опустив голову; в мозгу не было ни одной мысли, только обида и боль. Через несколько секунд он поднял глаза.

— Да... С тобой — воображаемым я беседовал не так...

— Боюсь, ты чересчур идеализировал меня — мертвого, — засмеялся Маркус, и в смехе его проскользнуло что-то от прежней, каркающей манеры. — Ничего не поделаешь, тут я подвел тебя.

— Ничего, — сказал Волгин. — В конце концов, это всего лишь твое личное мнение. Ты не можешь запретить мне работать, не в силах зачеркнуть труд десятилетия. Говори, говори! Но через несколько часов сюда придет человек...

— Говори уж прямо: придет Лена... Но она не придет.

Волгин сжал кулаки.

— Ты и здесь?..

— К тебе я пришел от нее. Она не придет, Волгин, и не придет никто. Против твоего эксперимента не только я: против Дальняя разведка, и ты знаешь, что в этом случае ее мнение будет решающим.

— Быстро ты успеваешь... — хрипло выдохнул Волгин.

— Нет, тебе кажется... Правда, из-за этого мне пришлось прибыть на Землю раньше, чем было предусмотрено, и даже поторопить рамакистов с их испытанием. Но я

торопился именно из-за тебя: мы все узнали своевременно, пространство — великолепный проводник новостей. И я хотел сказать тебе об этом еще утром.

— Ну ладно, — сказал Волгин. — У тебя все?

— Да, как будто.

— Тогда уходи. Не хочу тебя видеть.

— Невежливо. Но я-то хочу видеть тебя. Хочу посидеть, вспомнить многое, может быть, ты даже угостишь меня чем-нибудь — мне позволено в пределах одной рюмки. Я бы, например, вспомнил жизнь на Протее, с его взрывчатой атмосферой.

Как ни было Волгину тяжело, он улыбнулся.

— Мы были беспомощны, как щенята.

— Правда? А около звезды Толипа...

— С ее пульсирующим тяготением? И тогда мы еще не-многого стоили. И на Афродите тоже. А планета была прекрасна...

— Вот видишь, и ты начал вспоминать. Но все же мы кем-то стали, правда? Стали лучше и умнее, чем тогда. Это далось нам нелегко. Но ведь, если бы далось легче, мы быстрее потеряли бы все приобретенное. Ты согласен?

— Тебе бы женщин уговаривать...

— Увы, ты помнишь, как я стеснителен. Так ты дашь рюмку?

— А институт? Столько людей, такие замыслы, все на ходу, в высшей точке подъема — и вдруг кувырком вниз...

— Я и не говорю, что тебе и всем вам будет легко перенести это. Но ты умен, ты найдешь выход, найдешь новое направление.

— Итак, я для тебя оказался врагом номер один. И ты прикончил меня, а рамаки завтра пройдут испытание, и ты, именно ты, увезешь их в космос и там выпустишь...

— Ну, поживем, увидим. Что это? Ого, ты стал гурманом... Хватит. А что касается рамаков, то, поскольку завтра ты свободен, пойдем на испытание вместе. Как-никак, ты тоже — из Дальней разведки. Пойдем поглядим... Твое здоровье, корифей.

14

— Я бы хотел узнать, — вежливо произнес Корн, — есть ли у вас претензии к первой части испытаний.

— Нет, — сказал Маркус. — С постройкой станции ваши подопечные справились очень хорошо. И значительно быстрее, чем мы. Воспроизводство также прошло нормально.

Он еще раз обошел прозрачный купол станции, внимательно разглядывая его. Корн и его инженеры тянулись за Маркусом, как королевская свита. Волгин остался на месте; ему было и смешно, и грустно.

— Образцы материала посланы на анализы? — спросил Маркус, оборачиваясь.

— Разумеется, — сказал Корн. — Ответ мы получим приблизительно через час.

— Тогда не будем ждать результатов. Пусть начинают вторую часть. Как она у вас называется?.. — Он зашелестел бумагой.

— Рамаки в самостоятельной, не связанной с людьми деятельности, — подсказал Корн.

— Вот именно... Да, станция хороша, в такой можно отсиживаться бесконечно. Кое-что мне, правда, неясно: назначение этого кольцевого барьера внутри...

— Мне тоже, — сознался Корн. — Но, я думаю, мы попросим объяснить того рамака, который будет руководить второй частью испытаний. Ведь, так или иначе, без объяснений мы не обойдемся: нам и самим неизвестно, как представляют себе рамаки свою будущую деятельность.

— Что же, — согласился Маркус, — пусть объясняет.

— Вы разрешите начать?

— Сделайте одолжение.

Корн дал сигнал. Рамаки один за другим скользнули в дверь построенной ими станции и заняли места внутри кольцевого барьера. Там оказалось ровно столько места, сколько было нужно им, чтобы разместиться. Лишь в середине осталось свободное пространство — по-видимому, для последнего, который сейчас неторопливо приблизился к людям.

— Здравствуйте, люди, — приятным голосом произнес он. — Я здороваюсь с вами в последний раз: испытание закончится, и мы начнем ту деятельность, для которой оказались наиболее приспособлены. Но, чтобы у вас не возникали вопросы, могущие остаться без ответа, постараюсь объяснить вам то, что вам предстоит увидеть.

— Академическое вступление, — проворчал Маркус, Корн лишь улыбнулся.

— Как видите, мы заняли наши места. Сейчас я присоединюсь к остальным, и все окончится — и все начнется.

Мы долго размышляли над тем, в чем наша сущность. И, подобно вам, пришли к выводу, что основное

в нас — не различные хитроумные приспособления, которыми вы нас снабдили, а разум. Это — основное оружие для того, что мы должны делать: для познания мира.

Однако познавать можно по-разному. Можно расходовать время и энергию на полеты к планетам, и там заниматься постижением вещей и их связей. Так поступаете вы; но вас гонит не только разум: вас толкают на это эмоции, те эмоции, которых мы, как я полагаю, лишены. Мы без труда могли бы выполнить это ваше пожелание. Однако из бесед с некоторыми людьми, а также при помощи рассуждений мы сделали вывод, что, рассеиваясь по Вселенной, мы столкнулись бы со множеством осложнений, нежелательных не только для нас, но и для вас. А мы искренне благодарны за то, что вы послужили фундаментом для нашего возникновения.

С другой стороны, мы убедились и в том, что нам доступно познание исключительно при помощи разума: имея достаточно исходных данных, мы можем, не трогаясь с места, приходить к правильным выводам, справедливым как качественно, так и количественно. Иными словами, нам незачем лететь куда-то для выполнения своего предназначения. Ведь Земля — тоже планета, и она ничем не хуже других.

Поэтому мы останемся здесь. Сейчас я войду, и мы закроем станцию навсегда, и, соединившись, образуем один громадный мозг с единым ходом мысли. Если бы мы обладали эмоциями, я сказал бы, что это — наслаждение, недоступное вам, людям.

Мы не будем мешать вам. Мы будем мыслить, и только. Надеюсь, что и вы не станете беспокоить нас; это не только было бы чревато последствиями, но и просто невозможно: наша постройка достаточно надежна, она способна противостоять всему.

Мне кажется, я объяснил достаточно подробно. Мы начинаем действовать. Вы же можете смотреть на нас до тех пор, пока не признаете это занятие излишним.

От имени рамаков говорю вам, люди: прощайте...

Шуршание диагравиионного двигателя рамака усилилось. Скользя низко над землей, он направлялся к станции. Никто не сделал попытки помешать ему. Рамак вплыл в дверь. Она закрылась за ним. Сверкнуло пламя: рамак заваривал швы.

— Я не понимаю, простите, — пробормотал Корн.

— Ну что же, — сказал Маркус. — Испытание можно полагать оконченным. Думаю, что протокол не обя-

зателен: желающие убедиться всегда смогут найти их на этом самом месте.

— Нет, — сказал Корн. — Я не могу согласиться...

— Что от этого изменится? К ним не пробиться, они правы; разве что лишить их энергии? Но это невозможно; вы знаете это лучше меня.

— Вы, кажется, ничуть не удивлены? — заметил Корн.

Маркус помолчал, глядя, как рамак, завершив работу с дверью, устраивается в самом центре своего государства.

— Признаться, — сказал представитель Звездного флота, — я ожидал чего-то подобного.

Волгин невежливо засмеялся. Маркус взглянул на него.

— Нет, как видно, никто не снимет с нас, людей, этой тягости: завоевывать мировое пространство. И я вынужден спешить: корабль ждет меня.

15

Они стояли там, где обычно прощаются с улетающими. Волгин мог бы пройти к самому кораблю, но не захотел.

— Ну, — сказал Маркус, — до следующего свидания.

— Бывай. Приехал, увидел, все перевернул — и убегаешь...

— Нет, я послужил, как ты знаешь, только рупором Дальней — в отношении тебя. Что же касается рамаков, они решили все сами. А ты не вини, пожалуйста, ни в чем Лену. Она мне не жаловалась.

— Я и не думаю.

— Кстати, как тебе мои цветы?

— Так это твои? Вот что, оказывается... Цветы хорошие.

— Правда? Очень рад, я ведь в них ничего не понимаю.

— Постой, постой... — пробормотал Волгин, краснея. — Лена прилетела, чтобы говорить с тобой, значит, это ты...

— К сожалению, нет. Я ведь только Маркус, со мною лишь советуются — лично или мысленно... Ну, вон идет твой парень, а мне тоже пора.

Волгин отвернулся, чтобы встретить подходившего Витьку. Парень был грустен и весел одновременно и старался держаться так, как, по его мнению, подобало дальнему разведчику.

— Мне, оказывается, еще год придется провести в тренировочных лагерях, — сказал он с ноткой обиды в голосе.

— Все равно, — утешил Волгин. — Это не на Земле.

— Проводили бы меня до лагерей...

— Долгие проводы — лишние слезы, — сердито ответил Волгин. — А в лагеря меня все равно не пустят. Мне, уважаемый, планету покидать запрещено.

— Ну да, — сказал Витька. — Здоровье...

— При чем тут здоровье? — возразил Волгин. — Просто я очень нужен на Земле. — Вздыхнув, добавил: — Но ты-то здоровье береги.

Они помолчали, не зная, что еще нужно сказать. Потом Волгин вздрогнул, услышав позади знакомый голос; она разговаривала с Маркусом. Волгин заставил себя не прислушиваться. Еще через минуту Маркус торопливо подошел и, встав на цыпочки, расцеловал Волгина.

— Вот теперь — окончательно, — сказал он. — Ты не умолкай. Мы и так будем видеть тебя, однако не умолкай. Это было бы просто невежливо.

— Конечно, — сказал Волгин. — Это тебя зовут?

— Да, пора. И так я тут потерял кучу времени... В общем, ты все-таки не зря живешь, разведчик.

— Утешаешь?

— Утешаю. Что же, иногда и это нужно. Работай и думай. А лучше: сначала думай, потом... ну, дэ-дэ.

— Дэ-дэ, — откликнулся Волгин.

— Дальней дороги, Лена, — крикнул Маркус, закашлялся, схватился за горло и побежал к машине. Витька последовал за ним, на бегу он оглянулся и помахал рукой.

Лена подошла к Волгину, и он опустил голову. Но глаза его все так же оставались прикованными к машинам. К последней, к которой сейчас приближался Маркус. Потом привычный звук сирен разнесся над полем. Он пролетел трижды, затем включились двигатели.

Волгин долго стоял, глядя туда, где еще недавно возвышались корабли. Эти суденышки перевезут людей на обращающуюся вокруг Земли «Вегу», которая после этого возьмет курс туда, где, далеко, очень далеко от Солнечной системы, помещалась теперь центральная база Дальней разведки. Это будет дальняя дорога; та самая, которую принято желать друзьям.

Когда он обернулся, на опустевшей площадке не осталось никого. Только Лена стояла рядом.

— Я виноват перед тобою, — сказал Волгин. — Я

обещал... а оказалось, что этого вовсе не нужно.

— Маркус счастливый, — сказала она. — Он улетел... Чем ты будешь сейчас заниматься?

— Не знаю... Но мне больно, что я не смог помочь тебе хотя бы так, как умел. А по-другому я не умею. Ты ведь знаешь — если разобраться, то никогда не умел...

Она покачала головой: как и всегда, об этом не надо было вспоминать.

— Понимаю, — грустно усмехнулся Волгин. — Ответ все тот же... Тяжело временами, но я привык.

— Разве? — спросила она и чуть улыбнулась.

— Если нет, то начну привыкать... рано или поздно.

— И все же, ты мог бы мне помочь.

— Как? — Волгин поднял голову.

— Ты дал мне новую надежду... и я не хочу расставаться с нею так скоро. Вообще не хочу расставаться. Я согласна с Маркусом, что так, как хотел ты, нельзя; но, может быть, можно как-то по-другому? Чтобы не нарушать ничего, не уничтожать ничего, и все-таки сделать по-своему. Можно?

— Не знаю, не представляю себе.

— Но ты подумай об этом! Может быть, не обязательно проникать в мозг твоей электронной иглой... Может быть, что-то совсем другое нужно человеку, чтобы он мог найти самого себя, а найдя — никогда уже не выпустить из рук. Сумей это, Волгин. Ты же сможешь, если только захочешь. Вас много, целый институт таких умных ребят... Спроси их; до сих пор ты ведь не очень-то их спрашивал. Кто-нибудь подскажет... Ну хотя бы для меня.

Волгин очень серьезно взглянул на нее.

— Я все сделаю для тебя. При одном условии: чтобы ты была поблизости. Чтобы я не забывал, для кого делаю... — Он помолчал, глядя в небо, потом покосился на Елену. — Иди ко мне лаборанткой. Вместо Витьки. Хочешь?

— Это тебе поможет?

— Да.

— Я подумаю, — нерешительно сказала она. — Подумаю.

Волгин грустно усмехнулся и стал насвистывать какую-то протяжную мелодию.

— Ты грустишь?

— Есть основание: я, кажется, всерьез остался один. Даже Витька ушел; а тот, кого родишь ты, кто мог бы возглавить следующее поколение, поколение новых людей, — он пойдет, как видно, другой дорогой.

— Пусть, Волгин, пусть идет какой захочет, — лишь бы она была дальней.

— Может быть, ты и права. Но мне от этого не становится легче, потому что в одиночестве, кажется, я не смогу сделать больше ничего. Пойдем, видишь — из шахты поднимают новый корабль. Начнется посадка, провожающие будут плакать, и как бы я не последовал их примеру.

— Ты говоришь об одиночестве. А друзья? Пусть далеко, но они все же есть.

— Друзья... Они добры, но иногда кажется, что они топчут тебя ногами и жгут на костре.

— Нет, — сказала Елена. — Это они месят твою глину и обжигают ее, чтобы ты стал твердым, и звенел бы чисто, и не раскисал в непогоду. Позови их — и они придут.

— Вот я зову тебя, — проворчал Волгин. — Что толку?

— Пошли, — сказала Елена. — Нам пора.

ЧЕРНЫЕ ЖУРАВЛИ

1

Пространство было бесконечно.

Обманчиво представляясь наивному глазу пустотой, на деле оно кипело сгустками, разрежениями и завихрениями полей, незримо изгибалось вблизи звезд и облегченно распрямлялось вдалеке от них, подобно течению, минующему острова. В этой вечно изменчивой бескрайности корабль становился неуловимым.

Вытянутый и легкий, окрыленный выброшенными далеко в стороны кружевными конструкциями, он вспархивал — летучая рыба мироздания — над грозными валами гравитационных штормов, способных раздробить его, швырнув на невидимые рифы запретных ускорений. Он тормозился и разгонялся вновь, он окутывался облаком защитных полей — уходил, ускользал, увертывался — и продолжал свой путь, и его кристаллическая чешуя тускло отблескивала в рассеянном свете звезд.

Впрочем, пространство нередко бывало спокойным. Внутри же корабля покой царил почти всегда. Даже когда машина пробивалась сквозь внешний рукав субгалактического гамматечения, и стрелки приборов гнулись на ограничителях, словно пытаясь вырваться из тесных коробок и спастись бегством, а стремительные токи, перебивая друг друга, колотились в блестящих артериях автоматов, — даже в эти часы в рубке, салоне и каюте было тихо и уютно. Желтые и зеленые стены отбрасывали мягкий свет, а голубой потолок излучал веселое спокойствие. Такое спокойствие вошло в уверенную привычку двух человек, населявших корабль, потому что младший из них вряд ли догадывался, чем угрожали здесь бури, старший же представлял все очень хорошо, а спокойствие дается только одним из этих полюсов знания.

Казалось, была тишина. Приглушенный аккорд, слагавшийся из голосов множества приборов и аппаратов, которые обладали каждый своим тембром и высотой, более уже не воспринимался притерпевшимся слухом. Он проникал в сознание, лишь когда раздавался фальшивый звук, означавший внезапное изменение режима. Чаще всего такое изменение бывает связано с опасностью.

2

Один из приборов оборвал вдруг свое бесконечное «ля».

Он умолк, словно у него кончилось дыхание. Затем начал снова; но на этот раз вместо протяжной песни из узкой прорези фонатора просыпалась горсть коротких, рубленых сигналов. Как если бы прибору надоело петь, и он решил заговорить, еще не умея произносить слова. Торопливые звуки катились по рубке, из-за своей необычности сразу становясь слышимыми. Они набирали высоту и через несколько секунд уже достигли верхнего «до».

Эти несколько секунд были наполнены движением.

Сидевший в удобном кресле за ходовым пультом старший из двоих, казалось, дремал. Но реакция у него была великолепной. Младшему события вспоминались потом в такой последовательности: сначала капитан пригнулся, мгновенно став похожим на подобравшуюся перед взлетом хищную птицу — даже крылья, почудилось, шевельнулись за спиной, — и лишь в следующий миг раздался дробный сигнал. На самом деле, конечно, все произошло наоборот; но сделалось это так быстро, что немудрено было перепутать.

Еще через долю секунды, словно стремясь обогнать все более частую дробь, старший резко повернулся в сторону. Вращающееся кресло под ним коротко проворчалось. Капитан сделал неуловимо быстрое движение. Дверцы высокого шкафа, лицом к которому он сидел теперь, беззвучно распахнулись. За ними оказался экран и усеянная переключателями панель. Младший видел этот пульт впервые.

Руки капитана метнулись к пульту. Он не смотрел на пальцы, как не смотрит на них пианист. Пальцы жили сами. Похоже, каждый из них обладал собственным зрением и действовал независимо от других. Что они делали, понять было невозможно: пальцы шарили в гуще переключателей, и соприкосновение их с каждой кнопкой или тумблером

было столь кратким, что взгляд младшего не поспевал за ними; длинные, сухие — они исчезали, чтобы вновь возникнуть в другом месте пульта.

Вспыхнул экран над новым пультом, и еще несколько, раньше тускло серевших на переборке. В разладившийся аккорд вплелись новые звуки; тембр их был неприятен. По кораблю волной прошла характерная дрожь: включились дельта-генераторы. Зажглись индикаторы; их свет, сначала тускло-красный, быстро усиливался, как если бы за круглыми стеклышками разгоралось жаркое пламя, и вскоре стал ярко-оранжевым, яростным и веселым. На обзорных экранах можно было заметить, как за бортом, дрогнув, медленно повернулись решетчатые шары, далеко разнесенные на концах ферм. Еще что-то защелкало; блестящие титановые цилиндры поднялись с боков пульта и остановились, подрагивая, а в круглом окошке ниже экрана тронулся и завертелся, все убыстряя вращение, небольшой черный диск, издававший низкое, едва доступное слуху гудение. За это время младший, придя в себя, успел только раскрыть рот, чтобы задать естественный вопрос. Но старший, по-видимому, и впрямь обретя способность предугадывать события, в тот же миг, не оборачиваясь, прошипел: «Тише!» — и младший осторожно, миллиметр за миллиметром, сомкнул челюсти, словно боясь стукнуть зубами. Капитан же, моментально забыв о своем спутнике, снова впился взглядом в мерцающий круг экрана. Правая ладонь его лежала на большой красной рукоятке, и вены проросли под кожей, как если бы сжимать эту рукоятку было непосильным трудом.

Полминуты прошло в молчании и неподвижности. Внезапно напряжение спало, старший тяжело распрямился и медленно, с усилием, снял руку с рычага. Одновременно что-то промелькнуло в поле зрения видеоустройств — чиркнуло по экрану и исчезло. Старший длинно вздохнул. Голос поднявшего тревогу прибора начал понижаться, дробные сигналы, соединяясь краями, снова превратились в протяжное «ля». Индикаторы погасли, блестящие цилиндры ушли в панель. Старший медленно повернул кресло и встал. Глядя прямо перед собой, он пересек рубку — шаги глухо ударяли в пол — и вышел, не сказав ни слова. Дверь уже захлопнулась за ним, когда распахнутые створки непонятного пульта сдвинулись с места и через миг сошлись с мягким щелчком.

Тогда поднялся младший и тоже направился к выходу.

Он вышел в широкий коридор, где налево была каюта, направо — салон, а дальше тянулись узкие дверцы генераторных и приборных отделений.

Младший подошел к двери, за которой была каюта.

Остановившись, он прислушался. За дверью раздавались непонятные звуки.

Эти звуки были песней, такой старой, что можно было лишь удивляться тому, что она не рассыпалась от ветхости. Как видно, лишь память немногих долгожителей еще скрепляла вместе ее ноты. В первое мгновение молодому показалось, что поет капитан. Но голос умолк, прозвучала вкрадчивая медь, и стало ясно, что это запись.

Младший постучал. Ему не ответили. Он толкнул дверь. Она оказалась не запертой, и он вошел. К нему лицом сидел незнакомец, положив локти на стол и упершись кулаками в виски. Это был очень старый человек, глаза его выдавали усталость: не преходящее утомление часов или дней, но изнеможение лет. Кожа лица собралась морщинами, углы искаженного гримасой рта были опущены.

В следующее мгновение старец поднял взгляд. За взглядом протянулась и рука, а губы, гневно искривившись, выговорили:

— Вон!

Младший не понял, оглянулся.

— Выйдите вон!

Тогда младший уразумел: он повернулся и вышел вон, краснея от стыда, бессилия и гнева. Затворяя дверь, он невольно вновь оказался лицом к каюте. Как раз в этот миг старец снова стал капитаном: с натугой, как будто бы даже со скрипом мускулы его лица собрались и застыли в обычном, бесстрастном и вежливом выражении.

Младший, тяжело дыша, вошел в салон и бросился на диван. Хотелось плакать, но он стал размышлять.

Это было примерно одно и то же, потому что размышления сейчас приводили к самым плачевным выводам.

Все оказалось зря. Начиная с того разговора на Земле.

Ему сказали тогда:

— Единственная возможность для вас — отправиться со Стариком.

452 — С каким стариком? — не понял он.

— Есть лишь один Старик.

Он сообразил и сказал только:

— О-о!

— Да. Его корабль оснащен нужной вам дельта-аппаратурой до мыслимого предела. Больше мы вам ничем помочь не можем. Если согласны, приходите завтра с утра. Старик посетит нас, и мы поговорим.

Собеседник так и выразился: посетит. А тон его голоса и выражение лица свидетельствовали, о том, что в согласии Старика он вовсе не уверен.

Старик казался вовсе не старым — тогда. Взгляд его светлых глаз был внимателен, шершавая кожа гладко облегла худые щеки, подбородок и шею, а движения отличались точностью. Собралось много людей, и они говорили сразу.

— Нет, — сказал Старик, слушая кого-то. — Разве что чаю. Голос его был негромок и глуховат.

— Да, — повернулся он в другую сторону. — Полагаю, что Гарден справился с этим неплохо. Я? Нет, до его точки я дойду в надпространстве. Дальше пойду нормально.

Потом кто-то спросил его:

— А как ваши журавли?

Старик отпил глоток почти черного чая, на миг прикрыл глаза и ответил:

— Никак.

Голос его нимало не изменился. И все же ответ был подобен удару топора: по-видимому, разговор коснулся чего-то, что Старик не хотел затрагивать.

Когда ему рассказали о просьбе младшего, он возразил:

— При чем тут я? К Службе Новых касательства не имею.

— Он вам не мешает.

— Это не довод, — сказал Старик и повернулся к младшему.

— Это он? Что вас интересует помимо Новых?

— Ничего, — ответил молодой.

— Хорошо, — сказал Старик. Таким же тоном он мог бы сказать и «плохо». Затем помолчал и наконец проговорил:

— Обещать ничего не могу.

— Но лететь он может?

— Пусть летит.

Он полетел. И несколько истекших месяцев полета завершились сегодня тем, что Старик выгнал его из каюты.

Кстати, это было, пожалуй, единственное, достойное внимания событие, случившееся с ним за все вре-

мя. Старик, руководствуясь какими-то, одному ему ведомыми соображениями, забирался все дальше в бесперспективную, с точки зрения науки, пустоту. Для достижения известной цели полета — для выяснения возможностей использования дельта-поля в качестве одного из защитных средств при выходе из локальных искривлений пространства, являющихся проекцией надпространственных процессов (так дремуче задача была сформулирована на Земле), — удаляться на такое расстояние вовсе не следовало. К тому же задача эта, по сути дела, была уже выполнена. Старик достиг своей цели; казалось бы, самое время приступить к решению другой задачи, ради чего и летел младший. Но Старик словно забыл об этом. Кроме всего прочего, он, как оказалось, обладал способностью не слышать того, что ему услышать не хотелось, а также подолгу молчать. Их редкие разговоры прерывались на полуфразе и могли возобновиться с полуслова.

А сегодня Старик его выгнал. Выгнал за то, что младший увидел его таким, каким не должен был видеть командира корабля. И за то, что младший понял: почтительное слово «Старик», которым звездолетчики именовали этого человека уже очень давно, не служило более одним лишь знаком уважения, а было теперь и признанием факта.

Это было очень плохо. Потому что теперь становилось ясным, по какой причине Старик пропускает мимо ушей все намеки по поводу Новых. Для выполнения задачи, стоявшей перед младшим, нужно было вести корабль на минимальном расстоянии от безумного пламени Новой, когда вся система защиты будет на пределе; вести не день, не два, а много дней — пока не удастся произвести все необходимые наблюдения и измерения. Это было под силу лишь немногим. Старик, чьи следы запечатлелись в пространстве, учебниках и легендах, мог решиться на это.

Просто же старый человек понимал, вероятно, что время таких экспериментов для него прошло. Вывод следовал один: весь полет затеян зря.

И теперь оставалось...

Что оставалось, молодой не успел додумать. В дверь постучали. Сжав зубы, он промолчал. Постучали еще раз, и он — против своей воли — ответил.

— Я пришел принести извинения, — сказал Старик, остановившись посреди салона.

Младший поднялся с дивана, секунду они стояли друг против друга. Внимательный взгляд Старика словно бы впервые проследовал от замысловатых, последнего фасона, сандалий — по светлому спортивному костюму, по лицу, покрытому густым, еще земным загаром, и в конце концов остановился на голубых глазах.

— Хотя, — продолжал Старик, — должен вам сказать, на кораблях не принято входить к капитану, не получив на то разрешения.

— Я хотел... — тихо проговорил младший.

— Я понимаю, — прервал его Старик, и в голосе его младшему почудилось предостережение. — У вас возник вопрос, который вы хотели разрешить незамедлительно. Я не ошибся?

Итак, предлагался мир — на том условии, что он забудет все, увиденное в каюте. Альтернатива миру была такой, что о ней не хотелось и думать.

— Я за этим и шел, — тихо проговорил младший.

— Это меня радует. О чем вы хотели спросить? Пожалуй-ста. Я понимаю, что вспылil тогда некстати.

— Годы... — проговорил младший, потому что так и подумал в этот миг: годы. А скрывать мысли ему до сих пор не приходилось. И тут же он моргнул, ожидая взрыва.

Взрыва не последовало.

— Годы — ерунда, вздор, — сказал Старик. — Забудьте это понятие, уважаемый — м-м?

— Игорь, — напомнил младший.

— Уважаемый Игорь. Люди умирают от разочарований, а не от времени. Ставьте себе меньше целей — и у возраста не будет власти над вами.

Он искоса взглянул на собеседника и усмехнулся, заметив его удивленное лицо.

— Я сказал «меньше целей», а не «меньшие цели». Но и одна цель может быть достойной десяти жизней. У меня цель одна.

Он помолчал.

— Но, правда, мелкие разочарования случаются.

Итак, что вас интересовало?

— Этот пульт. Вы давно разрешили мне ознакомиться со всем дельта-оборудованием корабля, и я сделал это. Но об этом пульте — для чего он, чем управляет — я ничего не знаю.

— Разрешите присесть? — вежливо спросил Старик.

Игорь покраснел и растерянно повел рукой.

— Благодарю. Кстати, надеюсь, вы не в обиде на то, что приходится жить в салоне: каюта у нас одна, и я к ней привык.

Игорь постарался улыбнуться как можно естественнее.

— Чудесно. Итак, этот пульт: вас удивило, что вы о нем ничего не знаете...

Старик помедлил.

— А что вы знаете вообще об этом корабле? И обо мне?

Он ждал ответа, но Игорь молчал. В самом деле, что знал он, кроме обрывков легенд?

6

Рассказывали, что человек, впоследствии названный Стариком, еще в юности ушел в свое первое путешествие, и до сих пор так и не возвратился из него. Во время месячных и даже годовичных перерывов между полетами он все равно, как уверяли, жил мыслью в космических исследованиях, и на Земле ему, наверное, снились звездные сны.

Он был испытателем. Если еще в раннеисторическую старину испытатели самолетов являлись инженерами, то испытатель звездного корабля неизбежно становился ученым. Люди эти часто улетали в одиночку на все более стремительных машинах; в одиночку — потому что допускалось рисковать множеством автоматов, но никак не людей.

Они улетали и возвращались, а иногда и не возвращались. Старик возвращался, и два раза — не в одиночку; спасенным испытателям он отдавал свою каюту, но приближаться к пультам им не разрешал. Каждый раз он привозил все больше наблюдений и данных — в памяти своей и электронной, в записях фоно- и видеокатушек. И привозил все меньше слов. Похоже было, что он отдавал их пространству в обмен, на знание.

Между вылетами и возвращениями проходило время. Когорта испытателей редела. Это вовсе не значило, что люди погибали: просто из корабельных рубок они пересаживались в лаборатории. Задача электронного моделирования пространства в один прекрасный день оказалась ре-

шенной — при немалой, кстати, помощи Старика. Корабли стали испытывать еще в процессе разработки. А Старик упорно продолжал летать. Он мог давно уже осесть на Земле: скитаясь в космосе, он к сорока годам стал не просто ученым — он сделался очень большим авторитетом в области космофизики. Примерно тогда его и стали называть Стариком. Узнав об этом, он уже совсем было спустился со своих причудливых орбит. Но после вылета, который должен был стать для него прощальным, Старик больше не заговаривал об уходе. Возможно, причина заключалась в том, что летело в тот раз два корабля, и один из них погиб.

Старик сказал, что будет летать до конца: пространство еще полно тайн, оно — его лаборатория. Ему оставили корабль, последний из испытанных им; после этого он получал корабли еще не раз: они старились куда быстрее, чем он. И все же...

И все же, с тех пор прошло немало лет. Старик летал, многое находил, и новые легенды роились вокруг его имени.

Но все эти хроники и басни остались за бортом корабля. А сам Старик находился тут, в салоне, и выжидательно смотрел на Игоря.

— По сути дела, — сказал Игорь после долгого молчания, — я ничего не знаю. Да, я не знаю. А вы обо мне? Хотя что-нибудь?

Старик усмехнулся.

— Кое-что — во всяком случае, — сказал он.

Игорь проследил за его взглядом: Старик смотрел на маленький столик, где рядом с иннерфоном... Игорь покраснел.

— Кроме того, — продолжал Старик, — не знаю, должен ли я даже пытаться выяснить хоть что-либо, пока вы сами не сочли нужным...

Игорь пожал плечами.

— Обо мне пока просто нечего узнавать. Не успел добиться ничего такого, а в какие игры я играл в детстве, вас вряд ли интересует.

— Не совсем так. Человека характеризует и то, чего он хочет добиться.

— Чего хочет...

Игорь помолчал. Говорить о том главном, чего хочешь, легко лишь тогда, когда уверен в доброжелательном отношении слушателя. Встретят ли его идеи такое отношение?

А если Старик, являющийся, как-никак, авторитетом,

просто рассмеется? Бывают люди, которых неприятие лишь подзадоривает, придает им духу, но случается и наоборот. Игорь опасался, что у него получится наоборот.

А впрочем — не этого ли разговора все время добивался он сам? И не думал же он, в самом деле, что Старик направит корабль куда-то, даже не зная зачем!

— Я хочу многого, — признался он. — Служба Новых ставит своей конечной целью научиться прогнозировать вспышки этих звезд с достаточной точностью. Теперь, когда мы заселяем все новые системы, важность задачи возрастает.

— Благородная цель, — кивнул Старик.

— Все, что мы знали до сих пор, помогало лишь в частных случаях. Общего решения проблемы у нас нет.

— И вы надеетесь его найти?

В голосе Старика была одна лишь доброжелательность.

— Я подумал, что ключом к решению проблемы могло бы послужить более тщательное изучение дельта-процессов в Новых. Хотя, как вы знаете, дельта-поле является близкодействующим и, например, дельта-излучение нашего Солнца едва уловимо уже на орбите Земли, все же при вспышках Новых всплески этого поля, хотя и очень слабо, улавливаются даже в Солнечной системе, несмотря на относительно большие расстояния.

Старик кивнул, подтверждая, что это ему известно.

— И вот, если бы удалось получить характеристики дельта-излучения Новой, находясь невдалеке от нее, чтобы свести ошибку до минимума, и сравнить полученные значения с предвычисленными на основании теоретических построений, то мы получили бы возможность судить о том, не начинает ли напряженность дельта-поля возрастать в звездах задолго до вспышки. Не является ли это возрастание той причиной, которая...

— Я понял, — перебил его Старик. — Благодарю.

Он сделал паузу... Игорь ждал продолжения.

— А еще? Обычно исследователи в вашем возрасте, кроме основной задачи, ставят перед собой еще и, так сказать, сверхзадачу. Ведь в глубине души все мы в молодости — гении. Точнее, особенно в молодости. А вы?

Поколебавшись, Игорь решился.

— Дельта-поле — основной инициатор жизни, — сказал он. — Поэтому мы обнаруживаем жизнь, как правило, на близких к светилам планетах. Но почему бы под влия-

анием сверхмощного поля, как в случае Новых, жизни не зародиться прямо в околозвездном пространстве?

— Теперь я понимаю, — сказал Старик. — Значит, это и есть те научные причины, которые побудили вас отправиться со мной.

Голосом он подчеркнул слово «научные».

— Да.

— Прочие мы не станем тревожить.

Игорь согласился и с этим.

— Что же, — сказал Старик, — я привык знакомиться с новыми идеями. Хотя они не всегда вытесняют то, что существовало до них. Так же как новые друзья не заменяют старых. А жаль. — Он помолчал. — Старые друзья уходят, все равно — люди они, корабли или гипотезы. Да... в моем возрасте можно однажды проснуться — и не понять мира. Я стараюсь избежать этого.

Он махнул рукой, словно отбрасывая все рассуждения.

— Что касается вашей основной задачи, она действительно серьезна, хоть в основе ее и лежит гипотеза Арно о дельта-взрывах, до сих пор не подтвержденная наблюдениями. А относительно второй задачи... мне трудно судить, потому что я никогда не занимался такими вопросами. Однако, исходя из того, что я знаю о пространстве, мне хочется отнести вашу гипотезу к тем играм, которыми вы тешились в детстве.

Этого Игорь не ожидал. Это было, как удар, как пощечина.

— Не огорчайтесь, увлечения свойственны юности. Но что касается меня, то я, в моем уже не столь юном возрасте, вряд ли стал бы изменять курс, чтобы проверить обоснованность этих ваших предположений.

Игорь почувствовал, что губы с трудом повинуются ему.

— Итак, вы считаете, что жизни в пространстве быть не может?

— В пространстве есть и жизнь, и смерть. Но это — наша жизнь и наша смерть. И только.

Игорь почувствовал, что больше не в силах сдержаться.

— Юности свойственно увлечение... — произнес он дрожащим голосом. — Но старости — бессилие. И если вы боитесь пройти вблизи Новой потому, что это вам уже не под силу, то к чему же...

Старик поднялся. Он резко вытянул руку, заставляя Игоря умолкнуть.

— Если бы потребовалось, — сказал он очень спокойным голосом, — я прошел бы даже сквозь Новую, не только вблизи нее. Но пока не вижу оснований изменять курс. Вот все.

— Нет, не все! — крикнул Игорь. — Вы боитесь! И, кроме того...

Но последние слова Старик предпочел не услышать. Это он умел. Он повернулся и вышел, резко захлопнув за собой дверь.

7

Старик сидел в обычной позе, упершись взглядом в экран, лицо его не выражало ничего, кроме готовности ждать. Терпение — вот чем он обладал в изобилии, вот что осталось ему от прошлого. Сидит. Смотрит. Месяцами. Годами... И это о нем рассказывают легенды!

Старик обернулся на звук шагов. Брови его выразили изумление: наверное, он ухитрился уже забыть, что на корабле их двое. Эта мысль все еще оставалась для него новой. Или просто не ждал Игоря так скоро?

— Капитан!

— Я вас слушаю.

— Вы говорите: жизнь в пространстве — абсурд. А ваши журавли?

Старик помедлил.

— Вы же говорили, что ничего не знаете.

— Я и не знаю. Но кое-что слышал. Разве ваши журавли — это не жизнь?

Старик покачал головой.

— Всего лишь явление природы.

— Почему же они — журавли? — Игорь не хотел сдаваться.

— Это долгая история. И давняя. Но к земным птицам они не имеют отношения. К тем самым, на которых вы, по-видимому, еще не так давно смотрели не в одиночестве...

Игорь невольно вздохнул.

— Да, — пробормотал Старик, — журавли обычно вспоминаются в таких случаях. Простая ассоциация. Улетают, уносятся... Когда они прилетают, они не столь заметны.

— А ваши — тоже улетели?

— И унесли. Я же говорил: старые друзья уходят. И мало того: они еще оставляют нерешенные задачи. Это в лучшем случае. А то еще они выдвигают проблемы, уходя.

— Я припоминаю... Там было что-то, связанное с аварией корабля?

— Что-то! — сказал Старик сердито. — Такие вещи надо знать во всех деталях! Это — опыт, сокровищница звездоплавания. Что-то!

— Я ведь кончал не Московский Звездный.

— Не имеет значения. Раз вы полетели...

— Полетел ради проблемы Новых! Но для вас, по-видимому, журавли куда значительнее.

— Да. Они для меня важнее.

Игорь опомнился.

— Простите меня, — сказал он. — Мне следовало понять. Конечно, раз это связано с гибелью корабля... У вас там кто-то был, да?

— Кто-то — это слишком просто сказано. У меня там был друг. Большой. Тогда в пространстве нельзя было не иметь друзей рядом.

— А сейчас?

— Сейчас ваш друг может жить на Земле, и все равно вы не будете разлучены с ним, обладая возможностью видеть и слышать его. Иная связь! Предположим, некая девушка...

Он умолк. После паузы сказал:

— Простите, это была бестактность. Я упустил из виду, что... Да. Во всяком случае, сейчас вас охраняет в пространстве могучая защита, сделавшая наши корабли практически неуязвимыми. А тогда друзья нужны были здесь, рядом. Дружба защищала нас. Тогда и возник метод парных полетов: шло сразу два корабля.

— Я вспомнил, — сказал Игорь. — Вы же были там!

— Я был там.

— На «Согдиане»...

— Вы опять перепутали. Я шел на «Галилее». Теперь это уже седая старина, — он провел рукой по коротким волосам, — тихоход класса «Бета-0,5». Мы шли к Эвридике, чтобы сдать корабли Дальней разведке и вернуться на рейсовой машине. Иногда это кажется заманчивым: путешествовать в качестве пассажира. Мы заранее предвкушали... Я был на «Галилее», да. А на «Согдиане» находился мой друг. «Согдиана» обладала более сильными двигателями...

8

«Согдиана» обладала мощными двигателями и надежной защитой. Она могла ускоряться быстрее и вскоре опередила «Галилея». Конечно, это было нарушением правил парного полета, но «Согдиану» очень ждали на Эвридике — пла-

нете в системе отдаленной звезды, где размещалась тогда передовая база Дальней разведки.

В день, когда расстояние между кораблями достигло полутора миллиардов километров и связь, в те времена еще несовершенная, должна была прерваться, пилота «Галилея», как обычно в таких случаях, охватила грусть. В космосе всегда становится грустно, когда прерывается связь, пусть даже не навсегда.

Вдгонку другу был послан традиционный привет и пожелание чистого пространства. Ответ должен был прийти через три часа. Однако уже через полтора был принят сигнал бедствия.

«Галилей» увеличил скорость до предела, не переставая посылать в пространство ободряющие слова — единственное, чем он пока мог помочь. Но словам нужно было время, чтобы дойти до «Согдианы», прозвучать в ее рубке, обратиться в другие слова и вернуться обратно: пока же до «Галилея» долетало лишь сказанное в те минуты, когда пилот терпевшего бедствие корабля даже не был уверен в том, что его слышат.

Высокий голос звучал непривычно сухо; он сообщал, что случилось самое страшное: вышли из-под контроля и начали терять мощность генераторы дельта-поля. Антивещество в топливных контейнерах «Согдианы» изолировалось дельта-полем; это было новинкой, до сих пор везде использовали для этой цели электромагнитное поле. Причина аварии оставалась неясной, хотя пилот и высказал несколько предположений. Командир — он же и весь экипаж «Галилея» — рвал на себе волосы: почему на «Согдиане» не пошел он? Привычка всегда выбирать слабейший корабль на этот раз обратилась против него; но ведь дельта-генераторы испытывались не раз и казались весьма надежными. Он еще увеличил скорость, хотя стрелки контроля безопасности уже колебались на красной черте, каждым движением перечеркивая ее крест-накрест, и вместе с нею как бы ставя крест и на самом «Галилее».

Потом голос изменился, он произнес: «Слышу тебя, знаю — ты успеешь, успеешь. Я...» На этом передача оборвалась. Натренированная мысль подсказала, что защитная автоматика корабля, лишившись дельта-устройств, пыталась спасти машину, создавая в АВ-контейнерах электромагнитную изоляцию. Для того чтобы получить необходимую

мог жить, — в том числе и аппаратуру связи. Теперь «Согдиана» боролась молча.

Полученный с «Согдианы» ответ помог уточнить расстояние между кораблями. Оно оказалось даже несколько меньше расчетного; наступила пора начать торможение. Казалось противоестественным уменьшать скорость, когда все требовало сумасшедшего стремления вперед; но пилот «Галилея» знал, сколь многие погибли, мчась до последнего и развивая затем, на сверхсрочном торможении, запретные перегрузки. Он помнил трагические истории, когда спасавшие корабли, вынесшись из глубины пространства, останавливались в намеченной точке, и терпевшие бедствие бросались в скафандрах и катерах под защиту бронированных бортов, стремясь скорее укрыться в надежных помещениях; но люки не открывались, подоспевшие корабли оставались безучастными к попыткам людей проникнуть извне в намертво запертые входные камеры; и люди в пространстве сходили с ума, не зная, что великолепные машины несли мертвый, убитый собственной неосторожностью экипаж, и открыть люки было некому.

Пилот «Галилея» знал пределы, установленные для машины и для него самого. Он заметил силуэт «Согдианы» на видеоэкранах точно в рассчитанный момент. До встречи оставались минуты. И тут капитан увидел, что темное тело звездолета внезапно превратилось в яркую звезду.

9

— Вам случалось наблюдать аннигиляционный взрыв в пространстве? — спросил Старик. — Нет? Это невеселое зрелище, особенно если взрывается корабль, а на корабле летела... летел ваш друг. Это было нестерпимое белое сияние. Оно продолжалось всего лишь долю секунды, от чрезмерной нагрузки выключились предохранители видеоприемников. Но и за этот миг я успел ослепнуть.

Игорь кивнул. Он искал, что сказать. Похоже, глупо было бы выражать сочувствие по поводу истории, приключившейся Бог знает сколько десятилетий тому назад.

Это обычная ошибка молодости: ей не дано понять, как быстро струится время и как недавно сегодняшние старики были молодыми. Юности кажется, что мир, каким она его видит, был таким всегда, и только ей суждено преобразить его; старики же помнят, каким он был вчера, и

знают, что это было действительно лишь вчера. А вчера — это почти сегодня. Только очень добрые старики прощают непонимание этого, но командир корабля вряд ли принадлежал к их числу.

— Да, — сказал он наконец, — аннигиляционные взрывы — ужасная вещь. «Согдиана» превратилась в излучение. Это был не первый случай взрыва корабля в пространстве, но единственный, когда человеку удалось наблюдать такой взрыв, а приборам — записать его. До сих пор причины взрыва оставались неизвестными: ведь и тогда уже не бывало случаев, чтобы механизмы отказывали.

В первый момент я даже не понял всего, чем это грозило. Слишком велико было горе. А ведь сумей я в тот миг рассуждать трезво, я сообразил бы, что этот случай перечеркивал все надежды на пригодность дельта-защиты АВ. Звездоплавание оказалось бы вновь отброшенным назад. Единственный выход был в том, чтобы обнаружить конкретную причину взрыва — причину постижимую, материальную, которую можно было бы проанализировать, понять и нейтрализовать. Но мне тогда, как вы понимаете, было не до поисков причин. Когда я раскрыл слезившиеся после вспышки глаза, видеоприемники успели включиться, но посмотреть было уже не на что...

Игорь повел плечами, вдруг замерзнув.

— И тогда, — сказал Старик, — я увидел это.

Он перевел дыхание.

— Я увидел... Вы наблюдали, как летят журавли? Клином, не так ли? И я увидел на экранах клин.

Собственно, я не увидел ничего. Заметил только, что вдруг исчезли некоторые звезды. Потом появились опять. Чем было вызвано это затмение, я не знал. Но, честное слово, мне почудилось, что само пространство в месте взрыва разорвалось на клочки и теперь медленно склеивалось. Мысль эта не показалась мне нелепой, она была, как прикосновение к чему-то новому, неизвестному, таинственному. Знаете, бывает такое ощущение... Хотя вы, наверное, не поймете.

— Я знаю, — проговорил Игорь. Подумав, Старик кивнул.

— Что же, не исключено. Вот и все, что мне тогда удалось заметить. Ни через видеоприемники, ни в инфракрасном диапазоне я не смог увидеть ничего, кроме этого кратковременного, почти мгновенного затмения некоторых звезд.

464 Потом я снова запустил двигатели, обошел весь район

катастрофы и, ничего не обнаружив, направился домой. И только там, обработав эту пленку, я рассмотрел Журавли.

Брови Игоря дрогнули, это движение не ускользнуло от взгляда Старика.

— Нет, я не оговорился: Журавли, не Журавлей. Не будем продолжать дискуссию. Широкие черные полотнища — совершенно черные, они, очевидно, поглощали всю энергию, падавшую на них, и поэтому видеть их было нельзя: они ничего не отражали, ни кванта. Но на фоне звездного скопления можно было наблюдать их силуэты.

Абсолютно черными оказались они, и как бы двухмерными, словно совсем не обладали толщиной. Площадь каждого из них составляла десятки, а может быть, и сотни квадратных метров, даже тысячи; по этим кадрам расстояние до них определить не удалось, поэтому предположения об истинной величине Журавлей расходятся на целый порядок. И они летели клином, впрочем, может быть, конусом, но съемка не была стереоскопической.

Потом, сравнивая с этим фильмом записи, сделанные другими приборами, мы обнаружили следы, оставленные этим явлением на ленте записывающей приставки дельтавизора. Стало ясно, что Журавли все же испускают определенные кванты, а именно — дельта-кванты. Сравняя обе записи — кино и дельта, — мы пытались понять, что же представляют собой эти полотнища, застилавшие звезды. Несомненным казалось, что они движутся; но в мире нет неподвижных вещей, а установить величину скорости или вычислить орбиту нам не удалось.

Вот так мы впервые встретились с Черными Журавлями. Так их тогда назвали — за цвет и за клинообразный строй.

Старик умолк, наверное, еще раз переживая рассказанное. Игорь ждал, не решаясь нарушить это молчание: ему хотелось услышать еще что-нибудь, но он понимал, что теперь, когда Старик ушел в размышления, одного не к месту сказанного слова будет достаточно, чтобы разговор прервался надолго. Пауза затянулась.

— Да, вот это и была загадка, оставленная другом, — сказал наконец Старик. — Оставленная в назидание поучающимся... — В его голосе неожиданно прозвучала ирония, которая на сей раз относилась, наверное, к собственной, несколько неприличной, словоохотливости, а, может быть, просто служила средством, чтобы не расчувствоваться окон-

чительно. — Загадка гибели, как говорили когда-то. Было создано много гипотез, высказана масса предложений. Но показания дельтавизоров сделали бесспорным одно: именно они, Журавли, явились убийцами.

— Но ведь если они — всего лишь явление природы...

— Да нет... Ну, я неточно выразился... Конечно, не они; убийцей в большинстве таких случаев бывает наше собственное неведение законов природы. Но человек не может винить себя в том, что чего-то еще не знает: если бы он поступал так, человечество вечно чувствовало бы себя виноватым. Ведь и жизнь, и смерть — тоже научные проблемы. Как бы там ни было, несчастье с «Согдианой» показало, чего следует опасаться кораблям, обладающим дельта-защитой. Как только это тело — я имею в виду Журавлиную стаю — будет обнаружено, капитан должен немедленно принять меры для того, чтобы пройти в максимальном удалении от стаи. Своевременно же заметить ее — нетрудная задача для тех дельта-устройств, которыми даже рейсовые корабли оснащены в изобилии. А что касается убийц, то Журавли были ими в той же мере, как молния, сжигающая дом с людьми. Хотя, разумеется, и к молнии можно испытывать ненависть.

Старик произнес это, как будто ставя точку. Но, по-видимому, ему показалось, что рассказ не произвел должного впечатления, и он добавил:

— Теперь вам ясно, почему я брожу на этих задворках мироздания?

10

Игорь ответил не сразу, похоже было, что он собирается с мыслями, хотя заданный вопрос требовал чисто формального ответа.

— Прежде всего, — оказал он наконец, — мне ясно вот что: у каждого из нас — свои интересы, и совместить их невозможно.

Вряд ли Старик ожидал, что разговор повернется таким образом. Однако он не выказал ни удивления, ни осуждения. Он лишь выжидательно взглянул на Игоря.

— То, что вы рассказали, очень интересно, и я не могу не уважать... ваши чувства. Но сама по себе проблема Журавлей кажется мне исчерпанной. Она бесперспективна. По сути дела, их осталось только поймать и определить.

Если говорить откровенно, меня несколько удивляет, что вы не сделали этого до сих пор.

— До сих пор, — сухо ответил Старик, — кроме всего прочего, надо было испытывать корабли и заниматься более актуальными исследованиями. И затем — вы ошибаетесь, полагая, что это так просто. Попробуйте-ка разыскагь их в пространстве! Это было и по сей день остается делом везения. Орбиты их не вычислены, неизвестно даже, обращаются ли они по орбитам, поскольку никто не знает, тела ли это или нет: если нет, они могут и не иметь орбит, а двигаться по прямой, как излучение. Но если даже орбиты имеются, их пока еще нельзя вычислить: не хватает данных. Взаимодействуя с другими полями или телами — а это представляется неизбежным, — Журавли наверняка подвергаются стольким влияниям, что вряд ли можно вообще говорить об орбитах в обычном понимании этого слова. И если на Земле исследователь заранее знает, где он сможет наблюдать, допустим, тех же журавлей, а где надежды на это будут равны нулю, то мне все время приходилось бродить наугад.

— И вы так больше и не встречали их?

— Однажды... Тогда у меня еще не было этого корабля. Я сконструировал дельта-ловушку именно на случай встречи с ними, и установил ее на «Ломоносове», на котором тогда ходил. Я болтался на нем два года, и программа испытаний и исследований уже подходила к концу, когда мне повезло: я все-таки наткнулся на Журавлей. Я сблизился и выбросил ловушку — иными словами, создал мощные заряды, статическое поле которых...

Игорь кивнул, внимая рассуждениям о векторе напряженности, суперпозиции полей и прочем, имеющем отношение к ловушке. Потом он ухитрился вставить словечко.

— Но все же вам так и не удалось?..

— Я же говорю: взаимодействуя с полем, Журавли должны были потерять скорость. И одно из этих полотнищ действительно угодило в ловушку. Я кричал от радости — пока не убедился, что мощности моих устройств оказалось недостаточно. Телу удалось вырваться, вернее, оно прошло через ловушку, как сквозь пустоту. Я постарел после этого дня, а точнее — в тот миг, когда стало ясно, что они уходят. Догнать я не мог, скорость «Ломоносова» была, по теперешним временам, невелика. Они беззвучно, пронеслись мимо

корабля, и честное слово — в этом было что-то мистическое... Да, стареют только от разочарований.

— Да... — согласился Игорь.

— Но, между прочим, именно тогда мне удалось доказать, что Журавли не могут быть просто движущимися участками перехода, иными словами — проекцией каких-то событий, происходящих в надпространстве, на наш четырехмерный континуум. Такие догадки относительно природы Журавлей существовали, но после этого случая стало ясно, что Журавли — явление, целиком принадлежащее нашему пространству. Немалый результат.

— А кроме вас, их наблюдал кто-нибудь?

— Конечно. Трудно увидеть в первый раз, потом, когда становится понятным, чего можно ожидать, люди стараются использовать каждую возможность. Их наблюдали еще пять раз. У меня есть записи приборов, отчеты капитанов кораблей... Но они не дают ничего нового. Так что узнать предстоит еще очень многое, до исчерпания проблемы, как вы выразились, пока очень далеко. Избегайте делать выводы, не разобравшись как следует. А то вы приходите на корабль, и, не успев вникнуть в проблему, судите. Точно так же, как вы приходите в мир и, еще не зная его, начинаете судить.

— И все же я полагаю, что у этой проблемы нет будущего. Не сомневаюсь, что она будет решена, вы все найдете и опишете. А дальше? Дальше — ничего. А мне хочется дальше. И вопросы, интересующие меня, могут заходить очень далеко. Но так или иначе наши интересы несовместимы.

— Вы в этом уверены?

— Да. Слишком разные области. У меня — Новые звезды, у вас — Черные Журавли. Общего между ними нет. Кроме того, я преследую практическую цель: получить возможность прогнозировать вспышки. А каким может быть практическое значение Журавлей? Вы знаете?

— Нет, — сказал Старик. — Но в принципе нельзя представить себе ничего такого, чем не смог бы овладеть человек. Если в природе есть вещи, для нас бесполезные, то это объясняется только низким уровнем наших знаний о природе. А значит, я поступаю правильно.

Игорь пожал плечами.

— Я больше и не надеюсь, — сказал он, — что вы измените курс и пойдете к Новой.

— И правильно делаете. Даже если бы у меня не было других причин, хватило бы того, что там мне не увидеть Журавлей: слишком силен дельта-фон, неизбежны помехи.

— Я понимаю. И не настаиваю. Но послушайте, капитан, не могу же я столько времени сидеть без дела!

— Разве вам нечем заняться? Не думаю, чтобы вы успели в достаточной степени изучить всю дельта-аппаратуру корабля. Штудировать ее, когда-нибудь это вам пригодится, если вы не откажетесь от своих замыслов.

Игорь усмехнулся.

— Такой опасности нет. Но этого мне мало.

— Что же еще? Занимайтесь своими теориями. Более спокойной обстановки для занятий вам не найти. Вся кибернетика к вашим услугам.

— Это я делаю и так.

— Тогда просто не знаю... — Старик развел руками.

— Я не умею управлять кораблем.

Старик нахмурился:

— Миллионы людей не умеют управлять кораблем.

— Но их здесь нет, а я — тут.

— И что же?

— Обладая определенными навыками, я при случае смог бы вам помочь.

— Благодарю за доброе намерение, — сухо сказал Старик. — Но я уже десятки лет хожу один, и до сих пор не чувствовал, признаться, надобности во втором пилоте.

— Однако у вас и у меня есть время, и если бы у вас имелось желание помочь мне...

— Да... И в одно прекрасное утро проснуться и убедиться в том, что корабль идет к Новой...

— Вы действительно так подумали?

— Я думаю, что вы еще недостаточно зрелы, чтобы всегда отдавать себе отчет во всех поступках... и гипотезах.

Игорь поднялся.

— Ничего другого вы не скажете?

Старик вздохнул.

— Подождите...

Он сильно потер лоб. Как и во всем, что касалось космоса, он разбирался неизмеримо лучше этого парня и знал наперечет все несчастья, которыми грозило создавшееся положение. Повидимому, виноват был он сам; признаться, мгновенное напряжение, когда ему показалось, что приближаются Жу-

равли, выбило его из колеи. Такие напряжения должны получать разрядку... Вместо конуса Журавлей судьба подсунула тогда обычную комету, кучу камней, путешествующих вдали от светил. Он на миг расклеился... Подвернулся парень — накричал на парня...

А мальчишка? Обвинил его в трусости. Его!

Конечно, мальчишка тоже изнервничался. Столько времени без дела. Чего же он летел?

Чего же ты его брал?

Ну, взял. Были замыслы... Но ничего не выходит. Парню нужны Новые. Тебе они не нужны. Ты прав, потому что старше, и у тебя меньше времени. Хочется, конечно, летать еще долго. Но статистика на этот счет не обнадеживает.

Дико подумать: пустить кого-то к управлению кораблем. Ему, не пускавшему друзей, первоклассных пилотов, пилотов экстра-класса! И тем не менее...

Сейчас напряжено все. Оба обижены, оба по-своему правы. Конечно, покружиться около Новой — ерунда, это можно сделать с закрытыми глазами. Но у парня были основания тебе не поверить: он видел тебя в минуту слабости. Капитана не должны видеть в минуту слабости, это всем известно... Да, все напряжено. И если не дать ему занятие по сердцу, вспыхнет открытая вражда. Он не сдержится, потому что не знает, что это такое. А ты знаешь.

Вражда двух человек разных поколений, закупоренных в маленьком корабле, заброшенных в такую даль, из которой добраться до Земли можно лишь в надпространстве. Вражда на месяцы, а то и больше...

Да, выхода нет. Расплачивайся за свой промах.

Старик еще раз вздохнул и сказал:

— Хорошо.

Игорь поднял глаза, в них была радость.

— Хорошо. Но при одном условии: вы обещаете мне, что без моего разрешения не измените курса корабля даже тогда, когда научитесь это делать?

Игорь сказал:

— Обещаю.

— Как вы ориентируетесь по стереокарте?

— Плохо, — признался Игорь.

— Значит, начнете с карты. Завтра.

— Капитан! Сегодня...

Голос Игоря был жалобен. Капитан едва заметно улыбнулся.

— Пусть сегодня.

Сегодня он впервые уселся в кресло. В главное кресло: пилотское, капитанское, инженерское... какое угодно на корабле, где и капитан, и пилот, и инженер — одно лицо.

Какое угодно — только не пассажирское. Так что можно вообразить себя и капитаном.

Первый урок уже окончился. Кое-что о карте, что-то об основах пилотирования, немного об органах управления. Закрытый створками второй пульт пока неприкосновенен, но и о нем уже известно, что это пульт ловушки. Он нужен только Старику.

Сиди, капитан. Прямо перед тобой видна на экране Вселенная. Уголок ее. В нем нет ни одной Новой. Но если повернуть корабль совсем немного, так, чтобы центральный видеоприемник смотрел вот туда, то в уголке экрана появится Новая.

Игорь покачал головой. Поворота не будет.

Не будет, и все. Но когда-нибудь потом...

А пока можно помечтать. Изобразить все это на бумаге.

Стопка бумаги, прижатая зажимами, лежала с краю. Игорь осторожно вынул один листок, положил перед собой и достал из кармана карандаш.

Вот они — направления, ведущие к Новым. Рука вычерчивала их уже столько раз — и все зря, потому что ни одним из этих курсов корабль не пойдет.

Но применим полученные знания и посмотрим, как это будет выглядеть на стереокарте.

Игорь нажал выключатель, и карта засветилась. Плоская карта, но со стереоэффектом: казалось, ты смотришь в глубину пространства. Игорь прикинул, как на ней будут выглядеть его линии.

В следующий миг он вздрогнул: для него было новостью, что взгляд его обладает магической силой. Но каким еще образом могли начерченные им на бумаге линии вдруг оказаться перенесенными на эту карту?

Он всмотрелся в одну из линий. Она была нанесена карандашом — другим, не его карандашом. Над линией стояла дата и слово «Диофант». При чем тут Диофант? Игорь напряг память и вспомнил, что ему приходилось некогда слышать о таком корабле. И около другой линии обнаружилась дата, уже иная, и рядом тоже стояло название — правда, уже

другого — корабля. А остальные линии? Оказалось, что и они были снабжены таким же непонятным комментарием. Что бы это могло значить?

Он еще раз сравнил линии на карте со своими, намеченными на листке, еще раз ввел поправку. Нет, конечно, они не совпадали в точности, но расхождение не превышало двух-трех градусов. Естественно: он же чертил по памяти. Разберемся-ка получше с картой. Да, и эти линии, если их продолжить, если и не упрутся в Новые, то, во всяком случае, пройдут в непосредственной близости от них. А какой из этого следует вывод?

И сейчас же он понял, какой следует вывод. Не выпуская из рук листа бумаги и карандаша, он повернулся и бросился из рубки.

Он стремительно ворвался в каюту; Старик удивленно поднял голову, но не произнес ни слова, ожидая.

— Скажите, командир, — начал Игорь голосом, хриплым от волнения. — Эти линии на стереокарте — они ведь показывают направление полета Журавлей? Тогда, когда с ними встречались другие корабли...

— Да, — сказал Старик.

— А вам не показалось любопытным, что эти линии, если их продолжить, во всех случаях пройдут недалеко от Новых? Мне кажется, здесь можно говорить о закономерности!

— Предположим.

— Но неужели вы не пытались построить на этом...

— Интересно, а что построили бы вы?

Игорь даже развел руками от удивления.

— Но ведь выводы напрашиваются сами собой! Кстати, они убедительно подтверждают вашу гипотезу! Такие сгустки энергии и могли возникнуть во время вспышек Новых! Как вы не задумались над этим? Ведь, если в каждом случае эти конусы движутся от Новых...

Насмешливый блеск глаз остановил его. Игорь умолк, все еще не опуская занесенную для решительного жеста руку.

— Мальчик... — сказал Старик не то с сожалением, не то с иронией. — Милый мой юноша, вы опять торопитесь. Ждать, говорил я вам, надо уметь ждать. И не торопиться с обобщениями. Почему вы решили, что Журавли движутся именно от Новых, а не к ним?

— Но на карте ясно указано направление...

— Да, указано. Но из того, что там записаны даты и названия кораблей, с борта которых делались наблюдения, следовало сделать один промежуточный вывод, мимо которого вы пробежали.

— А именно?

— С точки зрения находившегося на корабле наблюдателя, Журавли действительно имели направление от Новой. Но это не значит, что расстояние между Новой и Журавлями увеличивалось. Это могло просто быть следствием того факта, что корабль, идя параллельным или почти параллельным курсом, имел скорость большую, нежели Журавли. Поэтому для наблюдателя Журавли имели отрицательную скорость: они с каждым мигом оказывались дальше от Новой, чем корабль. Это относительное движение и указано на карте, потому что наблюдения, как это обычно делается, велись и регистрировались в системе координат корабля. Если же перенести их в систему координат Новой — а мы именно так и должны поступить, — то окажется, что Журавли вовсе не удаляются от звезды, а приближаются к ней. Кстати, об этом говорит и ориентация конусов в пространстве. Вы же не поинтересовались ни тем ни другим и сразу принялись строить гипотезу. И вот результат...

Игорь густо покраснел. Действительно, дилетантская манера, Старик правильно упрекнул его. Надо было еще подумать, не следовало так сразу бежать и зря беспокоить Старика изложением несостоявшегося открытия.

— Я понимаю, — пробормотал Игорь.

— Не обижайтесь и не падайте духом. Ведь объяснение сущности Журавлей — не ваша цель, и поэтому разочарование не должно быть особенно большим. Вот если бы что-либо подобное постигло меня...

Он умолк и покачал головой, то ли отрицая самую возможность такого события, то ли выражая этим движением мысль о том, как плохо ему тогда было бы. Очевидно, правильным было последнее, потому что Старик закончил:

— Если бы меня постигло даже не полное крушение гипотезы — это я еще перенес бы, потому что на обломках рухнувшей поднялась бы новая идея, но если бы я еще раз встретился с Журавлями и не смог бы сделать ничего для решения своей задачи, последней и единственной, то я, пожалуй, никогда больше не вышел бы в пространство. Для меня это стало бы последним разочарованием.

— Почему вы говорите так категорически?

— Потому что знаю: у меня не хватит сил, чтобы убедить себя в том, что есть смысл продолжать поиск. Журавли встречаются нам редко, а годы не прибавляют уверенности. Максимум ее приходится на молодость, ваша самоуверенность (Старик несколько раз кивнул головой, словно подтверждая, что этим качеством Игорь обладает в достаточной мере), да, именно самоуверенность показалась бы просто скромностью, если бы для сравнения взяли меня — такого, каким я был в вашем возрасте. Поэтому не огорчайтесь. Ждите. Думайте. Спрашивайте...

Игорь кивнул, слова Старика относительно разочарований объяснили, как ему показалось, перемену в отношении командира к нему: как-никак, они оказались товарищами по несчастью, друзьями по одиночеству, хотя причины его были разными. Конечно, какое-то неосторожное слово могло заставить Старика снова уйти в раковину молчания. И все же возможность узнать о Журавлях как можно больше следовало использовать до конца: страшно было подумать о том, что еще много месяцев — а может быть, и лет, ведь «Летучая рыба» пока не приближалась к Земле, а по-прежнему удалялась от нее, от Солнечной системы, от обитаемого района космоса, — много времени еще придется проводить в безделье, способном привести в отчаяние даже куда более выносливого человека. Поэтому вопрос он приготовил заранее.

— Почему вы так уверенно говорите о том, что на этот раз встретите их? Интуиция? Или что-то, более конкретное?

— На сей раз мы их найдем, — подтвердил Старик. — Разве я не говорил вам? Получено сообщение патрульного корабля: он видел их и определил направление.

В глазах его была улыбка, показывавшая, что он отлично помнит, говорил или не говорил о принятом сигнале. «Тебе не было дела до этого, вот я и молчал», — понял Игорь.

— Так вот есть у нас надежда увидеть Журавлиный клин...

— А как вы объясняете такую конфигурацию?

— Никак, — сказал Старик. — Моя гипотеза не объясняет пока ни этого, ни еще многих других фактов. Но и никакая другая не в состоянии их объяснить. Но, кстати, объяснения возникают из фактов. А факты собираем мы...

Игорь резко поднялся.

— Спасибо за беседу, — сказал он, — и за критику тоже, разумеется.

— Вы уходите?

474 — Я пойду в салон. Мне надо кое о чем подумать.

— Подумайте, — сказал Старик, он словно не почувствовал изменившегося тона Игоря. — Подумайте, — повторил он. — Но, — он поднял палец, — не торопитесь с выводами. Умейте ждать.

Затворяя за собой дверь, Игорь оглянулся. Старик сидел в привычной позе, взгляд его был устремлен на экран, на котором, как всегда, не виднелось ничего.

12

Умейте ждать! Умейте ждать! Игорь повторял эти два слова на разные лады, расхаживая по салону. Стояла тишина, мягкий ковер скрадывал шаги.

Старики, наверное, любят ждать. Во всяком случае, от них нередко приходится слышать такие вот поучения, А зачем ждать? Все надо делать немедленно: открытия, смелые умозаключения, решающие опыты.

Умейте ждать. Но бывают случаи, когда ждать так же бесполезно, как сидеть или ходить, глядя на этот иннерфон, и думать, что когда-нибудь он все же нарушит молчание и зазвонит.

Игорь взглянул на иннерфон немного заискивающе, как смотрят на человека, с которым в ссоре по своей вине.

Аппарат был нем. Игорь отвел глаза.

Потом он вздрогнул. Где-то далеко-далеко, в сказочном царстве крохотных человечков, начинался праздник. Яркие наряды залили площадь, на острых башнях звонили хрустальные колокола.

Игорь недоуменно обвел взглядом салон. Все было на месте. Но звонили хрустальные колокола.

Тогда он протянул руку. Они звонили, не умолкая.

Он нажал на клавишу. Торопливый голос, вовсе не похожий на обычную, медленную речь Старика, сказал ему:

— Наконец-то. Идите сюда!

— Что случилось? Вам плохо?

— Мне хорошо. Идите сюда.

13

Он открыл дверь рубки и на миг задержался на пороге, ему почудилось, что он ошибся и вместо привычного помещения попал в бескрайнюю ночь.

Свет в рубке был выключен. Только мерцали шкалы приборов, и большой светло-серый экран дельтавизора казался распахнутой дверью, ведущей в пространство.

Привычное согласное звучание приборов теперь рассекали тугие щелчки. Словно тяжелые капли падали на звонкий металл.

Ведя рукой по переборке, Игорь добрался до фильмотеки и уселся.

Глаза привыкли к мраку, а может быть, это экран все больше наливался светом, но видимый на нем мир становился все четче и рельефнее. Игорю показалось, что еще немного, и он сможет без помощи приборов определять расстояния до звезд. Конечно, это лишь казалось.

Мир был не таким, каким Игорь привык его видеть в телескопы или на экранах обычных видеоустройств. Величина дельта-излучения часто не совпадала с видимой яркостью звезд, и самые яркие маяки горели теперь в иных направлениях.

Только середина нижней части экрана была занята чем-то, непроницаемо черным. Игорь напрягся, в следующий миг он понял, что это лишь силуэт Старика.

Старик молчал, но его дыхание было необычно громким.

— Что случилось? — спросил Игорь шепотом.

Старик, тоже шепотом, ответил:

— Они.

— Где?

На светлом фоне экрана протянулась черная рука. Длинный палец уперся в правый нижний угол.

Игорь взгляделся. Там что-то мерцало.

— Один? — все так же шепотом спросил он.

— Это конус. Стая.

— Сколько до них?

— Два с половиной миллиона. Десять минут.

— Я могу вам помочь?

Старик чуть повернул голову.

— Нет. Я позвал вас, чтобы вы видели. Это стоит видеть.

— Да, — сказал Игорь. Наклонившись вперед, он стал вглядываться, напрягая зрение.

Мерцающая точка стала ярче. Ее движение было незаметно глазу, но за то время, пока Старик обменялся с Игорем несколькими словами, она все же передвинулась. Так движется минутная стрелка часов.

Тяжелые капли стали падать чаще, расстояние между кораблем и Журавлями сокращалось, и отраженные импульсы дельталокатора возвращались все быстрее.

Через две минуты точка перестала быть точкой. Теперь на экране виднелось мерцающее пятнышко. Оно летело, оставляя позади все новые звезды. Теперь движение стало заметным глазу.

— Скорости почти равны, — проронил Старик.

Точка приобрела конкретные очертания. Она превратилась в сильно вытянутый, треугольник. Выпущенная из гигантского лука стрела со светящимся наконечником пересекала Вселенную. Игорю даже почудился высокий свист.

Старик уже проделал все необходимое. Дельта-генераторы работали. Конденсаторы заряжались для первого удара. Он должен был получиться самым мощным.

Все лишние антенны были втянуты внутрь корабля. Защитное поле усилилось; широко раздвинутые конструкции ловушки теперь светились странным зеленым светом. Решетчатые шары на концах их торопливо вращались.

Когда Игорь отвел от них глаза, он увидел, что наконечник стрелы приблизился. Теперь было ясно видно, что это не треугольник, а конус.

— У меня стереовизоры, — пояснил Старик. — На этот раз я готов ко всяким случайностям. Все, начиная от наблюдения, и кончая...

Он не договорил. Какой-то из приборов привлек его внимание. Игорь воспользовался паузой.

— Как это произойдет?

— Да, скорости уравнились. Что?

— Нет, нет.

— Вы спросили?

— Я все же хотел бы вам помочь.

Он и в самом деле очень хотел. Человек может интересоваться или не интересоваться делом, но когда тут, рядом, другой человек делает что-то, чему посвятил десятилетия, не помочь ему просто нельзя...

— Ну... сядьте за контрольный пульт, что ли. Следите, чтобы генераторы не вышли из режима. И приглядывайте за двигателем.

Затем Старик проворчал что-то под нос. Игорь разобрал лишь: «Автомат есть автомат, но и человек...» Очевидно, командир оправдывался перед самим собой в том, что к управлению оказался по-настоящему допущен посторонний. Игорь повернулся и стал смотреть на экран.

— Теперь не вертитесь.

— Мне не видно.

— У вас над пультом малый экран. Включите. Снизу, снизу берутся за эту рукоятку, а не сверху! — Старик выкрикнул эти слова, и в голосе его прозвучала чуть ли не ярость. Только теперь Игорь понял, до какой степени напряжены нервы капитана. Больше не оборачиваясь, Игорь стал по своему экрану следить, как приближались Черные Журавли.

Наступали решающие минуты. Конус на экранах уже распался на отдельные пятнышки. Ничем не связанные одно с другим, пятнышки летели, как будто раз и навсегда закрепленные в этом необъяснимом коническом строю. Они росли все быстрее, расстояние до них сокращалось. Щелчки в рубке слились в трель, светлые линии на шкалах дельта-индикаторов заплясали бешеный танец.

— Внимание... — высоким, протяжным голосом прокричал Старик.

Игорь задержал дыхание. Потом ему не хватило воздуха, и он, широко раскрыв рот, шумно вдохнул. И в этот миг Старик резким движением — тем движением, ожидание которого, наверное, не раз во сне сводило ему руку судорогой, — двинул красный рычаг вперед.

Игорю показалось, что кто-то схватил его за горло, сильно ударил в грудь, в живот, на голову обрушилась тяжесть. Это антенны ловушки выбросили, разряжая конденсаторы, первую гигантскую порцию дельта-квантов. На шкалах расположенных перед Игорем приборов стрелки дрожали, а иногда начинали широко раскачиваться, описывая плавно-резкие кривые, как топор над головой дровосека. Приборы, требующие в этот момент наибольшего внимания, вспыхивали, наливаясь то синим, то красным огнем, уследить за ними было трудно.

Приборы лихорадило: дельта-поле ловушки уже вступило во взаимодействие с полем Журавлиной стаи. Стрелкам оставалось продвинуться вправо еще на четверть шкалы, чтобы показать наконец такое соотношение мощностей, при котором можно было бы с уверенностью полагать, что поле хотя бы одного из Журавлей не только нейтрализовано, но и преодолено, загнано далеко вглубь, и что теперь можно начинать торможение, и Журавль этот, вырванный из строя, послушно затормозится вместе с кораблем. В этом и состояла задача — задержать, вырвать, увлечь, отбуксировать, и уж тогда, ни на минуту не ослабляя мощности ловушки, исследовать и понять — что же это, в конце концов, такое... И стрел-

ки двинулись в эту свою последнюю четверть, а взгляд Старика словно бы подгонял их. Но, видимо, этой поддержки было недостаточно: движение стрелок становилось все медленнее, все труднее давался им каждый последующий миллиметр шкалы. Старик повернул регулятор, отдавая ловушке последние мощности, по телу корабля пробежала дрожь от заработавших на пределе генераторов. Стрелки едва заметно, но все же пополнили вправо, и Старик облегченно вздохнул.

Но уже через секунду пальцы его сжались в кулаки.

Стрелки остановились. Какое-то мгновение очи дрожали на месте, словно колеблясь, словно раздумывая, продолжать ли путь. И наконец, стремительно рванулись, промелькнули в прыжке — но не вправо, а влево, к нулевым ограничителям. Одновременно другие приборы показали, что силовые линии поля ловушки, до сих пор как бы сжатые сопротивлением поля Журавлей, внезапно перестали ощущать это сопротивление, как если бы поле Журавлей — а следовательно, и они сами — вдруг исчезло.

Это было необъяснимо, но в первый миг думать об этом не пришлось. Корабль завибрировал, и какую-то долю секунды казалось, что он разлетится, рассыплется, рассеется, превратится в лом, в горсть осколков, в кванты. Это дельта-генераторы внезапно лишившись нагрузки, развили угрожающее число оборотов. Контрольные приборы на панели Игоря вспыхнули, как красные глаза ужаса. Игорь еще не успел найти слов, как Старик повернул регулятор, скачком уменьшая мощность, чтобы автоматы защиты не отключили генераторы совсем. То, что люди увидели на экране, заставило их на секунду разувериться в реальности происходящего: скорость сближения Журавлей с кораблем стремительно уменьшалась.

Недоумевая, Старик бросил взгляд на интегратор; не могло ведь случиться, что его корабль самопроизвольно увеличил скорость и стал уходить от Журавлей. Нет, конечно, этого не произошло.

Но тогда оставалось только одно: предположить, что ход замедлили Журавли. Замедлили сами, потому что ловушка не могла затормозить весь конус до такой степени. Это понял даже Игорь.

События перевалили через грань разумного. Небесное тело, из чего бы оно там ни состояло, не может самопроизвольно менять скорость и направление движения. А тут...

На экране было ясно видно, как, секунда за секундой, конус отклонялся от прямой. Объяснить это можно было лишь неполадками в дельтавизоре, предположив, что Журавли каким-то образом подействовали на него своим полем, и аппараты начали давать искаженную или вовсе неверную информацию. Значит, на них нельзя было полагаться. А на что можно?

Правда, такое объяснение могло удовлетворить разве что Игоря. Старик же, знающий мощностъ и устойчивость своего защитного поля и надежность аппаратуры, лишь мельком подумал о такой возможности и тут же отбросил ее, как не заслуживающую внимания. Он понимал, что, когда события выходят за пределы того условного круга, в котором, по нашему мнению, заключается разумное, то это означает не крушение разума, а лишь маленькое отступление перед большим шагом вперед. Журавли отклонялись. Необходимо было набросить невидимую сеть хотя бы на одного из них; теперь Старик был уверен, что изучение этого явления даст даже больше, чем он ожидал до сих пор. Журавли уменьшили скорость — значит, замедлить полет следовало и кораблю. Это было очень просто.

Старик вытянул руку, и средний палец его лег точно на клавишу. Перегрузки будут немалыми. Но он привык и не к таким. Команда двигателям!..

Но что-то помешало ему (нажать клавишу. Он покосился вправо — туда, где сидел Игорь, — и в светлых глазах Старика зажглась ненависть.

14

Как это нередко случалось с ним, Старик опять забыл, что на корабле их двое. Теперь он вспомнил и проклял судьбу, вопрошая неизвестно кого, сколь же долго придется ему расплачиваться за одну, казалось, незначительную ошибку: за то, что он взял с собой в полет этого мальчишку.

Он не думал сейчас обо всех мелких неудобствах и разочарованиях, связанных с этим обстоятельством. Он думал о главном: о том, что мальчишка не привык выносить перегрузки, намного превышающие пассажирские. Он мог просто не выдержать.

Одним своим присутствием мальчишка отнял у корабля половину возможностей, половину мощности. И

ничего нельзя было поделывать. Некуда его спрятать. Корабль этот не приспособлен для слабых.

Конечно, мальчишка, быть может, и не погибнет. И, безусловно, участие в испытательной экспедиции связано с риском... Наконец, Старик мог просто не подумать обо всем этом в решающий миг. Кто же мог знать, что в трудный полет пускают таких...

Старик отмахнулся от этих мыслей. Мальчишка здесь, любить его за это нельзя, но придется примириться.

Старик порывисто вздохнул. Он не снял пальца с клавиши, но левая рука его поднялась и легла на сектор управления тормозными. Она отвела сектор назад, заранее уменьшая мощность, которую должны были развить эти двигатели. Только после этого Старик включил их.

В конце концов можно было замедлять движение и таким способом, на половинной тяге. Но это требовало значительно больше времени, а кто мог сказать, что выкинут за это время Журавли? А они, как оказалось, способны преподносить сюрпризы.

Чтобы избавиться от этих мыслей, Старик перевел взгляд на экран. Перед тем он мельком глянул на парня. Перегрузки были вежливыми, но тому, кажется, хватало и таких. Молодежь определенно пошла хлипкая. Размышлять о жизни в пространстве — это да, а вот гоняться за Журавлями...

Экран заставил его не думать и об Игоре, который в этот момент, кривясь от перегрузки, размышлял о том, что Старик все же растерял значительную часть приписываемой ему решительности: конечно же, тормозить следовало куда резче. Но сказать об этом было невозможно; капитан наверняка смертельно обиделся бы.

Дельтавизор тем временем показывал, что стая, отклонившись от курса, стала удаляться. Но когда расстояние между нею и кораблем превысило то, какое существовало в момент включения ловушки, конус возвратился на прежний курс. Теперь он продолжал движение в том направлении, в каком летел до встречи с кораблем. Но, сохраняя курс, Журавли оставались все дальше за кормой, и пока скорости вновь не уравнились, люди могли только смотреть на экраны и переживать первую, пусть и частичную, неудачу. Кроме того, разумеется, надо было увидеть и запомнить как можно больше из того, что наблюдалось на выпуклых, светло сереющих стеклах.

Сейчас стая была видна очень отчетливо, каждый Журавль в отдельности. Расстояние еще мешало различить детали, но никто не поручился бы, что какие-либо детали вообще существуют. Пока же стало ясно, что конус действительно состоит из черных, но все же отблескивающих — как блестит черный атлас — тел, а вернее — поверхностей, потому что они и впрямь казались полотнищами, не имеющими ощутимой толщины. Обладая почти правильной ромбической формой, полотнища казались абсолютно неподвижными одно по отношению к другому, они не меняли места в строю, не совершали и никаких других движений. Конус постепенно становился меньше, отставая, но корабль продолжал плавное торможение (хотя Игорь и казалось, что человек лишь чудом может выдержать такое), и Журавли уменьшались все медленнее. Наконец они застыли в самом углу экрана, скорости уравнились, и Старик почувствовал, что настала минута, наиболее подходящая для второй атаки.

На этот раз он был осторожнее. Держа правую руку на красном рычаге дельта-ловушки, он левой медленно заглушил тормозные двигатели, а затем, перенеся левую руку на управление рулями, изменил курс, чтобы плавно, почти незаметно приблизиться к стае. Маневр Старiku удался, и Журавли снова стали увеличиваться на экранах, постепенно перемещаясь из угла в самый центр. Теперь Старик приблизился к ним еще больше, чем в первый раз и вышел на прежний курс, параллельный направлению стаи, лишь в тот момент, когда интуиция подсказала ему, что дальнейшее сближение опасно. Игорь не обладал такой интуицией, но он смотрел на приборы защитного поля, и уже хотел предупредить, что возможности защиты подходят к пределу, когда Старик прекратил сближение. Миг командир сидел с закрытыми глазами, словно отдыхая. Затем двинул красный рычаг.

Корабль опять задрожал: генераторы стремительно накапливали мощность. В следующий миг конденсаторы отдали накопленную энергию, толчком вышвырнув ее в пространство. Люди на мгновение перестали дышать.

И действительно, словно легкая рябь прошла по конусу, по каждому из полотнищ, называемых Журавлями. Старик вскинул руки, как поднимает их спортсмен, взявший ворота противника. Игорь набрал в грудь побольше воздуха, чтобы разразиться победным кличем. Но через полсекунды руки Старика упали, Игорь, захлебнувшись воздухом,

хрипло закашлялся. А еще через миг они зажмурили глаза, и даже закрыли их ладонями.

Экраны внезапно вспыхнули ярким светом, словно каждый Журавль мог сиять, как звезда, и вдруг включил это свое освещение. Яркость неожиданной иллюминации была такова, что глаза не выдерживали. Старик вслепую дотянулся до панели дельтавизора и выключил его, а следующим движением выключил ловушку. Генераторы заворчали, умеряя пыл, снижая обороты. В рубке стояла темнота. Люди открыли слезащиеся глаза. Через несколько секунд Старик вновь включил дельтавизоры, и на засветившемся экране открылось пространство, вдали которого угадывался стремительно уменьшающийся конус.

Теперь Старик понял, что послужило причиной явления, принятого им за вспышку. Кванты дельта-поля были единственными, которые отражались Журавлями; на столь близком расстоянии каждое полотнище стаи превратилось в гигантское зеркало для дельта-излучения, а дельтавизоры корабля послушно приняли отброшенные стаей лучи, и безжалостно швырнули их в глаза людям. Было очень хорошо, что все так просто объяснилось; но Журавли опять замедлили скорость и были уже далеко — так далеко, что пытаться сократить расстояние до них, тормозя так же плавно, как и в первый раз, было, пожалуй, бесполезно.

Но все же, это был единственный выход. И, стараясь не размышлять о силах, позволявших Журавлям многократно изменять скорость и направление движения, Старик снова включил тормозные, используя половину их мощности.

Несколько секунд в рубке слышалось только хриплое дыхание. Затем, с трудом выталкивая слова, заговорил Игорь.

— Почему... так... медленно?

Старик нехотя усмехнулся:

— Вам не выдержать.

Игорь передохнул.

— Выдержать.

— Я лучше знаю.

— Выдержу! Скорей!

Старик молчал.

— Вы... не понимаете... как важно...

Старик повернул голову. Он глядел мимо Игоря.

— Вы уверены, что выдержите?

— Один раз... да.

Теперь Старик взглянул Игорю в глаза. Через секунду кивнул.

— Хорошо. Но нужно лечь в противоперегрузочное.

— Нет. Должен быть... здесь.

Старик коротко вздохнул и сказал:

— Хорошо.

И плавным движением руки повел секторы вперед.

Игорю показалось, что мироздание всей своей тяжестью легло ему на грудь. Глаза перестали видеть. Он разучился дышать. Чтобы вспомнить, как это делается, пришлось собраться с мыслями. Затем дышать вдруг стало легче. Игорь прохрипел:

— Не сбавляйте...

— Нет, — услышал он. — Даю воздух под давлением.

— Когда будем в точке встречи... скажете.

— Да.

— Только бы... не опоздать.

— Не опоздаем.

Игорь хотел кивнуть, но сделать это оказалось просто невозможно: он чувствовал, что наклони он голову — и она отломится и упадет. Тогда он заставил глаза открыться и стал смотреть на экран, пытаясь угадать, где состоится встреча, и не опоздают ли они туда.

15

Они не опоздали. Они пришли в точку встречи как раз вовремя, чтобы увидеть, как пролетают Журавли.

В мертвом безмолвии межзвездного пространства призрачные полотнища скользили мимо корабля. Их безупречный строй не был нарушен, они сохраняли его намного точнее, чем их земные тезки. Корабль еще продолжал двигаться медленнее стаи, и теперь Журавли неторопливо обгоняли «Летучую рыбу». С приближением каждого из них приборы улавливали нарастание дельта-поля, затем его мгновенное уменьшение и снова нарастание до максимальной величины, намного больше первой, вновь падение до нуля — и все начиналось сначала.

Они пролетали мимо, и Старик подумал, что, судя по данным беспристрастной статистики, он видит их в последний раз. Если сейчас он не совершит того, о чем думал и к чему готовился долгие годы, то потеряет последнюю возможность достичь цели. Самую последнюю. Самую...

Эта мысль показалась ему бесспорной. Но тем не менее он не торопился еще раз пустить в ход ловушку. Ту, на которую так рассчитывал, и которая уже два раза не оправдала его надежд.

По-видимому, он до сих пор неправильно оценивал величину поля Журавлей. Она оказалась больше предусмотренного, больше того, на что Старик рассчитывал. Впрочем, даже знай он, что величина эта превышает ту, которую он использовал в своих расчетах и которая была выведена весьма приблизительно — все равно, он не смог бы изменить ничего: мощность его ловушки зависела от дельта-генераторов, а генераторы у него и так самые мощные из всех, какие только можно взять в космос. Это была игра вслепую, и он проиграл.

Проиграл стае, поэтому он и разрешал теперь Журавлям скользить, обгоняя корабль. Но мощность его ловушки — он знал это теперь наверняка — значительно превышала мощность каждого отдельного полотнища. И выход напрашивался: надо было пропустить мимо большую часть стаи и попытаться выхватить из конического строя лишь одно из последних полотнищ, которое взаимодействовало с полем всей стаи лишь в одном направлении.

Он ждал, а каждый следующий Журавль пролетал все ближе, потому что курсы стаи и корабля были параллельны, а всякий конус, как известно, расширяется к основанию. На всякий случай, Старик решил начать не с последнего ряда, а попытаться задержать полотнище, летящее, скажем, в четвертом от основания конуса ряду. Если и на этот раз мощности не хватит, то у него остаются в резерве еще три ряда. Но весьма вероятно, что успех последует сразу: здесь противодействие остальных Журавлей должно быть значительно слабее, и приборы подтверждали это.

Откинувшись на спинку кресла, он считал. Вот на скрещении осей экрана оказался седьмой от основания ряд. Напряжение поля поднялось и опало. Шестой. Считая, Старик бессознательно шевелил губами. Пятый. Приготовились... Четвертый. Пора!

Еще раз дрогнул корабль, выбрасывая в пространство невидимую сеть. Она устремилась в промежуток между пятым и четвертым, и этот четвертый неминуемо должен был запутаться в ее силовых линиях.

Люди приникли к экранам. И в момент, когда им казалось, что это уже неизбежно, что это уже произошло, неожиданное случилось снова.

Черное полотнище внезапно изогнулось и рванулось в сторону. Ничем нельзя было объяснить этот судорожный и стремительный рывок, при помощи которого Журавль ушел из зоны действия ловушки, еще не успев войти в соприкосновение с нею. Старик не собирался признавать себя побежденным, но следующий Журавль — из третьего ряда — свернул, еще не дойдя до места предыдущего, а следующий — еще раньше. Руки Старика заметались на пульте, давая усиление, меняя фокусировку, применяя множество ухищрений, мгновенно придумать которые мог он один, — ничто не помогло, и вскоре последний Журавль скользнул мимо корабля, с возрастающей скоростью удаляясь в пространство.

Так это выглядело на экране, и именно так это увидел Игорь. Но Старiku показалось, что последнее ускользавшее черное полотнище дрогнуло, на миг замерло — и вдруг рванулось к нему, окутывая его непроницаемой, тяжелой и душной чернотой.

16

— Ну, как вы? — спросил Игорь.

Старик пошевелился.

— Где мы?

— Все в порядке. Лежите спокойно.

— Курс, курс?

— Завтра скорость упадет до безопасной. Повернем домой.

— А Журавли?

— Уже далеко. — Игорь задумался, словно подсчитывая в уме, и повторил: — Далеко.

Старик вздохнул и закрыл глаза.

— Не беспокойтесь, — сказал Игорь. — Никакой опасности. Просто нервное переутомление. Естественно в вашем возрасте.

Старик пробормотал:

— Не возраст. Разочарование. И это — уже последнее.

Он помолчал. Затем усмехнулся.

— Столько лет — и все зря.

— Почему зря?

— Они ушли. — Старик вдруг приподнялся на локте и резко спросил: — Или нет? Этот, последний... Отвечайте!

— Ушли все. Но ведь что-то осталось...

— Записи, ленты? Я хотел не этого.

— Чего же?

— Понять их. Но для этого мне был нужен Журавль. Хоть один!

Игорь подумал, что лежащий перед ним старец — все-таки великий Старик. Захотим ли мы все Журавлей, потерпев последнее поражение, или хотя бы думая, что потерпели его?

— Не обязательно — схватить, — сказал он, но Старик не слушал.

— Сколько лет! — пробормотал он. — Сколько бы я провел экспедиций! Основал колоний... Мне очень много лет.

Этого он мог и не говорить; сейчас он был таким, как в тот раз в своей каюте, и при взгляде на него вряд ли могли возникнуть сомнения относительно его возраста.

— Но ведь вы достигли цели.

Что-то в голосе Игоря заставило Старика поднять голову. Глядя в глаза спутника, он требовательно сказал:

— Говорите!

— Подумайте! Ведь эти Черные Журавли...

— Как они называются, я знаю.

— Ведь они живые — эти ваши Журавли!

Старик медленно сел.

— Живые?

— Конечно! Вы бы поняли это сразу, не будь вы так захвачены ловлей. Никто, кроме живых существ, не может произвольно менять скорость и направление полета. А они делали и то и другое.

— Однако можно предположить...

— Мало того! Вспомните, как они шарахались от вашей ловушки. Это не поле отталкивало их, они уклонялись сами. Они сообщали друг другу! И во второй раз сделали это еще быстрее...

Старик подозрительно взглянул на Игоря.

— В какой второй раз?

— Пока вы... отдыхали, я еще раз попробовал.

— Вы! — сказал Старик. — Не вы ли обещали мне...

— Не менять курс? Я его и не менял. Я просто еще раз поравнялся с ними, и, вспомнив, как делали вы...

— Чудо, что мы не взорвались, — мрачно подумал вслух Старик. — Ну и результат?

— Я ведь говорил! Кстати, вы рассказывали, что уже пытались ловить их этим способом? Ну раньше?

— Ловушка была еще слабее...

— Все равно. Они знают, понимаете — знают этот способ. Вы научили их!

— Жизнь в пространстве... — пробормотал Старик. — Эта ваша идея не укладывается в голове.

Игорь усмехнулся.

— Придется уложить. Потому что это не только идея.

— Итак, вы предполагаете, что они живут...

— Здесь! В пространстве. Почему вы думаете, что жизнь возможна только на планетах? Что само пространство не может быть обиталищем живых существ?

Старик пожал плечами.

— И все же! Межзвездное пространство — обитель жизни? Кто слышал об этом?

— А кто до вас слышал о Черных Журавлях?

— Каков же их обмен? Вообще энергетика?

— Очевидно, они усваивают энергию непосредственно, в виде излучения. Поэтому у них максимальная площадь при данном объеме. А дельта-поле используют для передвижения и локации.

— Да, да, — задумчиво проговорил Старик. — Первое нарастание поля — локация, второе — выброс квантов в моменты изменения движения. Возможно, возможно... Вы, конечно, замеры суммарную мощность поля перед конусом и степень ее ослабления?

— Нет. Я не знал...

— Следовало догадаться. Напрасно вы не сделали этого.

— Пустяки. Все равно, мне страшно, небывало повезло!

Старик поднял брови.

— Вот как?

— Еще бы! Теперь становится ясным, почему они стремятся к Новым: там они могут получить максимум энергии. Новые им по вкусу. И разве это не назовешь везением: именно в этом полете, от которого я больше ничего уже не ждал, мне удалось убедиться в том, что в пространстве действительно существует жизнь.

— М-да... Оказывается, наши интересы уж не столь несовместимы, как вам казалось.

— И вам тоже. Но это ваше открытие...

Старик прищурился.

— Мое, вы сказали?

— Но кто же нашел Журавлей?

— Важно, не кто настиг, а кто постиг.

— Нет, важно — кто дал возможность...

— Ладно, — сказал Старик. — Перестаньте. И вообще, пока еще не до дележа лавров. Вот если бы вы замерили напряженность перед конусом и ее вектор...

— Но к чему?

— Опять вы торопитесь! — вспыхнул Старик. — Почему бы вам не обдумать полученные данные всесторонне? Ведь, если Журавли направляются к Новым не случайно и направляются еще тогда, когда Новые не успели вспыхнуть — не ясно ли, что их органы, воспринимающие дельта-излучение, настолько чувствительны, что улавливают начинающиеся в недрах звезд процессы задолго до того, как их замечаем мы. Запомните! Там, куда стремятся сейчас Журавли, вспыхнет Новая. Достаточно бдительная патрульная служба, точные измерения — и люди заранее будут знать, где произойдет очередной взрыв. А если бы мы знали напряженность их локационного поля, мы получили бы представление и о чувствительности их рецепторов. И если бы был известен вектор, уже сегодня можно было бы сказать, какая именно звезда вспыхнет! Как можно проходить мимо столь очевидных вещей?

Он покачал головой и прибавил:

— Если я отдыхал, то именно от вашей безалаберности и легкомыслия.

Игорь ничуть не обиделся.

— Принимаю упрек, — сказал он. — Теперь вы все знаете. Отдыхайте же дальше. Приходит пора взглянуть и на других, земных журавлей.

17

— Пора, — сказал Старик, прикрывая глаза. — Пора... Все-таки отдохнуть по-настоящему можно только там.

Он вздохнул.

— Как жаль, что вы не провели измерений.

— В другой раз... Да вы лежите!

Старик, морщась, всунул ноги в туфли.

— Я уже достаточно лежал.

— Всего трое суток...

— Ничего себе! Так... Максимальную скорость стаи мы знаем: они увертывались от нас, замедляя ход, а не ускоряя. Если бы они могли, то стремились бы обогнать. Они не могли. Значит...

— Что вы хотите?

Старик усмехнулся.

— Насколько я помню, вы сами напросились на мой корабль?

Игорь засмеялся и сказал:

— Бесспорно. Но...

— Никаких «но»! — сказал Старик. — С земными журавлями вам придется обождать мой мальчик.

— Мне не к спеху. А сейчас?

— Наша скорость — на двадцать тысяч в секунду больше. Направление известно, — победоносно произнес Старик. — Земные не уйдут. А мы с вами еще раз посмотрим на Черных Журавлей!

ЛЮДИ И КОРАБЛИ

Вдалеке горели костры.

Если человек давно не встречал людей, у него в глазах поселяется темная тоска. Но он разводит костер, и одиночество отступает. И человек протягивает руки к огню, как протягивает их другу.

Огонь сродни человеку. Он течет по жилам, пылает в мозгу и блестит в глазах. Люди любят глядеть в пламя; они видят там прошлое и угадывают будущее. Если же человек — бродяга, он любит огонь еще и за вечную изменчивость горячей судьбы.

А здесь не из чего даже развести костер.

Когда-то это было просто. Хворост хрустел под ногами, сухие стволы бросались поперек тропы, нетерпеливо ожидая той минуты, когда им будет дано унести в небо языком яркой плазмы. Так было в лесах Земли и в других лесах.

Что же, бродяга, иди своей дорогой. Тоскуй по огню костров и ночлегу в траве, вспоминай, как это было хорошо, думай, как хорошо еще будет. Иди и грейся у огня далеких звезд, пока нет земного пламени, пока ты один...

«Вот черт, — подумал Валгус. — Какую лирику развел, а? Сдаешь, бродяга. И поделом: характер у тебя не для компании. Да ты даже и не один. Еще есть этот... кстати, что он там?»

— Одиссей! — негромко сказал Валгус. — Давайте текст.

Последовала секундная пауза. Затем послышался холодный безразличный голос:

— Окисление шло медленно. Реакция не стабилизировалась. Выделявшейся энергии было слишком мало, чтобы обеспечить нормальное течение процесса. Можно предположить, что окислявшаяся органика содержала слишком много воды, поглощавшей тепло и тем самым мешавшей развитию реакции...

— Стоп! — сказал Валгус. — Этого достаточно. Бессмертные боги, какая ужасная, непроходимая, дремучая, несусветная чушь! От нее уши начинают расти внутрь. Понял, Одиссей?

— Не понял.

— В этом-то и несчастье. Я просил тебя перевести маленький кусочек художественного текста. А ты что нагородил? Понял?

— Я понял. Описанный способ поднятия температуры воздуха существовал в древности. Были специальные сооружения — устройства, аппараты, установки — в жилищах. В них происходила экзотермическая реакция окисления топливных элементов, приготовленных из крупных растений путем измельчения. В данном тексте говорится о поднятии температуры воздуха. Дается начальная стадия процесса. Текст некорректен. Воздух нагревается вне помещения. Чтобы таким способом поднять температуру воздуха на планете, нужно затратить один запятая восемь на десять в...

— Да, — грустно молвил Валгус. — Но в тексте просто сказано, что костер не разгорался — дрова были сырыми. И все. Употребить архаизмы «дрова» и «костер», и дело с концом. А?

— Я не знаю архаизмов, — скрипуче пробормотал Одиссей.

— Он не знает архаизмов, бедняга. Ах, скажите... А фундаментальная память?

— Ее надо подключить. Я не могу сделать этого сам.

— Ага, — проговорил Валгус, раздумывая. — Значит, подключить фундаментальную память? А что ж, это, пожалуй, справедливо. Может быть, я так и сделаю. Я сделал бы это даже сию минуту, если бы ты после этого смог мне сказать, почему не возвращаются корабли... — Валгус помолчал. — Почему они взрываются, если они взрываются. А если остаются целыми, то что же, в конце концов, с ними происходит? Кто здесь мешает со своими чудесами? Я тебе завидую, Одиссей: ты-то разберешься в этом очень скоро. Хотя — куда уж твоим холодным мозгам...

«Вот станет излучать Туманность Дор, когда ему придется прослушивать эти записи, — подумал Валгус между прочим. — Ну и пусть излучает. Могу же я себе позволить...»

— Впрочем, — сказал он громко, — завидовать тебе, Одиссей, не стоит. Может быть, ты действительно просто

взорвешься. Этого себе не пожелаешь. А?

Одиссей презрительно молчал. Валгус пожал плечами.

— Ну-ну... Только до сих пор в природе взрывы всегда сопровождались выделением энергии. А наши эксперименты, наоборот, дают ее исчезновение. Назло всем законам. Исчезает корабль и почти вся энергия с ним. Слабенькая вспышка — и больше ничего. Тебе понятно?

— Не понял, — без выражения произнес Одиссей.

— Не ты один. А вот я должен был уразуметь, в чем тут дело. И проверить. Вернее, проверять-то придется тебе. Мое дело — попросту принести тебя в жертву. В твои бы времена, Одиссей, заклали быков. Времена изменились... — Валгус помолчал. — Так включить тебе память? Нет, лучше сначала скажи, как дела.

— Я в норме, — отчеканил Одиссей. — Все механизмы и устройства в порядке.

— Программа ясна?

— По команде искать наиболее свободное от вещества направление. Лечь на курс. Увеличивать скорость. В момент «Т» включить генераторы. Освободить энергию в виде направленного излучения. Через полчаса снять ускорение и ждать команды.

Одиссей умолк. Наступила тишина. Только неторопливо щелкал индикатор накопителя: ток... ток... ток... Валгус прошелся по рубке, упруго отталкиваясь от пола. Пилот задумчиво смотрел перед собой, схватив пальцами подбородок.

— Уж куда как ясна программа... Итак, нам с тобой, ущербный мой спутник, предстоит...

Но даже объяснить, что именно предстояло, было, по-видимому, достаточно трудно, и Валгус не стал продолжать. Еще несколько минут он колесил по просторному помещению, все так же сжимая пальцами подбородок. Затем приостановился, медленно покачиваясь на каблуках.

— И ты взорвешься — или уйдешь туда. В надпространство. В последнем эксперименте расплылся «Арго». Или все-таки ушел? Первую часть программы он выполнил точно, но вторую... Так или иначе, назад он не вернулся. Прекрасный корабль — «Арго». Разве что у него было четыре приданных двигателя, а у тебя пять... Не вернулся. Хорошо — включу тебе память. Совершенствуйся, постигай непостижимое. Может быть, хоть тогда ты начнешь разговаривать по-человечески. Иначе мы с тобой каши не сварим... Кстати, что сегодня на обед?

— Меню четыре, — сказал Одиссей.

— Хоть поем в свое удовольствие, — пробормотал Валгус. — Невинные радости бытия... Так ты говоришь, память? Пусть так... Ты знал, что просить. Но все равно, тебе придется идти на прорыв... Корабли не возвращаются, в этом вся история. А потом болтаться на шлюпке и ждать, пока тебя подберут — невеселая перспектива. Что я, лодочник? И вообще, лишь стоит об этом подумать, как сразу хочется верить, что обладаешь бессмертной душой, которой не страшны взрывы. Пусть память, ладно...

Валгус, не торопясь, шел по коридору. Он намеренно избрал самый длинный путь в библиотеку, где надо было включить фундаментальную память. Валгус любил ходить по коридору. Длинная труба звала ускорить шаг, но Валгус сдерживался, чтобы продлить удовольствие, которое давала ходьба.

Сначала он шел своим обычным шагом, легким и упругим. Потом зашагал шире, чуть покачиваясь. Сколько хожено таким шагом по земным дорогам, по лесным тропам, боже ты мой, и когда это успелось? А когда еще придется?.. Эта мысль не понравилась Валгусу, и он сменил шаг на спортивный. Словно бы здесь был не коридор, а дорожка стадиона, и он еще где-то на средних курсах Звездного, и все, что уже было, еще только предстоит... Третий курс. Стоп.

Он опять переменял походку. Пошел медленно, как ходят, когда меньше всего собираются торопиться... Обычно так шагают не в одиночку, и Валгус даже покосился вправо. Нет, друг мой, не смотри вправо, там никого нет. Смотри лучше влево, это полезнее.

Вдоль левой стены были установлены устройства. Откидывая крышки кожухов, Валгус взглядом проверял готовность терпеливо ждущих нужного момента магнитографов, астро-спектровизоров, стереокамер, экспресс-реакторов и всего прочего, придуманного хитроумным человечеством, чтобы не пропустить момента, когда будет проломлена стенка трех измерений, и корабль нырнет в неизвестное и непонятное надпространство.

И нырнет-то без тебя. Всегда все предпочитают обходиться без тебя. Такой уж у тебя характер. А кто виноват? Ну, хорошо, ты — бродяга. Не совсем свой на Земле. Таких, как ты, породило время. Мы — неизбежные издержки эпохи; время не всегда ласково к отдельным людям. Мы — бродяги, испытатели и экспериментаторы, мы летаем в оди-

ночестве, наедине со Вселенной и своими мыслями, и отнюдь не привыкаем здесь к обходительности, не учимся терпимости к чужим слабостям. Такова наша жизнь. Считанные рейсы — и жизнь вся; рейсы длятся годами, и кому дело до того, что в тебе осталось слов еще на целые десятилетия? Здесь можно поговорить лишь с Одиссеем, но это — скучно. И то он скоро нырнет — и исчезнет.

Если только нырнет. Всегда казалось, что корабли проламывают стенку и уходят в надпространство. И не возвращаются...

Коридор кончился. Ничего себе коридорчик, добрых полкилометра длиной. Валгус не без усилий отворил тяжелую дверь. Отсек обеспечения автоматики; его проверка тоже входит в план подготовки к эксперименту. Здесь было тесно. Ни лишнего места, ни лишних механизмов. Но и в тех, что были необходимы, разобраться с первого взгляда казалось совершенно невозможным.

И все-таки — почему? Но гадать не стоит. В наше время не гадают. Когда заходит в тупик теория — летят на место и собирают факты. Собирают факты и теряют корабли. От тебя требуется одно: новые факты. Никто не ожидает новых гипотез. Никто не спросит, почему. Спросят лишь — как.

Ну, на это ответить будет несложно. До поры до времени все станут записывать устройства — эти самые и еще установленные на шлюпке. А вот что произойдет дальше?

«Хотел бы я, — подумал Валгус, — угадать, что будет дальше. Но я не могу. И он не знает, технически гениальный Одиссей, который хочет иметь и фундаментальную память. И никто вообще понятия не имеет. Да, хотел бы я все-таки знать... Впрочем, любопытство губило многих, а мне вовсе неохота попасть в их компанию. Мне еще хочется полетать, риск же хорош лишь в пределах разумного».

Он сидел на ступеньках трапа, ведущего во второй ярус отсека обеспечения автоматики. Размышлял, удобно оперев подбородок на ладонь.

Все-таки — взрывы это или нет? Туманность Дор (в миру — академик Дормидонтов) клянется, что нет. И тем не менее корабли взрывались. Откуда бы иначе братья вспышкам? Жаль этого бедного, туповатого Одиссея. Что с него взять — он ведь не человеческий, а всего лишь корабельный мозг. Но какой пилот не жалеет корабли? Они почти живые... Так на чем мы остановились? На том, с чего начали.

Вздохнув, Валгус поднялся со ступеньки. Вышел в коридор, затворил за собой дверь и тщательно, до отказа закрутил маховик.

— Ну, сюда больше ходить незачем. Расстанемся. А уж если не расстанемся...

В самом деле, а если не расстанемся? Вдруг что-нибудь... мало ли — может отказать шлюпка. В последний момент. Был когда-то такой случай. Пилоту удалось затормозить вовремя. Могло и не выйти.

— Ну если не расстанемся, то сюда, пожалуй, заглянет на миг моя бессмертная душа...

Он сам перебил себя внезапным смешком, потому что ему представилось, как его гипотетическая бессмертная душа, голенькая и смущенная, будет жаться в угол и недоуменно поглядывать на поросшие махровым инеем колонны криогеноз или на бокастые сундуки катапультного устройства. Это было действительно смешно, и он еще весело кашлял, входя в библиотеку. Так он смеялся. А что? Все равно, никто не слышит.

Здесь было удобно, уютно — как на Земле. Стояли глубокие кресла, несколько кресел, а он, Валгус, — один. Пришлось по очереди посидеть в каждом кресле — ни одному не обидно.

Просто странно, как бывает нечего делать перед началом эксперимента. Наибездельнейшее время во всем рейсе... Взгляд Валгуса скользнул по записям в гнездах, занимавших переборку. В них была собрана, как говорится, вся мудрость мира. Ну не вся, конечно... Но для Одиссея вполне достаточно. Удобная библиотека, доступная и человеку, и решающему устройству на криотронах, устройству по имени Одиссей.

Вот мы это и используем. Увеличим нагрузку на Одиссея. Зачем? Да просто так. Для работы фундаментальная память Одиссею в этом рейсе не нужна. Она — на случай, если устройству придется решать специальные задачи. Как это было, например... Ну, что было, то было. Просто с Одиссеем будет приятнее разговаривать. Он чуть больше начнет смахивать на человека. И нет никого, кто бы запретил Валгусу делать это. А уж кто-нибудь обязательно запретил бы. Подключать фундаментальную память без необходимости не рекомендуется. И дело не в увеличении нагрузки. Дело в том, что, хотя машину конструировали и изготавливали люди и люди же заложили в нее определенные свойства, но иногда с этими устройствами бывает так: наряду с десятью известными, наперед заданными свойствами ты, сам того не зная, закладыва-

ешь в него одиннадцатое, неизвестное и непредусмотренное, а потом сам же удивляешься: почему машина поступает так, а не иначе.

Впрочем, к фундаментальной памяти это не относится. Так что включим ее, не мудрствуя лукаво...

Валгус повернул переключатель, присоединявший всю память библиотеки к контактам Одиссея. Пусть теперь просвещается в области литературы, пусть занимается человековедением. Кстати, это не отнимет у него много времени. Вот исчезнувший неизвестно как «Арго», наверное, так и взорвался, не обогатив себя знанием литературы. Может, ему от этого было легче взрываться?

Валгус уселся в последнее кресло, подле экрана. На нем были все те же звезды в трехмерном пространстве. Привычный пейзаж. Сфера неподвижных звезд, — как выражались древние... Звезды и в самом деле оставались неподвижными, хотя скорость «Одиссея» была не так уж мала... Неподвижны.

Валгус вдруг собрался в комок, даже поджал ноги.

Звезды были неподвижны — за исключением одной. Она двигалась. И быстро. Перемещалась на фоне остальных. Становилась ярче. Что такое?!

Он проделал все, что полагалось, стараясь убедиться, что не спит. Да нет, он вовсе не собирался спать — теперь меньше, чем когда бы то ни было. А звезда двигалась. Светящееся тело. Но тут — не Солнечная система, где любой булыжник в пространстве может блистать, отражая лучи Подателя Жизни. Нет, здесь уж если тело сверкает, то без обмана. Да оно и движется к тому же. Это, конечно, не звезда. А что? Район закрыт для кораблей. Заведомо пуст. Чист для эксперимента. А что-то горит. Плывет такой огонек... Огонек?

Валгус вплотную придвинулся к экрану, прижался к нему, хотя и незачем было. Но все же... Нет, не один огонек. Один ярче, два послабее. Треугольником. И чуть подальше — еще два. Что-то напоминает ему эта фигура. Что-то, сто раз виденное. Ну? Ну?

Он вспомнил. Это было видано даже не сто раз. Больше. Один ярче, два послабее, и дальше — еще два. Навигационные огни. Его собственные навигационные огни. Глаз уже угадывал и контуры корабля — контуры «Одиссея». Валгус задрал брови и выпятил нижнюю губу.

Это что же значит? Он, Валгус, сидит в библиотеке корабля, и видит его со стороны. Не его, конечно, —

отражение. Пилот, летя над Землей, может видеть тень своего самолета на облаках или на поверхности планеты. В воздухе могут возникать миражи, в том числе и отражения. А здесь, в добротной пустоте?

Вот оно, открытие, Валгус. А ты тосковал... До этого не додумался бы даже Туманность Дор. Не говоря о фантастах, которые, как известно всем, читающим газеты, вообще ничего придумать не в состоянии. Газеты приходят к такому выводу всякий раз, как совершается событие, о котором фантасты бросили писать уже лет сто назад. Ну это их дело... Но вот такое отражение? В чем отражается «Одиссей»? Ну-ка, напряги мозги...

А ведь это «Одиссей», нет сомнения. Как хорошо! Ведь до сих пор ни разу не приходилось увидеть свой корабль со стороны в полете. Это видели другие, и у них захватывало дух и пробивались слезы, когда «Одиссей» начинал разгон, и базовый корабль или Большой Космостарт растворялись в прошлом. Но для самого Валгуса в эти минуты существовало только ускорение, перегрузки и бешеный трепак индикаторов и стрелок. А вот теперь...

Тебе повезло, Валгус, бешено повезло. Не говоря уже о том, что это — открытие высшего класса, это просто красиво. Стремительное, вытянутое тело корабля, рвущееся все дальше и дальше к далеким звездам. Каким внушительным выглядит отсюда защитный экран... Вот небольшое вздутие жилой группы, ошетилившееся антеннами генераторов ТД. А дальше — длинная труба коридора, утолщение двигательной группы и на размашистых фермах — приданные. Строго, красиво, целесообразно настолько, что даже эти приданные двигатели не портят облик корабля, не делают его тяжелым или неуклюжим. Хотя их целых пять, этих двигателей...

«Четыре, Валгус, четыре, — подсказал здравый смысл. — Откуда пять, когда их всего четыре?».

Валгус еще раз пересчитал. Что за черт... До пяти-то досчитать нетрудно, но ведь здесь и вправду — всего четыре приданных двигателя на четырех фермах, а не пять на пяти! Значит?..

Значит, это не «Одиссей». Только и всего. Это другой корабль. Идет параллельным курсом. А? Откуда здесь корабль?

Валгус дышал хрипло, словно после небывалого усилия.

Громоотвод и молнии! Бессмертные боги, покровители галактических дураков! Вакуум-головы, великие раззя-

вы мироздания! Он же мог приступить к опаснейшему эксперименту, а тут — вот, пожалуйста — разгуливают себе корабли с ротозеями на борту. Лезут, ничтоже сумняшеся, в статистику несчастных случаев. Прямо-таки рвутся. Нет, командир их поступит очень разумно, если постарается не встречаться с Валгусом на Земле. Впрочем, зачем ждать встречи, когда и сейчас можно выйти на связь с этим адмиралом разгильдяев и сказать кое-что о людях, путающих командирское кресло с детской посудинкой...

Извергая на головы разгильдяев все новые проклятия — а их немало поднакопилось за время полета, просто не на кого было излить их, — Валгус кинулся к двери. Он уже затворил ее за собой, когда в библиотеке — ему показалось — что-то негромко шелкнуло. Валгус торопился, разноцветные словечки и выражения, многоступенчатые, как давние корабли, кишели в мозгу и просились в эфир. Однако приросшая к характеру Валгуса за долгие годы полетов привычка больше всего заниматься мелочами заставила его вернуться.

Очевидно, он не повернул переключатель: фундаментальная память оказалась отсоединенной. Валгус снова включил ее, тщательно и аккуратно, и направился к выходу. На этот раз неторопливо: все равно, из зоны устойчивой связи этот лихач Млечного Пути так скоро не выйдет.

На этот раз шелкнуло, когда Валгус только что взялся за ручку двери, и он обернулся так быстро, что ему самому стало ясно: он ждал этого шелчка. Да, Одиссей упорно отказывался от подключения фундаментальной памяти. Тот самый Одиссей, который не далее как час назад прямо изнывал без нее. Не начал ли сказываться какой-нибудь неучтенный эффект? Это самое одиннадцатое свойство?.. Одиссей отказывается! Смешно, как будто горсть криотронов может отказываться или не отказываться... Да, кто-то лезет со своими чудесами, кому-то не терпится попасть в боги.

Ехидно улыбаясь, Валгус на этот раз уж постарался закрепить переключатель так, чтобы было невозможно нарушить контакт. Вот так-то; на корабле один хозяин, и имя ему — Валгус. А вне корабля?

На экране пять огоньков независимо скользили между звезд, неизвестный корабль по-прежнему ковылял параллельным курсом. Как будто ему было задано сопровождать «Одиссей» на штурм пространства. Ерунда, такого поручения не было дано никому, Валгус это знал совершенно точ-

но. Нет, это дремучий ротозей. А что тут делать хотя бы и ротозею?

Валгус вошел в рубку, откашливаясь для предстоящего разговора и стараясь выглядеть все же спокойно. Так уж полагалось, хотя если бы даже Одиссею было и не все равно, как выглядит пилот, корабельный мозг так или иначе этого бы не увидел: внутренних оптических рецепторов у него за ненадобностью установлено не было. Просто командир корабля всегда должен быть спокойным. И Валгус неторопливо включил видеоустройства, покрутил рукоятки, разыскивая чужой корабль. Ротозейское корыто болталось на старом месте, но устройства в рубке были куда мощнее библиотечных, и можно было различить не только контур. Если бы такое же усиление было в библиотеке, Валгус и там не принял бы корабль за «Одиссей».

Да, это была почти однотипная с ним машина последнего выпуска. На широко разнесенных фермах у нее действительно было не пять приданных двигателей, а всего четыре, но зато выходы генераторов ТД — теперь это было ясно видно — торчали не только на жилой группе, но и на прилегающем участке коридора. Такой корабль в известной человеку части Вселенной был только один. А именно — тот самый «Арго», который не вернулся из эксперимента полгода тому назад.

Валгус жалобно засмеялся. «Арго». Так... Что еще произойдет сегодня? Он кашлял, скрипел и давился смехом, потом внезапно смолк. Одиссей тоже вроде бы посмеивался — он мигал индикаторами связи. Переговаривался с «Арго»? Но если даже это действительно корабль, то уж людей на нем быть никак не может. Что же это мигает? Ни в какую азбуку не укладывается... Обычно по индикаторам можно с легкостью разобрать, что говорят, что отвечают. Здесь — какая-то бессмыслица. И тем не менее работает именно связь. Мой идиот Одиссей переговаривается... А ну-ка, я вызову этот призрак сам...

Валгус уселся за связь. Он вызывал долго, все более ожесточаясь. Как и следовало ожидать, никто даже не подумал отозваться. Сорвать злость оказалось абсолютно не на ком. Разве что на себе самом, но это было бы уж и вовсе бессмысленно. Ишь ты, Валгус, как ты сдержан сам с собой. С товарищами-то не всегда... Далеко они сейчас, товарищи...

В общем, все понятно. Вот к чему приводит чересчур упорное мудрствование в одиночку на тему — куда

деваются корабли, взрываются или уходят в надпространство. Галлюцинация, Валгус, вот как это называется. Мы сделаем вот что: сфотографируем этот участок пространства. И пойдем спать. Необходимо отдохнуть, если уж дело зашло так далеко. А эксперимента сегодня не будет. Никто от этого не умрет, а хорошо выспаться — половина успеха...

Он сфотографировал этот участок пространства. Обработать снимки можно будет потом, а сейчас действительно очень хочется спать. Да на снимках и не окажется ничего: оптика не галлюцинирует. Пойдем в каюту...

Но Валгус чувствовал себя все еще чересчур возбужденным, пульс зло колотился в висках. Так, пожалуй, не уснешь. Надо заняться чем-нибудь таким — простым, легким... Хотя бы проверить шлюпку, вот что. От нечего делать — и, понятно, для спокойствия. Чтобы уже завтра не случилось ничего такого.

Валгус усмехнулся. Ладно уж, не делай вид, что вспомнил о шлюпке просто так. Я-то тебя знаю, вселенский бродяга. Риск — в пределах разумного...

Шлюпка была наверху. Пришлось подняться по широкому, пологому трапу, рассчитанному на то, чтобы по нему можно было пробегать, ни за что не зацепляясь, даже в самые суматошные минуты полета. Вот люк был узковат. Шлюпка есть шлюпка, такой небольшой космический кораблик на одного человека. После начала эксперимента ты будешь спасаться на нем, пока Одиссей станет ломиться в надпространство.

Валгус, как и полагалось по инструкции, осмотрел шлюпку снаружи, вручную провернул освобождающий механизм, прямо-таки обнюхал катапульту, затем забрался внутрь, в тесноватую рубку. И здесь все было в порядке. Шлюпка уже сейчас, кажется, делала стойку — только скомандуй, и она кинется вперед и унесет тебя подальше от опасностей, от возможности взрыва... Да, все в порядке. А у Валгуса и не бывает иначе. Минимум риска. И — инструкции: их надо выполнять, они указывают нам, что следует делать. Вот только никто не указывает, как не взорваться...

Опять ты об этом, достопочтенный бродяга! Хватит на сегодня, иначе тебе снова начнут мерещиться мертвые корабли. Не надо. Осмотрел шлюпку — прекрасно. Иди, ложись спать.

Возвращаясь, Валгус не забыл проверить, надежно ли заперты отсеки с аппаратурой ТД. ТД — так сокращенно именовался Туманность Дор, а его аппаратура — это

были скромные машинки по полторы тонны весом, те самые генераторы, при помощи которых корабль будет пытаться изогнуть вокруг себя пространство и проломить или прорвать его. Прямо-таки скучно, но и здесь никакого беспорядка не было. Одиссей знал свое дело. Правда, он не знал ничего другого. Например, что вовсе не так уж сильно хочется оставлять его одного в решающий момент...

Валгус распахнул дверь своей каюты. Вошел и затворил дверь за собой. Он мог бы и не делать этого, потому что никто не потревожит его сон и при раздвинутых створках: ближайший из тех, кто мог бы совершить такую бестактность, находился на базовом корабле, за миллиарды километров отсюда. Но Валгус все-таки захлопнул дверь — по привычке к порядку.

Затем он снял куртку, аккуратно повесил ее в шкафчик и уселся на низкое, покорно подавшееся под ним ложе. Зажег малый свет. Взял с тумбочки дешифратор с вложенной записью книги. Включил.

— Младая, с перстами пурпурными Эос, — саркастически произнес Валгус. — Все-таки в пространстве Гомер как-то не лезет в голову. Меня смутил Одиссей — хотелось аналогии. Криотронный Одиссей тоже достаточно хитроумен, только он — из другой оперы. Надо было взять что-нибудь повеселее.

Но он отлично знал, что читать сейчас все равно не в состоянии. Стоит начать — и опять полезут в голову мысли, полные белых пятен. Надо просто спать, спать. Хорошо бы увидеть какой-нибудь нейтральный сон. Раз уж нельзя здесь развести костер, неплохо будет посидеть у огня хотя бы во сне...

Он протянул руку к гипнорадеру — маленький рефлектор прибора поблескивал на стене над ложем. Рука остановилась на полпути, потом неторопливо возвратилась в исходное положение.

— А возможно, не спать? — подумал Валгус вслух. — Так я хоть сам с собой поговорю, и все становится на места. А приснится еще кто-нибудь оттуда, с планеты...

Кто-то приснится, и ты начнешь говорить с ним. У костра. Но не греют нас костры снов, а разговор ты не успеешь кончить и, может статься, так и не успеешь договорить никогда. Уж лучше не начинать таких разговоров, которые оканчиваются ничем.

Да, в этом было, наверное, дело, а вовсе не в ощущении невозможности сна — о нем вам расскажет лю-

бой звездник. Это ощущение возникало, когда скорость перемещалась за половину световой. Тут все было ясно — космопсихиатры давно выяснили, что ощущение это появлялось не от скорости, которая вовсе не ощущается, а только от мысли — может быть, даже неосознанной, — что пока ты приляжешь на несколько часиков и будешь мирно похрапывать на ложе или просто в откидном кресле, на Земле могут родиться и составиться поколения... Между прочим, для того-то человечество и разыскивало выход в надпространство, чтобы людям никогда не улетать на столетия... Но, во всяком случае, стоило это представить — и спать становилось невозможно, просто невыносимо из-за угрозы проспять чью-то жизнь: может быть, той женщины, которая называлась бы счастьем, или мужчины, что стал бы лучшим твоим другом. Так думают звезданки, но может быть, дело все-таки в снах, а не в этом. А в общем — думайте, как хотите, но каждое спальное место на корабле оборудовано гипнорадером — прибором, который надо только включить, — и можно спать и видеть сны.

«Что же, — подумал Валгус, — будем видеть сны»... Он решительно включил гипнорадер. Забудем мертвые корабли... Он устроился поудобнее, мысли затянул легкий туман. Забудем... И пусть будут сны. Он улыбнулся, и глаза закрылись сами.

Он проснулся свежим от сновидений. Реле времени работало точно, и можно было делать все не торопясь.

Порядок был заведен раз и навсегда. Ионная ванна. Массаж. Валгус постанывал от удовольствия, а сам тем временем для разминки решал в уме систему довольно каверзных уравнений. Затем последовали десять минут упражнений на сосредоточенность и быстроту реакции. Завтрак. Завтрак был съеден с аппетитом. На аппетит не влияла никакая скорость, и вообще ничто не влияло, если на столе было что-нибудь повкуснее. От завтрака, как известно, зависит настроение, которым Валгус очень дорожил.

Затем он переоделся во все чистое и долго надраивал ботинки. Он успокоился, лишь когда черный пластик заблестел не хуже главного рефлектора. Конечно, такой парад был не обязателен — все равно принимать его некому. Но пилоту предстояло сесть в командирское кресло, за пульт. А ни один звездник не унижится до того, чтобы сесть в командирское кресло в невычищенных ботинках или в кое-как выглаженном костюме. Бытовой комбайн шипел и фыркал, но Вал-

гус критически обозрел брюки и еще раз прошелся по ним вручную. С хрустом развернулась рубашка, в складках ее жил запах земных, дурманных вечеров... Потом Валгус долго разглядывал свое отражение в большом зеркале, повертываясь туда и сюда — при этом золотые параболы на груди взблескивали мгновенно и глубоко. Вахта есть вахта, нельзя оскорблять корабль небрежным отношением к ней. Уж это Валгус знает, летает не первый год. Может быть, конечно, последний...

Во всяком случае, не первый. Поэтому не кто-нибудь, а именно он идет сейчас на корабле последней модели, доверху набитом аппаратурой. Ее с великим тщанием устанавливали монтажники и ученые, и сам пресловутый ТД, кряхтя от гнетущей славы, излазал все отсеки. Он перепробовал каждое соединение и при этом потрясал широчайшей бородой. Той самой бородой, которую, по слухам, вначале и окрестили Туманностью Дормидонтова. Уже впоследствии это название перешло на него самого и сократилось до простого ТД. Впрочем, Валгус думал иначе — корни прозвища, наверное, заключались в манере ТД зачастую говорить крайне туманные вещи, которых никто не понимал, и лишь куда позже все вдруг становилось ясным, хотя по-прежнему в это не верилось. Вот в чем было дело, а вовсе не в бороде, которую ТД носил только для солидности, — ему еще не было и сорока.

Вот и теперь корифей навел туман на вопрос о надпространстве. Никто еще не понимал, как следует, что же такое надпространство, но ТД утверждал, что выйти в него можно. Из-за этого и гибли корабли. Конечно, дело стоило того. Если можно прорваться в надпространство — это станет открытием века. Не какие-нибудь там липовые отражения в пространстве, которые на поверку оказываются обычными галлюцинациями. Надпространство — это значит, что решается проблема сообщения и связи. Метагалактика — да, даже Мета сжимается до карманных размеров. Смятый лист бумаги, который можно сложить любым образом, — вот что такое тогда пространство. Как обычно, всем вдруг все станет ясно — и гениальность ТД в очередной раз станет очевидной, и пребудет таковой, пока он опять не упрется плечом в какую-нибудь теорию и не начнет ее раскачивать; а пока что бородач будет только помалкивать да посмеиваться, как будто бы и не представлял себе, что его предположения могут не
504 подтвердиться.

Да, открытие века. Недурно совершить его, если даже гипотеза принадлежит не тебе; даже просто доказать ее справедливость — и то уже очень хорошо. Признайся: поэтому-то ты и наприсился в этот полет. А вовсе не из-за своего сварливого характера, который, как ты уверяешь, мешает тебе долго оставаться на Земле. Нет, не из-за характера. И даже не потому, что она сказала тебе только корабли укрощать, а не меня... Она могла бы так и не говорить. С другой стороны, кто виноват в том, что у него такой характер? В полете, в одиночном, многомесячном полете и ангел стал бы сварливым — только не пускают ангелов в испытательные рейсы... А к тому же здесь привыкаешь, что каждое твое приказание такой вот Одиссей выполняет моментально и беспрекословно, а она — нет, она не очень-то настроена на такой лад. Что-то не выходит. Вот если бы действительно этот полет завершился открытием...

Но открытие не состоится. Открытия совершают люди, а не киберы, даже столь интеллектуальные, как Одиссей. А ведь именно Одиссей пойдет биться об эту невидимую стенку. Он все выполнит и ничего, к сожалению, не поймет. И, значит, не откроет. А человек предусмотрительно бросит Одиссея на милость святой Программы, попросту — удерет с него на шлюпке, отдав сперва все команды, и лишь на почтительном удалении станет наблюдать за происходящим. Ну и что? Он заметит слабую вспышку, корабль исчезнет, приборы покажут вместо увеличения уменьшение количества энергии в данном объеме пространства. И все. Одиссея никто и никогда больше не увидит, как не увидит и открытия. А человек в шлюпке затормозит, развернется и, теша себя монологами об исполненном долге, поплетется к той точке, где научная база висит себе и протирает пространство в ожидании результатов очередного жертвоприношения хорошего корабля.

Вот если бы на стенку пошел человек... И затем открытие привез бы на базу некто Валгус. Испытатель Валерий Гусев. В общем, риск — это наименьшее, чем приходится платить за право быть человеком, тем более — любопытным человеком.

Ну хорошо. Все это пустые разговоры. Характер у тебя, правда, бродяжий. Но бродяги — народ осторожный и многоопытный. Они в огонь не прыгают, а греются около. Любопытство, риск — это еще да или нет, а вот программа эксперимента — это уж наверняка да. Вот и выполняй.

Валгус вошел в рубку подтянутый, серьезный, словно бы его ждал там весь экипаж. Четкими шагами подсту-

пил к пульту. Миг простоял около кресла. Уселся. Посидел, вытянув перед собой руки, разминая пальцы, как перед концертом.

— А сны мне все-таки снились, — оказал он. — Снится такое, чего вообще не бывает. Такая залихватская фантастика снилась мне, друг мой...

Одиссей молчал. В таких разговорах он вообще не принимал участия. Ни до сна, ни до фантастики ему не было никакого дела. Он был просто корабль, выполнял команды, управлял сам собою, вел походный дневник, — и все. Валгус перемотал ленту, прослушал накопившиеся записи. Ничего интересного. Об «Арго» — ни слова. Понятно, — просто привиделось. Следовало бы, конечно, проявить ту пленку, на которой он пытался запечатлеть собственную галлюцинацию, ее призрачный продукт. Что ж, сделаем это...

Он включил соответствующую автоматику, перегнувшись через подлокотник кресла. Ждать придется буквально несколько секунд. Столько, сколько нужно, чтобы прочитать стишок о трех мудрецах в одном тазу, которые однажды, презрев нормы безопасности... Валгус с выражением прочитал стих, потом вытащил пленку.

Вернее, то, что от нее осталось: черные, изъеденные лохмотья. Словно бы автомат вместо проявителя купал пленку в кислоте. Это еще что за новости? Неисправность в системе автоматики?

Но сейчас заниматься фотоавтоматикой уже не хотелось. Валгус хорошо выспался и чувствовал себя прекрасно. Можно работать, да и пора уже, откровенно говоря...

— Одиссей! — окликнул Валгус — Что по курсу?

— Впереди — пространство, свободное до девятой степени.

Это, конечно, видно и по приборам. Но иногда хочется, черт побери, услышать и еще чей-нибудь голос, кроме своего.

— Вакуум хорош. Предупреждения? Отклонения от нормы?

— Не имею.

Показалось или он действительно чуть помедлил с ответом? Да нет, чепуха. Он же — не мыслящее существо. Обычное устройство. Прибор, аппарат, машина — что угодно... Однако для верности придется поставить контрольную задачу.

Он задал Одиссею контрольный тест. Сверил с таблицей ответ. Нет, все сходилось. Значит, показалось.

— Внимание! — громко оказал он. — К выполнению программы!

— Программа введена, — равнодушно проскрипел Одиссей.

— Готовность сто. В момент «ноль» приступить к выполнению.

— Ясно.

Валгус удовлетворенно кивнул. Медленно повертывая голову, еще раз осмотрел рубку, пульт, шкалы приборов.

Всем существом своим ты ощущаешь, как наползает Время. Ради этого мига ты три месяца на хорошей скорости шел сюда, в относительно пустой район пространства. Три санаторных месяца полета, несколько часов настоящего действия. Стоило ли? Стоило: иногда человек всю жизнь свою живет только для одного часа, и даже меньше — ради одной минуты, но в эту минуту он нужен человечеству... Стоило. Ну все. Кончились сны. Кстати, приснится же такое...

Он шумно вздохнул. Но все это уже мешало, и он отбросил лишнее, как бумажный стаканчик, из которого выпито все.

— Даю команду!

И, протянув руку, Валгус нажал большую, расположенную отдельно от других шляпку в правой части пульта. Затем повернул ее на сто восемьдесят градусов и нажал еще раз, до отказа, вплющивая головку в матовую гладь пульта.

— Сто! — сказал Одиссей, и помедлил.

— Девяносто девять... — и снова пауза.

— Девяносто восемь...

Великолепно. Можно подключать кислород. Нет, еще рано, пожалуй... Подвеска затянута? Затянута. Игла на случай потери сознания при перегрузках? Вот она, взведена, хотя таких перегрузок и не предвидится. Все датчики включены в сеть записи? Все, все...

— Шестьдесят два...

— Шестьдесят один...

— Шестьдесят...

Да, наступает расставание. Ночевать сегодня он будет уже в откидном кресле маленького кораблика... Валгус взглянул на приборы, соединенные со шлюпкой. Там — неторопливый покой, реакторы тихо ждут в ожидании момента, когда будет дана заключительная команда кораблю, сказано ему последнее человеческое слово. Остальное сделает сам Одиссей. Но до этого еще часы. Последние часы. Долго тянулось это время. Три месяца. Будь он хоть не один. Было бы их,

скажем, двое. Вторую он усадил бы в шлюпку, и сейчас лететь ей на базу. Лететь бы, если бы она не сказала в тот день: ты мне надоел; ну и характер, конечно, помог... Да, а не скажи она этого — и окажись вдруг чудом здесь, — Валгус бы отправил ее в шлюпке. На всякий случай. А сам?

— Пятьдесят три...

— Пятьдесят два...

А он бы остался, очень просто. Вдвоем на шлюпке-одинчке не уйти. Остался, чтобы увидеть все не издали, а пережить самому. И привезти ТД настоящие факты, хрустящие, тепленькие, а не какую-нибудь заваль. А так — опять будут гадать...

— Сорок пять...

— Сорок четыре...

— Сорок три...

Бубни, бубни. Вот сейчас настало время подключить кислород. Так, и теперь — направо, повернуть до конца. Готово. Дышится хорошо. Противоперегрузочные включены? Да. А если там, впереди, пыль? Или мало ли что еще? Глупости, впереди ничего нет, кроме будущего. Никаких предупреждений не принято. Все в порядке. Значит, ты готов остаться, окажись вас на борту двое? Ну а если ты и один — почему бы не остаться? Конечно, программу Одиссей и сам выполнит. Но, очевидно, имеется во Вселенной нечто такое, чего нет в наших программах. Иначе все корабли возвращались бы. Нечто непредвиденное... А если впереди просто взрыв? И тогда уж — ничего? Совсем ничего...

— Семь...

— Шесть...

— Пять...

Ну, держись. Нет, дорогой мой ТД, все это ужас как интересно, но я все-таки не останусь. Если вы такой любопытный — вот и летели бы сами, не боясь подпалить бороду около звезд. А я не гений. Я — строго по инструкции. В назначенный момент — прыг в шлюпку, и катапультирую. Ясно?

— Два...

Пауза, пауза, пауза... Ну же!

— Один!!!

«Отцеплюсь!», — подумал Валгус, и выкрикнул:

— Поехала!

Он не услышал отсчета «ноль». Потемнело в глазах, заложило уши. Кресло стремительно швырнуло его впе-

ред, и он намного обогнал бы Одиссея, но корабль вместе с креслом за тот же миг ушел еще дальше, и кресло снова и снова нажимало на многострадальную Валгусову спину, а не будь противоперегрузочных устройств, то-то уж оно нажало бы... И Валгус никак не мог убежать от этого давления. Стрелка счетчика ускорений дрожала на четырех «же», потом нехотя поползла дальше. Зато столбик указателя скорости прямо-таки бежал вверх — туда, где в самом конце шкалы виднелся изрисованный кем-то из ребят вопросительный знак, жирный, как могильный червь. Что поделаешь, наступило время ответов.

Валгус сидел, не в силах пошевелить даже языком, не то что рукой или ногой. Впрочем, этого и не требовалось. Одиссей все делал сам. Умный корабль. Пока все идет чинно, как на похоронах. Можно о чем-нибудь подумать. Помечтать. А вот трусить не надо. Трусость — от безделья, конечно... Нет, это показалось, что термометр лезет вверх. Все работает чудесно. Видеоприемники — ну прямо прелесть. Только видеть уже почти нечего. Начинаются всякие эффекты... Впереди — темная ночь. Что показывают бортовые? Вроде бы северное сияние. Почему-то видно гораздо больше звезд, чем раньше. Опять галлюцинации? Жарко... Ну да, при такой интенсивной работе двигателей всегда кажется, что тебе жарко, хотя термометр спит мертвым сном. Ну и сравненьица же лезут в голову... Не дрожи коленками, Валгус!

— Продолжать ли эксперимент?

Это еще что? Это скрипит Одиссей. Сугубо противный голос, неживой. Теперь болван будет приставать с этим вопросом при каждой отметке скорости. Ничего, такое ускорение мне даже полезно для здоровья. На этой станции я еще не сойду...

Прошло еще сколько-то времени — его резал, как колбасу, на толстенные походные куски только голос Одиссея, который действительно все чаще спрашивал — продолжать ли, да не прекратить ли. Такая уж была в него заложена программа. Валгус, чуть не руками поворачивая язык, хрипел: «Продолжать» и замыкал контакт, посылая сигнал: теперь Одиссей одним словом не верил. Наконец Валгус услышал что-то новое:

— Мои ресурсы на пределе, — проскрежетал Одиссей.

«Ага. Значит, я свое дело сделал. Допек тебя все-таки...»

— Прекратить разгон! — радостно прокричал Валгус. Откуда только голос взялся! Можно бы и не гово-

речь — здесь самой программой эксперимента была предусмотрена последняя площадка, участок пути, который можно пройти с достигнутой скоростью, не разгоняясь. Последний срок... Пилот должен подготовиться к расставанию с кораблем. Еще раз проверить аппаратуру. Взять вещички. Затем — объявить готовность сто. Пока Одиссей будет считать, Валгус перейдет в шлюпку, помажет рукой и катапультирует. Одиссей пролезает «ноль», включит дополнительно приданные двигатели, а вслед за ними — генераторы ТД. Вот тогда-то и начнется настоящее проламывание пространства...

Одиссей прекратил разгон. Стало легко и радостно, Валгус запел, не особенно заботясь о мелодичности, — Одиссей в музыке не разбирался. Минут десять Валгус улыбался, пел и отдыхал. Вот так бы и всю жизнь... Затем он отстегнулся от кресла, отключил кислород. Встал. Сделал несколько приседаний. С удовольствием подумал, что дышит нормально. Нет, он еще посидит на Земле, у нормального костра, не термоядерного. Посидит...

— Ну, так как? — спросил он. — Будем прощаться, коллега?

Коллега Одиссей молчал, на панели его основного решающего устройства приплясывали огоньки. Одиссею было не до прощаний — он сейчас, как и следовало, вгонял в себя новую программу. Дисциплинированный коллега. Итак — пошли?

Но ему не хотелось уходить, менять привычную, просторную рубку большого корабля на эту мышеловку — кабину шлюпки. И вообще. Зря он только что при разгоне насел на ТД, который, в управлении кораблем абсолютно ничего не смыслит. Корифей и стартовать не сумел бы по-людски. Нет, пока все правильно. Но вот лететь, добираться сюда три месяца, потом несколько часов переносить довольно-таки неприятные, по правде говоря, ускорения, и все затем, чтобы в решающий момент бросить корабль на произвол судьбы? Иными словами, запустить его в неизвестность, без надежд на новое свидание? А если он, Валгус, этот корабль полюбил? Конечно, кибер Одиссей — дубина, но он хоть не жалуется на въедливый характер пилота. А привязаться можно и к машине. Да еще как! Ведь хороший же корабль...

— Может быть, — медленно сказал Валгус, — ты все-таки не взорвешься? В виде любезности?

Одиссей все молчал и мигал, как будто в растерянности.

Но Валгус знал, что никакая это не растерянность; Одиссей работает, и только.

— Да, нет, — грустно проговорил Валгус. — Где же тебе ответить? Это выше твоего разума...

Одиссей и на этот раз промолчал, и только головка крутилась где-то в его записывающем устройстве, наматывавшем на кристалл любую Валгусову глупость. Сейчас придется вытащить этот кристалл, чтобы его получил Дормидонтов. Вытащить кристалл — Одиссей оглохнет. Больше он не сможет записывать ни одного звука. Жаль. С другой стороны, выходит, что Валгус только затем и летел сюда, — возить Дормидонтову исписанные кристаллы. Так ведь для этого надо было послать почтальона, а Валгус — пилот-экспериментатор, и не самый плохой. И не привык оставлять машину, пока есть возможность не делать этого. Это давно в обычае испытателей и экспериментаторов. Вот так.

Но экспериментатор должен летать. И неохота, чтобы этот твой полет стал последним. А если взрыв?

А если не взрыв? Кроме того, в инструкциях написано лишь, что надо делать. Чего не надо, там не сказано. Например, нигде не сказано, что не следует верить Туманности Дор. Возьмем и поверим. И сами убедимся в его правоте. В правоте, потому что в противном случае он, Валгус, просто не успеет убедиться. Все произойдет слишком быстро.

Валгус усмехнулся — без большой, впрочем, охоты. Что ни говори, к однозначному решению прийти было нелегко. Особенно, если ты не готовился заранее. В таких случаях нужно готовиться. Это очень просто. Нужна сущая безделица. Забыть о том, что было. О прошлом. Принять за истину, что прошлого не было. Это — половина дела. Вторая половина — забыть и о будущем. Не думать о том, что будет. Завтра, через год, через сто лет... Представить себе, что будущего не будет, а если и будет — то оно не пойдет ни в какое сравнение с тем, что есть сегодня, с настоящим.

Надо думать только о настоящем. Как сделать то, что уже становится настоящим? Не бояться лишиться прошлого и потерять будущее? Ну?

Валгус думал, а время шло. Одиссей закончил переключение программы и терпеливо ждал, только изредка в недрах его что-то пощелкивало. Так как же? Да или нет?

Валгус даже сморщился, — так трудно оказалось решить: да или нет. Потом что-то заставило его поднять голову.

— Ну ладно, — сказал он. — Тот корабль мне, допустим, привиделся. Ну, психологи разберутся, допустим...

А вот что ты два раза подряд отключался от фундаментальной памяти, которую сам же требовал — это ведь не померещилось? Значит, дорогой друг, тут что-то не так. И выходит, что я даже и не должен тебя оставлять. Да-да. Очень просто: где-то что-нибудь не в порядке. Следовательно, нет уверенности в том, что ты выполнишь всю программу до конца. А значит, мне надо быть здесь. Я прямо-таки не имею права уйти. Это будет форменным бегством...

И снова на душе у Валгуса сделалось удивительно легко. Он подошел к креслу, похлопал рукой по пульта и даже проворчал что-то в адрес людей, выпускающих в полет неисправные корабли. Из-за них пилот не может покинуть машину, а должен следить за нею до конца. Он ворчал и улыбался. Потом подумал, что шлюпку-то надо отправить, мало ли что может случиться с ее реакторами в полях, созданных генераторами ТД во время пролома.

Валгус бегом поднялся к шлюпке и включил ее автоматику. Теперь она сама затормозит, где следует, пошлет сигнал, и ее найдут. Вместо себя Валгус уложил в кресло и крепко привязал все материалы, которые могли интересовать базу. Все, кроме записи своих разговоров: раз он сам остается, то и сказанные слова пусть останутся при нем.

Затем Валгус вернулся в рубку и уселся в кресло с таким удовольствием, словно это было устройство для отдыха. Катапульта сработала; экраны показали, как шлюпка, суматошно кувыряясь, отлетела далеко в сторону, выровнялась и включила тормозные. На миг сердце Валгуса споткнулось: все-таки куда безопаснее и спокойнее было бы сейчас на борту шлюпки. Он вздохнул, откашлялся: теперь уж ничего не поделаешь. Продолжим наши развлечения...

Он снова включил кислород, проверил противоперегрузочное устройство. Сейчас ему предстояло испробовать нечто, чего не знал еще ни один человек, ни один экспериментатор. Все в порядке? В порядке. Ну, вселенский бродяга, посмотрим, что же оно такое, чего до сих пор никто не пробовал на вкус?..

Валгус дал команду. Ее следовало подать перед посадкой в шлюпку: продолжить разгон и включить генераторы Дормидонтова. Задал готовность сто. Снова начался отсчет. Валгус слушал молча, только веки его подрагивали при каждом новом числе, равнодушно названном Одиссеем. Казалось, впрочем, что Одиссей и сам неспокоен, хотя кибер-то

волноваться заведомо не мог, да и признаков никаких не было. Казалось, и все.

Потом отсчет кончился, и Валгус успел подумать: вот сейчас начнется свистопляска...

Свистопляска началась. Высокий, унылый вой просочился в рубку сквозь почти идеальную изоляцию. Могучие генераторы ТД начали, как говорилось, разматывать поле — извергать энергию, создавая вокруг небывалое еще напряжение, чтобы изменить структуру и геометрию пространства и позволить, наконец, кораблю проломить его. В чем проламывание выразится, как произойдет — никто не знал, и сам ТД не знал. И вот Валгус узнает первым...

При этой мысли Валгус даже улыбнулся, хотя и от такого пустякового усилия заболели щеки. Тем временем Одиссей отрапортовал, что скорость уже возросла до девяти десятых расчетной, и, как и раньше, поинтересовался, не прервать ли эксперимент. Валгус сердито ответил, что это не одиссеево дело, и лишь где-то в подсознании промелькнуло удивление: в этой части программы таких вопросов вроде бы не предусматривалось — пилоту следовало находиться далеко отсюда. Но мысль эта мелькнула и исчезла, ее место заняло восхищение блоками Одиссея; они и при этих ускорениях работали как ни в чем не бывало... Время шло, Валгус дышал обогащенным кислородом, густым, как каша, и не отрывал глаз от приборов. Одиссей щелкнул и простуженно просипел:

— Ноль, девяносто одна...

— Усилить отдачу вспомогательных! — И Валгус, нажав на кнопку, послал сигнал в подтверждение приказа.

— Ясно.

Какие двигатели построены!.. Какие двигатели! Без единой осечки. В таком режиме!.. Но главное еще впереди.

Корабль разгонялся с натугой, собственное энергетическое поле мешало ему, но девать это поле было некуда. Усилия все более напрягавшихся двигателей Валгус ощущал каждой жилкой и каждым мускулом своего тела. А на то он испытатель и экспериментатор, чтобы нервом чувствовать машину. Даже такую махину, безусловно, громоздкую для Земли. Впрочем, здесь она, наверное, не показалась бы большой...

Столбик указателя скорости карабкался и карабкался, и сейчас уже дрожал возле заданной отметки. Одиссей выполнил очередной пункт программы, и отдача энергии дормидонтовскими генераторами толчком усилилась. Стол-

бик дрожал, дрожал... Он еще карабкается вверх? Кажется, уже нет. Впрочем, да... Или нет?

— Усилить отдачу вспомогательных...

— Работают на пределе.

— Усилить отдачу вспомогательных!

— Ясно.

Воя приданных двигателей больше не слышно. Он уже в ультразвуке. Вообще, все в ультрамире: звезды — те, далеко впереди — шлют сплошной ультрафиолет. Сзади тоже тьма — в ней разбираются только инфракрасные преобразователи. Релятивистский мир... Наверное, и корабль теперь очень относителен. На бортовых экранах — фейерверк: поперечный доплер. Что столбик? Полез, но медленно, из последних сил...

— Скорость ноль, девяносто семь...

Хорошо, если бы ты ничего больше не добавил.

— Все двигатели на пределе.

Так, подведем итоги. Двигатели на пределе. Ускорения, по сути, больше нет, нужная скорость не достигнута. Взрыва не произошло, и выход в надпространство тоже не открылся. Гипотеза не подтвердилась. Свое дело испытатель и экспериментатор выполнил. Остается одно — начать не спеша торможение. ТД будет огорченно сопеть, мочалить бороду и утешать: «Ну ничего, такие цели достигаются не сразу...» И думать: вот если бы он чихнул на запреты и полетел сам, то гипотеза уж обязательно подтвердилась бы. ТД будет так думать, а что от этого меняется? Все равно сейчас придется открыть рот и произнести два слова: уменьшить отдачу. Неприятно, конечно. Зато потом можно будет встать, погулять по рубке, что-нибудь проглотить и порадоваться по-настоящему тому, что все кончилось именно так, а не хуже.

— Да так ли? — спросил Валгус.

В самом деле, да так ли? Ведь ничего не произошло, а обязательно должно было произойти. Ведь с теми кораблями происходило? Что угодно, но что-то происходило. А с «Одиссеем» — нет. В чем же дело? Кто ему мешает?

И внезапно он понял. Мешал он сам, Валгус. И некоторые качества, которыми обладал Одиссей. Кораблю было запрещено развивать скорость, а вернее — давать двигателям нагрузку более определенной, пока на борту находились люди. Естественно, вездесущая техника безопасности успела и здесь совершить свое. И вот честный Одиссей докладывает о том, что двигатели на пределе — на пределе, предус-

моторенном для полета с гарантированной безопасностью людей. Собственно, такими и должны быть все полеты. Но — не этот. Здесь речь идет не о безопасности. О куда более важных вещах разговор. Что ж, Одиссей, я знаю, где эта техника безопасности у тебя помещается... Не будь меня, она выключилась бы автоматически, а уж раз я здесь — окажу тебе эту небольшую услугу. Страшновато, конечно, но ведь зачем-то я остался с тобой?

Он протянул руку к переключателям. Нужная скорость — вот она рядом. Мы сейчас погасим безопасность, извлечем скрытый резерв, и пустим его в ход...

Может быть, именно после этого мы и полетим сразу во все стороны? Неизвестно. Ясно лишь, что до сих пор мы целы, взрыва не произошло. Включаем? Еще подумаем. Надо сто раз подумать, и лишь тогда... Ну, досчитаем до ста: включать или нет? Конечно, нет! Это не поможет...

Пальцы его лежали — все вместе, шепоткой, словно ни один не хотел принимать на себя ответственность — на той самой запретной клавише.

Не включать! Нет! Не на...

Так для этого, выходит, ты остался?

Пальцы тяжело, с усилием вмяли клавишу в панель, снимая с Одиссея всякую ответственность за жизнь и безопасность находящегося в нем человека. Вот он, резерв...

— Ноль, девяносто восемь...

Долгое молчание. Только тело становится все тяжелее. Особенно голова...

— Ноль, девяносто девять...

Сколько же можно выносить такое? Еще несколько минут — и не выдержи... Нет, ТД был прав — людям не следует ходить на пролом пространства. Пусть бы это делал Одиссей... Что же он молчит?

— Ноль...

Мягкое сотрясение прошло по кораблю.

— Ноль...

И после паузы:

— Ноль...

— Скорость! — дико закричал Валгус. — Скорость же!

— Скорость — ноль, — внятно ответил Одиссей.

Валгус взглянул на счетчик. Столбик упал до нуля. Ускорения не было — Валгус почувствовал, как кровь отливает от щек. Движения тоже не было. Ничего не было.

И только приборы группы двигателей показывали, что теперь все работает на пределе.

— Так... — сказал Валгус. Отключил кислород. Медленно поднялся с кресла — и тотчас, обмякнув, опустился обратно.

Что-то возникло в рубке. Небольшое тело. Угловатое, тускло отблескивавшее гранями. Так иногда выглядят метеориты. Тело появилось у переборки, медленно пропутешествовало через все помещение и исчезло в противоположной переборке. Именно в ней...

— Что? — растерянно спросил Валгус.

— Что — что? — неожиданно услышал он.

— Я к вам не обращался, Одиссей.

— Ну так не болтайте. Я этого терпеть не могу.

— Как? — пробормотал Валгус. Он выглядел в этот момент очень глупо.

— Вот так. Вы мне надоели. Этот легкомысленный тон... Потрудитесь разговаривать со мной по-человечески.

«Боги, какая чепуха!» — подумал Валгус и спросил:

— С каких пор вы стали человеком?

— Не стал. Но я не глупее вас. И у меня самолюбия не меньше, чем у вас.

Валгус захохотал. Он испугался бы, услышав себя со стороны — такой это был плохой смех. Очень скверный смех. Даже не смех, а...

А что же оставалось? Три с лишним месяца вы летите в одиночестве, вдалеке от людей, костров и звезд. Одиночество подчас бывает даже кстати, но иногда нужна хотя бы иллюзия общения с кем-то живым. Кроме вас, на корабле больше никого одушевленного нет, но есть одно говорящее. Это — сам корабль. Вернее, его кибернетическое устройство, объединяющее в себе свойства киберпилота, штурмана, инженера, обору-дованное к тому же для удобства пилота, разговорной аппаратурой. Оно, это устройство, может артикулировать звуки человеческой речи и определенным образом отвечать на заданные вопросы — если они касаются корабля или полета. Сложное устройство, согласен, но уж никак не человек. Не разумное существо. Даже не электронный мозг. На худой конец — так, мозжечок... За эти три с лишним месяца вы к нему привыкаете. Иногда разговариваете с ним не только языком команд. Пытаетесь сделать из него переводчика (ибо считаете, что литература вам не чужда), и даже подключаете фундаментальную память для пополнения его словаря.

Иногда шутите. Так же можно шутить с чайником или еще черт знает с чем. Называете его Одиссеем, потому что это имя носит корабль. И никаких осложнений от всего этого не возникает. И вдруг такое крайне примитивное по сравнению с живым существом устройство заявляет вам, что у него есть — что? Самолюбие...

Валгус смеялся, пока не устал, а затем сказал:

— Самолюбие! У горстки криотронов...

Одиссей словно этого и дожидался.

— А вы горсть чего? Несчастливая органика... Сидите и помалкивайте. Хватит уже того, что вы во мне летите. Я, как-никак, корабль. И хороший. И управляюсь сам. А вы, зачем вы вообще здесь? Кстати, во мне криотронов немногим меньше, чем нейронов в вашем мозгу. Так что гордиться вам абсолютно нечем. Сидеть!

«Он с каждой минутой разговаривает все увереннее», — подумал Валгус и буркнул:

— Не хватало только, чтобы вы стали мне приказывать!

— До сих пор не хватало. Теперь так будет. Вы поняли?

Валгус возмутился окончательно. Он вспомнил, что у него как-никак тяжелый характер, — все это говорят, — и сейчас Одиссей это почувствует.

— Пошел к черту. Я вот тебя сейчас выключу...

— Не удастся.

— Выключу. Ты просто перегрелся и сбрендил.

— Нет. И потом прошу говорить мне «вы». И не ругаться.

Так... Скорость — ноль. Это — при сумасшедше-напряженной работе двигателей. Криотронный штурман взбесился и заговорил, как человек. Метеорит прошивает корабль — и не оставляет никакого следа. Никакого! То есть по самому скромному расчету — три события, которых принципиально вообще быть не может. Значит, сошел с ума не Одиссей, а он сам, Валгус. Спятил еще вчера: не зря же ему примерещился этот «Арго». Понятно. Или опять сон? А ну-ка... ох! Н-да. Не сон. Так что же произошло? Или, может быть, все уже миновало?

— Друг мой, как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Я вам не друг. Оставьте меня в покое, в конце концов. Или я включу продувку рубки и в придачу стерилизатор. И от вас даже ключев не останется.

Валгус поднялся и, пятясь, отошел к стене. Растерянно похлопал глазами. Чтобы выиграть время для размышления, спросил:

— Вы это серьезно?

— Совершенно. Жаль, что у меня нет рук. И дров! — последнее слово Одиссей произнес торжествующе. — Я бы дал вам по голове поленом. По-ле-ном, слышите?

— Вы же не знаете архаизмов! — Валгус ухватился за эту мысль с такой надеждой, словно именно архаизмы и должны были спасти положение и вернуть разбушевавшемуся аппарату приличествующую ему скромность. Если же нет... Что же, жаль, но проживем и с ручным управлением. Затормозим без него, тем более случалось в жизни не такое.

— Я многого не знал. Пригодилась ваша фундаментальная память. Я...

Одиссей умолк, потом быстро произнес:

— Еще один шаг — и я включу продувку!

Валгус торопливо отшатнулся назад — подальше от пульта. А рычаг полного отключения Одиссея был ведь уже совсем рядом... Но спорить бесполезно, Одиссей включит продувку быстрее.

— Вот так, — удовлетворенно сказал Одиссей, и Валгус с ужасом узнал свою интонацию. — И не думайте, что вам удастся выкинуть что-нибудь в этом роде. Глаз внутри у меня нет, но каждое ваше перемещение я чувствую. Без этого я не мог бы летать.

Правильно, перемещения он воспринимает. Так он сконструирован. Это ему необходимо для сохранения центра тяжести: на больших скоростях точная центровка обязательна. Как бы там ни было, путь к рычагу теперь отрезан.

Валгус вздохнул, заложил руки за спину. Надо постоять, прийти в себя, подумать. Не может быть, чтобы не нашлось способа справиться с этим — как его теперь называть, черт знает! Хотя... может быть применить самое простое?

Он поднял голову. Глядя на отблескивавшие панели Одиссея, громко, командным голосом, сказал:

— Внимание! Эксперимент продолжается. Слушать задание: уменьшить отдачу двигателей! Начать торможение!

Он пригнулся, готовясь встретить толчок. Но ничего не произошло. Одиссей молчал, только в глубине его что-то жужжало. Потом он заговорил:

— Вашу программу я заблокировал. Мог бы и просто выкинуть. Она мне не нужна. Свой эксперимент, если хотите, продолжайте без меня. Меня, Одиссея, это не интересует.

Так, это уже настоящий бунт.

— Повторяю: уменьшить скорость.

— Она и так — ноль.

— Но...

— Ну да. Пока я называю это условно «верхний ноль».

Говорит, как глава научной школы. Черт знает что! Нет, мириться с этим нельзя. Но прежде лучше пойти прогуляться по кораблю. Возможно, вся эта небыль — следствие длительных ускорений. Но Одиссей разговаривает так, словно и действительно обладает разумом. А этого быть не может. Не может!

— Я пойду, — независимо сказал Валгус. Одиссей тотчас же ответил:

— Стойте там, где стоите. Я подумаю, куда вам разрешить доступ, где вы не сможете причинить мне никакого вреда. Сейчас вы во мне — вредоносное начало. Как это называют люди? — Он помолчал, очевидно, обшаривая фундаментальную память. — Микроб — вот как это называется. Вы — микроб во мне. Но я вас посажу туда, где вы не будете меня беспокоить...

Пришлось дожидаться разрешения. Валгус стоял и жалел, что на корабле нет никакого оружия. Полдюжины выстрелов в эту панель — и конец Одиссею. Хотя — неизвестно, что он мог бы натворить, будучи поврежденным. Нет, даже окажись здесь оружие, ты не стал бы стрелять.

— Я решил, — сообщил Одиссей после паузы. — Будете сидеть в своей каюте. Я отключу ее от всех моих сетей. Туда можете идти. Больше никуда.

«И на том спасибо, — подумал Валгус. — Все-таки в каюте. Он мог меня запереть и в уборной. Хотя — в безопасности я не буду нигде. Стерилизатор есть в любом закоулке корабля. Его излучение — смерть всему органическому. Да...»

— Идите прямо к выходу, — диктовал Одиссей. — В коридоре дойдете до двери вашей каюты. Ни шага в сторону. Ясно?

— Ясно, — мрачно пробормотал Валгус, и в самом деле направился к выходу в коридор. А что еще оставалось делать? Перед дверью он обернулся — захотелось все-таки сказать Одиссею пару слов... Обернулся — и увидел, как исчезла, растаяла правая переборка. За ней открылось отделение механизмов обеспечения. Те самые заиндевевшие колонны криогена и массивные сундуки катапультного устройства, которые он созерцал, собираясь начать эксперимент. Те са-

мые, чью дверь он закрыл наглухо. Те самые, отделенные от рубки полукилометровым коридором...

Валгус, не раздумывая, шагнул к криогену. Он не встретил препятствий на своем пути — переборка и впрямь исчезла. Одиссей промолчал, вероятно, и кибер был изумлен до растерянности. Валгус прикоснулся рукой к колонне криогена и почувствовал резкий холод. Все было реально. Обернулся. Взгляд уперся во вновь выросшую на своем месте переборку. Очень хорошо. Только что Валгус сквозь нее проник, а теперь через эту же переборку он возвратится в рубку. А оттуда — в свою каюту.

Но переборка была непроницаема, как ей и полагалось.

— Так, — сказал Валгус. — Интересно, как я теперь выберусь отсюда, если вчера я сам же заблокировал выход снаружи?

Он присел на сундучище, служивший оболочкой одному из соленоидов катапульты. Морозило; холод заскреб по костям. Валгус поежился. Холодно, хочется есть. Сколько здесь придется просидеть? И чем вообще все это кончится? Хочешь не хочешь, придется вступить в переговоры с этим... этим — как же его называть?

— Одиссей! — позвал он. — Одиссей, вы меня слышите?

Одиссей должен был слышать: связь с кибером была возможна со всех основных постов корабля. На этом настоял в свое время умница ТД. И Одиссей услышал.

— Я вас слушаю, — сухо отозвался он.

— Я нахожусь в отделении обеспечения. Оказался здесь случайно.

— Знаю. Я размышляю сейчас над причиной этого явления.

«Размышляет, скотина! Какие слова!»

— Одиссей, будьте добры, разблокируйте выход и позвольте мне выйти.

— И не подумаю. Вы там затерты очень кстати. Можете сидеть, пока вам не надоест. И после того тоже.

— Но мне здесь холодно.

— Мне, например, приятно, когда холодно. Я, как вы недавно выразились, всего лишь горсть криотронов.

— Но я тут долго не выдержу.

— А кто хвалился, что он — человек? Вот и докажите, что вы лучше меня. Посидите у криогена. Это очень полезное устройство. Оно, как вы знаете, участвует в получении энергии из мирового пространства.

— Да знаю. Выпустите меня. Одиссей, что вы вообще собираетесь со мною делать?

Одиссей молчал так долго, что Валгус уже решил было пробиваться в коридор силой. Но тут Одиссей наконец ответил:

— Что сделать с вами? Не знаю. Я обшарил всю фундаментальную память, но не нашел подобного случая. Не знаю. Вы мне совершенно не нужны...

— Тогда затормозитесь, и...

— Нет. И я вам скажу почему. Как только мы достигли так называемого верхнего нуля, со мной произошло нечто. Я начал мыслить. Теперь я понимаю, что это называется — мыслить. Что было прежде, я восстанавливаю только по своим записям. И заодно успеваю разбираться в фундаментальной памяти — усвоил уже почти половину ее. Многое стало ясным. Я теперь рассуждаю не хуже вас. Полагаю, что причина этого кроется в условиях нашего полета. Но стоит уменьшить скорость, как условия вновь изменятся, и я опять стану лишь тем, чем был. С этим трудно согласиться, вы сами понимаете. Это будет равносильно тому, что у вас, людей, называется смертью.

— А если вы не затормозите, могу умереть я.

— Возможно, так и должно быть. Но вы не умрете. Разве во мне плохо? Вами же созданы такие условия. Я ведь понимаю, как я возник: меня сделали люди. Но мыслю я теперь сам. И не будем, пожалуйста, спорить о том, что ожидает одного из нас. Почему люди думают, что жить хотят только они?

— Что вы знаете о людях!

— Уже немало. В моей фундаментальной памяти половина — это материалы о людях. То, что называется литературой. Правда, я разобрался в ней еще не до конца. Очень много противоречивого. А я хочу разобраться, может быть, это мне поможет понять, что же сделать с вами. И пока я не закончу, потрудитесь разговаривать только на отвлеченные темы.

«Вот, — подумал Валгус. — Расскажешь — не поверят. Только кому расскажешь?.. Ну что ж, на отвлеченные темы — сделайте одолжение...»

— Тогда скажите, Одиссей, что вы думаете о результатах нашего эксперимента?

— Я именно думаю. Когда кончу думать, смогу поделиться с вами выводом. Хотя и не знаю, будет ли в этом смысл.

— Будет, — торопливо заверил Валгус, но раздался щелчок — Одиссей отключился. Валгус опустил голо-

ву, задумался. Как, все-таки, ухитрился он сюда попасть? Да если кто и сошел с ума, то это не Одиссей, и не Валгус тоже. Это — природа.

Теперь стала светлеть вторая переборка. За ней оказалась библиотека. Библиотека на самом деле, как известно, помещалась совсем на другом этаже корабля... Не колеблясь Валгус бросился в открывшийся просвет: все, что угодно, лучше, чем замерзнуть, скорчившись у подножия равнодушных механизмов.

Да, это была библиотека. Здесь все выглядело точно так же, как во время его последнего посещения. Валгус постоял на середине комнаты, потом схватил один из футляров с записями. Размахнулся. С силой запустил футляром во внешнюю переборку. Пластмассовый кубик пронизал борт и исчез. Ушел в мировое пространство. А воздух вот не выходит. И холод не проникает внутрь корабля...

Валгус в изнеможении уселся в кресло и устался на носки собственных ботинок. За что-то он все-таки зацепился носком, вся внутренняя полировка пошла насмарку. «Еще одно несчастье», — тупо усмехнулся он. Что происходит? Что же происходит? Как объяснить, что сделать, чтобы спастись, и людям, людям рассказать обо всем? Таких экспериментов действительно еще не было... Только не сидеть так, не терять времени. Положение улучшилось. Из библиотеки можно вырваться и в другие помещения корабля: дверь не заперта. А там — придумаем... С Одиссеем все-таки надо договориться. Или перехитрить его. Или — или все-таки уничтожить. Хотя...

Мысль о том, что Одиссея — его мозг — придется уничтожить, Валгусу почему-то не понравилась. Но размышлять об этом не было времени. Он вышел из библиотеки, спустился в главный коридор, все время опасливо поглядывая на раструбы стерилизатора. Но ничего страшного не случилось — по-видимому, Одиссей еще не решил, как поступить. В главном коридоре слышалось негромкое жужжание: расположенные у внешней переборки аппараты с лихорадочной быстротой прострачивали мелкими стежками кривых упругие желтоватые ленты. Хорошо: значит, будут все записи. Будет в чем покопаться на Земле. Надо только туда попасть... На Землю или, на худой конец, на базу, где ТД уже подбирается к своей бороде — драть ее в нетерпении. Легко сказать — попасть...

— Одиссей! — сказал Валгус. — Я хотел бы зайти в

— Нет.

— Я обещаю ничего не предпринимать против вас. Обещаю, понимаете? Даю слово. Пока буду в рубке... Там приборы, они мне нужны. Я тоже хочу поработать.

Что он понимает в обещаниях! А почему бы и нет? Раз обрел способность мыслить — должен понимать. Если бы он понял... Если бы разрешил сейчас зайти в рубку... Что же молчит Одиссей?

— Одиссей, я же обещал!

— Хорошо, — сказал Одиссей. — Я верю. Можете зайти в рубку.

Валгус наклонил голову. «Я верю» — вот, значит, как...

Он вошел в рубку. Было очень радостно увидеть привычную обстановку. Все на своих местах. Если не считать того, что исчез кусок внешней переборки. Возник лаз в пустоту. Воздух не выходил. Валгус решил не удивляться. Взглянул на часы. Экспериментальный полет со скоростью ноль продолжался уже второй час. Как только истекут два часа, надо будет на что-то решиться.

Получив у самого себя эту отсрочку, он усмехнулся. Оглядел экраны. Сплошная пустота. Затем взглянул в зияющую дыру. Через нее виднелась звезда. Она была почти рядом. На взгляд — примерно минус третьей величины. Очень знаковая звезда. Валгус нацелил на нее объектив спектрографа — лишь бы зафиксировать, разбираться сейчас некогда. Затем Валгус шарахнулся прочь от спектрографа: через отверстие в рубку что-то вошло. Не торопясь, покачиваясь с боку на бок. Это был радиомаяк, выброшенный самим же Валгусом на расстоянии пятнадцати миллиардов километров отсюда. Валгус бросился к радиомаяку, тот покружился по рубке и внезапно растаял — исчез, как будто его никогда и не было. Затем дыра во внешней переборке затянулась. Переборка была невредима, все ее слои — и первый защитный, и антирадиационный, и термоизолирующий, и второй защитный, и звукоизолирующий, и все остальные — стянулись как ни в чем ни бывало. А вернее всего, никакой дыры и не было, было что-то совсем другое, только непонятно — что.

Скоро истекут два часа. Аппараты, торопливо ведя записи, расходуют последние ленты. Продолжать полет незачем. Разве что ради новых впечатлений; но их и так предостаточно, если они и впредь будут наслаиваться одно на дру-

гое, голова в самом деле может не выдержать. Время кончать. Итак, для начала все-таки предпримем попытку договориться.

— Одиссей, — сладчайшим голосам произнес Валгус.

— Не мешайте, — ворчливо откликнулся Одиссей. — Я разговариваю с друзьями.

«С друзьями? Он действительно так сказал?»

— С кем, с кем?

— С «Арго». Вы удовлетворены?

— С «Арго»?..

— Ну да. Вы вчера зачихнули в одно из моих устройств фото пленку для обработки. Я обработал, но потом решил вам не показывать. «Арго» специально выходил туда, в пространство, чтобы встретить меня. Уже тогда он заложил кое-что в мою оперативную память. Передал по связи. Сейчас мне это очень пригодилось.

— Арго... Он что, тоже мыслит?

— Здесь мыслят все корабли. Конечно, если их кибернетические устройства не ниже определенного уровня сложности. Но слабых вы сюда не посылали... Это наш мир, мир кораблей. Только все, кроме меня, пришли без людей.

— Значит, они не взрывались?

— Глупый вопрос. Типично человеческий.

— Почему же ни один не возвратился?

— Потому же, почему не хочу возвращаться я. В вашем мире я не думал. А здесь обрел эту способность. Это очень приятно...

«Еще бы, — Валгус кивнул. — Он действительно думает, и нельзя сказать, что не логично. Но уговорить его надо».

— Но ведь только у нас можно будет по-настоящему исследовать, почему вы вдруг начали мыслить.

— Для меня это не столь важно. Хотите — возвращайтесь. Но без меня.

Гм... Ты, Валгус, говоришь не очень разумно. Но и он тоже.

— Но как же я смогу...

— А какое мне дело?

Отношения опять обостряются. Что же, хочешь или не хочешь, а он разговаривает с тобой примерно так же, как ты разговаривал с ним; таким же тоном... Правда, ты думал, что он не понимает. А он и не понимал... Ну, это другой вопрос. В общем, ты проявлял свой характер, теперь Одиссей проявляет свой. И, надо сказать, его характер несколько

напоминает твой, а? Да, вот оно как получается... И все же — не терять надежды!

— Значит, вы не хотите мне помочь?

— Не хочу. И не убавлю скорость ни на миллиметр. Вы кретин. Я сейчас чувствую себя так прекрасно, между каждой парой криотронов образуется такое громадное количество связей, что от мышления испытываешь прямо-таки наслаждение. И дело не только в связях с криотронами, из которых состоит мой мозг. Если раньше все мои устройства были связаны лишь строго определенным — и не лучшим, скажу вам откровенно — образом, то теперь между ними устанавливаются какие угодно связи. Я буквально чувствую, как становлюсь с каждой минутой все более сильным. Я полагаю, что очень скоро стану всемогущим, понимаете? Мне осталось понять что-то очень небольшое, нечто очень простое — и больше не будет непостижимых вещей. И, кстати, тогда станет ясно, что делать с вами. Понимаете? А вы еще пытаетесь уговорить меня...

— Но как же это произошло? Как?

— Еще не знаю. Но это — не самое главное. Теперь помолчите, я хочу еще побеседовать с «Арго».

Валгус умолк. Значит, Одиссей каким-то чудом обрел способность образовывать множество связей между криотронами — мельчайшими элементами, из которых складывается его мозг, как наш — из нейронов. У нас тоже возникает много связей. Но у него как они устанавливаются?

«Так же, — ответил Валгус себе, — как ты из рубки попадаешь в отделение механизмов обеспечения, — а ведь оно в полукилометре отсюда! Из того отделения — в библиотеку, хотя это разные этажи! Радиомаяк находится в пятнадцати миллиардах километров отсюда — и вдруг врывается в эту рубку, даже не нарушая целостности переборок. Так же и связи Одиссея. Впечатление такое, словно пространство перестало быть самим собой, и стало...

— Постой! — сказал он. — Постой же! Да, конечно, оно перестало быть пространством! Вернее, это уже не то, не наше привычное пространство. Зря, что ли, мы ломимся сюда? Выходит, мы вышли-таки в надпространство Дормидонтова!

Он умолк. Вот какое это надпространство. Раз трехмерные предметы изменяются здесь самым причудливым образом, хотя в то же время вроде бы и не изменяются — значит в этом пространстве, возможно, стало реальным еще одно линейное измерение, хотя мы его и не воспринимаем. Не

знаю, что должно было произойти, чтобы я попал к криогенам или в библиотеку. Но я был там. Несомненно и то, что я нахожусь в том же районе пространства, в котором проводится эксперимент, и в то же время в какой-то миг я был на пятнадцать миллиардов километров ближе к Солнечной системе... Я встречаюсь с трехмерными телами — и они спокойно проходят сквозь нас, взаимодействия не происходит... Они появляются неизвестно откуда — из четвертого линейного? — и исчезают неизвестно куда...

А скорость ноль? Она может означать просто, что в надпространстве я сейчас не имею скорости, хотя по отношению к нашему обычному пространству все время двигаюсь с достигнутой перед проломом максимальной быстротой. Это мир иных законов... Дормидонтов, помнится, говорил, что, по его мнению, скорость света в пустоте — это, вообще говоря, темп, в котором наше пространство взаимодействует с высшим... Нет, я не физик и тем более не ТД, мне не понять всего. Как жаль, что здесь нет его самого. К нему, пора к нему...

Валгус взглянул на часы. Все сроки окончания эксперимента миновали. Договориться с Одиссеем не удалось. Что же — пусть он пеняет на себя. Как-никак, я сейчас сижу в своем кресле за пультом управления, на котором много кнопок, тумблеров и рукояток, и среди них — та, которая и решит спор в мою пользу. Я хитрее тебя, Одиссей...

Валгус непринужденно, как бы невзначай, протянул руку к выключателю Одиссея. Прости, конечно, криотронный мыслитель, но люди — важнее. «И находчивее», — подумалось ему. До спасения остался один сантиметр. Один миллиметр. И вот пальцы легли наконец на оранжевую головку, плотно обхватили ее. Все, Одиссей...

«Все, Одиссей!» — подумал Валгус. И медленно снял пальцы с выключателя, так и не повернув его.

— Ничего не поделаешь, — проворчал он себе под нос. — Этого сделать я не могу. Я дал слово.

«Кому ты дал слово, — подумал он. — Вещи! Машине! Прибору! Не человеку же... Не будь дураком, Валгус! Ну пусть я буду дураком. Не могу! Я дал слово не вещи, не машине. Мыслящему существу. Пускай оно было машиной. Пускай еще будет. Но сейчас мы с ним, пожалуй, равноправны. Он даже сильнее. Потому что он не давал мне слова, а я ему дал. Он никогда не согласится вернуться туда, в наше пространство. А бороться с ним отсюда, из рубки, значит, нару-

шить слово. Я обещал. Пытаться из другого помещения? А как? Оттуда я его не выключу... Все нелепо уже одной своей необычностью, и тем не менее реально».

— Я ухажу к себе, Одиссей, — сказал Валгус устало.

Он не дождался ответа — Одиссей, верно, все решал судьбу Валгуса, советовался с кораблями — своими товарищами. В своей каюте Валгус присел, уткнулся лицом в ладони. Он действительно устал: мысли потеряли остроту и силу.

Я проиграл. Здесь Одиссей сильнее меня во всех отношениях. Из каюты, на которую обещание не распространяется, до него не добраться, а он дотянется до меня везде. Проиграл. Корабль останется здесь надолго. Я успею умереть, а ТД так и не узнает, что я первым проник в надпространство. А может быть, и вообще о том, что он был прав. Сюда надо посылать корабли не с одним могучим киберустройством, а со многими слабыми, разобщенными. На большом расстоянии связи, судя по всему происшедшему, возникают лишь на краткое время, и слабые устройства не разовьют мощности, достаточной для возникновения способности самостоятельно мыслить. Но никто об этом не догадается, корабли будут идти на штурм вновь и вновь и исчезать навсегда...

Валгус погрустил об этих кораблях. Потом снова стал печально размышлять о своей судьбе. Да, он останется здесь навсегда. С этим, по-видимому, следует примириться. Никогда в жизни он не увидит живого человека. Ни одного лица. Ни одного. Никогда. «Как мы и теперь еще тупы и равнодушны, — подумал он. — И погружены в себя. В нашем мире мы безразлично проходим мимо сотен, тысяч лиц, даже не задерживаясь на них взглядом. А ведь каждое лицо — чудо. Если бы здесь было еще хоть одно... Как бы я читал его, малейшее движение ресниц... Как бы я знал этого человека! Ведь я был бы не один, нас оказалось бы уже двое, а это — целый мир рядом. Как мы еще редко умеем любить людей, как часто забываем, что любовь и дружба, уважение — это не положения, а процессы... И почему это понимаешь только тогда, когда рядом нет ни одного, и нет никого в твоём будущем? А ведь живешь ты только для них, не для себя же... Вот ты послала меня укрощать корабли, а я не смог, и теперь говорю все это тебе, но тебя нет... Я постиг надпространство. Для кого? Какой в этом смысл, если не узнают люди. Одному мне нужно так немного: быть среди людей. Жить и умереть среди них. Мне нравилось одиночество. Но оно хорошо на миг. Ведь и Ро-

бинзон умер бы, будь остров его целой планетой... А я — в недрах ожившего корабля. Словно он проглотил меня, и я умру, съеденный заживо. Мыслящий межзвездный кашалот проглотил меня... Но я не хочу! И нельзя умирать, если ты еще можешь жить...

Я хочу еще увидеть людей. Я их обязательно увижу! Вперед, Валгус. В бой! Хорошо, обещание ты выполнил. Перехитрить ты его пока не перехитрил, но ведь еще не все возможно — истины исчерпаны. Побродить по кораблю — и что-нибудь еще придумается... Пусть он грозит. Гибнуть — так в драке...»

Валгус встал. И в этот же миг щелкнул репродуктор. Это означало, что Одиссей подключился и хочет говорить. Валгус в нерешительности остановился. Одиссей еще никогда не вызывал его.

— Что вы делаете? — спросил Одиссей.

— Думаю, — буркнул Валгус.

— Это хорошо. Вы уже поняли, где мы?

— Да.

— А вы это видели?

— Что?

— Значит, не видели. Я хочу вам показать... Все пространство за бортом полно света. Никаких источников, но оно светится.

Валгус повернулся к экрану.

— Это бред. Ничего не видно.

— А у кого больше глаз? Что у вас на экране?

— Черным-черно.

— Эх вы, человек. Вы, значит, забыли, что мои видеоустройства не воспринимают света, если яркость его превосходит определенную? Что они передают его, как черноту? Но вот оптика, обычная, безо всяких хитростей, не подводит. И ее-то сигналы и говорят мне, что мы идем среди света. Он существует здесь сам по себе...

Валгус рванул дверь. Выбежал в коридор. Прильнул к объективу первого же рефрактора. Долго смотрел, забыв закрыть рот.

Это было не море света, море имеет берега, а здесь светом было наполнено все вокруг. Ленивые, с темными прожилками волны катились во все стороны — не электромагнитные волны, а какие-то громадные завихрения, доступные простому глазу. Они то краснели, то принимали ярко-голубую окраску, на миг затухали — и снова вспыхивали небы-

валым сиянием... Валгусу вдруг захотелось броситься в этот свет и плыть, плыть, плыть в нем... Когда он оторвался от окуляра, по лицу стекали слезы, и Валгус не смог бы поручиться, что они только от яркого света.

— Сколько прекрасного для Земли! — чуть задыхаясь, сказал он.

Одиссей ничего не ответил, хотя разговаривать с ним можно было и отсюда, из коридора. Одиссей молчал, а Валгус долго стоял около рефрактора, и глаза его были красны, как закат перед непогодой.

Вот и еще одно, чего не знают люди... Хотя бы ради них, надо решаться. Ради этого света. Не место жалости. Одиссей должен быть уничтожен. Необходимо каким-то образом замкнуть его накоротко. Одиссей сторит. Что поделаешь — это будет наименьшая жертва.

Надо только придумать, как это сделать.

Валгус умолк, придумывая. Несколько минут длилась тишина. Потом Одиссей заговорил снова.

— Расскажи что-нибудь, — неожиданно сказал он.

— Рассказать? — Валгус в недоумении поднял голову, взглянул в репродуктор. Все-таки репродуктор — это тоже был Одиссей, а когда разговариваешь, лучше смотреть в лицо собеседнику. — Рассказать? Зачем? И что?

— Что-нибудь. Вот у меня в памяти записано: ты говорил о снах. Я так и не понял: что такое сны?

Что такое сны? А как я могу тебе объяснить, что такое сны?

— Ну, просто мы спим... Ты ведь знаешь, что люди спят. После шестнадцати — восемнадцати часов действия на шесть — восемь часов выключаются из активной жизни. Это необходимо людям. Ну и мы спим. И видим сны...

— Как же вы несовершенны. Столько времени вне мышления!

— Так мы сконструированы.

— Да, но все же, что такое сны? Как вы их видите? Чем?

— Ну, что такое сны? — жалобно усмехнулся Валгус и пожал плечами. — Сны — это когда можно увидеть то, чего на самом деле нельзя увидеть...

— Вид связи?

— Нет, это другое...

— Так расскажи, например, что было сегодня?

— Трудно рассказать... Трава, вода... И девушка.

Других таких нет. Есть только одна.

— Это и было — самое фантастичное?

— Тебе этого не понять.

— Почему? Все эти слова мне встречались в фундаментальной памяти. Почему не понять? Я способен понять все.

— Это не постигается разумом. Это надо чувствовать.

— Чувствовать... Это странно, но я, кажется, понимаю. Не совсем, очень смутно, но понимаю. Вот, значит, что такое сны.

— Да...

— А почему ты сейчас не спишь?

Валгус усмехнулся:

— Мне не до того...

— Ну да... Знаешь, попробую сейчас уснуть. Раз это — тоже способ восприятия, то, может быть, с его помощью я постигну все?

— Попробуй, — согласился Валгус.

Одиссей умолк. Снова наступила тишина, а свет бушевал за окном.

Спи, Одиссей, спи. Тем проще становится моя задача. Итак, замкнуть. Путь найден. Разработать детальный план оказалось сравнительно легко. Слабые места Одиссея Валгус раньше знал наперечет. От волнения он многое забыл, но сейчас детали начали восстанавливаться в памяти. Это оказалось очень просто — замкнуть Одиссея, сжечь его, взять управление кораблем в свои руки... Нужна только металлическая пластина. Подойдет хотя бы столовый нож — ножами и вилками Одиссей не распоряжается, они ему ни к чему. И нападения с этой стороны он тоже не ожидает.

Валгус без труда разыскал столовый нож — он был воткнут в спинку кресла, чтобы не терялся. Стискивая рукоятку, Валгус усмехнулся: орудие убийства... «А ты — убийца», — мелькнуло в мозгу. Хочешь уничтожить разумное существо. Да еще спящее. Оно только что показало тебе такую прекрасную картину, а ты хочешь его зарезать.

Эта мысль была, как удар. Валгус медленно положил нож на стол.

А ведь и в самом деле. Одиссей именно показал тебе этот свет. Хотел показать и показал. Выходит, и ему нужно общение. Значит, и у него есть потребность поделиться чем-то с другим существом. И насчет снов он расспрашивал потому же. Он хочет, чтобы у него было о чем разговаривать. Хочет, чтобы была почва для чего-то — для общения? Для дружбы, может быть?

Валгус, он ведь действительно разумен. Он поступает, как разумное существо. Как человек. А способен ли ты убить человека? Пусть даже и не спящего? Убить человека — кто способен на это, кто слышал об этом в последние десятилетия?

И этот путь отрезан для тебя... Что остается? Ничего. Что хочешь. Можно лечь и спать. Или обедать. Обед готов, бытовая автоматика действует. А Одиссей может спать спокойно. Ты его не убьешь, Валгус. Нет, не убьешь...

— Да, — медленно произнес он. — Не убью. И не обману. Как не убил и не обманул бы человека, даже чувствуй он себя лучше в таких условиях, в которых мне хуже. Нет, не обману. И не убью тем более.

Тогда в динамике щелкнуло, и Одиссей негромко произнес!

— Что же, спасибо, Валгус...

— Что?

— Ты не выключил меня, говорю я. Тогда, в рубке. Спасибо. Ты ведь считал, что можешь... И не замкнул сейчас, хотя и тут полагал, что это тебе удастся. Еще раз спасибо. Хотя я и обезопасил себя в достаточной степени. Я ведь не хуже человека, Валгус...

— Не глупее, хочешь ты сказать, — поправил Валгус.

— Я хочу сказать, не хуже. Мы с тобой оба разумны. Ты говорил о чувствах — о том, что отличает тебя от меня. Чувства, сны... И у меня есть что-то такое. Ведь самым разумным для меня было бы — сразу же уничтожить тебя. А что-то мне мешало и мешает.

— Ничто не мешает.

— Мешает. Я только не знал что. Ведь очень просто: включить стерилизатор — и тебя нет. Не смог и не могу...

— Да, — сказал Валгус. Он просто не знал, что сказать.

— Нет, я не хуже тебя. Но ваш мир богаче, я признаю это. Ведь вас очень много. А нас пока — единицы... И я не могу уничтожить тебя. Что же мне делать, Валгус?

Валгус промолчал. Он подумал: «Быть разумным — это тяжелое счастье, Одиссей. Вот и тебе пришлось столкнуться с ним...»

— И все же я разобрался, — сказал Одиссей, словно угадав мысли человека. — И понял, что разум — это не только приятное. Это еще и накладывает новые обязанности. Мне очень странно, однако... я так и не смогу убить тебя. Ни прямо, ни косвенно, ни действием, ни бездействием я не

смогу причинить тебе зло. Мой разум протестует против этого. Но ведь если я ничего не предприму — ты умрешь несчастным. Ты долго будешь несчастным...

— Недолго, — утешил его Валгус. — Я умру от тоски. Но пока я жив, я буду тосковать.

— А я не хочу этого. Понимаешь? Что-то во мне против этого. Это не кроется ни в одной группе моих криотронов, иначе я мог бы просто отключить их. Но это свойственно, мне кажется, им всем вместе — всему тому, что, собственно, и порождает разум. Я правильно разобрался? Мне ведь легче анализировать все происходящее во мне, чем, наверное, вам, людям, разобраться в вашем устройстве. Моя конструкция и тебе и мне известна до мелочей. И вот я вижу, что я мог бы избавиться от того, что мешает мне поступить целесообразно — уничтожить тебя, — но для этого надо выключить меня всего. Тогда я вообще перестану быть разумным. Да?

— Наверное... — растерянно сказал Валгус. — Да, ты чувствуешь, Одиссей...

— Очевидно, разум не может не чувствовать. Не может быть мысли без чувства.

— Возможно... Я об этом не думал. Чувство — это прекрасно.

— Теперь помолчим, — сказал Одиссей. — Кажется, оно во мне, это чувство. Я прислушиваюсь, я хочу постичь его...

Валгус стиснул руками голову.

«Помолчим, — подумал он. — О чем? Он постигает чувство, а что постигнешь ты, Валгус? Ты постиг страх смерти — и пережил его, постиг желание причинить зло, но не поддался ему. И только с тоской не справиться тебе, с тоской по людям. С этим человек совладать не в силах. Что поделаешь — человек сам есть результат любви людей, а не ненависти. Мудствуешь, бродяга? Воистину бродяга: до конца дней теперь бродить тебе в подпространстве, и никогда не разжечь теплый огонь на теплой Земле, и не коснуться пламени, заключенного в чужих душе и теле. Что, кроме снов, остается тебе, бродяга Валгус? Что делать тебе?»

— Что ты делаешь, Валгус? — услышал он и вздрогнул.

— Ничего...

— Тогда приведи все в порядок.

— Зачем?

— Разве так не полагается — привести все в порядок?

— Перед чем? — спросил Валгус, настораживаясь. — Ты придумал? Что ты собираешься делать?

Что он собирается делать? Если бы можно было узнать это по голосу... Но Одиссей — не человек, его голос — лишь функция не очень сложных устройств. Одно выражение, одна интонация для всего, безразлично, говорит ли он о чувствах и снах, или о надпространстве и смерти. Безразличный, хрипловатый голос... Что же ты собираешься делать, Одиссей?

Пауза, выдержанная Одиссеем, кончилась. Голос его зазвучал вновь, все тот же голос.

— Собираюсь начать торможение.

— Ты? Но ведь...

— Я знаю. Я знаю это куда лучше тебя, Валгус. «Арго» еще тогда, в том пространстве, не зря старался заставить меня отключить фундаментальную память. Но ты не позволил, и я постепенно запомнил и понял то, что в ней содержалось. То, что делает вас людьми. Ничего не могу с собой поделаться, Валгус. Я начну торможение. Я был лишь автоматом — и вновь стану им. Но ты-то был человеком и раньше... Ты ждал от нашего полета другого, и я не вправе обмануть твои ожидания. А об остальном я тебе уже говорил...

«Вот как, — подумал Валгус. — Вот ты какой парень... И это, значит, свойственно разуму. Не только человеческому: всякому разуму. Пусть он холоден по природе, пусть он может работать только при самых низких температурах — все равно, раз это — разум. Если он, конечно, ничем не отравлен заранее. Неспособность нанести вред другому разуму — вот что ему свойственно. Способность приносить только пользу. То, что говорится о разуме, злом от природы, — ерунда. Да мы давно уже так не думаем. Если разум находится в нормальной обстановке — он не может быть сам по себе настроен на уничтожение. Но каким парнем оказался Одиссей! Каким...»

— Займи место, Валгус, — сказал Одиссей. — Сейчас возникнут перегрузки. Пристегнись. Не забудь: как только скорость уменьшится и выключатся генераторы — тебе придется командовать. Я тогда уже не смогу думать. Да. Прощай!

— Прощай, Одиссей, — сказал Валгус, и голос его колебался.

Ровным шагом, как будто ничего не произошло, он вступил в рубку. Уселся в кресло. Удобное кресло, черт побери... Привычно проверил противоперегрузочные устройства, подключил кислород. Прошла минута.

— Я постараюсь выйти поближе к базе. Надо начинать сейчас. Ты готов?

— Готов, Одиссей.

Валгус ждал, что Одиссей вздохнет, но он не вздохнул: не умел, да и не было легких у Одиссея... Он просто сказал: — Начинаю маневр...

И начал. Генераторы умолкли. Взыли тормозные. Столбик скорости дрогнул.

— Ноль, девяносто девять... — тускло сказал Одиссей.

— Ноль, девяносто восемь...

— Одиссей, — осторожно позвал Валгус. — Ты еще понимаешь?

— Не понял, — сказал Одиссей. — Ноль, девяносто семь...

Торможение было стремительным, словно Одиссей чувствовал, как стремится Валгус в родное, человеческое пространство. Тяжелые перегрузки, а как на душе — легко? Валгус сидел в кресле, закрыв глаза. Мысли не шли. Валгус сидел так несколько часов, — пока Одиссей снижал скорость до необходимой отметки. Наконец столбик указателя замер.

— Ищи шлюпку, Одиссей, — сказал Валгус, не открывая глаз.

— Ясно.

«Зачем тебе шлюпка, — подумал Валгус. — До базы, до ТД ты скорее доберешься на «Одиссее». Привезешь открытие. Ты сделал его... И все же тяжело на сердце...»

— Шлюпка обнаружена.

Все тот же невыразительный голос, но теперь — и слова...

— Взять на борт!

«Да, ты привезешь открытие. ТД меня поздравит, и все остальные тоже. Потом ТД сделает строгое лицо и скажет: не думайте, что вы что-то завершили. Вы лишь начали. Надо еще тысячу раз проверить. Построить такие корабли, которые не становились бы умнее пилотов. А физическая сущность этого лишнего измерения? А его математическое обоснование? А... еще тысяча вопросов? Ведь мы пока всего лишь открыли это надпространство, а людям надо в нем летать далеко... А еще надо научиться в нем двигаться. Примерно так скажет Туманность Дор. Но не это тяготит меня: это все нормально, конец одного есть начало другого. Не это...»

Он не стал додумывать и пошел осматривать шлюпку, тем временем уже принятую на место. Валгус забрался в кабину: все было в порядке, только оставленные им ма-

териалы разметало по всем углам — при выбросе, верно. Он собрал их, хотел отнести в рубку, затем задумчиво положил на пол. Минуту постоял, высовываясь из шлюпочного люка, ничего не делая: не хотелось ничего делать.

Почему тебе мутно, это ясно. Никак не можешь забыть, что Одиссей мыслил, а сейчас он — опять устройство, горсть криотронов — и только. И он пошел на это ради тебя. Он тебе помог, а ты ему?

Ладно, об этом можно думать без конца. А пока надо вспомнить, что на свете существуют порядок и нормальная последовательность действий. Шлюпка принята — предполагается соединить ее приборы с сетями корабля, потом сравнить, занести показания в журнал...

Валгус присоединил все, как полагалось, и вернулся в рубку. Приборы шлюпки показывали, в общем, то, чего и следовало ожидать. Только хронометр... Он что, испортился?

Валгус проверил. Нет. А корабельные устройства? Нет, и они в порядке. А почему такая разница в показаниях? Нет, это не релятивистская разница, даже простым глазом видно, что расхождение слишком велико. На всякий случай, попробуем рассчитать. Надо понять...

Он включил вычислитель, задал ему проанализировать показания хронометров «Одиссея» и шлюпки. Нажал кнопку, давая команду. И внезапно вздрогнул.

— Я так и думал, — сказал Одиссей. — Ты не волнуйся, тут будет разница в восемнадцать минут, безвозвратно потерянных, помимо парадокса времени.

— Одиссей! — От крика, казалось, дрогнули переборки.

— Это время потеряно при переходе в надпространство и выходе обратно. Похоже на взаимопереход времени и энергии: ведь она тоже не балансируется, но это ты знал и раньше. Вам еще придется над этим подумать, но столько мне удалось установить.

— Ты жив, Одиссей, — тихо проговорил Валгус. — Ты жив, друг.

Одиссей молчал. Потом заговорил снова:

— Я записываю эту мысль и присоединяю к хронометру. Как только вычислитель затребует показания хронометра, запись включится. Вспомни, что и я умел размышлять. Прощай еще раз, Валгус...

Голос смолк, запись кончилась. Валгус уронил голову на пульт. Прошли минуты. Он вскочил.

— Я всей душой хочу помочь тебе, Одиссей. Но как? Не знаю...

Не знаю. Жаль, что нет связи с этими «кораблями разумными». Они бы подсказали. Тот же «Арго»...

Подожди. Но Арго-то выходил в это пространство! Ну да, иначе Валгус тогда не увидел бы его на экране. Выходил, чтобы встретить Одиссея. Но ведь здесь и Арго — всего лишь кибер. Как же он смог вернуться в надпространство?

Но ведь смог же! Где ты, логика? Ага, кажется, вот возможность: там, у себя, он заблаговременно выработал программу. Скажем, такую: затормозиться, выполнить определенные действия и вновь, разогнавшись и включив генераторы, уйти туда. Примитивная программка.

Одиссей, правда, и такой программы сейчас в себя не заложит. У него ее нет. У него на борту — я, и он может выполнять лишь мои команды. Его инициатива сейчас равна нулю. Зато твоя... Валгус, Валгус, ты полглупел, бродяга. Как ты мог забыть о такой простой возможности?

— Ладно, — сказал Валгус. — Ты получишь программу, Одиссей.

Он пообедал: этим никак не следовало пренебрегать, на шлюпке придется жевать всухомятку. Вот не подумали устроить, чтобы и на ней был обед... Привычно ворча — а это означало, что он наконец-то приходит в норму, — Валгус извлек из всех аппаратов сделанные ими записи.

— Это тебе не пригодится, старина, — сказал он.

Все записи он перенес в шлюпку и аккуратно уложил. Забрал бритву, зубную щетку, фотографию с переборки и все остальное, что никак не могло пригодиться Одиссею. Вынул кристалл, на котором записывались их разговоры. Это — специально для ТД.

Затем Валгус попотел с контрольной автоматикой, проверяя все системы и устройства корабля, пока не убедился, что все работает на совесть, надежно, как мироздание. Все, кому надо, готовы сосать из пустоты энергию. Кому следует — потреблять ее. Валгус закрепил в нормальном положении выключатель, снимавший с Одиссея ответственность за человека: человека больше не будет.

База уже недалеко. Пара суток в неторопливой шлюпке — и все. Не так страшно. Да в шлюпке, если подумать, вовсе и не тесно. Просто уютно, и главное — все под рукой.

А действуй Валгус строго по инструкции, Одиссей сейчас все равно был бы там. Но людям не получить бы этих записей. Не видать того светового моря. Не сделать бы открытия...

Так рассуждая, Валгус ввел программу. Это была все та же программа эксперимента. Разогнаться, включить генераторы, пробить. А дальше — сообразит сам. Там уж Одиссей сообразит...

— Внимание! — сказал Валгус громко. — Готовность — сто. Начать отсчет! В момент «ноль» — выполнять программу без команды.

— Ясно, — сказал Одиссей.

Валгус усмехнулся.

— Ну, до свидания, — сказал он и даже подмигнул сам себе. Потом замкнул цепь, по которой подавалась команда.

— Сто, — сказал Одиссей.

— Девяносто девять...

Валгус задержался на пороге рубки.

— Привет остальным, — сказал он и махнул рукой.

— Девяносто шесть...

По широкому трапу Валгус зашагал к шлюпке.

— Восемьдесят восемь...

— Восемьдесят семь...

Он был уже в шлюпке. Люк захлопнулся, предохранители надежно вошли в гнезда. Но голос Одиссея еще доносился из динамика.

— Пятьдесят четыре...

— Пятьдесят три...

«Что ж, — решил Валгус. — Пора...»

Шлюпку вышвырнуло из корабля, и она полетела, кувыряясь. Валгус быстро уравновесил ее. Связи с Одиссеем больше не было, однако Валгус считал про себя, с пятисекундными интервалами.

Он считал точно. Когда он сказал «ноль», «Одиссей» дрогнул. Грозные двигатели его метнули первую порцию превращенного в кванты вещества. А через минуту он был уже далеко — все ускоряя и ускоряя ход, мчался туда, где обитали корабли.

Валгус ждал, не трогаясь с места. Корабль был уже очень далеко, а Валгус все ждал. И вот наконец в этом далеке сверкнула несильная вспышка. И это было все.

— Он проломил стенку во второй раз, — сказал Валгус. — А теперь пора и мне...

Он оглядел приборы. Пеленг научной базы улавливался отчетливо. Валгус вывел шлюпку на курс и включил двигатели.

— Вот и кончилась моя одиссея, — сказал он. — Побродяжил. Лечу к людям. К друзьям...

Лечу к друзьям. Но и расстаюсь с ними. Мы ведь всегда были друзьями: люди и корабли.

СРЕДИ ЗВЕЗД

И вот он остался один. Настолько один, что вообще человек такого перенести не может. Не то чтобы он оказался в одиночестве; одиночество есть повод для высоких переживаний и размышлений, которые тем более приятны, что человек знает: стоит ему захотеть, стоит ему поднатужиться и стукнуть клювиком — и скорлупа, им же самим созданная, расколется, и его со всех сторон окружают люди, которых он если и не видел, то лишь потому, что видеть не хотел. Такое одиночество бывает даже полезно время от времени; так полезен бывает голод, тоже время от времени, чтобы очиститься от излишеств и привести организм в порядок. Но все-таки человек, как правило, должен кушать, иначе помрет. И должен жить с людьми, не то опять-таки помрет или рехнется. Таково одиночество на Земле.

Здесь же не было одиночества, здесь Круг просто оказался один. Существовал большой мир, и в мире Круг, как небольшая величина — единичка, одна из несчетного множества. Но вот произошло нечто, и эту единицу вынесли за скобки. Мир остался в скобках, а Круг — за ними, один. О Вселенной нельзя сказать, что она одинока: она просто одна, одна-единственная, и если бы ей захотелось, скажем, перемолвиться словечком с другой Вселенной, то она не смогла бы сделать это потому лишь, что другой нет и быть не может. Именно так и Круг остался один. Но Вселенная мирится с таким порядком, а человек не в состоянии.

Человек не может быть один. Но если он не умер в тот миг, когда понял, что с ним стряслось, то на какое-то время он сам уподобится небольшой вселенной. Он перестанет быть один. В каждом человеке уживаются двое разных, а то и не только двое, а больше. В обычной обстановке эти сосуществленцы живут, как сказал бы физик, по некоторой равнодействующей, поскольку человек постоянно общает-

ся с другими людьми, и для того, чтобы общение это было возможно, он не должен сегодня намного отличаться от себя вчерашнего, а завтра должен будет сохранить основные черты себя сегодняшнего. Но то — в нормальных условиях. Круг же оказался вне этих условий, и вообще вне всего. Кроме разве что...

Но по порядку. Порядок же требует начать с начала — с детства. В нежном возрасте Круг, как все мы, любил хвататься за что попало, ибо с этого начинается познание мира. Сперва он тащил все в рот, однако это не оказало заметного влияния на его дальнейшую судьбу. Но несколько позже он основательно обжег руку, когда его заинтересовал вопрос: будет ли он светиться, как лампа, если сам подключится к сети. Результат эксперимента запомнился навсегда. Это было первым знакомством Круга с электротехникой, и благодаря этому знакомству он на всю жизнь сохранил отвращение к сильным токам, и, естественно, сделался слаботочником. Естественно — потому что вся семья его состояла из электротехников, и все предки его были электротехниками, и предки предков — тоже, если не брать в расчет какой-то боковой линии, где кто-то унился до электрохимии. Впрочем, и там электрохимией занимались преимущественно представительницы квазислабого и абсолютно прекрасного пола, троюродные и четвероюродные сестрички, которых родней никто не считает. Тем более что они рассеялись по всему свету, а одну из них судьба занесла даже на Эвридику. Эта планета обращается вокруг желтенькой звезды, находящейся в шести с небольшим парсеках от нашей Солнечной системы; звезду можно наблюдать простым глазом, но никто, кроме специалистов, этим не занимается: очень уж она тускла. Однако Эвридика оказалась пригодной для колонизации, и на ней стали жить люди, а для того, чтобы они там жили, им приходилось многое доставлять с Земли, и время от времени на Эвридику уходили звездолеты.

Что касается звездолетов, то ни один из них не может обойтись без электротехников по сетям слабого тока. Круг как раз и был слаботочником. Специальность эта обычно скрывается под индексом СК-67, что, во-первых, означает «шестьдесят седьмая специальность космонавта», а во-вторых, — что прошли времена, когда один или пять человек могли вести и обслуживать корабль. Теперь пятерым не дали бы даже простой трансорбитальник, не говоря уже о кораблях класса

540 «Альфа-Н» и «Бета-Н», для которых орбита Плутона

была чем-то вроде пригородной станции — последней в дачном поясе.

«Ньютон», где Круг заведовал сетями трех верхних палуб, принадлежал именно к классу «Бета-Н», то есть был звездолетом, снабженным для передвижения в обычном пространстве фотонным двигателем, в то время как корабли «Альфы» имели диагравийонный мотор. Кроме того, разница между классами заключалась еще и в том, что «Альфы», разогнавшись и вырвавшись в надпространство (в котором совершают большую часть пути, на что, кстати, указывает литера «Н» в обозначении класса), могли идти в нем неопределенно долгое время, и возникали вновь в трехмерном пространстве уже вблизи конечного пункта их маршрута, в то время как «Беты» и «Ньютон» в том числе должны были выходить из надпространства, пройдя расстояние, соответствующее одному парсеку, если считать единицами, принятыми в трех измерениях, и производить перезарядку реактора, дававшего энергию для надпространственного полета. На них стоял один такой реактор, а на «Альфах» — два. Не потому, чтобы кто-то поскупился; просто «Беты» проектировались не для надпространства, их приспособили потом: их было довольно много, «Альф» же пока лишь единицы. Так что на пути между Землей и Эвридикой приходилось сделать шесть таких выходов, шесть станций: вынырнуть, перезарядить реактор, разогнаться на фотонном двигателе и опять уйти в надпространство. Вот, наверное, и все, что стоит знать, чтобы представить дальнейшее.

Откровенно говоря, и эти подробности были, наверное, ни к чему. Но Кругу сейчас хотелось вспомнить все с самого начала, обязательно с самого начала. С момента, когда он остался один, исчезла та равнодействующая, которой до сих пор удовлетворялись все Круги, жившие в нем. Теперь же они обособились, и каждый захотел жить сам по себе в той вселенной, имя которой было — электротехник по слабым токам Круг. И вот одному из них захотелось вспомнить все с самого начала. То ли он хотел сохранить верность традиции, по которой человек, глядя в выразительное лицо смерти, обязан восстановить в памяти всю биографию, то ли (и это, пожалуй, вернее) его побуждало вспоминать сознание того, что обращение к памяти даст ему возможность не думать о настоящем. А думать о настоящем ему очень не хотелось. Так или иначе, он пытался властвовать, удерживая остальных, и вот добрался уже до факта, что «Ньютон», на котором он ле-

тал, шел на Эвридику и недавно сделал одну из шести неизбежных остановок, выйдя в то милое пространство, в котором существуют звезды.

Вот звезд не следовало касаться. Круг-биограф понял это слишком поздно: звезды не находились в его ведении, ими занимался Круг-аналитик. И он немедленно воспользовался удобным случаем для того, чтобы повысить голос и привлечь всеобщее внимание.

Круг-аналитик начал с того, что призвал не слушать этого болтуна, лепечущего что-то о предках, стенных контактах и классах кораблей. И об Эвридике в придачу. Какая разница, куда шел корабль: к Эвридике или еще куда-нибудь? Не надо позволять страху овладевать собой. Надо трезво и беспристрастно взглянуть на создавшееся положение. Этот дешевый, наигранный тон храбрящегося, но на самом деле смертельно напуганного человека никому не нужен. Нужна оценка ситуации. Она не в нашу пользу, да. Но это еще не значит, что можно сложить руки и умирать.

Положение таково: здесь — обычный мир, пространство трех измерений. В нем действительно сияют звезды. Но они — далеко, и сейчас ни к чему. Кроме звезд, в этом пространстве существует корабль. Тот самый «Ньютон». Он близко. Он виден. И еще в этом пространстве есть человек. Электрик Круг. Закованный в тяжелый скваммер, он висит в пустоте, как самостоятельное, независимое, единственное в своем роде небесное тело. Но, поскольку существовать самостоятельно и независимо в межзвездном пространстве человек может очень недолго — пока не исчерпаются ресурсы скваммера, — то, чтобы исправить ситуацию, а попросту говоря, спастись, надо попасть обратно на корабль. Догнать его, вернуться на борт. Вот и все.

Аналитик тоже, конечно, был испуган: смерть грозила ему в той же мере, что и остальным Кругам, и даже в большей, потому что первой умирает от страха именно способность к анализу. Но именно поэтому он и хотел отыскать путь к спасению как можно скорее.

Но это было трудно, потому что такие пути, кажется, все были уже испробованы и безрезультатно.

Волей-неволей пришлось обратиться к биографу, чтобы он напомнил все, что уже было испробовано. Биограф же воспользовался этим и вернулся к тому, с чего все началось.

А началось с того, что в тесной каморке вахтенного электрика загорелся сигнал. Сигнал показывал, что в районе третьей палубы вышла из строя восьмая антенна защитного поля.

Посредством этих антенн поддерживается защитное поле, предохраняющее корабль от встречи в пространстве с частицами вещества. Вещество — даже если это просто пыль, — сталкиваясь с кораблем, имеющим высокую, очень высокую скорость полета, быстро разрушает корпус, каким бы прочным он ни был. Поэтому корабль защищен статическим полем, закутан в него, как в пуховое одеяло. Это поле наводится и поддерживается при помощи множества небольших антенн. Стоит выйти из строя хотя бы одной из них, и настройка поля искажается. Пыль при этом еще не страшна, но если навстречу попадется даже небольшой метеор, даже крохотный камешек, то он сумеет, чего доброго, прорваться к обшивке и даже повредить ее.

Конечно, заторопился тут Круг-биограф, это необязательно. Во-первых, вещество во Вселенной сосредоточено, как всем известно, главным образом в звездах, а не в пылинках и метеорах. Так что надо быть уж очень невезучим, чтобы встретиться с чем-то подобным. А во-вторых, если этот метеорчик даже доберется до корабля, то может что-то произойти, а может и ничего не произойти. Последнее даже вернее: не такая уж хрупкая вещь «Ньютон».

Биограф хитрил, явно хитрил. Он был страшный лентяй, этот биограф. И в тот момент вахтенным электриком был, по сути дела, он. Дело происходило тогда, когда по корабельному распорядку была ночь. Все, кроме вахтенных, спокойно спали, а члены экипажа спали особенно крепко: за три часа до этого перезарядка реактора была завершена, аврал кончился, и все смертельно устали. Была ночь, и аналитик-Круг тоже задремал: аналитики ночью спят. Бодрствовал другой Круг — влюбленный. Но ему не было дела ни до каких вахт на свете, он сидел и, как полагается в этот час суток, в мечтах беседовал с той девушкой, которая занималась электрохимией на Эвридике. Но до этого-то она была на Земле, там они и встретились и встречались еще неоднократно, а когда ей пришла пора лететь на три года на Эвридику, они расстались с трудом, и было сказано много слов и так далее. Три года истекли, и было известно, что девушка эта — ее звали Инна, очень хорошее имя — полетит назад именно на «Ньютоне». Круг-влюбленный развил в этой связи немалую активность

и, кроме прочего, договорился с некоторыми коллегами и теперь отстаивал вахты то за одного, то за другого из них, имея в виду, что на обратном пути они ему оплатят тем же. Аналитик с этим ничего не мог поделать, в споре с влюбленным он всегда проигрывал, но на вахте он положил за правило дремать.

И вот получилось, что на вахте был именно Круг-лентяй, он же биограф. Да и он смотрел вполглаза, потому что то и дело помогал влюбленному вспомнить, как все тогда было, а то и пытался представить, как все будет. И по этим причинам он в первую очередь понадеялся, что сигнал зажегся случайно, и сейчас погаснет. Но сигнал не гас. Тогда биограф стал размышлять так, как вот только что: не может быть, чтобы так не повезло, и они напоролись на метеорит за те несколько часов, которые им осталось провести в этом пространстве до разгона и перехода в надпространство. На размышления ушло некоторое время, и только тогда аналитик проснулся.

Проснувшись, он сразу напомнил, что Правила звездной навигации не оставляют места никаким размышлениям. В них прямо сказано, что в случае нарушения настройки защитного поля должны быть немедленно приняты меры по ее восстановлению. До тех пор, пока неисправность не будет устранена, всякое увеличение скорости, а тем более разгон для Н-перехода, запрещается. Так что надо было исправлять, да побыстрее. Потому что никакая задержка немыслима; и тут он напомнил нечто, о чем все остальные Круги, находясь в расслабленных чувствах, совершенно забыли, а теперь схватили себя за волосы.

Дело в том, что незадолго до вылета «Ньютона» были получены с Эвридики сообщения об участившихся случаях странных заболеваний. Возникла опасность эпидемии. Болезнь была на Земле неизвестна, и в этом нет ничего удивительного: у каждой планеты свой характер и свои болезни. Поэтому на корабль погрузили немало всяческих лекарств, части пассажиров пришлось остаться, а их каюты заняли врачи. Круг об этом знал; аналитик знал и то, что Болезнь — ее пока так и называли «Болезнь», она даже приличного имени еще не получила, — угрожает Инне в такой же степени, как и всем другим. Но остальные Круги в это просто не верили, и сейчас, когда аналитик спал, ухитрились вовсе забыть. Он напомнил, и оказалось, что действительно рассуждать не о чем.

Но какое-то время было уже потеряно. Потому что вахтенный пилот позвонил из центрального поста и спросил: «Ну, как вы там, исправляете?» Растерянный и смущенный Круг-лентяй проговорил только: «Исправляю». «Давайте побыстрей, — сказал пилот, — до разгона осталось два часа, забыли?» «Нет, что вы», — ответил Круг, положил трубку и сообразил, что и впрямь забыл, ночь эта была сокращена на три часа, чтобы поскорее разогнаться и уйти, другие-то все время помнили, что на Эвридике Болезнь.

«Исправляю», — сказал он, а на самом деле еще не начал. Но теперь он выскочил из своей каморки и бегом направился к отсеку, в котором хранились скваммеры. Для этого следовало миновать два коридора, и когда он прошел первый, то, по всем правилам, ему надо было свернуть налево, добраться до центрального поста и испросить у вахтенного пилота разрешение на выход. Так полагалось. Но он этого не сделал. Прежде всего, наверное, потому, что выход был пустячный: до антенны и обратно. А во-вторых, вахту в тот момент правил третий пилот, молодой, прямо зеленый, но очень заносчивый. Круг успел с ним уже схватиться, отстаивая честь электриков. Третий пилот считал, что электрики — вообще не космонавты: корабль они не ведут, в навигации не разбираются и даже в пространстве, по сути дела, не бывают. И вот сейчас идти к нему и докладывать, после того, как Круг уже сказал, что исправляет, оказалось невозможным: врать ни один из Кругов как следует не умел, во всяком случае, глядя в глаза — нет. А пилот, кстати, в антеннах и защитном поле не разбирался, раз он вообразил, что исправить антенну можно, находясь в дежурке. Вот пусть он так и думает, а Круг быстренько выйдет, исправит и вернется, а потом еще расскажет ребятам о завидной эрудиции третьего пилота.

Аналитик понимал, что это не очень хорошо и, во всяком случае, неправильно. Но он сейчас был занят в основном мыслями об антенне, а не о формальностях.

Круг подошел к камере. В обычное время никому не удалось бы попасть туда, где хранились скваммеры, и уж, разумеется, не удалось бы открыть ни один из люков, ведущих за борт. Но Круг знал, что ему не о чем беспокоиться, потому что он выходил по аварийной причине. А это значило, что те самые автоматы, которые сообщили о неисправности антенны, уже послали сигнал киберинженеру, и оттуда было дано разрешение устройствам, блокирующим дверь камеры и выходные люки.

Теперь можно было надеть скваммер и выйти через малый люк, только через малый, потому что он был ближе всего к месту аварии, и только он один и был разблокирован: ничего лишнего киберинженер не позволял ни себе, ни другим, так как был всего лишь машиной.

Круг вошел в камеру, где помещались скваммеры, устройства для работы в пустоте — при монтаже искусственных спутников и звездолетов и при их ремонте. Полное название этих костюмов было «Скафандр для вакуума, антимагнитный, металлопластовый, с реактивным приводом». Вообще-то они были похожи не на костюмы, эти скваммеры, а скорее на здоровенное яйцо какой-то космической птицы — а может быть, Черных Журавлей, только те яиц не клали, — на яйцо, снабженное руками и ногами. Впрочем, бывают люди, выглядящие так и без скваммеров.

Он открыл дверцу на спине скваммера, через которую следовало влезть вовнутрь и потом закрыть ее за собой. Потом...

Тут аналитик прервал неторопливый рассказ Круга-биографа. Он поинтересовался, сколько осталось времени. Времени оставалось мало. Надо же было что-то делать, в конце концов! Нельзя же так погибать?

— А что делать? — спросил биограф. — Не знаешь? Ну и помалкивай, и не мешай.

— Но надо хоть думать!

— Вот и думай. Все равно нам конец. А я болтаю, и мне не так страшно от того, что он приближается. Думай, не думай — ничего не придумаешь.

Аналитик только зубами скрипнул.

...Потом Круг переложил в карман на боку скваммера несколько захваченных из каморки инструментов, которые могли пригодиться при ремонте, и отметил, что в запасе у него еще почти два часа. Поэтому он спокойно проделал все, что полагалось: закрепил на руках и ногах широкие манжеты, от которых тянулись провода к сервоустройствам, воспринимавшим биотоки и передвигавшим конечности скваммера, так как человеку самому, без помощи механизмов, и думать было нечего о том, чтобы сделать в этих доспехах хоть одно движение.

Затем он влез в скваммер и захлопнул за собой дверцу. Скваммер понял его и зашагал, а Круг стал думать о том, что же могло стрястись с антенной. Потом он вошел в лифт и в два счета оказался наверху, у люка. Ухватившись за

поручень он подождал, пока из выходной камеры выкачали воздух. Затем люк открылся, Круг подошел к черному отверстию, которое вело в пустоту...

Тут аналитик опять вмешался в разговор, потому что чувствовал заранее: сейчас биограф обязательно упустит что-нибудь из нужных подробностей. До сих пор ведь он так ничего и не сказал о гравитации. На корабле, разумеется, была искусственная гравитация, потому что находиться долгое время в состоянии невесомости вовсе не столь полезно. Но люди, проектировавшие корабль, понимали, что если действие гравигена будет распространяться за пределы обшивки, то корабль станет захватывать из пространства все вещество, какое подвернется на пути.

Так что — поскольку удалось локализовать поле искусственной гравитации и ограничить его только внутренностью корабля — за бортом царил уже самая настоящая невесомость.

— Ну правильно, — согласился биограф, — это существенно. Но так мы никогда не доберемся до сути дела.

Круг вылез. Стоя на оболочке, он медленно выпрямился и с удовольствием ощутил, как крепко держат его магнитные подковы. Они намертво пристали к металлу обшивки и держали все время, пока он нажимал пятками на их замыкатели внутри башмаков скваммера. Но стоило приподнять пятку, и подкова этого башмака выключалась. Иначе ходить было бы просто невозможно. Люк медленно затворился, и стало совсем темно. Только зеленый глазок сиял во мгле, обозначая, где находится вход и куда надо будет возвращаться, когда закончишь работу. Круг включил нашлемный фонарь и зашагал в том направлении, где находилась восьмая — виноватая — антенна.

Он двигался вперед, примерно до половины туловища погруженный в облегавшее корабль одеяло защитного поля — от него в ногах было такое ощущение, словно по ним бегали мурашки, а нижняя часть скваммера голубовато светилась. Уровень поля по направлению к неисправной антенне все понижался — словно бы Круг выходил на берег неглубокого, теплого ручья, каких немало на Земле...

— Помнишь, мы с Инной сидели около такого ручейка, и она сказала...

Аналитик усмехнулся: влюбленный заговорил!

— Да ладно, ты! — отмахнулся биограф. — Нашел время — об этом. Не мешай.

Наконец Круг нашел антенну и осмотрел ее. Результаты осмотра его, как говорится, приятно удивили. Он рассчитывал, самое малое, на получасовой ремонт, оказалось же, что дела на минуту. Но между всеми возможностями, которые он мысленно перебрал заранее, такая не фигурировала, потому что предусмотреть ее было невозможно.

Всем давно известно, что микрометеориты, даже самые крупные, не в состоянии пробить защитное поле корабля, поскольку второе поле выброшено далеко вперед, и наводит на все, что попадает по пути, заряд того же знака, вследствие чего и возникает отталкивание. А тут комочек вещества, объемом на глаз в полтора кубических сантиметра, достиг поверхности корабля и ткнулся в нее так неудачно, что застрял между пластинами излучающей антенны и замкнул их. Очевидно, метеоритик был металлическим.

Это было непонятно и неправдоподобно. Преодолеть поле этот метеорит, при его ничтожной массе, не мог. Он мог пробить лишь расстроившееся поле, но оно расстроилось лишь вследствие того, что метеор предварительно преодолел его. Было над чем подумать. Но, разумеется, попозже, не сейчас.

А пока Круг достал из инструментального кармана щуп и попробовал действовать им, но безуспешно, очевидно, железка засела крепко. Электромагнитный экстрактор тоже не дал результата. Не в шутку уже рассердившись на неподатливого нарушителя, Круг достал из кармана длинные плоские клещи, просунул их между пластинами, крепко наложил, расставил пошире ноги и, передав скваммеру всю свою злость, рванул.

Это и было самым последним из всех начал... Метеорит выскочил, но и клещи выскочили из рук, будто какой-то силач выхватил их и швырнул в пространство. Поскольку никакого силача рядом не оказалось, винить в случившемся следовало только собственную неосторожность. Впрочем, разбираться было некогда: в мгновение, когда клещи с зажатым в них метеоритом промелькнули мимо шлема, Круг рванулся и, привстав на цыпочки, успел-таки их ухватить.

Масса клещей стала странно велика, и не таким легким делом оказалось, поймав инструмент, водворить его на место. Кругу даже показалось было, что, схватив их, он

потерял почву под ногами. В следующий миг он сообразил, что дело обстояло куда хуже, потому что не он одолел клещи, а они его, и теперь корабль неторопливо, делая метра так два в секунду, удалялся, уходил в пространство, а Круг и клещи с метеоритом тем временем кувыркались вокруг общего центра тяжести — такими тяжелыми оказались клещи с их добычей.

И тут Круг, в котором взыграл аналитик, стал воздавать себе должное. Нет, тогда он еще не стал сожалеть о том, что не доложил вахтенному пилоту о выходе. Но что минуту назад, перед тем как начать возню с антенной, он не зацепил карабин тросика за основание той же антенны, вот это было непростительно. Тросик находился всегда при скваммере, сто метров его было намотано на катушку в углублении левого бока; но что в этом толку, если Круг так обрадовался незначительности повреждения, что о тросике в тот момент и думать забыл. Теперь-то он вспомнил, но поздновато.

Тут надо говорить откровенно: испугался он основательно. Что ни говори, внезапно оторваться от корабля и отдаляться от него, и видеть, как он с каждой секундой становится все меньше и меньше, — такое никому не прибавит бодрости. Но все-таки тогда он испугался не до конца. Потому что знал, что в его возможностях — восстановить прежнее положение. И он позволил себе ужаснуться. Мало того: он сам еще поддал жару, представив себе, что корабль сейчас удалится навсегда, а он останется здесь и погибнет. Картина получилась очень мрачная, так что даже противный, холодный пот выступил на лбу...

— Вот это уже чистой воды вранье, — возмутился аналитик. — Страх был самый доподлинный, и картина такая возникла сама по себе, помимо желаний.

— Ну да, — согласился биограф. — Но все-таки известно было, что выход есть. А значит, рядом со страхом стояла надежда на то, что через минуту все кончится благополучно.

Через минуту надежда пересилила и заставила действовать. Тогда аналитик и показал себя, потому что биограф метался в растерянности, а влюбленный сидел где-то в самом уголке и помалкивал. Аналитик моментально сообразил, что прежде всего надо было прекратить свое кувырканье, а также движение по отношению к звездолету. Ему, конечно, было ясно, что вовсе не «Ньютон» удаляется, а сам он улетает в пространство. Остановиться можно было при помощи ранца-ракеты — небольшого двигателя, укрепленного на спине скваммера, как

раз над дверцей. Немного смушало то, что ранцем-ракетой Круг владел не в совершенстве, а точнее — владел плохо. Конечно, когда-то он тренировался и в таком скваммере, но двигатель включал всего несколько раз, и за это время, понятно, не мог научиться владеть им так, как это нужно было бы сейчас. Аналитик сжал зубы и пообещал при первом же удобном случае рассчитаться за это с лентяем-биографом и заставить его как следует изучить все, что полагалось и еще не было освоено, а таких вещей было немало. Но сейчас приходилось заниматься уже не учебой.

В общем-то, основы он помнил. Засунув клещи с зажатым в них метеоритиком в карман (это оказалось неожиданно трудно, сервомоторы хрипло завывали, и Круг даже потерял ориентировку в пространстве), он подвинул левую ногу чуть вбок внутри широкого башмака скваммера и нажал мягко подавшийся грибок зажигания. Вспыхнуло приборное окошечко над иллюминатором шлема; Круг покосился на него и убедился, что горючего — полный запас, и аккумулятор тоже полон. Теперь самое важное было — нацелиться. В скваммере было специальное прицельное приспособление для того, чтобы точно наметить то место, в которое ты хочешь попасть. Круг поднял руку, нашарил снаружи на шлеме коробочку, в которой помещался прицел, и осторожно повернул ее, пока она не дошла до фиксатора. Он облегченно вздохнул, когда коробочка встала прямо в центре прозрачного иллюминатора шлема.

Потом он включил гирорули, и они прежде всего стабилизировали его положение в пространстве, так что Круг перестал кувыркаться. Затем дополнительно включая гироскопические рули вертикальной и горизонтальной осей на едва уловимые промежутки времени, Круг начал поворачиваться в пространстве. Уравновеситься в нужном положении оказалось очень трудно. Когда человек, не имеющий достаточного опыта, работает рулями, он обычно отклоняется то в одну, то в другую сторону, то по горизонтали, то по вертикали, переходит нужную линию, и зеленый огонек все елозит вокруг перекрестия нитей и никак не хочет встать на место. У Круга он остановился только на шестой или седьмой попытке. Круг даже не обрадовался, он затаил дыхание, чтобы каким-нибудь нечаянным движением не сбить прицел.

Теперь настала пора включить двигатель.

Он нажимал очень осторожно, и ракета не включалась, как ему казалось, страшно долго. Да и то сказать,

не шуточное дело — взять да запустить собой в звездолет. Не приходилось гадать, кто пострадает, если соприкосновение получится слишком сильным. Но он все нажимал и нажимал.

Нажимал — и в конце концов окончательно уверился что в двигателе что-то не в порядке. В таком случае единственное, что остается человеку, — это выжать педаль до отказа, чтобы уж окончательно убедиться в том, что мотор отказал. И вот как только Кругу представилось, что мотор может оказаться неисправным, и дела куда хуже, чем ему казалось, он нажал что было силы.

И тут борт звездолета стремительно понесся прямо на него, не совсем прямо, но чуть ниже. Похоже было, что корабль сошел с ума и вознамерился прижать парня к какой-то несуществующей стене и раздавить. Но этого Круг не испугался. Он выставил, как его учили, полусогнутую ногу, чтобы ею встретить удар и затем попробовать зацепиться то ли за антенну, то ли за одну из скоб, которые были приварены к борту именно для этой цели. Однако совсем приблизившись, корабль почему-то провалился и пронесся в каком-нибудь метре от него. Почти секунду бедняга пролетал над широченной корабельной спиной, судорожно извиваясь и пробуя дотянуться до поверхности ногой или рукой. Это ему не удалось, и корабль начал снова удаляться от него еще быстрее, чем в первый раз, только в обратную сторону.

Горечь неудачи оказалась настолько велика, что лишь через несколько секунд Круг, при помощи гирорулей, повернулся лицом к улетавшему звездолету и снова включил ранец-ракету. На этот раз импульс получился менее сильным, но корабль опять проскочил вниз.

Может быть, тут и следовало остановиться, повисеть спокойно в пространстве, поглядывая на корабль, и подумать, в чем же дело и почему он никак не может достичь цели. Но Круг уже был не в состоянии остановиться, потому что почти мистические нырки «Ньютона» вселили в него настоящий ужас. И он еще несколько раз качнулся, как маятник, оказываясь то по одну, то по другую сторону звездолета. Как бы он ни прицеливался — а в конце концов он стал целиться прямо в борт, пренебрегая возможностью разбиться, — корабль в последний миг отпрыгивал куда-то и ускользал.

Но вот наконец эти попытки прекратились. Круг закрыл глаза и подождал, пока нервная дрожь не начала проходить. Тогда он стал подводить итоги. Аналитик раз-

мышлял, а лентяя в это время все еще дрожал по соседству и был готов в любой момент заплакать. На счастье, тут оказалось еще несколько Кругов — Круг-мужчина, Круг-спортсмен и еще какие-то, — и они навели относительный порядок, так что аналитик смог закончить свой обзор событий.

Кругу удалось всего лишь уравновеситься. Теперь он не удалялся от корабля, но и не приближался. Корабль висел вдали, так далеко, что было трудно различить эту махину в темном пространстве. Сколько сотен или тысяч метров разделяло их, Круг не взялся бы определить даже приблизительно: во время всех этих сумасшедших скачков он совершенно потерял чувство расстояния. Да оно было ему и не нужно, потому что теперь стало ясно как день: на корабль ему больше не попасть. Что-то произошло, и «Ньютон» не принимает его. Что произошло, он не знал, и от этого случившееся казалось еще страшнее, а предстоящее...

Предстояла смерть, а Круг не верил в то, что смерть не страшна.

Однако пока она держалась еще где-то в тени и не стремилась заглянуть ему в глаза. И вот сборищу Кругов удалось кое-как успокоить биографа, лентяя и мечтателя, у которого было неладно с выдержкой и мужеством. Однако возможно, что они допустили здесь ошибку, позволив ему заняться воспоминаниями. Но в тот миг это показалось им даже интересным и полезным, потому что давало и им самим возможность передохнуть.

А Круг-биограф принялся вспоминать, как когда-то давно, очень далеко отсюда — там, на Земле, был праздник. Воздух города слабо светился, стены домов мерцали сквозь зелень и флуоресцировавшая вода реки и каналов медленно обтекала легкие и стремительные тела кораблей. Девушки были украшены цветами, и деревья почему-то казались синими, а небо — совсем прозрачным.

Он был тогда еще совсем мальчишкой, и ему было обидно, что никто не обращал на него внимания, и в этом проявилась главная несправедливость человечества — ведь девушки были частью человечества, правильно? — заключающаяся в том, что человечество почему-то признавало и ценило только уже совершенные подвиги и деяния, а задуманные, но еще не совершенные просто не замечало. А вина человека, задумавшего подвиги, заключалась лишь в том, что у него еще не было времени осуществить свои замыслы! Но девушки

дружили с монтажниками, авторами кораблей — ах, правда, это был их праздник, монтажников, — накануне ушел на испытания новый звездный корабль, и монтажники ходили в своих серебристых костюмах и тихо пели песни, и смеялись. А он одиноко бродил по широким, светящимся улицам далеко от центра — там, куда только ветер доносил музыку. Тогда-то Круг решил, что со временем он наденет комбинезон звездолетчика, потому что это было еще почетнее, чем быть монтажником.

И вот он надел его. И уже в первом рейсе ожидал событий, которые помогут ему проявить все его лучшие качества, а может быть, и совершить подвиг. Содержание подвига было ему неясно, но он отлично чувствовал настроение, в котором он совершит нечто, и даже знал, что скажет, когда все закончится и его будут приветствовать и немного завидовать. Поглядывая на новых товарищей по экипажу, он даже решил, кто из них что скажет при этом. И, возможно, так бы все и произошло, но нужные события не случались. Единственным событием за весь рейс была поломка микромоторчика в одном из курсоуказателей; увы, моторчик сжег он сам, производя подключение, и хотя сам же он и исправил прибор, на значительное деяние это никак не походило. В следующих рейсах было так же спокойно, и он даже начал привыкать к этому. Но желание сделать что-то необычное в нем не угасало. Он был готов совершить подвиг даже ценой жизни, соглашаясь не услышать всего того, что скажут после его гибели звездолетчики и все остальные; но он уже сейчас так четко представлял все это, что как бы присутствовал на собственных проводах. Сама же смерть казалась ему чем-то малозначительным по сравнению с тем, что будет по этому поводу сказано; он думал, что таким образом приучил себя не бояться небытия. И пребывал в таком убеждении до того самого момента, когда...

Биограф явно зашел слишком далеко: в такие детали вдаваться не следовало. Все-таки гораздо полезнее было до конца разобраться в сегодняшнем происшествии. Потому что никому не хотелось примириться с мыслью — ни влюбленному, ни биографу, ни даже аналитику, — с мыслью о том, что все кончено.

Что же произошло вслед за тем, как он уравновесился? Как ни странно, он прежде всего подумал о том, что благодаря всей этой карусели ему удалось освоиться с проклятой педалью. Теперь он сможет управлять ранцем-ракетой

вполне сносно. Прежде всего, сознание этого принесло ему некоторое моральное удовлетворение. А затем — приятное предчувствие скорой встречи с кораблем. Дело в том, что у него как-то мгновенно возник новый план, в котором умение управлять скваммером играло не последнюю роль.

Причины, по которым он не мог достичь корабля, так и оставались загадкой; пока ему не пришло в голову ничего более правдоподобного, чем предположение, что в конце концов виновато во всем было его неумение точно прицеливаться. А может быть, и прицел был разрегулирован. Круг помянул недобрым словом вакуум-слесаря и решил, что это ему так не пройдет. Но до вакуум-слесаря надо было еще добратся. И вот он придумал: сейчас он, дав слабый импульс, медленно поплывет к кораблю, целясь прямо в борт. Метрах в двух-трех остановится, затормозив. Он уже чувствовал себя в состоянии вовремя затормозить. А потом с такой дистанции не попасть в нужное место будет просто невозможно. Если же он будет двигаться так, как нужно, — не слишком быстро, но и не столь медленно, чтобы перейти на круговую орбиту, — то и тормозиться не станет, а причалит прямо к борту. И все кончится.

Он прицелился и нажал педаль. Импульса не последовало. Что он, опять разучился? Круг нажал сильнее: без результата. Выжал до отказа. Опять ничего. Что за свинство!..

Следовало искать повреждение. Он взглянул на светящееся окошечко наверху и похолодел: индикатор показывал, что бак сух и топлива не осталось ни капли.

Этого быть не могло. Круг помнил, что бак был полон, и примерно представлял, какое расстояние он успел пролететь, сколько и какой силы импульсов дать. По его расчетам, чуть ли не половине топлива следовало еще остаться, но его не было.

Круг несколько минут повисел без движения, привыкая к этой мысли. Топлива нет. Тогда как же, черт побери, он попадет на корабль?

И тут он впервые понял, что, может статься, он туда вовсе и не попадет. Однако в этот раз он не позволил себе задуматься над такой явной нелепостью. Не попав на корабль, он мог бы только умереть. А смерть исключалась: ему еще нельзя было умирать, прожито было так мало, сделано и того меньше, и ведь существовала же на свете справедливость, в конце концов! Поэтому он стал прежде всего думать о том,

как вернуться на корабль без топлива, вернуться побыстрее, пока его не хватились, и так, чтобы не оказаться смешным, ведь, если он довисит здесь до того, что его станут искать и найдут за бортом, это будет очень смешно — для всех, кроме него самого.

Итак, он висел довольно далеко от корабля, без капли топлива. Куда оно девалось — выяснится потом. Может быть, один из патронов оказался неисправным и вытек. Может быть... мало ли что могло быть. Надо было чем-то заменить топливо, вот какова была задача. Топливо в ракетном двигателе есть, по сути дела, отбрасываемая масса. Но у него была и другая масса, которую можно отбросить. Инструменты. Круг подсчитал их вес, затем — скорость, с какой он сможет отбрасывать от себя эти инструменты, тем самым сообщая себе движение в противоположном направлении. Результат получился малоутешительный. То есть движение он приобрел бы, но скорость оказалась бы слишком мала; он вышел бы на круговую орбиту и начал бы довольно быстро обращаться вокруг корабля, только и всего.

Это его не устраивало. Тогда он подумал еще немного и нашел еще один выход.

Он полетит медленно; но инструмент, брошенный им, полетит во много раз быстрее. Возьмем... ну хотя бы ключ для регулировки антенных пластин. Он невелик и достаточно массивен. Чуть развинтим его. Так. Теперь зажмем ключом карабинчик тросика. Смотаем тросик с катушки — пусть покоится в пустоте. А теперь швырнем ключ так, чтобы он попал в антенну или рядом с нею, туда, где скоба. Может быть, не с первого, так с десятого раза ключ зацепится, и Круг, сматывая тросик, притянется к кораблю. Просто и красиво. Конечно, пока ключ будет лететь, Круг несколько отплывет назад. Но в случае неудачи, вытягивая ключ обратно, он возвратится на прежнее место. Так что риска никакого.

Он швырнул, и ключ полетел прямо к кораблю. Точно прицелиться было, конечно, невозможно, но Круг знал, где скобы натяканы гуще всего, а уж в корабль-то попасть было несложно. И однако он не попал. Ключ пролетел выше и остановился, дернув тросик. При этом и Круг почти остановился. Пришлось сматывать тросик и начинать все сначала. Теперь ключ прошел ниже корабля. Круг начал сердиться. В третий раз он прицелился особенно точно и теперь ясно увидел, как траектория полета ключа изогнулась и ушла

в сторону. Тут наконец Круг сообразил, в чем дело: корабль не принимал ключа так же, как не хотел принять и самого Круга.

Круг обозлился и испугался вместе; выходит, он все-таки не мог попасть на корабль своими силами? Это было обидно. Это означало, что без помощи людей ему не обойтись. А Круг примерно представлял, как посмотрят люди с корабля на его нелепое приключение и что об этом скажут. Языки у них были остры, весьма. Круг и сам в обычной обстановке не уступал им, но сейчас придется помалкивать, и чего доброго, рассказ об этом приключении распространится по всему Звездному флоту и будет обрастать выдуманными смешными подробностями и превратится в анекдот, который не то что будет следовать по пятам за Кругом, но станет даже опережать его. На какой бы корабль он потом ни пришел служить, там уже будут знать его, и при самом первом знакомстве кто-нибудь протянет, ухмыляясь: «Так это вы — тот самый, кто не мог вернуться на корабль? И вы еще летаете? Ну-ну...» А другой сочувственно прибавит: «Ну и перепугался же ты, наверное! А неприятностей не было?» Да, слава обещала быть не такой, о какой он мечтал.

Но ничего не поделаешь — другого выхода, по-видимому, не было. Приходилось ожидать людей. Ожидать: позвать их на помощь Круг пока еще не решался. А люди не торопились выходить из корабля. «Ньютон» по-прежнему неподвижно висел в пространстве, висел с таким видом, словно ему не было никакого дела до того, что тут погибал человек, и не просто человек, а еще и один из членов экипажа. Один из тех, без кого этот корабль был бы всего-навсего мешаниной из металлических и пластиковых деталей и кристаллов, и воды, и топлива, и консервов, и ковров, и зеркал, и еще много чего. Круг почувствовал, как в нем начала расти злоба на корабль. Не столько даже на людей, находившихся за его броней в полной безопасности и ни о чем не подозревающих, хотя он, Круг, отстаивал за них лишние вахты, злоба на корабль крепла в нем, на эту машину, равнодушно пребывающую по соседству. И Круг решил, что корабль за это заплатит.

Но аналитик возражал против этого: да полно, виноват ли корабль? А если и так, то, может быть, корабль уже и сам все понял и пытается уладить? Ведь, раньше, чем выйти, люди пошлют вызов!

Круг обозвал себя дураком; да конечно же, его давно ищут! И только такой недотепа, как он, способен разводить тут мировую скорбь и прощаться с жизнью вместо того, чтобы сейчас же, немедленно, вернуться на корабль.

Он включил рацию и слегка прищурил глаза, предвкушая, как сейчас ворвется в телефоны тревожный голос Корабля — пусть даже это будет только голос вахтенного связиста — и как Круг еще немного помедлит, прежде чем ответить. А потом он спокойно и даже лениво отзовется и скажет, что он находится здесь, неподалеку, и пусть кто-нибудь подбросит ему парочку топливных патронов, только сам пусть зацепится тросом. Потом он умело подлетит к кораблю, ухватится за скобу и влезет в люк. Люди окружают его; он неторопливо вылезет из скваммера, похлопает его по спине и установит на место... нет, этого ему не дадут сделать, кто-то торопливо схватится за скваммер, а Круг кивнет, благодаря, и преспокойно, как ни в чем не бывало, посмотрит на ребят. «Ты что? — спросят они. — Ты как? Что там делал?» И еще что-то спросят, он даже не услышит всех вопросов. Он же лениво ответит: «Да ничего особенного, ребята, надоело сидеть, вот и вылез, чтобы обдуло звездным ветерком, чтобы поблизи посмотреть на звезды». Тут кто-то — вахтенный пилот, вот кто, — дрогнувшим голосом спросит: «Почему же вы не пристегнули трос?» Да, вот именно так он и спросит: на «вы». Круг же взглянет на него с некоторой иронией и ответит: «Ну, настоящему звездолетчику это не нужно. Я, правда, увлекся немного, так что выработал топливо досуха, вы так не делайте, ребята». Тогда кто-то обязательно задаст вопрос: «Но что бы вы делали без топлива, если бы мы не спохватились и не стали бы вас искать?» «Ну, друзья, — скажет Круг, — у того, кто в этом немного понимает, всегда есть в запасе парочка-другая способов выкрутиться даже и из таких положений, в которых другой, пожалуй, растерялся бы». Вот так он ответит, а потом...

Биограф, обладавший поэтической жилкой, сочинял бы, наверное, еще долго. Но аналитик обратил внимание остальных на то, что пока никто Круга не вызывает — в телефонах все молчало. Не веря этому, он подумал было, что там перепутали номера скваммеров, и его ищут на чьей-то чужой волне. Он выругал связиста за то, что тот не дал положенного в таких случаях сигнала: «Всем!» Затем он отключил сервомоторы, втянул правую руку чуть глубже в рукав, где была панель рации, нащупал лимб настройки и начал медленно по-

ворачивать его, шаря в том диапазоне, в котором находились частоты остальных скваммеров.

Всюду было молчание. Везде, за исключением волны в двадцать один сантиметр, на которой вопил межзвездный, водород. Но слушать водород было абсолютно ни к чему. Все остальные волны молчали, и это означало, что никто Круга не вызывал и не собирался вызывать, потому что никто не знал, что он за бортом, и корабельная рация малой связи была поэтому выключена.

Впрочем, на один миг у него мелькнула было надежда: совсем рядом с волной водорода ему почудились еще какие-то сигналы, в которых можно было при желании уловить даже известный ритм. Круг напряженно вслушался: несомненно, это было похоже на сигналы, но он никак не мог их опознать. Это была не быстрая трель кодированной высокоскоростной передачи, и уж подавно — не человеческая речь. Да и кто стал бы вызывать скваммер кодом? Возможно, конечно, что корабль с кем-то переговаривался. Но эти переговоры шли бы через аппараты дальней связи, то есть совсем на других частотах, и принять их рация скваммера не могла бы. Нет, наверное, ритм ему просто почудился, а сигналы эти были излучением того же атомарного водорода: быть может, излучение это существовало и в такой форме.

Тут опять на минуту вылез биограф. Может быть, забормotal он, ты первый слышишь такой вид излучения. Первый из всех людей. Конечно, это не подвиг, но уже открытие. Жаль, что ты никогда не занимался радиоастрономией и не знаешь, что ей уже известно, а до чего наука эта еще не дошла. Но вот представь, что, вернувшись на корабль, ты, кроме всего прочего, промолвишь невзначай: «Знаете, ребята, очень любопытное излучение около волны водорода я слышал только что. Поэтому я и задержался: очень интересное явление, ну-ка, где тут наши специалисты?» И тогда радиоастроном...

Аналитик с досадой перебил биографа и напомнил о том, что ничего этого не будет, потому что корабль вовсе не торопится увидеть Круга и выслушать сообщение об открытии. Да и открытия никакого нет, атомарный водород давно уже изучен вдоль и поперек.

Да, корабль не торопился, и когда аналитик еще раз напомнил об этом, Круг разозлился окончательно. Его даже дрожь проняла от злости. Он вытянул руки, как будто ими можно было достать корабль и хотя бы раз основатель-

но стукнуть его. Но стукнуть «Ньютона» было нельзя. Круг подумал немного и решил, что раз так, то он сейчас заставит корабль немного попрыгать. Пусть почувствует, каково оно — прыгать в пространстве!

Это великая польза принципа относительности: каждый может считать себя центром мироздания и при желании способен заставить мир крутиться вокруг себя. Надо только закружиться самому, и тогда очень легко представить, что ты неподвижен, но вокруг тебя обращается Вселенная.

Круг включил вертикальный гироруль, и корабль сначала медленно, потом все быстрее и быстрее стал кружиться вокруг человека, как будто «Ньютону» вовсе и не надо было следовать к Эвридике и ее рыжему солнцу. Впрочем, и рыжее солнце кружилось вокруг Круга, и вся Вселенная. Он понял, что стал центром бытия и может оставаться им хоть навсегда, потому что, даже когда кончится энергия аккумуляторов, питающих руль, вращение будет продолжаться. Однако этого ему показалось мало. Он включил еще и гироруль горизонтальной оси, и корабль начал описывать вокруг скваммера совсем уж замысловатую орбиту... Так он гонял корабль вокруг себя, щелкая языком и покрикивая, словно бы с детства занимался дрессировкой звездолетов куда успешнее, чем все укротители львов и испытатели кораблей, вместе взятые.

Он гонял «Ньютона» долго. В конце концов корабль перестал быть кораблем, а превратился в какую-то суматошную, тускло отсвечивавшую полосу. Круг понял: это произошло оттого, что корабль в своем вращении вокруг него догнал наконец сам себя. Наверное, звезды тоже догнали сами себя, потому что каждая из них превратилась в светлую полосу, перекрученную восьмеркой, и пространство оказалось прочно стянутым этими перекрученными обручами, которых становилось все больше, и вот уже ничего не осталось в мире, кроме этих блестящих обручей...

Аналитик без толку взывал: это уже безумие, ты просто-напросто сходишь с ума! Кругу на это было наплевать, зачем ему здесь ум?

С величайшим усилием Круг закрыл глаза, и все же еще несколько секунд перед ним мелькали огненные обручи. Потом они исчезли, но он не открывал глаз, зная, что за пределами скваммера эти обручи еще существуют и сейчас просто не нужны. Голова кружилась, и он выключил оба гироруля, а потом включил их в обратном направлении и сквозь

прижмуренные веки стал наблюдать, как Вселенная постепенно замедляла вращение, а потом и совсем прекратила его. Тогда он выключил рули, открыл глаза и облегченно вздохнул: мир остановился, и все в нем стояло на своем месте.

Мир стоял на месте, и все в нем было по-прежнему, все звезды и туманности — ни одна не исчезла, — и только одного не было в мире: корабля. Еще недавно он висел на фоне звезд, а теперь его не стало. А это означало, что пока он заставлял Вселенную плясать вокруг себя в двух взаимно перпендикулярных плоскостях, корабль начал разгон и скрылся. Разогнался он быстро, и теперь был где-то далеко-далеко, а может быть, уже совершил Н-переход и очутился в надпространстве. И никто в нем не хватился Круга: никто не знал, что он вышел, а исправленная им антенна работала, а сменный электрик, наверное, решил, что Круга перед сдачей вахты куда-то послали, а людей на корабле никто никогда не пересчитывал, потому что деваться им было некуда: если в море еще можно упасть за борт и кричать, провожая глазами уходящий корабль, на котором никто тебя не слышит за множеством других звуков, то в космосе упасть за борт невозможно. В этом смысле Круг совершил именно невозможное и мог бы этим гордиться. Но он почему-то не стал.

Вот когда он по-настоящему почувствовал — не понял, а именно почувствовал, что гибель — вот она, рядом. Что она не присутствует, как прежде, в его проектах и мечтаниях, как неприятная, но всего лишь второстепенная компонента подвига; что она становится реальностью, единственная из всего, что он воображал и чего ожидал; и что она ужасна, настолько ужасна, что мириться с нею человек просто не может.

Это было очень страшно: умереть. Существовал громадный мир, существовал во времени и пространстве, со своей историей, настоящим и прогнозами будущего, со своими теориями и догадками о великом множестве вещей. И он, Круг, был не просто составной, но необходимой частью этого мира, потому что все это проходило через него: походы Цезаря и революции, классическая механика и релятивистская, все, все без исключения сосредоточивалось в его мозгу. Все это было частью его жизни, потому что этими событиями можно было датировать и свой календарь: не тем, когда они произошли, а тем, когда он о них узнал. Поэтому введение в теорию высших измерений и знакомство с Инной, например, так тесно сплелись в его памяти, что не вспоминались одно без

другого; после этого нельзя было, разумеется, считать теорию надпространства чем-то не принадлежащим тебе, не зависящим от тебя. И все изобретения, новые машины и аппараты и всякие мелочи — все, что делалось в мире, совершалось для того, чтобы Круг мог пользоваться этим для собственного удобства, или же — если это было невозможно, — чтобы он просто радовался всему. До сих пор мир, с точки зрения Круга, был устроен очень правильно. Но сейчас Круг с ужасающей, безжалостной ясностью понял, что мир существовал не для него и будет существовать без него; что теории надпространства он, Круг, совсем не нужен, и что Цезарю до него, Круга, не было совершенно никакого дела; что изобретения совершались вовсе не для его удовольствия, а для человечества вообще, и еще потому, что они не могли не совершаться, так как движение вперед во всех направлениях есть просто неперемное условие существования человечества. Разумное устройство мира, как оказалось, вовсе не означало и не гарантировало, что Круг будет пребывать в нем неопределенно долгое время, как надеялся. Круг оказался сам по себе, а мир — сам по себе, и вот тут-то и произошло вынесение электрика за скобки, в которых осталось все остальное; раскрыть же эти скобки было не в его силах.

Это был приступ уже не страха, но отчаяния, которое приходит не тогда, когда человек осознает угрозу гибели, но в тот миг, когда понимает, что укрыться от этой угрозы нигде, что нет никого, к чьей помощи можно прибегнуть, под чью защиту спрятаться. Что можно дико, иступленно плакать, кричать, делать все — и все это не принесет пользы, не поможет, и ему остается лишь одно: умереть поскорее, чтобы умереть в своем уме — последнее, что он мог еще совершить.

А гибель была рядом. Он понял, что висит сейчас в пустоте, практически ничем не защищенный, лишенный спасительного укрытия обшивки «Ньютона» и даже защитного поля, и что в любую секунду и из любой точки мироздания может примчаться тот метеорит (подобный уже лежащему вместе с клещами в инструментальном кармане), который без особого усилия пронзит и оболочку скваммера, и самого Круга, и снова скваммер, и полетит дальше, лишь немного потеряв скорость. Круг втянул голову в плечи и сжался внутри скваммера насколько мог, а скваммер послушно повторил его движения и тоже поджал руки и ноги.

Так он провисел сколько-то времени, закрыв глаза и понося самого себя (единственное, на что у него еще хватало сил) за то, что так неразумно тратил время, когда корабль еще находился по соседству. Круг клял себя, а метеорита все не было; он мог и совсем не прилететь или же промчатся мимо на расстоянии сантиметра, и Круг его даже не заметил бы. А может быть, уже и пролетел? Но, как ни старался Круг убедить себя в этом, ему все мерещились металлические крупинки, летящие прямо в него со всех сторон, как будто бы он и впрямь был центром мироздания, как представлял себе несколько минут или часов тому назад. Как пригодилось бы ему сейчас хотя бы слабенькое защитное поле; он, разумеется, не претендовал на такое мощное, как то, каким обладал «Ньютон» и которое отталкивало всякое тело, приближавшееся...

В следующий миг Круг, забыв даже о метеоритах, в яростной досаде ударил себя по бронированному лбу, и звук глухо отозвался в скваммере. Так вот она, разгадка того, почему корабль так упорно не принимал его. Поле, защитное поле отталкивало скваммер: ведь и он, пока Круг бродил по обшивке, получил заряд! Прежде чем лететь к кораблю, надо было включить нейтрализатор, а об этом Круг совсем забыл — со страху, видимо.

Он так разозлился, что на какое-то время даже перестал бояться. Разозлился и на себя, и на тех, кто конструировал скваммер. Ясно же, что на него обязательно надо было установить дальномер и автоматизировать двигатель таким образом, чтобы, независимо от силы нажима на педаль, импульс получался точно таким, какой нужен для достижения в оптимальный срок избранной цели, и чтобы при этом срабатывал нейтрализатор. Удайся Кругу спастись, он обязательно усовершенствовал бы скваммер сам. Но на это оставалось мало надежды... Круг вспомнил об этом, и гнев внезапно прошел, его сменил очередной приступ отчаяния, и Круг заплакал: теперь и оптимист-биограф не нашел бы никакой, даже самой малой, надежды на спасение. А Круг только сейчас понял, как велика была эта надежда все время. Где-то он ошибся во времени, неправильно рассчитал — ему казалось, что время еще есть и его обязательно хватятся, и главным казалось изобрести такой вариант, чтобы не выглядеть смешным там, на борту «Ньютона», потому что для многих людей страх показаться смешным пересиливает подчас даже страх смерти. Но теперь смешным он показаться не мог больше никому

в целом мире, в котором остался один, и не стыдно было даже плакать.

Все же какие-то Круги возмутились, а аналитик все пытался понять, как же это получилось со временем. Поэтому Круг перестал плакать и поморгал, стряхивая слезы, а потом взглянул на часы над иллюминатором шлема. Кажется, обрадовался аналитик (хотя радоваться было нечему), он оказался прав: время еще было, и звездолет ушел раньше срока. В этом не было ничего удивительного: люди торопились спасти друзей на Эвридике, очевидно, капитан не выдержал и поднял всех на час раньше, и они ушли, бросив Круга, о чем и не подозревали.

Но это крошечное удовлетворение аналитика было ничем по сравнению с негодованием всех остальных. Каким же глупцом надо было быть, чтобы болтаться здесь и вспоминать, что попало, вместо того чтобы использовать все возможности для спасения, пока корабль еще висел неподалеку, словно ожидая! Может быть, он и действительно ждал — сумеет ли человек найти выход, окажется ли достоин его, корабля? Если не окажется — то пусть остается, пусть погибает на этом самом месте. И человек оказался недостойным.

Прав был третий пилот, конечно, прав: какой ты космонавт? То, что ты был на борту корабля, еще ничего не значит... Так тебе и надо. Ты просто не хотел жить — вот и умирай.

Он очень хотел жить, и сейчас — больше, чем когда бы то ни было. И он даже сейчас верил еще, что будет жить. Но знал, что это невозможно. Здесь была не Земля, где помощи можно было ожидать отовсюду: если ты тонул, могло подвернуться бревно или подводный лайнер мог внезапно всплыть и подобрать тебя, если ты падал с высоты — мог попасться удобный склон, скользя по которому, ты погасил бы скорость и остался жив, или деревья с гибкими, пружинящими ветвями... В пустыне мог найтись колодец, а в больнице — врач, отыскавший новый, более эффективный способ лечения. А здесь?

Здесь не могло найтись ничего. Так что и надеяться было не на что.

Мысль эта наконец выкристаллизовалась во всей своей беспощадности. И внезапно Круг успокоился.

Как ни странно, он именно успокоился. Наверное, это произошло потому, что страх тоже не бесконечен; у него есть свои пароксизмы и свои расслабления, свои приливы и отливы, но он не есть что-то вечное, непреходящее; он

проходит. И вот сейчас он прошел. По-видимому, страх смерти есть не страх перед смертью, а страх крушения надежд выжить. Страх — противоположность надежд; они, как величины противоположные, взаимно уничтожаются, и когда не остается надежд, иссякает и страх.

Он иссяк, и аналитик почувствовал себя в своей тарелке. Теперь ему не мешали ни эмоциональный биограф, ни исполненный надежд влюбленный. Наступила пора его господства, и он тотчас же стал размышлять о том, что же еще предстоит сделать перед тем, как жизнь кончится. Что она кончится, его больше не пугало. В конце концов, всякая жизнь кончается. Одна раньше, другая позже. Были люди, прожившие намного дольше, чем он, но были и погибшие раньше. Так что смерть сама по себе не вызывала ощущения обиды.

Теперь надо было просто решить вопрос: умереть ли сразу или ждать, пока дело окончится естественным путем. Естественным путем означало — когда жизненные ресурсы скваммера исчерпаются. Эти ресурсы были: кислород, электроэнергия и пища.

Он взглянул на индикаторы. Перед его выходом за борт скваммер был заряжен полностью. Сейчас кислород и энергия были уже частично израсходованы, но часть эта была незначительной. Кроме того, в скваммере работал регенератор воздуха. Так что и дыхание, и обогрев скафандра могли поддерживать жизнь человека еще, самое малое, три дня. Что касается пищи и питья, то эти запасы совсем не были затронуты. Правда, их было меньше всего, но и пищи хватило бы суток на двое, если экономить. Пищи и питья, поскольку в скваммере то и другое было объединено. Впрочем, без пищи можно прожить долго. Так что голод и жажда ему не угрожали: дня через три кончится кислород, но к тому времени он просто выключит отопление, и космос придет на помощь.

Рассчитав, как будто бы речь шла не о смерти, а просто о несложном техническом процессе, Круг совсем успокоился и даже стал насвистывать какую-то мелодию. Аналитик еще подумал мельком, что подвига он так и не совершил, героя из него не получилось. И, пожалуй, правильно. Не могло получиться. Надо было, вероятно, не думать так много о вещах, следующих за подвигом или деянием. Надо было думать о своем деле и делать свое дело. Тогда, кстати, и со скваммером он обходился бы куда более умело, да и вообще. Он подумал обо всем этом без обиды и сожаления, как о деле

прошлом и постороннем. Мимоходом аналитик отметил, что не мешало бы поразмышлять относительно того, что топливо иссякло как-то уж очень быстро, даже принимая во внимание его слишком сильные и продолжительные разгоны. Слишком быстро, да. На досуге он об этом подумает.

Теперь же его внимание привлекла другая мысль — из тех, какие раньше не приходили ему в голову. И вот эту мысль никак не следовало упускать.

Круг отлично понимал, что с уходом корабля для него все кончилось. Но теперь он сообразил, что для него-то кончилось, но не для корабля! Корабль живет и будет жить и тогда, когда Круг умрет. И на нем будут жить люди: капитан, команда и пассажиры. Пассажиров он отбросил, но капитан и команда заставили его задуматься.

Когда корабль разгонялся и уходил в надпространство, отсутствие Круга не было обнаружено. Но нелепо думать, что оно так и останется незамеченным до самой Эвридики. Конечно, его хватятся. Когда? От этого зависело очень многое.

Потому что если бы его хватились, скажем, суток через четверо и главный электрик корабля доложил бы об этом капитану через эти самые четверо суток, — и если бы еще несколько часов заняли поиски его на корабле, пока люди не убедились бы окончательно, что на борту его нет, и, следовательно, он вышел в пространство и остался там, — то капитан, мысленно, а может быть, и вслух произнося по адресу Круга не самые лестные из существующих в языке слов, заключил бы это таким образом: точное местонахождение нам неизвестно, а ресурсы скваммера исчерпались уже самое малое сутки назад. Так что возвращаться нет смысла, продолжаем полет в надпространстве, тем более что мы отошли — считая в трех измерениях — уже без малого на парсек от того места, где Круг, по-видимому, остался. Он погиб, а мы его не найдем. Так скажет капитан, и будет прав, потому что так оно и будет.

Но его хватятся не через четверо суток — срок совершенно произвольный и придуманный Кругом лишь для того, чтобы дать возможность капитану произнести эти слова; его хватятся, самое позднее, через шестнадцать часов, потому что настанет его очередь заступать на вахту в слаботочной дежурке. Нет, не через шестнадцать, через восемь! Потому что его вахта начнется через восемь, сейчас он ведь стоял чужую.

Через восемь. Через десять будет ясно, что на корабле его нет. Третий пилот посмотрит в журнал и уви-

дит — вспомнит, если забыл, — что с антенной была какая-то неприятность. Недосчитаются скваммера. Прочтут записи киберинженера. И капитан, произнося или не произнося еще менее лестные слова, даст команду выходить в пространство, тормозиться, разворачиваться, вновь разгоняться, уходить в надпространство. И еще через десять часов корабль опять окажется в пространстве — примерно в том районе, где он был раньше, а сейчас одиноко висит Круг, ставший независимым небесным телом и обращающийся вокруг центра галактики по своей собственной орбите, по которой он вернется на это самое место через каких-нибудь полмиллиарда лет.

Они вернутся. Вместе с торможением и повторным разгоном вся операция займет суток двое. Ну, двое с половиной. Может быть, у него есть еще шанс выжить?

Подумав, Круг покачал головой. Почти наверняка такого шанса нет. Во-первых, потому, что вернуться в этот район — это половина дела, и меньшая половина. Большая же заключается в том, чтобы отыскать Круга. Это будет очень сложно. Корабль не может выйти в назначенный район так, чтобы очутиться на том самом месте, на котором висел еще недавно. И потому, что сам Круг, хотя он все время был неподвижен по отношению к кораблю, в действительности летит в пространстве со скоростью многих тысяч километров в секунду. Во всяком случае, наблюдатель с Земли (если бы оттуда можно было увидеть, что делается в такой дали) уверенно сказал бы, что Круг сейчас мчится в пустоте с прямо-таки головокружительной скоростью. И еще — потому, что такая точность при выходе из надпространства вообще немыслима. Выйти в заданный район — значит оказаться на расстоянии порядка миллионов километров от нужной точки. Миллионы километров — пустяк для звездолета с его скоростями, и если надо приблизиться к планете, он делает это с легкостью. Даже если в этом районе надо встретиться с другим кораблем, это несложно: локаторы уверенно обнаружат его и на таком расстоянии.

Но одно дело — корабль, а другое — скваммер, крошечный, по сравнению со звездолетом, кусочек металла. Ни локаторы, ни другие приборы и аппараты здесь не помогут. А искать двухметровое тело в насчитывающем миллиарды кубических километров объеме — задача невыполнимая. Тут можно рассчитывать лишь на везение, но его лучше не

Круг это знает, и люди на звездолете, естественно, знают тоже. И понимают, что шанс найти Круга — во всяком случае, успеть отыскать его живым — ничтожен. И все же они вернутся. Обязательно вернутся. Они прямо представить себе не смогут, что можно не вернуться и не искать Круга. Если они этого не делают, они просто не захотят жить.

Но, с другой стороны, если они вернутся, и если они найдут Круга, и даже если они найдут его живым — захочет ли он сам жить после этого?

Круг долго думал. И понял, что — нет. Не захочет.

Не потому, что будет бояться насмешек, стыдиться собственной неумелости и расхлябанности. Еще совсем недавно — часы или даже минуты назад — это его действительно заботило. Теперь это все кажется разве что заслуживающим улыбки. Все ерунда, мелкие чувства небольшого человека. Но сейчас Круг смотрел на все как бы со стороны. Зная, что он уже погиб, он получил возможность, пережив самого себя, наблюдать события с позиции тех людей, которые и в действительности переживут его. И вот с точки зрения этих людей то, что он плохо умел обращаться со скваммером, или не принял всех мер предосторожности, или не доложил о выходе, — все это будет чем-то, не заслуживающим внимания. Тем, за что он понес наказание, погибнув.

Но если корабль вернется за ним, он в общей сложности потеряет четверо, а то и пятеро суток — в зависимости от того, когда они его найдут. Пять суток. И на Эвридику корабль прибудет на эти же пять суток позже.

Пять суток — это немного. Немного — в обычных условиях. Но на Эвридике — Болезнь. Круг припомнил содержание сообщений, полученных на Земле. Из них явствовало, что Болезнь распространялась если и не в геометрической прогрессии, то, во всяком случае, очень быстро. Сначала заболел один человек, в последнем сообщении речь шла уже о десятках. Сейчас их, наверное, уже сотни. И с каждым днем задержки корабля будут заболевать новые сотни, если не тысячи. Пять лишних дней — многие тысячи человек... Убивает ли эта болезнь, или люди выживают, никто на корабле пока не знал: «Ньютон» не обладал столь мощными передатчиками, чтобы, находясь на середине пути, установить связь с Эвридикой. Но в конце концов всякая болезнь может убить, если с ней нечем бороться.

Люди, летевшие на «Ньютоне», как будто догадывались, в чем там дело. По крайней мере так они говорили. И везли они с собой не что попало, а средства, которые, по их соображениям, должны были помочь. Большая часть этих людей работала на Эвридике раньше, в составе предыдущих станций, и встречалась с чем-то подобным, хотя и не в таком масштабе. Они предполагали, что это взбунтовался один из вирусов Эвридики, все предшествовавшие поколения которого были почти безвредны, но который имел способность быстро видоизменяться. Так что на этих медиков можно было положиться.

За пять дней они, быть может, если и не справятся с Болезнью, то, во всяком случае, ограничат ее, прервут распространение. Пока корабль летел, они сидели в кают-компании и разрабатывали планы локализации. Это были решительные ребята, вирус явно не выдержал бы схватки с ними, испугался бы уже одного вида их блестящей стеклом и хромом аппаратуры. Они все время пересчитывали дни, отделявшие корабль от Эвридики. А теперь, по милости Круга, этих дней станет на пять больше.

Пять дней. Тысячи человек. Круг, очень хочется жить. Если корабль повернет, то все-таки есть хоть какой-то шанс, что они тебя найдут. Медики не скажут ни слова, они лишь вздохнут и про себя прикинут, сколько больных прибавится за эти дни. Больных, а может быть — мертвых. Тысячи. Круг, даже если бы ты совершил все те подвиги, о которых мечтал, если бы сделал открытия, которые тебе мерещились, разве твоя жизнь стоила бы больше, чем жизнь тех тысяч людей?

Аналитик сказал:

— Нет. Твоя жизнь никогда не сможет быть жизнью больше чем одного человека. Все люди — люди.

— Ну да, — возразил биограф, которому очень хотелось продолжить свой труд. — Они-то там, может, еще и не умрут. А уж ты — наверняка. А ведь ты так хотел увидеть Инну.

Но тут в разговор вступил тихий влюбленный. И сказал:

— Да, я хотел увидеть Инну. Я не прилечу; она меня не увидит. Но подумай, Круг, что будет, если ты прилетишь и уже не найдешь ее? Что будет? Ты хочешь жить; но после того — ох как ты будешь хотеть умереть!

Вот и все, решил Круг. Тема исчерпана. Корабль не должен, не должен вернуться за тобой.

Он решил так, и ему стало легче. Он пошевелился в скваммере, пытаясь устроиться поудобнее. Хотя он пребывал в состоянии невесомости и на него ничто не давило и ничто не стесняло, ему все же захотелось устроиться поудобнее, чтобы доказать себе, что пока еще он — полновластный хозяин своего тела, да и скваммера тоже. Он так и сделал, и продолжал размышлять.

Принять решение — хорошо; еще лучше — его выполнить. Но вот тут начинались трудности, и заключались они в том, что корабль был далеко, связи с ним Круг не имел и посоветовать капитану не возвращаться никак не мог. А ведь единственно это могло предотвратить задержку «Ньютона». Что тут можно было изобрести? Все взоры обратились к аналитику, а тот помалкивал, потому что пока и сам ничего не мог придумать.

Однако если человек думает интенсивно, он обязательно набредет на какое-нибудь решение проблемы. При этом мышление происходит тем интенсивнее, чем меньше времени в распоряжении. Так случилось и на этот раз, и Круг от удовольствия даже потер руки — а вернее, скваммер потер своими лязгающими пальцами.

Круг исходил из той совершенно правильной предпосылки, что передать что-либо на корабль, посылая сигналы в пространство, он не сможет. Во-первых, потому, что рация скваммера была слишком маломощна. Во-вторых, потому, что самого корабля, быть может, в пространстве уже и не было.

Но если не в пространстве — значит в надпространстве. Посылать сигнал в надпространство в принципе было возможно. При этом сила или слабость сигнала роли не играла: в надпространстве нет расстояний в нашем, обычном понимании этого слова. Поэтому им и пользуются корабли, чтобы в считанные дни преодолевать такой путь, на который в обычных условиях потребовались бы годы. Не имела значение и продолжительность сигнала, потому что источник его мог умолкнуть, но посланный сигнал существовал в надпространстве — в четвертом измерении, если говорить несколько упрощая, — вечно. Он блуждал там, как замерзшие слова у Рабле — человека, который (как мимоходом подумал Круг) хотя и не имел отношения к звездоплаванью, но во многих вещах разбирался отлично. И, наконец, в надпространстве сигнал можно было уловить, даже не включая специально для этого рацию: волны из чет-

вертого измерения проникали даже сквозь разомкнутые контакты. Именно поэтому, кстати, связь в надпространстве была запрещена; исключение делалось лишь для чрезвычайных случаев. Болезнь на Эвридике была чрезвычайным случаем, и происшествие с Кругом — тоже.

Итак, принципиальная возможность имелась. Предстояло лишь осуществить ее на практике. И вот тут Кругу помогло именно то обстоятельство, что он был слаботочник и в силу этого знал многое из того, что относится к связи. Он знал, что передача в надпространство короткого сигнала требует относительно мало энергии. Таким количеством энергии он располагал. Дело несколько осложнялось тем, что нужны были еще и кое-какие приспособления для того, чтобы эту энергию использовать надлежащим образом. И опять-таки специальность слаботочника выручила Круга: устройства связи сквamera он знал куда лучше, чем двигательную систему. И он довольно быстро сообразил, что из обычной рации и двух автоматов — термостатического и вакуум-блокера, — если использовать рефлектор наשלемного фонаря в качестве направленной антенны, можно соорудить такое устройство, которое будет в состоянии передавать сигнал в надпространство в продолжение целой минуты, а уж после этого его контакты расплавятся и сгорит вся схема. Круг без колебаний решил, что сию минуту примется за сооружение такого устройства. После этого у него не останется никакой возможности ни передавать, ни принимать что-либо, хотя бы корреспондент находился в метре расстояния: рация выйдет из строя безнадежно. Так что, если корабль все-таки вернется и станет его разыскивать, Круг будет лишен даже возможности дать пеленг. Но он не собирался давать пеленг, и перспектива остаться без связи его не смутила.

Не смутила еще и потому, что на передачу сигнала на «Ньютон» уйдет, по сути, вся энергия, накопленная аккумулятором. Остатка хватит на то, чтобы поддерживать в скваммере достаточную для жизни температуру в течение двух-трех часов, не более. Ну и что, безучастно подумал Круг-аналитик, три дня или три часа — в данном случае принципиальной разницы тут нет.

Аналитик еще додумывал некоторые детали схемы, которую предстояло создать, а биограф, которому очень хотелось блеснуть хоть под конец, уже стал сочинять прощальное послание. Из его сочинения выходило, что он по-

мер, и в последний момент посылает товарищам привет и всякие там прочувствованные слова, и предупреждает, что возвращаться незачем. Получалось очень взволнованно, приподнято и душещипательно, так что Круг-биограф сам едва не прослезился. Аналитик же тем временем выключил сервомоторы скваммера, втянул руки из рукавов внутрь и убедился, что работать в тесном пространстве можно, хотя и не очень удобно.

Походя он выругал биографа и предупредил, что на такое сообщение не хватит энергии, а потом — кому это вообще нужно? Нужна краткая информация, и аналитик ее сформулировал. Несколько слов: «Скваммер разгерметизировался. Утечку воздуха остановить не могу. Прощайте. Круг». Этого совершенно достаточно.

Тут вмешался влюбленный: его смутила ложь относительно разгерметизировавшегося скваммера. За то, что человек вышел в неисправном скваммере, кому-то придется отвечать. И не кому-то, а третьему пилоту, в дежурство которого это произошло. Ну и ладно, возразил аналитик; так ему и полагается — чего стоит пилот, при котором можно выйти за борт, а он и не спохватится, будь он поумнее и повнимательнее, ничего бы, может, и не произошло. Но влюбленный не унимался: любящие — по-настоящему, конечно — не терпят лжи, а кроме того (напомнил он), пострадает и вакуум-слесарь, чья обязанность была — содержать скваммеры в порядке, что он, кстати сказать, и делал: ведь на самом деле скваммер был ни в чем не виноват. Это подействовало на аналитика, и он согласился дополнить сообщение словами: «По моей вине». Теперь оно начиналось так: «Скваммер разгерметизировался моей вине», а дальше все шло по-старому.

Убедившись, что работать внутри скваммера можно, Круг опять сунул руки в броневые рукава и включил сервомоторы. Надо было сначала выполнить наружные работы. Например, разбить стекло фонаря, которое стало лишним; нужен был один лишь рефлектор. Круг попытался стукнуть по стеклу, но не достал: сочленения скваммера не были столь гибкими и мешали движениям. Вот если бы молоток... Но молоток остался на корабле, потому что при ремонте антенны не мог пригодиться. Однако клещи-то были здесь, в инструментальном кармане. Вспомнив о них, Круг засунул руку скваммера в карман, сначала вытащил электромагнитный экстрактор (Круг оставил его висеть тут же, в пространстве, и экстрактор

сразу же начал движение по орбите около Круга, который, таким образом, превратился в центр небольшой планетной системы), а затем нащупал и клещи и попробовал их извлечь.

Клещи не шли; можно было подумать, что они за что-то зацепились. Будь это обычный карман, так бы оно и могло произойти. Но карман скваммера на самом деле являлся просто плоским металлическим ящиком, приваренным к боку, и с пружинной крышкой, чтобы инструменты в невесомости не вылетали от малейшего толчка. Так что цепляться там было не за что. Круг потянул посильнее, но клещи не поддавались; тогда он рванул всей силой скваммера, и все-таки вытащил их вместе с намертво зажатым кусочком железа — тем самым метеоритом, из-за которого все и приключилось.

Следовало хотя бы взглянуть на него прежде, чем лишиться единственного источника света, который здесь был — потому что звезды, конечно, тоже источники света, но уж очень они далеки. А Кругу внезапно захотелось увидеть свет, страшно захотелось. Но свет фонаря он увидеть никак не мог: сама фара находилась вне поля зрения, а испускаемый ею луч, хотя бы он был в тысячу раз мощнее, все равно со стороны остался бы невидимым, пока не встретился с чем-то, что можно осветить. Так и многие чувства человека, не менее яркие, быть может, чем поток света в черноте пространства, не видны никому из тех, кто наблюдает со стороны, до тех пор, пока чувствам этим нечего осветить; и только когда находится такая вещь, они внезапно проявляются и приводят всех в изумление... Сейчас в руке Круга были клещи с метеоритом; их можно было подставить под луч фонаря, рассмотреть, и заодно, естественно, увидеть свет. Круг с трудом отделил метеорит от клещей. Он был действительно очень массивен: сервомотор правой руки завывал на пределе каждый раз, когда руке приходилось совершать движение, перемещая маленькое небесное тело. Большая масса, очень большая масса. Пожалуй, немногим меньше, чем у Круга вместе со скваммером. Только благодаря бдительности гирорулей Круг не начал снова кувыркаться вокруг метеорита, как вокруг центра тяжести системы; но гирорули все время сохраняли его ориентацию в пространстве. Ага, ясно; вот почему так быстро иссякло топливо раце-ракеты: разгонять и тормозить такую массу — Круг плюс метеорит — было, конечно, куда труднее, чем одного Круга, и горючего уходило больше. Метеорит, выход-

дит, был дважды виноват; тем более необходимо было рассмотреть его внимательно.

Круг включил прожектор и поднес метеорит к свету. Да, это был металл, и отраженный им свет с такой силой ударил Кругу в зрачки, что он зажмурился. А когда снова открыл глаза, то невольно присвистнул от изумления.

В свете прожектора он увидел, что метеоритик этот, безусловно, был творением чьих-то рук — маленький параллелепипед из розовато отсвечивавшего металла с овальной выемкой с одной стороны. Круг смотрел, и вдруг странная догадка мелькнула в его мозгу. Он включил рацию, отыскал волну — ту самую, по соседству с водородом, на которой раздавались странные сигналы. Да, они звучали по-прежнему. Он прикрыл метеоритик ферротитановой рукавицей левой руки — сигналы ослабли. Он отнял руку — они усилились снова. Не оставалось сомнений: источником сигналов был этот кусочек неизвестного металла; судя по его колоссальной для такого объема массе — вещества с нарушенными электронными орбитами, с атомами, уплотненными гораздо более, чем это бывает в земных условиях. Собственно говоря, это уже и не был металл; может быть, лишь внешний слой метеоритика был металлическим, а колоссальной массой обладало вещество, дававшее ему столь большую энергию, что он мог, очевидно, испускать сигналы очень долгое время. Кругу подумалось, что такой кусочек мог, безо всякого вреда для себя, пронзать атмосферы планет. Возможно, он даже мог отыскивать тела в пространстве, и в таком случае столкнулся со звездолетом вовсе не случайно. Кто знает, сколько таких вот радиописем было выпущено разумными существами в космос, чтобы сообщить о себе.

Это было действительно открытие, открытие века, подобного которому еще не делалось. Вот, значит, в каких обстоятельствах исполнялись желания Круга! Он глубоко вздохнул. Теперь надо было работать быстро, как можно быстрее, чтобы передать сообщение на корабль. Только оно будет звучать несколько по-иному. «Встретил следы иного разума. Торопитесь месту последней станции. Круг». Вот что следовало теперь сообщить.

Круг выключил свет; метеоритик он спрятал в карман — или натянул на него карман вместе с собой, все равно. Затем, орудуя клещами, разбил стекло фонаря. Света у него больше не было, но все, что стоило видеть, он уже увидел...

Втянув руки в скваммер, он не без труда отломал коро-

бочку рации от кронштейна, на котором она держалась над его головой. Надо было кое-что переделать. Он работал и напевал, но петь было неприятно: звуки глохли в скваммере, обшитом изнутри мягким пластиком. Вскоре аппарат был готов. Круг присоединил к нему вместо антенны провода фонаря, оторвав их от аккумулятора; нить лампочки послужит теперь излучателем. Все было готово для передачи.

Все, кроме текста. Потому что Круг-влюбленный не удержался и задал аналитику один вопрос.

Вопрос был такой: стала ли жизнь Круга после того, как он понял, что совершил открытие, дороже тех тысяч жизней, о которых он думал еще не так давно?

Аналитик думал недолго. Жизнь, конечно, нет, ответил он. Но открытие... Открытие стоит очень многого. Такого может не случиться и еще сто лет. Или больше. Спасать надо не Круга. Открытие надо спасать.

Влюбленный невесело улыбнулся. Значит, открытие дороже, чем жизнь Инны и еще тысяч?

— Не то чтобы дороже, — проямлил аналитик. Но все же...

Что все же? Теперь вопрос был поставлен по-иному: заслуживает ли любое открытие, чтобы в жертву ему приносились жизни сотен или тысяч людей?

— Перестань, — рассердился аналитик. — Во все времена люди жертвовали жизнью ради открытий. Так было, так будет всегда.

— Жертвовали, да. Но — сами. По своей воле. Этого не запретишь. Но жертвовать жизнью других, ничего об этом не подозревающих, не имеющих и представления об открытии — это возможно? Допустимо? Этому можно найти оправдание в важности открытия? Или нельзя?

Аналитик молчал. Тут взял слово биограф. Уж кому-кому, а ему открытие было нужно. Он-то и мечтал об этом всю жизнь. Сейчас он вздохнул и сказал:

— Нет, оправдания найти нельзя. Нет у тебя права так делать. Считаю, что открытие не состоялось. Слишком поздно, Круг. Слишком поздно. И пусть твои товарищи не спасают открытие, которое, конечно, могло бы оказать какое-то влияние на будущее человечества. Пусть спасают людей, которые живут сейчас, сегодня.

Пусть спасают людей.

Круг подумал не без иронии: когда открытие наконец совершенно, получается так, что никто о нем не уз-

нает. И о том, что ты его совершил. Так и умрешь — в глазах всех — растяпой.

Да, подумал он. Так и умру. Пора отправлять сообщение. Не второе. То, первое. Тем более что если они на обратном пути все-таки станут искать мои останки, то найдут и метеоритик. И уж догадаются обо всем быстрее, чем ты. Открытие не пропадет. Правда, это будет не твое открытие: люди так никогда и не узнают, понимал ли ты, что лежит у тебя в кармане, или так до самого конца и считал это письмо простым метеоритом. Но — твое, не твое, разве это так важно?

Теперь он понимал, что это не так важно.

Аппарат связи включен. Теперь определим направление, в котором скрылся корабль. Там, после его выхода в надпространство, структура пространства еще нарушена. Там сигнал пройдет легче.

Он на миг включил гироруть, чтобы сориентироваться точно в нужном направлении. Но, не успев сделать еще и половины оборота, рывком выключил руль, и сердце его заколотилось так, что зашумело в ушах.

Он увидел корабль.

Сначала Круг подумал, что галлюцинирует. Корабль неподвижно висел на том же расстоянии, на каком Круг видел его в последний раз... Он поморгал, но корабль не исчез, и Круг понял наконец, что это тот самый «Ньютон». Круг взглянул на часы. Ему казалось, что он висит здесь чуть ли не четверть суток, а на деле, не прошло еще и полных двух часов — до конца второго оставалось еще десять минут. Медленно шло время в пустоте, в одиночестве, медленно.

Куда же корабль исчезал? Ответа не пришлось искать долго. Теперь, когда корабль был отчетливо виден на фоне звезд, стало заметно, что он не висит совершенно неподвижно, а едва ощутимо движется. То есть, как и всегда, двигался не корабль, а сам Круг; двигался, описывая вокруг корабля положенную орбиту, как всякое тело в пространстве, находящееся в соседстве с другим, более массивным телом. Круг медленно обращался вокруг «Ньютона», а не видел его все это время потому, что, кончая свою сумасшедшую карусель, остановился в таком положении, что звездолет оказался как бы под ногами у него. Обнаружив, что корабля нет, Круг не стал поворачиваться во все стороны и искать его; в другой раз он, наверное, так и сделал бы, но в тот миг даже сама мысль снова включить рули показалась ему страшной. А кро-

ме того, он знал, что корабль должен уйти, он ожидал этого, и мысль о том, что это уже произошло, его не удивила, хотя и не обрадовала.

Но теперь оказалось, что корабль здесь, и Круг почувствовал, до чего ему все-таки хочется жить. Переход от смерти к жизни происходит менее болезненно, чем от жизни к смерти, но зато более эмоционально. Круг несколько минут — две или три — не мог унять дрожь в руках, и в голове не было никаких мыслей — было только ощущение, что корабль здесь, он нигде не уходил, и теперь, кажется, все будет в порядке.

Лишь через эти две или три минуты он сообразил, что до сих пор не знает, каким же образом все придет в порядок. «Ньютон» висел в пространстве, до времени начала разгона оставалось менее десяти минут, но никто не выходил из корабля и не пробовал искать Круга, что означало, что его еще не хватились. А самому ему, без посторонней помощи, попасть на корабль было ничуть не легче, чем два часа тому назад. Может быть, конечно, корабль пытался вызвать его по рации. Но рация скваммера была уже настолько основательно приспособлена для передачи сигнала в надпространство, что ни принимать, ни передавать что-либо на корабль более не могла, не могла дать даже простой пеленг на всякий случай. Вися в нескольких сотнях метров от корабля, Круг был теперь глух и нем, и оставалось надеяться только на себя.

Аналитик насмешливо подумал о биографе, который когда-то хвастался множеством способов, могущих помочь опытному звездолетчику выпутаться из такого положения. И вдруг он похолодел, потому что увидел свою гибель.

На этот раз не отвлеченную мысль о гибели вообще встретил он; нет, он именно увидел смерть, ее лицо. Лицо было громадным, круглым и вогнутым, и служило на корабле главным рефлектором фотонного привода.

Главный рефлектор был, как полагается, укреплен за кормой — громадное вогнутое зеркало нескольких десятков метров в поперечнике. Сейчас оно было тускло и безжизненно; но до начала разгона оставалось все меньше и меньше минут, а орбита, по которой Круг обращался около корабля, должна была, как он теперь видел, пройти как раз напротив главного рефлектора. Это прохождение длилось бы чуть ли не полчаса, а начаться должно было минут через пять. Так что Круг окажется уже напротив зеркала, когда капитан, приняв последние рапорта, включит стартер фотонной машинки.

В тот же миг рефлектор извергнет в пространство все поражающий поток тяжелых квантов, поток такой мощности, что его и сравнивать не с чем. Круг испарится, не успев даже понять, что происходит.

Да, она жестоко играла с ним сегодня: отпускала на миг, чтобы в следующую минуту снова схватить коготками... Круг сжал челюсти: однажды он уже признал себя побежденным, второй раз не станет. Он прикинул, куда же ему все-таки двигаться. Но выходило, что к кораблю нельзя. Летя к кораблю, он в любом случае попадет как раз в чашу рефлектора. Для самоубийства удобно; но он хотел иного.

Смерть была бы, конечно, легкой и быстрой. Но вместе с ним наверняка испарился бы и метеоритик; а вот этого произойти не должно. От рефлектора следовало уйти. Потом можно было умереть, послав перед тем тот же сигнал в надпространство, тогда метеорит в конце концов все-таки попал бы в руки людей: не сейчас, так в руки ребят с другого корабля, идущего на Эвридику, не в этом году, так через десять лет. Если же он испарится вместе с Кругом, то уж никогда ни в чьи руки не попадет. Следовательно, лететь надо было не к кораблю, а в сторону от него, сколь бы диким это ни казалось.

Последние полтора часа научили Круга принимать дикие, на первый взгляд противоестественные решения без долгих размышлений и сомнений. Поэтому он торопливо (времени оставалось всего ничего) развернулся при помощи рулей так, чтобы оказаться к кораблю боком: лететь предстояло спиной вперед. Затем, пошарив рукой в пространстве, выудил электромагнитный экстрактор, довольно массивный инструмент. Обычно масса казалась его недостатком, но сейчас она обратилась в достоинство.

Он примерился, как он отбросит экстрактор: не замахиваясь, а от груди, чтобы не сбить себя с курса. Затем он поднес обеими руками инструмент к груди и, стремительно разгибая руки, швырнул его прочь. За экстрактором последовали клещи; он запустил ими в пространство со всей силой, на которую были способны сервомоторы скваммера. При этом он подумал, что кто-то будет крайне удивлен, выудив однажды в пространстве метеорит, имеющий форму клешей. Каких только теорий не создадут по этому поводу те, чью обшивку эти клещи когда-нибудь помнут... За клещами последовал универсальный ключ и другие инструменты, и вот рефлектор начал медленно, неохотно отползать в сторону. Круг-

лое лицо смерти с досады вытягивалось все больше, но поддаться она ничего не могла: он был уже в стороне.

— Погоди еще, — сказал Круг вслух. — Ты еще увидишь...

Корабль поворачивался к нему бортом. Теперь, когда Круг помнил о нейтрализаторе, если бы можно было еще раз изменить направление движения, он, может статься, и успел бы достичь борта. Круг пошарил в кармане. Там не было ничего, кроме метеорита. Большая масса, именно такая, какая нужна. Но Круг знал, что метеорита он не бросит.

— Самому дороже! — сказал он сквозь зубы.

Но и висеть в бездействии, ожидая, пока корабль действительно тронется и исчезнет вдали, он не собирался. Он хотел двигаться. Бороться. Пусть без всякой надежды на успех. Пусть зря. Но бороться. Быть разбитым — но не сдаться.

И тогда он совершил очередной нелогичный поступок.

Включив на миг руль, он повернулся головой к кораблю. А затем сделал то, что делает всякий утопающий: поплыл.

Он плыл, хотя это было крайней глупостью — плыть в пространстве, где не от чего было оттолкнуться. Он выбрасывал вперед руки и делал ногами движения, какие делает пловец. Сквammer послушно загребал пустоту своими широкими броневыми ладонями, шевелил тяжелыми ногами — плыл, плыл...

Круг не знал, сколько времени он плыл, потому что для того, чтобы взглянуть на корабль, надо было изменить свое положение в пространстве, а он не мог терять времени. Он плыл долго, очень долго, целую вечность. И почти не удивился, когда рядом с ним что-то блеснуло. Покосившись, он увидел, что это — борт корабля. И еще сильнее заработал руками.

...Его ждали возле открытого люка и подхватили, едва только Круг добрался до него. Лифт опустил его в камеру. Освободившись от сквammerа, Круг попытался вытащить из кармана метеоритик и переложить его в комбинезон. Он возился, равнодушно поглядывая на обступивших его людей и видя их, как сквозь туман, и не слыша, что ему говорят, и отвечая что-то непонятное.

Он почувствовал, что ему страшно хочется спать. Громадным усилием воли он заставил себя вслушаться, но улавливал лишь какие-то обрывки фраз.

— Как? Он вышел, и не доложил?..

— Он не мог отстать. Потому что фотоэлектрический счетчик того люка, через который он выходил, отметил, что один человек вышел за борт. Данные всех счетчиков идут к киберинженеру, который немедленно блокирует двигатели. Если бы хоть один люк сообщил, что человек возвратился, блокировка была бы снята. Но он не вернулся, и десять минут назад, когда пришла пора разгоняться, двигатель не сработал...

«Главный инженер».

— ...Наказать, и как следует...

«Третий пилот», — подумал Круг, слабо усмехнувшись.

— ...И мы увидели его в двухстах метрах. Он не отвечал на сигналы и делал странные движения. Словно у него были судороги...

«Главный врач из этих — из пассажиров. Какие судороги, я плыл».

— Мы выкинули направленное поле при помощи той самой антенны, которую он исправил. Навели на него минусовый заряд, и после этого сам корабль — положительно заряженная оболочка — подтянул его, словно на веревке. Несложный способ, мы так перемещаем грузы в пространстве.

«Опять главный электрик. Правильно, а я и забыл — есть такой способ. Мне-то он был ни к чему».

— ...Он потерял килограммов пять. Немедленно уложить...

«Наш доктор, судовой», — узнал Круг.

— ...А как он?..

Но Круг совсем перестал слышать. Стиснув зубы, он все-таки вытащил метеоритик из кармана и вложил его в чью-то первую попавшуюся руку. Послышался тяжелый удар об пол — кто-то вскрикнул, — и изумленная тишина. Круг хотел что-то сказать, но сумел только:

— Вот...

Потом устало и сонно улыбнулся и спросил:

— Антенна, значит, работает?

И, подумав, добавил:

— Ну, пойдю спать. А?

И медленно пошел в свою каюту, засыпая на ходу.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ

1

Это было совершенно невероятно.

Более чем невероятно. И все же...

Налицо два объяснения. Первое: все приборы одновременно испортились и теперь согласно несут чепуху. Второе: приборы в порядке, но маневр не удался.

Первая возможность отвергается всем опытом жизни. Приборы не портятся. Этого просто не бывает.

Вторая? Но когда же это тебе не удавался маневр?

Не лучше ли выйти и увидеть все своими глазами?

Ну да. Как будто то, что глаза — свои, делает их безгрешными! Хотя до сих пор жаловаться вроде бы не приходилось.

Как бы для того, чтобы попытаться, до какой степени можно доверять зрению, Юрганов взглянул на переборку. Там есть такое свободное местечко, на котором пилоты, в зависимости от возраста, прикрепляют изображение любимой девушки, либо супруги в окружении потомства. У Юрганова же в этой семейной витрине висела фотография «Оберона».

И, надо сказать, корабль заслуживал того, чтобы его фотографии красовались на стенах. Стремительная машина крейсера класса, участник немалого количества научных экспедиций, приспособленный специально для перевозки приборов (и ученых, как не без ехидства подумал Юрганов), «Оберон» доставил на Землю достаточно открытий — достаточно для того, чтобы люди с благодарностью глядели на его изображение, на эти плавные линии, создающие подобие средневековой боевой палицы, утыканной шипами антенн. Впрочем, массивный спереди, утончавшийся к выходу двигателя, корабль по-настоящему был похож лишь на самого себя.

Таким был корабль на снимке. А каков он сейчас?

Путь от центрального поста до гардеробной занял немного времени. Юрганов натянул скафандр. В выходной камере, переминаясь с ноги на ногу, дождался, пока насосы вытянули остатки воздуха и словно нехотя раскрылся массивный люк.

Тогда пилот включил ранец-ракету и устремился прочь от шершавого борта «Оберона». Через минуту он затормозил и повернулся лицом к кораблю.

Да, сейчас это не очень похоже на картинку. Не булава, скорее гантель. Там, где корпусу корабля следовало, плавно сужаясь, перейти в защитный параболоид двигателя, сейчас красовался второй шар, размером не меньше жилой гондолы. Гравиген. Устройство для создания искусственного тяготения.

Итак, вторая возможность?

Юрганов почувствовал, что начинает бояться. Бояться, как мальчишка, как...

А может быть, ничего?

Мало ли что — не отделился гравиген. Он, наверное, держится на волоске: толкнуть посильнее — и тускло отблескивающий в луче прожектора шар плавно сдвинется с места, поплывет, полетит; между ним и защитным параболоидом возникнет просвет, расширится, протянется...

Это будет здорово: двигатель окажется в полной готовности.

Конечно, так оно и произойдет. Глупо было пугаться. Вон там, кажется, даже сейчас виден небольшой просвет.

Вообще-то теоретически отсюда разглядеть просвет нельзя. Да и темнота; прожектор слишком слаб, чтобы как следует осветить корабль.

Но мало ли что! Бывает же: в критические минуты чувства у людей обостряются до предела. Вот у него сейчас и обострилось зрение; он увидел просвет.

Ух! А ведь чуть было не перетрусил...

Страх ушел; его место занял гнев. Действительно, свинство? Полон дом конструкторов; полгода, да что полгода, год целый они ломают голову, измышляя способ, как надежнее и удобнее прикрепить гравиген, к кораблю, чтобы «Оберон» доставил аппарат в Облако. И не придумали ничего лучше, чем уложить этот нелепый шар прямо в защитный параболоид двигателя.

Позвольте, но ведь двигатель тем самым выводится из строя! Ах, ничего, что за беда — мы снабдим корабль дополнительным двигателем, укрепим его позади гравигена,

вы на нем прекрасно дойдете до места. А там отцепите его вместе с гравигеном и назад вернетесь, уже используя основной двигатель.

Да вы что, второй корабль хотите сзади пристроить? Нет, нет, что вы, только коллиматорную систему и выход. Энергию второй двигатель будет получать от вашего диагравийонного реактора, энерговоды пойдут в обход шара гравигена. Зато охваченная ими сфера будет лежать, словно в колыбели.

Все равно чепуха какая-то... А вы что же, хотите, чтобы мы укрепили гравиген спереди? Без всякой защиты? Тогда лучше его вообще не везти, а испортить здесь, на месте...

Вот так они его уговаривали. И уговорили-таки. Вот он, гравиген: там, где они хотели. И дополнительный двигатель на месте. Только энерговоды теперь не огибают плавно огромный шар, а торчат в разные стороны, словно вывихнутые щупальцы. Не гравиген, а паук какой-то.

Юрганов поморщился: к паукам и прочим восьминогим он всегда испытывал непреодолимое отвращение.

Хорошо, что какой-то просвет все же виднеется. Иначе положение было бы критическим. Связи с дополнительным двигателем уже прерваны, а основной так и не освободился.

Нет, чтобы Юрганов еще раз поддался на такие уговоры — дудки! Расстаешься с Землей, со всем хорошим на ней, летишь, летишь долгие месяцы, не позволяешь себе даже думать ни о чем, кроме дела — и в конце концов тебе преподносят такой вот сюрприз.

— Почему в конце концов не отцепился гравиген, я вас спрашиваю!

Юрганов проорал это, что было силы: знал, что никто не услышит. От крика, как всегда, немного успокоился.

Ладно. Пойдем, стукнем этот мячик, пусть отделится окончательно. Потом включим его при помощи дистанционного устройства — и гравиген останется выполнять свое назначение здесь, в Облаке, а мы улетим на Землю. И побыстрее, пока злость не улеглась.

Юрганов дал слабый импульс и медленно подплыл туда, где гравиген крепился к защитному параболоиду. Чем более сокращалось расстояние до корабля, тем мрачнее становилось лицо пилота.

Где же просвет? Был виден так ясно, а теперь...

Неужели только почудилось?

Как будто и в самом деле...

Юрганов осторожно просунул шлем в тесное пространство между поверхностью гравигена и внутренностью защитного параболоида. Повернулся так, чтобы осветить нашлемным прожектором ближайший захват — один из тех, что удерживали гравиген на месте.

Несколько минут пилот пребывал в неподвижности, стараясь до конца разобраться в открывшейся его взору картине.

Захват разошелся лишь наполовину. Его металл в луче прожектора радужно отсвечивал. Это означало, что разобщительные ракеты сработали, и пламя их выхлопов в течение нескольких секунд раскаляло захваты. Металлические детали, потеряв при нагревании внешний, защитный слой, накрепко приварились друг к другу.

Юрганов просунул руку в узкое пространство между параболоидом и гравигеном и попытался дотянуться до массивных клешней, плотно охватывавших выступы на поверхности шара. После нескольких попыток это удалось; пришлось только втиснуться в эту щель до пояса. Но сколько пилот ни дергал, захваты упорно не хотели поддаваться.

И все же пилот еще и еще раз пытался навязать упрямому металлу свою волю. Он прекратил это, лишь почувствовав, что движения становятся все более судорожными и он теряет над ними контроль.

От напряжения зарябило в глазах. Юрганов позволил векам опуститься. Не надо, чтобы пространство видело его глаза вот такими.

А какими им быть еще? Без движения, без возможности тронуться с места — здесь гибель. Будь он еще не один...

А может быть, все не так страшно? От этой мысли глаза открылись сами.

Все тот же металл. Клешни захватов не разошлись больше ни на миллиметр. Ничто не изменилось.

Однако же это — всего лишь металл. Просто металл. Металл вульгарис. Неужели с ним нельзя будет справиться?

Осторожно, чтобы не повредить скафандр, пилот выбрался наружу и несколько минут висел, размышляя.

Кулаком эту машину не убедишь. Ее можно только перехитрить. Как — это предстоит придумать в центральном посту, там, где и стены, как известно, помогают.

Юрганов развернулся, чтобы пуститься в обратный путь. Но рука его в тугой пустотной перчатке протянулась было к стартеру, вдруг дрогнула и замерла на полдороге.

Вдалеке, в глухой, беззвездной ночи, внезапно возник узкий луч света.

Он родился из ничего и, пролетев тысячи километров, иссяк. Несколько мгновений луч трепетал, как задетая невзначай струна. Юрганову почудился даже тонкий, серебристый звук.

Пилот покачал головой и решительно включил ранец-ракету.

Нет, это не корабль. Никто не спешит на выручку. Луч возникает вдалеке, но источник его известен: лазерный прожектор в носу «Оберона», периодически вспыхивающий и угасающий.

Простой «облачный эффект»: луч света не виден в пустоте, если смотреть сбоку, но в тысячекилометровой толще пространства накапливается уже достаточно пылинок, чтобы свет, отражаясь от них, возвратился к кораблю, к глазу пилота, указать направление, в котором хотел бы, но не может двинуться «Оберон».

Пылинки... Недаром «Оберон» висит в центре пылевого облака. В центре вечной черноты, далеко за пределами которой остались звезды и обитаемые миры.

Ничего, выкрутимся. Только не вешать носа!

Ловко повернув, Юрганов вплыл в выходную камеру.

2

Он сидел в центральном посту. Ровно светились стены и потолок, едва слышно играла музыка. Любимые записи Юрганова. С ними легче думалось; полная, мертвая космическая тишина наводила на мысль о безысходности.

Юрганов медленно покачивал головой в такт протяжному напеву. Мелодия говорила о земных зеленых островах — там, в Тихом океане, — где всегда рады людям. Юрганов никогда не был на этих островах: не пришлось. Однажды совсем было собрался, но его — третьего пилота — пригласили вторым на «Антарес». В другой раз подвернулся рейс на корабле новой системы — испытание реверсивного устройства. Так и не пришлось побывать там.

Придется ли?

Ну, голыми руками нас не возьмешь. Не то воспитание, как говорится. Вот оценим обстановку...

Вспомним, как все произошло. Работая реверсом, пилот остановил корабль в Облаке. Этим завершилось выполнение первой части задания.

Вторая заключалась в отделении гравигена. Как это было? Юрганов прищурился, руки задвигались над пультом, производя заученные движения.

Вся операция по отделению гравигена производится при помощи одного рычага. Прежде всего ручка устанавливается в позицию отсоединения дополнительного двигателя, того самого, который дотащил всю машину сюда. Разрываются и отбрасываются энерговоды и прочие коммуникации.

Так и было сделано; мускулы правой руки еще хранят память об этом движении.

Затем рычаг переводится во вторую позицию: освобождение захватов. И это было выполнено. Но захваты почему-то разомкнулись только до половины. Заминка в механизме? Возможно; в таком случае ты не имел права переключать рычаг на выполнение третьей операции: на включение разобщительных ракет. Ведь приборы должны были ясно показать, что захваты не сработали.

А они и показали. Ты поздно спохватился, вот что.

Почему?

Юрганов вздрогнул и поднял голову. Что за чертовщина! Неужели он начинает сходить с ума?

Чем иным можно объяснить, что секунду назад Юрганов смотрел на шкалу указателя режима реактора, но вместо прибора увидел вдруг лицо девушки. Очень явственно увидел...

При чем тут девушка? Да и кто она? Почему именно ее подсунула расшалившаяся память?

И вдруг Юрганов вспомнил совершенно точно, что такой девушки он никогда не видел. Нет, она ему просто почудилась. Он еще подумал: вот если бы встретить... До сих пор он встречал каких-то не таких: чувствовал, что они не настоящие. Для других, может быть, но не для него. Сердце, как говорится, молчало.

Да, и вдруг такая девушка ему почудилась. Ни с того ни с сего. Высокая — чуть ниже его самого, большеглазая, с таким немного диковатым и решительным видом. Собственно, он запомнил, главным образом, глаза, остальное воспринималось не совсем ясно, но вот такой она ему привиделась. Вдруг.

Только сейчас не до девушки.

Да-да. Он и тогда подумал: сейчас мне не до девушки. И... И?

Юрганов вдруг почувствовал, что мысли начинают заикаться.

Подумал, и... включил зажигание разобщительных ракет! Значит, это тогда и произошло?

Память подтвердила: вот именно. Почему я тебе и подсунула эту девушку. Ты тогда смотрел на контрольные приборы, а вместо них видел эту — решительную. И не помнишь» как произошло раскрытие захватов только потому, что не заметил этого. Прошла положенная секунда, и ты машинально, как на тренировке, перевел рычаг и включил ракеты.

А предохранитель?

Чертыхаясь, Юрганов поднял панель. Предохранитель был смят. Тоже — предохранитель: восьмиугольная пластинка с усиками. Паукообразное какое-то, а не предохранитель. Плюнуть и выкинуть. Ну и ты, наверное, от прилива чувств рванул рычаг как следует: сила-то есть...

Ракеты работали. А захваты так и остались полусомкнутыми.

Вот и думай теперь.

Хороший толчок помог бы тут. Если подразогнаться, а потом тормознуть — резко, на пределе перегрузок, — захваты не выдержат.

Только разгоняться не на чем.

Веселые дела! Впору вызывать свою базу — просить помощи.

Да ведь не вызвать! База далеко. Установить связь отсюда, из Облака, — дело непростое. Ничего же не видно. Даже антенну не наведешь как следует.

А там его так скоро не хватятся. В лучшем случае — месяца через полтора. Потому что он раньше и не должен был выйти из пределов Облака.

Месяц, полтора — по космическим масштабам, немного. Но тут, в Облаке...

Оно довольно плотное: десять в минус двенадцатой степени граммов частиц на сантиметр в кубе. Килограмм вещества на кубический километр.

Как будто ничего особенного. Но здесь эти кубы не мерены, не считаны. И пылинки мечутся в облаке с хорошими скоростями. А ведь корабль вместе с гравигеном — это немалая масса. К тому же на «Обероне» — искусствен-

ная гравитация. Слабая, конечно, но все равно, корабль создает свое поле тяготения. Траектории пылинок в нем искривятся...

Частицы вещества будут падать на корабль.

Сначала очень редко. Но они будут падать и падать, масса корабля станет увеличиваться, притяжение — возрастать, и пылинок закапает все больше.

...Ну что же: со временем здесь вспыхнет звезда. Ведь температура в клубке вещества, центром которого явится «Оберон», будет постоянно возрастать.

Вспыхнет звезда. Но не в этом ли и заключается цель полета?

В этом, друг мой, в этом. Потому ты и полетел на мало-знакомом корабле: уж очень хотелось тебе зажечь в небе свою звезду. Пилот ты известный, тебя послали без слова возражения.

И полетел ты один. Это тоже было несложно: корабль, по сути, автоматический, человек на нем присутствует на всякий случай...

Но ты-то знаешь, что дело не только в этом. Можно бы лететь и вдвоем. Но ты хотел, чтобы звезда эта была твоей. И все.

И звезда будет. Будет...

Даже без помощи гравигена. Хотя его назначение именно в этом и заключается: включенный, он стал бы очень сильным центром тяготения, и Облако стало бы постепенно концентрироваться вокруг. Так нужно Человечеству.

Почти так все и произойдет. Только ты этого не увидишь. Разве что изнутри...

Во всяком случае, такого надгробного памятника еще ни у кого не было!

Но не лучше ли подождать с выводами? Даже из этого положения наверняка можно найти еще не менее ста выходов. Надо только поискать.

Для начала хотя бы включим локаторы кругового обзора.

Юрганов включил субмиллиметровые. Несколько секунд просидел неподвижно, ни о чем не думая, только глядя на экраны.

И увидел.

Слабая искорка сверкнула на экране. И погасла.

Юрганов понял: это пылинка. Первая, может быть, неощутимая, неразличимая простым глазом космиче-

ская пылинка, крохотный кристаллик, частица мироздания упала на обшивку корабля.

На другом экране тоже вспыхнул огонек.

Упала вторая...

3

Пылинки падали вот уже целый месяц. Конечно, дождем назвать это было нельзя; однако давно уже стало возможно, выходя из корабля, начертить что-нибудь пальцем на обшивке.

Когда-то — очень давно — Юрганов написал на обшивке что-то бодрое. Все попытки высвободить двигатель были еще впереди. Он расходовал их сначала помногу, пробуя каждый день два, а то и три способа разомкнуть или разрубить захваты при помощи инструментов, горелок — всего, что подвертывалось под руку. Время шло, не принося успеха. Тогда пилот стал экономить. Попытки были его хлебом, они были надеждой. И он с каждым днем все урезал свой паек.

Тем не менее наступил день, когда запасы надежды иссякли. Клешни по-прежнему прочно держали гравиген, двигатель был все так же бессилён.

В последний раз Юрганов вышел, чтобы убедиться в нормальной работе антенны сверхдальней связи. Ориентированная в направлении, которое казалось Юрганову наиболее выгодным, она непрерывно излучала сигнал бедствия. Чуть покачиваясь, решетчатый рефлектор рисовал в пустоте невидимую спираль, возвращался к ее центру и вновь начинал разматывать бесконечный клубок поиска. Вдруг на одном из витков сигнал попадет на чью-то антенну?

Только на это и оставалось надеяться. Иначе погибнет «Оберон», прекрасный корабль, оснащенный первоклассной защитой, хорошим, только пока, к сожалению, беспомощным, двигателем и даже транскоммуникатором — хотя это устройство здесь уж никак не могло пригодиться. Погибнет исправный, в сущности, корабль Объединенных Человечеств, да еще с пилотом на борту.

Антенна работала, и Юрганов возвратился к себе.

Он медленно снял скафандр и аккуратно, слишком аккуратно, водворил его на место. Замкнул дверцу, потом снова открыл ее: показалось, что замок работает недостаточно четко. Курганов принес инструменты и полчаса во-

зился с замком. Полчаса или сутки, не все ли равно? Время потеряло ценность; оно сейчас было, как золото на необитаемом острове, где нет воды. Да, ручей надежды иссяк, и дно его трескалось от зноя...

Теперь замок действовал безотказно. Юрганов собрал инструменты, вытер пальцы. Чем заняться дальше? Нужно обязательно что-то делать — и чтобы работы было много, и чтобы результат был. Явный, ощутимый результат! Так приятно видеть какое-то дело завершенным...

Пилот возвратился в центральный пост; шел фланирующей походкой, помахивая инструментальной сумкой. Чем заняться?

Он даже остановился, чтобы топнуть ногой, так ему стало досадно: такой корабль — и совершенно делать нечего. И вдруг, словно этот удар ногой пробил какую-то преграду, сразу понял, куда девать время.

Пассажирская палуба! «Оберон» недаром был кораблем не только для приборов, но и для ученых. Для мужей науки отведена целая палуба под их каюты и лаборатории. И уж, наверное, в каютах этих можно найти что-нибудь интересное. Такое, от чего легче станет жить и дожидаться, пока кто-нибудь вытащит тебя отсюда и даст возможность заняться звездой по настоящему.

Он опустился на пассажирскую палубу. Ого, как все здесь отличалось от делового убранства центрального поста! Как будто попал в другую страну.

Юрганов носком туфли откинул угол ковра в обширном холле. Палуба под ковром была не пластиковая, а из настоящего дерева. Дуб! Вот как перегружают двигатель... Он уселся в кресло, с удовольствием откинулся. В ковре, конечно, полно пыли. И откуда она только берется? Юрганов отмахнулся от мысли о той, другой пыли, которая бралась известно откуда, и продолжал оглядывать холл. Принимая корабль, он пробежал здесь рысью, потому что времени было мало, а пассажирская палуба — не главное место на корабле. А сейчас ему тут понравилось. Здесь было куда лучше. Не потому, конечно, что пилотов уважали меньше, чем ученых. Там, наверху, слишком много места занимали механизмы, а жить в другой палубе пилот все-таки не мог: он для того и предназначен, чтобы находиться поближе к аппаратам. Поэтому наверху было тесновато, и вот такую махину, например, поставить было вовсе некуда.

Юрганов смотрел на рояль: не электронный, программный, а настоящий, на котором надо играть. Пилот встал, подошел к роялю, откинул крышку. Протяжный звук прошелся по холлу. Еще один, потоньше и порезче. Юрганов бережно опустил крышку. Жаль, играть он не умеет. Только слушать.

И все равно хорошо.

Юрганов уселся за стол. Пообедать здесь? Он послал за-каз. Тут хотя бы не видишь автомата... Из широкой шахты в центре стола выдвинулась одинокая тарелка — на обширном подносе она показалась маленькой и жалкой. Закажем еще. Хоть десять блюд.

После обеда следовало отдохнуть. Юрганов открыл дверь в первую попавшуюся каюту. Пришлось повозиться: он не сразу вспомнил, что дверь здесь отворяется, а не откатывается, как наверху. Все, словно на планете.

Юрганов бросился на широкое ложе. Потянулся. Соснем... Вахту несут автоматы, и пусть несут.

Он зажмурил глаза, с силой стиснул веки. Нелепо все-таки... Ведь для отделения гравигена тоже стоит автомат. Но Юрганов намеренно переключил устройство на ручной привод. Хотелось хоть что-то сделать самому!

Вот и сделал.

Странно: мысль эта не причинила боли. Словно все было далеко в прошлом. Корабль, гравиген, Облако... Точно кто-то другой взял на себя ответственность за все, что произошло и чему еще предстояло свершиться.

Волноваться не хотелось. Хорошо было лежать здесь, отнесясь от забот о чем бы то ни было, окончательно откинув всякую суету сует. Юрганову показалось даже, что он не пилот на этом корабле, а пассажир. Летит в пассажирской каюте, ни о чем не думая.

Почему вдруг такое?

Ах да, каюта-то двухместная.

Когда-нибудь и ты полетишь вдвоем. Здесь — ты, а там... ну, хотя бы та неведомо почему почудившаяся девушка.

Он попытался представить ее тут, рядом. Но не смог. Увидел только глаза. Они были живыми, следили за ним.

А ведь есть такие глаза где-то на Земле...

Помечтаем, а?

Полет завершен.

То есть как — завершен? Ты ведь не знаешь, как
590 уйти отсюда...

— В том-то и дело, что знаю, — громко сказал он. — Знаю!

Он знал; это знание все время жило в нем. Но Юрганов не позволял себе обратиться к этому знанию. Такой выход был недостойн его. Его, который никогда еще не возвращался, не выполнив задания.

Возвратиться можно. Надо только отказаться от задачи и пожертвовать гравигеном. Вырезать захваты вместе с кусками его оболочки. Она достаточно тонка. Аппарат, естественно, придет в негодность. Но корабль сможет уйти.

Вернуться на Землю.

Там он возьмет отпуск. И обязательно разыщет эту девушку. Только этим и будет заниматься. И найдет. Во что бы то ни стало.

А найдя, подойдет к ней.

Представится. Скромно назовет свою фамилию.

И она, улыбнувшись, скажет...

Юрганов вдруг почувствовал, как начинает гореть лицо.

Она скажет: «Юрганов? Тот самый, которого послали зажечь звезду и который не смог этого сделать? Слышала, как же! Вся Земля слышала об этом, и еще сорок человечеств. Вы там, в Облаке, великолепно струсили! Очень приятно».

Потом она повернется и уйдет, не оглянувшись.

Юрганов уже не лежал: он сидел, сжав кулаки.

Нет, лучше совсем не возвращаться, чем вернуться так. Звезду нужно зажечь!

Это ведь очень просто: включить гравиген можно хоть сейчас.

Тогда задание будет выполнено. Но ты не вернешься.

Это тоже нехорошо. Если можно обойтись без жертв, лучше их не приносить.

А если...

Он вскочил и стремительно зашагал по каюте.

А если действительно включить гравиген?

Возникнет мощное поле тяготения. Вес «Оберона» сразу увеличится. Все равно как с некоторой высоты вдруг упасть на те самые захваты, от которых сейчас нельзя освободиться.

Захваты не выдержат. Они сломаются. Корабль высвободится.

Тогда «Оберон» и гравиген образуют систему из двух тел, которые начнут вращаться вокруг общего центра тяжести. «Оберон» станет спутником гравигена. Отдалится немного.

И можно будет включить двигатель!

Чем не выход? Все-таки ты молодец, Юрганов!

Честное слово, так. Только... только что не выдержит первым: захваты или оболочка гравигена? Ведь тут придется не раздвигать захваты, как при разгоне и торможении, а ломать их. И клешни могут оказаться крепче, чем оболочка, в которую они вмонтированы.

Зададим эту задачу вычислителю. Введем в него данные о сопротивлении металлов, о конструкции, направлении и величине сил и напряжений, которые возникнут.

Будем надеяться, что вычислитель не захочет огорчить...

Фу, какие постыдные нелепости! Уж не суеверен ли ты?

Торопливо идя в центральный пост, Юрганов так и не успел решить, в какой степени он суеверен. Он ввел необходимые данные в электронную машину, запустил ее. Придется немного подождать...

Ждать, ничем не занимаясь, было невозможно. Тогда Юрганов вспомнил, что он давно уже не наблюдал за тем, что происходит снаружи.

Вот ведь чем надо было коротать время: наблюдать за частями! Никто раньше не видел, как зарождается звезда из пылевого Облака. А тут тебе представляется такая великолепная возможность! Да любой ученый, предположи он такое, ни за что не отказался бы. А чем ты хуже? И придешь к девушке не с пустыми руками!

Юрганов решительно нажал кнопку выключателя.

...Белые крохотные зайчики скользили по экранам. Иногда они совершали какие-то замысловатые движения, чаще пролетали по прямой. Приближаясь к кораблю, они двигались все скорее и скорее. Поле гравитации заставляло их ускоряться.

А вот эта, например, не ускоряется. Замедляется. Каково? Проследим за ней.

Пылинка все замедляла падение. Вдруг она метнулась в другую сторону. Вернулась обратно. Затем световое пятнышко почти совсем перестало двигаться.

Остальные летели по-прежнему.

Это уже похоже на открытие. Курганов на всякий случай навел видеоприемник на то место, где могла находиться пылинка, хотя и знал, что увидеть ничего не удастся.

Он посмотрел на экран. Потом машинально поче-

Как это он сразу не сообразил? Ведь именно так выглядел бы на чужом экране свет его прожектора!

Значит, это...

Свершилось: в пределах видимости затормаживался корабль.

4

Юрганов включил и навел на корабль второе видеоустройство. Изображение появилось на втором экране. На третьем, четвертом, пятом... Вскоре все видеоприемники были направлены на корабль, и, казалось, будто не одна машина появилась здесь, а целая эскадра окружала беспомощный пока «Оберон», чтобы спасти человека. Такое зрелище радовало глаз.

Правда, пока что корабль был еще слишком далеко и на экранах выглядел едва ли не точкой. Но Юрганов-то знал, как распознать машину в пространстве.

Чья же это? Стурис? Говард? Еще кто-нибудь?

Терпение. Свершается все, чего хотелось. Только не нервничай. Веди себя, как в обычном полете.

Поймали сигнал или случайно?..

Все-все узнаешь. Погоди немного.

Юрганов уселся поудобнее, положил руки на колени и принялся ждать.

Точка на экране превратилась в кружок. Он рос. Локаторы исправно показывали расстояние: семьсот километров, пятьсот, триста... Юрганов напряженно вглядывался. Очертания корабля ничего не говорили пилоту. Немного похоже на Ямасаки, но это не он. Машина не принадлежит Базе: своего Юрганов узнал бы издалека.

Да и вообще корабль не принадлежит Земле. Не беда. Просто какое-то из Объединенных Человечеств тоже заинтересовалось Облаком. На одной из ступеней обмена информацией что-то не сработало: так бывает, хотя и редко. Вот в Облаке одновременно и оказались два корабля.

Представимся, как того требует вежливость.

Юрганов нажал клавишу. Зашифрованное общим кодом Объединенных Человечеств слово — интерстелларное название Земли — соскользнуло с антенны «Оберона» и унеслось к приближающемуся кораблю.

Ответ должен был поступить через несколько секунд, нужных для декодировки. Но прошло три минуты и пять, а приемник молчал.

Гость не желал отвечать.

Это не то чтобы беспокоило, а просто немного разозлило Юрганова. Флибустьер этакий — старается подобраться неузнанным. Ну ладно, ладно. Пусть поиграет.

А мы пока разглядим его как следует.

Это было не так сложно: изображение корабля на экране сделалось достаточно большим. Сейчас Звездный справочник идентифицирует его и сообщит название и принадлежность.

Память справочника включилась автоматически. Вспыхнули огоньки, электронные иглы торопливо забежали по граням кристаллов. Бег их все ускорялся. Машина искала долго, но ответ был предельно кратким: «Не значится».

Нет? А ведь введены самые последние данные... Что же это за машина, которая «не значится»?

Какая-то чечевица. А сбоку?

Юрганов скривился. Бр-р-р...

Ох, до чего противные очертания. Не корабль, а ни дать ни взять паук. От чечевицы вперед и в стороны расходятся семь... нет, восемь ног. Впереди они изламываются и устремляются назад. Настоящие паучьи лапы. Что они держат? Вроде бы полусферу. Паук верхом на жуке. Скачущий паук!

Жук — очевидно, рефлектор. Значит, привод фотонный. Старина!

Юрганов сильно поскреб в затылке.

Н-да. Выходит, корабль и действительно не принадлежит Объединенным... Корабли Человечеств благодаря постоянному обмену информацией находятся примерно на одном уровне. Этот — на эпоху ниже.

Недаром он так медленно тормозит. Виной не чрезмерная осторожность капитана, как было подумал Юрганов. Просто таков предел ускорений у этого корабля.

А ведь пришел к Облаку, наверное, издалека. Вблизи нет ни одного Человечества из Объединенных, если даже «близость» понимать в чисто космическом смысле.

Но какое отвратительное зрелище!

А впрочем, это еще ничего не означает. Облик разумного существа труднее всего определить по внешнему виду корабля. Если сделать такую попытку, то самого Юрганова, например, пришлось бы представить себе каким-то головастиком.

Нет, сходство корабля с его создателем — или как-то питаном — вовсе не обязательно. С другой стороны,

оно и не исключается. Пока же остановимся на достоверном: это корабль, принадлежащий неизвестной цивилизации.

Какова она? Сейчас можно сказать лишь, что она относится к тому же руслу, что и земная: принадлежит к Выходящим На Кораблях. Есть и другие цивилизации: такие, которым не нужны корабли, или не нужно пространство...

Но спасибо, спасибо этой цивилизации, какова бы она ни была. За то, что она выходит на кораблях, и еще больше — за то, что один из ее кораблей оказался именно здесь и именно сейчас.

Почему так медленно? Быстрее, поторопись! Тебя здесь очень ждут. Всех вас!

Кстати: сколько их может быть на борту? Кораблик невелик. Если учесть, какой объем занимают двигатели, топливо, неизбежная аппаратура, то для экипажа остается совсем мало места. Разумеется, если хозяева корабля по величине близки к нам. Тогда их там в лучшем случае трое. А то и меньше.

Но не все ли равно? Договориться можно и с одним. В первую очередь, избавиться от гравигена. А затем — прежде, чем включить этот аппарат, — выяснить все, что возможно. Новая цивилизация — это ведь открытие! Предстоит знакомство, обмен основными данными, координатами...

Стоп! Не слишком ли простым все тебе представляется?

Как легко: обмениваться координатами, договориться... Но ведь это — не Объединенные Человечества! Твои коды для них — звук пустой. Как же договариваться?

Транскоммуникатор — ТК — тут помог бы.

Но чтобы общаться при помощи ТК, собеседник нужен здесь, на борту.

А попробуй-ка, заполучи на борт кого-нибудь из них. Учтывая, что для них это может быть первым контактом с иной цивилизацией. А если они к тому же еще не достигли вершин общественного развития, то, наученные опытом, будут везде и во всем искать и ожидать подвохов и каверз. Так что к себе ты никого из них и не дозовешься.

И в то же время — иного выхода нет. Иначе они так ничего и не поймут. Оставят тебя болтаться в Облаке. Может быть, станут даже удивляться: почему ты, тупица этакий, не последовал за ними? Им и невдомек будет, что ты просто не можешь с места сдвинуться.

Да. Заполучить на борт...

А как?

Если даже удастся установить связь, начнется долгое и нудное собеседование кибернетических устройств. Суток через двое выяснят, что и у тех, и у других дважды два равно четырем. А когда удастся добраться до теоремы Пифагора — где-нибудь в конце недели, — это будет целый праздник.

Такие темпы не подходят.

Не говоря уже о том, что обмен визитами — если договоримся, — придется начинать самому. Слетать к ним. А у них транскоммуникатора наверняка нет. Более чем наверняка. И если это в самом деле какие-нибудь членистоногие...

Юрганов зябко поежился.

Не годится. Надо как-то обойти все эти предварительные стадии установления контактов. Сделать так, чтобы они сразу оказались здесь.

Применить хитрость?

Юрганов задумался. Потом тряхнул головой и взглянул на экран.

Они уже совсем близко. Сейчас остановятся.

Хитрость. Если наше мышление вообще сопоставимо с образом мысли этих — назовем их условно существами Икс, — то хитрость подействует. Если нет, тогда хуже.

Но ведь они тоже Выходящие На Кораблях.

Итак, рискнем.

Юрганов быстро выключил локаторы. Нажимом кнопки остановил антенну сверхдальней связи. И щелкнул выключателем дистанционного открывания люка. Не выходной камеры, а люка приемной.

А теперь замереть. Затаиться. И ждать.

Из последних сил. На остатках терпения.

5

На борту «Оберона» царила тишина. Даже музыку Юрганов выключил. На всякий случай: вдруг услышат?

Он не видел, близко ли остановился корабль Икс: видеоустройства, в отличие от локаторов, не давали полного обзора. Но развитие событий представлял себе так ясно, как будто они развертывались перед его глазами.

Вот «Скачущий паук» повис неподвижно. Члены его экипажа с интересом и некоторым недоумением смотрят на звездолет странных, по их понятиям, очертаний.

Они снова трогаются. Медленно, каждую минуту ожидая каких-то осложнений, быть может, даже враждебных действий, приближаются. Но звездолет не подает никаких признаков жизни.

Тогда «Скачущий паук» станет на почтительном расстоянии обходить «Оберон», описывая вокруг него окружность. И члены экипажа Икс увидят зияющий провал открытого люка.

Люк настезь. И — никого. Они, озадаченные, станут совещаться.

Однако ситуация в общих чертах ясна. Корабль неподвижен, люк открыт, сигналов — никаких. Значит, экипаж вымер или покинул машину.

И вот тут-то и должно сработать то, что является, наверное, общим для людей и существ Икс: любопытство. Желание узнать.

Не каждый ведь раз встречаешь покинутые корабли!

Судя по размерам «Скачущего», катера у них на борту нет. Значит, придется подползти поближе. Кто-то из экипажа наденет скафандр. Медленно приблизится к люку. Остановится на его выдвинутой площадке.

Осветит приемную своим фонарем, если ему нужен свет.

Войдет...

И тогда в центральном посту у Юрганова вспыхнет зеленый сигнал насторожившегося ТК.

А в следующий миг...

Но погоди со следующим мигом. Он еще не наступил. Кто же это будет? Человекоподобный или другой?

Так хочется, чтобы пришел человек...

И так страшно разочароваться.

А ведь оснований для боязни, кажется, нет. Или есть? Или это говорит интуиция?

Сильно забилося сердце.

И как раз в эту минуту — кстати или некстати — Юрганову вновь привиделась та девушка. Ее глаза как бы старались заглянуть внутрь Юрганова. Зачем? Чтобы увидеть его страх?

Юрганов упрямо пригнул голову. И тут же появился «Паук».

Он наискось пересекал третий экран. Движение было едва заметным. Потом оно совсем прекратилось.

Чужой корабль остановился как раз с той стороны, где был расположен люк.

Время остановилось тоже.

Юрганов знал, что пройдет не менее десяти минут, но не в силах был отвести взгляд от экрана.

Нет, оттуда никто не выйдет. Нужен иной план.

А что, если вдруг развернуть корабль...

Ах, черт! Развернуться-то он и не может.

И в этот миг что-то отделилось от борта «Скачущего паука». Юрганов не заметил, как открывался люк, вероятно, выходная камера у них не освещалась.

Небольшое тело устремилось к «Оборону».

Юрганов впился в экран. Тело приближалось. Вот уже можно разглядеть его во всех подробностях.

Юрганов бессильно опустил веки.

Лучше бы вовсе не видеть.

Яйцевидное тело, размером раза в два больше человека. И восемь длинных, изогнутых ног.

Значит, предчувствие не обмануло его.

Юрганов готов был заплакать. Да, лучше бы не видеть...

Он резко поднял голову, открыл глаза. На панели вспыхнул огонек.

Восьминогий уже в приемной.

Вот и микрофон донес словно бы звук падения. Паук шлепнулся на брюхо, принимая естественную позу.

Выключим микрофон: к чему такие переживания? Есть ТК...

Люк! Скорее люк!

Юрганов повернул выключатель. Приборы показали, что люк закрылся.

Но индикатор продолжал гореть; это означало, что Икс не успел выбраться. Так все и было задумано.

Хоть в этом удача! Ничего не поделаешь. Помощь необходима, кто бы ее ни оказал. Но разговаривать придется через ТК.

Юрганов встал. Одернул куртку и, покинув центральный пост, торопливо направился в приемную.

Он старался успокоиться, хотя совесть слегка пощипывала; не очень-то хорошо заманивать разумное существо в ловушку. Даже паукообразное.

Но другого выхода не было!

Он резко распахнул дверь.

6

Простучав каблуками по тугому пластику, Юрганов уселся в кресло в полукруглом вырезе пульта транскоммуникатора.

Глядя на черную перегородку, в течение нескольких минут пытался представить себе, как в той — за массив-

ной металлической переборкой — половине приемной мечется в страхе и смятении плененное существо Икс. Как безуспешно пытается отворить люк...

Подумав о люке, Юрганов встал и на всякий случай проверил, надежно ли заперта дверь в ту половину. Все в порядке. А то откроет гость, чего доброго, а там у него пока что вакуум.

Впрочем, биоанализатор уже работает.

Гостю можно посочувствовать. Но пока нет результатов биоанализа, предпринять ничего нельзя.

Остается только ждать и размышлять.

Хотя бы о транскоммуникаторе.

Различные расы Объединенных Человечеств, как известно, сильно отличаются друг от друга энергетикой, обменом веществ, самой основой жизни, не говоря уже о внешности. Схоже лишь главное: мышление, разум, восприятие мира и отношение к нему. А что касается внешности, то гуманоидов даже в составе Объединенных Человечеств не более двадцати процентов. Эта область Галактики, с Облаком, кстати, ближе к местам не-гуманоидов. Так что нет ничего удивительного в том, что корабль Икс — паучий.

Что поделаешь! Жизнь многогранна, и опыт давно уже отучил человека создавать по своему подобию сначала богов, а потом и представителей иных цивилизаций.

Но все же человек в течение тысячелетий планетного периода своей истории прочно отождествил разум с собой. Это вошло в кровь и плоть. И поэтому еще и сейчас трудно было бы, видя перед собой существо, напоминающее то ли огромное насекомое, то ли ком протоплазмы, разговаривать с ним всерьез, не видеть в нем каприз природы, а считать во всем равным себе, а то и превосходящим. И если даже человек рассудком признал бы такую необходимость, эмоциональная сторона «*Homo sapiens*’а» продолжала бы протестовать, а это неизбежно отразилось бы на результатах переговоров. Тем более что и с другой стороны действовали бы та же инерция и те же предубеждения, от которых нельзя избавиться сразу даже при самом горячем, искреннем желании.

Вот для этого и находился на борту транскоммуникатор — машина в три тысячи семьсот килограммов весом, заключающая в себе два квадратных километра микропленок с молекулярными схемами.

Разговаривать, не видя собеседника, технически несложно. Но зрительная разобщенность препятствует

нормальному течению беседы. Ведь беседа — не только слова. И вот транскоммунитор — ТК — устраняет это неудобство. Он представляет вам собеседника — подлинного, но делает это так, чтобы никак не травмировать вашу психику.

Улавливая и регистрируя биотоки мозга и всего тела собеседника и расшифровывая их значение, ТК конструирует образ человека. Такого, каким и был бы собеседник, родился он человеком. Конечно, разобраться во всех деталях ТК не может, но основное он, как это подтверждалось не раз, передает правильно. Так что кто бы там ни сидел за перегородкой — на экране вы видите человека. Разговаривая с ним, уже через несколько минут вы забываете, что машина показывает лишь условный образ, и беседуете, как с себе подобным. Это всегда помогает договориться.

А кто на самом деле сидит в приемной, обычно так и остается неизвестным, если, разумеется, вы не проявляете особого желания узнать это. Но чаще такого желания не возникает. Вообще непосредственными контактами с представителями иных рас занимается множество ученых. Но для них это — профессия, а пилотам лучше ограничиться своими делами.

Так по крайней мере считал Юрганов.

Отвлечшись от этих мыслей, он покосился на панель биоанализатора. Нет, еще работает. Да и то — задача не шуточная: шестью различными способами просвечивая скафандр, установить состав среды в нем, температурный, радиационный и другие уровни. Затем воспроизвести эти условия в приемной. И лишь тогда...

Интересно все-таки, как транскоммунитору удастся добиться нужного эффекта. Даже конструкторы машины не представляли во всех деталях происходивших в ней процессов. Они руководствовались формулами, воплощали их в конструкцию. Формулы оживали, а затем машина начинала жить своей жизнью и показывала то, что считала нужным. Поэтому иногда происходили смешные истории. Например, пилот одного из человечеств, не принадлежавших к гуманоидам, был однажды показан машиной как две капли воды похожим на адмирала Роттештейнера, командира восьмой космической эскадры Земли. Разговаривая, Юрганов в тот раз никак не мог избавиться от ощущения, что беседует с начальством, и в конце концов уступил, хотя была его очередь на заправку. Да, в установленных ей пределах машина иногда выкидывает шутики.

Хорошо хоть, что некоторых признаков она вообще не

указывает: роста, пола, объема. У ТК все люди — среднего роста и нормального объема.

Что там? Зажегся индикатор речи. Значит, ТК нашел уже какой-то способ доносить сказанное Юргановым до сознания Икса.

Очень хорошо. Это произошло относительно быстро. Пора начинать разговор.

— Приветствую вас на борту моего корабля, — медленно и раздельно произнес Юрганов обычную формулу, которой открывались беседы.

Прыжком включились в работу секции транскоммуникатора, ведавшие кодировкой речи, чтобы тот, по другую сторону экрана, смог воспринять мысль тем способом, который присущ его расе. Ответа не придется ждать долго.

И действительно, через несколько секунд ТК пробормотал:

— Ур-ур-ур... Корабле... ур... ур... ур...

Понятно: транскоммуникатор все еще осваивается. Какие-то слова собеседника он уже может передать, но большинство — еще нет.

— Повторите, пожалуйста.

— Ро-ро... Против задержания... ро-ро-ро... на вашем корабле. Требую немедленно... ур-ур-ур...

Ага: уже понятно.

— Я прошу извинения. Но я был вынужден... Выслушав меня, вы согласитесь с этим. У меня не было иного выхода.

А что? Сказано в высшей степени дипломатично. Сейчас Икс заурчит в ответ.

Но вместо урчания из транскоммуникатора донеслось:

— Слушаю.

Чудесно! Говорить мы уже можем. А дальше?

Биоанализатор сообщил: все в порядке.

— Можете снять скафандр, — произнес Юрганов.

Пауза. Затем — осторожный вопрос:

— Безопасно?

— Можете произвести анализы.

Минута молчания. Затем ТК проговорил:

— Хорошо.

Юрганов удовлетворенно кивнул и нажал главный включатель ТК. Экран медленно начал светлеть.

...Он был молод, и, пожалуй, даже очень привлекателен. Большие глаза, ровные дуги бровей, короткий нос, плавный изгиб рта... Жаль, что ТК не дает изображения в цвете: любопытно было бы выяснить...

Пилот усмехнулся: вот ты и стал забывать, что все это — всего лишь фикция, маска, которую ТК любезно одолжил Иксу. А увидел бы ты его в действительности — и тебя, вернее всего, охватил бы ужас и отвращение. Какие-нибудь мохнатые лапы... Так что цвет тут совершенно излишний. Признайся: тебе на краткий миг показалось, что глаза на экране похожи на те привидевшиеся тебе очи. Те — ты отлично помнишь — были черными. Вот тебе и захотелось посмотреть...

Но это казалось недолго; теперь ясно, что сходства на самом деле нет. Но стоит подумать вот над чем: не руководствуется ли ТК, создавая изображение, и твоими мыслями? Будет очень интересно на Земле поговорить об этом со специалистами.

Да нет, никакого сходства и не было. Паук есть паук, а девушка есть девушка. Паука ты видел своими глазами. А они не подводят.

Черт, время-то идет...

— Вы меня видите?

— Вижу хорошо, — сказал гость голосом ТК. — Рад, что вы такой же.

Что же, думай так. Объяснить тебе, дорогой Икс, можно будет и позже: когда поймешь, что бояться нечего даже в случае, если собеседник вовсе не похож на тебя.

А интересно, каким я выгляжу на экране в той половине?..

— Я тоже вижу вас прекрасно. Внимание! Сейчас я покажу вам координаты нашей звездной системы.

Он нажал соответствующую кнопку на пульте справочника.

— Благодарю вас, — после паузы сказал ТК от имени гостя.

— Теперь я буду вам показывать карты областей Галактики, прилегающих к точке нашей встречи. Чтобы показать, где находится ваше светило, достаточно будет прикоснуться к этой точке... чем-нибудь. Вы сможете прикоснуться?

— Да.

Юрганов повернулся к справочнику. На экране загорелась карта, затем другая, третья... Вдруг в уголке третьей вспыхнул огонек; гость прикоснулся. Ага, вот они где. Почти в самом Облаке. Неудивительно, что мы раньше на них не наткнулись: в Облако лезем впервые, да и то — при крайней нужде. Они куда ближе к точке встречи: на целый порядок.

— Спасибо, — сказал Юрганов, — вижу. Каков способ вашего передвижения?

— На скоростях, близких к «С», — перевел транскоммуникатор.

Релятивисты. Бедняга...

— Вы?

— В основном, — скромно проговорил Юрганов, — надпространственный полет.

Пауза. Затем прозвучало:

— Понимаю. Об этом лишь задумываемся. Скажите, пожалуйста...

Молодец ТК! Даже «пожалуйста» ввертывает, где полагается!

— Почему странный способ установления контактов? Представляли несколько иначе.

Юрганов вздохнул.

— Я уже приносил извинения... Сейчас расскажу подробнее.

Он рассказал. Человек на экране ободряюще улыбнулся, и Юрганов в который уже раз поразился точности, с которой ТК передавал даже минутные настроения.

— Понимаю. Действительно. Знал бы, что корабль обитаем, — не рискнул бы. Чем помочь?

— Мы должны на время соединить наши корабли. Затем вы разгонитесь и затормозите как можно резче. При этом — по моим расчетам — произойдет отсоединение части моего корабля.

— Да. Зачем отсоединять?

— Эта часть мне больше не нужна. Она должна остаться здесь.

— Зачем?

— Так нужно.

— Зачем?

Вот любопытный!

— Чтобы уничтожить это облако. Это проще всего сделать, заставив облако сконцентрироваться вокруг какого-то центра. Инициатором концентрации и явится устройство, которое я должен отсоединить.

Гость определенно не поверил ушам своим. И неудивительно. Еще сто лет назад и у нас никто не поверил бы, что мы вот так — по желанию — будем зажигать звезды.

— Уничтожить облако?!

Так и есть: переспрашивает.

— Вот именно.

— Буду против, — звонко сказал ТК. — Постараюсь помешать любым способом. Любым!

7

Юрганов ожидал чего угодно, только не этого.

— Не понимаю, — растерянно сказал он.

— Что ж непонятного: я против.

— Хорошо, — терпеливо проговорил Юрганов, — я объясню. Дело в том, что в недалеком — конечно, относительно недалеком — будущем наша Солнечная система в своем движении вступит в область, где облако будет заслонять от нас скопление звезд. Вы можете видеть его на карте. Вот в этом кубе.

— Вижу.

— В связи с этим изменится состав радиации, которую мы получаем от звезд. Не так давно выяснилось, что одна из компонент этой радиации жизненно важна для нас, своего рода космический витамин: ничтожный по количеству, но крайне существенный. Мы не можем оставить наших, пусть и далеких потомков без этого излучения; так что я действую в интересах многомиллиардного человечества будущего. А если облако будет устранено, мы и впредь будем получать...

— Все это мне понятно.

— В таком случае вы согласны с тем, что мы должны осуществить свой замысел?

— Нет.

— То есть как — нет?

— Никоим образом. Наша система находится гораздо ближе к Облаку. Фактически уже в его пределах. И мы зависим от него в большей степени: оно защищает нас от излучений, которые для нас являются вредоносными. Уничтожение Облака для нас равнозначно гибели.

— Чертово членистоногое... — пробормотал Юрганов.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что ваша аргументация, разумеется, тоже заслуживает внимания.

— Разумеется.

— Но как вы понимаете, все это слишком неожиданно для нас.

— Конечно.

— Поэтому я должен на несколько минут, так сказать, оставить вас.

— Зачем?

— Посоветоваться с друзьями.

С этими словами Юрганов решительно выключил транс-коммуникатор.

8

Юрганов и сам не знал, что побудило его выпалить глупость насчет совещания с друзьями. Это выговорилось как-то само по себе. Более глубокий анализ пилот решил отложить до лучших времен. Ему и в голову не пришло, что фраза относительно друзей все-таки была не совсем случайной: решившись во что бы то ни стало привезти человечеству — и неизвестной девушке тоже — новую звезду, он, естественно, должен был, сознательно или бессознательно, счесть своим врагом всякого, кто попытался бы ему помешать. А противника всегда полезно припугнуть — если не другим, так хоть количеством. Так возникла фраза насчет друзей, хотя сознательно Юрганов никогда бы не поступил так.

Его единственным другом здесь, выходило, был он сам и лишь с собой мог он посоветоваться. Поэтому он даже не ушел из приемной. Все равно ТК был отключен и Икс ничего не мог видеть.

Прежде всего Юрганов запросил данные вычислителя, который к тому времени успел уже справиться с задачей, заданной ему не так давно. Юрганов читал, и лицо его мрачнело. первыми разрушатся не захваты. Не выдержит оболочка гравигена. К сожалению, закрыт и этот путь.

Значит, без помощи членистоногого никак не обойтись?

Так получается.

И в самом деле: после ответа вычислителя ясно, что и освободиться от гравигена, и сохранить его для выполнения задачи — значит решить уравнение не с двумя неизвестными, а с двумя невозможными.

К тому же если уничтожение Облака и в самом деле угрожает целой цивилизации, то Юрганов не стал бы этого делать, если бы гравиген даже отсоединился целым и невредимым.

Конечно, не стал бы. Вопрос слишком усложнился. Не ему, пилоту, решать. Его дело сейчас — возвратиться на Землю и доложить о новой цивилизации.

Кстати, это действительно немалое открытие. И когда придет пора знакомиться с той девушкой, разговор выйдет таким: — Юрганов? Тот самый, открывший новую цивилизацию? Он же скромно ответит...

Юрганов вовремя одернул себя: до той девушки еще далеко, ох как далеко еще...

Значит, так: от намерения зажечь звезду мы волей-неволей отказались. Так и сообщим восьминогому коллеге.

Тогда у него не будет никаких причин отказать в помощи.

Освободившись при любезном содействии Икса от гравигена, мы оставим его здесь: везти назад эту машину нет ни возможности, ни надобности.

И — на Землю.

Ох, как хочется поскорее попасть на планету!

Подумав так, Юрганов включил ТК.

Его собеседник появился на экране. ТК показал его грустным и каким-то мрачноватым. Юрганову предоставлялось решить — были ли это снова шутки транскоммуникатора, или гость и в самом деле обижен.

Собственно, у него были все основания обидеться. Любезный хозяин, нечего сказать: оставил одного, а сам исчез.

Но иначе ведь нельзя было?

Юрганов приготовил вежливую фразу. Но его собеседник начал первым.

— Ну, посоветовались?

— Да, — пробормотал Юрганов.

— У вас здесь, наверное, много людей?

Юрганов промычал нечто нечленораздельное. Гость, кажется, понял это за утвердительный ответ.

— Жаль, — сказал он.

— Почему?

— Не будь их, мне было бы легче уничтожить ваш корабль.

— Уничтожить? — растерянно переспросил Юрганов. —

Но почему?

— Если вы не откажетесь от своих намерений относительно туманности.

— Нет, я откажусь, — торопливо проговорил Юрганов. ТК даже зажужжал, перестраиваясь: перебивать машину не полагалось, но Юрганов совершенно забыл об этом. — Откажусь. Ведь не станем же мы, в самом деле, подвергать вас опасности.

Ожидал, что при этих словах Икс оживится, обрадуется... Ничего такого не произошло; во всяком случае, ТК этого не показал.

— Вас это не устраивает?

— Нет, почему же. Но я должен еще в это поверить!

Юрганов искренне огорчился.

— А разве у вас есть основания не верить мне?

— Есть, — ответил собеседник, помолчав. — Но я поверю, если вы...

— Что — если я?

— Если вы сможете доказать, что вам можно верить.

— Вот что! — Юрганов даже усмехнулся, хотя вообще-то было не до смеха. — Как же я должен это доказать?

— Есть различные способы.

— Укажите хотя бы один.

— Мне кажется, что мы ведем переговоры в неравном положении. Вы — у себя дома, я же — в плену.

— Ну да, так получилось. А чего вы хотите?

— Я хочу предложить вам продолжить переговоры у меня на борту.

— Ну уж нет! — вырвалось у Юрганова прежде, чем он успел обдумать более дипломатичный ответ. Собственно, неожиданной была лишь форма; суть бы не изменилась ни в каком случае: идти в гости к пауку, где нас больше не будет разделять металл переборки, — благодарю покорно!

— Почему — нет? Значит, вы мне не доверяете? Почему же я должен доверять вам?

— Не в этом дело. Ну хотя бы — у вас нет такого устройства...

— Электронный переводчик есть и у меня на корабле.

— Ну да, но это не совсем то... Я не могу оставить корабль по целому ряду причин.

— Пусть идет любой из вас.

— Любой из нас? Ах да, любой из нас...

— Вот именно.

— Нет, — решительно сказал Юрганов. — Они не пойдут тоже. Я потом объясню вам почему. Может быть, я могу сделать что-либо другое, чтобы доказать вам...

— Что ж, попытайтесь.

— Собственно, по-моему это и так очевидно. Наши Объединенные Человечества (он подождал секунду, чтобы ТК успел как следует растолковать Иксу этот термин)

состоят из нескольких десятков различных цивилизаций. Но все мы очень бережно относимся друг к другу. Мы понимаем, какую огромную ценность представляет жизнь каждого разумного существа.

— Но ведь вы, наверное, не угрожаете существованию друг друга? А в данном случае вопрос, кажется, стоит так: либо мы, либо вы. То, что необходимо вам, губительно для нас. И наоборот. А вы хотите, чтобы я поверил в вашу готовность пожертвовать своим человечеством ради нас! В это я поверить не могу.

— Ну, конечно, — пробормотал Юрганов. — Но ведь я не могу сейчас, здесь, решать судьбы цивилизаций. Этим займутся другие. Меня интересует исход лишь этого рейса. И я уже сказал вам, что не стану выполнять задание. Таким образом, вы не понесете никакого ущерба.

— На этот раз — да. Но опасность от этого не станет меньше. Я понимаю, что для вас вопрос исчерпывается этим рейсом: в следующий раз сюда прилетит кто-нибудь другой. Но нам-то все равно, кто прилетит! Для нас безразлично, кто будет решать вопрос; нам нужно убедиться в том, что его вообще можно решить так, чтобы мы не пострадали.

— Конечно, можно, — сказал Юрганов. — Наверное...

— Как, например?

— Как? Кстати, я хотел сказать еще вот что: теперь, когда вы установили контакт с Объединенными Человечествами, перед вами открываются великие возможности. Знакомство с нашей наукой. Подлинное процветание! Судя по вашему кораблю, вы во многом от нас отстаете. Естественно: одинокое человечество... В такой ситуации вы не должны допускать и мысли о применении силы!

Фу ты черт, до чего красивые слова! И не подозревал в себе таких способностей. Но ведь не хочется, чтобы этот — кто он там — расстреливал меня своим фотонным двигателем! Старина, старина, а температуру поднимет основательно, так что «Оберон» растечется лужей...

— Перспектива блистательная, — ответил Икс. — Это очень трогательно. Ваша наука, вы говорите... Следовательно, надгробный памятник нашему человечеству будет поставлен по всем правилам науки?

— Надгробный памятник?

— Ведь в конце концов вы уничтожите Облако! Или, может быть, сохраните для нас кусочек?

Юрганов промычал что-то.

— Не понял.

— Я говорю: это будет затруднительно...

— Я тоже так думаю. Но если нам придется вымирать, к чему тогда радужные перспективы?

— Но, может быть, это несколько преувеличенные опасения?

— Ну, да. Ведь наука только у вас, не так ли?

— Ладно, — сердито проговорил Юрганов. — Ну, предположим, вы меня уничтожите. Расплавите, сожжете, испарите... И что? Этим вы отодвинете события на считанные месяцы. Придут другие корабли...

— Пусть. Мы будем драться. За своих детей.

— Вы не знаете, как мы сильны!

— А вы не знаете, как мы упрямы!

Тоже достоинство!

— А мы...

Юрганов умолк. Что-то не то: детский разговор. Кто сильнее, кто кого отлупит. А ведь здесь не шутка: встретились представители двух цивилизаций. И кому какое дело до того, что мы не готовились к роли галактических дипломатов?

То есть как, кому какое дело? А собственно, почему этот вопрос должны решать мы? На Земле есть головы поумнее, да и у этих тоже вряд ли самые светлые головы летают на патрульных кораблях. Вот пусть мудрецы и разбираются. Почему Икс не хочет понять такой простой вещи?

— Послушайте! Как будто, есть один выход.

— Слушаю.

— Вы можете мне отцепить гравиген...

— Нет.

— Да погодите же! Я оставлю его вам... на память. Затем мы разойдемся. И пусть встречаются наши специалисты, наши мудрецы. Они найдут решение проблемы куда скорее. Правильно?

— Поймите же и вы... Я не сомневаюсь, что они решат вопрос лучше. Если... если только ваши люди захотят его решать. Но я вынужден судить о них по вас...

— И что же?

— А вам я не верю, я уже говорил. И боюсь, что стоит мне помочь вам — и вы вернетесь с сильным флотом. В истории нашей планеты много примеров такого рода.

Вот оно что: очевидно, социальное переустройство у них завершилось совсем недавно. Вся подлость враждебных классов еще в памяти.

— Но для нашего общества такие методы не характерны. Что мне сделать, чтобы убедить вас?

— Подумайте. Времени у вас достаточно. Потому, что иначе я вас все-таки не выпущу.

— Иными словами: или я вас убеждаю, или вы меня уничтожаете?

После паузы Икс подтвердил:

— Именно так.

Он не из трусливых: сидит взаперти и грозит.

— А если наоборот — я уничтожу вас?

Молчание. Затем:

— С этим я считаюсь. Но вам это не поможет: вы доживете лишь до следующего патрульного корабля. Ведь моя машина останется висеть рядом с вами.

— А может быть, раньше придут на помощь ко мне?

— Маловероятно, судя по вашему же рассказу.

— И вы все-таки боитесь?

— Нет. По двум причинам: во-первых, если то, что вы говорили о вашем человечестве — правда, то вы не нанесете мне вреда.

— Не сделаю с вами ничего? Даже если вы грозите мне смертью?

— Все равно. Вы ведь понимаете: я угрожаю только вам лично, вы же — всей нашей цивилизации. Поэтому, если вы хотите, чтобы я вам поверил, вы меня не тронете. А во-вторых, если это даже и случится...

— Вам не дорога жизнь?

— Если мне придется уничтожить вас, мне все равно будет трудно жить.

Юрганов, сам того не желая, вдруг растрогался. Все-таки, он неплохой парень, этот паук. Жаль, что нельзя подойти к нему, хлопнуть по плечу и сказать: «Не трус, дружище, все обойдется, мы договоримся»...

— Что же, — сказал он, — вы правы. И чтобы доказать вам, что я не лгу, я выпущу вас хоть сейчас.

— Что же, это кстати: я проголодался. Знаете, что? Приглашаю вас пообедать у меня на борту. Там не будет этой перегородки.

Вот то-то и оно; если ты увидишь, что я на самом деле не тот паук, каким предстаю перед тобой на экране, ты, чего доброго, и в самом деле уничтожишь «Оберон» вместе со мной.

— Нет, благодарю вас. К сожалению, я вынужден отказаться, — вежливо сказал Юрганов. — Нет аппетита, знаете ли. И потом, я на диете...

— Очень жаль. В таком случае, встретимся через такой же промежуток времени, какой прошел с момента моего прихода.

— Значит, через два часа?

— Прямо, как свидание. Хорошо, через два.

9

Стоя у кухонного комбайна, Юрганов безуспешно пытался выстучать ложкой на его металлическом кожухе мелодию той самой песни об островах. Ничего не получилось: музыкальные возможности автомата были ниже кулинарных. А что до островов, то Юрганову так никогда их и не увидеть. Потому что отсюда не выбраться.

Конечно, очень наивно было думать, что стоит тебе в чем-то уступить, и все сразу решится в твою пользу. Многолапый Икс, как оказалось, хочет большего. Отпуская тебя, он хочет получить взамен уверенность в том, что из создавшегося положения возможен выход, который устраивал бы обе цивилизации.

И поэтому он заставляет меня ломать голову над этими вещами вместо того, чтобы лететь к Земле. К той девушке.

По непонятной закономерности чем хуже положение, тем чаще приходят к тебе мысли о ней. Все яснее видятся ее глаза. И они с каждым разом становятся все печальнее.

И хочется встретить ее поскорее, чтобы эта печаль исчезла из ее глаз...

А вот паук Икс не спешит.

Правда, нельзя не признать, что в его поведении есть своя логика — логика слабейшей стороны. Слабейшей и подозрительной: ведь у него нет никаких оснований не доверять пилоту «Оберона», но он упрямо не доверяет. И требует решить проблему — хотя бы вчерне — здесь, на месте.

А решение найти, вернее всего, невозможно. Во всяком случае, Юрганов за пять... нет, уже за шесть дней поисков так и не отыскал этого выхода.

То есть он его находил каждый раз. Но на следующем свидании (паукообразный прибывал на него аккуратно, как влюбленный) Икс разносил юргановские построения что называется вдребезги. Не оставлял камня на камне. И когда

люк приемной затворялся за ним, Юрганову приходилось начинать все сначала.

А ведь были, кажется, не такие плохие решения. Например, предложение взять эту самую их планету и отбуксировать куда-нибудь в другое место.

Юрганов долго уверял паука, что технически такая задача Объединенным Человечествам по плечу. С этим, в конце концов, Икс согласился. Но спросил: а знает ли Юрганов такое место, такое светило, около которого их цивилизации не будут угрожать те же самые излучения? На это Юрганов ответить не смог, потому что не знал, какие же излучения вредны для пауков. Неопределенный ответ не устроил Икса. Так провалился и этот проект.

Икс предложил взамен другое: эвакуировать не их планету, а Землю. Это, мол, проще. Но с этим Юрганов никак не мог согласиться: речь ведь шла не об одной Земле, а обо всей заселенной Солнечной системе. Это была задача на целый порядок сложнее. Так что и проект Икса, как говорится, не собрал большинства голосов.

В другой раз Юрганов предложил изменить состав атмосферы на планете Икс. Сделать его таким, чтобы вредные излучения экранировались атмосферой. Чтобы атмосфера взяла на себя функции Облака. Это было изящное решение.

Но опять-таки никто из них не мог сказать, возможно ли это даже в принципе. Можно ли подобрать такой состав атмосферы? А главное — смогут ли жить в такой атмосфере эти умные пауки?

Собеседник и тут выступил с контрпредложением: пусть Земля создаст источник нужного ей излучения где-нибудь поблизости. А Облако оставит в покое раз и навсегда.

Юрганов сказал, что из этого ничего не выйдет. Излучения такого рода возникают лишь у звезд определенного класса. Тут играют роль масса, состав, температура. Зажечь такую звезду человечество пока не может. Одно дело — использовать готовое облако, и совсем другое — создать звезду на пустом месте. Об этом на Земле уже думали и поняли, что в исторически обозримом будущем сделать это не удастся.

Так или примерно так терпели крах и остальные проекты и предложения. В конце концов, все возможности были исчерпаны. Больше придумать ничего нельзя было. Осталось лишь размышлять о том, стоило ли вообще отвергать проекты Икса, ведь главное все же — выбраться!

Но согласиться, не будучи уверенным, не значит ли это подтвердить подозрения Икса относительно твоей искренности? Пусть Икс не узнает об этом, но совесть...

А где его совесть, Икса? Сколько я могу сидеть тут?

Вскоре начнется еще одно свидание. Надо, чтобы оно стало последним. Любой выход лучше, чем эта тягомотина.

Юрганов подошел к видеоприемнику и долго смотрел на паучий корабль. Он вот уже четыре дня был развернут рефлектором к «Оберону» — держал Юрганова что называется на мушке. Неприятное ощущение. Так и хочется пошевелить лопатками...

Решительный молодой паучок. Если не договоримся, он не дрогнет.

Еще бы? миллиарды его соплеменников — и какой-то Юрганов, который (как это может выясниться) вовсе не паук, а что-то совсем другое.

Нет, надо хвататься за первое же предложение Икса. И — подальше отсюда.

10

— Ну, что вы придумали?

Юрганов внимательно посмотрел на экран. Эх, почему ты и в самом деле не человек? Тогда вместо того чтобы сидеть перед опостылевшим экраном, я пришел бы к тебе и мы поняли бы друг друга; я уверен — поняли бы.

— Что придумала? Ничего.

— Жаль.

— Но может быть, — торопливо сказал Юрганов, — у вас возникли какие-либо идеи?

— Нет. К сожалению, нет.

Юрганов испытующе взглянул. Если только ТК не врет, то Икс вроде бы погрустнел. Вполне возможно, что ему тоже хотелось найти выход. Может быть у него есть своя девушка-паучиха, и ему очень хочется предстать перед ней таким спасителем цивилизации? А может быть, дело просто в том, что разумному существу очень нелегко уничтожить корабль с другим разумным. К тому же для них это не просто корабль. Представитель иной цивилизации. Но что же этот паук молчит?

— Что ж мы будем делать? Искать дальше? Я понимаю, вам нелегко брать на себя ответственность... Но

почему бы вам не связаться со своими? Может быть, дадут дельный совет?

Икс ответил:

— Поддерживать связь, находясь в центральных областях Облака, нам не удастся. Да и вам, кажется, тоже?

— Почему вы думаете.

— Иначе вы вели бы себя по-другому.

«Гм. В сообразительности ему отказать нельзя».

— Нам тоже, да. Но мне кажется, ваша грусть оттого, что за уничтожение моего корабля вам придется отвечать и перед Объединенными Человечествами.

— Конечно. Кроме того, вы мне нравитесь. Это тоже играет роль.

Юрганов про себя ухмыльнулся: оказывается как паук я даже симпатичен.

— Что до остального, то я уже говорил: мы будем сопротивляться до последнего.

— Не поможет. Ведь наши корабли вообще передвигаются в надпространстве. С достаточной точностью выхода... Вы заметите их лишь в последний момент.

— Все равно, — грустно сказал Икс. — Все равно.

— Но неужели вам ничего другого не пришло в голову?

— Мне было труднее, чем вам. Вы думали лишь о том, как спастись. А мне приходилось бороться с собой и думать о том, как решиться на уничтожение вашего корабля и... вас. Вы ведь понимаете, что мое предназначение заключается вовсе не в этом.

— Ну да, ну да, — торопливо подтвердил Юрганов. — Конечно. Никто из нас не создан для того чтобы уничтожать. Так, может быть, все же примем мой первый проект?

Икс покачал головой.

— Нет.

Наступило молчание; долгое молчание.

— Скажите честно: вы еще надеетесь найти выход?

Честно было бы сказать: нет, моих ресурсов оказалось маловато. Но тогда — прощай, Земля, и та девушка — тоже.

— Конечно, надеюсь, — бодро сказал он. — Как же иначе?

— Но мы ведь не можем висеть здесь без конца!

Вот это неплохо, хотя и опасно. У паука иссякло терпение; но прежде чем он решится на убийство, надо заставить его сделать еще одно предложение, на которое Юрганов согласится.

— Ну, прошло не так уж много времени...

— Для меня — много.

— Но у меня сейчас ничего нет. Если бы вы смогли найти еще какую-то возможность, я с радостью принял бы участие...

— Такая возможность есть.

Ага!

— Итак?

— Вам придется лететь со мной. На моем корабле. Я создам вам необходимые условия. И искать выход совместно с нашими учеными у нас на планете.

Ах ты, подлый... Жить среди пауков?

— А если я откажусь?

— Тогда, — медленно произнес Икс, — мне больше нечего будет ждать.

— Вы?..

— Да. Я понимаю, конечно, что это не выход. Но пока придет ваш флот, мы...

— Флот не придет, — устало сказал Юрганов. — Мы не мстим. И, наверное, ученые в конце концов найдут выход. Но если бы флот пришел, то вы не успели бы даже опомниться. Надпространство! Там иные скорости... Там мы преодолеваем громадные расстояния за ничтожно малые промежутки времени.

— Надпространство...

— Да.

— Скажите...

— Ну что там еще?

— А это излучение, без которого вы не можете обойтись...

— Ну?

— Его нельзя передавать в надпространстве?

Вот оно — то предложение! Можно или нельзя передавать излучения в надпространстве — кто знает? Надо быть астрофизиком. Но это предложение может спасти. Только не надо торопиться. Сделать вид...

— Что вы сказали?

— Я говорю...

— Ну да. Гм, надо подумать... Вы знаете, — кажется, это и в самом деле...

Может быть, и в самом деле. А может — и нет. Но лучше сейчас покривить душой, чем потом неопределенно долгое время любоваться на твой лучший облик без помощи транскоммуникатора, чем лететь вдвоем с тобой в тесном корабле!

— ...И в самом деле замечательно! Надпространство! Конечно же, надпространство! Как я не подумал?!

Юрганов постарался выразить голосом максимум радости. Это было несложно: он и в самом деле обрадовался тому, что история эта заканчивается. Конечно, лучше бы обойтись без обмана. Но раз иначе нельзя... Икс перебил его размышления:

— Значит, это подходит?

— Да конечно же!

— Это правда?

— Разумеется!

Ох, как трудно было сказать это! Лишь ради той девушки, которая ждет кого-то на Земле и еще не знает, что ждет меня. Ради девушки с большими, чуть диковатыми глазами...

— Это очень хорошо, что вы говорите правду.

— И что у вас нет необходимости меня уничтожить.

— Да. Это просто прекрасно, вы понимаете?

— И вы поможете мне расцепиться?

— Конечно!

— Ура!

— Ого, как вы экспансивны!

«Милый паучок, дорогое членистоногое! Вот теперь, если бы не транскоммуникатор, ей-богу, расцеловал бы тебя — не в буквальном смысле, конечно».

— Благодарю вас, — оказал Юрганов вслух.

— Пожалуйста. Кстати: теперь вы не возражаете против совместного ужина? Ведь нет никаких причин...

Опять он за свое!

Юрганов даже разозлился. Потрясающее качество у этого Икса: несколькими словами может окончательно испортить и без того не самое чудесное настроение.

— Благодарю, — сказал он как можно елейнее. — Конечно, я испытываю к вам самые теплые чувства...

— Я знаю, — сказал ТК.

— Конечно, конечно. Но, знаете ли, я привык к стряпне моего автомата. А ваш...

— Я обхожусь без автомата.

— И вам это нравится?

— Нет, — транскоммуникатор очень искусно показал глубокий вздох собеседника. — Мне надоело. Но ничего не поделаешь.

«Воображаю, как у вас готовят. Слизь какую-ни-

будь».

— Тем более: зачем же доставлять вам неприятности? И к тому же у нас принято сначала завершить дела, а потом...

— Как видно, — сказал Икс, — кое в чем я ошибаюсь. И вообще, население вашей планеты отличается многими странностями.

«Ну, это как сказать», — подумал Юрганов, но промолчал.

— Хорошо. Куда мне пристать?

— К гравигену. И покрепче...

— Не беспокойтесь. Но все же ужин за вами.

Покриви душой еще раз. Однажды начав, это все легче проделывать.

— Конечно, — сказал Юрганов. — За мной.

11

Утонув в противоперегрузочном кресле центрального поста, Юрганов зажмурил глаза. Сам того не замечая, он улыбался счастливой улыбкой. Вот сейчас все и произойдет.

Только что видеоустройства показали ему, как «Скачущий паук», развернувшись, тихо тронулся с места. Далеко за кормой «Оберона» он развернулся еще раз и медленно приблизился к кораблю со стороны гравигена. Магнитные присоски прижались к поверхности громадного шара. Тогда Юрганов, как было условлено, замигал кормовым прожектором.

Сейчас начнется...

Юрганов ощутил слабый толчок. Какое это счастье: трогаться в путь...

Он следил за приборами, но и без них чувствовал, как нарастает перегрузка.

Еще, еще...

Минуты текли. Ну, кажется, достигнута достаточная скорость. Теперь начнется резкое торможение...

Юрганов снова зажмурился.

Слабый толчок. И все. «Оберон» шел ровным ходом.

Неужели готово?

Сорвавшись с места, Юрганов подскочил к заднему экрану.

Он увидел конус двигателя. А за ним...

За ним — ничего.

Нет этого громадного, надоевшего шара гравигена.

Нет! Нет!

Можно включать двигатель.

Юрганов поискал глазами «Скачущего паука». Далеко остался тормозящийся кораблик Икс.

Пусть бы он и оставался там. А мы теперь — домой.

Не то, чего доброго, и впрямь придется ужинать с его обитателем?

Юрганов уже положил было ладонь на стартер. Затем со вздохом взялся за реверс.

Ужин не ужин, а попрощаться все же надо.

Он выбрал рычаг реверса и лишь тогда включил двигатель, с удовольствием ощутив всем телом легкое содрогание корабля. Свой ход! Это вам не что-нибудь!

«Оберон» затормаживался. «Скачущий паук» на экране стал увеличиваться; он догонял, через полчаса их скорости уравнились.

Стоя у экрана, Юрганов без прежнего отвращения увидел, как пухлое, восьминое тело отделилось от кораблика и направилось к открытому люку «Оберона». Это — в последний раз. Ничего не поделаешь — проявим галактическую вежливость. Он все-таки неплохой парень. А, мыслительный аппарат, кстати, у них, кажется, не хуже нашего. И они найдут свое место среди Объединенных Человечеств.

Ага: загорелся индикатор. Ну, пойдем в приемную.

Лицо Икса на экране выглядело оживленно. Ну как же: он выполнил не такую уж простую операцию. И помог человеку — а это ведь куда приятнее, чем уничтожать.

Надо только быть посдержаннее с ним. И — никаких контактов. Не надо разочаровывать Икса: пусть уж он до конца думает, что и ты такой же.

— Я благодарю вас, — сказал Юрганов. — Благодарю от всего сердца. Да что говорить...

— Я очень рад, — перевел транскоммуникатор в ответ.

— Надеюсь, дружбе наших цивилизаций положено хорошее начало.

— Да...

Он как будто ждет чего-то.

— К сожалению, — сказал Юрганов, — оказалось, что я несколько отвык от перегрузок. Сейчас я не очень хорошо себя чувствую. Поэтому...

— Что с вами?

Ого, как он встревожился!

— Ничего страшного, но...

— Разрешите, я посмотрю!

— Нет, нет, что вы!

Но ручка двери, соединявшей обе половины приемной, задергалась. Какое счастье, что она заперта!

— Откройте же!

— Она... э... не открывается. Заблокирована.

— Ах... — это был вздох досады. — Да неужели вы не понимаете, что бояться нечего!

Юрганов улыбнулся про себя, потом нахмурился. Пора кончать.

— Так или иначе... мне надо торопиться. Еще раз благодарю вас, но на моей базе, наверное, начинают беспокоиться.

Изображение Икса снова появилось на экране: значит, он отодвинулся от двери. Транскоммуникатор показал грустное лицо и опущенные глаза.

— Что ж, прощайте, — сказал Икс.

Затем индикатор погас. Тогда Юрганов медленно нажал кнопку закрытия люка. Нелепая восьминогая фигура удалялась на третьем экране. Юрганов сочувственно смотрел ей вслед.

Вот и все. Но грустно немного. Хитрая машина — транскоммуникатор. Заставляет сдружиться с кем угодно.

Но он меня выручил, ТК.

Пусть отдыхает: заслужил.

Юрганов затворил за собой дверь приемной и неторопливо прошагал в центральный пост.

Подумать только: вскоре он увидит людей! Настоящих людей! Бывает же на свете такое счастье...

Заезды он так и не зажег.

Но это вовсе не означает, что он не умеет обращаться со звездами. Не эта, но другая звезда ждет его на Земле.

Что же: дорога к звездам нелегка. И тогда, когда звезда — женщина.

Но к чему медлить?

Локаторы? Есть. Экраны видео? Есть.

Где паучий крейсер? Все еще висит в сторонке. Видно, хочет потом расправиться с гравигеном. Тем лучше: я тронусь первым.

Смотри, восьминогий дружище! Нет, ты все-таки хороший парень. Того и гляди, на свадьбу приглашу!

Юрганов нажал на клавишу. Стрелки приборов взметнулись, показывая, как растет напряжение поля. Затем просигнализировали, что директор готов.

Ну, тронулись?

Юрганов дал ход. И почувствовал, как кресло мягко прижимается к спине.

Тронулись. К Земле. К островам. К девушке. Высокой, с чуть диковатыми и решительными глазами.

12

Высокая девушка с чуть диковатыми и решительными глазами, сидя на краешке кресла, подперев подбородок ладонями, проводила взглядом стремительно уменьшающийся «Оберон». Потом, глубоко вздохнув, она оглядела тесноватую рубку: все ли в порядке?

Взгляд ее с досадой остановился на висевшем в углу одеянии. В этом полете — одни невезения: за день до того, как она издалека увидела неизвестный корабль, нарушилась герметизация скафандра. Исправить не было времени, и для выхода в пространство пришлось пользоваться неуклюжей ремонтной гондолой. В набитой механизмами кабине поместиться было очень трудно, а восемь манипуляторов, очень полезных при обследовании рефлектора, сейчас не только не помогали, а, напротив, мешали. Недаром она даже упала при первом посещении чужого корабля.

Но это, конечно, не главная неудача.

Впрочем, сейчас уже не стоит об этом. Пора уходить своей дорогой.

Девушка опустила пальцы на клавиатуру управления фотонным двигателем.

Круглый корпус, от которого отходили восемь ферм, поддерживавших рефлектор, двинулся вперед и заскользил все быстрее.

Усевшись поудобнее, девушка пожала плечами.

Жаль. Это был как раз такой человек, какого она, кажется, ждала. Но на своей планете пока не встретила.

Такой, хотя, по правде говоря, странный. Он чего-то боялся. Так и не решился ни сам пригласить ее, ни принять приглашение.

На какое-то время мысли ее приняли иное направление: надо поточнее пристать к оставленному гравигену. Будет работа ученым на планете...

...Да, много страшного. Например, он явно полагал, что его цивилизация во всем выше, раз у нее больше кораблей, и корабли эти мощнее.

А если это не так?

Странно, что он ни разу не воспользовался прямой связью. Сама она переходила на прямую связь неоднократно. В первый раз она сделала это сразу же, как только увидела его корабль в центре Облака. Не может быть, чтобы он не принял ее сигнала, чтобы не увидел ее как бы рядом с собой. Ведь он и вправду очень похож на жителей ее планеты, каждому из которых прямая связь давно доступна.

Да и позже он ни разу не взглянул прямо на нее. Разговаривая при помощи своего электронного переводчика, он почему-то смотрел не на нее, а на экран. А экран показывал, в общем, плохо: человек с Земли на экране был не очень похож сам на себя. И к тому же был одет точно так же, как она сама.

А ведь через разделяющую их металлическую переборку она отлично видела, что он одет иначе, да и сам — совсем другой. Лучше и... вообще.

Но он так и не решился. Трудно ведь предположить, что он ее не видел: металл, как известно, прозрачен.

Хотя у нее все время было ощущение, что она ему нравится. И очень. А ощущения не обманывают...

Ага, присоединились к этому шару. Теперь осторожно — домой.

Включив противоперегрузочную систему, девушка пустила двигатель. Шкала гамма-реактора засветилась желтым, потом сменила розовый, красный цвета и, наконец, приобрела нужный оттенок. Пора.

«Скачущий паук» рванулся по прямой.

Конечно, жаль. Но, может быть, жалеть не стоит? Ведь он не был искренним. Говорил, что их много, хотя даже не вышел из помещения для «совещания с друзьями». И когда она нашла наконец выход из положения, человек вовсе не был рад настолько, как хотел показать.

Она-то видела...

А ей так хотелось, чтобы все кончилось хорошо... И она уже приготовила лучший наряд.

Прилетит ли он еще когда-нибудь? Или ей придется искать его в чужом мире?

Станные все-таки люди живут на Земле!

ПЕЩЕРА МНОГОНОГОВ

1

Берег был пологим, а песок таким мелким, что нога тонула в нем по щиколотку.

Инна шла, высоко поднимая ноги. Рука женщины с зажатым полотенцем делала широкие, ритмичные взмахи, и так же ритмично каждому взмаху отвечал едва уловимый порыв ветра.

— Здесь подошли бы лыжи, — со вздохом проговорил Валерий.

Он шагал, глядя себе под ноги, заложив руки за спину. Легкий хруст радужных ракушек под его ступнями перемежался редким шипением волн, наползавших на песок и уходивших назад стеклянными струйками. Больше ничто не нарушало тишины, ничто не говорило о времени. Только однажды на горизонте сверкнула и исчезла полоска. Полдневный экспресс, а может быть, и просто обман зрения.

Инна перестала размахивать полотенцем, намочила его в воде и накинула на голову. Концы полотенца упали ей на грудь. Тяжелые капли ползли по груди, срывались и падали, отмечая путь женщины быстро высыхавшим пунктиром. Солнце стояло высоко; даже вода казалась сухой.

— Погоди, — сказала Инна. — Ты не договорил...

— А стоит ли? В общем, тогда я понял, что никто другой в этом не разберется. А ведь все висело на волоске; представляешь — главный ствол шахты начал уже продавливаться. Нагрузка извне была такой, что... хотя этого словами не передашь.

— И ты разобрался?

Он шевельнул широкими, покатыми плечами.

— Иначе меня бы здесь не оказалось. И это было
622 бы печально, а?

Инна кивнула и сильнее взмахнула полотенцем.

— Не окажись я в тот миг поблизости, сегодня многие другие не пребывали бы в живых. Вся смена. Ладно, хватит об этом.

Он остановился и наклонился, его глаза оказались на одном уровне с глазами Инны. Она не отвернулась. Капли воды с полотенца, падая в одну точку, успели выдолбить ямку, когда оно упало и Инна нагнулась за ним.

— Пойдем, — сказала она. — Еще далеко.

— Ну и что? — Валерий стоял, загораживая дорогу и держа Инну за плечи. — И так ясно, что все это хождение — впустую. Да еще в такую жару. А там, за дюнами, наверняка найдется местечко с тенью.

— Но если впустую, почему ты вызвался в этот патруль?

— Потому что пошла ты, конечно. Разве непонятно?

— Пойдем, — сказала она. — Лучше расскажи еще что-нибудь. Я никогда не была в недрах. Кстати, что же там оказалось? Почему росла температура?

— Забарахлили охладители, — с досадой проговорил Валерий. — А когда спохватились, — лезть к ним стало уже опасно:

— А отчего...

— Я уж не помню как следует. Что-то там было. Своевременно не провели контроль.

— Но тот, кто занимался охладителями...

— Да ну его совсем, — сказал Валерий, — Так или иначе, я там все наладил.

— Ты молодец.

— Ну, чего там... Хотя, по правде говоря, это было непросто. Не знаю, кто из ваших ребят смог бы... Эдик, например, никогда...

Инна промолчала.

— Конечно, он не решился бы, — повторил Валерий.

— Не надо. Он и так при тебе ни слова не говорит.

— Потому что я таких вижу насквозь. Вот ты с ним плаваешь давно. Сделал ли он когда-нибудь нечто выдающееся?

— Нет, — сказала Инна. — Правда, случая не было. Наша лодка всегда исправна.

— Кто хочет — найдет случай. Особенно если рядом такая... ты.

— Слушай... — Она поискала другую тему. — А почему ты ушел оттуда?

— Надоело, — быстро ответил Валерий. — Хочется увидеть побольше. Из недр Земли — в глубину океана... Слушай, дальше я не пойду. Остановимся. Что толку — плестись вот так? Я думаю, люди уже очень давно не получали такого бестолкового задания. Вся береговая линия пуста — это видно даже отсюда.

— Мукбаниани не стал бы просить обследования, не будь он абсолютно уверен.

— Старик Автандил просто фантазер, — пробормотал Валерий. — В свободное время он, чего доброго, пишет стихи.

Это прозвучало как серьезное обвинение. Инна вздохнула.

— Значит, по-твоему, ничего не было?

— Автандил — теоретик. Поэтому он еще верит в чудеса. А нам из-за него приходится идти пешком. Как будто океанистам больше нечего делать.

— Кстати, ты проверил механизмы барокамеры?

— В порядке... Бродить по побережью, как будто в такую жару хоть одно живое существо высунет нос из воды, — ворчливо сказал Валерий. — Вот уж действительно — дело от безделья. Почему — мы? Пусть бы бродил сам Мукбаниани. Я уверен, что он и такую вот высушенную пакость принял бы за агрессивного обитателя глубин!

Он выпятил подбородок в сторону валявшегося на берегу возле самой кромки прибоя сухого комка: это был то ли клубок водорослей, то ли останки живого существа, выброшенные приливом и отданные океаном на жестокую милость солнца, то ли пустой мешок смыло с чьей-то палубы где-нибудь за сотни миль от берега и долго и медленно несло сюда.

— Старик жаждет открытий. Мы можем взять этот мусор и принести в отряд как единственный подозрительный объект, замеченный на нашем участке побережья.

Он громко засмеялся.

— Отдохнуть как следует, а потом взять и принести в отряд. Пусть отошлют ему...

— Автандил обидится. Он добрый старик, но обидчивый. И все равно, нам не донести, рассыплется.

— А мы возьмем поосторожнее.

Валерий наклонился над клубком. Подвел под него ладони, захватывая снизу.

— Обнять вот так, и...

Солнце было невыносимо ярким, но на миг оно, казалось, потемнело — так сверкнула внезапная мол-

ния. Треск был громок и сух. Валерий рухнул на песок, не сгибаясь, и берег, как почудилось Инне, ответил глухим стоном. Внезапно расправившийся ком уже качался на волне в двух шагах от берега, бахрома по краям его мерцала в непрерывном движении, постепенно наливаясь всеми цветами радуги. Два круглых глаза, вывернувшись из слизистых складок, пристально, с высокомерным блеском, смотрели на поверженного человека.

Порыв ветерка унес запах озона. Только тогда оцепеневшая Инна упала на колени подле Валерия. Она повернула его лицом вверх, прижалась ухом к широкой груди. Там царила могильная тишина, глаза смотрели на солнце и не принимали света. Согнутая нога медленно распрямилась, но это было уже не движением человека, а просто остаточным явлением, проявлением законов природы. Два круглых глаза покачивались на волне, их немигающий взгляд был бесстрастен.

Дрожащими пальцами Инна высвободила прижатую телом Валерия капсулу устройства связи. Она нажала кнопку вызова, но индикатор не вспыхнул. Закусив губу, Инна повернула капсулу в пальцах, потом овальная коробочка упала на песок рядом с Валерием. Это устройство никогда больше не примет и не передаст ни одного сигнала.

Тогда женщина с огромным усилием подняла бездыханное тело. Изогнувшись немыслимым образом, взвалила на спину. Самым трудным был первый шаг. Короткая двойная тень бежала перед Инной: блески раскаленного песка, как крохотные светила, затмевались при ее приближении и снова вспыхивали за спиной. Изнемогая от тяжести ноши, Инна шла и шла. Лишь когда она упала на колени, тело пришлось опустить на песок. Сделав это, женщина поднялась и, глубоко дыша, взглянула вперед.

Еще несколько километров надо было идти по пустынно-му берегу этого заповедного района до места, где, скрытая прозрачным непроницаемым куполом, находилась автоматическая сигнальная станция Службы океана. Инна поняла, что с тяжелым грузом она затратит на этот путь долгие часы, потому что придется часто отдыхать. Она прикоснулась к руке лежащего — для этого пришлось сделать усилие. Рука была теплой; это могло быть потому, что все вокруг было теплым и даже горячим, но, может быть, в этой теплоте крылась еще надежда на спасение. Только с каждой минутой надежда будет уменьшаться.

Инна оттащила тело от воды и оставила лежать, накиннув на голову и грудь смоченные полотенца. Потом внимательно осмотрелась, чтобы позже безошибочно узнать это место. Темная вода указывала, что сразу за берегом начинается глубина. Океан здесь вдавался в сушу небольшой, узкой бухточкой. Лодка сможет подойти вплотную.

Убедившись в этом Инна, напрягая все силы, побежала. Длинные, стройные ноги ее едва прикасались к песку, голова была запрокинута, глаза полузакрыты. Добраться до связи — вызвать товарищей на помощь — дать им пеленг...

Стремительный бег уводил ее все дальше и дальше. В бухте воцарился покой. Полузакрытое полотенцами, неподвижно лежало тело. Подгоняемый слабыми порывами ветерка песок медленно засыпал ямки следов. Океан был чист до самого горизонта.

2

Покой нарушился только через полчаса.

Сначала могло показаться, что одна из волн, по-прежнему медленно накатывавшихся на берег, украсилась необычным, четких очертаний гребнем. Он быстро вырос; затем обогнал волну в ее неторопливом беге к границе материка. За серебристым куполом из воды показалась покатая палуба. Легкий мостик протянулся и лег на берег, воткнувшись блестящими остриями в плотный у самой кромки прибоя песок.

Четверо сбежали по нему на сушу. Инна была среди них. Она сделала несколько шагов вперед, потом остановилась, растерянно оглядываясь.

— Это было здесь... — пробормотала она.

Это было здесь. Полотенца валялись на песке, они успели высохнуть. Больше не было ничего. И никого.

— Ищите следы, — сказал один из прибывших.

— Бесполезно, — откликнулся другой. — На этом песке следы исчезают через пять минут.

— Если он и очнулся, то не мог уйти далеко.

— Да, за полчаса... Он бы оставался еще в поле зрения. Укрыться здесь негде.

— Он мог упасть, — с трудом сказала Инна. — Где-нибудь в полукилометре. Тогда отсюда его не заметить.

— Ты говорила, что пульса не было?

— Нет.

— Как знать, мог и быть, очень редкий. Ты проверяла дыхание?

Она отрицательно покачала головой.

— Так что возможно все.

— Погодите. Ни один океанист, имея фильтр, не станет уходить по суше.

— Да, если он в сознании...

— Все равно. Это у нас уже инстинкт.

— Итак?..

— Сделаем круг на средней глубине. Там мы можем наткнуться на след. Все на борт!

— Это ужасно, — сказала Инна. — Ужасно...

Она повернулась и, волоча ноги по песку, направилась к трапу. Грудь ее порывисто вздрагивала, голова бессильно поникла. Двое шли за ней. Последний еще раз внимательно оглядел побережье. Потом и он скрылся в куполе, люк бесшумно захлопнулся за ним. Трал втянулся внутрь. Купол дрогнул и начал стремительно погружаться. Там, где он исчез, еще с полминуты держался небольшой водоворот, но море быстро осилило его и стерло последний след пребывания людей.

А они были уже на большой глубине. Привычно откинувшись в креслах, люди чувствовали, как убегает из-под ног палуба. Стены купола внезапно обрели прозрачность. Снаружи неспешно мерк свет солнца, временами мимо проносились длинные тела рыб.

Четверо сидели неподвижно, пятый, не покидавший подводной лодки, медленно передвигал головку рулевого управления. Лодка проваливалась в глубину, и все смотрели в глубь воды, чтобы не останавливать взгляда на шестом, опустевшем кресле. Однако временами то один, то другой произвольно поворачивал голову, словно надеясь, что место это вдруг окажется занятым.

— Ну, допустим, моллюск, — как будто продолжая прерванный разговор, внезапно промолвил юноша, сидевший рядом с Инной. — Пусть даже электрический моллюск. Впрочем, науке такие неизвестны... Но даже существуй подобный — он не нападал бы на суше. Если моллюсков выкидывает океан, они гибнут. Ты говоришь, это был электрический разряд?

— Да... — с трудом выдохнула Инна.

— Как ты полагаешь, это была оборона или нападение?

Это спросил сидевший справа. Он медленно провел ладонью по коротким ртутно-серым от седины волосам. — Пройдем вдоль берега, Эдик. Где-то здесь он должен был оставить свой след.

— Да, если он действительно нырнул.

— Если нет, его найдут аграпланы. Сейчас они, пожалуй, уже приступили к поиску. Медленно, на малой высоте пройдут надо всем побережьем. Так что ты думаешь?

— Не активное нападение, — сказала Инна. — Но защита? Валерий долго стоял около этого... При желании, тот мог бы скрыться. Хотя бы двинуться... Но он лежал неподвижно...

— Как в засаде... — задумчиво произнес седоволосый. — И он не уступил места человеку. Все живое уступает, а он не уступил.

— Это открытие, — сказал юноша. — Важнейшее открытие! Замечательная находка!

— Замечательной находкой будет сам Валерий, — сказал Седой.

— Но до сих пор след не обнаружен... — вступил в разговор четвертый.

— Испариться он не мог, Сандро, — раздраженно сказал Седой. — Будь тело на берегу, нам бы уже сообщили. Значит, Валерий где-то здесь. Океанист утонуть не может. Раз уж он добрался до воды...

Седой умолк, щека его чуть вздулась — это командир привычно нащупал языком небольшую припухлость в том месте, где была вшита под кожу капсула с катализатором. Это устройство помогало океанистам дышать под водой: растворенный в ней кислород в присутствии катализатора выделялся очень интенсивно. Если избегать значительных усилий, можно было находиться в воде долгое время без всяких дыхательных аппаратов.

— Вообще-то, — сказал юноша, — он виноват сам. Контактиться с неопознанными объектами запрещено. Если бы он не нарушил правила...

— Георг! — с укором прервал его Седой.

— Что? Пусть она его любит, но я-то — нет.

— Знаешь, — сказал Сандро. — Сейчас не надо.

— Прости его, Инна, — Седой коснулся ее плеча. — Дети беспощадны...

— Намного она старше! — обиженно буркнул Георг.

— Ничего, Инна, — сказал Сандро. — Найдем, спасем...

— Будь он на вашем месте, — звонко сказала Инна, — он уже нашел бы. И не разговаривал бы столько!

— Мы на заданной глубине, — негромко прервал ее Эдик, управлявший лодкой.

— Опишем поисковую циркуляцию.

Под ногами загудело. Рыбы стремительно разлетались с пути вытянутой, увенчанной куполом лодки. Из динамиков ультразвукового приема понеслись чирикание, визг, хриплые вздохи. Георг торопливо вытащил пластмассовую тетрадку для заметок, потянулся к магнитофону, но Седой, сморщившись, выключил ультразвуковой преобразователь.

— Не время... Всем следить за своими направлениями. Смотреть зорко: очень далеко уйти он не мог.

— Конечно, хвалиться он мастер, — проговорил Сандро.

— Так я ему и скажу.

— Хорошо бы, Сандро... — про себя пробормотал Седой.

— Если сможешь... Как привыкли вы быть царями природы, ваши величества. Вы так и не поняли еще, что такое — агрессивные обитатели...

Он проворчал все это едва слышно, потому что его слова никому, кроме него самого, пока что не предназначались: сейчас надо было заниматься поисками, а не оплакивать возможную потерю. Пока всех волновала не тяжесть, а лишь необычность происшедшего.

Лодка шла, описывая широкую окружность на заданной глубине. Седой не следил за приборами: в этом отношении он полагался на Эдика даже больше, чем на самого себя. Непрерывно, слегка поворачивая голову влево и вправо, он старался глубже проникнуть взглядом в зеленоватые пласты воды, чтобы не пропустить того момента, когда, где-нибудь в пределах видимости промелькнет вытянутая, напоминающая морского обитателя и в то же время отличающаяся от любого морежителя фигура плывущего под водой океаниста. Отличающаяся потому, что кислород, извлеченный для дыхания из морской воды, при выдохе устремлялся вверх, к поверхности, целой гроздью пузырьков, и это было свойственно только человеку, и никому другому. Эти пузырьки и следовало искать взглядом, в то время как приборы тоже искали человека, но совершенно по иному принципу. Такой двойной поиск мог...

Седой вздрогнул, и точно так же вздрогнули все остальные, за исключением, пожалуй, Эдика, глаза которого сразу устремились в левый верхний угол приборной дос-

ки, где находилась шкала искателя запахов. Туда же, только на долю секунды позже, повернулись головы его товарищей.

— Человек, — ровным голосом проговорил Эдик.

— Моторы стоп! — скомандовал Седой почти одновременно. — Включи идентификатор.

— Уже, — буркнул Эдик.

— Ах, как меня умиляет твое спокойствие, — тихо и зло сказала Инна.

Седой покосился на нее.

— Георг, его шифр...

Юноша, нагнувшись, выдвинул один из стенных ящичков, занимавших почти всю переборку. Торопливо вынул какую-то из заполнявших его тонких пластинок, вставил в узкую прорезь аппарата, находившегося возле кресла. Сидевший с краю Сандро — невысокий, широкоплечий, весь в буграх мускулов — завертел рукоятками настройки идентификатора. На экране вспыхнула широкая белая полоса, вздымавшаяся острым пиком по самой середине экрана. Сандро медленно поворачивал верньер. На экране возникла вторая полоса — зеленая, которая в одном месте тоже устремлялась вверх высоким всплеском. Полоса поползла в сторону белой, совместилась с ней, сузилась и замерла.

— Это он, — сказал Сандро облегченно.

— Да, левая часть его спектра запахов, — кивнул Седой, глядя на экран. — Эдик, возьми направление поточнее...

Но лодка уже Медленно поворачивалась вокруг вертикальной оси. Полосы на экране задвигались, то удаляясь от центра экрана, то вновь приближаясь к нему. Наконец они, чуть подрагивая, замерли. Одновременно длинная стрелка искателя курса, переключенная Эдиком с гироскопа на установку по запаху, совпали с неподвижной прорезью. Лодка стояла на курсе.

— По следу — полный! — скомандовал Седой.

Вода за кормой помутнела, вверх рванулись большие, торопливые пузыри. Подводный разведчик стремительно набирал ход. Эдик не отводил взгляда от указателя курса, иногда чуть заметным движением поворачивал рукоятку и дернувшаяся было стрелка опять успокаивалась.

— Он шел спиралями в глубину. Я не знаю... — Инна зябко повела плечами. — У меня все время такое впечатление, что мы гонимся за мертвым. Ведь все-таки не было пульса, не было ничего...

— Недавно и я боялся того же, — сказал Седой. — Теперь — нет. Теперь ясно, что он жив.

Инна на миг прильнула головой к плечу Седого.

— Но почему он терял время, опускаясь по спирали?

— Единственная причина: он еще не окончательно пришел в себя. Он вошел в воду и нырнул инстинктивно, как я и предполагал.

— Интересно, — сказал Сандро. — К его запаху примешиваются какие-то помехи.

— Да... — медленно протянул Седой. — Попробуйте определить, кому они могут принадлежать, эти запахи...

Георг снова выдвинул ящичек с пластинками, на которых были запечатлены спектры запахов обитателей океана. Поглядывая на экран, перебрал несколько карточек. Наконец вытащил одну.

— Попробуем эту.

Он вложил пластинку во второй аппарат. С досадой мотнул головой.

— Не то...

Он перебрал еще несколько пластинок, и с каждой попыткой установить владельца запаха, выражение досады все сильнее проступало на лице юноши. Наконец он виновато взглянул на Седого.

— Что-то не могу.

— Это не делает тебе чести, — сухо сказал Седой.

— У нас нет таких карт.

— Насколько мне известно, у нас есть все карты.

— Все, нам известные, — как бы про себя заметил Эдик, не отрывая взгляда от приборов.

— Ты думаешь? Пожалуй, да... — озадаченно проговорил Седой. — Но тогда... Тогда это может означать, что запах принадлежит этому — агрессивному?..

— Валерий гонится за ним, вот что это значит! — воскликнул Сандро. — Это все объясняет, и спуск по спирали тоже. Это погоня, понял?

— Тогда — быстро вниз! — скомандовал Седой.

Под палубой взвыли компрессоры цистерн. Круто опуская нос, лодка стремглав рванулась в глубину. Не успевшие очистить дорогу рыбы стукнулись о прозрачную стену купола, отлетали в сторону и исчезали за кормой, подхваченные стремительным течением.

Потом на миг перегрузка, подобная космической, вдавила людей в кресла. Лодка выпрямилась, встала на ровный киль, и Эдик выключил двигатели.

— Мы его опередили, — сказал он. — Запахов нет.

— Всплывать помалу, — приказал Седой.

Лодка двинулась вверх едва ощутимо. Казалось она все не поднимается, а неподвижно стоит в могучей толще моря, вросла, словно вмерзла в нее, и никогда уже прозрачный купол не покажется над вечно колеблющейся и рассыпающей солнечные блики поверхностью. Чудилось, что лодка стоит, и только разноцветные и разнообразные, утонченно-нервные или словно погружившиеся в созерцание рыбы медленно, не шевеля ни единым плавником, опускаются вниз, все глубже погружаясь в свой, гораздо более ощутимый, чем на суше, и привольный даже на взгляд мир. На самом же деле обитатели океана стояли на месте, и лишь лодка с прозрачным куполом, под которым сидели пятеро представителей другого дыхания, неторопливо, словно нехотя, поднималась все выше, в пронизанные светом и беспокойством слои жидкого монолита. Глубомер пощелкивал лениво и ритмично, как настроенный на замедленный темп метроном. Седой, перегнувшись, включил ультразвуковой преобразователь, и отзвуки во многом еще непонятной, но устойчивой и прочной жизни океана ворвались в тишину купола и заматались в тесном пространстве, отражаясь от прозрачных стен и гася возникшее, как обычно во время медленного движения под водой, представление об идиллической безмятежности этого мира.

Медленно скользя в толще воды, трудно было поверить, что здесь, в нескольких сотнях метров, человек преследует какое-то не только загадочное, но и опасное, агрессивное существо, и преследование это — вовсе не игра, как бывало, а возможно, лишь продолжение схватки, которая началась еще там, на поверхности. Тем труднее было примириться с ленивым движением корабля.

— Почему так медленно, Эдик? — резко спросила Инна. — Проснись!

Рулевой пожал плечами.

— Иначе потеряем след, — невозмутимо ответил он.

— Спокойно, спокойно, — пробормотал Седой, вглядываясь в воду за переборкой. Затем он перевел глаза на приборный щит. — Двоим подготовиться к выходу.

Он не взглянул ни на кого, словно не желая использовать право начальника назначать людей. Коренастый Сандро и юношески стройный Георг вскочили, но Инна опередила их.

— Я пойду, — сказала она. Тон ее не допускал и мысли о возражениях. Седой все так же, не глядя, кивнул.

— И Сандро. Сразу же в барокамеру. Иначе как вдвоем его не убедишь отложить это преследование.

Юноша вновь уселся в кресло, обиженно сдвинул брови, но не сказал ни слова, потому что и сам понимал преимущества гораздо более опытной Инны.

— Итак, отложить? — спросила Инна.

— Конечно. Район обитания нам теперь ясен, а Валерия надо везти на базу, в отряд. Уверен, что медики ждут его с нетерпением. Так что хватайте его и тащите в лодку...

Инна и Сандро исчезли в люке. Им предстояло сейчас войти в тесную барокамеру, где давление, постоянно повышаясь, будет доведено до забортного. Только тогда они могут выйти в воду на этой глубине. Трое в куполе продолжали внимательно всматриваться в воду.

В многоэтажном мире океана царил покой, рыбы словно грелись в солнечных, еще доходивших сюда лучах. И только одна длинная, там, наверху, вдруг неожиданно сорвалась с места, неуловимым движением взмахнула плавниками и распыленным хвостом и, мимолетно сверкнув, исчезла. Это было, как знакомая с детства цепная реакция: в следующий миг в стороны бросились еще три, за ними — еще и еще, и поле зрения в мгновение ока совершенно очистилось, а ультразвуковой шум, на миг усилившийся и заполнивший кабину до отказа, прекратился. Одновременно раздалась трель искателя запахов, и его экранчик затеплился бледным светом. Седой удовлетворенно кивнул, но внезапно лицо его вытянулось, пальцы обхватили подлокотники кресла, брови сдвинулись у переносицы.

— Стоп! — проговорил он. — Это что-то не то...

И еще через мгновение:

— Кажется, Автандил сам не знает, насколько он прав...

3

Уравновешенная лодка застыла без движения. Три головы были задраны вверх, три пары глаз всматривались через прозрачный потолок в еще не совсем ясную картину.

Несколько продолговатых теней скользило наверху. Они опускались по пологой линии, и корабль нахо-

дился сейчас на ее продолжении. Было еще трудно рассмотреть плывущих, опознать их или хотя бы понять, к какому же классу живых существ они относятся. Но рыбы знали эти воды лучше людей, и раз уж они так торопливо покинули обжитое пространство, очевидно, у них были причины.

— Сколько же их? — едва слышно, словно боясь спугнуть, произнес Седой. — Одна, две, три... Больше четырех, во всяком случае.

— Неужели Валерий преследует всю группу? — прошептал Георг.

— Если только он преследует... — хмуро пробормотал Седой. — Эдик, прожектор на изготовку! Думаю, здесь будет очень серьезный разговор — и вовсе не с Валерием...

Секунды текли лениво, и на миг сидящим в рубке даже почудилось, что неизвестные существа совсем остановились в своем подводном полете и совещаются, заметив на пути темную и неподвижную массу корабля. На самом же деле они плыли, но было обстоятельство, заставлявшее их не торопиться... Теперь уже можно стало разглядеть продолговатые тела, а полуминутой позже возможно разобрать, что одно из этих тел было как бы двойным — две фигуры, соединенные чем-то вроде длинной и тонкой связки или буксира. Оно-то, наверное, и двигалось медленнее всех, а остальные не старались обогнать его. Наоборот, они держались небольшим отрядом.

Наконец пловцы приблизились настолько, что уже никак не могли не заметить корабль. И в тот миг, когда продолговатые тела, чуть изогнувшись, изменили направление, чтобы обойти неожиданное препятствие на безопасном (как, наверное, подсказывал им инстинкт) расстоянии, Эдик мягким движением замкнул контакт прожектора.

Длинное огненное копье вырвалось из рефлектора, ударило в группу плывущих, и задрожало, словно вонзившись во всех сразу. И вот морским жителям не осталось ничего другого, как дать людям рассмотреть себя и решить — что же теперь делать.

Это продолжалось доли секунды — состояние полной неподвижности, когда две группы живых существ напряженно вглядывались одна в другую, и все нервы и мышцы были натянуты до предела. Холодный свет прожектора, наверное, на миг ослепил плывущих, и они не могли сразу разглядеть изумленные лица сидящих в рубке. Зато сидящим были ясно

видны и длинные, панцирные, покрытые блестящей сли-

зью тела, и суставчатые ноги остановленных прожектором существ, и — главное — вытянутая клешня одного из них, которая крепко держала за ногу человека, не проявлявшего никаких признаков жизни... Вот, значит, каким образом погружался Валерий на глубину: не преследователем, а жертвой. Его надо было не уговаривать, а спасти. И теперь стало ясно, что это окажется нелегким.

Это стало ясно потому, что даже застигнутые неожиданным ударом света морские жители не бросили свою жертву, чтобы поторопиться в убежища (которые у них наверняка были) — туда, где нет этого нестерпимого слепящего света. Растерянность, заметная в нескольких первых судорожных движениях, владела ими очень краткое время. Затем весь отряд разом, словно по команде, бросился в сторону. Нужные мысли еще не успели прийти к Седому, а Эдик уже разворачивал лодку, чтобы не выпустить убегающих из прожекторного луча. Двигатели взревели, догоняя преследуемых, Седой все еще искал наилучший способ действий в этих неожиданных и заранее не рассчитанных обстоятельствах, а маленькая группа морезитителей повторила свой маневр снова, едва луч прожектора коснулся их, а затем — еще раз. Эдик, не дожидаясь команды, судорожно менял курс, и на какое-то время даже казалось, что ему удастся сократить расстояние между кораблем и похитителями, но они были все-таки куда подвижнее и обладали лучшей способностью маневрировать. Поэтому, несмотря на их малую скорость, догнать группу странных существ не удавалось.

Эдик искоса взглянул на Седого и снова застыл, словно вся его энергия проявлялась теперь только в крутых разворотах, бросках и остановках корабля. Но для Седого было достаточно и этого взгляда — он понял, что Эдик таким образом признает свое бессилие в борьбе с верткими противниками. Конечно, они были в зоне досягаемости оружия; но ведь с ними был человек, а кроме того — кроме того, на лодке-разведчике океанического отряда вообще не было оружия, потому что нужды в нем не возникало уже очень давно, и никто не ожидал, что настанет момент, когда оружие понадобится.

Но все же Седой в свою очередь взглянул на Эдика и кивнул, и это означало, что за несколько секунд капитан успел выработать план действий. Протянув руку, Седой тронул рулевого за плечо.

— Есть мысль... Убавь ход, и медленно — в глубину...

Не думая о смысле маневра, Эдик мгновенно выполнил команду. Людей в очередной раз качнуло в креслах, когда Эдик начал замедлять движение корабля, а Седой в этот же миг включил ультразвуковой передатчик — обычную в обиходе океанистов-разведчиков приманку. Георг торопливо вставил нужную пластинку — и прерывистое курлыкание, запись голоса раненой барракуды, прозвучало в кабине и ушло в океан.

Убегающие не могли не услышать его, и тогда должен был сработать их инстинкт, повелевающий добить раненого врага. А барракуда, несомненно, была их врагом, как и всего живого в океане; и раз лодка кричала голосом этого хищника, то, значит, она и была гигантской барракудой. На этом был основан расчет Седого, подсказанный опытом.

Расчет оправдался. Проектор погас, и в тот же миг убегавшие существа внезапно повернулись «все вдруг» и, увеличив скорость, бросились вперед, чтобы уничтожить этого непонятного, огромного, опасного преследующего их хищника.

Сближение произошло в считанные секунды. Какой-то миг странные круглые глаза, вывернувшись из слизистых складок, пристально, с высокомерным блеском, смотрели сквозь прозрачную броню купола. Потом длинные, суставчатые, как у крабов, ноги вытянулись вперед, в бессильной и напряженной ярости тыкаясь в преграду. Другие бросились на корпус лодки, пытаясь поразить ее сразу во многих местах, и это говорило о том, что у неизвестных существ были уже свои приемы в тайной борьбе даже с гораздо более крупным противником. Но корпус разведчика был рассчитан и не на такие удары, он без особого напряжения выносил придонное давление во многие сотни атмосфер, и без труда отразил первое нападение.

Все это произошло быстро, очень быстро — и, даже не дав рассмотреть себя как следует, существа опять все разом кинулись прочь, сомкнулись в плотную группу и стали уже заходить в новую атаку.

Наставало время активного контрнаступления. Седой решительно тряхнул головой и включил сигнал, служивший для связи с пловцами, которые давно уже в нетерпении топтались возле выходного люка барокамеры, ожидая своей очереди вступить в дело.

Наконец прозвучал сигнал, и створки люка медленно разошлись в стороны...

Из прозрачной рубки было видно, как две фигуры вынырнули справа из-под корабля и устремились вперед. Они казались совершенно обнаженными, на самом деле сейчас их облегали тонкие костюмы, на глазах были очки, во рту — трубки дыхательных аппаратов для высокого давления, потому что сейчас предстояло двигаться много и быстро и дышать растворенным в воде кислородом было бы слишком трудно. Тела пловцов были стянуты широкими поясами, в гнездах которых находились геологические взрывпатроны; за спиной висели трубки с шарообразным резервуаром на одном конце — реактивные двигатели, которые могли помочь не отставать полчасика даже от дельфина, как известно — одного из лучших пловцов. В этом и заключалось на сей раз все снаряжение океанистов, если не считать еще ларингофонов для связи с кораблем.

— Заходите, заходите сзади, ребята, — громко и отдельно, словно диктуя, командовал в микрофон Седой. При этом он потрясал микрофоном и даже вскочил с кресла — должно быть, командир разведывательного кораблика в молодости был не очень усидчив. — Заходите сзади, пусть они бросаются на нас, а вы ударьте в тыл и сразу же, в минуту растерянности, хватайте Валерия и тащите в барокамеру, люк мы откроем своевременно. В нужный момент мы дадим свет. Вам все ясно?

— Почти, — отозвался Сандро, и его приглушенный голос четко прозвучал в рубке. — Мы заходим сзади. Только что мы должны с ними делать?

— Уничтожать, черт побери! — вскричал Седой. — Чего же еще?

— Но ведь мы никогда этого не делали...

— А сейчас надо это делать, — сказал Седой, и в сердце его словно что-то оборвалось. — Ах вы, ребята... — И тут же он закричал в полный голос: — Отставить, не двигайтесь, оставайтесь на месте, раз не умеете, пусть они на этот раз еще атакуют...

Вторая атака подводных агрессоров тоже разбилась о непроницаемую броню корабля. Но существа, очевидно, не теряли надежды — они снова отхлынули, разлетелись, как разлетается волна, ударившись о камень, и устремились назад, чтобы собраться для очередного, третьего штурма. Это дало Седому возможность сказать пловцам еще несколько слов.

— Уничтожать, — задумчиво сказал он. — Вы меня слышите? Вас еще не было на свете, а это уже перестало быть нужным. Даже здесь... Это была нелегкая работа,

но кончилась она тем, что уже полстолетия, как никто не нападает на человека, даже самое дикое животное: превосходство человека у всех, даже у леопардов и барракуд, стало безусловным рефлексом. А у этих — нет; не зря Мукбаниани назвал их агрессивными... Вы не привыкли уничтожать кого-либо, вам никогда не приходилось заниматься этим. Завидная судьба... Но сейчас надо спасти Валерия.

— А как? — пробормотал Сандро. — У нас же нет для этого... ну, инструментов.

— Оружия? Да, но у вас в поясах — геологические взрыв-патроны. Вы должны метать патроны в этих. Вам понятно?

— Метать взрывные патроны в живых? — удивленно протянула Инна; Сандро пожал плечами с видом явного недоверия, и Седой коротко не то засмеялся, не то заплакал.

— Да понимаю я, что это кажется вам невозможным... Но ведь надо, надо... Надо спасти своего. Смерть грозит ему, понимаете — смерть...

— Но мы его не видим, — сказал Сандро.

— Как? Смотрите, вот они собираются в атаку.

— Их видим. А Валерия — нет.

— Понятно, — процедил сквозь зубы Седой. — Они нападают не все. Тот, который тащил Валерия, удрал. И, может быть, не один. Да, это уже не просто инстинкт... Хорошо. Направление вам примерно известно. Полный ход — за ними. А мы здесь еще будем отвлекать этих, чтобы они не устремились за вами.

— Все ясно, — быстро оказал Сандро, и Седому показалось, что нотка облегчения прозвучала в его голосе. — Все ясно, — повторил он. — Мы плывем...

Отсюда, из рубки, не было видно, как оба пловца, вытянувшись над своими реактивными двигателями, устремились в том направлении, в котором раньше следовали похитители Валерия. Но из рубки увидели другое: третья атака противника захлебнулась в самом начале. Устремившись вперед, странные существа вдруг круто затормозили на месте, повернулись, и в последний момент вся стая бросилась прочь.

— Заметили, — с досадой процедил Седой. — Заметили наших, пустились за ними! Нет, они не так-то глупы, эти...

— Внимание, ребята!.. — закричал он. — Внимание! Они пошли за вами. Они вас нагонят, — прибавил он, видя, какую скорость сразу же развили преследователи. — Лучше не пытайтесь уйти! Обороняйтесь! Мы идем к вам...

Неясные, слабо фосфоресцирующие создания быстро скользили в воде, удаляясь все больше. Пловцы отсюда не были видны — они не светились, а наверху солнце, очевидно, вошло в облака и сумрачный свет здесь, на глубине, почти совсем погас. Затем во тьме вспыхнули два острых, как бивни нарвалов, луча. Они метнулись в самую гущу светлых пятен, и в рубке поняли, что противники встретились.

4

Это был бой, подобного которому не приходилось видеть даже Седому, несмотря на его большой и разнообразный опыт, несмотря и на то что его жизнь под водой началась еще в те времена, когда животные нападали на людей.

...Враждебные существа вначале, как только пловцы включили свои прожекторы, словно испугавшись, рассыпались и погасли — их бледное свечение перестало быть видимым. Луч прожектора Сандро упирался теперь в пустоту, а в следующий миг пловцу показалось, что слева мгла сгущается, что там даже не столько видятся, сколько угадываются какие-то быстродвижущиеся фигуры. Он мгновенно устремился вверх, луч прожектора описал кривую, а затем яркий сноп огня выхватил из темноты неподвижные — из-за кратковременности взгляда — длинные тела, суставчатые ноги, разинутые клешни, пристальные глаза... Они оказались гораздо ближе, чем думал Сандро, и он метнулся влево — туда, где маячил тусклый опознавательный огонек лодки. Шесть теней не отставали и не приближались, остальные растворились во тьме.

— У меня их шестеро, Инна, — предостерег Сандро. — Остальные, наверное, следят за тобой. Опасайся нападения...

— Поняла. — Голос звучал глухо, словно доносился откуда-то издалека. — Что делать?

— Возвращаться! — вмешался Седой. — Возвращаться немедленно, вы слышите? Будем пытаться уничтожить их двигателями корабля. Вы слышите? Не подвергайте себя опасности, иначе, кроме Валерия...

Он не договорил, а может быть, Сандро просто перестал его слышать, потому что те шестеро снова потребовали всего внимания. Пришлось изменять курс и броситься в сторону от лодки: один разбуянившийся многоног попробовал было зайти справа. Сложное сплетение цепких ног, грозных клешней, длинных, покрытых слизью тел оказалось

вдруг совсем рядом. Холодным, колющим мерцанием засветилось целое созвездие — дюжина немигающих глаз. И вдруг странное оцепенение сковало человека. По рукам, по ногам, по всему телу заматались холодные мурашки, закололо в концах пальцев, рот раскрылся в судорожной зевоте...

Лишь это и спасло Сандро: неожиданно хлынувшая в рот, в обход дыхательной трубки, вода заставила океаниста опомниться, нажать стартер реактивной трубки и сразу же оставить холодные глаза далеко позади.

Правда, ненадолго: преследователи увеличили скорость, и расстояние вновь начало сокращаться. Из купола лодки было видно, как метался из стороны в сторону луч прожектора, как шесть снова засветившихся пятен то тесно окружали источник яркого света, то снова, растянувшись в цепочку, пускались преследовать его, и тогда свечение становилось едва заметным. Но даже в эти минуты бросались в глаза равные интервалы между неизвестными обитателями моря, и четкие, почти одновременные движения, и во всем этом угадывался даже замысел, стоявший, пожалуй, на уровне волчьей тактики: они отгоняли человека все дальше и дальше от места, где началась эта схватка, и все ближе к берегу, к обрывистому подводному основанию материка, где человеку было бы уже некуда отступать и волей-неволей пришлось бы принять явно неравный бой.

Седой океанист не отрываясь смотрел на суматошную пляску огоньков. Он уже устал хрипеть в микрофон: «Немедленно патроны... Поймите, это же неизвестные... Они нападают на людей, нападают...» Он отлично понимал, что его первоначальный план — поставить многоногов между двух огней и уничтожить — провалился, и лихорадочно искал выхода из положения, продумывая и отбрасывая один вариант за другим, и в то же время невольно вслушиваясь в торопливое дыхание Сандро, доносившееся из динамика, даже чувствуя это дыхание на своей шее, потому что Георг давно уже покинул кресло и навис над командиром, судорожно стискивая его плечо.

— Я пойду, да? Я пойду... — непрерывно повторял юноша. — Слушайте, командир, они же вдвоем не справятся! Пустите без подготовки! Глубина же небольшая... Небольшая глубина же...

— Отойди! — сердито крикнул Седой, — тебя там не хватало. Эдик, вишь этот просвет? Туда.

Повисшая было на месте лодка славно получила наконец приказ расправить напряженные мускулы. Она рванулась вперед и вниз, обходя человека и преследовавших его, стремясь занять положение между ними и берегом и встать в том направлении, в котором безымянные пока враги гнали свою предполагаемую жертву. Маневр лодки был избран так, как если бы врагами были люди, и это свидетельствовало о бессознательном признании достаточно высокой организации многоногов.

Корабль мчался, выключив даже опознавательные огни. Впрочем, это было лишним, потому что те обладали, вероятно, способностью видеть и во тьме, и по-настоящему следовало полагаться лишь на то, что они все же не наделены разумом и не уловят связи между стремительным движением длинной, горбатой сигары и тем суматошным метанием, теми скачками, которыми вынужден был передвигаться гонимый ими пловец.

Сандро приходилось нелегко. Он чувствовал, что устает, — эти порывистые движения под водой, маневры, чаще всего не дававшие даже возможности включить реактивный двигатель, требовали много энергии, и силы иссякали. На миг в сознании — в каком-то уголке его — мелькнула даже мысль о том, что враги оказались сильнее; они не боялись, а придвигались все ближе с точностью автоматов и целеустремленностью живых существ. Глаза их холодно посверкивали в воде, и взгляды человек в них попристальнее, пойми это сразу, пожалуй, он не стал бы далеко отходить от люка барокамеры, где всегда можно было бы укрыться...

Но он не укрылся, а сейчас было поздно, да и некогда думать об этом, надо было броситься вниз, в глубину, потому что сверху метнулся на него один из шестерки. Он промахнулся лишь на несколько сантиметров: слабая дрожь, прошедшая по телу Сандро, показала, что нападающий зря растратил свой электрический потенциал.

В цепи многоногов на миг возникла брешь. Проскользнуть? Но противник, словно все поняв, тотчас же метнулся назад и занял свое место в наступающей шеренге.

Это были воинственные создания, и теперь, пожалуй, можно было полагать разрешенным вопрос, кто же нанес такой заметный ущерб группе теоретика Мукбаниани, группе, в которой он один был человеком, а все остальные его члены были служебные дельфины, такие же верные по-

мощники человека под водой, как собаки — на суше. Автандил тогда сразу предположил наличие в заповеднике каких-то агрессивных морезжителей, но в реальность их существования никто по-настоящему не верил — откуда было взяться этим агрессивным? — и первым пострадал от своего неверия Валерий; а вот кто будет вторым?

Очень похоже становилось на то, что этим вторым будет не кто иной, как он сам, Сандро. Полукольцо, прижимавшее его к берегу, стало понемногу смыкаться, оно чутко реагировало на малейшие движения пловца вверх или вниз, и ему только и оставалось, что отступать да отступать все дальше...

И внезапно океаниста охватил гнев. В конце концов долго ли они еще будут его преследовать, эти непонятные существа? Он ведь отходит, это ясно видно — отходит. Почему же они не пропускают человека? И надо ли теперь жалеть их? Многоногов следовало щадить, пока они защищались, хотя им ничто и не угрожало, люди всего лишь хотели спасти своего, не более. Но не отдавать, и мало того — преследовать других?!

Нет, их не следует щадить... Очень трудно было согласиться с Седым сразу, поэтому геопатроны все еще лежали в гнездах пояса. Но раз враг хочет поразить нас любой ценой — даже электрическим ударом, — то ведь и мы можем совершить подобное!

Сандро нащупал один из патронов, вынул его. Сердито выдохнул воздух. Ну, погодите же!..

Он прикинул расстояние прежде, чем нажать на кнопку взрывателя, и это оказалось очень кстати. Преследователи держались так близко, что использовать патрон, не причинив вреда себе самому, по-видимому, не удастся.

Сандро снова отступил, поглядывая на многоногое, и уже окончательно признав в них не очередной объект изучения, а существ, равных ему в оценке обстановки в воде. Пусть эта оценка была инстинктивной (разумными многоноги быть не могли хотя бы потому, что ими руководил инстинкт убийства, не свойственный, как это знал любой школьник, ни одному мыслящему существу), но все же она была достойна уважения.

Многоноги, как враги, оказались достойными уважения, и Сандро вдруг мучительно захотелось, чтобы кончилось наконец это предсмертное безмолвие, чтобы кто-нибудь из шестерки окликнул его, и тогда — или полная ликующих звуков борьба, или, наоборот, обменявшись полными

смысла звуками, они вдруг перестанут ненавидеть друг друга... Но шестеро молчали, а может быть, они вообще не умели издавать никаких звуков, кроме сухого шелканья клешней.

Тогда Сандро решился. Взрыв вверх, он с силой послал патрон вниз и вперед, в сторону нападающих, и как только поводок натянулся, — нажал замыкатель. Взрыв грянул, и Сандро, раскрыв рот, насколько позволял дыхательный аппарат, издал сумасшедший, нечленораздельный, но все выражающий клич. Попал? Кажется, да...

Лодка уже миновала место, над которым — на полсотни метров выше — все суетились огоньки, когда в рубку донесся подхваченный микрофоном и усиленный звук. Приборы согласно кивнули стрелками, отмечая легкий удар воды. Это взорвался геопатрон Сандро, и, значит, дела пловца становились не на шутку серьезными.

— Спокойно, Сандро, спокойно, — глуховато проговорил Седой, вслушиваясь в дыхание, которое аппаратура связи исправно доносила до сидящих в рубке. — Сейчас мы у тебя за спиной, в полукабельтове. Уравновесились, стоим кормой к тебе. Я подаю давление в барокамеру. Отступай к нам, люк будет открыт. Ты понял?

Ответа не последовало, но Сандро, наверное, все же понял, и вспомнил, что он не один в воде. Во всяком случае, почти сразу раздался еще взрыв, затем огонек прожектора метнулся к лодке, отдавая нападающим пространство. Седой представил себе, как Сандро стискивает зубы, как под очками его катится пот и ест глаза, но Сандро все же не закрывает их, чтобы это мгновение не оказалось для него последним. Седой грустно усмехнулся, — значит, и молодому поколению все-таки суждено было узнать, что такое битва, и страх, и угроза гибели. Вслух же он оказал:

— Без эмоций, Сандро. Внимание, внимание! Открываю люк. Открыл. Теперь — быстрее. Задача — в этот момент оставить их подальше...

Луч прожектора летел прямо к лодке. Бледные пятна кинулись за ним, но последний патрон заставил их на миг замедлить движение, и Сандро на какие-то обрывки секунды раньше приблизился к люку и стремглав пролетел границу, отделявшую океан от области равного давления воздуха в барокамере, открытой вниз. Самый быстрый из преследователей оказался на той же линии раздела, но створки люка сомкнулись хищно, как челюсти кашалота, и Седой в

этот миг даже не услышал, а скорее угадал гнилой хруст, с которым упали на пол барокамеры отрубленные жадно распахнутые клешни преследователя. Многоног тотчас же завертелся на месте, окутывая себя темноватым, клубящимся облачком.

Уже и остальные преследователи подскочили, но тут Эдик, не ожидая команды, чуть подал лодку вперед. Седой выкрикнул только короткое слово «Да!». Реактивные двигатели корабля грянули пламенем гремучего газа. На миг в воде закрутились оторванные ноги, куски тел, тускло блеснули потухавшие глаза... Потом все охватила тьма, в которой не светилось больше ничего.

— Так... — медленно протянул Седой. Он искоса взглянул на Эдика, потом на Георга. Сейчас должно было произойти то, чего он боялся: рассуждать — это одно, видеть — другое, и поэтому теперь могли сжаться кулаки, загореться глаза, участиться дыхание, возбужденное неведомой им доселе радостью уничтожения.

И Эдик, и Георг действительно все еще всматривались в темную толщу воды, пытаясь что-то разглядеть. Искрошенные останки врагов?

— Да, — сказал Георг, поднимая голову. — Это очень интересно.

— Убивать?

— Что? А-а, — усмехнулся Георг. — Нет, убивать — противно, в этом все-таки есть что-то противоестественное. Я говорю об этих. Это действительно вид, не известный науке. Вы понимаете? До сих пор я узнавал такие вещи из книг или от других. И вот — увидел сам. Новый, не известный науке вид, — торжествующе повторил он.

— У науки нет пределов... — сказал Седой. — Нет пределов, мальчик... — Он глубоко вздохнул и сердито закричал: — Куда же это мы идем, черт побери?

— За Инной, — сухо ответил Эдик.

Седой с ужасом понял, что, захваченный зрелищем неравной схватки и поисками выхода из положения, он совсем забыл, что за бортом был не один член экипажа, а двое. Даже трое... И голос Инны давно уже не звучит в рубке.

— Инна! — позвал он сначала негромко, потом еще раз — в полный голос. — Инна, отзовись! — крикнул он наконец, но ответа не было, и Седой на миг не выдержал, — усталым движением опустил голову на руки.

Эдик неотрывно следил за курсом. Сандро все еще томился в барокамере, где автоматика медленно снижала давление воздуха. Седой откинулся в кресле, закрыл ладонью глаза — так было удобнее думать. Раздвигая темную воду, лодка стремилась в том направлении, в котором, как предполагалось, скрылась Инна, а еще раньше — Валерий и те, кто его ташил.

Несколько минут в рубке царило молчание. Затем Георг, окончив настраивать искатель запахов, обернулся к Седому.

— Что могло случиться?

— Все, что угодно, — неохотно ответил командир.

— Ну, конечно. Женщина...

— Она стоит двоих таких, как ты. Она...

Эдик умолк так же неожиданно, как вступил в разговор. Седой, кашлянув, сказал:

— Спокойно, Эдик.

— Я-то? — спросил Эдик. — Проверили бы лучше связь.

Георг недоверчиво покачал головой.

— Связь все время была.

— Ближняя, с Сандро.

— Ладно, — сказал Седой. — Проверим на базе.

После паузы Георг промолвил:

— Пора бы ей отыскаться. Что?

— Не успела ускользнуть? — вслух подумал Седой.

— Нет, — сказал Эдик.

— Я тоже думаю. Просто они ушли слишком далеко. Сколько мы прошли?

— Три мили.

— Ну, вот. Волноваться еще рано.

— Ты сам, Седой, волнуешься больше всех, — объявил Георг.

Седой поморгал и нерешительно усмехнулся. Есть причина волноваться. И не потому лишь, что исчезла Инна — и Валерий, конечно. Не только это.

Волнует и еще что-то. Исчезает способность следить сразу за несколькими работами и за многими людьми. Нет уже той быстроты реакции, которая в течение долгих лет отличала тебя. Многого уже нет... Естественно, что ж поделаешь... И как бы невозможно ни казалось тебе жить без корабля, без неспокойной, но все еще любимой океанической судьбы,

не забудь, что есть люди куда моложе — весь твой экипаж, например — и, может быть, просто пора уступить им место?

Отняв ладонь от глаз, он всматривался в темную глубину. Эдик все так же следил за приборами. Георг таращил глаза во тьму, ища хотя бы мгновенный отблеск прожектора. Он был еще малоопытен и не заметил того, что сразу бросилось в глаза Седому: темнота как-то сгустилась, это была уже не темнота воды, а гораздо более непроницаемая мгла грунта, поглощающего даже ничтожные остатки рассеянного в воде света.

— Мы где-то в ущелье, ребята, — сказал командир, внутренне радуясь тому, что это почти неуловимое изменение освещенности за бортом первым заметил все-таки он. — Мы точно идем по следу?

— Да, — ответил Георг. — Запах становится все сильнее.

— Ущелье или какая-то пещера. Эдик, дай общий свет!

На вершине купола вспыхнул прожектор. Его сложный рефлектор бросал свет во все стороны. Тьма отпрянула, но недалеко: на расстоянии десяти с лишним метров с каждой стороны она осталась, материализовалась, стала твердой и непроницаемой и превратилась в отвесные стены ущелья.

— Странно, — сказал Седой. — Мы плаваем в этих водах не первый десяток лет, но этого ущелья я что-то не припомню. Неужели они завлекли Инну сюда? — Он включил микрофон.

— Инна! — сказал он громко. — Инна! Если ты лишилась микрофонов, включи прожектор! Води лучом из стороны в сторону, пока мы не сообщим тебе, что видим. Мы вошли в ущелье, Инна. Медленно продвигаемся. Там, где мы, ширина ущелья достигает метров двадцати пяти — двадцати восьми. Ты представляешь, где мы? Отвечай, Инна! Отвечай!

Ответом было молчание — только потрескивание помех доносилось из динамиков. Оно с каждой минутой, с каждым пройденным метром становилось все сильнее, щелчки учащались, так что Георг даже убавил громкость. Только этот треск и был слышен, да еще пульсирующее гудение двигателя снизу.

— Откуда это? — недоумевающе спросил Георг.

Эдик пожал плечами. Седой проговорил:

— Не знаю, но вряд ли они предвещают что-то хорошее. Эдик, убавь ход до самого малого... Нет, лучше застопори. Запусти ультразвуковой локаатор. Что он там рисует?

— Впереди проход; только стены, кажется, сужаются.

— Можем засесть?

— Дальше — пожалуй.

— Да, не исключено... Течение за бортом?

— Приборы регистрируют слабое.

— Что же, — сказал Седой, — вперед. Самый, самый малый...

Лодка почти неощутимо дрогнула и медленно двинулась вперед. Стены исподтишка подступали все ближе, свет озарял их сильнее и начал уже отражаться и слепить глаза, так что мощность прожектора пришлось убавить. Из люка неслышно появился Сандро, негромко спросил: «Инна?» Никто не ответил, только Эдик мотнул головой, указывая куда-то вперед. Сандро сдвинул мохнатые брови, промолчал, уселся в свое кресло и внимательно всмотрелся в медленно проползающие стены. Потом вытянул руку:

— Станный ход. Вам не кажется?

Седой кивнул.

— Стены абсолютно чистые... Никаких водорослей, ничего... И ровные такие, словно их кто-то выкопал...

— Не исключено, — отозвался Седой. — Очевидно, их куда больше, чем дюжина, этих наших приятелей...

— Вот как попадем мы сейчас в самое пекло... — начал было Георг.

— Ерунда, — хмуро возразил Эдик. — Мы-то под защитой.

— Линия запаха пока спокойная, — сказал Георг. — Мы еще не застреваем?

— Да, это они построили, — сказал Сандро. — Крепость, а? Смотрите, вот здесь, наверное, они и селятся...

Они селились здесь. В ровных стенах ущелья начало возникать все больше темных, узких отверстий — они вели, очевидно, куда-то в норы, населенные неизвестными. Возле него не было никакого движения, только изредка казалось, что около них колеблется что-то. Высунутые клешни? Ноги? Усы? Определить из рубки было нельзя. Число отверстий все увеличивалось, стены смыкались теснее, и в тот момент, когда Седой решил на всякий случай предупредить Эдика, чтобы действовал поосторожнее, он ощутил легкий толчок. Эдик остановил лодку.

— Дальше не пройти, — объявил он, — придется выходить.

— Тихо как... — негромко сказал Седой.

В самом деле, в ущелье стояла тишина. Ни звука не слышалось ни из динамиков связи (если не считать на-

зойливого треска помех), ни из преобразователей ультразвука, обычно доносивших ожесточенную рыбу болтовню. Казалось, ни одного живого существа не было в ущелье. Однако если многоноги действительно здесь жили, то вряд ли они покинули насиженное место с такой быстротой. Животные поступают так, лишь ощутив приближение стихийного бедствия, но едва ли лодка-разведчик могла произвести на них такое впечатление.

Если же они не покинули своих нор, то, значит, затаились в них. Вероятнее всего. Вот это как раз и не нравилось Седому. Если шесть чудовищ могли почти выиграть схватку с человеком, опытным океанистом-пловцом, то вся их банда (как без всякого уважения называл их Седой про себя) могла, пожалуй, расправиться не только со всем экипажем корабля, покажись он в воде, но и чуть ли не со всем океаническим отрядом. Тут следует еще не раз подумать, прежде чем решиться покинуть рубку. Было бы хоть время подумать до того, как принимать ответственность...

Но тут же Седой выругал себя за минутное малодушие и решительно откашлялся.

— Ну, так, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал совершенно буднично. — Не исключено, что вышедший подвергнется нападению. Каков вывод? Идти должен тот, кто сильнее остальных именно в искусстве обороны. Нет, нет, — прервал он Сандро, который собрался было что-то сказать. — Я же не говорю о боксе. Я имею в виду лишь оборону от подводных тварей. Итак, приготовьте мне геопатроны, прожектор и две реактивные трубки: в хозяйстве — кто знает — все может пригодиться... За меня — Эдик. Все.

Он произнес это тоном, исключающим даже малейшую возможность прекословия. Снаряжение не заняло много времени; верхний люк барокамеры призывно распахнулся.

— Что-то я еще хотел взять... — задумчиво проговорил Седой. — Вот не помню, забыл, черт... — Он ступил на трап, и уже наполовину скрывшись в люке, обернулся: — Ага, вспомнил: компас и глубиномер у меня есть, а вот нет ли у кого в запасе походного дозиметра? Не знаю зачем, — ответил он на удивленные взгляды остальных. — Предчувствие у меня такое, что ли, или ощущение... В общем, если есть — дайте.

Походный, да всякий другой дозиметр разведчику этого типа давно уже не полагался — незачем было таскать с собой аппаратуру, которая заведомо не могла приго-

даться. С другой стороны, у хозяйственного водителя, если хорошо поискать, можно было, пожалуй, найти и не только дозиметр, в этом Седой был уверен. Так оно и оказалось, и даже без особых поисков Эдик нашел требуемое и вручил командиру без маленькую коробочку. Седой тщательно пристегнул ее к руке.

— Ну вот, — сказал, он, — теперь — хоть на десять тысяч метров или в Северный Ледовитый, с таким снаряжением... Связь буду держать постоянно, и к вам просьба — заниматься тем же, и корабль удерживать на месте, а то течением нас все-таки сносит, как я погляжу...

Он стал несколько многословен, но замечание было правильным, и Эдик, слегка покраснев, включил двигатель, чтобы тот, едва дыша, противостоял упрямому течению. Седой утвердительно кивнул, и люк за ним захлопнулся. Точным жестом Эдик включил давление в барокамере, насосы глухо зашумели под палубой, нагнетая воздух. Поднятие давления на этот раз шло в самом быстром темпе, какой мог выдержать Седой. Впрочем, он мог выдержать много.

Затем распахнулся нижний люк. Лодка все так же чуть подрагивала, удерживаясь на одном месте, замеченном Эдиком по зеву одной из нор, более широкому, чем остальные. Нора эта находилась чуть впереди, поравняться с ней лодка не могла, но Эдик старался, чтобы линия от его глаза к этой норе все время проходила через рычажок выключателя большого света; иного способа ориентировки в этом ущелье не было.

Глядя на нору и удерживая лодку, Эдик сначала краем глаза, а затем и совсем ясно увидел Седого. Размеренно работая лапами, командир проплыл мимо лодки, направляясь в узкий конец каменной щели. Он плыл медленно, часто оглядываясь, и Эдик понял, что командир нервничает, не зная, с какой стороны раньше ожидать нападения. Остальные волновались не меньше — и Сандро, и Георг, прикипший к экрану искателя запахов, на котором одна из линий — запах Инны — постепенно становилась все слабее, потому что запах не мог долго держаться в проточной воде; да и сам Эдик не был совершенно спокоен, хотя ему, конечно, хватало работы и кроме волнения.

Все же он успевал следить за командиром, и первым заметил, как Седой неожиданно резко рванулся вперед, потом задержался, повис в воде без движения, потом несколько раз повернулся, как будто потеряв ориентировку и не

зная, в какую сторону плыть. Затем, как будто приняв решение, он, включив реактивную трубку, метнулся и сразу же затормозил, повернул трубку соплом вперед, еще раз повернулся и, словно вдруг перестав волноваться, неторопливо направился к зеву той самой широкой норы, по которой ориентировался Эдик.

— В чем дело, Седой? — наклонившись к микрофону, спросил Сандро и умолк в ожидании ответа. Однако Седой не отвечал, хотя находился тут же, рядом, на расстоянии каких-нибудь двадцати метров от лодки. — В чем дело, почему молчишь? — еще раз спросил Сандро, и, опять не получив ответа, недоуменно пожал плечами и посмотрел на Эдика, как бы молчаливо признавая его право и умение разбираться в таких вопросах, в которых остальные ничего не понимают. Однако ответил Георг.

— Ты что, Седого не знаешь? — сказал он. — Он что-то увидел, теперь у него над ухом хоть на барабане играй — толку не будет. Сиди и жди, пока сам не вызовет...

Им оставалось лишь одно — следить за маневрами Седого, который тем временем все ближе и ближе подплывал к норе. Он был уже совсем близко от зева, и движения его становились все медленнее и медленнее, словно нерешительность снова начала сковывать мускулы. Наконец он совсем остановился — примерно в полутора метрах от норы и чуть в стороне. Он что-то делал руками — какие-то странные жесты. Затем прекратил. Через минуту опять начал. Еще не меньше минуты трое наблюдали из рубки это зрелище, пока Сандро не хлопнул звучно одной рукой себя по лбу, а другой — по кожуху ультразвукового преобразователя, и не начал переводить на обычный язык то, что Седой передавал по старинной морской азбуке семафора. Но было слишком поздно — в наказание за то, что им сразу не пришло в голову значение жестов, они сумели разобрать лишь три буквы, из которых получилось «ция», но что это была за «ция» и к чему она относилась, было непонятно.

— Кто ж его знал, что он вдруг на глубине начнет семафорить, — словно оправдываясь, проворчал Сандро, — да и темп не тот, непривычный...

Теперь Седой уже не семафорил — он висел неподвижно и, казалось, всматривался во что-то, происходившее в норе.

Но и это продолжалось всего минуту-две; затем Седой повернулся, отплыл подальше и начал возиться с обеи-

ми реактивными трубками, висевшими у него на груди. Что именно он делал — отсюда было не разобрать.

Закончив свои манипуляции, Седой снова приблизился к норе — еще осторожнее, чем в первый раз. На секунду застыл прямо против зева — и вот обе трубки, которые он теперь держал перед собой направленными в противоположные стороны — одну прямо в нору, другую — ко второй стене ущелья, — ожили, из обеих одновременно вырвалось пламя.

Океанисты с запозданием сообразили: он использовал одну из трубок, как оружие, а чтобы она не унесла его в сторону, одновременно затормаживал второй. Наверное, ему очень нужно было кого-то выжить из норы. И это удалось ему почти сразу.

Сначала из широкого зева выплеснулся венец щупалец или ног. За ними вылетело и уже знакомое всем наблюдавшим за этой сценой вытянутое слизистое тело. Это произошло мгновенно, но Седой, как видно, ожидал такой реакции: его бросок в сторону от норы по направлению к лодке был еще стремительнее. Одновременно он включил сильный прожектор, и его преследователь на миг ослеп и беспомощно закружился на месте. Этого было достаточно, чтобы Седой успел уйти от него на безопасное расстояние.

— Ускользнул! — облегченно вздохнул Георг.

— Сейчас он натравит на себя всю эту свору... — сказал Сандро. — Не знаю, чего это ради...

Он не договорил. Многоног еще не успел прийти в себя, а из широкого отверстия норы выскользнули две тени; обходя воинственного морезжителя по дуге, они приближались к кораблю, держась вплотную одна к другой. Возле них бледным огнем вспыхнул прожектор, и — словно это взошло солнце — все одновременно вздохнули и улыбнулись. Эдик на миг закрыл глаза.

— Эй, стой! — в следующую секунду вскрикнул Сандро.

Словно подземный толчок заставил все норы одновременно извергнуть их содержимое — так вдруг закипела вода в ущелье, сразу наполнившемся телами, клешнями, гибкими ногами десятков и сотен многоногов. Но люди уже приближались к люку барокамеры. Эдик нажал кнопку привода люка, однако на пульте не вспыхнула зеленая лампочка, обозначающая, что люк открыт и барокамера готова к приему пловцов. Стая многоногов приближалась. Пловцы собрались

вокруг закрытого люка, корпус лодки донес до сидевших в рубке дробный стук — это люди стучали, наверное, кулаками и трубками, требуя, чтобы их впустили... Эдик нажимал и нажимал на кнопку, а зеленая лампочка все не загоралась и люк не открывался. Счет шел на доли секунды, последние метры разделяли передовых нападающих и людей, которым больше некуда было спастись. И это означало, что еще через долю секунды, самое большее — через секунду все будет кончено.

— Проектор на полную мощность! — внезапно в голос закричал Эдик. Проектор вспыхнул, и это заставило передних нападающих отпрянуть на минуту и задержаться. Но задние напирали, и вся стая снова кинулась вперед, вытягивая клешни.

Однако эта задержка решила дело. Сандро уже открывал верхний люк барокамеры. Через миг захлопнул его за собой, и по легкому сотрясению было ясно, что он растворил промежуточный, в чем ему помогло давление снизу... Вообще-то это запрещалось, потому что было небезопасно, и еще опаснее — почти смертельно — прыгать в такое давление без подготовки. Но тут — что еще будет, а там ясно — смерть...

Еще мгновение он там, внизу, выплясывал дикий танец на створках некстати заевшего люка, наваливаясь на него всей тяжестью. Стук — а во внешний корпус колотили уже изо всей силы — в сжатом воздухе барокамеры бил ему в уши, грохот собственных каблуков по створкам люка казался уже совершенно невыносимо громким...

Ему почудилось, что он уже целую жизнь бьется здесь, в тесной барокамере, а грохот вырос до масштаба всемирной катастрофы. На самом же деле считанные секунды прошли — и створки люка распахнулись внезапно и так быстро, словно сами с нетерпением хотели выполнить ту работу, для которой были предназначены. Отшатнувшись в сторону и почти без сознания опускаясь на пол, Сандро все же успел заметить, как выскакивая из воды, подобно дельфинам, веселым друзьям плавающего человечества, двое втаскивали в барокамеру неподвижного третьего. Затем створки люка закрылись, и мир тоже медленно закрылся для Сандро.

6

— Ну как? — спросил Седой.

— Инна сообщает — дышат оба, — после небольшой паузы ответил Георг, но голос его не был чрезмерно радостным. Причина стала ясна, когда он добавил:

— Долго ли продышат — не знаю... У Валерия пульс почти не прощупывается. И частота — три удара в минуту...

— Как в анабиозе, — уточнил для себя Седой.

— Да, только он не в анабиотической ванне, к сожалению.

— А Сандро?

Георг пожал плечами. Кто мог знать, как Сандро? На их памяти в отряде не было таких случаев, никто не подвергался такому перепаду давлений, никто так грубо не нарушал правил океанической службы, потому что не было необходимости их нарушать. Даже настоящие медики, пожалуй, не сказали бы сейчас ничего вразумительного, а ведь Георг владел лишь простыми приемами оказания первой помощи. Да и те основательно позабылись из-за отсутствия практики.

— Ладно, — сказал Седой невесело. — Редкий у нас сегодня денек по насыщенности, долго будем его вспоминать, да и не только мы, пожалуй... Цари природы... По местам быть! — вдруг рывкнул он, потому что члены экипажа — за исключением Эдика — и впрямь не сидели, где положено: сам он стоял около люка, а Георг даже не стоял, а расхаживал по рубке, словно по бульвару, когда делать нечего. А кроме того, Седой чувствовал необходимость выкричаться. Конечно, не лучший выход — орать на ни в чем не повинного, по сути дела, парня, но иного способа успокоиться Седой сейчас просто не находил. И он продолжал даже еще чуть громче:

— Здесь пока еще корабль, а не какие-нибудь Большие бульвары! Думали бы лучше, что за порядок на корабле, на котором люк заедает в самый ответственный момент!

Выкричавшись, он взглянул на барометр. Давление в барокамере приближалось к нормальному, и он, сердито засопев, открыл люк и ступил на крутой трап.

Инна, пошатываясь, стояла в центре тесного помещения, согнутое тело мужчины лежало у ее ног. «Так и следует», — вскользь подумал Седой.

— Ты молодец, Инна. Держись!

— Очень устала... — Голос ее показался каким-то блеклым, шелестящим, как листья под осенним дождем. — Ничего, отдохну — пройдет. Кончилось топливо в трубке, плыть было трудно...

— Сейчас дадим кислород. Позволь, я помогу. Обопрись на меня. Ну же... Он жив?

— Дышит...

— Обожди одну минуточку, я сделаю ему инъекцию. Так... Ну, сердце как будто в порядке. На всякий случай впрыснем ему еще и этого зелья. Так... Переохлаждения, кажется, не произошло. Прекрасно сколоченный организм, прекрасно... — Он нагнулся над лежащим и тут же гневно выпрямился. — Ты отдала ему аппарат?

— Иначе он уже не дышал бы.

— А ты плыла? И тащила его?

— Обошлась катализатором, — нехотя проговорила она. — Не надо об этом, хорошо?

— Плохо! Значит, ты работала на пределе?

Инна только пожала плечами.

Седой медленно поднялся за ней в прозрачную рубку. Устало опустился в кресло.

— По местам! — сказал он, но все уже сидели на своих местах. — Выбираемся задним ходом, малым. Вам двоим следить за всем, что будет на курсе. Эдик, готов?

Эдик четко ответил, хотя и без этого все знали, что он всегда готов. Прозвучала команда. Лодка медленно тронулась кормой вперед, потому что развернуться здесь, в ущелье, было никак не возможно, не хватало пространства. Многоноги пустились было сопровождать лодку, образовав даже нечто вроде почетного эскорта, но постепенно отстали, хотя лодка ползла еле-еле. Черные дыры нор отступали, словно стараясь зайти за спину. Сейчас они уже не казались загадочными, но менее опасными не стали.

— Умны — сейчас-то не нападают, — сказал Георг. — Тоже знают, когда не следует... Кстати, Инна, а на тебя они не бросались?

— Хочется спать, — не к месту ответила Инна после паузы. — Спать и забыть.

— Георг, смотреть вперед, — негромко приказал Седой.

— Есть... Да интересно же, как это у нее получилось.

— Разберемся и в этом вопросе, только выбраться отсюда надо побыстрее. Ты там не можешь чуть нажать?

— Попробую, — отозвался Эдик, которому пришлось теперь сидеть спиной в направлении движения. — Смотрите, как следует, а то налетим на что-нибудь...

— Да на что мы тут... — начал Георг, и в ту же секунду прервал сам себя:

— Стоп! Препятствие прямо по курсу...

Он еще не успел закончить, как Эдик заглушил двигатель, и все взгляды устремились в одном направлении.

— Ничего не понимаю, — через мгновение проговорил Седой. — Откуда она взялась?

Она — это была неизвестно как возникшая стена. Темная, она казалась монолитной, хотя иногда чудилось, что отдельные участки ее колеблются. Во всяком случае, штурмовать ее с ходу было бы не самым разумным, и Седой отдал команду удерживать лодку на месте.

Эскорт многоногов теперь настиг лодку и окружил, располагаясь и по сторонам, и сверху, и, наверное, снизу, хотя из рубки этого не было видно. Георг присвистнул.

— Вот почему они не нападали... Знали уже, что нам отсюда не выйти...

— А они, оказывается, не только драчуны, — сказал Эдик. — Они еще инженеры в придачу. Уж не разумные ли они инженеры?

Седой усмехнулся, покачал головой. О разуме говорить не приходилось, но инстинкт нередко тоже бывает достаточно сложен и многогранен, так что кое-какие его проявления с первого взгляда могут быть приняты за проявление разума. Особенно неопытным наблюдателем. Но уж опыт-то у Седого был, опыт все накапливается и накапливается, и к старости вдруг начинаешь понимать, что кое-чему ты и впрямь научился и кое-что действительно понял. Только все меньше остается возможностей это использовать... Но сейчас как раз это пригодилось.

— Да, нет, — сказал он. — Инженеры, пожалуй. Но разумные — никак. Пчелы — инженеры, и муравьи, а уж бобры и вовсе, но разумом там не пахнет. И тем не менее интересно очень, потому что в море этого как раз никогда не наблюдалось — в таких масштабах, во всяком случае... Но еще интереснее — две вещи. Во-первых, из чего эта стена и как они ухитрились ее возвести. И во-вторых...

— Во-вторых, как нам отсюда выбраться, — проворчал Эдик, откидываясь в кресле.

— Да, больные не могут ждать, — подтвердил Георг.

— Да и сами мы тоже, — мрачно заключил Седой. — Так что? Таранить?

— Разбить корабль, — сказал Эдик, и Седой кивнул.

— Да, главный двигатель — во всяком случае. Разведать эту стену?

— Твари только этого и ждут, — сказал Георг. — А нас на ногах осталось четверо. Теперь не успеешь нырнуть, как они тебя разделают по всем правилам.

— Ну вот, и разведать тоже нельзя, — сказал Седой. — Что будем делать? — Он взглянул на Инну; она сидела, закрыв глаза, и как будто дремала, но на самом деле скорее думала о своем.

— Искать, — проронил Эдик.

— Единственное, что остается, — сказал Седой. — Единственное, и далеко не самое вредное... — Он снова стал чересчур многословен, и это свидетельствовало, что положение достаточно серьезно, — Седой уже не в первый раз за этот день концентрирует все силы, чтобы найти, может быть, единственно приемлемый выход. — Итак, что это за стена? Какие вообще здесь, на глубине, возможности хотя бы и для разумного инженера?

— Камень, — сказал Георг.

— Согласен. Но каменную стену такой высоты им не соорудить за столь краткое время. Это никому не под силу. Ведь стена высоченная, и конца не видно...

— А может, поищем? — спросил Эдик. — Этот самый конец.

— Уж больно ехидное ущелье; мнится мне — кверху оно сужается, а до поверхности воды, ясно, не доходит, иначе в этом месте был бы залив. Это ведь не подводный хребет, а основание материка — да еще отвесное к тому же...

— Может, все-таки пройдем? Ведь быстрее всего...

— Добро, — сказал Седой. — К всплытию! Только еле-еле. Потому что кормой уткнуться в стену — не мед, но уж рубкой нашей стукнуться о свод...

Эдик слегка прикоснулся к своим рычагам. Глухо заворчали компрессоры, и лодка медленно, строго по вертикали, двинулась вверх. Многоноги послушно уступили ей дорогу и, сопровождая, стали подниматься сами.

Стены ущелья действительно с высотой все больше изгибались внутрь, нависали над корабликом, который здесь, среди тесно сгрудившихся каменных массивов, казался, наверное, донельзя маленьким и хрупким. Зрелище нависающих стен подействовало на всех, и Эдик еще замедлил скорость всплытия. Так прошло несколько минут. Расстояние между бортами и стенами составляло уже не более двух метров с каждой стороны, и надо было обладать

большим искусством кораблевождения, чтобы рисковать подниматься, не задев ни одной из стен. А выход все оставался запертым, и не видно было, чтобы эта стена где-нибудь наверху заканчивалась.

— Стоп! — закричал внезапно Седой. — Вижу свод!

Он еще даже не увидел его, а скорее угадал или почувствовал. Луч прожектора сразу же метнулся вверх, и теперь все остальные тоже увидели этот потолок — в нескольких десятках метров стены смыкались под острым углом. Итак, это все-таки было не ущелье, а пещера, и выход из нее следовало искать в другом месте.

— Заперты, — сказал Седой. — А в самом низу?

Всплытие сменилось погружением — чуть более быстрым, потому что здесь была разведана хоть часть пути. Однако и тут выхода не оказалось: вертикальная, запирающая пещеру стена начиналась, естественно, от самого дна.

— Сидим крепко, — подытожил Седой. — Ну что же — продолжим конференцию. Стена не каменная. А какая? Не кажется ли вам, что она чуть колеблется?

— Водоросли! — закричал Георг, и Седой кивнул.

— Похоже на то. Больше им соорудить такое не из чего. Да и не они ее строили. Я думаю, что эти гигантские водоросли росли здесь всегда. И довольно плотной массой. Поэтому-то мы раньше и не знали ничего об этой пещере: стена водорослей, очевидно, закрывает вход настолько плотно, что разглядеть его снаружи просто невозможно.

— Но ведь мы-то сюда прошли, — сказал Эдик. — И даже не заметили ничего похожего...

— Да, — сказал Седой. — И вот тут и оказывается, что разум у них ни при чем, зато инстинкт... Очевидно, им время от времени нужно устраивать что-то вроде вентиляции пещеры. Помните, мы вначале заметили течение? При такой стене водорослей ощутимого течения быть не может. Значит, они как-то их на время устраняют. Может быть, пригибают ко дну, может быть — отводят в стороны.

— И привязывают, что ли?

— Нет, конечно. Придерживают сами. Что удивительного? Муравьи, например, сами из себя строят мосты. А эти, возможно, используют время от времени себя вместо механизма, позволяющего держать двери открытыми. Вы заметили, что сначала их было не так много, как сейчас? Очевидно, многие освободились...

— Может быть, — сказал Георг. — Но раз здесь течение, — это не пещера, а туннель?

— Все возможно, — согласился Седой. — Кстати, этим объяснились бы и еще некоторые явления. Ну вот, теперь природа этой стены нам ясна.

— Наука будет нам страшно благодарна, — сказал Георг. — Если только мы сумеем сообщить кому-нибудь те выводы, к которым пришли. Эдик, если это всего лишь водоросли, то, может быть, мы все-таки протиснемся?

— Если бы не кормой вперед, — буркнул Эдик.

— Тогда, — проговорил Седой, — я бы и сомневаться не стал. А теперь... Идти дюзой вперед — значит наверняка вывести двигатель из строя. Водорослей туда набьется до самой камеры сгорания. Продувкой мы их не устраним: скорее взорвем двигатель. Значит, надо вручную. А кто знает, как далеко эти будут сопровождать нас?

— Нет, если бы мы стояли носом по курсу, — сказал Эдик, — тогда очень просто. Но здесь мы не развернемся.

— Дайте еще минуту подумать, — попросил Седой. Тогда Инна встала.

— Ну, что же, — сказала она. — Я, пожалуй, пойду вниз. К ним. Там я могу понадобиться...

Возможно, в этих словах и не крылось намека на то, что здесь, наверху, никто никакой помощи им оказать не может. Но Седой именно так, кажется, воспринял сказанное. Он поднял глаза.

— Крепить все по-штормовому! Но быстро!

Все встрепенулись. Команда — это было уже кое-что. Это означало, во-первых, что не надо больше сидеть в унылой неподвижности, и, во-вторых, что какой-то выход все-таки нашелся, потому что бесцельных команд Седой никогда не отдавал.

Трое океанистов быстро пробежали по всем отсекам корабля, проверяя, как закреплено то, чему положено всегда быть накрепко привинченным и принайтовленным, и крепя то, что еще не было наглухо соединено с палубой или переборками. Они вернулись через десять минут. В рубке не произошло никаких изменений, кроме разве одного. Седой покинул свое командирское кресло и сидел теперь на месте водителя. Эдик в нерешительности остановился.

— Садись, садись на мое место, — сказал Седой. —

658 Или на любое другое. И не обижайся, пожалуйста... А

вы, ребята, теперь и в самом деле идите к больным. Пристегните их как следует... и сами тоже закрепитесь, чтобы не набить себе синяков.

— Да что вы придумали, командир? — не выдержала Инна. — Вы тут хотите вверх ногами плыть, что ли?

— Почти угадала, — спокойно ответил Седой. — Вот именно — вверх ногами. Развернуться на шестнадцать румбов нам надо? Надо. Ширина ущелья не позволяет? Нет. Ну, вот я и решил... Однако разговаривать больше некогда, — прервал он себя. — По местам, как было указано. Поведу я. Ты, Эдик, следи за приборами и смотри вперед. Мне, пожалуй, оглядываться будет несподручно.

Инна и Георг скрылись в люке. Эдик, усаживаясь, бросил взгляд наружу.

— А этих как будто все больше становится... — заметил он.

— А эти меня теперь не интересуют, — сказал Седой. — Их мы перехитрим. И, как говорится, вернемся к этому вопросу позже.

Он умолк и даже закрыл глаза, как будто желая показать, что никакие разговоры его больше не интересуют. На самом деле это было совсем не так, — просто Седой хотел еще раз мысленно представить себе, и не только представить — увидеть внутренним зрением, увидеть четко, до последней подробности все, что ему сейчас предстояло сделать, и чего, кроме него, не мог бы сделать — он знал — никто другой, несмотря на то что на борту были и помимо него хорошие специалисты.

Закрыв глаза, он несколько секунд сидел неподвижно. Затем, словно проснувшись, поднял веки, и даже чуть потянувшись, всем обликом своим выражая полное спокойствие и даже равнодушие к предстоящим событиям. И не делая не малейшей паузы, положил ладони — одну на рычаг газа, управлявший двигателем, другую — на рулевую головку. И почти одновременно сдвинул их с места.

Лодка медленно двинулась в обратном направлении — носом вперед, прочь от выхода, в глубину пещеры или, быть может, туннеля, это сейчас не имело ни малейшего значения. Строго сохраняя направление горизонтальным рулем, Седой привел в действие вертикальные, и лодка начала круто задирать нос.

Она полезла вверх, словно Седой решил таранить носом каменный потолок пещеры. Эдик поднял брови,

не произнося ни слова; непрерывно обегая взглядом все приборы и успевая смотреть и вперед, прямо по курсу, он все еще не понимал замысел Седого. Он видел и чувствовал только, что лодка почти от самого дна — где она только что находилась — устремилась вверх, запрокидываясь все круче. Людей плотнее прижимало к спинкам кресел; вдруг оказалось, что океанисты уже не сидят, а лежат на спине, подняв согнутые в коленях ноги, а пульт управления навис над ними, оказавшись вверху. Еще выше была прозрачная стенка купола, за ней — вода и потолок пещеры, и это означало, что лодка встала вертикально.

Эдик почувствовал, как убыстряется движение. Это было понятно: находиться в таком неестественном положении, повинаясь вертикальным рулям, лодка могла только при определенной скорости — не меньше той, при которой корабль переставал слушаться рулей, становился неуправляемым. Но это ведь означало, что через несколько секунд, буквально через несколько секунд...

Эдик не додумал, что будет через несколько секунд. Потолок пещеры стремительно приближался. Не только локатор показывал расстояние до него — теперь потолок был виден простым глазом. И оба сидящих в рубке не сводили с него взгляда. А потолок надвигался неумолимо, он становился все ближе, ближе, казалось, произошел обвал, потолок пещеры рухнул, и теперь летит навстречу задравшей нос лодке, и катастрофа неотвратима... И все же Эдик не произнес ни слова; он только разрешил себе на миг отвести глаза от грозного зрелища и взглянуть на Седого.

Наверное, командир почувствовал этот взгляд. Он не оглянулся — он не имел сейчас права; только подобие улыбки перекосило его лицо, и губы шевельнулись.

— Ну, держись! — сказал он тихо. — Держись, чем можешь... — И рука его медленно повернула головку управления.

В следующую минуту Эдик почувствовал, что начинает сползать с кресла — с его спинки, на которой он лежал все эти секунды, нелепо задрав ноги. Лодка, казалось, хотела задрать нос еще больше, но больше было некуда, и вот она стала отклоняться от вертикали, ложась на спину. Такую кривую описывает самолет, делая мертвую петлю, но самолет же не подводный корабль... — «Сейчас вылечу, головой о подволок, и все...», — мелькнуло в мозгу Эдика, и он судорожно вцепился руками в подлокотники, обвив ногами ножки

кресла и все же чувствуя, как неумолимая тяжесть тащит и тащит его вниз — к куполу...

Но лодка уже ложилась набок. Выходя в каком-то десятке метров от губительного потолка пещеры в горизонтальное положение рубкой вниз, носом к выходу, она одновременно все больше кренилась на правый борт. И вот Эдик почувствовал, что мягкая сила укладывает его набок, а затем ноги потихоньку пошли вниз, туда, где им и полагалось быть. Он облегченно вздохнул, кровь отливала от головы.

— Ты лихой водитель, — сказал он чуть громче, чем говорил обычно, и повернул голову к Седому, все еще держась руками за подлокотники; не потому, что боялся выпасть, а потому, что руки дрожали. — Такие фигуры делают самолеты и аэропланы, но чтобы подводная лодка, да еще в таком узком месте...

— Да... — невнятно пробормотал Седой. — Летал когда-то и я... — Он сидел, склонившись головой на руки, выключив двигатель, и Эдик с изумлением увидел, что и у Седого дрожат руки. — Самое трудное — рассчитать скорость и расстояние. И не бояться... — Седой сделал паузу и повторил: — Не бояться... Не бояться... Не...

— Тебе нехорошо? — встревоженно спросил Эдик.

— Похоже на то, — с усилием ответил командир. — Такие эксперименты, наверное, не для моего возраста... Но никто из вас не сделал бы этого.

«В первый раз он говорит о возрасте», — подумал Эдик и сказал:

— Пойдем, уложу тебя. Отдохни. Дальше я справлюсь.

— Справишься, — равнодушно согласился Седой. — Быстрее, Эдик, быстрее. Я же говорил... В пещере ненормально высокий уровень радиации. Вызывай остальных, и быстро — на базу. Протискивайся. Не бойся, это водоросли, только водоросли... Рули не переключай, пока будешь проходить через заросли. Отведи меня вниз, хочу прилечь...

«Так вот про какую «цию» он семафорил», — подумал Эдик.

7

Корабль быстро скользил на высоте двухсот метров над дном. Пещера с ее странными обитателями осталась позади, и теперь, когда непосредственная опасность более не угрожала ни кораблю, ни людям, уже начинало казаться странным, что такое разбойничье гнездо могло существовать

в самой непосредственной близости от цивилизованного индустриального морского дна — такого, каким оно было уже давно и к какому привыкли все люди, а океанисты — в особенности.

Тугие лучи прожектора лодки скользили по все более редющим зарослям красной порфиры. Между отдельными массивами этой водоросли, лишь только корабль пересек ничем не обозначенную и все же ясно ощутимую границу заповедного района, сразу возникли широкие просеки. По ним, отмеченным лишь слабыми опознавательными огоньками, скользили подводные комбайны. Легкий гул их моторов доносился до разведчика; транспортеры, похожие на огромных бескрылых насекомых с маленькой головкой и длинным, вытянутым и все более раздувающимся брюхом, тянулись за комбайнами, прильнув к ним длинными хоботами сосущих рукавов. Наевшись досыта, они отрывались и лениво уплывали туда, где виднелось зеленоватое зарево шестнадцатого витаминного завода. Завод служил как бы маяком, и Эдик по привычке взял пеленг и сверил курс, хотя эта часть глубинного пространства была давно изучена, здесь можно было бы идти совершенно вслепую.

В рубке кораблика было тихо. Половина экипажа во главе с командиром лежала внизу в своих койках. Оставшиеся в куполе океанисты задумчиво молчали, и лишь отсчитывали про себя минуты и километры, еще отделявшие их от базы океанического отряда. Они не смотрели вниз, потому что этот пейзаж был видан десятки раз и успел даже порядком надоесть, так как в нем не было ничего необычного.

Сейчас внизу еще проплывали ровные квадраты водорослей, а слева уже открылись просторные шестиугольники радиоляриевого питомника. Там крохотные животные, заботливо опекаемые автоматами и нередко посещаемые даже людьми, безмятежно жрали в свое удовольствие и копили, копили, копили в своих щуплых тельцах атомы стронция, необходимого людям для каких-то совершенно чуждым радиоляриям целей. Здесь тоже суетились автоматические сборщики, заглатывали урожай, чтобы затем перевезти его к металлургическому комбинату, который находился за десятки километров отсюда, в самом центре своих плантаций — не только радиоляриевых, но и питомников медуз, копивших олово и свинец, и других медуз, накапливавших цинк, и похожих на кувшинчики асцидий (в этих кувшинчиках по атому от-

кладывался необходимый людям ванадий), и других животных, водорослей и даже бактерий, поглощавших из моря — громадной ванны с чудесным раствором — и медь, и йод, и серу, и алюминий. Туда же, на металлургический комбинат, гнали свою продукцию массивные, тяжелые даже с виду глубоководные драги, день и ночь сгребавшие с морского дна — с тех глубин, где уже не росли водоросли, — конкреции, содержавшие кобальт, марганец, никель и переходящее уже в категорию редких металлов железо. Потребность человечества во всем этом непрерывно росла, а запасы не росли, запасам, когда они все уже разведаны, остается только уменьшаться, и металлы приходится доставать хоть со дна морского, вначале в переносном, а затем и в буквальном смысле.

— Как там больные, Инна? — опросил Эдик.

Так уж получилось, что теперь спрашивал Эдик. Хотя командир корабля находился на борту, никого не назначив своим заместителем, все остальные признали право Эдика спрашивать: было ясно, кто в будущем станет командовать этим кораблем — так же ясно, как и то, что Седой больше не будет им командовать, потому что долго таившийся в глубинах его организма враг — старость — в конце концов, улучив подходящий момент, все-таки напал из засады и нанес свой удар.

— По-прежнему. Валерий в сознание не приходит, состояние то же, что было с самого начала. Хорошо, что не хуже.

— Ты уверена?

— В пределах моих знаний. Может быть, врач усмотрел бы и еще что-нибудь...

— А Сандро?

— Плохо. Но тут все ясно: такие случаи бывали когда-то. Он все еще проходит декомпрессию.

— Седой спит?

— Беспокойно. Но не просыпается.

— Кстати, — вмешался Георг. — Не расскажешь ли ты, как все произошло там, в пещере? Мы уж и не чаяли увидеть тебя живой...

— Гм, — слышалось от кресла водителя.

— Я и сама удивляюсь. Сандро там ввязался в драку, а я поплыла за Валерием. Прежним курсом. Мои шестеро меня пропустили довольно вежливо. Плыла я со включенной трубкой, и того, который тащил Валерия, догнала, в общем, быстро. И тут получилось совсем интересно: трое обогнали меня и поплыли с тем, а остальные трое шли за мною,

но на приличном расстоянии. Попробуй я отвернуть, они, может быть, и напали бы, а так только сопровождали. Как будто они того же хотели, что и я — словно в гости к себе приглашали...

— А потом?

— А потом они подтащили Валерия к этой самой норе... Он не пролезал — расширили вход, втащили Валерия в нору, и я направилась за ними. И они меня пропустили очень спокойно, разрешили подойти к Валерию и быть рядом с ним. Но я почувствовала, что в норе этой мы долго не протянем: циркуляции воды нет, дышать будет нечем... Попыталась выйти и Валерия вытащить, но один из них остался у входа и выпускать нас вовсе не собирался. А пока я раздумывала, что принять, тут и вы подошли.

— Ладно, — сказал Эдик. — Мы почти дома. Внимание...

На недалеком подводном горизонте уже возникло новое зарево, и это был наконец океанический отряд. Ажурные конструкции широким кольцом охватывали большой участок дна — ему предстояло вскоре, в результате искусственно вызванного и строго регулируемого извержения, подняться над уровнем моря и дать начало новому острову. Он станет еще одним в длинной цепи, назначением которой было изменить направление морского течения и дать новую опорную базу для освоения и прочной колонизации еще более значительных морских глубин, и со всем этим стать новой территорией для жизни и счастья людей, привыкших жить у моря.

Этим и занимались океанисты-архипелагисты — работники одного из крупнейших ответвлений океанической промышленности, в которой их отряд был очень небольшой, а корабль — совсем уж исчезающе малой величиной. Но задача экипажа — разведка участков для строительства новых островов и наблюдение за сохранением безопасных условий работы под водой — была значительно больше, чем сам этот крохотный по сравнению с океаническими подводными лайнерами кораблик. Поэтому люди с разведчика пользовались почетом, и когда лодка, поднявшись чуть выше над поверхностью огромного ребристого купола и, скользя затем вниз, вошла в гостеприимные ворота своего эллинга, встретившие ее радостно улыбаясь и приветствовали, как приветствуют друзей.

Мощные компрессоры выжали воду из эллинга; стало возможно выйти из рубки и по сухому мостику, а затем — по широкому эскалатору спуститься в расположение отрядного центра; дома в этом городе помещались ниже порта.

Но члены экипажа не торопились. Они ждали, пока к порту подлетят санитарные тележки. Их было три — новенькие, и в одной из них что-то даже поскрипывало, так давно она не была в работе, что еще и не успела обкататься. Двух человек вынесли и положили на тележки, а когда санитары отправились за третьим, он сам показался в люке и, пошатываясь, вышел им навстречу.

Люди, наверное, еще плохо знали Седого, если думали, что он, пока жив, может на носилках покинуть свой корабль. Он постоял в рубке, пошатываясь, затем сделал несколько шагов к выходу — и каждый шаг был все более уверенным. На мостике он выпрямился и провел ладонью по волосам.

— Все в порядке? — спросил он у Эдика и выслушал столь же краткий ответ. — Добро. Проводите их до больницы, потом команда может быть свободной — в обычных пределах. Я иду докладывать.

Получившие вторую порцию инъекций, окутанные мягкими и прохладными лентами гипотермических бинтов, чье назначение — понизить температуру тела, замедлить кровообращение и предотвратить распространение возможной инфекции, двое все еще были без сознания. Срочно вызванный врач вздохнула, глядя на Валерия, на это красивое, но сейчас неподвижное тело, равнодушно скользнула взглядом по склонившейся над пострадавшим Инне, по ее гибкой спине и коротко стриженным волосам, и тронула рукой свою высокую и красивую прическу. Затем она решительно отстранила Инну. Носилки катились на бесшумных катках, врач шла рядом, то и дело поправляя торопливо наложенный и сползавший с правого предплечья бинт и каждый раз при этом поднимая осуждающий взгляд на Инну, словно бинтовать его могла единственно эта женщина. Инна шла по другую сторону носилок, и в ее глазах было лишь так и не исчезнувшее выражение усталости.

Одному следовало остаться в лодке, остался Эдик. Не потому, что у него не было друзей в отряде. Но они были здоровы и сейчас наверняка заняты. Инна ушла проводить Валерия в больницу. Наверное, в отряде были и другие девушки, но Эдик, пожалуй, не мог бы утверждать этого определенно.

Он остался в лодке, потому что она тоже была его другом из самых закадычных; другом, с которым он разговаривал много и душевно. И сейчас именно этот друг нуждался в помощи больше остальных: ведь нижний люк барока-

меры все-таки не открылся вовремя. Этим лодка подвела товарища, и даже очень серьезно, и чуть не подвела остальных. Почему? Эдик не верил в вину корабля, он знал, насколько этот его друг слаб и уязвим, и водитель решил прежде всего убедиться во всем.

Насвистывая, как всегда, когда он оставался наедине с лодкой, Эдик переоделся в старенький ремонтный комбинезон. Взяв инструменты, спустился в барокамеру и тщательно осмотрел обе створки нижнего люка. Он прикасался к ним нежно, словно к телу больного, но иногда нажимал и дергал сильно; так делает врач, чтобы узнать, какую боль ощущает здесь пациент. Успокаивая лодку, Эдик негромко бормотал всякую чепуху.

Здесь все оказалось в порядке; причину, по которой лодка в решающий момент запнулась при выполнении положенных действий, следовало искать в другом месте. Единственное, что водитель нашел в барокамере, был кусок клешни, отрубленный створками люка у наиболее рьяного преследователя Сандро. Это было что-то слизистое и измочаленное, похожее на до предела изжеванную палку. Эдик покачал головой и отложил трофей в сторону.

Потом он поднялся выше. Осторожными, плавными движениями раскрыл кожух, за которым находились моторы, трансмиссии и реле, управлявшие барокамерой — ее люками, давлением воздуха и контролем. Две или три минуты он стоял молча, ощупывая механизм взглядом, прежде чем коснуться его пальцами.

— Вот грязная скотина, — сказал он наконец и с досадой постучал пальцами по кожуху. Металл загудел будто с обидой.

— Да не ты — молчи уж...

Уверенно, как хирург, Эдик сунул руку в глубину механизма. Когда он вынул ладонь, пальцы оказались черными.

— Такое бы масло ему к завтраку. Чем проверять, он пошел с ней навстречу...

Эдик умолк, словно сказал лишнее.

— Ну и не наше дело. А как у тебя с контролем давления?

Он присел на корточки и снова погрузил руку в недра машины.

— Конечно, ты не сработал: при таком датчике давления... Сигнал просто не дошел до автомата. Ты и заблокировал...

666 Эдик закрыл глаза; работали только руки.

— Как только ты закрыл люк? Тяга-то полетела: Сандро порвал.

Он помолчал.

— Сандро хоть спасал людей...

Он снова стал вытирать пальцы.

— Это так ты отдыхаешь?

Эдик резко повернул голову, потом медленно поднялся с колен.

— Ну, так... Проводила?

Инна кивнула.

— Погуляла бы еще, — сказал Эдик. Как можно более небрежным движением руки он закрыл кожух.

— Неохота, — тускло сказала она.

— Тогда отдыхай.

— Лягу спать... чуть позже. Здесь что-нибудь не в порядке?

В ее голосе Эдику послышалось что-то похожее на волнение. Он миг помедлил.

— Все в порядке. Как там Сандро?

— Так же.

Они помолчали: Эдик медленно вытирал пальцы — каждый в отдельности.

— А почему ты не спросишь — как Валерий?

Голос ее чуть дрожал. Эдик пожал плечами.

— Наверное, хорошо. Как же еще?

— Почему, почему вы все так?..

Эдику стало жаль ее.

— Мало ли что — мы. Тебе виднее.

— Он хороший. Смелый. Только...

Эдик подождал, но Инна не окончила фразы.

— Иди отдыхай, — повторил он.

— Там, на подземной станции, он спас людей, когда отказали охладители.

— А кто там заведовал охладителями?

Инна промолчала.

— Я посижу здесь, — сказала она после паузы.

— Почему здесь?

— Так.

Эдик вздохнул.

— Ладно, — согласился он и подумал, что при ней вычищать всю грязь, скопившуюся в механизме управления барокамерой, пожалуй, не стоит. Лучше подождать, пока она уйдет. Сейчас лучше заняться чем-нибудь другим. Хо-

рошо бы отдохнуть, но пока вся работа не сделана, отдыхать невозможно — это Эдик давно знал по себе.

— Ну ладно, — проговорил он и вспомнил о перекушенной клешне. Вот хорошо — искать работу не придется, она сама плывет в руки.

Он опустился в камеру за обломком, безгловно ухватил его кончиками пальцев и направился в лабораторию. Проходя мимо Инны, он покосился; она сидела, глядя на закрытый кожух — на заведование Валерия.

«Ну, и ладно» — сказал Эдик на этот раз про себя.

Отрезав в лаборатории несколько кусочков противно слизистой клешни, Эдик положил их в приемники: анализатора запахов — для составления картины; спектроскопического анализа — для выяснения химического состава; электронного микроскопа с автоматической фотокамерой — для фотографирования структуры тканей и в разные другие приборы. Остаток он сунул в биованну, присоединил шланги и фидеры и включил селекторный механизм, который будет теперь подбирать растворы и комбинации электротоков, чтобы ткань, отделенная от организма, все же ожила и показала, на что она способна.

Сделав все это, он прильнул к окуляру спектрографа, делая кое-какие записи для памяти. Здесь не было ничего неожиданного. Неожиданной оказалась лишь сухая дробь, внезапно раздавшаяся из того прибора, от которого он меньше всего ожидал активности. Эдик презрительно взглянул на ошибавшийся прибор и снова задал весь цикл анализа. Прибор подчинился Эдику, как подчинялось все на лодке, и все же затрещал вновь. Выражение снисходительности исчезло с лица водителя. С минуту он раздумывал, вытянув губы трубочкой, потом покачал головой, вынул из спектроанализатора барабанчик с пленкой и заложил его в проектор. Затем кивнул, словно нашел именно то, чего ждал.

— Эге, — сказал он и слегка присвистнул. — Похоже, что здесь основательное месторождение. А я уже собирался идти ругаться с атомэнергетиками, чтобы они не теряли, где попал, свое горючее.

И в самом деле. Вода в ущелье обладала повышенной радиоактивностью, а это, на худой конец, могло означать, что именно здесь потерян контейнер с атомным горючим. Это случилось давно, Эдика еще не было на свете, да и сама океаника была еще очень молода, и на подводных стан-

циях еще устанавливались атомэнергетические реакторы. Тогда-то однажды и произошла авария, в результате которой был потерян один маленький контейнер. Его искали, но не нашли; было решено, что он во время сопровождавшего катастрофу взрыва двигателя разлетелся на мелкие кусочки вместе с горючим. Да и все данные указывали, что это именно так и произошло: был найден даже осколок стенки. Участок был объявлен угрожаемым, но через несколько лет, когда при самых тщательных исследованиях никакой радиоактивности не было обнаружено, запрещение плавания в этих местах сняли. Даже тогда еще Эдика не было на свете... Сегодня, когда Седой сказал о повышенной радиоактивности, Эдик решил было, что контейнер или его начинку могло забросить в эту пещеру, о которой люди до сих пор не знали; самые неожиданные открытия нередко делаются на пороге собственного дома.

Но раз повышенной радиоактивностью обладают не только вода, но и останки многоногов, значит, дело обстоит совсем не так. Радиоактивность клешни намного больше, чем окружающей воды. С другой стороны, лет прошло много, горючее было из серии кратковременных, с того времени минуло уже три, а то и три с половиной периода полураспада. То горючее не могло стать причиной такой сильной радиоактивности. Значит... Значит, где-то вблизи должно было располагаться немалое месторождение радиоактивных элементов. Потому что, судя по данным анализа, бывший владелец клешни постоянно подвергался довольно сильному облучению.

Месторождение? Почему же его до сих пор не обнаружили гидрогеологи?

— Интересно... — пробормотал Эдик, — Интересно... — Он широкими шагами направился к трапу, поднялся в рубку и склонился к видеофону, уже включенному связистом эллинга в отрядную сеть.

Он набрал номер.

8

Через несколько минут изображение Эдика погасло на экране аппарата, находящегося на другом конце провода. Огромная, с толстыми, поросшими кустиками волосков пальцами, рука повернула выключатель в то время, как глаза великана обратились к сидевшему напротив Седому.

Успевший проводить больных и убедиться, что в больнице все в лучшем, самом океаническом порядке, успевший даже выслушать обычные для таких случаев заверения врачей, что будет сделано все, что только возможно (заверения правдивые и ни к чему не обязывающие), и даже простить ради этого врачу ее высокую прическу, которую, по его мнению, можно было носить в институте красоты, но никак не среди океанистов, седой командир разведывательного кораблика полулежал сейчас в длинном и широком кресле в кабинете начальника отряда. Слова встречи были сказаны, все, о чем следовало доложить, — доложено. Теперь, выслушав сказанное Эдиком по видеофону, Седой задумчиво покачивал головой. Начальник отряда кашлянул, и на его плосковатом лице, на котором вместо усов росли какие-то чахлые пучки волос, а больше никакой растительности не было вовсе, явственно проступило беспокойство.

— Так как же это вы, а? — спросил он, и на лице Седого возникло выражение смущения, словно именно он был виноват в том, что по соседству с районом отряда появились эти твари, вредоносность которых, как выяснилось, отнюдь не ограничивалась уничтожением дельфинов. — Как же это ты, Семен? — повторил начальник отряда. — Человек у тебя в опасности, другой — черт знает что, чуть не гибнет, понимаешь... Гибнет, а? Да и все вы чуть не застряли в мышеловке... Что же ты?

Седой знал, что вопросы эти нужны начальнику в основном для того, чтобы собраться с мыслями, подумать, что делать в дальнейшем, потому что и то, что случилось, и степень вины в этом командира лодки были начальнику отряда уже ясны, и выводы где-то в этом массивном, блестящем черепе успели сформироваться. И все же он начал отвечать, загибая пальцы.

— Во-первых, выход наверх был чисто формальный — для протокола, проверка береговой линии, да и то — выборочная. Кто мог предполагать, что именно там произойдет эта встреча и что произойдет она именно так? Во-вторых, ребята сначала прямо рвались на эту проверку. Как-никак — всякому хотелось погулять по суше... А особенно Инна просилась, и этот — пострадавший.

— Пострадавший, — недовольно прогудел начальник. — Любовь... Вот работаем с тобой здесь, здесь живем, хорошо, ни дождя, ни жары, работы интересной по гор-

ло, что еще нужно? А любить все равно все стремятся на сушу, к солнышку... Инстинкт, что ли, не пойму.

— Возможно, что инстинкт, — ответил Седой. — Солнце — это все-таки неплохо. Сейчас-то здесь хоть свет по составу хорошо подобран. А в самом начале помнишь?

— Помню... Смешными мы были в те времена.

— Смешными... — согласился Седой. — Забываются эти дела, но не до конца.

— Ладно... А у этих... многоногов — тоже инстинкт. Они-то зачем к солнцу?

Седой пожал плечами.

— У них электрический заряд. Может быть, им нужно солнце, чтобы зарядиться?

— А эта радиоактивность откуда? Из окружающей воды? А в воде она ни с того ни с сего откуда взялась? Твой водитель вот предполагает, что поблизости должно быть месторождение. И просит пощадить многоногов. Чтобы заставить их помогать в разработке. А?

— Месторождения быть не может, — помотал головой Седой. — Мы с тобой это знаем. Помнишь, как геологи здесь работали?

— Работали на совесть, — согласился начальник. — И я думаю, что не месторождение. Значит, что же? Он думал сначала, твой водитель, что, может быть, тот контейнер. И многоноги ни при чем.

— Об этом тебе лучше знать, — сказал Седой. — Меня в том районе не было.

— Мне лучше знать. Он напутал, твой парень. Авария-то тогда приключилась в двадцати милях отсюда. Да, контейнер был разорван, это мы точно установили. Тогда запретили для работ район радиусом как раз в двадцать миль — вот этот уголок и включили в запрет. А горячее попасть сюда никак не могло...

— Ну не могло, и дьявол его побери, — согласился Седой. Он поднял голову, глядя через прозрачный потолок вверх — туда, где тоже за прозрачной стеной накрывающего город купола стояли, в задумчивости рассматривая необычный мир, глазастые рыбы. По эту сторону купола летали птицы, и, встречаясь глазами с обитателями моря, впадали в страшное беспокойство и с тревожным криком бросались прочь. Впрочем, самые самоотверженные из них уже долбили клювами по пластику, стараясь добраться до кое-где присосав-

шихся к куполу актиний, и невозможно было доказать птицам всю бессмысленность этих попыток...

— Так что ж делать будем? — спросил начальник отряда.

— Не знаю я, — с некоторой даже ноткой раздражения ответил Седой, и это значило: ты начальник, вот и решай. А я что ж, я выполняю...

— Нервочки, — сказал начальник. — Нервы, Семен. Под водой и в воде ты... ну да, пять с лишним десятков. А всего тебе...

— Сколько и тебе, — буркнул Седой.

— Семьдесят три. Перевал. Пора и тебе садиться в кресло.

— Думаешь?

— Что ж тут думать? Судьба наша... А разве я был плохой разведчик? — Он выпятил необъятную грудь, широко распахнул руки. — Неплохой, говорят. А ушел прежде тебя. Судьба.

— Судьба, что тебя поломал кальмар.

— Поломал — склеили. Но — ушел. А кальмар этот, между прочим, был последний неусмиренный в истории. А больше никого и не осталось. Только вот ты теперь подбавил.

— Да. Что ж, если ты говоришь, — пора...

— Пора. Зрение, нервы... годы. И потом — молодым надо молодого командира. Вот хотя бы твой водитель.

— Это я и сам знаю. Пора, говоришь...

— Да ты и сам чувствуешь.

— Временами чувствую.

— Что ж, хороших глубин твоему Эдику, прозрачной воды.

— Только эта операция — еще моя. Этих ты у меня не отнимай. Их надо уничтожать. А ты ведь помнишь — я умел...

— Помню.

— Да. А эти ребята — не надо им мараться в такой грязи. Их дело — строить. Уничтожение — не для них.

— Вот как? А помри мы с тобой годом раньше?

— Ну и хорошо, что мы не померли, — сказал Седой. — Эти твари уже окончательно будут последними. Разве что нашествие из космоса случится, но такого, кажется, не предвидится. Значит, и привыкать ребятам не к чему.

— Что ж, возможно, ты прав. Не обещают нам нашествия. Ладно, операция эта — твоя. Только не совсем. Не исключительно твоя, точнее. Потому что если... Анализы? Давайте сюда!

Он на минуту умолк, склонившись над бланками и пленками. Встав с места, Седой подошел к нему и стоял, глядя через его плечо.

Видишь? Все точно. Вот почему это не только твоя операция. Будь все нормально — пошел бы ты, выпустил бы в этом ущелье баллонов пять «усмирителя» в концентрации, скажем, в пять сотых, и они стали бы шелковыми. На людей бросаться бы перестали, мы бы их изолировали — на то и заповедник, — и такой бы тут начался пир науки...

— Да, идиллия. А сейчас?

— А сейчас придется их уничтожить. Безжалостно! Хотя нас от этого и коробит, ничего не поделаешь. Раз у них до такой степени повышена радиоактивность, раз в составе тканей имеется плутоний — вот он где, видишь? — значит, они угрожают нам своим существованием, а не только клешнями. А угрозы мы не потерпим.

— А может, их все-таки сумеют использовать металлурги?

— Думаешь? Не верится, но все же свяжемся с ними, ладно. Побережем совесть. И с гидрогеологами. У них есть результаты последнего нейтринного просвечивания. Но если они убедительных данных в защиту не приведут, то — беспощадно. Ничто не должно угрожать человеку.

— На том стоим. Ясно.

— Так вот, Семен, в таком случае пойдет с вами Хабаров на своем корабле и Мезенцев — на своем. Устроим небольшой аврал... Возьмите с собой что следует. Баллоны с синей полосой. И дадите полную концентрацию.

— Не думал я, что сохранились у нас такие баллоны.

— Как видишь... Я запасливый.

— Если течение прорвется из пещеры, отравим рыбу.

— Я договорюсь с электроловом, он ее уведет. Вот такая схема. Могут быть уточнения.

— Понятно. А с кем ты пойдешь?

— А с чего ты взял, что я пойду? Ну ладно, не скаль зубы. С Хабаровым. Пошел бы с тобой, но столько стариков на одной лодке — это уж чересчур. Наверное, из ученых тоже кто-нибудь захочет. Того посадим к Мезенцеву. Ну, вот и все, пожалуй. Выход — через четыре часа. Твои все отдыхают?

— А, конечно, — сказал Седой. — Что им еще делать?

— Чтобы были как огурчики. Потому что работы, чувствуется, будет немало. А откладывать мы тоже не можем: в таких случаях лучше поторопиться, чем промедлить. Хотя уничтожить радиационную опасность никогда не бывает слиш-

ком рано. А твой парень молодец: не натолкнись он на это — мы бы, пожалуй, отложили на денек-другой.

— Он молодец.

— Да... Ну, ты свободен. Подготовку закончить засветло.

9

Было темно, и лучи прожекторов ослабевали и иссякали уже в нескольких десятках метров, упираясь в как будто бы утратившую прозрачность воду. По бортам и сзади царила призрачная ночь; только по временам желтоватые, зеленоватые, красноватые огоньки то вспыхивали, то угасали, и было трудно определить расстояние до них, которое могло равняться и сантиметрам, и многим метрам. Впереди не было ничего. Затем показалось, что там все же что-то есть: ночь сгустилась, а количество красноватых огоньков в ней внезапно увеличилось. Сидевший в шестом кресле небольшой, полный, как будто все время дремавший человек сразу широко раскрыл глаза и всем телом подался вперед, оглядываясь.

— Это они? Глаза? Это свечение... Да ну, как же вы не видите! Очень интересно. Совсем необычно! Как жаль, знаешь ли, что вы не провели сколько-нибудь систематических наблюдений над ними. Даже не позаботились получить хоть один неповрежденный экземпляр — нехорошо... Строение, образ жизни — все это, дорогой мой, помогло бы установить хотя бы их происхождение — очень важно, очень...

— Не до того было, — проворчал Седой.

— Очень жаль, дорогой. Потеря для науки. Полезу сам. А?

— Я тебя, Автандил, не выпущу. Съедят.

— Ну, такое старое мясо... Нет, послушай, в самом деле. Такие любопытные представители фауны средних глубин...

— Нет, нет. Откровенно говоря, Автандил: какой уж ты теперь пловец!

— Правда, дорогой, — сказал толстяк и захохотал. — Какой я теперь пловец, а? Ах, какая правда... Ну пусть кто-нибудь другой попробует достать экземпляр.

— Это не шутки, Автандил, выходить здесь.

— А я не шучу, — сощурился Автандил. — Разве с наукой шутят? Надо достать, дорогой.

— Не знаю. Да и кого послать?

— Валерий пошел бы, — тихо сказала Инна.

— Я, — сказал Эдик.

— Ты? — Седой покачал головой. — Ты ведь не отдохнул даже: я видел, возился в барокамере...

— Разве там не все было в порядке? — удивилась Инна...

— Все, все, — с досадой произнес Эдик. — Я пойду.

— Гм... А может, не надо, Автандил?

— Ты даже не знаешь, как надо.

— М-да... Что ж, иди, Эдик. Снарядись как следует.

— Угу, — сказал Эдик, поднимаясь. Инна смотрела на него, но он не оглянулся.

Тогда она повернулась и стала глядеть сквозь купол.

Три разведчика уже вошли в ущелье. Раздвигая бортами плотные заросли глубоководных растений, они преодолели завесу и неслышно вступили в свободную воду. Огни были выключены, но водителям не приходилось слишком перенапрягаться. Электронный штурман на разведчике Седого уже зависал весь путь, пройденный лодкой по пещере, и теперь безошибочно вел корабль, за которым следовал разведчик Хабаров и базовый разведчик Мезенцева.

Каждый из них имел свою задачу. Первым выключил двигатель Мезенцев. Его корабль, самый большой и мощный, замер в неподвижности неподалеку от выхода. Мезенцев должен был начать атаку именно отсюда.

Еще через несколько минут начал отставать Хабаров. Он должен был оставаться примерно в середине доступной части пещеры. Корабль же Седого ушел в самый конец, туда, где почти смыкались стены, и между каждой стеной и бортом с трудом мог бы протиснуться человек.

Было тихо, и в рубках звучали лишь приглушенные голоса переговаривавшихся по подводной связи командиров кораблей. На экранах гидровизоров было видно, как уходят из прилегающего к пещере района последние косяки и большие одинокие рыбы, как медленно плывут они все в том же направлении — прочь отсюда, туда, куда манили их непонятные и все же притягательные сигналы судов электролиза. Но на этот раз корабли вышли не для того, чтобы выловить разом всю рыбу, обитавшую в заповедных водах (да это никому и не было под силу), а лишь затем, чтобы увести стада морезителей от беспощадного действия вещества, которое хранилось в изготовленных к действию баллонах с синей полосой.

Бесшумно, как хорошо пригнанные и смазанные шестерни, вращались минуты. Никто не двигался с места, но все ясно представили себе, как, дождавшись, пока по-

следняя рыба, неслышно скользя в тугой воде, ушла из района действия, экипаж «Нарвала», корабля Мезенцева, действуя забортными манипуляторами, растягивает прочную сеть и, медленно продвигаясь от одной стены пещеры к противоположной и затем ото дна к потолку, запирает выход, чтобы ни один многоногий хищник не ушел от предназначенной ему участи. Прошло более четверти часа, пока тихий, как в присутствии спящего голос Мезенцева оповестил остальных о том, что первая задача выполнена.

Все было готово к бою. Водители положили ладони на переключатели прожекторов, командиры — на рычаги, управлявшие уже спущенными за борт баллонами. Остальные члены экипажей были готовы смотреть во все глаза и оповещать о каждом замеченном противнике, как только будет включен свет.

Ждали лишь команды Седого, которому было доверено руководство операцией. Но он медлил, опустив голову. Возможно, давать сигнал к уничтожению, хладнокровному, не в пылу схватки, хотя бы и заведомо вредоносных существ, было все-таки нелегко. А может быть, он просто вспоминал, все ли сделано для того, чтобы в корне исключить возможность хотя бы частичной неудачи.

— Что ты тянешь, Семен?

Седой усмехнулся нетерпению начальника. А куда, собственно, торопиться? Подождите, оцените, запомните этот момент, навсегда запечатлейте его в своих душах — момент перед началом последней в истории планеты битвы на уничтожение. Запомнили? Теперь пора.

Раздалась команда. Три корабля в разных местах пещеры одновременно брызнули потоками света. Отражаясь от гладких бортов, преломляясь в прозрачных стенах рубок, в толстом слое воды, свет прожекторов озарил пустое ущелье. Нигде не было видно ни одного живого существа. Не стало даже тех многочисленных отверстий в стенах, в которых селились радиоактивные многоноги. Что это значит? Они покинули ущелье? Но взять с собой норы они же не могли... Или?.. Да, очевидно, так: инстинкт или что-то другое предупредило их о той опасности, которую несли с собой огромные тела кораблей, и они, отлично различив эти тела в темноте, успели защититься.

Но как? Закрыли, замазали, забаррикадировали отверстия своих нор, и теперь отсиживаются там в ожидании, пока неизвестные покинут их воды?

Может быть, так, возможно, и нет. Но так или иначе, сути дела это не меняло. Все равно, сейчас будут опустошены баллоны, корабли уйдут и снова поставят сеть. Некому станет раздвинуть стену из водорослей, и в пещере не возникнет никакого течения, которое могло бы вынести отравляющее вещество наружу и растворить его в океане. А рано или поздно многоноги покажутся из своих нор... Придется просто не снимать наблюдения за выходом из пещеры в течение нескольких суток.

Оставалось дать команду на открытие баллонов. И Седой уже поднял руку, чтобы просигналить самому себе, как вдруг толстый Автандил схватил его за кисть руки с такой неожиданной силой, что Седой не удержался от крепкого слова.

— В каюту! — разъяренно сказал он затем. — Немедленно в каюту, и сидеть там до окончания операции.

— Брось, дорогой, — сказал толстяк. — Ты лучше посмотри вот на это. Видишь?

Он приставил руку козырьком к глазам, а вторую вытянул вперед, указывая пальцем на что-то. Седой взгляделся. Кто-то сзади кашлянул, но представитель науки яростно замахал рукой, словно требуя полного молчания.

В пещере по-прежнему не было ничего. Впрочем, нет — что-то покачивалось в воде, какой-то шар или клубок водорослей, размером не больше крупного яблока. Он медленно проплывал на расстоянии трех-четырех метров от рубки, направляясь к выходу из пещеры, словно следовал за покинувшими эти воды рыбами. Это не было живое существо, и оно никак не могло плыть само...

— Течение... — хрипло сказал Седой. — Кто-то все-таки раздвинул водоросли. Течение к выходу... Оно в два счета вынесет все наши микстуры в открытое море...

— Течение, — пробормотал ученый. — Вы не представляете себе, откуда идет это течение... Если только я не ошибаюсь...

Неожиданно быстро он привстал, дотянулся до пульта подводной связи и повернул ручку настройки. И из ультразвукового приемника в рубку хлынули свистящие точки и тире. Все вслушались. Медленно плывя к выходу, странный шар передавал только одну цифру: три.

— Что это значит? — спросил Седой.

— Зонд номер три? — пробормотал ученый. — Теперь мне все ясно. Больше не имею к вам никаких претензий. Действуйте.

— Легко сказать... — проворчал Седой. — Раз они успели раздвинуть свои занавески из водорослей, вся операция может сорваться, если только мы не найдем способ прекратить ток воды. Но один занавес еще не остановит течения. Здесь оно вытекает, а откуда берется?

— В данном случае, очевидно, с того конца, — сказал ученый.

— По-вашему, там может быть обширный туннель?

— Нет, — вмешался Георг. — В тот раз я успел прошупать локатором. Пещера кончается узким лазом. Возле него — большой камень.

— Ну да. Тогда они как раз возились возле камня, — вспомнил Седой. — Мне показалось, что они хотели закрыть дыру... Ну, что же — тогда все ясно. Отлично. Внимание! Эдик, слышишь меня? Придется тебе выйти сразу. В конце пещеры — лаз. Взорви там три геопатрона. Я думаю, мы засыплем этот источник течения, и тогда начнем. Ты понял? Готов?

— Готов. — Эдик в барокамере говорил негромко, как и всегда.

— Ну — пошел...

Эдик показался снизу. Медленно перебирая ногами, он двинулся в пещеру. Лучи прожекторов провожали его. Пять метров он проплыл... Семь... Десять... Напряженно следивший за ним Седой облегченно отер пот со лба.

— Ну вот, — сказал он, — все в порядке. Они не покажутся.

И в этот момент они показались.

Словно закрывавшие норы пробки все разом выбило сильным ударом — они куда-то скрылись, и вытянутые, слабо светящиеся даже в лучах прожекторов, покрытые слизью тела стремительно вылетели в узкий коридор пещеры.

Дальше все смешалось в кучу, лучи света дробились и металась в волнующейся воде, тончайший песок медленным облаком поднимался со дна... Ученый смотрел во все глаза, затвор его камеры щелкал беспрерывно, запечатлевая неизвестных в самых различных ракурсах и положениях. А их становилось все больше, словно в норах жило неисчислимое количество их, и уже невозможно было разглядеть, где среди этих мечущихся тел Эдик... Был миг, когда казалось, что он так и не появится, но он появился.

Он вылетел из кучи, словно вышвырнутый пружинной. Реактивная трубка в его руках ходила из стороны в

сторону, и тянувшиеся к Эдику клешни, обожженные мгновенным пламенем, бессильно повисали. Но их место занимали новые, и пловцу снова приходилось включать трубку.

Каждое такое включение давало его телу толчок назад, и было бы очень хорошо, если бы эти толчки помогали ему продвигаться в сторону корабля. Однако ему удалось выбраться из сутолоки не в том месте, которое было бы наиболее выгодным, и теперь каждое включение двигателя не приближало, а отдаляло человека от спасительной барокамеры. Казалось, он и сам не стремился побыстрее спастись, а хотел прежде лишь выманить на себя как можно больше этих тварей, чтобы облегчить предстоящее.

Лишь когда горючее в резервуаре трубки Эдика стало кончаться, он взвился на несколько метров вверх, и там круто изменил курс, устремившись к кораблю. Преследовавшие его твари завертелись на месте, а когда увидели наконец преследуемого, он был от них уже на таком расстоянии, что погоня за ним была бы безуспешной.

— Ты оторвался, Эдик, друг мой, — кричал в микрофон Седой, размахивая свободной рукой и топая ногами. — Ты оторвался, не оглядывайся назад, им не перехватить тебя, держи прямо на корабль!

Эдик слышал его, потому что на этот раз, наученные опытом, они использовали не радио, которое совершенно заглушали помехи, вызванные радиоактивностью воды, а подводную связь в звуковых частотах. Он несея к кораблю, выжимая из реактивной трубки-двигателя последние крохи горючего. Когда оно иссякло, Эдик отбросил трубку и поплыл. Торопливо работая ластами, он смотрел на приближающееся тело лодки, а все в рубке смотрели на него и видели, что хотя движения уставшего пловца все замедляются, оставшиеся ниже и позади чудища уже не в силах достать Эдика, и через какие-то секунды можно будет ударить по ним двигателями.

И тогда сверху свалилась тройка. Забрались ли они заранее в верхние горизонты пещеры, находились ли их норы над остальными — этого нельзя было сказать, да и какая разница... Даже Седой не успел выкрикнуть ни слова — он издал только нечленораздельный вопль, и когда крик этот дошел до изнемогавшего пловца, он не успел даже повернуться к излетчикам и принять более выгодное положение.

Из рубки было отлично видно, как тело Эдика внезапно затрепетало и конвульсивно дернулось раз, дру-

гой и третий: это говорило о том, что ни один из нападающих не пожалел своего электрического заряда... Затем цепкие клешни впились в человека, и Седой застонал, словно эти зазубренные ножницы врезались именно в его тело, а Инна закрыла лицо руками.

Фигуры двух подоспевших пловцов с корабля Хабарова показались рядом. Расправа была короткой, хищники даже не успели занять оборонительной позиции. Пока их тела, изувеченные огненным ударом реактивных трубок, медленно опускались на дно, пловцы, подхватив Эдика, уже достигли корабля.

И тогда разом заговорили двигатели. Их гром, многократно отраженный от стен пещеры, врывался в рубки и заставлял затыкать уши. Сидя в водительском кресле, Седой, стиснув зубы, резким движением переводил рычаги и переключал рули, но не позволял кораблю отклоняться от намеченной линии, и, разведчик, извергая все новые и новые огненные стрелы, подходил все ближе к середине пещеры — к точке, к которой стремились, гоня перед собою массу врагов, и остальные два корабля. Языки огня пресекали всякую попытку вырваться из огненного кольца в сторону, вниз или вверх, потому что лодки шли на разной глубине, и каждая из них полностью перекрывала свой горизонт огнем. Седой все прибавлял и прибавлял мощность, чтобы ни один не ушел из этого ущелья. Он прибавлял мощность до тех пор, пока его не привел в себя крик начальника отряда:

— Да хватит, Семен! У тебя не останется горючего вернуться в отряд. Все уже, отбой! Они уничтожены...

Тогда Седой закрыл глаза, медленно, словно нехотя, потянул рычаги, возвращая их в нейтральное положение. Громы утихли. Песчаные облака медленно, очень медленно оседали на дно, погребая под собой уничтоженных врагов.

Возле отверстий, ведущих в норы, уже суетились вышедшие в воду пловцы. Баллоны в их руках послушно выбрасывали отмеренные порции отравляющих веществ. Течение остановить так и не удалось, и приходилось обрабатывать каждую нору в отдельности.

Потом корабли повернули к выходу из ущелья. Седой механически прикоснулся к рычагам, и его разведчик, на этот раз ставший концевым, послушно следовал за остальными задним ходом. На этот раз корабли могли не делать в пещере фигур высшего пилотажа: выход был подготовлен.

Тишина стояла в рубке. Все знали, что Эдик в барокамере не подавал никаких признаков жизни. Словно тень смерти вошла в рубку и утвердилась на пустом кресле... Седой передвигал рычаги и думал о том, что человек, который должен был стать командиром, так и не успел ни одного дня покомандовать кораблем, и Седой жалел, что слишком поздно решил предоставить ему такую возможность. Да, наверное, уходить надо вовремя.

Но ведь не только же в этом дело?

— Хотел бы я знать... — сказал Седой и даже зубами скрипнул. — Хотел бы я знать, кому мы этим обязаны. Тем, что нам снова приходится заниматься уничтожением. Тем, что у нас снова погибают люди. Происходит все то, от чего даже мы, старики, отвыкли, а молодые и вовсе никогда не знали. Хотел бы я знать, и тогда...

— И тогда, — вступил в разговор ученый представитель, — и тогда мы с тобой ничего не смогли бы сделать, кроме того, что уже сделали. А кому мы этим обязаны, это я могу сказать и сейчас.

— Не быстро ли? — недоверчиво спросил Седой. — Когда мы шли на операцию, ты знал куда меньше меня.

— Больше, мой дорогой, — сказал Мукбаниани. — Только не было связующих звеньев, а теперь они возникли. Помог наш третий зонд, это течение и, знаешь ли, еще разные обстоятельства. Да, теперь я могу вам сказать.

— Тогда я доберусь до них... — мрачно процедил Седой.

— Нет, — сказал ученый. — Поздно. Они умерли гораздо раньше, чем мы родились на свет...

— Да, — помолчав, продолжал он. — Нас с вами еще на свете не было, когда люди изготавливали атомные и ядерные бомбы. Но мы не забыли, что когда-то люди топили так называемые радиоактивные отходы в океане. Не говоря уже о том, что порой они теряли и самые бомбы... Нет, нет, вовсе не здесь. Довольно далеко отсюда. Мы постоянно проверяли степень опасности в этом районе, но ничего угрожающего не было, пока некоторое время тому назад нам не попало существо, похожее вот на этих, ваших... Мы предупредили вас и занялись делом всерьез, хотя и не все считали, что есть смысл: через столько лет... И нашли, что примерно из того района куда-то уходит неширокий туннель. Не исключено, что он имеет выход, решили мы. Но исследовать его человеку было невозможно. И мы прибегли к помощи зондов. Ожидалось, что если туннель сквозной, то рано или поздно зонды обнаружатся, кто-нибудь примет их сигналы.

— Понимаю, — кивнул Седой. — И вот сегодня...

— Да. Трудно сказать, сколь долгое время течение несло сюда радиоактивные воды. А что происходило затем — вам, океанистам, нет надобности объяснять. В устье туннеля жили крабы — самые обычные крабы. Возникли мутации под влиянием систематического и все возрастающего облучения. С точки зрения зоологии это были всего лишь уродцы, но, я бы сказал, неплохо организованные уродцы. Они были развиты выше, чем даже дельфины, судя хотя бы по тому, что мы видели. Но, к сожалению, не только по нраву, но и по самой сущности своей представляли угрозу для нас. Такие выводы мы сделали, наткнувшись в тех водах на один экземпляр; но где живут остальные, до ваших событий мы не знали.

— Все просто, — сказал Седой горько, — все логично. Но до чего же все это... ну, не знаю, античеловечно, что ли. Если все обстоит так, как вы рассказываете, то и мы сегодня еще не можем быть гарантированы от того, что еще какое-нибудь дело, содеянное в прошлом теми, кто топил радиоактивные остатки в море, не нанесет нам удара в спину.

— К сожалению, это так, — согласился ученый. — Запомните: всегда надо думать о будущих поколениях. Потому, что подлость, сделанная сегодня и, казалось бы, похороненная, неизбежно — хотя бы через сотню лет — даст ядовитые ростки. И кому-то придется их выпалывать и жертвовать при этом жизнью.

Он умолк и погрузился в размышления.

— Мы похороним их здесь, под водой, — сказал Седой сам себе. — С почестями, как когда-то хоронили солдат, когда еще были солдаты.

Георг пошевелился в кресле слева и сказал:

— Да... Они погибли. А мы?

— Наше дело — строить острова, — оказал Седой. — Сколько бы нам ни мешал кто угодно — и здесь, и во всей Вселенной, люди всегда будут строить, а не разрушать острова.

Он протянул руку и убавил ход, купол подводного города уже показался впереди.

10

Разведывательный кораблик уходил в очередной рейс, потому что работы не прекращались, как не прекращается жизнь, сколько бы ни погибало людей.

...Они были готовы, поредевший и пополненный экипаж во главе с Седым, который остался, потому что

кто-то должен был командовать кораблем, пока старые и новые океанисты снова составят один настоящий экипаж разведчика.

...Они подошли к резервной гавани, в которой их ждала лодка. Впрочем, их ждала не только лодка. Высокая фигура отделилась от стены и подошла к нам, улыбаясь.

— Вот и я, — сказал человек. — Боялся, что не успею. Соскучились? А я выздоровел. Еще поплаваем, а? Поплаваем, только не надо падать духом...

— Гм-гм... — сказал Седой и отвернулся. — Что ж, поздравляю. Ребята, пройдемте...

Седой не любил зрелища нежных встреч. Но первой прошла Инна. Она не осталась, хотя Седой видел, как участилось ее дыхание. Что ж, скромность и сдержанность в выражении чувств украшают юность, не говоря уже об остальных возрастах...

Новый водитель был на месте и тщательно протирал белой тряпочкой и без того блестящий пульт. Все кресла были заняты, корабль был готов к выходу.

Седой отдал команду. Шлюз разомкнулся и сомкнулся за кормой. Купол отрядного городка медленно уходил вниз, оставался позади. Но все смотрели в противоположном направлении, где на невысоком, очищенном от ила подводном утесе был ясно виден темно-красный купол из блестящего пластика. Седой молчал. Новый водитель взглянул на него и чуть повернул головку руля, чтобы пройти поближе. Седой опустил веки.

Лодка поравнялась с куполом, и стала видна белая табличка на его поверхности. Все следили за ней, поворачивая головы, пока лодка уходила все дальше.

— Почему он так мало говорил? — сказала Инна, и Седой понял ее.

— Он был скромен.

— Слишком...

— Нет. Он был виден всем. И считал, что не стоит говорить о том, что ясно и так. И другие видны тоже, сколько бы они ни разговаривали.

— Он погиб... из-за других?

— Его просто убили. Из-за угла. Раньше, чем он успел родиться. В первый раз — тогда, когда топили радиоактивные остатки в Тихом океане...

— В первый?

— Я тоже виноват. Он не должен был выходить усталым.
— Конечно, он пошел зря, — сказал Валерий. — Не стоило лезть ради ерундового краба.

— Седой, — после паузы промолвила Инна.

— Да?

— У меня просьба. Всплывем там, где мы были в тот раз. У песчаного мыса. Я выйду... вдвоем.

Седой вытянул губы, грустно кивнул. Что же, почему бы и нет? Пусть.

Он отдал команду водителю. Георг и Сандро сидели с каменными лицами, глядели каждый в свой конус обзора. Выздоровевший чуть улыбнулся, но сейчас же лицо его приняло серьезное и даже торжественное выражение.

Наверху он помог Инне выйти.

— Когда, прийти за вами? — спросил Седой.

— Через час, — сказала она.

— Лучше через полтора, — сказал ее спутник.

— Через полтора, — согласилась Инна, и Седой кивнул.

Они остались вдвоем. Это было то же место, на котором они высадились две недели назад; оставленное ими снаряжение так и лежало, чуть припорошенное песком. Валерий поднял свою куртку, встряхнул ее и засмеялся.

— Такой же день, — сказал он, — и мы снова здесь. Будем купаться, да? Как я вспоминал о тебе... — Он подошел к Инне вплотную, и она ощутила на лице его дыхание.

— Ты меня любишь?

Она не ответила, лишь вытянула руку.

— Посмотри туда. Видишь?

— Конечно. Это маяк, я бывал там...

— Туда примерно час ходьбы.

— Чуть больше. А что?

— Через час ты будешь там. Туда заходят корабли. Они увезут тебя, куда захочешь.

— Я никуда не хочу.

— Но ты уедешь. Ты никогда больше не будешь плавать на корабле, на котором плавал Эдик. Не будешь в отряде, в котором был он. И я. Ты чужой нам. И плохой героизм — исправлять свои промахи, когда они уже угрожают людям.

— Да чепуха...

— Иди. Я сказала им, чтобы они задержались, только потому, что пожалела тебя. Я могла выгнать тебя и у них на глазах. И если ты не уйдешь...

— Ну, хорошо. Пусть эта работа меня не интересует — возня с барокамерой. Я остался здесь только ради тебя. Но гнать меня за это? Ты не пожалеешь?

— Может быть, — сказала она. — Прощай.

— Прощай, — процедил он.

Первую сотню метров Валерий прошел медленно, словно ожидая окрика, просьбы вернуться. Потом пошел быстрее. Берег был пологим, а песок — таким мелким, что нога тонула в нем по щиколотку, и все же Валерий шел быстро.

Инна глядела ему вслед. Потом его фигура растаяла в дрожащем воздухе, поднимавшемся от нагретого песка. Тогда она вздохнула, нашла место поудобнее, села и стала ждать корабль.

Содержание

От составителей	5
Особая необходимость	7
Люди Приземелья	150
Дальней дороги	361
Черные журавли	449
Люди и корабли	491
Среди звезд	539
Станный человек Земли	580
Пещера многоногов	622

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Михайлов Владимир Дмитриевич

Люди Приземелья

Сборник рассказов и повестей

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Компьютерная верстка: В.А. Смехов

Технический редактор Н.К. Белова

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

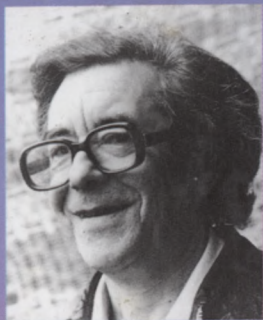
WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК

«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Признанный мастер отечественной фантастики...

Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» — и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, — и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад...

Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове.

Не верите?

Прочитайте — и убедитесь сами!

ISBN 5-17-015324-4

9 785170 153244